
RUSSKOE BOGATSTVO
1911 no. 12

ДЕКАБРЬ. 1911.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1911.

ИЗЯЩНАЯ ЛЕГКАЯ ПРОЧНАЯ. НОВѢЙШИХЪ ФАСОНОВЪ
ОБУВЬ
Н·И·БРОХИСЪ съ С-ми
ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ ОБУВИ

ЯКОРНЫЯ ПИЛЮЛИ
и ЯКОРНАЯ ЭССЕНЦІЯ
КОНГО
Ф. Ад. РИХТЕРЪ и К°
РАЗРѢШ. МЕДИЦ. СОВѢТ.
ХОРОШІЯ СЛАБИТЕЛЬНЫЯ СРЕДСТВА
ПРИ ЗАПОРАХЪ, ВОЗСТАНАВЛИВАЮТЪ
ПИЩЕВАРЕНІЕ и АППЕТИТЪ.
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ. ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
Ф. Ад. РИХТЕРЪ и К°
ПЕТЕРБУРГЪ
НИКОЛАЕВСКАЯ
16

ZEISS
БИНОКЛИ
для охоты, спорта и путешествія. Большое поле зрѣнія. Большая свѣтосила. Проспекты Т. III, выс. безпл. КАРЛЪ ЦЕЙССЪ. Спб., Казанская, и въ опт. и фот. маг.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

ГОДЪ.

(Окончаніе).

Въ субботу вечеромъ, когда всѣ возвращались съ жнива, по деревнѣ прошелъ слухъ, что пріѣхалъ урядникъ со стражникомъ за Ванькой.

Сергѣй не пошелъ туда, къ Прокофьеву двору,—ему казалось, что, пойди онъ туда, всѣ станутъ говорить, что онъ пришелъ радоваться несчастію врага, — но со своего двора онъ слышалъ, какъ поднялся на улицѣ вой, какъ пронзительно, истошнымъ голосомъ причитала старуха Ельникова и страшно, прерывисто, словно задыхаясь, кричала Татьяна.

Онъ пересталъ подправлять подкову у мерина и прислушался.

— И на кого ты меня покидаешь, солнышко наше ясное, и что будетъ только съ нами?..—причитала мать, а Татьяна кричала полнымъ, свободнымъ крикомъ, словно горло ея внезапно расширилось и захлебывалось вылетающими звуками:

— А-а-а-а-а... А-а-а-а-а... А-а-а-а...

— Бѣда... — покачалъ головою Сергѣй, морщась отъ этого дергающаго, невыносимаго крика,—вотъ ужъ бѣда, такъ бѣда...

Онъ понималъ, еще раньше догадывался, что Ванька навралъ, сказавъ, что брали его только въ свидѣтели, что отпущенъ онъ былъ на поруки къ отцу до суда, по хлопотамъ банковскаго барина и земскаго начальника, и что теперь, очевидно, пѣсня Ванькина спѣта.

— Подлецъ парень, вотъ подлецъ! — думалъ Сергѣй, бросивъ поправлять подковку. Невозможно было работать, слушая этотъ раздирающій крикъ.—Бѣда какъ дѣвку-то обманулъ, зачѣмъ женился... Ну, что она теперь?..

Онъ вышелъ за ворота и прислушался. Къ крику жен-

скому присоединился мужской голосъ; онъ тоже что-то кричалъ и ругался, неизвѣстно на кого,—на обманувшаго Ваньку или на урядника, пріѣхавшаго взять Ваньку.

Это продолжалось долго, потомъ вдругъ стихло, и слышно было только, какъ торопливо затарахтѣли колеса по твердой, сухой дорогѣ.

Сергѣй вышелъ по прогону къ улицѣ и перваго встрѣтилъ Деньку Сучкова.

— Порѣшили Ваньку-то...—со смѣхомъ крикнулъ Денька,— тю-тю, братъ...

— А ты что-жъ? Чай въ одной шайкѣ состоите-то?—съ неизвѣстно откуда вспыхнувшей злостью отвѣтилъ Сергѣй.

— Ну, ты, братъ, потише, не то за это самое...

Сергѣй вдругъ выскочилъ къ нему вплотную и, сжавъ зубы, зашипѣлъ:

— Ну, тронь, тронь, ну-ка?..

Денька испугался и попятился назадъ.

— Чего ты, бѣсъ, эва бѣсъ-то...—заворчалъ онъ, отступая все дальше и дальше...

— То и чего, то и чего!—презрительно кричалъ Сергѣй,—эхъ, ты шушера, сердитъ да не дюжъ—знаешь чему братъ-то? Думаешь, я вашей шайки ножевой спугаюсь? Думаешь, что у тебя на гашникѣ ножикъ, такъ всѣ тебя и боятся? Иди-ка ты къ...—онъ злобно, самъ удивляясь своей злости, выругался и плюнулъ.

Денька стороной обошелъ его, поглядывая со страхомъ и ни словомъ не отвѣчая на его брань.

— Сволочь, дрянь, филюганы...—ругался Сергѣй, поворачивая назадъ,—какъ сгрезить, такъ ихъ взять, а къ отвѣту-то васъ нѣтъ... Пакостники, стервы...

Онъ долго еще не могъ успокоиться и самъ удивлялся, чего онъ такъ взъѣлся на дурака-парня? Должно быть, этотъ крикъ женскій, что до сихъ поръ стоялъ у него въ ушахъ взвинтилъ его такъ...

Меринъ стоялъ еще привязанный къ щеколдѣ клѣти, посмотрѣлъ на Сергѣя и опять опустилъ голову.

Сергѣй поднялъ его заднюю ногу и, обвернувъ ее, чтобъ ловчѣе держать, хвостомъ сталъ прибивать ослабшую подкову.

— Пойдетъ теперь дѣло у Ельниковыхъ, только гляди да радуйся... Тоже, женили...

Когда онъ кончилъ и поставилъ лошадь въ конюшню,— зашелъ Иванъ Калининъ.

Онъ пришелъ пособить хоть сколько-нибудь и заодно сказалъ:

— Ваньку-то, слыхалъ, опять забрали... Плаку и вою

было даже очень достаточно... Старикъ-то выбѣгъ, ругаться началъ—не понять, кого ругаетъ: не то стражника, что Ваньку забираетъ, не то самого Ваньку: за что обманулъ и дѣвку зря спортилъ, а потомъ какъ грохнется на земь и пошелъ въ кружки вертѣться...

— Обмеръ, что-ль?

— А кто его знаетъ, ровно овца въ вертунѣ, кружитъ, да и все тутъ...

— Плохо...

— Чего хуже... Такъ считать надо,—совсѣмъ въ раззоръ домъ должонъ пойти.

Калининъ ушелъ, а Сергѣй ни за что не могъ взяться. Легъ спать и заснуть не могъ, все думалъ, какъ это такъ вышло, что все пропало—и парень, и Таня: и ему не досталась, и себѣ жизнь не сдѣлала, и все ни за что. Почему?

Думалъ, вертѣлся и мучался, а сна не было, хоть усталость давила тѣло.

Въ первое воскресенье на страдѣ пріѣхалъ землемѣръ. Онъ остановился у дѣда Ѳедора, какъ у „деревеннаго", и велѣлъ сбить сходъ. Дѣдъ побѣжалъ съ палочкой выстукивать подъ окнами и сбивать сходовыхъ, а землемѣръ сѣлъ пить чай и одновременно разбирать свои бумаги.

Онъ былъ молодъ еще, высокъ и такъ тонокъ, какъ будто недѣли двѣ не ѣлъ. И Наташа смотрѣла на него съ любопытствомъ и изумленіемъ. Онъ посмѣивался болталъ всякій вздоръ, и сразу видно стало, что онъ самъ не то, чтобы настоящаго господскаго званія, а такъ—не то изъ мѣщанъ, не то изъ поповичей, а можетъ быть, что изъ нашего брата пахотника.

Поэтому общеніе съ нимъ стало какъ-то сразу налаживаться на довѣрчивый тонъ, и когда пришла часть мужиковъ и землемѣръ вышелъ покурить на крыльцо, между ними завязался разговоръ просто и откровенно.

Сергѣй тоже пришелъ, постоялъ у крыльца, но потомъ рѣшилъ дожидаться схода въ избѣ. Наташа возилась съ самоваромъ, подогрѣвая его; какъ всегда въ такихъ случаяхъ, когда самоваръ ставился для кого-нибудь изъ пріѣзжихъ, домашніе пользовались случаемъ напиться чаю.

— А мать-то гдѣ?—спросилъ Сергѣй, присаживаясь на краешекъ лавки у дверей.

— Занедужила, что ли...—отозвалась Наташа,—вчера, какъ съ жатвы пришедши, все лежитъ...

— Что съ ней?

— Пупъ съ мѣста сошедши, али какъ тамъ,—равнодушно отозвалась Наташа,—перетянулась, извѣстно...

Сошедшій съ мѣста пупъ былъ болѣзнью знакомой и понятной; это часто бываетъ у бабъ, особенно когда гораздъ налягутъ на работу.

Сергѣй посидѣлъ, помолчалъ вѣжливо и откашлялся.

— Что-жъ,—не знаешь, по какимъ такимъ дѣламъ землемѣръ пріѣхадчи?—спросилъ онъ.

Наташа раздула самоваръ и, не оборачиваясь, отвѣтила:

— А кто его знаетъ, намъ нешто сказываютъ!—И видно было, что ей вовсе даже неинтересно, зачѣмъ пріѣхалъ землемѣръ.

Она выпрямилась, обобрала на столѣ крошки и, поставивъ новую сахарницу, остановилась словно въ раздумьи. Очень красивая дѣвушка была Наташа,—крѣпкая, словно сбитая молотками, кровь съ молокомъ, сильная и веселая очень. Эта веселость неуловимо мелькала въ черныхъ лукавыхъ глазахъ, въ мелькающей улыбкѣ красныхъ, полныхъ губъ, во всемъ кругломъ лицѣ, особенномъ не правильностью линій, а всѣмъ выраженіемъ молодости и веселья.

Она глянула на Сергѣя, увидѣла, что тотъ смотритъ на нее, и отвернулась, словно застыдившись.

— И чего ты, Серега, не женишься?—проговорила она усмѣхаясь,—чего треплешься?..

— А ты чего замужъ не выходишь?—въ тонъ ей отвѣтилъ Сергѣй,—тоже, чай, пора...

Наташа обернулась и, высоко приподнявъ черныя, полукруглыя брови, отъ чего лицо ея приняло выраженіе наивнаго удивленія, смѣшливо развела руками:

— А, да вѣдь выйди, какъ никто не беретъ? Я-бъ, можетъ, и рада, да за кого?

— Ну, парней-то хоть прудъ пруди...

— Прудъ... Прудовыхъ мнѣ самой не надо... Что мнѣ съ такихъ, какъ не знаешь, куда онъ гожъ... Ты мнѣ хорошаго найди...

— Вотъ и разъ, я ужъ никакъ въ сваты попалъ...—разсмѣялся Сергѣй.

— То-то, что всѣ вы такъ: какъ до дѣла дойдетъ, такъ и въ кусты... Ты чего самъ не женишься-то? Ай перестаркомъ себя считаешь?

Сергѣй ухмыльнулся и пощипалъ усъ.

— Ну, кто за меня пойдетъ-то? Какой я нынче женихъ? Такъ, слава одна...

— Эва прибѣднился-то какъ, скажи, помилуй...

— А что-жъ, не правда развѣ?

— А скажешь—правда?

— Да нѣтъ, ты скажи: что-жъ, развѣ кто пойдетъ за меня?

Они говорили такъ, казалось, шутили, но было что-то такое въ этой шуткѣ, отчего Наташа вдругъ закраснѣлась и отвернулась въ сторону. И Сергѣй вдругъ почувствовалъ, какъ что-то прошло у него въ груди, обдало тепломъ сердце, и всталъ.

— Такъ, что-жъ, скажи, вѣдь правда?—повторилъ онъ, подходя ближе, тоже больше для шутки, не зная даже самъ, что же въ сущности правда-то?

Наташа по прежнему, не оборачиваясь, шепнула что-то.

— Что?—не разслышалъ Сергѣй и улыбнулся; на моментъ ему показалось, что все это—и Наташа отвернувшаяся къ окошку, и то, что онъ не разслышалъ ея шепота,—все это уже было однажды, только не вспомнить было—когда?

— Да что дуришь-то,—разсердилась Наташа, дергая полотенце, лежавшее на краю стола,—говоришь невѣсть что... Будто самъ не знаешь...

— Да что знаешь-то, ты скажи?—не отступалъ онъ.

— А ну тебя, тоже прихилится, будто и не видать его...—сердито отвернулась Наташа,—тоже „что? что?"—передразнила она,—словно маленькій...

Онъ подошелъ къ ней такъ, чтобъ пошутить только, и самъ не зная какъ и для чего, обнялъ вдругъ эту невысокую, едва доходящую ему до плеча дѣвушку.

И удивленно дрогнулъ, когда она вдругъ странно обмякла въ его рукахъ, обезсилѣла, такъ что онъ долженъ былъ поддержать ее.

Онъ прижалъ ее, закинулъ ей голову назадъ, и на него глянули полузакрытые, словно задернутые какой-то пленкой страстные, черные глаза и матово-бѣлое лицо, съ полураскрытымъ пламеннымъ ртомъ—странное лицо, чуть улыбающееся какъ бы забытой улыбкой, неподвижное, какъ во снѣ или забытьи...

Онъ даже испугался короткимъ внутреннимъ испугомъ словно что-то случилось непоправимое, но не удержался и приникъ долгимъ поцѣлуемъ къ этому пылающему, полураскрытому рту и такъ крѣпко, что почувствовалъ подъ своими губами твердые, плотно сжатые зубы...

На улицѣ громкимъ, гудящимъ гомономъ захохотали мужики: должно быть, веселый землемѣръ отпустилъ что-нибудь смѣшное... Наташа вдругъ выскользнула изъ рукъ и рванулась къ двери.

— Ну тебя, охальникъ...—успѣла она крикнуть и, распахнувъ широко дверь, выскочила вонъ, а Сергѣй долго

еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, теръ лобъ и говорилъ съ забытой улыбкой:

— Вотъ такъ штука, какъ же это такъ?..

Вошелъ землемѣръ, а съ нимъ и дѣдъ Ѳедоръ Романовичъ. Они говорили о чемъ-то, но Сергѣй только краемъ уха слышалъ—о чемъ. Потомъ землемѣръ вытащилъ разноцвѣтный большой планъ и сталъ внимательно разсматривать его.

Еще вошли мужики и еще, и всѣ заговорили, тыкая пальцемъ въ планъ, что-то объясняя. Потомъ всѣ вывалились на улицу; за ними пошелъ и Сергѣй.

Собралась почти вся деревня; топтались у крыльца, присаживались на каменный фундаментъ, говорили, и гулъ стоялъ въ воздухѣ, такъ что трудно было разобрать, что говоритъ землемѣръ.

Бабы тоже путались здѣсь же, благо сходъ былъ свой, домашній; пестрѣли между рубахами и пиджаками мужиковъ яркія кофточки и пестрые платки.

Землемѣръ сталъ на крыльцѣ съ бумагой и карандашемъ въ рукахъ и громко крикнулъ:

— Стой, ребята, помолчи немного... Дѣло говорить надо... Ну?

И когда говоръ стихъ, еще громче и раздѣльнѣй сказалъ:

— Нѣкоторые изъ вашей деревни укрѣпились и хотятъ выбиться къ одному углу; мнѣ надо составить списокъ выбивающихся, чтобъ разсмотрѣть по плану и вырѣзать землю какъ лучше, чтобъ никому не обидно было: ни тѣмъ, что уходятъ изъ деревни, ни тѣмъ, что остаются, да... А вамъ надо приговоръ составить, что вотъ, молъ, такъ и такъ; какъ двѣ трети домохозяевъ порѣшили не препятствовать, то и выбиваемъ, молъ, вотъ такихъ-то и такихъ...

— Это дѣло апше говорить надо...—выступилъ Авдакимъ Васильевъ, но на него зашикали.

— Али мало толковано? Еще начинать? Буде, и такъ вотъ гдѣ все это сидитъ. Какъ есть деревню стеряли, вѣкъ того не было, убивства пошли...

— Тшшши... чего тамъ еще хайло разинулъ?

— Ладно, буде толковать, говори, кто въ уголъ лѣзть хочетъ?

— Говорите, кто на отрубъ идетъ?—выкрикнулъ землемѣръ.

Мужики замялись. И тѣ, что давно порѣшили выйти и сами заявляли объ этомъ, теперь при народѣ законфузились.

— Ну чего-жъ вы, говорите, что-ль!—понукалъ землемѣръ.

— Семенъ, говори, чего-жъ ты...—подталкивали мужики другъ друга,—чать, ты подававши...

Быковъ молчалъ и боязливо оглядывался. Онъ какъ-то не вѣрилъ теперь мужикамъ, не хотѣлъ съ ними жить послѣ того, какъ съ нимъ случилось несчастье, и въ то же время боялся ихъ.

— Ну, кто же тамъ?—кричалъ землемѣръ, доставая записную книжку и заглядывая въ нее.—Ну, Прокофій Егоровъ Ельниковъ? Есть такой? Подавалъ вѣдь?

— Прокофія нѣтути... Ему другое выдѣленіе выходитъ: даве работникъ Флегонтъ за попомъ погналъ...

— Плохо ему приходится... Онъ ужъ отрубъ любуетъ себѣ, на долго отрубъ-то!

— Что-жъ, нѣтъ его?—спрашивалъ землемѣръ, не слушая мужиковъ и провѣряя по книжкѣ списокъ выдѣлявшихся,—ахъ, да, кстати: ему вотъ бумаженка тутъ отъ члена банковскаго... Сичасъ я...

Онъ досталъ какую-то бумажку и передалъ ее дѣду.

— Передай это ему—насчетъ платежа, что ли, тамъ... Такъ кто-жъ еще, ребята? Быковъ Семенъ есть?

— Естя...—громко за Быкова выкрикнулъ Иванъ Калининъ,—эвона стоитъ...

— Желаешь на выдѣлъ, чтобъ къ одному углу?

— Такъ точно... Слободнѣй будто...

— Такъ, одинъ! Еще кто?

— Ларіонъ Николаевъ еще,—подсказывалъ Иванъ Калининъ. Онъ всегда все зналъ, что въ деревнѣ дѣлается и кто чего хочетъ.

— Такъ, Ларіонъ Николаевъ... Слѣдующій...

Одинъ за другимъ выдѣляющіеся мужики записывались. Записались Тихонъ Сидоровъ, Ермолай Сучковъ, Фролъ Спиридоновъ, еще кое-кто. Всѣхъ набралось человѣкъ семь изъ всей деревни.

— Вали, ребята, кто хошь: чего землю зря толочь...—говорилъ Иванъ Калининъ,—въ одинъ разъ, и ладно бы, а то потомъ опять сызнова...

— Ну, кто еще? Неужъ только семеро? Деревенный, а ты что-жъ?—обратился землемѣръ къ дѣду,—можетъ, и ты еще?

— Не, я не хочу... Я не буду писаться... Въ деревнѣ складнѣй...

— Чего, дѣдъ, жместя-то? Вали, пишись,—выкрикнулъ Алексѣй Мироновъ,—чай души-то такъ же скупалъ, моя-то гдѣ сидитъ?..

— Чего-жъ ты, дѣдъ?—понукалъ землемѣръ.

— Не, не буду писаться, въ деревнѣ складнѣй...—твердилъ дѣдъ.

— Онъ за то съ деревни не хочетъ выходить, что въ него теперь земли много, да еще пустошенка какая-никакая есть,—такъ скота много держитъ, а тамъ-то пашетъ все. Уйди съ деревни, такъ съ выгона деревенскаго евонный скотъ вонъ,—вотъ и невыгодно: въ пустошенкѣ-то и запускай зря подъ выгонъ...—объяснилъ Иванъ Калининъ.

Дѣдъ хмуро косился на него и, когда тотъ кончилъ, неглядя буркнулъ:

— Ты знаешь... Ты все знаешь, тебя спросить только...

— А, да что-жъ, не такъ, что-ль, Ѳедоръ Романычъ? Ну скажи: не такъ?..

— Тебя спросить...

— Ну, будетъ вамъ! Кто хочетъ, тотъ идетъ, силой никого тянуть не станемъ,—остановилъ его землемѣръ,—значитъ всѣ... Вотъ только не знаю, какъ съ Прокофіемъ этимъ самымъ быть-то?.. Чего онъ не пришелъ-то?

— Да вѣдь говорено: лежитъ онъ, за попомъ работникъ погналъ даве... Гляди, не кончился-бъ, замѣстъ выдѣленія-то...

— Фю-фю-фю-ю-ю...—посвисталъ землемѣръ,—это выдѣленіе плохое... Похуже нашего-то...

— Какъ сказать,—вставилъ свое слово Алексѣй Мироновъ:—которое хуже-то, еще неизвѣстно... Можетъ, то-то получше будетъ: хоть по крайности сразу...

Землемѣръ пристально посмотрѣлъ на него и улыбнулся:

— А ты, что-жъ,—не идешь?

— Наше дѣло чистое, разсчитавши съ матушкой... Было полъ души, и тѣ ему вонъ продалъ,—кивнулъ Алексѣй на дѣда.

— А самъ какъ?—спросилъ землемѣръ.

— А какъ Богъ дастъ... По крайности душа моя теперь спокой имѣетъ, чуть не деревню сжечь хотѣлъ изъ-за полдуши этихъ самыхъ... Самъ къ нему-же поди свои полъ души обдѣлывать пойду... Онъ ужъ и то поговаривалъ...

— Та-а-къ...—вздохнулъ землемѣръ, и вздохъ этотъ поставилъ его сразу ближе ко всей деревнѣ. Мужики своимъ звѣринымъ инстинктомъ тотчасъ же поняли, на чьей сторонѣ стоитъ этотъ долговязый веселый парень, и смотрѣли ему въ глаза такъ, словно онъ сказалъ имъ что-то близкое, понятное и свое, не господское.

— Такое дѣло, господинъ, — раздумчиво проговорилъ Авузинъ, — кто какъ... Жили, жили — теперь пошло это самое...

— Канава еще тутъ... Ужо дастъ она, канава эта самая,— бурчалъ Шерстобитъ.

— Какая канава?—спросилъ землемѣръ.

— Копаютъ тутъ банковскимъ футорамъ канаву-то... Ну, скрозь нашу землю происходитъ она, канава-то эта самая...

— Гдѣ происходитъ-то? Покажи!—присталъ землемѣръ,— поди, принеси-ка планъ, — обратился онъ къ стоявшему вблизи Сергѣю. Тотъ пошелъ въ избу. Наташа прибирала что-то у печки, Сергѣй взглянулъ на нее, и она отвернулась.

— Придешь на ручей, къ Митріевой избѣ нынче?—негромко спросилъ Сергѣй, забирая планъ.

— За что?—какъ будто не поняла она.

— Поговорили-бъ... какъ и что...—неопредѣленно отвѣчалъ онъ,—ну, придешь?

Онъ уже взялъ планъ и готовъ былъ выйти.

— Ладно, приду,—чуть слышно прошептала она и совсѣмъ застыдилась, закраснѣлась и отвернулась.

— Ну, гдѣ, гдѣ канава-то? — спрашивалъ землемѣръ, когда планъ развернули на пожнькѣ передъ избой,—покажи-ка гдѣ?

— А вотъ туточа... Эво—отсюда пошли, вотъ отъ этой мѣстинки самой, Литовскій бугоръ называется по нашему, и во сюда—къ столбамъ; столбы тутъ были будто, старики помнятъ... Вотъ округъ всего этого,—тыкалъ пальцемъ всезнающій Иванъ Калининъ,—во, гляди...

— Та-акъ, такъ,—тянулъ землемѣръ,—ну, что-жъ, пускай пошла...

Онъ поднялъ голову отъ плана и посмотрѣлъ на Ивана Калинина, но видно было, что онъ чего-то не договариваетъ.

— Такъ худа въ этомъ нѣтути? —допытывался Калининъ.

— А что-жъ—канава, такъ канава...—неопредѣленно отвѣчалъ землемѣръ.

Пастухъ Захаръ протискался ближе. Онъ пригналъ скотину на полдень, пришелъ, какъ всегда, послушать, о чемъ шумитъ міръ, уставился въ планъ, потомъ поднялъ голову на землемѣра.

— Что, старикъ?—усмѣхнулся тотъ.

— А вотъ тое самое,—отвѣчалъ Захаръ,—какъ канава эта самая... Не стало-бъ мужикамъ неудобства какого отъ нея, а?

— А тамъ видно будетъ... Какое-жъ неудобство?

— Такъ, всяческое...

— Ну, ладно, некогда мнѣ,—заторопился землемѣръ,— вотъ что, дѣдъ, пока я чай попью, ты тутъ подводу мнѣ сварганъ, а?

— Это можно...

— Ну, такъ, такъ.. Прощайте, братцы... Приговоръ-то не забудьте, не то потомъ пойдетъ возня...

— Будьте спокойны, ваше бродь, всего добраго и вамъ также...

Мужики стали расходиться.

— Борисъ Никитинъ, будь добръ, стащи ты бумажинку эту самую Прокофьевымъ-то,—попросилъ дѣдъ,—ты мимо идти будешь...

Борисъ взялъ бумажку. Онъ шелъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ и тотъ спросилъ его:

— Неужъ плохъ такъ старикъ-то?

— А совсѣмъ при концѣ... Все рвется куда-то, бубнитъ, чего понять нельзя, ревъ тамъ въ ихъ стоитъ...

— Эва, какъ его скрутило-то...

— А это все послѣ Ванькина дѣла такъ... Какъ въ соль сѣлъ старикъ-то...

— Чисто, что какъ въ соль...

Ельникову, дѣйствительно, приходили послѣдніе дни.

Съ самой свадьбы сына Прокофій занедужилъ окончательно. Недугъ какъ будто ждалъ, чтобы мужикъ справился со всѣми своими дѣлами важными, и, когда все было покончено, крѣпко схватилъ старое тѣло и повалилъ его.

Всегда въ городскихъ семьяхъ такъ бываетъ, что болѣзнь, входя въ домъ, разстраиваетъ всю жизнь. То, что одинъ человѣкъ лежитъ гдѣ-нибудь одиноко,—вноситъ въ жизнь тотъ безпорядокъ, при которомъ ѣдятъ всѣ не во время, работа не спорится, въ домѣ царитъ безтолковщина, къ которой всѣ скоро привыкаютъ и не замѣчаютъ ея.

Въ крестьянской семьѣ болѣзнь приходитъ и проходитъ незамѣтно. Жизнь идетъ своимъ чередомъ, каждый день требуетъ своей работы, дѣло не ждетъ, и такъ же, какъ въ обычное время, люди ѣдятъ и пьютъ, и сонъ моритъ ихъ послѣ рабочаго труднаго дня... А больной лежитъ гдѣ-нибудь въ темномъ уголку, почти забытый, одинокій, часто предоставленный самому себѣ.

Прокофій лежалъ въ чистой избѣ за занавѣской, отдѣляющей кровать отъ стѣны до печки, и часто случалось такъ, что по цѣлымъ часамъ къ нему никто не заходилъ. Онъ заболѣлъ давно—съ тѣхъ поръ, какъ взяли Ивана, и болѣзнь у него была странная, никому неизвѣстная, такая, какой, какъ будто, даже и не бывало до сихъ поръ въ деревнѣ.

По цѣлымъ часамъ онъ лежалъ неподвижно, въ смутной полудремотѣ, не отзываясь ни однимъ словомъ на всѣ вопросы, посапывая носомъ и хрипя отъ запридушья. И вдругъ просыпался, внезапно оживленный, начиналъ безпокоиться, слѣзалъ съ кровати, такъ что его трудно было удержать, и бормоталъ что-то про землю, про хуторъ, про купленныя души...

Тогда всякое слово, сказанное напротивъ, раздражало его; онъ бубнилъ сердито и непонятно, и стоило кому-нибудь въ это время отвернуться, какъ онъ уже выползалъ, невѣрно цѣпляясь подгибающимися ногами, на середину избы и такъ останавливался, водя передъ глазами рукой и все бормоча что-то про себя, неясно и непонятно для другихъ.

Неизвѣстно было, догадывался онъ о тяжести своей болѣзни или нѣтъ: некогда было въ страдную пору слѣдить за нимъ, и такъ рукъ не хватало, чтобъ со всѣмъ поспѣть; около него, и то съ перерывами, была только жена, на которой лежало все домашнее хозяйство, и изрѣдка Пѣгариха, приходившая провѣдать старика.

Онъ лежалъ одинъ въ избѣ, и—кто знаетъ, какія мысли приходили ему въ голову въ долгіе часы этого одиночества, о чемъ безпокоился онъ и про что бормоталъ такъ сердито и непонятно, куда стремился, порываясь встать и выйти изъ душной избы, наполненной жужжащимъ роемъ надоѣдливыхъ мухъ?..

Ему приносили ѣду и, если было время,—кормили, какъ маленькаго, съ ложечки и за одно—убирали его, такъ какъ болѣзнь окончательно ослабила его тѣло, и, не замѣчая того самъ, онъ ходилъ подъ себя, отчего въ лѣтней избѣ стоялъ тяжелый, тошнотворный запахъ... А если времени не было, то старикъ оставался такъ и лежалъ часами, не подавая признаковъ жизни.

Въ воскресенье утромъ онъ особенно забезпокоился, забубнилъ, и старухѣ послышалось, будто онъ зоветъ попа.

Послали Флегонта, а потомъ всѣ ушли обѣдать, и Прокофій остался одинъ.

Онъ долго лежалъ, не двигаясь, потомъ вновь забезпокоился и приподнялся съ подушки.

Въ послѣднее время, передъ тѣмъ, какъ слечь, у него стала слабѣть память, и часто сдѣланное только что онъ забывалъ, тогда какъ вспоминалъ сказанное много времени тому назадъ и мучился какимъ-нибудь дѣломъ, которое давно было кончено.

Ясно, съ изумительной отчетливостью онъ вспомнилъ теперь свадьбу сына и тотъ моментъ особенно, когда его

стащили на кровать, торопливо переодѣвали и оставили такъ сидѣть.

Слабымъ отблескомъ мысли онъ понималъ, что съ нимъ случилось что-то нехорошее, но не уяснялъ этого вполнѣ и сидѣлъ такъ, погруженный въ полное безразличіе, пока не пришелъ дѣдъ Ѳедоръ.

И опять онъ съ необыкновенной точностью увидѣлъ косой, какъ бы недовѣрчивый взглядъ стараго пріятеля и услышалъ его темныя, странныя слова:

— Не угадать бы тебѣ подъ холстинку, старый...

— Холстинку...—сидя одинъ въ душной избѣ, облѣпленный черными, назойливыми мухами, которыхъ онъ не догадывался согнать, бормоталъ Прокофій,—гм... холстинку...

Мысль о смерти медленно, туго, какъ ростокъ изъ подъ земли, пробивалась въ его мозгу. Онъ еще не схватывалъ всей ея величины, но уже безпокойно задвигался, полный темнаго протеста противъ умиранія.

— Холстинку...—бормоталъ онъ, безпокойно шаря руками по кровати и не находя за что зацѣпиться,—тоже: холстинку...

Онъ, какъ большинство живущихъ, часто говорилъ о смерти, спокойно смотрѣлъ на умираніе другихъ; но все это относилъ къ чему-то постороннему, далекому отъ него и не могущему войти въ его жизнь...

Вся жизнь его была неустанной работой, медленнымъ упорнымъ скопленіемъ всего, что представлялось для него важнымъ и нужнымъ,—и некогда было подумать о такой далекой и несбыточной вещи, какъ смерть. Похоже было на то, что онъ не вѣрилъ, что когда-нибудь настанетъ и его часъ, и жилъ, какъ всѣ живутъ: сегодняшнимъ днемъ, завтрашней мыслью, вѣчной заботой.

Холстинка дѣда Ѳедора впервые нарушила это спокойствіе. Дѣдъ сказалъ, глядя въ сторону, искоса, словно приглядываясь и опредѣляя что-то,—и это было подозрительно. Такъ подозрительно, что Прокофій сидѣлъ, склонивъ голову на бокъ и прислушиваясь къ тому, что медленно шло въ затемненномъ мозгу.

Ростокъ, чуть было показавшійся, пробивался сквозь толщу обычныхъ мыслей, выкидывался все выше и выше, и обычныя мысли становились съ каждымъ часомъ все меньше и незамѣтнѣй.

Неизвѣстно, сколько времени такъ просидѣлъ старый Ельниковъ, но, когда онъ оглянулся, то удивился: вмѣсто яркаго, свѣтлаго солнца, пыльными лучами глядѣвшаго въ двойныя рамы оконъ,—избу наполнялъ смутный сумракъ. Должно быть былъ, уже вечеръ. Къ нему заглянулъ кто-то—

чье-то знакомое сморщенное лицо просунулось за занавѣску, поглядѣло и спряталось. Тогда, чтобъ не мѣшали думать, онъ легъ и закрылъ глаза. И такъ пролежалъ всю ночь и слѣдующій день, и вечеръ. Къ нему входили, что-то дѣлали съ нимъ, зачѣмъ то поворачивали... Онъ молча, почти не замѣчая дѣлавшихъ надъ нимъ какое-то дѣло людей, отдавался имъ, потомъ опять закрывалъ глаза и думалъ... а можетъ быть, ему казалось только, что думалъ.

Зачѣмъ то возлѣ него, подъ вечеръ второго дня, оказался попъ. Онъ говорилъ что то, но слова долетали отдаленными чуждыми звуками—и не было силъ сдѣлать напряженіе, чтобъ понять то, что говорилъ онъ.

Священникъ побылъ недолго... Поговорилъ, приложилъ что-то холодное къ губамъ. Это что-то пробудило какое то отдаленное воспоминаніе, и знакомое, страшно знакомое слово вертѣлось въ умѣ и никакъ нельзя было его выговорить... Потомъ все стало опять тихо, темно и безлюдно.

И онъ лежалъ въ этой тишинѣ, накапливая то, что посѣялъ дѣдъ Ѳедоръ, что медленно просачивалось изъ темныхъ полуоборванныхъ мыслей во все существо, будя въ немъ такой же темный, слѣпой протестъ.

Въ полночь или около того—можетъ быть, это было и не полночь, а утро или вечеръ—за стѣной въ сѣняхъ раздался крикъ.

Кричалъ чей-то знакомый бабій голосъ, тонкій и визгливый, и ему бубнящимъ тоже знакомымъ басомъ отвѣчалъ другой.

— Ишь пришелъ, тоже приклещился, знаю я тебя... надсѣдался бабій голосъ,—отцову смерть почуялъ, а? Думаешь. Ваньки нѣтъ, некому вступиться? Знаю, знаю, все знаю! Я тебя давно стерегу, знаю, какой ты такой есть...

— Твое дѣло сторонне...—отвѣчалъ еще сдержанно басъ,—ты этого не моги,..

— Я знаю, что я могу! Ты на батькину смерть заристя, а? Ты, ровно воронъ, на падаль бѣжишь? А кто въ дѣда Ѳедора гужи новые упряталъ? Кто по всей деревнѣ славу навелъ, воровствомъ занялся, а? Думаешь, не знаю? Я все знаю, все какъ есть про тебя объясню... Ты погоди у меня...

Баба еще долго ругалась, и только потомъ Прокофій догадался, что ругалась это Пѣгариха.

— Батькину смерть...—туго соображалъ онъ, силясь что то выяснить, привести въ извѣстность что-то касающееся прямо его, непосредственно, что-то очень важное... Выходитъ, что Митька, стало быть... батькину смерть... Значитъ не иначе, какъ моя... Стало-ть мнѣ умирать-то...

Онъ дошелъ до этого вывода и полежалъ спокойно. И

опять неизвѣстно, сколько именно времени лежалъ онъ... Ему казалось, будто онъ лежитъ такъ нѣсколько минутъ, а проходило время, и было оно какъ сотни лѣтъ,—все лежитъ онъ, не двигаясь, медленно вызывая какой-то образъ, котораго самъ какъ будто боялся, и не двигается, боясь спугнуть его...

И такъ шла ночь темнымъ молчаніемъ и глухой пустотой, какъ будто земля опустѣла и все замерло на ней, прислушиваясь къ тому, какъ перекоряется съ своей старой жизнью одинокій человѣкъ...

Огни въ избѣ давно погасли. Раза два, шлепая въ потемкахъ босыми ногами, зашла старуха, хозяйка Прокофьева къ мужу, посмотрѣла: лежалъ старикъ, будто спалъ и голосу не подалъ...

Она рѣшила, что до полночи посидитъ сама, а потомъ ее подмѣнитъ совсѣмъ переселившаяся къ нимъ старуха Пѣгариха, и присѣла на лавку возлѣ окна. Но сидѣть было неловко. Она тихонечко вышла, прилегла въ сѣняхъ на старикову кровать и прошептала:

— Все одно: коли что, такъ услышу... Сна все одно нѣтъ...

И незамѣтно для самой себя задремала.

Ночь плыла въ холодѣющемъ воздухѣ. Хорошей пріятной прохладой повѣяло откуда-то, словно собирался дождикъ гдѣ-нибудь недалеко, и земля вздохнула широкимъ и вольнымъ вздохомъ.

Дымныя сѣрыя облака поползли по небу, закрывая звѣзды и снова открывая ихъ, и онѣ мигали изъ за этихъ облаковъ, какъ заспанныя дѣтскія очи, влажныя и живыя, съ трепетнымъ любопытствомъ глядѣвшія на землю.

Шорохъ родился въ листвѣ. Тихо закачались деревья, наклоняясь другъ къ другу и передавая какую-то великую тайну, происходящую на землѣ, а кусты подслушали ее и зашептались, зашатались, залепетали, какъ малыя ребята передъ большими, и сообщили ее травѣ, и трава заколыхалась, и каждая травка удивлялась и шелестѣла:

— Ай-ай-ай...

Теплымъ влажнымъ дыханіемъ дышала земля, отдыхала отъ долгой суши, и, какъ ожившая, наклонилась подъ вздохомъ этимъ недожатая рожь, смутное движеніе родилось въ поляхъ... И вездѣ пролетала изъ устъ въ уста великая тайна, и все изумлялось ей. Неслась она дальше—къ лѣсу, и лѣсъ отвѣчалъ ей суровымъ ропотомъ своимъ, и на дальнія луга, и луга задумчиво затихали: всѣмъ была удивительна она, эта чудесная тайна...

И снова летѣлъ на развѣдки вѣтеръ, узнавалъ, что надо.

и шепталъ деревьямъ узнанное, и кусты мелкіе подхватывали вѣсть, и снова широкимъ кругомъ расходилась она— въ поля и дубравы, въ луга и болота, въ пашни черныя, въ яровины обросѣвшія... И сторожкій заяцъ чуялъ ее и, насторожив длинныя уши, внезапно застывалъ темнымъ столбикомъ.

И шелестъ стлался по землѣ, странный шелестъ, шепотъ таинственный, и все изумлялось чудесной вѣсти:

— Умираетъ старый крестьянинъ...

А на Прокофьевомъ дворѣ спали...

Спала старуха хозяйка, привалившись на мужнюю кровать, спала молодуха, уставъ отъ слезъ, истомившись тоской своей потерянной жизни, спала работница, уставшая на жнивѣ, спалъ Флегонтъ, молчаливый мужикъ, и никто не слышалъ, какъ пришло и стало въ большомъ богатомъ дворѣ то, что было смертью стараго Ельникова...

Можетъ быть, слышали лошади: стукнулъ копытомъ сѣрый жеребецъ и безпокойно забрякалъ цѣпью недоуздка... Меринъ уставился на него и долго выжидалъ, потомъ, кряхтя, какъ старый усталый работникъ, поднялся на переднія ноги, потомъ на заднія и всталъ, отряхиваясь и фыркая...

Рыжая сучка Дамка ворча прошлась по двору, обнюхала всѣ углы и снова легла у крыльца. Но не спала; насторожив уши, слушала: все стояло что-то у дверей и не отходило, и страшно было отъ этого...

Можетъ и весь дворъ не спалъ: не такое время было, чтобы спать, и въ тревогѣ неясной, въ предчувствіи звѣриномъ, чего не дано людямъ, безпокоились животныя и ждали: вотъ войдетъ то, что подошло вплотную къ темной распахнутой двери, и случится нѣчто, что ни людямъ, ни чему живущему не извѣстно...

А въ темной, душной избѣ, за спущеннымъ душнымъ пологомъ ворочался безпокойно неспящій человѣкъ—одинъ во всемъ домѣ не спящій,—и чувствовалъ, что наступаетъ разсчетъ послѣдній, и ворчалъ чуть слышно:

— Подъ холстинку... За батькиной смертью пришелъ... Это выходитъ, значитъ, я...

И поднявшись, тихо, словно крадучись, выползъ на дрожащихъ подгибающихся ногахъ за пологъ, потомъ дверь отворилъ и послушалъ.

Спало все, или казалось, что спало, такъ тихо было въ черной избѣ.

Прошелъ сѣни, половица старая скрипнула легонько, остановился и долго слушалъ. Какъ воръ, пробирался на дворъ, гонимый смутнымъ звѣринымъ инстинктомъ забраться въ такое мѣсто, чтобъ никто не нашелъ его костей...

Какъ медвѣдь, либо лось старый, почувствовавъ послѣдній часъ свой, лѣзетъ въ самую темную гущеру, въ самую дебрь, такъ старый Ельниковъ поползъ на обезсилѣвшихъ невѣрныхъ ногахъ куда-то—куда, и самъ не зналъ...

Выползъ на дворъ. Дамка поднялась и заворчала, потомъ обнюхала его и опять легла на старое мѣсто... Постоялъ на дворѣ, оглядываясь, и пошелъ навстрѣчу тому, что дожидалось уже давно, и вышелъ въ садъ, имъ прошелъ, остановился у вынесенной къ изгороди клѣти, потому что ноги отказывались служить и силъ совсѣмъ не было.

И тутъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что прямо передъ нимъ стоитъ Сергѣй Даниловъ. Стоитъ и смотритъ на него, словно отвѣта ждетъ, и самъ качается, словно то ближе подступитъ, то дальше. И все ждетъ.

— Это самое...—проговорилъ Прокофій, жуя губы и усиливаясь вспомнить, что такое надо было ему сказать этому парню,—это самое... Какъ вотъ пришло такъ, чтобы подъ холстинку, и значитъ вышло такъ, чтобы покончаніе мнѣ,—говорилъ онъ, чувствуя, что надо все какъ слѣдуетъ объяснить, что къ этому обязываетъ его послѣдній часъ послѣдняго разсчета,—такъ вотъ это самое я и хотѣлъ...

Онъ помолчалъ, посмотрѣлъ на Сергѣя... Какъ будто меньше тотъ сталъ, и словно туманомъ качнулся слегка. Старику не понравилось это, и онъ нахмурился.

-- Какъ ты на меня сердце имѣешь, то долженъ я все объяснить... Вотъ ты тогда все: не быть передѣлу, не быть... Анъ вышло такъ, чтобы быть... Какъ положено это было, такъ оно и есть... Чему есть положено, тому и должно быть. И напрасно ты тогда все это затѣялъ: не глупѣй тебя люди-то... Все: „общество, общество!“ А гдѣ оно, общество-то твое?.. Ты, да Авузинъ, да Ванька Калининъ, да Шерстобитъ?.. Такъ гляди: ты здѣсь, а они гдѣ?.. Вотъ все я долженъ тебѣ объяснить, какъ ты на меня сердце имѣешь...

И онъ говорилъ, взмахивая рукою; ему казалось, что говорилъ вразумительно и ясно, и душой больше говорилъ, какъ можетъ говорить человѣкъ только въ часъ послѣдняго разсчета своего, а слова вылетали странныя, безъ конца, спутанныя, безсвязной прыгающей цѣпью сыпались въ насторожившуюся, посвѣжѣвшую тишину, и похоже было, что упрямо, безсмысленно бубнитъ что-то странный мужикъ передъ клѣтью своей, и ничего понять нельзя...

— Вотъ ты говоришь,—убѣждалъ Прокофій Сергѣя,—въ общество, въ общество! Нѣтъ твоего общества-то никакого, ничего этого нѣтъ... Было, да сплыло и быльемъ поросло твое общество... Развѣ-жъ это общество? Свора собакъ это, а

не общество... Развѣ я безъ ума? Чать и вѣникъ, за комель взявши, не разломаешь, а по прутику-то и малый ребенокъ раздергаетъ... Господская сила по одному-то вотъ какъ раздергаетъ, а гдѣ твое общество... А земля?..

Онъ сказалъ самое большое, самое святое, самое страшное и благостное слово, и все забылъ: и Сергѣя, и послѣдній часъ, и свои рѣчи, и мысли...

— Земля...—пробормоталъ онъ, чувствуя, какъ все въ немъ всколыхнулось отъ этого слова, и палъ на колѣни и наклонился къ ней, влажной, пахучей, щекочущей старческую сухую щеку мелкой, живой травкой...

Земля... Она висѣла надъ всей его жизнью, проникала все его существо, огромная, необъятная, таинственная и благостная, какъ божество, направляла его мысль, двигала его тѣло... Она царила, какъ царица, и сладостное иго ея висѣло надъ каждымъ шагомъ крестьянина... Она гнѣвалась, и падалъ онъ, поверженный ея гнѣвомъ; она дарила милостью, и изъ праха, изъ ничтожества подымался онъ и, воздѣвъ руки, молился.

— Уроди... Дай... Сила твоя велика и таинственна—смилуйся...

Земля...

Огромными черными глыбами вздымалась она, безконечными бороздами протягивалась подъ солнцемъ, смотрѣла въ небо развороченной сердцевиной своей, и, какъ муравьи, ползали по ней люди, опираясь на нее, живя ею и уходя въ нее.

Тысячами столѣтій взрощала она человѣка, и онъ несъ ея бремя, освѣщавшее темную жизнь его, съ покорностью и любовью; чѣмъ дальше отходилъ отъ нея, тѣмъ больше страдалъ, запутывался, падалъ и, наконецъ, погибалъ, задохнувшись въ сквернахъ своихъ, осквернивъ землю свою...

Земля...

Во всей жизни стараго мужика она проходила красной нитью и всякое дыханіе его было обусловлено ею... И глыбами черными, страшными валилась она на него, а онъ поднималъ ихъ, и душила его, а онъ сносилъ, вытягивала силу его, а онъ жилъ... Теперь онъ палъ на грудь ея и приникъ лицомъ, какъ къ матери, и шепталъ, а она слушала, и плакалъ:

— Земля...

И вдругъ почувствовалъ, какъ протягиваются изъ нея тонкія, едва замѣтныя щупальцы, какъ опутываютъ они его просвѣтлѣвшій мозгъ, какъ идетъ изъ нея холодъ и пронизываетъ все тѣло...

Онъ хотѣлъ вскочить, но силъ не было: она крѣпко

держала его; хотѣлъ вскрикнуть, но грузныя страшныя комья ея наваливались на грудь, и воздуху не было: падали все больше и больше и заваливали его, и новые появлялись... Онъ узнавалъ ее, эту заваливающую его землю. Вотъ своя, деревенская, вотъ красноватая съ глинкой, пустошная, вотъ купленныя души собакинскія, безнавозныя, запустованныя, вотъ хуторская, господская...

Она падала огромными комьями, валилась, какъ въ яму прямо на него и давила неизмѣримой тяжестью своею, прижимала грудь и съ клокотаньемъ, хрипло и страшно вырывался воздухъ изъ стараго горла, и все падала, падала, падала, сыпалась сухимъ пескомъ, рушилась жирными пластами, дробилась мелкими комьями и заваливала стараго мужика...

И, какъ пристигнутый собаками заяцъ, слабо и жалобно запищалъ онъ подъ страшной тяжестью и метнулся въ сторону, и завился, какъ раздавленный червь, задыхаясь въ безумномъ ужасѣ послѣдняго мгновенія и, дрогнувъ, затихъ. . . . .

. . . .

Такъ пришла смерть къ старому мужику Прокофію Егорову Ельникову.

XII.

Хорошъ или плохъ человѣкъ, сердились ли на него при жизни, завидовали ли ему передъ смертью, все стирается и остается только то, что было этимъ человѣкомъ, и память о немъ живетъ только въ хорошемъ. Поэтому, когда умеръ старый Ельниковъ, вся деревня перебывала въ избѣ, гдѣ лежалъ онъ. И каждый приходилъ съ чувствомъ какой-то будто виновности своей передъ этимъ ушедшимъ навсегда старикомъ и смотрѣлъ въ важное, успокоившееся лицо, припоминая всѣ обиды, что вольно и невольно чинилъ ему...

Шатнулось богатство Ельниковской семьи, однако, все же были они первыми на деревнѣ, и хоронить старика рѣшили съ выносомъ.

Пріѣхалъ попъ, пѣвчихъ привезъ съ собою—такъ захотѣла старуха, — и въ тѣсной, чистой избѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, тихо и властно зазвучали погребальные напѣвы...

Народу набилась полная изба. Стояли плечомъ къ плечу, шумно вздыхали и, оглядываясь, вспоминали, какъ недавно, совсѣмъ недавно, въ этой же самой избѣ гремѣли свадебныя пѣсни, гармоника ревѣла, изнемогая и столъ княжой стоялъ, полный яствъ всяческихъ, и шумные гости вели

громкую бесѣду и кричали „горько", а дѣвки утѣшали слухъ пѣснями старинными, и шелъ пиръ, какъ издревле ему заведено идти: съ пляской, хороводомъ и большимъ столованьемъ.

А теперь на невысокой, покрытой бѣлой холстинкой лавкѣ стоитъ гробъ и важно, занятый своей вѣчной думой, смеживъ очи, лежитъ въ немъ хозяинъ пира...

Какъ недавно все это было и какъ много перемѣнилось съ тѣхъ поръ!

Плачетъ, не осушая глазъ, поблѣднѣвшая, похудѣвшая молодуха, тихо клонится, зарядившись надолго слезами, мать ея, вдова причитаетъ жалостно и торжествующій, злобно сверкающій сощуренными зеленоватыми глазками, оглядываетъ всѣхъ Дмитрій и, громко, не стѣсняясь напѣвами печальными, отхаркивается неожиданнымъ, пугающимъ звукомъ:

— Кха-а-а...

И вновь смотритъ по сторонамъ, словно хочетъ сказать:

— Ну, теперь держись, теперь хозяинъ я, теперь погляди на меня... Что, взяли?..

И снова слушаетъ, слушаетъ, а у самого глаза все время бѣгаютъ туда и сюда, губы тонкія поджимаетъ и все облизываетъ ихъ быстро, словно жаръ внутренній палитъ изголодавшагося мужика...

Хорошій или худой человѣкъ былъ покойникъ, сердились на него или нѣтъ, справедливо онъ поступалъ въ жизни или обижалъ кого—не живущимъ судить... Все кончилось со смертью, все отошло въ прошлое, и передъ сельчанами была только смерть, стояла вотъ тутъ въ избѣ и торжествовала неслышной радостью, празднуя побѣду свою...

Сегодня Прокофій, а завтра можетъ я,—и все такъ: живешь, хлопочешь, трудишься, собираешь, какъ муравей, песчинки въ домъ свой и не знаешь часа своего... И гдѣ мѣра у живущихъ дѣламъ жившихъ?..

Печально и вдохновенно вздыхалъ хоръ тоскующими, умиротворяющими мотивами, и печально отвѣчалъ ему возгласами отецъ Нилъ. Такъ хорошо все, все какъ слѣдуетъ, и многимъ ли христіанамъ удастся похорониться такъ?

Дьяконъ роздалъ свѣчи, и огоньки ихъ вспыхнули и затеплились трепетными язычками. Служба шла, священникъ обходилъ со всѣхъ сторонъ гробъ и кадилъ передъ нимъ, и синіе пахучіе клубы ладона медленно таяли въ жаркомъ воздухѣ душной избы... Многимъ ли достанется, чтобы такъ благостно все было?..

Держалъ ли кто сердце на покойнаго, вздыхалъ ли

тяжко подъ твердой рукой его или нѣтъ, перекорялся ли съ нимъ и войной шелъ на него или нѣтъ, а когда хоръ тихо, словно издали и все приближаясь и крѣпчая, все повышая и заполняя всю избу грохотомъ своимъ, запѣлъ вѣчную память, грузно, съ безсильнымъ, отчаяннымъ стономъ пала на колѣни сначала вдова, потомъ ударилась о гулкія доски пола молодуха, потомъ одинъ по одному опустились всѣ мужики... Опустились и склонили головы передъ тѣмъ таинственнымъ и неизбѣжнымъ, что должно постигнуть всѣхъ—бѣдныхъ и богатыхъ, радостныхъ и сирыхъ... И, все наростая страшнымъ, потрясающимъ напряженіемъ, какъ бы раскалываясь и рушась, распадаясь, какъ распадается человѣческое тѣло послѣ смерти, и все превращая въ скорбный, отчаянный хаосъ,—страшный хаосъ на мѣстѣ стройнаго въ совокупности своей человѣческаго существованія, потрясающимъ, полнымъ безумнаго ужаса крикомъ грохоталъ надъ склоненными, покорными предначертанному жребію головами, послѣдній стонъ надгробнаго рыданія...

И все было позабыто, все ушло куда-то въ черную тьму небытія, все отпало и осталось одно только слабое, трепещущее, какъ желтые язычки похоронныхъ свѣчей, сознаніе:

— Умеръ мужикъ Прокофій Егоровъ Ельниковъ, ушелъ изъ жизни, и нѣтъ, нѣтъ его... Ушло изъ жизни всѣхъ людей огромное, необъятное искусство крестьянина и никогда, никогда не вернется...

И осталась на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ онъ, пустота.

Несли его до погоста тихими наполовину сжатыми полями. Сѣрое затучившееся небо смотрѣло на него, и дождикъ мелкій, какъ тонкая водяная пыль, принимался сѣять и вновь переставалъ, и опять принимался. И важными, насупившимися смотрѣли со склоновъ уходившія въ даль непрерывной цѣпью сложенныя бабки.

Онѣ провожали его до самаго села,—и чѣмъ ближе тѣмъ больше ихъ было,—безконечными рядами стояли онѣ по сторонамъ дороги, какъ солдаты выстроенные, и смотрѣли: вотъ несутъ крестьянина, что всю жизнь свою положилъ на эти поля, что каждымъ днемъ своимъ и каждымъ помышленіемъ несъ великій трудъ земли... И въ часъ послѣдняго разставанія съ землею онъ дѣлаетъ теперь смотръ великому воинству, на которое положилъ дни свои...

Такъ хоронили стараго мужика Прокофія Егорова Ельникова.

Попъ сказалъ слово надъ могилой,—хорошее слово, очень чувствительное,—говорилъ о трудѣ, о работѣ, о землѣ и хлѣбѣ,

все о такихъ простыхъ и понятныхъ вещахъ, а выходило какъ-то по особенному, словно открывалъ онъ темнымъ слушателямъ своимъ неизвѣстное...

По возвращеніи долго сидѣли за поминками, — честь честью поминали умершаго, — и не было различія никому: рядомъ съ лавочникомъ сидѣлъ Сергѣй Даниловъ, возлѣ Быкова Семена помѣщался Алексѣй Мироновъ, а Дмитрій, какъ хозяинъ, ходилъ вокругъ поминальнаго стола, потиралъ руки и угощалъ:

— Кушайте, пожалуйста, почтите покойничка, кормитесь пока что, получайте...

И чувствовалось, что теперь конецъ пришелъ всему Прокофьеву дому.

Дожди пошли съ того дня,—не было удержу у Бога: то жаромъ палилъ, то сталъ мочить такъ, что возможности никакой не было... Затянулось небо сѣрыми тучами, вѣтеръ зашелъ словно осенью, и словно осенью ударилъ внезапный холодъ. Сумрачно стояли на поляхъ бабки,—мокли, а не сохли, и, посматривая на нихъ, поговаривали крестьяне: какъ бы не проросъ хлѣбъ отъ этакой мокроты?..

Двигалось время въ неизмѣнномъ теченіи своемъ и шло надъ приникшей къ землѣ деревней, и, какъ смутное движеніе его, звенѣли дождевыя капли по листьямъ опустившихъ вѣтви березъ, по свѣтлымъ лужамъ, озерами стоявшимъ посреди улицы, по соломеннымъ крышамъ, по забраннымъ лучинками стекламъ...

Это осень шла,—далеко еще, за тридевять земель, но уже слышался мѣрный, неторопливый шагъ ея въ сѣрой смѣнѣ дней: полночью глухой слышался, утромъ сѣдымъ, вечеромъ сумеречнымъ.

Шла она гдѣ-то, далеко еще, за тридевять земель, шла потихоньку и тащила по мокрой, охолодѣвшей землѣ сѣрыя одежды свои... Свѣтлѣлъ подъ ними лѣсъ, оголялись поля и темнѣли луговины, и птицы сбивались въ стаи, а журавли стонали стекляннымъ переливающимся стономъ на дальнихъ болотахъ. И, слушая этотъ стонъ, говорили люди:

— Быть ранней зимѣ нынче...

И хлопотали по домашности, съ огородомъ и полемъ, ленъ уже кое-гдѣ принимались тягать и съ сѣвомъ озимыхъ потарапливались: близокъ Успеньевъ день...

Притихла деревня, словно въ норы ушли мужики. Бродили кто гдѣ—кто на поляхъ, кто зерно перелопачивалъ, кто ужъ и грохотомъ постукивалъ на гумнѣ, свѣженькаго хлѣбца попробовать приходилось...

И въ Прокофьевой избѣ настала тишина. Въ норы ушли всѣ, — кто куда позабились и съ трепетомъ слушали, какъ

гремитъ огромными отцовскими сапогами новый хозяинъ. Выйдетъ на дворъ, зыкнетъ на стараго работника, что долго справляется: день уже когда стоитъ, а кони желобы грызутъ; привычка скверная,—прикусъ дѣлаютъ, а сѣно съ какого времени не задано.

Въ избѣ повернется, на старую зыкнетъ такъ, что у ней въ животѣ похолодѣетъ, на братнину жену вскинется:

— Ты каторжная жена! Твоей части тутъ ни въ чемъ нѣтъ. Захочу—вонъ погоню, иди, куда хошь... Живи, пока доброта моя велитъ, качай ребятъ, справляйся по дому.

И все ходитъ, все оглядываетъ, все прицѣниваетъ: большой домъ, большое и хозяйство, — много за чѣмъ глядѣть есть...

Какъ волкъ, въ овчарню вбившійся, ходитъ наголодавшійся мужикъ. Глянетъ—ошорохъ беретъ, а онъ улыбается: сощуритъ зеленоватые глаза, оскалится весь и харкаетъ такъ, что мать охаетъ каждый разъ:

— Кх-х-ха-а-а...

И худо стало у нихъ въ домѣ. Все пошло въ стороны, все разлѣзалось, и не было силъ сдержать все. Хлѣбъ въ полѣ проросталъ, баринъ банковскій, вызвавъ Татьяну, ругательски ругалъ ее:—Отецъ твой обманулъ меня, никакихъ сыновей у него не было,—одинъ въ каторгѣ, другой въ раздѣлѣ. Подвелъ меня... За обманъ назадъ хуторъ отберу, какъ запродажная фальшиво имъ сдѣлана была...

„Свою“ землю землемѣръ пріѣзжалъ и отмѣрилъ въ самомъ концѣ поля, — смежно съ хуторомъ, какъ старый помершій хозяинъ заказывалъ: отъ дому далеко, хутора не будетъ, какъ управиться, когда и не переселиться на нее?

А тутъ работа, тутъ несправка, тутъ Дмитрій ходитъ, зыкаетъ на всѣхъ...

Мать, старую Пѣгариху, выгналъ вонъ и на глаза показываться не велѣлъ,—помнилъ старое. Опустилась старуха, на богомолье стала собираться, старенькая-старенькая стала, добренькая такая: что ни слово, то съ молитвой, къ кому ни обратится—все съ лаской...

Истомилась, измучилась Татьяна. Такъ больно, такъ горько ей было, что въ пору грянуться объ земь и заплакать горькими слезами...

Долго она думала и не рѣшалась, но, наконецъ, не выдержала и пошла на Даниловъ дворъ. Ее встрѣтила Дунька, мрачная, злая, съ опухшимъ лицомъ, въ подоткнутой юбкѣ. Она застудилась, и щеку ей раздуло такъ, что смотрѣть она могла только сбоку. Безобразное, изжелта блѣдное лицо ея отъ этого взгляда сбоку приняло свирѣпое выраженіе.

— Кого надоть? — сердито крикнула она, высовываясь изъ хлѣва.

— Сер... Сергѣй-то Данилычъ дома? — робко спросила Татьяна.

Дунька молча свирѣпо смотрѣла на нее. Похожа она была въ это время на злого, стараго пса, что заранѣе, еще не зная, кто и зачѣмъ пришелъ, готовъ наброситься съ хриплымъ, жестокимъ лаемъ.

— Нѣтъ его... — отрѣзала Дунька, по прежнему смотря свирѣпо и съ боку на пришедшую.—Нѣтъ и все тутъ...

Татьяна не рѣшилась спросить, гдѣ Сергѣй и когда онъ будетъ. Она попятилась къ воротамъ и вышла. И слышала, какъ Дунька ругалась, ничуть не сдерживая голоса:

— Тоже шляется, шлюха мокрохвостая... Думаетъ, тутъ что выйдетъ... Гораздъ надо объѣдки всякія...

Сергѣя Татьяна нашла у гумна. Привѣсивъ къ верхней балкѣ огромный, широкій грохотъ, нѣчто вродѣ рѣшета около сажени въ окружности, онъ вѣялъ только что отколоченный хлѣбъ. Пелы сыпались густой тучей, дышать отъ нихъ было трудно, и Сергѣй едва узналъ свою прежнюю невѣсту.

Она вошла, поздоровалась и хотѣла что-то сказать, но примолкла, уставившись на него.

Сергѣй серьезно и какъ будто немного сурово разсматривалъ эту когда-то такъ близкую ему женщину.

Она странно измѣнилась, такъ измѣнилась, что отъ прежняго ничего не осталось въ ней. Какъ-то ниже выглядѣла она, или пополнѣла, что ли, — тазъ у нея раздался, какъ обычно у женщинъ послѣ замужества, а лицо осунулось, и что-то приниженное, жалкое было во всей ея фигурѣ, словно она сгрезила что и боится...

Тѣнь слабая была прежней тонкой колеблющейся на ходу дѣвушки, такъ непохожей на крѣпкихъ, сбитыхъ молотками деренскихъ дѣвушекъ... И еще странное подмѣтилъ въ ней Сергѣй: какъ будто какимъ-то разложеніемъ вѣяло отъ нея, словно вся распадающаяся жизнь Ельниковской семьи наложила на нее неуловимую, но нестираемую печать.

Безъ жалости, даже какъ будто съ брезгливымъ любопытствомъ разсматривалъ ее Сергѣй и спокойно спросилъ:

— Что скажешь, молодуха?

Татьяна, должно быть, поняла все. Она сжалась, какъ собака подъ занесеннымъ кнутомъ, вобрала голову въ плечи и попятилась такъ же, какъ отъ Дуньки на дворѣ.

— Щеть для льна вотъ... Щеть надо бы...—пробормотала она первое, что пришло на умъ.—Вотъ, щеть бы мнѣ...

— Тамъ, во дворѣ спроси... Ужо Дунька-то вынесетъ...

— Спасибо... — могла только прошептать Татьяна и, все пятясь задомъ, словно боясь повернутся, чтобъ ея не ударили сзади, вышла вонъ. И пошла по мокрой отъ дождя травѣ, шатаясь, какъ пьяная, въ развязавшемся платкѣ, полоскавшемся по вѣтру, съ ужасомъ слушая, какъ тарахтитъ сзади на гумнѣ грохотъ...

Вечеромъ Дунька сказала брату:

— Приходила эта... Танька Ельниковская... Тебя спрашивала... Тоже, сука бездомная, таскается всюду...

— Была она на гумнѣ... Щеть ей, что ли тамъ, понадобилась...

— Знаю я, какая ей щеть понадобилась...

Луша укоризненно взглянула на сестру и промолвила:

— Ну, чего ты такъ, Дунь...

— А чтожъ—не правда, что ль? Ты святоша, тебѣ все не такъ... Тоже, заступается...

— Да бросьте вы, дѣвки, чего вы? — остановилъ ихъ Сергѣй,—ну, приходила, ушла, ну, и песъ съ ей...

И покорный особой, зоологически жестокой правдѣ, тотчасъ же пересталъ думать объ одинокой, всѣми брошенной женщинѣ, когда-то такъ близкой и родной... И забылъ про нее.

Въ Успеньевъ день изъ церкви возвращались: Титъ Мосеевъ Авузинъ, дѣдъ Ѳедоръ Романовичъ, Матвѣй Шерстобитъ и Сергѣй Даниловъ.

Каждый несъ мѣшочекъ освященныхъ сѣмянъ для посѣва озимого; шли и говорили, а вѣтеръ рвалъ слова и несъ ихъ по полю; для того, чтобы слышать другъ друга, они близко наклонялись къ самымъ лицамъ и кричали.

Дождь то принимался идти, словно кто-то бросалъ огромныя горсти холодныхъ капель, то снова переставалъ. А иногда было такъ, что вѣтеръ разгонялъ тучи, рвалъ ихъ, и тогда проглядывало на минуту синее далекое небо, солнечное пятно появлялось на голыхъ, ощетинившихся жнитвомъ поляхъ и медленно ползло, спускаясь по скатамъ, подымаясь на взгорки, пока тучи снова не закрывали его.

Уже недалеко отъ деревни мужики остановились и стали смотрѣть на канаву. Она рѣзала поля стальной голубоватой ниткой,—прямая, какъ выведенная по линейкѣ, набухшая отъ послѣднихъ дождей, грозящая залить теперешнюю паренину. Кое-гдѣ, въ мѣстахъ пониже, вода уже вышла изъ береговъ, затопила часть поля, и тамъ стояли

свѣтлыя, обширныя лужи. Недалеко отъ нихъ бродилъ скотъ. Пестрыя пятна ползали по убранному полю и на желтомъ фонѣ жнитва казались разноцвѣтными кусками матеріи, брошенными небрежной рукой тамъ и здѣсь.

Кнутъ пастушій щелкалъ порою отдаленнымъ выстрѣломъ, и дѣтскій крикъ подпаска звенѣлъ въ сыромъ, плотномъ воздухѣ.

Мужики стояли долго, думая о канавѣ. Первый сказалъ Шерстобитъ:

— Я говорилъ тогда, я говорилъ... И ни къ чему намъ канава эта самая. Погодите, ужо зальетъ она поле, то будетъ тогда...

— Да вѣдь оно какъ будетъ-то еще?..— неувѣренно возразилъ Авузинъ,—можетъ, и такъ пройдетъ... Кабъ дождя то поменѣ, помочки этой самой...

Пастухъ Захаръ увидѣлъ стоящихъ на дорогѣ мужиковъ и поползъ къ нимъ. Скучно было старику дождливой порой въ полѣ и шелъ хоть поболтать, чѣмъ-нибудь развлечься...

Онъ подошелъ, поздоровался и тоже сталъ смотрѣть.

— Канава-то плохо, а?—спросилъ дѣдъ Өедоръ.

Захаръ молча посмотрѣлъ на него, потомъ опять на канаву и проговорилъ:

— То-то что я смотрю... Кабъ дождь, такъ говорить: ливни... А то на тѣ: чуть и помочило-то .. Что-жъ въ осень то будетъ? Тутъ не то... Такая причина тутъ, что гдѣ-то выше рѣки разливши... Какъ они планы свои канавные составлявши по одному мѣстоположенію только, скажемъ, по волости, ай тамъ по уѣзду, что-ль, а она, вода-то, подопретъ, можетъ, со всей губерніи... Такъ говорить будемъ теперь: наша губернія сильно ниже, какъ сосѣдняя, Тверская, скажемъ... Ну, вода-то, она и отъ малаго дождя претъ...

Онъ опять помолчалъ, долго молчалъ, обдумывалъ и хмурился. И сказалъ:

— А по веснѣ, какъ разливъ вдаритъ, что будетъ? Начисто поле то зальетъ... Я все думаю... Хожу вотъ и думаю... Конечно, какъ меня сыны съ дому выгнавши, хуть я на ихъ и не обиждаюсь... чтобы обиждаться, то этого нѣтъ, надо правду говорить, а только что бродить мнѣ приходится... Я и гляжу... И вижу... И думаю тоже... Вотъ оно и выходитъ...

— Моимъ то нивкамъ совсѣмъ покончаніе будетъ...— прищурившись и упорно вглядываясь вдаль, вымолвилъ дѣдъ Өедоръ:—кабъ работникъ-то у меня хоть еще кто былъ, а то какъ есть одинъ...

Онъ вдругъ оглянулся и уставился на Сергѣя. Тотъ

улыбнулся и вышло такъ, словно они сказали про себя то, что обоихъ успокоило.

— Извѣстно, — продолжалъ дѣдъ, — все отъ Господа... Какъ онъ милостивецъ...

— Знамо дѣло, не безъ него...—согласился Захаръ.

— Не добивайся ранняго вставанья—-добивайся добраго часу... —бормоталъ Авузинъ,—такое дѣло...

Онъ хотѣлъ сказать то, что давно вертѣлось у него въ головѣ въ видѣ большого и серьезнаго обобщенія, но, какъ всегда, не хватало словъ, чтобъ высказать свою мысль.

— Это ровно какъ икона эта самая,—продолжалъ онъ, перебирая длинные, полусѣдые волоски на бородѣ:—зашла сухмень, далъ себѣ Господь поблажки, сичасъ икону эту самую... Тѣмъ же концомъ да по тому же мѣсту, да—а... Значитъ, какъ ни какъ, а устраивайся... такъ, чтобы лучше: не вышло по нашему, мы съ другого конца... Въ тѣхъ же футорахъ ренду... какъ намъ невозможно никакъ, то и сноровляйся... Тѣмъ и живъ только мужикъ то...

Захаръ пастухъ помоталъ головой.

— Это какъ одинъ косникъ тоже...—сказалъ онъ,—косы австріяцкія продавалъ, въ насъ, остановивши былъ, ночевать, стало быть... Тоже вотъ разсказывалъ, хорошо такъ разсказывалъ, будто одну деревню за бунты начальство въ дальній край, прямо, можно сказать, на край свѣта угнало... Ну, хорошо, угнало это оно всю деревню, а само, значитъ, назадъ... Чтобы, значитъ, не сгинуть тамъ, въ краю этомъ самомъ, а мужиковъ и съ бабами, и съ ребятами оставило: живите, какъ хотите, мы, значитъ, васъ оставляемъ... А мѣсто голое, мѣсто неудобное, такое, прямо надо сказать, гиблое мѣсто... Ушло, а само думаетъ: ладно теперь будетъ вамъ, всѣ, какъ есть, перемрете, довольно бунтовать вамъ супротивъ насъ... И оставивши тамъ, само забыло про мужиковъ этихъ самыхъ, рѣшивши, значитъ, что сгинуть вся деревня безпремѣнно должна... Одначе, такъ говорить надо, по прошествіи времени, уже когда порѣшивши,—начальство злое было,—что ни одного мужика тамъ не оставши, гонитъ туда еще партію,—подите-ка, поживите, тамъ у васъ сосѣди будутъ... Смѣются, значитъ... Погнали, вдругъ глядятъ: а на томъ мѣстѣ, гдѣ каменье одно было, то есть, самая неудобь, стоитъ себѣ деревня, самая настоящая деревня, все какъ слѣдоваетъ быть: избы тамъ и прочее все, ну, настоящая деревня: и хлѣбъ есть, и скотина тамъ, и все, все какъ есть... Тутъ начальство: какъ такъ, почему такое, какъ вы смѣли? А тѣ и говорятъ: такъ и такъ, молъ, все какъ слѣдоваетъ быть устроивши, какъ мы, значитъ, все сдѣлали... Ну, вотъ ты и гляди,

какое тутъ дѣло то вышло... Начальство какъ взъерепенится: а подати, гритъ, несете? Какъ такъ смѣете податей не нести? А? И сичасъ ихъ въ каталажку, и пошло это самое...

— Вотъ и это, молъ, такъ же: онъ вотъ говоритъ,—кивнулъ Захаръ на Авузина,—какъ ни какъ, а мужикъ пристроится... Его хуть куда загони, хуть какую ему жизть дай, а онъ все дышитъ... Такой мужикъ есть...

— Это самое и есть,—согласился Авузинъ, поймавъ въ разсказѣ пастуха то самое обобщеніе, которое долго нащупывалъ самъ,—вотъ это самое и есть... Хуть ты не передѣляй, хуть ты тамъ въ какую хошь прорву загони, а все дышимъ...

— Хошь не хошь, а живешь и до смерти не помрешь...— вставилъ Сергѣй. И это прозвучало у него не горькой необходимостью жить, а залогомъ будущаго труда и будущей радости...

— Такъ-то, сынокъ,—вздохнулъ дѣдъ, уже назвавъ его сынкомъ, и самъ не замѣчая того:—такъ оно и есть...

Мужики пошли дальше. Пастухъ Захаръ еще долго стоялъ на томъ же мѣстѣ и смотрѣлъ на канаву. Когда показывалось солнце, она сверкала, какъ ослѣпительное лезвіе, вонзившееся въ мужицкія поля, и было больно смотрѣть тогда на нее.

— Никто, какъ Богъ...—пробормоталъ пастухъ, оглядывая поля,—все онъ, милостивецъ... Христосъ-Батюшка... Его и не видать, а глядитъ онъ, ходитъ по полямъ мужицкимъ, тоже заботу свою имѣетъ...

И ему казалось, что по мокрымъ, дождливымъ полямъ, гдѣ жниво тускло блеститъ свѣтлымъ золотомъ, по низкимъ залитымъ водой луговинамъ, по чутко замершимъ въ сыромъ, напоенномъ влагой воздухѣ лѣсамъ молчаливо бродитъ изъ края въ край, заботу свою имѣетъ, особенный, полевой, мужицкій Христосъ. Идетъ полями и медленнымъ мановеніемъ озяблой руки благословляетъ отдыхающія поля, идетъ лугами и обводитъ застывшія травы, и лѣсами идетъ, слушаетъ чуткую тишину... И, орошенный холоднымъ предъосеннимъ дождемъ, одинокій и печальный останавливается въ виду приникшихъ къ землѣ деревень и долго смотритъ на тусклыя, темныя избы...

В. Муйжель.

В. Джемсъ, какъ религіозный мыслитель.

I.

Философовъ часто сравнивали съ поэтами. Метафизику даже прямо опредѣляли, какъ поэзію понятій. Какъ ни парадоксальны на первый взглядъ эти характеристики, расходящіяся съ обычнымъ пониманіемъ, для котораго философія, это—наиболѣе общее и возвышенное *знаніе*, онѣ, собственно, еще слишкомъ широки. Философія (въ смыслѣ міросозерцанія) не просто поэзія понятій, но *субъективная*, лирическая поэзія ихъ. Философы это—не Гомеры или Шекспиры космоса, а его Байроны, Гейне, Леопарди. Въ своихъ системахъ-поэмахъ они не даютъ объективной картины развертывающейся передъ ихъ взоромъ вселенной, но описываютъ на языкѣ отвлеченныхъ и универсальныхъ схемъ свои субъективныя переживанія міра, раскрываютъ свою личную реакцію на «все». Философская система, съ этой точки зрѣнія, представляетъ существенный моментъ біографіи ея автора, не просто эпизодъ жизни, болѣе или менѣе значительный, но всегда отдѣлимый отъ пережившаго его, а что-то внутренне и неразрывно связанное съ душевнымъ міромъ мыслителя.

Всѣ мы до извѣстной степени философы, «міросозерцатели». Въ будни жизни каждый изъ насъ втянутъ въ ту или иную злобу дня, каждый тѣмъ или инымъ способомъ поглощенъ пестрой и шумной сутолокой его, застилающей отъ взора всѣ далекія перспективы. Но бываютъ моменты—немногочисленные, нечастые—когда смолкаютъ въ душѣ шумы дня и разрывается пелена многосложныхъ тревогъ его, и человѣкъ остается какъ бы въ тиши ночной одинъ на одинъ съ космосомъ. Эти минуты «ночнаго воззрѣнія» на міръ у насъ рѣдки и кратковременны; но онѣ, чувствуемъ мы, оправдываютъ и освящаютъ наше повседневное существованіе; онѣ—резервуары тѣхъ особыхъ, подымающихъ насъ, чувствъ, которыя необходимы, чтобы продираться черезъ мелочи жизни.

Философское творчество тѣмъ намъ и дорого, что въ немъ мы

имѣемъ закрѣпленнымъ и какъ бы остановившимся прекрасное мгновеніе нашего «ночнаго воззрѣнія». Философы словно подслушиваютъ нашъ молчаливый и краткій діалогъ со вселенной, чтобы развить и дополнить его. Читая ихъ, мы сочувственно переживаемъ ихъ настроенія, но, главное, мы отыскиваемъ себя, находимъ ясно и ярко выраженной свою собственную, смутную и неоформленную у насъ, реакцію на «все».

В. Джемсъ былъ настоящимъ, большимъ поэтомъ понятій, природнымъ, кровнымъ философомъ, хотя и не обладалъ нѣкоторыми, обыкновенно приписываемыми философамъ, аттрибутами. Начать хотя бы съ внѣшней стороны. Всѣ произведенія Джемса написаны крайне просто и общедоступно. Въ этомъ отношеніи онъ остался вѣренъ традиціямъ англійскаго эмпиризма, умѣвшаго сочетать ясность съ основательностью. Джемсъ постоянно протестовалъ противъ «сверхтехничности» профессіональной философіи—въ особенности нѣмецкой,—дѣлающей изъ нея какое-то «эзотерическое и оккультное знаніе» (слова Паульсена). Дѣйствительно, подъ преобладающимъ вліяніемъ германской философія трудность и запутанность изложенія стали какъ бы обязательными для всякаго заправскаго мыслителя. Лирики космоса пріучились писать самымъ варварскимъ и антиэстетическимъ образомъ; каждый уважающій себя философъ—это своего рода Гераклитъ Темный, для усвоенія мыслей котораго—иногда не Богъ вѣсть какихъ—требуется значительное усиліе. По самому складу своей мысли, по огромному литературному таланту, бьющему изъ каждой написанной имъ строки, Джемсъ не могъ высказываться о тѣхъ, подчасъ простыхъ, но важныхъ для всѣхъ вещахъ, которыми занимается философія, на манеръ оракула. Поэтому-то его знаменитыя лекціи о прагматизмѣ, явившіяся исходнымъ пунктомъ для не закончившагося еще и до сихъ поръ спора объ истинѣ и смыслѣ ея, можно безъ особеннаго труда прочесть за одинъ вечеръ. Такъ же увлекательны и его лекціи о плюралистической вселенной, его замѣчательная книга о религіозномъ опытѣ, и т. д. Одинъ изъ критиковъ Джемса замѣтилъ, что со времени Шопенгауера еще не писали о философскихъ предметахъ такимъ блестящимъ языкомъ. Если исключить Бергсона—безусловно болѣе крупнаго стилиста—и, можетъ быть, Гюйо,то это, пожалуй, вѣрно. Но въ литературной манерѣ Джемса поражаетъ не только и не столько внѣшній блескъ, сколько отсутствіе напряженія, безыскусственность, нелитературность изложенія, что-то отъ Диккенса и Твэна, отъ англо-саксонскаго юмора, такъ быстро роднящаго читателя съ авторомъ. Шопенгауеръ писалъ удивительнымъ нѣмецкимъ языкомъ, а Бергсонъ—тотъ просто поразительный виртуозъ, какой-то Паганини литературной рѣчи, но въ ихъ произведеніяхъ слышится излишекъ стиля, на нихъ лежитъ какой-то налетъ академизма и литературной вылощенности. Вы восхищаетесь изумительнымъ мастерствомъ автора, поражаетесь богатствомъ образовъ,

плавнымъ ритмомъ фразъ, но межъ имъ и вами остается какая-то отчужденность и холодокъ. Съ Джемсомъ же вы чуть ли не съ первыхъ строкъ начинаете чувствовать себя, какъ съ очень давно знакомымъ и близкимъ человѣкомъ, говорящимъ не для аудиторіи, не для всѣхъ, а для васъ только и съ вами о нужныхъ и важныхъ для васъ обоихъ вещахъ. «Интимность»—слово, которое такъ любитъ употреблять Джемсъ и которымъ онъ пользуется для выраженія того, что̀ ищетъ философствующій умъ во вселенной,—можетъ быть, лучшій терминъ для характеристики этого своеобразнаго стиля.

У читателя, воспитаннаго на литературной манерѣ нѣмецкой философіи, легко можетъ явиться искушеніе отнестись къ работамъ Джемса, какъ къ чему-то поверхностному, мало философскому. И это тѣмъ болѣе, что почти всѣ произведенія Джемса общефилософскаго характера составились изъ отдѣльныхъ журнальныхъ статей или лекцій, читанныхъ передъ довольно пестрымъ составомъ слушателей. У Джемса нѣтъ того, что полагается по штату настоящему философу: своей широковѣтвистой и многорасчлененной системы, дающей отвѣты на всѣ наиболѣе общіе и важные вопросы человѣка. Если философія—это дѣло жизни философа, его «οντως ον» (существенно сущее), «выраженіе его внутренняго характера», какъ говоритъ самъ Джемсъ, то—скажутъ—можно ли считать философіей эти случайныя, высказанныя по тому или иному поводу, изложенія своего исповѣданія вѣры?

Дѣйствительно, у Джемса нѣтъ своей собственной системы. Кругъ затрагиваемыхъ имъ проблемъ сравнительно узокъ, и по сравненію съ грандіозными сооруженіями такихъ инженеровъ мысли, какъ Спиноза, Кантъ, Гегель, или даже нѣкоторыя меньшія величины, его собственная философская постройка представляется чѣмъ-то довольно скромнымъ и небольшимъ. Но въ отмежеванной имъ себѣ области вопросовъ Джемсъ проявилъ достаточно того, что̀ онъ называетъ «интеллектуальнымъ темпераментомъ» и что̀ характеризуетъ, по его мнѣнію, мыслителей, оставившихъ свой слѣдъ въ философіи. Эпизодическія же, на первый взглядъ, произведенія американскаго философа носятъ на себѣ ярко выраженную печать самыхъ доподлинныхъ его переживаній. Обо всѣхъ книгахъ Джемса можно сказать то, что̀ сказалъ любимый имъ Уотъ Уитмэнъ о своихъ «Побѣгахъ травы»: «Кто прикоснется къ этой книгѣ, прикоснется къ человѣку».

II.

Основнымъ мотивомъ джемсовскаго размышленія о мірѣ былъ мотивъ религіозный. Если не бояться употребить захватанный у насъ и опошленный терминъ, то о Джемсѣ можно было бы сказать, что онъ всю свою жизнь былъ «богоискателемъ». Но есть, конечно, огромное различіе между религіозными исканіями автора «Воли къ вѣрѣ» и той литературной вакханаліей послѣднихъ лѣтъ, которая получила у насъ названіе богоискательства. Для Джемса, выросшаго въ религіозной американской семьѣ, интересъ къ проблемамъ религіи не былъ праздной игрой пресыщеннаго ума, новымъ острымъ ощущеніемъ посреди многихъ другихъ, а центральнымъ вопросомъ жизни, отголоскомъ и продолженіемъ тѣхъ мощныхъ чувствъ, которыя погнали когда-то толпы пуританъ въ малоизвѣстный Новый Свѣтъ и которыя и теперь еще являются источникомъ непрекращающагося религіознаго броженія въ Соединенныхъ Штатахъ. Джемсъ былъ, повидимому, подверженъ своеобразной духовной немочи, свирѣпствующей особенно среди членовъ англо-саксонской расы и выражающейся въ невыносимо тяжеломъ и мрачномъ самочувствіи, въ настроеніи полной душевной опустошенности, граничащемъ съ taedium vitae. Пріобрѣвшій всемірную извѣстность, англійскій сплинъ это,—можетъ быть, лишь джентльмэнская, «комильфотная» форма того состоянія подавленности и безпредѣльнаго отчаянія, которое лежитъ въ основѣ безчисленныхъ англійскихъ и американскихъ сектъ, начиная съ методистовъ и кончая современнымъ движеніемъ «духовнаго врачеванія» или даже Арміи Спасенія.

Въ заключительной лекціи своей «Плюралистической вселенной» Джемсъ говоритъ о существованіи специфическихъ религіозныхъ переживаній. «То, что́ я имѣю въ виду, можетъ быть вкратцѣ описано, какъ переживанія нечаемой жизни, слѣдующей за смертью. Я говорю не о безсмертіи и не о смерти тѣла. Я имѣю въ виду аналогичное смерти прекращеніе нѣкоторыхъ психическихъ процессовъ въ переживаніи индивидуума, процессовъ, которые замираютъ и, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ индивидовъ разрѣшаются отчаяніемъ. Подобно тому, какъ романтическая любовь является, повидимому, сравнительно недавнимъ открытіемъ литературы, такъ и переживанія того, что́ происходитъ въ отчаяніи, не играли, какъ кажется, большой роли въ офиціальномъ богословіи вплоть до Лютера».

Эта *религіозность отчаянія*, религіозность большинства протестантскихъ сектъ, религіозность Беньяна и нашего Толстого, была родственна и Джемсу, самому пережившему нѣсколько лѣтъ назадъ тяжелый душевный кризисъ, выходъ изъ котораго онъ

искалъ въ религіи «духовнаго врачеванія». Только на днѣ собственныхъ переживаній могъ Джемсъ найти тотъ тонкій психическій анализъ, тѣ нужныя слова, которыя дѣлаютъ многія страницы его книги о «Религіозномъ опытѣ» просто классическими, и въ томъ числѣ его дѣленіе религіозныхъ натуръ на однажды рожденныхъ и дважды рожденныхъ. Джемсъ самъ принадлежалъ скорѣе къ типу дважды рожденныхъ. Міръ не былъ для него мѣстомъ гармоніи, а ареной борьбы, связанной съ жизненнымъ рискомъ. Его воспріятіе міра не было ясно и безоблачно-радостно, какъ у пантеистовъ; къ нему примѣшивался значительный элементъ безпокойства и тревоги, чувство «космическаго страха», и отсюда его постоянная борьба съ нео-гегельянствомъ, монизмъ котораго забывалъ совсѣмъ о наличности этихъ дисгармоническихъ, нарушающихъ нашъ душевный миръ, чувствъ.

«Ты бы не искалъ Меня, если бы не нашелъ Меня». Эти слова Іисуса у Паскаля (въ его «Mystère de Jésus») вполнѣ примѣнимы къ Джемсу и его неустанному богоискательству. Джемсъ былъ по природѣ человѣкомъ религіозныхъ обѣтованій, и этой стороны его духа ничто не могло бы заглушить. Но его религіозность не была наивна, безпримѣсна, и она приняла характеръ исканій. Джемсъ не принадлежалъ къ числу сложныхъ или, скорѣе, разорванныхъ, натуръ съ религіозной амплитудой въ 180 градусовъ, совмѣщающихъ въ себѣ двѣ противоположныя «бездны» вѣры и невѣрія. Но въ немъ была двойственность, сказывалось отсутствіе религіозной цѣльности, какъ у того же Паскаля.

Есть вообще много сходнаго между богоискательствомъ покойнаго американскаго мыслителя и религіозными исканіями великаго автора «Мыслей». Джемсовская «Воля къ вѣрѣ» своеобразно воспроизводитъ знаменитое паскалевское пари. Неутомимыя попытки Джемса оправдать истинность религіи напоминаютъ психологическіе, логическіе и др. аргументы Паскаля въ пользу религіи и, въ частности, христіанства. Наконецъ, даже общій характеръ исканій, какая-то смѣсь вѣры и невѣрія, чуть ли не глумленія—вспомнимъ паскалевское: «берите освященную воду, заказывайте мессы; это васъ заставитъ вѣрить, это сдѣлаетъ васъ нищими духомъ»—у обоихъ одинъ и тотъ же. Вѣдь паскалевскія «Мысли» написаны такъ, что ихъ долгое время можно было принимать за исповѣдь сомнѣвающагося скептика, и только за послѣднее время въ нихъ окончательно признали апологію христіанства. То же двойственное чувство способны вызвать иногда и писанія Джемса. Неужели искренно и вполнѣ вѣрующій человѣкъ можетъ утверждать, будто религія истинна потому, что она даетъ въ жизни утѣшеніе и облегчаетъ неизбѣжное? Серьезно ли можетъ въ наше время религіозный человѣкъ защищать политеизмъ, какъ это дѣлаетъ Джемсъ? Вѣрующій ли говоритъ, что «въ зависимости отъ нашей вѣры самъ Богъ, быть можетъ, становится все живѣе и реальнѣе»?

(«Зависимость воли отъ вѣры», с. 69). И, однако, почти всѣ философскія произведенія Джемса это—одна сплошная борьба съ атеизмомъ и апологія религіи.

Въ случаѣ Джемса, какъ и Паскаля, мы имѣемъ передъ собой религіозность аналитиковъ, рефлектиковъ, людей высшей интеллектуальной культуры. *Мыслящее* существо, «мыслящій тростникъ», по знаменитому паскалевскому опредѣленію человѣка, пресыщенъ своей рефлексіей и мышленіемъ, онъ усталъ отъ мышленія. Онъ не довольствуется уже гордымъ противоставленіемъ себя безсмысленной природѣ и тѣмъ утѣшеніемъ, что если природа и можетъ раздавить его, то она не сознаетъ этого, а онъ, погибая, будетъ понимать это и будетъ тѣмъ самымъ выше ея («Pensées»). Онъ хочетъ отдаться во власть Сильнаго, стать тростью въ рукѣ его, хочетъ стать въ «зависимое и радостно готовое на жертвы положеніе» («Relig. Erfahrung», с. 47). Но—проклятіе или благословеніе—его мышленіе, какъ тѣнь, неотступно слѣдуетъ за нимъ. И вотъ его вѣра начинаетъ отливать невѣріемъ и скептицизмомъ, а едва зарождающееся сомнѣніе принимаетъ характеръ безумной жажды вѣры. Могучій, пирамидой возвышающійся, интеллектъ и неудовлетворенное сердце, точно выжженная солнцемъ пустыня, жаждующее влаги религіознаго утѣшенія—такова психологическая основа исканій Паскаля. У Джемса тѣ же элементы выступаютъ въ смягченной формѣ, и поэтому его богоискательство не приняло характера роковой душевной драмы, какъ у французскаго мыслителя. Но поэтому же его религіозное творчество приняло форму философскаго—и въ частности философско-религіознаго творчества, а вѣра превратилась скорѣе въ постоянное размышленіе о вѣрѣ, во взвѣшиваніе шансовъ, говорящихъ за и противъ религіи. Примиреніе науки съ религіей, оправданіе передъ лицомъ разума религіозной вѣры стало жизненной задачей Джемса, непрерывно искавшаго для разрѣшенія ея все новыхъ и новыхъ средствъ.

На этой сторонѣ его философской дѣятельности я и остановлюсь, главнымъ образомъ, въ настоящемъ очеркѣ.

III.

Начну съ прагматизма, который Джемсу лично былъ дорогъ особенно, какъ средство своеобразной религіозной апологетики. Джемсъ прямо приписывалъ прагматизму роль примирителя и посредника, указывая на современную дилемму въ философіи. Большинство людей, говоритъ онъ, желаетъ какъ фактовъ, такъ и религіи. Эмпиризмъ (Джемсъ имѣетъ здѣсь въ виду, главнымъ образомъ, матеріализмъ) даетъ факты безъ религіи. Раціонализмъ же (т. е. идеалистическая философія и въ особенности англо-американское нео-гегельянство) даетъ религію безъ фактовъ. Прагма-

тизмъ беретъ на себя задачу дать и факты, и религію, т. е. показать, что между положительной наукой и религіей нѣтъ никакого противорѣчія. Орудіемъ для этого служитъ ему прагматическая теорія истины.

Опираясь на эту прагматическую теорію истины, Джемсъ велъ борьбу на два фронта. Съ одной стороны, онъ воевалъ съ идеалистическимъ монизмомъ, для котораго существуетъ какая-то абсолютная, извѣчная истина, Истина съ прописной буквы, не имѣющая почти никакого отношенія къ конкретному многообразію фактовъ. Джемсъ былъ убѣжденнымъ плюралистомъ и съ монизмомъ абсолютныхъ идеалистовъ онъ боролся такъ же страстно, какъ и съ невѣріемъ матеріалистовъ. Абстрактной и далекой отъ злобъ людскихъ истинѣ идеалистическаго монизма онъ противоставлялъ конкретную, «практическую» *) истину (или, вѣрнѣе, истины) прагматизма. Прагматизмъ, говорилъ Джемсъ, «отворачивается отъ абстракцій и недоступныхъ вещей, отъ словесныхъ рѣшеній, отъ скверныхъ апріорныхъ аргументовъ, отъ твердыхъ, неизмѣнныхъ принциповъ, отъ замкнутыхъ системъ, отъ мнимыхъ абсолютовъ и началъ. Онъ обращается къ конкретному, къ доступному, къ фактамъ, къ дѣйствію, къ власти» («Прагматизмъ», с. 37). «Все отличіе его—это пользованіе конкретной точкой зрѣнія. Онъ начинаетъ конкретностью и возвращается и кончаетъ ею» («The Meaning», с. 216).

Другое остріе прагматической концепціи направлено противъ неумѣренныхъ притязаній позитивизма. «Истинное», говоря коротко, это просто лишь удобное въ образѣ нашего мышленія, подобно тому, какъ «справедливое»—это лишь удобное въ образѣ нашего поведенія» («Прагм.», 136).

Если подчеркиваніемъ конкретности прагматическаго метода Джемсъ пользовался для дифференцированія своихъ плюралистическихъ и политеистическихъ взглядовъ отъ абстрактныхъ и далекихъ нашему сердцу воззрѣній пантеизма и монотеизма, то теорія истины, какъ «удобнаго», служитъ у него для оправданія вообще религіозныхъ построеній. Истина—не какой-то метэмприческій идолъ, требующій себѣ непрестанно жертвъ, а просто орудіе человѣческаго духа, помогающее намъ оріентироваться въ окружающей дѣйствительности. Не человѣкъ для истины, а истина для человѣка. Въ истинѣ нѣтъ ничего абсолютнаго, независимаго, непреклоннаго, самодовлѣющаго. Она работаетъ («it works») на насъ, она гибка и пластична, она, словомъ, удобна. Но тогда есть ли существенное различіе между научной истиной и истиной религіозной? И не въ правѣ ли мы утверждать, что, «если окажется,

*) «Practical» (практическій), объяснилъ онъ въ отвѣтъ критикамъ, имѣетъ у него смыслъ «particular» (частный, конкретный). См. «The Meaning of Truth», с. 52, примѣчаніе.

что религіозныя идеи имѣютъ цѣнность для дѣйствительной жизни, то съ точки зрѣнія прагматизма, онѣ будутъ истинны въ мѣру своей пригодности для этого» («Прагм.», 50).

Критика жестоко обрушилась на Джемса за смѣшеніе *объективно*-удобнаго, которое имѣетъ въ виду положительная наука, съ *субъективно*-удобнымъ (т. е. попросту желательнымъ) религіозснаго чувства. Отъ этихъ обвиненій Джемсъ не могъ вполнѣ очиститься. Дѣйствительно, многія, и нерѣдко важнѣйшія для его цѣли, разсужденія построены на этомъ смѣшеніи, такъ что аргументація Джемса становится по временамъ совершенно зыбкой. Джемсу предстоитъ, напримѣръ, разобрать альтернативу между матеріализмомъ и теизмомъ. Если имѣть въ виду прошлое, разсуждаетъ онъ, то между обѣими гипотезами нѣтъ никакой существенной разницы. Прошлое дано намъ во всей своей непреложности и неизмѣнности. Мы можемъ назвать его причиной матерію,— и отъ этого оно не станетъ нисколько бѣднѣе, какъ и не станетъ богаче, если мы назовемъ причину его Богомъ. Но иначе обстоитъ дѣло, какъ только мы станемъ заглядывать въ будущее. Мы спрашиваемъ себя тогда, что́ сулитъ намъ міръ, что́ обѣщаетъ намъ будущее? При постановкѣ этого вопроса сейчасъ же получается огромное различіе между обѣими концепціями міра, и различіе не въ пользу матеріализма. Съ точки зрѣнія механической эволюціи міръ неотразимо, неизбѣжно идетъ къ роковому концу. Понятіе же о Божествѣ, хотя оно и не такъ ясно, какъ символы механическаго міровоззрѣнія, «имѣетъ за то надъ ними то практическое превосходство, что оно гарантируетъ идеальный и вѣчный міропорядокъ. Міръ, въ которомъ послѣднее слово принадлежитъ Богу, можетъ, разумѣется, погибнуть въ пламени, можетъ окоченѣть отъ холода, но въ этомъ случаѣ мы думаемъ, что Богъ держитъ въ памяти старые идеалы и что онъ, навѣрное, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ приведетъ ихъ въ осуществленіе. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ есть Божество, трагедія носитъ только временный и частичный характеръ; финальный крахъ и гибель здѣсь не конецъ всего» (Прагм.», 69).

Нетрудно замѣтить, что дилемма между матеріализмомъ и теизмомъ поставлена здѣсь невѣрно. Въ очеркѣ о «Волѣ къ вѣрѣ» Джемсъ защищалъ когда-то положеніе, что, если намъ дана альтернатива, недоступная рѣшенію на интеллектуальныхъ основаніяхъ и имѣющая для насъ жизненное значеніе, то мы въ правѣ и даже обязаны произвести выборъ согласно нашей эмоціональной природѣ; воздержаніе отъ выбора было бы по существу такимъ же эмоціональномъ рѣшеніемъ, связаннымъ при томъ съ такимъ же рискомъ ошибиться (См. «Зависимость воли отъ вѣры», 13). Но въ данномъ случаѣ ничего подобнаго нѣтъ. Матеріализмъ и теизмъ—совсѣмъ не равноцѣнныя гипотезы, какъ это изображаетъ Джемсъ. Матеріализмъ—худо ли, хорошо ли,—но объясняетъ

намъ міръ въ его *конкретности*, т. е. даетъ намъ возможность составить классификаціи явленій, удобныя и пригодныя для оріентировки въ многообразіи феноменальнаго міра. Теистическій же принципъ ровно ничего не объясняетъ. Изъ гипотезы о существованіи Божества нельзя вывести объясненія ни одного единичнаго факта. Вся необъятная пестрота міра эмпиріи остается при этой гипотезѣ той же, что и безъ нея. Такимъ образомъ Джемсъ сравниваетъ между собой собственно не матеріализмъ, какъ таковой (т. е. научную теорію, объясняющую факты, но рисующую мрачную картину конца вселенной), съ теизмомъ, а только одинъ изъ элементовъ матеріализма, его пессимистическое предсказаніе *), съ оптимистическими увѣреніями теизма.

Изслѣдовавъ паціента, врачъ нашелъ его болѣзнь роковой, неизлѣчимой. Разумѣется, ни самъ больной, ни близкіе его не могутъ душевно примириться съ приговоромъ науки и непремѣнно создадутъ себѣ какое нибудь иллюзорное утѣшеніе: «вѣдь наука не всевѣдуща! Чего только не бываетъ въ жизни! Развѣ рѣдки случаи, когда обреченные докторами на смерть отлично выздоравливали?...» Для надежды всегда достаточно широка дверь. Правъ врачъ съ своей научной, теоретической, точки зрѣнія. Правы по своему и больной, и окружающіе его, которымъ вѣдь надо какъ нибудь жить. Но было бы странно считать ихъ мнѣніе болѣе истиннымъ, чѣмъ діагнозъ врача, или вообще даже квалифицировать его, какъ истину, на томъ основаніи, что «истина» есть удобное въ мышленіи. Безнадежны шансы религіи, если роль ея сводится къ подобному утѣшенію in extremis.

Такъ же упрощенно рѣшаются джемсовскимъ прагматизмомъ и нѣкоторые другіе сложные вопросы. Вопросъ о свободѣ воли, о существованіи въ мірѣ Промысла и пр.—все это сводится къ нѣкоторымъ эмоціональнымъ схемамъ, являясь въ концѣ концовъ лишь разновидностями основной проблемы: сулитъ ли намъ міръ обѣтованіе, или нѣтъ? И, конечно, прагматизмъ высказывается въ положительномъ смыслѣ.

То, что такой крупный мыслитель, какъ Джемсъ, можетъ строить на пескѣ этой прагматической теоріи истины, казалось бы поразительнымъ, если бы мы не знали, сколько софистическихъ соблазновъ таитъ въ себѣ религіозное чувство. И особенно много софизмовъ плодитъ наша эпоха съ ея религіозной тревогой, но и

*) Впрочемъ, и пессимизмъ матеріализма не такъ уже безнадеженъ, какъ это рисуетъ Джемсъ. Современное естествознаніе постулируетъ безконечность міра. Если принять это, то нельзя говорить о финальномъ крахѣ всего сущаго. Земля можетъ оцѣпенѣть въ объятіяхъ міровой стужи, солнце можетъ погаснуть, и звѣздное небо надъ нами—прейти, но вѣдь все это только фрагменты изъ безконечнаго свитка вселенной. Какъ теистическій Богъ „держитъ въ памяти старые идеалы", такъ держитъ ихъ въ этомъ случаѣ и матеріалистическій міръ.

съ научнымъ устремленіемъ ея мысли. Джемсъ указываетъ на «эмпирическую» (т. е. научную) складку психики современности. Онъ пишетъ: «Наши дѣти, такъ сказать, уже рождаются «научниками». Но наше уваженіе къ фактамъ не погасило въ насъ окончательно огня религіозности. Само это уваженіе имѣетъ какой-то религіозный характеръ». Но точно также и, обратно, современная религіозность носитъ «научный» характеръ. Воля къ вѣрѣ современной эпохи нуждается въ раціональномъ оправданіи или хотя бы въ тѣни такого оправданія. Своимъ прагматическимъ «доказательствомъ» бытія Божія Джемсъ заплатилъ обильную дань этой потребности вѣка, но сила и значеніе американскаго мыслителя и защищаемой имъ прагматической концепціи, разумѣется, совсѣмъ не въ этомъ.

Если говорить собственно о прагматизмѣ, то «стремленіе къ конкретности», на которомъ такъ напираетъ Джемсъ, не составляетъ, понятно, какой-то вполнѣ оригинальной, никогда до того не встрѣчавшейся въ философіи, черты прагматизма. Но въ эпоху почти безраздѣльной гегемоніи нѣмецкой философіи абсолютовъ и абстракцій—гегемоніи, какъ бы идеологически отразившей міровое господство германской политики—въ эпоху торжества апріоризма и трансцендентализма, чистой логики и чистаго мышленія, гегелизированія и платонизированія,—джемсовскій призывъ къ конкретному, эмпирическому, жизненному, многообразному, прозвучалъ весьма своевременно. И именно джемсовскій призывъ. Въ устахъ Пирса, «отца» прагматизма, онъ оставался недѣйственнымъ. И талантливый Шиллеръ не много успѣлъ бы одинъ со своимъ «гуманизмомъ». И только яркая и энергичная индивидуальность Джемса сумѣла влить въ «методъ» Пирса, лежавшій бездыханной абстракціей среди другихъ абстракцій, живую кровь и сдѣлать изъ мѣстнаго, захудалаго теченьица міровой и многоводный философскій потокъ. Въ рукахъ Джемса неуклюжій пирсовскій принципъ превратился въ заостренную, безпокоящую, жалящую проблему, расшевелившую нѣсколько олимпійцевъ философскаго абсолютизма. Ради «экситативнаго» значенія прагматизма можно простить ему все то неправильное, и подчасъ софистическое,—что́ имѣется въ этомъ новомъ философскомъ лозунгѣ.

Та же неизгладимая печать своеобразной и привлекательной индивидуальности лежитъ и на прагматически-религіозныхъ конструкціяхъ Джемса. Его аргументація въ пользу теизма, видѣли мы, слаба, до невѣроятнаго слаба. Но въ ней чувствуется что-то, сверхсмѣтное и для Джемса собственно несущественное. Доказывая какъ будто бы, Джемсъ собственно не доказываетъ, а только *показываетъ*, раскрываетъ свои религіозныя переживанія. Джемсъ—прагматистъ. Но почему? Потому что прагматизмъ примиряетъ крайности, потому что въ мірѣ нѣтъ совершенной гармоніи, какъ полагаютъ абсолютные идеалисты, не замѣчающіе съ своихъ заоблачныхъ высотъ всѣхъ бѣдствій и лишеній эмпирической дѣйствительно-

сти; но дѣйствительность и не мѣсто полнаго отчаянія и безнадежности, какъ это вытекаетъ изъ ученія матеріализма. Нашъ міръ—міръ пестрый, черезполосный, гдѣ добро и зло перемѣшиваются между собой на каждомъ шагу. Мы не должны предаваться ни блаженному квіетизму абсолютистовъ, ни безрадостному фатализму матеріалистовъ, а должны принять активное участіе въ этомъ «мірѣ измѣненій и борьбы», однимъ изъ борцовъ котораго является самъ Богъ. Отъ нашихъ усилій зависитъ до нѣкоторой степени ходъ всемірной исторіи — всемірной не въ узкомъ, земномъ смыслѣ слова, а въ ея истинномъ значеніи космической эволюціи. Мы помощники Божества (или даже божествъ, потому что Джемсъ склоняется къ политеизму), ибо джемсовскій Богъ это—не безконечный, всевѣдующій, всемогущій и т. д. духъ богословскаго теизма, а безмѣрно превосходящее насъ, но все-таки ограниченное, сознаніе вселенной; онъ не единственный и исключительный, онъ только первый среди равныхъ.

IV.

Въ арсеналѣ Джемса было еще и иное оружіе въ защиту правъ вѣры. Джемсъ выставилъ положеніе, что религіозныя переживанія сами носятъ въ себѣ свидѣтельство своей реальности. Въ книгѣ о «Религіозномъ опытѣ» имѣется особая глава, посвященная «чувству реальности». Въ ней Джемсъ указываетъ, что то особое переживаніе, которое заставляетъ насъ говорить о какомъ-нибудь явленіи или вещи, что они «дѣйствительно» существуютъ, что они «реальны», свойственно не однимъ только внѣшнимъ ощущеніямъ. Оно присуще и безчисленнымъ абстрактнымъ представленіямъ (напримѣръ, доброта, справедливость и пр.), являющимся какъ бы фономъ всего даннаго намъ эмпирическаго міра. Въ насъ заложено, по мнѣнію Джемса, особое «чувство реальности», которое болѣе распространено и обще, чѣмъ то, что даютъ намъ наши пять чувствъ. И все то, что приводитъ въ дѣйствіе это чувство реальности, тѣмъ самымъ уже является наличнымъ и дѣйствительнымъ. Религіозныя переживанія, особенно у богато одаренныхъ религіозно натуръ, принадлежатъ сюда. «Вѣрующій сознаетъ, что самыя тонкія стороны его личной жизни связаны съ чѣмъ-то *большимъ* того же качества, что дѣйствуетъ во вселенной внѣ его; онъ можетъ войти въ соприкосновеніе съ нимъ и какъ бы войти въ него и спастись послѣ того, какъ низшая сфера его существа потерпѣла крушеніе и погибла. Однимъ словомъ, вѣрующій, во всякомъ случаѣ, въ своемъ сознаніи неразрывно связанъ съ болѣе обширнымъ «я», изъ котораго приливаютъ спасительныя переживанія. Тѣхъ, кто обладаетъ такими переживаніями достаточно отчетливо и достаточно часто для того, чтобы они освѣщали имъ

жизнь, совершенно не можетъ поколебать никакая критика, откуда бы она ни исходила, будь то критика академическая, или научная, или просто голосъ логическаго здраваго смысла. У нихъ было свое видѣніе, и они *знаютъ*—этого достаточно,—что мы живемъ въ невидимой духовной средѣ, откуда приходитъ къ намъ помощь, и что наша душа таинственно связана въ одно съ болѣе обширной душой, орудіями которой мы являемся» («Плюралист. вселенная», 170).

Вѣрующій «знаетъ», у вѣрующаго было свое «видѣніе». Но вѣдь и галлюцинантъ имѣлъ свое «видѣніе», и оно тоже вызвало въ немъ «чувство реальности?» И если ограничиваться даже одними религіозными переживаніями, то видѣніе мистика-христіанина рѣзко отличается и, можетъ быть, противорѣчитъ видѣнію мистика-магометанина? Джемсъ не можетъ, конечно, не знать этихъ возраженій,—недаромъ же онъ дѣлаетъ въ приведенной цитатѣ такую существенную оговорку («вѣрующій, *во всякомъ случаѣ, въ своемъ сознаніи* связанъ»). И вотъ, забывая свои соображенія о чувствѣ реальности, онъ пытается опредѣлить истинность религіозныхъ переживаній не въ субъективномъ ихъ смыслѣ, а въ объективномъ. Онъ высказываетъ гипотезу, что религіозный опытъ имѣетъ своимъ источникомъ сферу подсознательнаго. Этимъ путемъ хорошо объясняются многія характерныя черты религіозныхъ переживаній: ихъ императивный характеръ, ощущеніе того, что вѣрующій входитъ въ общеніе съ какой-то высшей силой и пр. Это вполнѣ научная, доступная опытной провѣркѣ, гипотеза. Можно идти, конечно, и дальше. Можно предположить, что черезъ наше подпороговое «я» мы приходимъ въ общеніе съ высшимъ духовнымъ міромъ,—но это уже будетъ то, что Джемсъ называетъ «сверхъ-вѣрованіями» и что относится къ области личныхъ метафизическихъ или религіозныхъ убѣжденій каждаго (см. «Relig. Erfahrung», послѣднія главы).

Казалось бы, что вопросъ о «реальности» и «истинности» религіозныхъ переживаній такимъ образомъ окончательно порѣшенъ. Въ дѣйствительности же въ другихъ случаяхъ Джемсъ опять апеллируетъ къ прагматическому значенію религіи. «Лучшее доказательство истинности религіи, замѣчаетъ онъ, это практическая цѣнность религіи для духовной жизни индивида и человѣчества» («Relig. Erfahrung», с. 423). Если наука, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, даетъ намъ телеграфъ, электрическое освѣщеніе, излѣчиваетъ нѣкоторыя болѣзни и пр., то религія въ формѣ духовнаго врачеванія доставляетъ нѣкоторымъ изъ насъ бодрость, моральное равновѣсіе и удовлетворенность и, въ свою очередь, излѣчиваетъ нѣкоторыя болѣзни (ib., с. 120).

Итакъ, на что же намъ опереться: на то ли, что религія «удобна», или что вѣрующій «знаетъ», непоколебимо «знаетъ?» Какъ зыбка почва прагматической теоріи истины, мы уже видѣли

выше. Но не лучше и позиція субъективизма. Конечно, религіозное чувство, какъ непосредственное переживаніе «реальности», неопровержимо. Твердыня собственнаго «видѣнія», собственной интуиціи неприступна. Но она имѣетъ, во-первыхъ, то огромное неудобство, что засѣвшему въ ней нельзя, съ своей стороны, и выйти изъ нея. Крайній субъективизмъ не боится ударовъ научной критики, но онъ изолируетъ личность отъ соціальной среды, приводитъ къ своего рода религіозному солипсизму, столь же невыносимому, какъ и общефилософскій солипсизмъ. Вѣдь религіозныя переживанія—это прежде всего коллективныя переживанія, которыя являются необходимой предпосылкой даже для религіозности мистиковъ. Если мистикъ нерѣдко расходится съ окружающей его ортодоксіей, то все-таки мысль его вращается въ мірѣ тѣхъ же представленій, что́ и мысль право вѣрующихъ. Поэтому-то буддійская мистика отлична отъ магометанской, а обѣ онѣ отъ христіанской. И «субъективнѣйшія», повидимому, переживанія мистицизма и экстаза являются лишь продолженіемъ внутри особенно одаренныхъ личностей не просто ихъ подсознательнаго, но настроеній и идей соціальной среды. Подсознательное даетъ здѣсь лишь форму переживаній, ихъ властный, моноидеистическій характеръ, ихъ организующую силу, содержаніе же и направленіе ихъ диктуется міромъ коллективныхъ представленій, хотя нерѣдко и измѣняется, преломляясь въ индивидуальности мистика.

Надо замѣтить еще, что въ своей книгѣ о религіозномъ опытѣ Джемсъ имѣетъ дѣло исключительно съ героической религіозностью, съ религіозными геніями, если можно такъ выразиться: мистиками, лицами, пережившими душевный кризисъ и пр. Все это люди, имѣвшіе свое дамасское видѣніе. Но они-то меньше всего и нуждаются въ оправданіи религіознаго опыта. Никакая аргументація не способна ихъ разувѣрить, но также мало способна она прибавить что-нибудь къ испытываемымъ ими переживаніямъ реальности. Кто заинтересованъ въ оправданіи религіи, такъ это религіозная «толпа», та масса среднихъ вѣрующихъ, которые никогда не имѣли своего «видѣнія» и которые вѣрятъ потому, что всѣ вокругъ нихъ вѣрятъ, потому, что они выросли съ дѣтства въ религіозной вѣрѣ. Къ нимъ-то и обращается съ своей рѣчью Джемсъ, они-то и жертвы конфликта между наукой и религіей, являющагося здѣсь столкновеніемъ не между положительнымъ знаніемъ и особымъ, какъ будто бы высшимъ, знаніемъ—видѣніемъ, а борьбой между знаніемъ и авторитетомъ традиціи, въ результатѣ которой должна непремѣнно пострадать традиція.

И теорія «чувства реальности», и прагматическая концепція привели къ признанію равноцѣнности религіознаго опыта съ фактами науки—въ первомъ случаѣ, въ качествѣ *непосредственнаго*

переживанія, столь же реальнаго, какъ и наши внѣшнія ощущенія, во-второмъ—въ смыслѣ системы представленій, столь же «удобной» для жизни—и, значитъ, «истинной»,—какъ и системы научныхъ представленій. Но джемсовскій субъективизмъ идетъ еще дальше. «Ея (т. е. науки) притязанія на общезначимость, пишетъ онъ, ея притязанія, будто она въ состояніи сама, одна обосновать послѣднее, всеобъемлющее міровоззрѣніе, неосновательны и ничтожны. Вѣдь абстрактныя формулы и теоріи научнаго изслѣдованія и вычисленія представляютъ, въ концѣ-концовъ, только символообразныя концепціи и, значитъ, вообще являются лишь символами дѣйствительности; въ переживаніяхъ личной, внутренней жизни дѣло идетъ, наоборотъ, о реальностяхъ въ строжайшемъ смыслѣ этого слова» («Relig. Erfahrung», с. 453). Безличная систематизація фактовъ, производимая наукой, имѣетъ большой охватъ, но она несравненно болѣе абстрактна и пуста, чѣмъ индивидуальная религія съ ея, хотя и ограниченными, но подлинными реальностями (ib.).

Наука—абстрактна, символична; религія (индивидуальная) — конкретна и реальна. Это противоставленіе кажется на первый взглядъ очень убѣдительнымъ. Но въ дѣйствительности въ немъ выдвинута только одна сторона науки—ея символическія теоріи, и оставлено въ сторонѣ все то безчисленное многообразіе конкретныхъ фактовъ, которые символизируются этими теоріями. Съ другой стороны, въ религіи подчеркнуты только элементы непосредственнаго переживанія и забыты всѣ тѣ символы и образы, всѣ тѣ отвлеченные представленія (о Богѣ, объ иномъ, лучшемъ существованіи и пр.), около которыхъ группируются и къ которымъ тяготѣютъ эти переживанія. Наблюденіе затменія луны такое же непосредственное переживаніе, какъ и чувство умиленія, вызванное молитвой къ божеству. Нѣтъ никакихъ основаній считать его только символомъ дѣйствительности, а не частью самой дѣйствительности. Правда, оно мало затрагиваетъ меня душевно, оно безразлично для меня, въ то время какъ религіозные восторги мнѣ очень дороги и цѣнны. Но безразличное не означаетъ непремѣнно недѣйствительнаго, а личное (дорогое и цѣнное) совсѣмъ не тождественно съ реальнымъ. Какой-то пессимистъ сказалъ, что человѣкъ, чтобы избавиться отъ зубной боли, способенъ былъ бы пожертвовать всѣмъ міромъ. И, дѣйствительно, съ точки зрѣнія человѣческаго эгоизма сильная зубная боль «истиннѣе» и «реальнѣе» всѣхъ звѣздъ и туманностей и даже земли со всѣми ея обитателями. Но принимать эту эгоистическую интерпретацію истины и реальности значило бы злоупотреблять понятіями.

Надо замѣтить еще и слѣдующее. Прославленіе за счетъ «посредственныхъ» символовъ и абстракцій, создаваемыхъ нашимъ интеллектомъ, «непосредственности» конкретнаго переживанія (или «потока сознанія», «интуиціи» и пр.) напоминаетъ нѣсколько во-

сторги культурнаго человѣка передъ красотой и поэзіей непосредственной жизни крестьянина или первобытнаго человѣка. Все это богатство «потока жизни» только и существуетъ въ антитетическомъ противоставленіи міру понятій и обязано, въ извѣстномъ смыслѣ, своимъ происхожденіемъ ему. Горожанинъ, говорятъ, создалъ красоту природы. Дѣйствительно, крестьянинъ не чувствуетъ всего великолѣпія своей собственной жизни и съ непреодолимой силой тянется къ завидующему ему по временамъ культурному существованію. Точно также и «потокъ сознанія», и «непосредственная интуиція», и «конкретное переживаніе», и прочія, образуемыя философами, абстракціи, тянутся, если можно такъ выразиться, къ «объинтеллектуализированію», къ обработкѣ мышленіемъ, которое, въ свою очередь, старается растолковать всю цѣнность ихъ непосредственности. Возвратъ на лоно конкретнаго и непосредственнаго, разумѣется, важенъ и нуженъ въ обстановкѣ гипертрофіи абстрактнаго мышленія. Но это не даетъ интуиціи какихъ-то особыхъ преимуществъ въ смыслѣ истинности или реальности. При томъ же сами эти понятія «истина» и «реальность»—продуктъ символизирующей дѣятельности интеллекта. Пока нѣтъ работы мышленія, а есть «чистое переживаніе», не возникаетъ даже вопроса объ истинѣ. Когда же вопросъ этотъ возникаетъ, то интеллектъ имѣется уже на лицо и избавиться отъ него нельзя. Всѣ разсужденія на эту тему похожи на возникающее иногда у дѣтей желаніе «увидѣть тьму» или на попытки уловить точный моментъ засыпанія. Гдѣ есть тьма, тамъ нельзя видѣть. Точно также тамъ, гдѣ есть потокъ опыта—нѣтъ ни понятій, ни знанія, ни спекуляціи,—словомъ, нѣтъ ничего «опосредствованнаго». А тамъ, гдѣ имѣются понятія и спекуляціи, тамъ есть лишь понятіе, лишь абстракція потока и конкретнаго, а не самъ потокъ.

Развѣнчиваніемъ интеллекта во славу интуиціи занимался въ наше время съ особенной настойчивостью Бергсонъ, у котораго анти-интеллектуализмъ является осевымъ стержнемъ всей философской системы. Въ бергсоніанствѣ Джемсъ нашелъ опору для своихъ собственныхъ воззрѣній, и въ послѣдніе годы своей жизни онъ вообще перешелъ на точку зрѣнія французскаго мыслителя, который, по его мнѣнію, окончательно и навсегда похоронилъ интеллектуализмъ и интеллектуалистическую логику (см. «Плюралист. вселенную»). Логика эта имѣетъ свою опредѣленную сферу дѣйствія, но притязанія ея не могутъ быть универсальными. Функція мышленія по существу практическая. Оно помогаетъ намъ оріентироваться въ окружающемъ, будучи знаніемъ о вещахъ, а не вещей. Оно касается только внѣшней поверхности реальнаго, не проникая въ глубину даже ни на одинъ миллиметръ.

«Авторитетъ интеллектуалистической логики подорванъ критикой», утверждаетъ Джемсъ. И это, по его мнѣнію, очищаетъ дорогу для религіозно-философской спекуляціи, опирающейся на ре-

лигіозныя переживаніи или, какъ выражается Джемсъ, на «положительную эмпирическую очевидность» («Плюрал. вселен.», с. 170).

Если замѣтить Джемсу, что онъ и Бергсонъ пользуются для опроверженія интеллектуализма интеллектуалистической же логикой, то онъ отвѣтитъ, что въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія, что, наоборотъ, бергсоновская конструкція это—лучшая иллюстрація его взгляда на практическую роль понятій. Вѣдь въ рукахъ Бергсона понятія служатъ лишь для указанія намъ, въ какую сторону обратиться *на практикѣ*, чтобы получить то полное знаніе дѣйствительности, котораго сами эти понятія не могутъ дать. Бергсоновская философія возстановляетъ, вопреки интеллектуализму, наши естественно сердечныя отношенія съ чувственнымъ опытомъ и здравымъ смысломъ. «Снова положиться на наши чувства со спокойной философской совѣстью! Кто когда нибудь представлялъ намъ столь цѣнную вольность до того?» (ib., 229). Но что будетъ, если мы завяжемъ «сердечныя отношенія» съ чувственнымъ опытомъ? Въ немъ мы опять таки найдемъ, съ одной стороны, такія явленія, какъ правильный восходъ и заходъ звѣздъ, затменія луны, паденіе тѣлъ и т. п. факты, обладающіе своего рода тяготѣніемъ къ абстракціямъ, какимъ-то «тропизмомъ» къ символамъ,—а, съ другой, несравненно болѣе индивидуализированныя и неопредѣленныя переживанія, въ родѣ нѣжности, энтузіазма, восторговъ вдохновенія и пр. О «сердечныхъ отношеніяхъ» можно говорить лишь въ примѣненіи къ этой второй категоріи чувствъ. И вотъ этимъ-то субъективнѣйшимъ—и обыкновенно самымъ дорогимъ для насъ—переживаніемъ и приписывается собственно предикатъ особенной реальности. Споръ, можетъ показаться, идетъ здѣсь изъ за словъ. Но въ дѣйствительности анти-интеллектуалисты не органичиваются одной новой терминологіей. Говоря о сердечныхъ отношеніяхъ съ внутреннимъ чувственнымъ опытомъ, они имѣютъ въ виду не просто переживанія этихъ чувствъ, но и нѣкоторое познаваніе,—правда, отличное отъ познанія съ помощью понятій, но все-таки познаніе, т. е. нѣчто общезначимое, объективное. Когда же приходится опредѣлить ближе этотъ новый, высшій видъ вѣдѣнія, то анти-интеллектуалисты начинаютъ говорить о какомъ-то «симпатическомъ постиженіи на почвѣ непосредственнаго чувства», о чемъ-то вродѣ поэтическаго вдохновенія, и пр.

Метафорами и сравненіями все и органичивается. И это понятно: «увидѣть тьму» нельзя, познавать, не познавая—тоже невозможно. Но можно за то въ эпоху романтическаго періода бури и натиска самому принимать и выдавать свои личныя переживанія и настроенія за общезначимое, и при томъ высшее, знаніе. Разрушеніе интеллектуализма означаетъ въ этомъ случаѣ полный просторъ для всего буйства романтики, усаживающейся на тронъ разума. То, что люди исключительнаго ума и дарованій даютъ закружить себя этому вихрю романтики, показываетъ только, какъ сильна

еще въ нашу эпоху позитивизма метафизико-религіозная ностальгія и какую благопріятную почву представляетъ для нея современный общественный распадъ *).

V.

Джемсовское оправданіе религіи не достигло своей цѣли. Прагматическая аргументація, къ которой онъ постоянно сызнова обращается, или софистична, или наивна. Но и остальныя разсужденія Джемса немногимъ лучше этого. Самое обиліе и разнообразіе аргументаціи является здѣсь скорѣе тревожнымъ признакомъ. Передъ нами не доказательства, взаимно подкрѣпляющія другъ друга и своей массой составляющія большую вѣроятность въ въ пользу религіи—вѣроятность, которой не обладаетъ каждое разсужденіе, взятое особнякомъ, а отдѣльные, взаимно не связанные и частью даже противорѣчащія другъ другу ряды мыслей.

Во второй главѣ «Религіознаго опыта» у Джемса имѣется такое разсужденіе: «*Религія дѣлаетъ легкимъ и пріятнымъ необходимое*». И, если она единственный факторъ, который въ состояніи дать этотъ результатъ, то этимъ защищено отъ всякаго вражескаго нападенія ея незамѣнимое значеніе для человѣческой жизни». Если бы религія въ традиціонномъ смыслѣ слова была, дѣйствительно, единственнымъ факторомъ, дающимъ подобный результатъ, то намъ пришлось бы признать неискоренимую антиномію въ нашей духовной организаціи и приспособиться какъ нибудь къ системѣ двойной истины, тщательно отграничивъ научную истину отъ противорѣчащей ей религіозной «истины». Но, въ дѣйствительности, дѣло не обстоитъ такъ безнадежно. Не одинъ только религіозный фетишизмъ способенъ «облегчать необходимое». Здѣсь, какъ и въ безчисленныхъ другихъ случаяхъ, основаніе смѣшивается со слѣдствіемъ. Не потому живетъ человѣкъ, что бываетъ голоденъ и ѣстъ, а потому онъ чувствуетъ голодъ и ѣстъ, что живетъ. Человѣкъ имѣетъ «силу жизни» — по замѣчательному выраженію Толстого — не потому, что онъ вѣритъ въ Бога, или въ боговъ, или въ безсмертіе; наоборотъ, потому, что человѣкъ имѣетъ «силу жизни», онъ въ одномъ случаѣ вѣритъ въ Бога, въ другомъ—въ какіе нибудь отвлеченные идеалы, въ свой

*) Въ защиту правъ религіи Джемсъ ссылается, между прочимъ, и на явленія духовидѣнія, телепатіи и вообще на добытые «обществомъ психическихъ изысканій» факты. Джемсъ былъ убѣжденъ, что большинство изъ этихъ фактовъ вѣрно. Но въ его аргументаціи ссылка на телепатическія и т. п. явленія занимаетъ совсѣмъ подчиненное мѣсто. И вообще, такъ какъ изслѣдованіе поставлено здѣсь на экспериментальную почву, то дѣло опытной науки, а не философской спекуляціи, разобраться въ этихъ странныхъ фактахъ.

народъ, въ человѣчество, и пр. «Сила жизни», это—особое психологическое или, вѣрнѣе, соціально-психологическое приспособленіе; формы же, которыя оно принимаетъ въ различныхъ случаяхъ — религіозная, или просто философско-моральная, или какая нибудь иная—зависятъ отъ развитія другого, болѣе важнаго, біо-соціологическаго приспособленія человѣка—«истины». И, въ конечномъ счетѣ, должна взять верхъ истина.

Въ своей борьбѣ противъ односторонности интеллектуализма (раціонализма), къ которой приводитъ нерѣдко неправильное истолкованіе успѣховъ положительнаго знанія, Джемсъ безусловно правъ. Не интеллектомъ однимъ живъ человѣкъ. «Сила жизни» заключена не въ разумѣ, не въ познавательной области, а въ сферѣ аффективной и, беря даже уже, въ сферѣ соціально-аффективной. Религія всегда питалась у источника коллективныхъ переживаній, и этимъ объясняется ея огромная роль въ исторіи человѣческихъ обществъ. Но религія всегда означала еще фетишизмъ, т. е. создаваніе иллюзорныхъ реальностей. Подобно художникамъ или поэтамъ съ необычайно развитымъ воображеніемъ, видящимъ своихъ героевъ во плоти и испытывающимъ вмѣстѣ съ ними ихъ страданія, наивная, но глубокая вѣра, перемѣшанная съ различными примитивными представленіями, не переставала творить мнимые объекты для коллективной эмоціи: духовъ, божества, святыхъ, ангеловъ, и пр. Наука разрушаетъ эту иллюзію реальности, сметаетъ всѣ мнимые объекты и фетиши. Но очищенный такимъ образомъ міръ коллективныхъ чувствъ и его продолженіе внутри индивидуальности, личная реакція на «все», можетъ по прежнему продолжать свое существованіе.

Дѣло въ томъ, что безличная—или, точнѣе, соціальная—систематизація фактовъ ничуть не мѣшаетъ личной реакціи на «все». «Безличное» науки совсѣмъ не врагъ «личнаго» эмоціи, но, наоборотъ, его вѣрнѣйшій союзникъ. Вѣдь только благодаря соціальной дифференціаціи, опирающейся на успѣхи науки съ ея символическимъ творчествомъ, и удалось личности вообще высвободиться изъ оковъ соціальности. Тѣ глубоко интимныя переживанія, въ которыхъ готовъ видѣть настоящую сущность религіи субъективизмъ Джемса и почти всей протестантской философіи религіи — это совсѣмъ недавнія пріобрѣтенія культуры. Животное живетъ инстинктомъ, «интуиціей»; но въ этой интуиціи ничего творческаго, своего; въ мірѣ животныхъ все сплошь копіи, и ни одного оригинала. Членъ первобытнаго рода живетъ лишь общими всѣмъ его родичамъ идеями и чувствами; здѣсь опять таки нѣтъ ничего своего, «внутренняго», «субъективнаго». И только, какъ коррелатъ «объективнаго» науки, появляется въ высшихъ обществахъ «субъективное» эмоціи. Ростъ «безличнаго» такимъ образомъ означаетъ и ростъ «личнаго», которое не должно только противорѣчить первому и вообще не должно пытаться исполнить ана-

логичныя съ ролью «безличнаго» функціи (устанавливать «истинное», «объективно-реальное», «сущность» вещей, и пр.). Объективное и субъективное, разумъ и чувство, интеллектъ и темпераментъ, это—разнородные, не связанные логически другъ съ другомъ, факторы, это — своего рода полярности. «Сахаръ сладокъ», говоритъ голосъ объективнаго, «я люблю (или не люблю) сахаръ», высказывается субъективное. Многозначная реакція личности на сахаръ совсѣмъ не соединена принудительно съ однозначнымъ познавательнымъ отношеніемъ къ нему. То же самое можно сказать и о тѣхъ обширныхъ аффективныхъ—или, вѣрнѣе, смѣшанныхъ, аффективно-интеллектуальныхъ — системахъ, которыя называются идеологіями, міросозерцаніемъ и пр.

Идеологіи вообще не призваны конкурировать съ научными построеніями. Философское міросозерцаніе начинается за наукой, у границъ познанной наукой вселенной, идеально продолжая ее. Primum cognoscere, deinde philosophari: сперва научное, теоретическое познаніе, а потомъ лишь, въ зависимости отъ него, эмоціональная реакція на «все». Какія бы завоеванія ни сдѣлала наука, какъ бы универсалистски ни были ея тенденціи, она не устранитъ потребности въ философскомъ міросозерцаніи. Предполагая только, что міръ не конеченъ, не ограниченъ, что онъ не можетъ быть цѣликомъ познанъ нами. Или даже правильнѣе: міръ «самъ по себѣ» можетъ быть конеченъ, но если познаніе его представляетъ безконечный процессъ, нѣчто вродѣ безконечно убывающей прогрессіи, оставляющей какія-то возможности двигаться впередъ, то еще есть просторъ для формированія міровоззрѣнія, ибо философская реакція на «все» есть продолженіе науки, есть, такъ сказать, «прыжокъ въ безконечность». Оставайся на землѣ какая нибудь навѣки закрытая для взора человѣка точка, какой нибудь абсолютно недоступный полюсъ, и тайна не покинула бы еще нашей планеты: не все бы захватила тогда проза географическаго знанія, было бы еще гдѣ развернуться поэзіи приключеній и всему очарованію сказки. То же самое можно сказать и о вселенной. Пока въ ней есть уголокъ, не тронутый прозой научнаго знанія, не наступилъ еще конецъ поэзіи космоса, и для отваги философскихъ искателей приключеній, для Гаттерасовъ спекуляціи, съ мыслью, вѣчно устремленной на таинственный «полюсъ» вселенной, есть еще мѣсто.

Идеологія не должна конкурировать съ наукой. Но отказъ отъ принудительной общезначимости, свойственной познавательной функціи, не означаетъ вовсе, что міровоззрѣніе становится чѣмъ-то случайнымъ и неважнымъ для личности. Вѣдь есть еще *вольная* общезначимость, основывающаяся на созвучіи темпераментовъ, на одинаковой реакціи на міръ, и параллельно съ высвобожденіемъ индивидуальности растетъ эта форма психической ассоціаціи. Кромѣ того, мы вообще живемъ не однимъ только реаль-

нымъ, но и безчисленными идеальными продолженіями дѣйствительности, различными «возможностями», которымъ иногда не суждено даже совсѣмъ осуществиться. Въ нашей жизни «вымыселъ» играетъ, можетъ быть, такую же серьезную роль, что и истина,— и жизнь взрослыхъ собственно похожа на жизнь дѣтей, въ которой сказка и игра занимаютъ такое исключительное мѣсто. Разница между нами и дѣтьми въ этомъ отношеніи лишь та, что у нихъ все, даже серьезное, принимаетъ характеръ игры, у насъ же всякая «игра»—будь то поэзія, философское міровоззрѣніе и пр.—пріобрѣтаетъ обликъ серьезнаго, становится дѣломъ, трудомъ. Мы не способны довольствоваться *чистой* эмоціей, *чистой* сказкой, *чистымъ* вымысломъ. Поэтому наша эмоціональная реакція на «все» непремѣнно становится идеологіей, принимаетъ наукообразный видъ. Для нея необходимы твердые опорные пункты, даваемые ей знаніемъ. Но эти твердыя точки нужны лишь для того, чтобы ихъ сейчасъ же покинуть, какъ тѣ разбросанныя въ океанѣ скалы и островки, на которыхъ находятъ себѣ кратковременный отдыхъ перелетныя птицы.

И философское міросозерцаніе и религія—та индивидуальная, «эгоистическая» религія, о которой говоритъ Джемсъ—оба, повидимому, одинаково имѣютъ дѣло съ интимными, субъективными переживаніями человѣка. Въ дѣйствительности это не такъ. Въ философіи «личное» надѣваетъ на себя маску «безличнаго», но по существу она—субъективное, не обязательное логически, и только лишь заражающее (или не заражающее) другихъ, «видѣніе» міра. Въ религіи же наоборотъ: даже тогда, когда она принимаетъ форму личнаго, субъективнаго переживанія, ясно чувствуешь, что это для нея только маска, что внутренно она стремится быть «безличной», принудительной концепціей вселенной, «видѣніемъ-знаніемъ». Можно, разумѣется, продолжать настаивать на субъективизмѣ религіи, можно рѣшительно отнять у нея предикаты истинности и реальности (въ обычномъ смыслѣ этихъ словъ), но тогда передъ нами будетъ уже не религія, а попросту міросозерцаніе, или метафизическая спекуляція, или «космическое чувство жизни», за которыми почему-то сохраняется не примѣнимый къ нимъ уже по существу старый терминъ.

Въ воззрѣніяхъ Джемса, съ этой стороны, замѣчается что-то промежуточное, сумеречное. Въ нихъ какъ будто не прошла еще ночь религіи, но не поднялось и солнце философскаго міросозерцанія. Когда читаешь Джемса, то на первыхъ порахъ кажется, что его упорныя и терпѣливыя попытки оправданія религіи, это— что-то внѣшнее, случайное, толстая кожура, которая вотъ-вотъ спадетъ и изъ-подъ нея вырвется на вольный воздухъ не претендующая на обладаніе подлинной реальностью космическая эмоція. Но страница смѣняетъ страницу, развертывается цѣпь доказательствъ, и постепенно приходишь къ убѣжденію, что, скорѣе, философское

міросозерцаніе—это та внѣшняя оболочка, которую приняла подъ давленіемъ нашей позитивной эпохи религіозная эмоція у Джемса. Глубоко заложенная потребность въ иной, высшей реальности властно диктовала Джемсу его аргументацію. Для этой потребности все было хорошо: и «воля къ вѣрѣ», творящая объектъ своей вѣры, и прагматическая «истинность» теизма, и разрушеніе интеллектуалистической логики, и «непосредственная реальность» религіознаго опыта, и многое другое. И сама картина міра, этой «плюралистической вселенной», въ которое присутствіе различныхъ высшихъ силъ и въ томъ числѣ первой среди нихъ—Бога—изгоняетъ отчужденность и привноситъ интимность, является отраженіемъ все того же основнаго устремленія темперамента Джемса. Замѣчательный мыслитель, такъ ярко выдвинувшій въ наше время значеніе эмоціональной стороны духа, своими произведеніями далъ лучшую иллюстрацію своего ученія. На примѣрѣ собственнаго творчества Джемса замѣчаешь, какъ глубоко правильно его утвержденіе: «Всякая философская система желаетъ быть изображеніемъ этого великаго Божьяго міра; въ дѣйствительности же она—нагляднѣйшее проявленіе того, какъ необычайно своеобразенъ ароматъ индивидуальности одного изъ нашихъ ближнихъ».

П. Юшкевичъ.

НА РѢЧКѢ ЛАЗОРЕВОЙ.

Кажется, все уже было готово, Устинъ нѣсколько разъ заглядывалъ въ окошки моленной, гдѣ занималъ меня разговоромъ его отецъ, Савелій Андреевичъ, а я перелистывалъ его любопытнѣйшіе рукописные „цвѣтнички",—сборники нравоучительныхъ сказаній. Старикъ немножко вздыхалъ, разсказывая мнѣ о вѣроисповѣдной розни, водворившейся въ его семьѣ: самъ онъ съ старухой примыкалъ къ поморскому согласію, сыновья ушли въ бѣглопоповщину; внуки, пока были малолѣтними, молились въ моленной дѣда; выросли—перестали молиться, никуда не ходятъ и, кажется, тайкомъ покуриваютъ табачекъ...

— Вотъ и идетъ промежду насъ разнообразіе,—грустно говорилъ Савелій Андреевичъ:—перекоряться не перекоряемся, не квелимъ другъ друга, а ѣдимъ все-таки не изъ одной чашки... Ничего не подѣлаешь...

Въ чистенькой, чрезвычайно благообразной моленной было прохладно и тихо, пахло васильками и самодѣльными восковыми свѣчами, и лишь одна-единственная муха жужжала и сердито билась на радужномъ стеклѣ окошка. А на дворѣ висѣлъ сорока градусный зной, шумно толклись людскіе голоса, и лошади безъ устали мотали головами, отгоняя мухъ.

Предстояла поѣздка на рыбную ловлю.

Я вышелъ изъ моленной, когда подвода съ неводомъ и бреднями, похожая на пухлый и вздрагивающій ворохъ сѣтей, уже выѣхала за ворота. На двухъ телѣгахъ тѣсной грудой усѣлись казаки-рыбаки, все молодежь, веселая, шумная, наклонная къ крѣпкой и острой шуткѣ. Третья подвода ждала меня. Чернобородый Устинъ, державшій у груди большую бутыль, стыдливо прикрытую старой парусиновой рубахой,—и лицомъ, и всей фигурой выражалъ сугубую озабоченность и очевидное желаніе возможно скорѣй двинуться въ походъ. Но около него стоялъ, спиной ко мнѣ, дюжій, широкоплечій человѣкъ въ фуражкѣ не казачьяго

образца (съ алымъ околышемъ), въ какихъ были всѣ мои товарищи по охотѣ, а синей, съ красными кантами, похожей на жандармскую. Рубаха у одного плеча была широко разорвана, синіе штаны сзади были разрисованы пестрымъ узоромъ заплатъ, а на ногахъ были желтыя туфли,—очевидная претензія на моду.

Устинъ сдавленнымъ, увѣщающимъ голосомъ говорилъ своему собесѣднику:

— Да не время! пойми-жъ ты... зайдешь послѣ... вотъ, ей-Богу!..

А тотъ возражалъ что-то, чего мнѣ не было слышно, но, очевидно, вѣско и убѣдительно, судя по жестикуляціи локтями и плечами.

Я подошелъ къ телѣгѣ. Человѣкъ въ полицейской фуражкѣ приложилъ руку къ козырьку и, подавшись впередъ своимъ дюжимъ корпусомъ, отвѣтилъ на мой кивокъ тѣмъ молодцовато-громкимъ, радостнымъ голосомъ, какимъ нижніе чины привѣтствуютъ начальство.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!

По свѣтлымъ, умиленнымъ глазамъ и по запаху можно было догадаться, что собесѣдникъ Устина обрѣтается въ легкомъ подпитіи.

— Къ вашей милости, ваше высокоблагородіе...

Не знаю, въ серьезъ или иронически онъ титуловалъ меня высокоблагородіемъ, но я чувствовалъ отъ этого изрядное смущеніе и хотѣлъ сказать: „не надо знаковъ подданства“.

— Я—Кондратъ Чекушевъ,—можетъ знаете,—Луки Назарыча сынъ... Чекушевъ...

— А-а, Кондратъ!—Я искренне обрадовался человѣку въ полицейской фуражкѣ: мой сверстникъ, съ которымъ когда-то дрался я многократно на улицахъ станицы,—давно это было, и время изрядно-таки измѣнило обоихъ насъ.

— Почему же ты меня высокоблагородіемъ все величаешь?—спрашиваю.

— Помилуйте, Ѳ. Д., я же дисциплину знаю... Слава Богу, служилъ, серебряный шевронъ имѣю за безпорочную службу...

— Въ чемъ же дѣло, Лукичъ?

— А вотъ... къ вашей милости...

Онъ выдернулъ изъ штановъ и поднялъ рубаху, обнаживъ широкій волосатый, съ двумя крупными бородавками и чернымъ пупомъ животъ.

— Изволите видѣть синяки?.. подъ девятымъ ребромъ?..

Я осмотрѣлъ его мускулистые бока, смуглые, покрытые пупырышками грязи.

— Да, пятно есть.

Чекушевъ опустилъ рубаху и торжествующимъ тономъ коротко сказалъ:

— Сынъ!..

— За что же?

Онъ недоумѣло развелъ руками:

— Непорядки за нимъ нахожу, а онъ вотъ... на отвѣтъ...

И устремилъ на меня пристальный, ожидающій, скорбный взглядъ. Квадратное костлявое лицо его съ грушевиднымъ носомъ и клочками бороды выразило даже какъ бы упрекъ,— если и не мнѣ, то, во всякомъ случаѣ, міру. Я молчалъ, не зная, чѣмъ утѣшить товарища дѣтскихъ лѣтъ.

— Гдѣ же я сичасъ долженъ отыскивать права?—спросилъ Чекушевъ, и голосъ его звучалъ строго.

— Какія права?

— А насчетъ сына? Долженъ я его взять въ переплетъ или нѣтъ? Какъ по вашему?

Тонъ его становился уже взыскательнымъ, и я рѣшительно начиналъ чувствовать себя виноватымъ. На выручку пришелъ Устинъ.

— Какъ же ты, братецъ, служилъ сколько лѣтъ въ стражникахъ, а правовъ не знаешь?

— Я права знаю... я найду права!—съ достоинствомъ, твердо и многозначительно, возразилъ ему Чекушевъ:—но мнѣ желательно было вотъ у ихъ высокоблагородія ума зачерпнуть... Какъ говорится, что лучше: спросить или не спросить?..

Тонъ его положительно импонировалъ и поучалъ и, въ сущности, не ему у насъ, а намъ бы у него спрашивать какихъ-нибудь руководящихъ указаній.

Поговорили о „правахъ". Я—не юристъ. Но когда пріѣзжаю въ такой глухой уголокъ, какъ моя родная станица, силою вещей всегда ставлюсь въ необходимость давать консультаціи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Разъяснилъ и вопросъ Чекушева, поскольку позволяли мои юридическія познанія. И затѣмъ полѣзъ на телѣгу, думая, что консультація кончена. Но Чекушевъ опять остановилъ.

— Позвольте еще пару словъ, Ѳ. Д. Вотъ какое дѣло: вы науку личнаго магнитизма и гипнотизма знаете?

— Нѣтъ.

— Видите, какое дѣло... Пишутъ они, что, дескать, желаете имѣть капиталъ и все прочее, то изучите науку личнаго магнитизма. И, напримѣръ, такъ даже сулятъ: вотъ входитъ человѣкъ, скажемъ, больной,—глотка-ли, глаза-ли... Посмотрѣлъ на него, усыпилъ,—онъ проснулся и—здоровъ!..

— Тьсс...—искренне изумился стоящій неподалеку Савелій Андреевичъ.

— Ну, послалъ я имъ письмо, а они мнѣ оттоль письмо за письмомъ: 12 рублей курсъ... Письмо за письмомъ! А не желаете сразу 12, можете сначала 6, а послѣ, ежели наша наука въ пользу вамъ пойдетъ, вы сами шесть дошлете... А въ инаковомъ, дескать, случаѣ мы и деньги назадъ отдадимъ...

— Вотъ что, Кондратъ Лукичъ,—говорю я, набравшись рѣшительности:—и пріятно бы побесѣдовать съ тобой, но— видишь, ждутъ меня, надо ѣхать... Насчетъ гипнотизма зайди въ другое время...

— Что жъ, очень слободно. А вы рыбалить?

— Рыбалить.

— Такъ что-жъ, пожалуй, и я съ вами могу... Рѣку я знаю, даже какъ свой пальчикъ,—каждую ямку, каждую тырчинку...

Устинъ досадливо крякнулъ, Савелій Андреевичъ усмѣхнулся въ бороду. Видимо, были они противъ этой неожиданной компаніи. При томъ и самолюбіе ихъ было уязвлено Чекушевымъ: какъ давніе рыбаки, они менѣе всего нуждались въ чьихъ-либо указаніяхъ касательно ямокъ и тырчинъ въ своей рѣкѣ.

— Я вѣдь и говорилъ давеча ребятамъ,—съ добродушнымъ лукавствомъ замѣтилъ Савелій Андреевичъ:—что, молъ, ребята, не сходить за Кондрашкой?.. А онъ вотъ самъ пришелъ, Богъ далъ...

Сзади на телѣгахъ засмѣялись. Послышались веселыя замѣчанія съ пряными словечками, обидныя для Чекушева. Онъ поднялъ палецъ и сказалъ, оглядываясь въ сторону казаковъ:

— Молоды еще подо мной клинки подбивать!.. Я больше того перезабылъ, чѣмъ вы знаете...

Былъ въ немъ, очевидно, какой-то гипнозъ умѣлой наглости и самоувѣренности, который сковалъ нашу волю. Никому не хотѣлось участія его въ нашей артели, а отказать не хватало духа. Устинъ сослался было на тѣсноту и отсутствіе мѣста въ телѣгѣ, но Чекушевъ увѣреннымъ голосомъ сказалъ:

— У-у, я и на гвоздѣ увижу!..

И вслѣдъ за мной сѣлъ на телѣгу, сзади, свѣсивъ ноги къ колесу.

Пришлось мириться съ фактомъ. Тронулись...

II.

Тряская телѣга съ крутыми боками, узкая и тѣсная, была похожа на лодку. Сидѣть было неудобно, но мы увѣряли другъ друга, что ничего, хорошо. Устинъ бережно, какъ малаго ребенка, держалъ на колѣняхъ четвертную бутыль съ красной казенной печатью. Его братъ, черноусый Ванятка, молодой, еще не служилый казакъ въ голубой фуражкѣ и бѣлой рубахѣ съ вышитымъ воротникомъ, стоя на колѣняхъ, правилъ лошадью. Прикрикивалъ, гикалъ, ухалъ, свисталъ и угрожающе взмахивалъ не кнутомъ, а кнутовищемъ,—хотѣлось ему щегольнуть конемъ, показать, что кнута не надо, добра лошадка и такъ... Сухопарый рыжій меринъ, догадываясь, что требуется оправдать репутацію,—хозяинъ, конечно, слегка прихвастнулъ на его счетъ,—изо всей мочи старался не ударить въ грязь мордой. Рысь развилъ онъ отмѣнно великолѣпную, чистую, спорую, щеголеватую, безъ сбоевъ. На встрѣчныхъ буерачкахъ и бороздахъ телѣгу нашу съ трескомъ подбрасывало вверхъ, встряхивало, грохало. Устинъ два раза стукнулъ меня головой въ подбородокъ и каждый разъ горестно и сконфуженно крякалъ. Одинъ разъ я прикусилъ языкъ, въ другой разъ опрокинулся на Чекушева, сидѣвшаго за моей спиной, и, вѣроятно, зашибъ его локтемъ, хотя онъ виду и не подалъ.

Но ему менѣе всего доставляла удовольствія наша лихая ѣзда,—сидѣлъ онъ въ позѣ явно неудобной, свѣсивъ ноги къ колесу, съ высоко поднятыми колѣнями. Онъ, наконецъ, не выдержалъ.

— Куэ-черъ! Ку-э-черъ!—сказалъ онъ барскимъ тономъ, какимъ, по его предположенію, долженъ былъ быть этотъ тонъ,—растягивая слова и коверкая гласные звуки:—а ты все-таки бери во вниманіе дорогу! Это тебѣ не соша...

— Слушаюсь, ваше благородіе, господинъ дворянинъ!—неуважительно-весело отозвался Ванятка.

Оглянулся на минутку, сверкая бѣлыми, весело оскаленными зубами:

— Животъ растресъ? Для такой сурьезной комплекціи дорогу починить бы надо...

— Взялся кучеромъ, то и правь форменно!—строго наставительнымъ тономъ продолжалъ Чекушевъ, грозя пальцемъ:—чтобы видно было, что ты есть кучеръ съ мозгами... Дилижанъ долженъ идтить у тебя, какъ на лесорахъ...

— Слушаю, господинъ дворянинъ! Эй, ты... ка-ран-дашъ!..

Рыжій меринъ, ослабившій было, пользуясь разговоромъ,

на нѣсколько мгновеній свое стараніе, опять прижалъ уши, чувствуя поднятое надъ собой кнутовище, и поддалъ ходу. И опять взлетала вверхъ и безудержно грохотала наша тряская телѣга.

— И кто это узаконилъ эти фурманки, будь онѣ прокляты!—прокричалъ сквозь грохотъ колесъ Чекушевъ, держась руками за грядку.

— Хлѣбъ насыпать—удобныя штуки!—закричалъ Устинъ въ отвѣтъ ему.

— Какое-же удобіе—ни протянуть ноги, ни свѣсить!

Съ заднихъ телѣгъ долеталъ шумъ веселыхъ голосовъ, взрывы смѣха. Верхами на неосѣдланныхъ лошадяхъ догнали и обогнали насъ еще трое участниковъ похода на рыбу. Курносый, квадратный, неуклюжій съ виду, Давыдка, сынъ Устина, показывалъ пріемы изъ области джигитовки: доставалъ земли, на карьерѣ соскакивалъ съ коня, держась за холку, перекидывался на другую сторону, садился лицомъ къ хвосту,—выкидывалъ штуки, какъ настоящій джигитъ.

Устинъ поощрительно кричалъ:

— Ну-ка, ну-ка, Давыдка, покажи практику!..

Давыдка нагналъ скуластаго, чернаго Андрона съ толстыми, серьезными губами, обнялъ его и съ минуту они скакали рядомъ въ трогательно-дружественной позѣ. Потомъ Давыдка вдругъ сдернулъ съ Андрона фуражку, бросилъ ее въ сторону и ускакалъ. Андронъ забарабанилъ пятками въ бока коня и ринулся въ погоню за вѣроломнымъ другомъ. За Андрономъ вынесся изящный бѣлокурый Егоръ Чеботарь. Вдвоемъ они поймали Давыдку, отхлестали поясными ремнями, стащили съ лошади. Но онъ успѣлъ ухватиться за хвостъ скакавшему коню, долго бѣжалъ, не отставая, и какъ-то сумѣлъ опять вскочить ему на спину, презирая опасность сломать шею.

Мчались мы какъ будто и очень лихо, а впереди и позади, направо и налѣво была все та же плоская, широкая луговина, сожженная солнцемъ, выбитая табунами,—свѣтло-бурая ширь съ сизо-дымчатыми и рѣдкими зелеными пятнами. Разсыпались по ней курчавыя дикія яблонки и старыя дуплистыя вербы въ маревѣ. Въ одной сторонѣ горизонта—синяя полоска лѣса, въ другой—длинные холмы, изрѣзанные глинистыми оврагами, словно морщинами, а среди нихъ ровными квадратами легла темная, сочная зелень бахчей. У подошвы разбросался хуторъ Чигонацкій съ бѣлыми домиками въ садахъ.

Просторъ и дали подъ яркимъ, знойнымъ небомъ глотаютъ безслѣдно голоса людей, стукъ телѣгъ, конскій то-

потъ. Высокъ шатеръ и необъятенъ, и все на жаждущей землѣ подъ нимъ глядитъ такимъ игрушечнымъ и маленькимъ: и яблонки, и лѣсъ далекій, и хуторскіе домики въ садахъ, овраги на горѣ, болотца съ узкой каймой зелени и хохлатыми чибизками, табунъ овецъ и крылья мельницъ. Все крошечное и въ знойномъ сіяніи дня—томно неподвижное, почти застывшее.

Бѣгутъ кони, тарахтятъ телѣги. Трясемся мы въ нихъ тѣсной, жаркой грудой. А все еще не видать Медвѣдицы, нашей рѣчки милой, тихой и песчаной. Все еще съ боку, подъ горой, тянется—бѣжитъ рядомъ съ нами хуторъ Чигонацкій, его бѣлые домики, его вербовыя левады, гумна, вѣтряки.

— Ну, и хуторъ у васъ!—говоритъ Чекушевъ, помотавъ головой.

Устинъ вопросительно оглыдывается: въ чемъ дѣло? плохъ или хорошъ? Кондратъ самъ живетъ не въ хуторѣ, а въ станицѣ. При томъ, какъ человѣкъ городской по предшествующей дѣятельности,—онъ былъ сколько-то лѣтъ надзирателемъ въ острогѣ, а послѣ служилъ въ стражникахъ,—человѣкъ, видавшій виды, склоненъ къ высокомѣрной критикѣ.

— А что? — спрашиваетъ Устинъ: — какое замѣчаніе имѣешь?

Качаетъ Чекушевъ головой, насмѣшливо и укоризненно:

— Никакого планту!..

— Сидитъ раскидисто, это вѣрно,—немножко виноватымъ голосомъ говоритъ Устинъ.

— Про нашъ хуторъ говорятъ,—прокричалъ весело Ванятка:—бирюкъ бѣжалъ да на обѣ стороны клалъ,—вотъ и вышелъ хуторъ Чигонацкій...

Смѣемся: не мимо сказано.

— Вотъ Вильня—городокъ хорошій,—говоритъ Устинъ вздыхая.

— Вильня?—пренебрежительно отзывается Чекушевъ:—а въ Одестѣ былъ?

— Нѣтъ. Нашъ полкъ въ Вильнѣ стоялъ. Въ Одестѣ не припало.

— А-а! Вотъ городокъ! Имѣетъ свою пріятность...

Въ тонѣ Чекушева слышится хвастовство, плохо скрываемое сознаніе превосходства передъ нами. Это слегка подавляетъ и родитъ досаду. Хочется сбить чѣмъ нибудь хвастуна.

— А въ Черкасскѣ былъ? — спрашиваетъ осторожно Устинъ.

— Въ Черкасскѣ? Нѣтъ, не довелось.

— А-а... то-то!..—Въ голосѣ Устина звучатъ торжествующія ноты.—А я былъ! Тоже—городокъ аккуратный...

Рыжій меринъ, весь взмокшій и потемнѣвшій, наконецъ, домчалъ насъ до Медвѣдицы. Изъ испытанія онъ вышелъ съ честью, но едва не свалилъ насъ въ яръ,—съ трудомъ остановилъ его бѣгъ нашъ бойкій возница.

— Вотъ лошадь! пуля, а не лошадь!—гордо воскликнулъ Ванятка, въѣзжая въ тѣнь отъ вербы.

— Тибетская?—дѣловымъ тономъ спросилъ Кондратъ, съ видомъ знатока осматривая ноги, грудь, спину, ноздри мерина.

— Корсакъ!

— Маштачекъ ухватистый,—не спѣша, снисходительно замѣчаетъ Чекушевъ.

— Двужильный!—увѣренно говоритъ Ванятка: — какой возъ ни наклади,—кряхтитъ съ превеликимъ удовольствіемъ.

— Лошадь своей цѣны стоитъ...

Меринъ, повидимому, совершенно равнодушно пропускалъ мимо ушей эти замѣчанія: онъ тяжело водилъ мокрыми боками и усердно кланялся головой, отгоняя мухъ.

Подъѣхали остальныя подводы. Ожили берега тихой рѣчки. Съ весны, съ покоса, не было на нихъ шумныхъ гостей, смѣха, пѣсенъ, веселаго артельнаго гомона. Лѣтомъ лишь быки изрѣдка зайдутъ—напиться и полежать на горячемъ пескѣ. Иногда прибѣжитъ косякъ лошадей, упущенный табунщиками, перебредетъ на другую сторону и скроется въ „войсковомъ“ лѣсу. А то все одни кулики да рѣчныя чайки кричатъ—перекликаются. Да ватаги гусей приходятъ ночевать на водѣ, оберегая себя отъ ночныхъ набѣговъ волчатъ.

Было шумно по праздничному. Рыбная ловля—не трудъ, а забава. И люди, обычно усталые, озабоченные, скупые на слова,—теперь, оторвавшись отъ скучной, будничной работы, стали иными, чувствовали себя молодо, легко, безпечно, весело.

Съ дрогъ сняли неводъ, раскинули его на пескѣ. Денисъ Шестипаловъ, иначе Ильичъ, старшій и самый опытный изъ артели рыбакъ, съ узкой рыжей бородой, сѣдѣющей съ боковъ, тощій и суетной,—съ клубкомъ сѣрыхъ нитокъ уже ползалъ на колѣняхъ по сѣти, чинилъ дыры. Рыба—тварь умная, даромъ что безгласная: каждый самомалѣйшій изъянъ въ „посудѣ“ усмотритъ и используетъ. Ильичу сперва дѣятельно помогали человѣкъ пять. Но когда въ тѣни, подъ вербой, Егоръ заигралъ на гармоніи, всѣ—одинъ за однимъ—ушли къ нему.

— Вы чего же? Эй! хвосты воловьи!—взывалъ нѣсколько разъ Ильичъ къ артели:—пріѣхали дѣло дѣлать, и наконецъ того—къ опереточному гармонисту?..

Но казаки улеглись и усѣлись тѣсной группой въ тѣни вербы вокругъ Егора и даже не оглянулись ни разу на голосъ Ильича. Старый рыбалка поглядѣлъ издали упрекающимъ, обличительнымъ взглядомъ имъ въ спины и плюнулъ.

— Сукины дѣти!—сказалъ онъ очень спокойнымъ голосомъ и вновь принялся ползать по неводу.

Было жарко. Мелкая мошкара—„растока"—вилась надъ нимъ и набивалась въ волосы. Онъ скребъ голову и бороду кулаками, клубкомъ, плечами и терпѣливо, настойчиво, внимательно изслѣдовалъ состояніе невода, или—по мѣстному—„приволоки".

Гармонистъ сыгралъ сперва маршъ „На сопкахъ Манжуріи", потомъ вальсъ „Дунайскія волны", краковякъ. Туше у него было мягкое, артистически-небрежное, красивое. Городскіе мотивы на берегахъ первобытной, раскольничьей, милой нашей Медвѣдицы, привыкшей къ пѣснямъ протяжнымъ и грустнымъ, казались чужеземными гостями, нарядными, изящными и диковинно-странными.

Синяя рѣчка съ песчаной косой, надъ ней безбрежная, кроткая тишь и—воинственный маршъ. Ясный сонъ лѣтняго дня, фырканье лошадей, проворный свистъ крошечныхъ куличковъ и—чуждая красивая печаль, жалоба нарядная, выплаканная въ мелодіи вальса...

Растока кипитъ, звенитъ, вьется, впивается въ глаза, въ волосы...

— И откуда эта животная берется?..

— Это не животная, а насѣкомая,—сказалъ Чекушевъ, закуривая папиросу.

Папиросы его привлекли общее вниманіе, возбудили уваженіе и немножко—зависть. Хотя всѣ—и Чекушевъ въ томъ числѣ—были раскольниками и табакъ должны были почитать грѣховнымъ зельемъ, но молодежь любила тайкомъ затянуться разъ-другой. Чекушевъ же былъ человѣкъ, вполнѣ пріобщенный къ городской культурѣ, самостоятельный, отъ стариковъ независимый, и курилъ, не таясь.

— „Дамскія"?—спросилъ Егоръ, желая показать пониманіе предмета.

— „Деликатесъ",—отвѣтилъ небрежно Чекушевъ.— . . . Животныя родятся, а насѣкомыя насѣкаются,—продолжалъ онъ, мечтательно глядя вверхъ, на столбъ кружащихся мошекъ.

— Какъ же она насѣкается?—спросилъ Ванятка, поглядѣвъ вслѣдъ за Чекушевымъ вверхъ.

— А насѣкается... своимъ порядкомъ... Видишь, сколько ей? Кипитъ! Ежели бы люди насѣкались, куда бы и дѣть... въ три ножа не перерѣзалъ бы...

Чекушевъ продолжительно затянулся и передалъ окурокъ Егору. Егоръ, окинувъ уважительнымъ взглядомъ эту драгоцѣнность, сдѣлалъ нѣсколько затяжекъ, потомъ передалъ Андрону, минуя Давыдку. Андронъ зажалъ окурокъ въ ладонь и, опасливо оглядываясь въ сторону Ильича, проворно докурилъ остальное.

Я прилегъ въ нашей лодкообразной телѣгѣ,—Устинъ разстелилъ въ ней войлокъ и зипунъ, взятый на случай дождя. Вверху, за вѣтвями вербы, сверкали кусочки бездоннаго неба, и видно было плывшее на немъ тонкое, вытянутое облачко, бѣлое, какъ молодой снѣгъ. Если повернуть голову, то прежде всего увидишь сизую, зеленую стѣну войскового лѣса въ тонкой дымкѣ зноя, неподвижную и томную, затѣмъ серебряный песокъ косы и сверкающій кусочекъ рѣки. Ниже телѣги, въ тѣни, не видный мнѣ Кондратъ Чекушевъ говоритъ:

— Ты вотъ скажи что: люди пошли отъ одной пары?

— Отъ одной,—отвѣчаетъ голосъ Устина..

— Какъ же они на островахъ могли оказаться? Великій окіянъ—вонъ какая ширина, а Коломбъ открылъ людей на островахъ... Какъ они зашли туда? а?

Слѣдуетъ томительная пауза.

— Можетъ, волшебствомъ какимъ,—говоритъ голосъ, незнаю чей...

— Какой онъ къ чорту волшебникъ, — дикарь?—Безъ штановъ ходитъ, ногой сморкается... необразованный эскимосъ!...

Доносится тонкій, раздраженный голосъ Ильича съ косы:

— Вы что же, соловьи маринованные? Забыли, зачѣмъ пріѣхали?.. Устинъ!..

— Сейчасъ!—отзывается Устинъ. Но, кажется, никто не шевелится, всѣ продолжаютъ сидѣть, лежать,—пріятно полѣниться и поваляться въ тѣни.

Дремота одолѣваетъ, — спускаются ниже вѣтви вербы. Усиливаюсь побороть ее, а сами собой закрываются глаза. Какъ будто у самаго уха свистятъ кулички, и голосъ Устина спрашиваетъ:

— А какой ширины Великій окіянъ?

И раздраженно кричитъ на это Ильичъ:

— Кому говорятъ? Дьяволы!

— Си-часъ!..

— Пріѣхали дѣло дѣлать и—извольте радоваться—баланцами занялись!..

Кажется, зашевелились рыбалки. Открываю глаза. Стоитъ Устинъ, скребетъ голову, меланхолическимъ взглядомъ смотритъ на рѣку.

— Наумка, гляди тутъ, кабы лошади провьянтъ не осторновали. Никуда не бѣгай!—строго говоритъ Устинъ.

Наумка, семилѣтній мальчуганъ съ лишаемъ на лицѣ, хлопаетъ кнутомъ.

Лѣниво подымаются казаки, снимаютъ шаровары съ лампасами, цвѣтныя рубахи. Надѣваютъ старое. А Давыдка и совсѣмъ ничего не надѣваетъ. На солнцѣ блеститъ его бѣлое тѣло, рѣзко отдѣляясь отъ загара шеи и рукъ.

Неводомъ, или приволокой надо перехватить рѣку поперекъ. Сухая приволока не тяжела, но въ водѣ съ грузилами-камнями вѣситъ пудовъ пятнадцать. На крыльяхъ ея укрѣплены шесты, называемые хлудцами. За хлудцы привязываютъ бичевы и бичевами тянутъ приволоку по рѣкѣ.

Казаки берутъ бичеву, подходятъ къ водѣ, пробуютъ ее ногами.

— Парень, холодная...—говоритъ Андронъ.

Давыдка съ разбѣга бросается впередъ, брызги жемчужнымъ фонтаномъ разлетаются врозь. Онъ лаетъ по-собачьи и съ бичевой въ зубахъ сперва идетъ, потомъ плыветъ къ другому берегу. За нимъ плывутъ еще нѣсколько человѣкъ.

— Кондратъ!—кричитъ Ильичъ:—скидай портки, чего же стоять-то господиномъ!..

— Да тамъ ихъ нѣтъ, чего скидать-то, — говоритъ Устинъ.

Чекушевъ снимаетъ свои синія шаровары съ кантомъ и, точно, подштанниковъ на немъ нѣтъ. Егоръ, подкравшись сзади, хлещетъ его вербовымъ прутомъ и убѣгаетъ.

— Необразованный эскимосъ!—сквозь смѣхъ кричитъ онъ издали.

— Ну ты!..—грозитъ ему вслѣдъ Чекушевъ. Потомъ осторожно входитъ въ воду и стоитъ, упершись руками въ бока, поглядывая, какъ Ильичъ, Устинъ, Андронъ и Ванятка разматываютъ неводъ, спуская его въ рѣку.

— Чего-жъ стоишь, господинъ?—не безъ ироніи спрашиваетъ Ильичъ:—ай боишься задомъ на тырчину наѣхать?

— Я гляжу: не такъ вы дѣлаете. Тутъ же самая яма...

— А въ ямѣ рыба.

— Самая цѣпà... Мы не выбредемъ тутъ. И приволоку порвемъ, и рыбу всю упустимъ...

— Да, коль руки въ бока будемъ стоять,—упустимъ. А коль стараться будемъ, сомовъ двухъ поймаемъ.

Приволоку перетянули черезъ рѣку. Одно крыло укрѣпили съ косы, другое съ нашего берега, надъ ямой. Долго шелъ споръ, на какую сторону дѣлать выбродъ, миновать яму или перетянуть. Ругались. Ильичъ, самый авторитетный человѣкъ въ рыболовномъ дѣлѣ, отстаивалъ необходимость перетянуть яму. Чекушевъ, совсѣмъ не авторитетный, увѣрялъ, что неводъ непремѣнно сядетъ на корягу, и вся рыба уйдетъ. Ильичъ волновался, уличалъ, его въ нежеланіи мочить свое нѣжное тѣло. Тогда Чекушевъ, чтобы доказать готовность на всякія испытанія, нырнулъ и долго сидѣлъ подъ водой. Вынырнулъ онъ саженяхъ въ четырехъ отъ берега и, отдуваясь, проговорилъ:

— Говорю: цѣпа́! Не хотите вѣрить, черти сивозебрые, какъ хотите!..

Беретъ верхъ диктаторское мнѣніе Ильича: яму перетянуть. Сперва бреднями тронуть рыбу сверху, пугнуть ее внизъ по теченію, къ неводу, а затѣмъ съ двухъ сторонъ— бреднями сверху, неводомъ снизу—сдѣлать охватъ и тянуть посуду на косу.

III.

Собрали бредни, пошли вверхъ по рѣкѣ. И стало тихо. Висѣло знойное небо надъ зелено-синимъ зеркаломъ рѣки, свистали кулички на косѣ, всплескивала рыба. Растока кипѣла. Наумка хлопалъ кнутомъ и угрожающимъ голосомъ кричалъ на лошадей, которыя, точно, явственно пытались узнать, что за провизія лежитъ въ сумкахъ на повозкахъ.

Голоса рыбалокъ все уходили вдаль, глохли. Вотъ и совсѣмъ смолкли. Мы съ Наумкой присѣли на крутомъ берегу и смотрѣли молча на деревянные поплавки невода, неподвижнымъ, вогнутымъ рядомъ протянувшіеся изъ берега въ берегъ, на ясное небо и бѣлое облако въ глубинѣ рѣки, на опрокинувшійся лѣсъ подъ песчаной косой и двухъ чаекъ, кверху брюшкомъ лѣниво пролетавшихъ ниже поплавковъ. Хлудцы, воткнутые въ песокъ, чуть дрожали и качались, колеблемые теченіемъ. Рѣдки и внезапны были всплески рыбы. Мы смотрѣли за кругами, расходившимися по водѣ, и завораживала насъ тишина, навѣвала грезы безъ образовъ, тихій сонъ души, въ которомъ было ясное небо и ясныя воды, и голубыя дали, и золотыя воспоминанія прошлаго, и мысли, которыхъ не выразишь словомъ.

Зной и тишина. Порой тихо, протяжно прозвенитъ тонкій звукъ и сольется съ стекляннымъ звономъ растоки, порой глухо затолкутся голоса, далекіе, нездѣшніе, съ того

свѣта, чуть слышные. Смолкнутъ. И снова разсыплются набѣгающимъ вдали дождемъ... Должно быть, затянули бреденья рыбалки, погнали рыбу.

Я оставилъ Наумку сторожить неводъ и повозки и пошелъ берегомъ вверхъ по рѣкѣ. Явственнѣе стали слышны голоса. Сперва они звучали мягко, тонко, быстро тонули въ воздухѣ. Потомъ стали громче, рѣзче, грубѣе. Я уже угадывалъ голосъ Ильича, тонкій, безпокойно зудящій, какъ пѣніе растоки. За нимъ набѣгали лавиной дикіе крики:

— А-а-та-та-та-та-а!.. У-рю-рю-рю-у-у!..

— Андронъ! Тутъ вотъ... ботомъ гвоздò, ботомъ.. Хлопай!..

— Могемъ!..

На маленькой душегубкѣ кружился по рѣкѣ черный Андронъ съ серьезными губами, билъ по водѣ шестомъ, на которомъ навязаны были желѣзныя кольца и трубки, производившія громъ и шумъ въ водѣ. Посерединѣ рѣки плыли на хлудцахъ казаки, торча изъ воды однѣми головами, кричали, болтали ногами. Берегомъ, съ той и другой стороны, тянули бредни бичевами, облегчая работу пловцовъ. Ильичъ, поджарый и суетной, метался по берегу, кричалъ, гикалъ, бросалъ въ воду камни, хватался за бичеву, хлопалъ ею по водѣ.

— Гони, гони, гони-и!—кричалъ онъ голосомъ, полнымъ боевого упоенія:—такъ, такъ, такъ, та-а-акъ!.. Улю-лю-люлю-у-у! Андронъ, отпущай... эй!.. на энтотъ берегъ!..

— Могемъ!

— Да за полотно, ты!.. Холудецъ зачѣмъ поднялъ? Кондратъ, не дреми! На ходу спитъ, сукинъ сынъ, вотъ какой старательный!..

— А ты шуми рѣзче!

— Нельзя не шумѣть, командовать кто-нибудь долженъ!.. Астахъ, наляжь!

— Есть!

— А-а-та-та-та-а!.. Гони, гони, гони, гони! Давыдка, дави холудецъ!..

— Верхомъ сижу на немъ!

— Что-жъ онъ у тебя поверхъ воды идетъ!.. Бей, ребята, ногами! Нечего лыдки беречь!..

— Вонъ какой сомяка поперъ!.. Это—сомъ! Видите, видите? Смотрите, Ѳ. Д., вонъ... валомъ, валомъ...

Я видѣлъ только крупную зыбь, которую подняли рыбаки, но гдѣ былъ валъ, гонимый сомомъ, не умѣлъ усмотрѣть. Однако, сдѣлалъ видъ, что укрѣпляюсь радостной увѣренностью, что сомъ теперь у насъ въ рукахъ.

Подошли къ неводу, зашли правымъ крыломъ. Насталъ самый критическій моментъ—лѣвымъ крыломъ невода и бреднями охватить яму и сдѣлать выбродъ на косу. Ильичъ кричалъ голосомъ, полнымъ отчаянія, вопилъ, метался по берегу. Потомъ съ изумительнымъ проворствомъ сбросилъ штаны и кинулся къ водѣ. Кричали, метались всѣ. Бичевы бросили. Первымъ поплылъ съ неводомъ черезъ яму Устинъ. Тяжелый неводъ важилъ книзу, туго подавался впередъ. Устинъ угребался одной рукой, другой вцѣпился въ хлудецъ невода. Если выпустить хлудецъ,—все погибло: рыба уйдетъ. Выбивался изъ силъ Устинъ. Раза два хлебнулъ, окунулся. Вынырнулъ съ испуганно вытаращенными глазами. Намокшая борода повисла сосулькой. Фуражка всплыла съ головы и попала въ неводъ. Выбивался изъ силъ рыбакъ, но цѣпко держался за хлудецъ,—скорѣй утонетъ, чѣмъ выпуститъ. Дружными криками поощряли его:

— Бери-бери-бери-бери-и-и!..

Голый Давыдка, глядя на мокрое, напряженное лицо отца, громко и безстыдно хохоталъ:

— Утонетъ! Ха-ха-ха-ха... ей-Богу, утонетъ!..

— Дядя Устинъ, гребись! Весь въ орденахъ будешь!

Ильичъ, не взирая на то, что пловецъ выбивался изъ силъ, кричалъ неистово и грозно:

— Сюда вотъ тяните, хвосты воловьи! Влѣво, влѣво забирай!..

Переплылъ яму Устинъ, не выпустилъ изъ руки невода. Но некогда и некому было хвалить его,—всѣ метались, тянули неводъ, кричали:

— Нижнюю бичевку! Гляди, нижнюю бичевку!.. Не подымай, чортъ буланый!..

— Ногой иду по ней...

— А рыбы-то! Страсть!..

— Ядреная!

— Чикомасы, ерши...

— Не такъ дѣлаете!—плачетъ Ильичъ:—энтимъ крыломъ надо...

— Ничего-о!..

Въ бредняхъ и неводѣ уже началась трепещущая, испуганная возня, метаніе, всплески,—безсильно билась захваченная рыба, ища выхода. Кипѣла взмученная, потемнѣвшая вода, цѣлый міръ нѣмыхъ, беззвучныхъ существъ волновался въ предсмертномъ страхѣ. Небольшія серебряныя рыбки, застрявшія въ верхнихъ ячейкахъ, трепетали, какъ бѣлыя ленточки, и уже по ихъ количеству видно было, что забродъ удаченъ. Маленькій Наумка, глядя на нихъ, без-

сильно мотавшихся, тонкимъ голосомъ выкрикнулъ восхищенную матерщину...

Андронъ взялъ меня съ Наумкой въ душегубку и перевезъ на косу, къ выброду. Рыба судорожно металась въ приволокѣ, звонко трепыхалась, билась въ мокрыя сѣтчатыя стѣны, бросалась къ берегу и назадъ. Радостно возбужденные голоса кричали и гомѣли при этихъ всплескахъ, при видѣ отчаянныхъ усилій выбиться на свободу, отстоять жизнь.

— Во-о... вотъ она!.. сулà!..

— А тутъ сомъ есть... ей-Богу, есть!

— Нижнюю бичевку!.. бичевку нижнюю придави!..

Приволока, надувшись, какъ гигантская пазуха, тянула по отмели къ берегу помутнѣвшую воду съ пескомъ, иломъ, водорослями, ракушками и кипящей массой рыбы. Крылья были уже на косѣ, а мотня все еще шла по глуби, и тамъ, въ послѣднемъ убѣжищѣ, сбилась главная добыча.

Охватывало чувство охотницкаго возбужденія и ненужной жадности при звукахъ этого трепета, плеска, при видѣ судорожнаго метанія, быстраго, какъ полетъ стрѣлы,—страхъ, что уйдетъ какой-нибудь чебакъ (лещъ) или сула (судакъ), которые бьются, бросаются во всѣ стороны въ охватившемъ ихъ сѣтчатомъ загонѣ. И хотѣлось кричать вмѣстѣ съ Ильичемъ о нижней бичевкѣ, метаться по берегу, тянуть мокрую, грязную бичеву, лѣзть въ грязную воду.

Но когда запрыгали по мокрому, потемнѣвшему песку большія и малыя рыбы, сверкая серебряной и золотистой чешуей, когда грузный, черный сомъ, скользкій и серьезный, почувствовавъ себя лишеннымъ родной стихіи, забылъ вдругъ о своей солидности и, въ отчаяніи, изгибаясь вырвался изъ рукъ суетившагося вокругъ него Ильича и судорожнымъ взмахомъ хвоста звонко шлепнулъ его по голымъ икрамъ, къ шумному веселью рыбаковъ, — стало грустно и жалко...

Въ этихъ судорожныхъ движеніяхъ, въ отчаянномъ трепыханіи и безсильномъ біеніи о мокрый песокъ родимой рѣки, въ испуганно-торопливомъ глотаніи жаркаго воздуха красными, сохнущими жабрами, въ нѣмомъ бореніи со смертью, чувствовался безгласный крикъ незащищенной жизни, неслышный вопль жертвы безвинной и горькой, предсмертный крикъ отчаянія и ужаса. Были жалки въ своемъ безсиліи и были трогательны эти язи, плотвы, сердито ощетинившіеся, синеватаго серебра, ерши, окуни, серебристой грудой наполнившіе лодку,—солидные судаки съ выпученными, растерянными глазами, широкіе золотистые лещи и карпы, плескавшіеся въ большой кошолкѣ (садокъ,

сплетенный изъ лозы),—трогательны были въ своей обреченности, безвыходности, въ своей безмолвной предсмертной тоскѣ и мукахъ...

А надъ ихъ тоской и нѣмымъ страданіемъ шумѣло хищное торжество и буйная радость побѣдителя-человѣка. И лишь одинъ Наумка, забавляясь, тайкомъ вытаскивалъ изъ лодки рыбокъ поменьше и пускалъ въ воду, глядя, какъ онѣ сперва робко и изумленно—одно мгновеніе—стояли на мѣстѣ, словно въ гипнозѣ, не вѣря свободѣ, а потомъ стрѣлой бросались въ глубь, въ родную стихію, къ переплетеннымъ корнямъ подмытыхъ деревьевъ и въ дремучій лѣсъ водорослей.

— Теперь, пока живенькая, варить надо бы,—крикнулъ Устинъ.

— Варить, варить! Изъ живой рыбы щерба совсѣмъ отмѣнитая, не какъ изъ сонной,—говорилъ Ильичъ, забрызганный до бровей грязью, довольный и притихшій.

— А то чего же... чистить и варить! Кого за повара?

— За повара Егора,—онъ сапожникомъ въ полку былъ...

— А то Левона,—онъ кашеваръ тоже не плохой.

— За повара я̂ могу,—сказалъ Че́кушевъ.

— Ты?..—Ильичъ явно колеблется и взглядомъ въ бокъ окидываетъ могучую фигуру Чекушева въ мокрой, выпачканной въ грязь рубахѣ, облегшей выпукло округленные наросты груди.

— Вполнѣ могу. Слава Богу, видалъ на свѣтѣ разныя кушанья. Въ лесторанахъ ѣдалъ...

Казаки весело, явно обидно смѣются. Онъ стоитъ передъ нами въ одной короткой рубахѣ, тяжелый, широкій, на толстыхъ, волосатыхъ ногахъ. На сожженномъ солнцемъ лицѣ съ грушевиднымъ носомъ, темномъ, уже изрѣзанномъ морщинами нужды, туповатомъ, какъ бы застывшемъ въ ищущемъ и взыскательномъ выраженіи,—теперь сугубая серьезность и уязвленное достоинство.

— Чего же вы... зубоскалите?—извините за выраженіе, ваше высокоблагородіе,—бросилъ онъ въ мою сторону.

— Какъ же ты тамъ, въ лесторанахъ,—вилкой? на расписныхъ тарелкахъ?—задыхаясь отъ смѣха, съ трудомъ выговорилъ Устинъ.

— На цвѣтковыхъ...—вставилъ серьезный Андронъ.

— Гаялманы!

— Да ты не серчай...

— Что-жъ, думаете, у меня деньги съ роду не шуршали въ карманѣ?

— Фу, чудакъ! Да ты тогда самъ же письмо прислалъ:

къ новому году возъ денегъ привезу. Значитъ, проскакивала копѣйка...

— Да я одного жалованья 40 рублей чистыми деньгами получалъ. А въ городахъ при деньгахъ—что твоей душѣ угодно! Бывало, получишь, — съ увлеченіемъ заговорилъ Чекушовъ, пренебрегая явно ироническимъ отношеніемъ къ себѣ слушателей:—заразъ лихача хорошаго: въ гостиницу! Въ такую-то вотъ... въ Конкордію!.. Тамъ тебѣ пріемъ! Тамъ лакеи! Пожалуйте-съ! Какой—съ пищей, какой съ графиномъ, а какой—съ дамкой...

Высокій, чернобровый Левонъ завистливо прищелкнулъ языкомъ:

— Почетъ, какъ атютанту...

— На мнѣ же мундиръ,—гордо пояснилъ Чекушевъ:— тоже вѣдь не сова въ дровахъ, а полиція. Кое-чего значу. Одинъ разъ я даже за исправника орудовалъ, когда изъ Каширы въ Веневъ мы командировались...

— Ну, братъ, это ужъ пули льешь...

— Честное слово, не брешу!

— А за губернатора нигдѣ не былъ? Человѣкъ ты съ развязкой, поруководствовать могъ бы, ежели тебя какъ слѣдуетъ обрядить да припарадить...

— Да ты постой! Очень просто вышло дѣло...

Чекушевъ обернулся ко мнѣ, очевидно, предполагая найти во мнѣ болѣе серьезнаго слушателя, чѣмъ веселая, зубоскалящая молодежь.

— Купилъ я мундиръ исправницкій... старый... Какъ разъ мнѣ по костямъ и суконце—просто ароматъ, а цѣна— плевая... Ну-те-съ, прекрасно. Вотъ намъ вскорѣ же и командировка,—въ иной городъ перевели. Прибыли на вокзалъ, никто насъ не знаетъ. Урядникъ Сосовъ—служилъ тоже со мной—и говоритъ: „вы", говоритъ, „Кондратій Лукичъ, позвольте мнѣ вашъ купленный мундиръ на денекъ". —Почему не такъ... А на что?—„Да я бы", говоритъ, „ролю съ нимъ разыгралъ. Народъ тутъ робкій, овца-народъ, на выпивку на хорошую зашибли бы"... Объясняетъ: онъ—за исправника, а я у него драбантомъ. Въ моемъ же мундирѣ!..—Нѣтъ, говорю, лучше я за исправника, а ты драбантомъ,—у меня и саквояжикъ новенькій есть.—„Тѣмъ и лучше, вы вполнѣ за порядочнаго господина можете сойтить". Въ саквояжѣ у меня рубахи, чулки.—Валяй въ гостиницу! Прямо съ желѣзной дороги—въ номеръ!

Чекушевъ хвастливо тряхнулъ головой и оглянулся. Всѣ прислушались къ его разсказу, оставивъ выбирать изъ невода рыбу. Улыбались скептически, но слушали.

— Въ номеръ!—гордымъ, громкимъ возгласомъ вздох-

нулъ Чекушевъ и задумался, улыбка на губахъ застыла.— Хорошо...—встряхнулся онъ:—одѣлся въ номерѣ въ свой исправницкій мундиръ, Сосова послалъ порцію заказать. Выхожу въ общую, Сосовъ докладываетъ:—„порція сейчасъ будетъ“... Тутъ, братъ ты мой, сколько было народу, пьяный галдежъ, а на меня глядь... примолкли!—„Продолжайте, говорю. Безъ стѣсненія!..“ Сѣли съ Сосовымъ—все къ нашимъ услугамъ: пьемъ, закусываемъ...

Слушатели залились одобрительнымъ смѣхомъ. Кто-то почмокалъ языкомъ. И уже не слышно было скептическихъ замѣчаній.

— Вотъ ваканція-то!—сказалъ восхищенный Ильичъ.

— Напились, наѣлись, сталъ я взыскивать!—продолжалъ героическимъ тономъ Чекушевъ:—Что за безпорядокъ? Почему это не такъ, а то неисправно? Позвольте сюда пачпорта!

Чекушевъ вздернулъ головой кверху и уперся въ бока кулаками. Взыскательно-строгій видъ его лица принялъ грозящій оттѣнокъ.

— Тутъ отъ меня, какъ дождь, всѣ сыпанули... кто куда! — добродушно-торжествующимъ тономъ закончилъ онъ:—взяли мы съ хозяина четвертной билетъ и на извозчика...

— Четвертной билетъ?!—изумился Устинъ.

— Какъ одну копѣйку...

— Вотъ сукины дѣти... деньгу какую могли имѣть...

— Пожалуй, и правда, коли не сбрехалъ? — сказалъ Ильичъ.

— Вотъ крестъ святой! Чего мнѣ брехать, какая надобность? Да мнѣ, ежели прохожденія свои разсказывать— библія! За недѣлю не переслушаешь!.. А вы говорите: кушанья... Кушанья я ѣдалъ такія, какихъ вы и не слыхали съ роду: коклеты, минигреты, биштеки... раковъ морскихъ ѣлъ!.. супы разные... По нашему—жидкая каша, по ихнему— супъ... Вотъ и разбирай... А уху я царскую сдѣлаю! Лукъ есть?

— Есть, какъ же. И укропъ есть.

— Царскую щербу сдѣлаю!

— Ну гляди, не дреми. Рыбы не жалѣй, клади больше, но чтобы щерба была—одно слово! Левонъ, ты все-таки командируйся съ нимъ...

— Въ подручные. Каструли чистить...

— Сдѣлаемъ царскую!..

Они перегнали лодку съ рыбой на другой бокъ, къ стану, и подъ старой вербой скоро извилистой струйкой засинѣлъ дымокъ. Ильичу опять пришлось кричать и бра-

ниться: надо было всполоснуть неводъ, очистить его отъ ила и грязи, а казаки отошли на косу, легли грѣться на теплый песокъ, болтали, смѣялись и не выражали ни малой охоты лѣзть снова въ воду, въ которой купались почти три часа.

— Вотъ дай такимъ поганцамъ посуду,—въ одинъ день попарятъ! — горькимъ голосомъ жаловался мнѣ Ильичъ, одинъ возясь съ мокрымъ, тяжелымъ неводомъ.

Поджарый, безпокойный, похожій на отощалаго дрозда, онъ былъ немножко смѣшонъ своимъ всегда трагическимъ тономъ. Былъ онъ богатый хозяинъ—въ тысячахъ—и скупой, какъ всѣ хозяйственные люди, горбомъ созидающіе полную чашу. Всегда плакался на бѣдность и недостатки, штаны носилъ въ заплатахъ, фуражку почти просмоленную отъ сала, грязи и пота. Привыкъ самолично слѣдить за всѣмъ въ хозяйствѣ, не досыпать, не доѣдать, никому изъ семейныхъ не давать покоя. Но была страсть, ради которой измѣнялъ онъ скупости,—рыбная ловля. Онъ накупалъ дорого стоющихъ снастей, арендовалъ воды, всегда терпѣлъ на этомъ убытокъ, терялъ много времени, но оставался вѣренъ своей охотѣ и милой рѣкѣ, которую звалъ онъ, по-пѣсенному, „рѣчкой лазоревой".

Кажется, на этой почвѣ онъ тѣсно сошелся съ моимъ пріятелемъ, Устиномъ Савельичемъ. Устинъ былъ тоже хозяинъ не плохой, но далеко слабѣе Ильича: ни въ кубышкахъ, ни въ старыхъ чулкахъ у него не было припрятано излишковъ. Гордостью его были сыновья, ребята удалые—Левонъ и Давыдка, молодцы на все: и поработать, и погулять, и подраться. Ильичу сыновей Богъ не далъ, указалъ жить съ зятьями,—между прочимъ, Наумкинъ отецъ Андронъ былъ его зятемъ.

Приволоку вымыли. Вкатили въ воду дроги и, взваливъ ее на дроги, артелью вывезли на траву, гдѣ и раскинули для просушки. Переодѣвшись, стали въ кругъ около четвертной бутыли съ красной печатью—погрѣться. И когда Устинъ складнымъ ножомъ отбивалъ сургучъ и выковыривалъ пробку, на всѣхъ лицахъ легло выраженіе глубокой сосредоточенности и торжественнаго ожиданія.

Ильичъ водки не пилъ,—голова не дозволяла,—для него было припасено двѣ бутылки цымлянскаго. Доставая бутылки изъ нашей телѣги-лодки, Наумка умудрился одну опрокинуть и разлить на полость. Эта бѣда чрезвычайно огорчила нашего стараго рыбалку. Онъ дернулъ за вихоръ внука и, можетъ быть, оттаскалъ бы его побольнѣй, но, видя, что вино просачивается въ полость, припалъ къ крас-

ной лужѣ губами, и началъ громко схлебывать дорогую влагу.

— Самъ того не стоишь, сукинъ сынъ,—сказалъ онъ, вытирая бороду и адресуясь къ Наумкѣ:—такое добро погубилъ...

Впрочемъ, скоро утѣшился другой бутылкой.

Выпили. Виночерпіемъ былъ Устинъ. Онъ несъ свою почетную обязанность съ отмѣннымъ тактомъ, наливая и поднося рябой, толстаго стекла, стаканчикъ въ той очереди и постепенности, которая соотвѣтствовала чину, возрасту и рыбацкому значенію каждаго участника. Ильичъ, стоя съ своей бутылкой и чайной чашкой, нѣсколько разъ начиналъ тостъ, витіеватый и длинный, и ни разу не кончалъ его.

— Ну... господа предсѣдящіе...—обводя посвѣтлѣвшими пьяными глазами стоявшихъ въ кругу соратниковъ, говорилъ онъ:—теперь, значитъ, слава Богу... какъ мы протянули рѣку, постарались, ошибки не вышло, продвергу никакого... Кондратій и мололъ языкомъ, что зацѣпимъ, да только ему противъ меня рѣку знать—въ ноздряхъ сыро...

— Повару подъ руку не говори, щербу пересолитъ,—замѣчаетъ Устинъ.

— Въ самъ-дѣлѣ? Ну, за все благое, братцы!.. Поварское дѣло, правда,—капрызное: взять пироги,—всѣмъ извѣстная вещь, а у меня баба до самой старости въ этомъ дѣлѣ дураковата. Люди пекутъ на опарѣ... Заставилъ ее какъ-то испечь на опарѣ, а она ихъ такъ, сердечная, наопарила, что пришлось въ чело лѣзть съ желѣзной лопаткой, разбивать на куски... Кинули въ печь семь, а изъ печи одинъ вышелъ. Да не вышелъ, а въ челѣ застрялъ... Я изъ него изъ одного десять выгадалъ! Вынулъ да и говорю: нѣтъ ужъ, баба, не опарь, пеки на квасовой гущѣ...

Онъ закончилъ крѣпкой остротой... Слушатели залились долгимъ, раскатистымъ хохотомъ. Спичъ оборвался, но черезъ минуту блаженно улыбавшійся Ильичъ снова бралъ слово. Но уже начинали говорить всѣ разомъ, никто не хотѣлъ быть слушателемъ,—рябой стаканчикъ два раза обошелъ по кругу.

VI.

Поспѣла уха. Она вышла, дѣйствительно, не дурна: крѣпкая, съ возбудительнымъ ароматомъ, съ особеннымъ вкусомъ свѣжей, не заморенной рыбы. Ѣли ее изъ большой, темной, полуоблѣзшей деревянной чашки. Ложекъ не на всѣхъ хватило. Чередовались: хлѣбнетъ одинъ, передастъ ложку со-

сѣду. Ѣли не спѣша, основательно и долго. Поваровъ обоихъ одобряли, хотя Чекушевъ всю заслугу былъ склоненъ присвоить себѣ.

— Я говорилъ: царскую сдѣлаю,—и сдѣлалъ...

Онъ окидывалъ насъ взглядомъ побѣдителя.

— Говорить ты много кое-чего говорилъ, да не все по твоимъ рѣчамъ выходило,—солидно возражалъ Ильичъ:—сулился возъ денегъ изъ Россеи привезть, а пришелъ съ одной тросткой...

Напоминаніе это, ядовитое, разсчитанное на то, чтобы сразить тріумфатора, насъ развеселило, а Чекушева огорчило.

— Дѣло не указало, господа...

— Туда пошелъ съ лошадью, а отголь на мериндіянѣ прилетѣлъ... Капиталы нажить думалъ вокругъ помѣщицкаго добра...

— На „дамскія“ папиросы все пошло, вѣрно?

— А мамзели!..

— Эхъ, господа! Чего я съ вами буду зря языкъ околачивать! Это понимающій кто,—ну тотъ человѣкъ посочувствуетъ. А вы... Живете вы безо всякой тактики и практики, роетесь въ навозѣ, и больше вамъ ничего не требуется... Это—жизнь?..

— Ну-ну-ну-ну...—смущенно возразилъ Устинъ: — ѣшь рыбу... не сурьезничай...

Рыбу выложили изъ котла на мѣшокъ, замѣнившій намъ и тарелки, и скатерть, и салфетки,—и брали ее руками. Была она сильно разварена, посыпана крупною солью, горяча, обжигала пальцы. Ильичъ, разсолодѣвшій отъ вина, собственноручно извлекалъ изъ дымящагося вороха самые лакомые кусочки и подкладывалъ мнѣ. Но какъ ни трогательна была эта хлѣбосольная заботливость, я скоро отвалился: наѣлся свыше всякой мѣры...

Рыбалки же ѣли еще очень долго,—пока не кончили всего. Раза два дѣлали паузу. Рябой стаканчикъ обходилъ кругомъ. Выпивали и опять принимались за ѣду, всѣ серьезные, сосредоточенно молчаливые, вспотѣвшіе. Потомъ ѣли арбузы. Послѣ арбузовъ бутыль поставили на средину и заговорили всѣ разомъ.

— Денегъ... Извольте видѣть: денегъ я не принесъ со службы,—говорилъ, дыша мнѣ въ ухо водкой, Чекушевъ,—онъ перешелъ съ своего мѣста и сѣлъ позади меня на корточки, между мною и Устиномъ.—Потому я, значитъ, по ихъ понятію—послѣдній человѣкъ... Не нажилъ... Вотъ ихъ сужетъ о жизни!.. Да, денегъ я, конечно, не принесъ...

— Какую же ты отличку сдѣлалъ?—улыбаясь, спросилъ Устинъ.

— Денегъ я не принесъ...—повторилъ Чекушевъ загадочнымъ тономъ, за которымъ чувствовалось нѣчто многозначительное, но не подлежащее оглашенію:—но земель я произошелъ много, свѣту видалъ, какъ живутъ разные народы—знаю...

— На Дальнемъ Востокѣ не былъ?—спросилъ Левонъ и фыркнулъ въ руку отъ смѣха.

— Я былъ въ Тульской, въ Рязанской былъ...

— Ну, какъ тамъ народъ?—наливая рябой стаканчикъ, спросилъ Устинъ.

— Народъ—ничего, смирный,—небрежно бросилъ Чекушевъ, слѣдя съ любовнымъ вниманіемъ, какъ булькала въ горлѣ бутыли прозрачная влага.

— Уважительный?

— Овца, можно сказать...

— Помудровать можно было?

— Очень слободно... Но только, господа,—сказалъ Чекушевъ тономъ извиненія:—вѣдь и такъ же нельзя, чтобы, напримѣръ, безпорядокъ, безначаліе... Порядокъ долженъ быть... такъ или нѣтъ?—Онъ окинулъ всѣхъ предостерегающимъ взглядомъ.—Какіе же мы граждане будемъ, ежели у насъ одно своеволіе будетъ, каждый по своему произволу жить станетъ? Нѣ-ѣтъ!.. Ему, напримѣръ, станешь законное дѣло объяснять, а онъ кирпичомъ... Это—голосъ?.. Или коломъ изъ-за угла...

— Кушалъ?

— Какъ же не кушалъ! При исполненіи обязанностей... Пожаръ, напримѣръ. Помѣщикъ горитъ, а они стоятъ—глядятъ, заливать—никто никакъ... Я, конечно, обязанъ приказать.—„Что-жъ вы, такъ вашу разъ-этакъ?“ Скалятъ зубы. Разогналъ лошадку, давай ихъ плетью охаживать! Ну тутъ кто-то, дѣйствительно, меня кирпичемъ... Спасибо, въ спину...

Чекушевъ смотритъ на насъ обиженно изумленнымъ взглядомъ и ждетъ сочувствія. Устинъ помоталъ головой, молодежь разсмѣялась. Ильичъ поднялъ указательный, плохо отгибающійся палецъ, откашлялся и жидкимъ, но пріятнымъ голосомъ завелъ:

Ахъ на рѣчкѣ, братцы, было лазоревой,
Средь поля, братцы, было, поля чистаго... э-о-ой...

Присоединились, одинъ по одному, голоса рыбалокъ, Егоръ залился тонкимъ подголоскомъ. Кудрявыя фіоритуры сперва сплели причудливый узоръ на протяжномъ, немножко монотонномъ мотивѣ. Потомъ подголосокъ забрался въ высь и закатился эхомъ за зеленую зубчатую полосу войскового лѣса.

Я всталъ и отошелъ на косу,—пѣсня всегда красивѣе и мягче на разстояніи, чѣмъ вблизи. Матовымъ, изогнутымъ зеркаломъ лежала рѣка, зелено-синяя, у береговъ темная, закутанная тѣнями. Должно быть, тамъ, за холмами, за хуторомъ Чигонацкимъ, садилось солнце,—не видать его было, но горѣло розовымъ золотомъ бѣлое облако на востокѣ. Раза два вздрогнулъ вѣтерокъ, мелкая зыбь посеребрила рѣку и улеглась. Еще душновато было и тихо. Когда обрывалась пѣсня, слышно было, какъ въ подмытомъ, свалившемся въ воду дубовомъ кусту тихо покряхтывала лягушка, стонала страстнымъ звукомъ. Маленькіе, рѣзвые кулички, уже не видные въ вечернихъ тѣняхъ, обнявшихъ рѣку, бѣжали по косѣ, на другой сторонѣ, бойко свистали, кричали, перекрикивали другъ друга. Гдѣ-то дальше, на самомъ горизонтѣ, за песками и лѣсомъ, протяжно и грустно пожаловался краптыль,—крупный сѣрый куликъ,—и тотчасъ же изъ сумеречнаго полога, съ нашего берега, отозвался ему такой же горькій, жалующійся голосъ. Точно шумные человѣческіе голоса, переплетающіеся въ своей безтолковой толчеѣ, сливающіеся въ долгой пѣснѣ, внесли въ ихъ тихія владѣнія съ серебристыми песками и зеркальными водами непоправимый разгромъ, безпорядокъ и горе...

Я иду внизъ по рѣкѣ, черезъ дубовую рощицу. Рядомъ со мной Устинъ, передавшій обязанности виночерпія Ильичу. Вдали поютъ турлучки—тихо, протяжно, меланхолично. Звенятъ комары. По всей рѣкѣ кипитъ и зыблется ихъ тонкое, нѣжное пѣніе, словно легчайшія, нѣжнѣйшія крылышки, милліоны крылышекъ касаются гигантскаго стекляннаго колокола.

— Комарь,—говоритъ Устинъ:—сыпучій комарь!..

Гдѣ-то на рѣкѣ разговариваютъ гуси. Гусакъ басомъ что-то внушаетъ стаду, солидно и строго. Торопливыми, виноватыми, почтительно мягкими, тихими голосами лепечутъ ему въ отвѣтъ молодые гусята.

Тихо. Чернымъ зеркаломъ смутно поблескиваетъ вода. Устинъ присѣлъ на корточки, черпаетъ ее пригоршнями и пьетъ.

— Какая-то птица пролетѣла,—говоритъ онъ:—большая...

Голосъ его звучитъ осторожно, таинственно, словно боится вспугнуть тишь сумеречную.

— Какъ тихо,—говорю я.

— Никого не слыхать. И ребята пѣсню перестали играть. Либо Кондрашка опять какую небылицу гнетъ...

— А что Кондратъ—каковъ онъ человѣкъ?—спрашиваю я Устина, желая провѣрить свои впечатлѣнія.

— Кондратъ? Человѣкъ городской, продиктованный.

Семья-то его дисциплины городской не знаетъ, вотъ онъ и взыскиваетъ. Придетъ ежели пьяный, то сейчасъ: „жена! на колѣни!“ А то: „всѣ по угламъ!“ Такъ по угламъ и разставитъ—жену да двухъ сыновъ... Дыхнуть боятся: городской человѣкъ, ндравный... Начальникъ строгій, а подчиненныхъ мало—баба да малый мальчонка, Мишка... надъ ними и мудруетъ...

— А старшій сынъ?

— Сергѣй? Да вотъ выходитъ изъ подчиненія... Ну, бабѣ плохо,—измывается до конца! Къ командѣ привыкъ, строгость обожаетъ. Какъ придетъ, сейчасъ ее на колѣнки: „проси прощенія, стерва!“ Кланяется она, кланяется ему въ ноги, а за что—неизвѣстно. А онъ ее, походя, то кулакомъ, то ногой... Калѣкой совсѣмъ сдѣлалъ...

Тишина. Звенятъ комары. Звонъ долгій, нескончаемый, мечтательный и нѣжный. Тихо кипитъ, замираетъ, подымается, падаетъ, снова выростаетъ. Въ сумеречныхъ сводахъ великаго храма льется эта пѣснь незамѣтныхъ милліоновъ, единая пѣснь радости и страданій, борьбы и гибели, слезъ горестныхъ и буйнаго ликованія...

— Разъ при мнѣ онъ ихъ такъ-то муштровать сталъ. —„Лукичъ, да будетъ тебѣ“!—говорю:—„чего ты ихъ“... —„Молчи! ты ничего не знаешь! Они меня раньше обидѣли! Ты погляди, какая паскудина! Къ ней и подойтить противно“... Ногой топнетъ: „смир-рно! мазанка, нечуняйка!.. Играй пѣсни, стерва“!.. Стоитъ она на колѣняхъ, играетъ...

— Играетъ?—изумляюсь я.

— Играетъ. Слезовая игра. Слезы въ пять рядъ... А играетъ. Ничего не попишешь: кулаки-то вѣдь вонъ какіе... А то ногой въ животъ...

Я представилъ себѣ эти кулаки,—широкія руки Чекушева съ крючковатыми пальцами, какъ бы застывшими въ полусогнутомъ положеніи, выработанномъ привычкою хватать и тащить,—бросились мнѣ въ глаза еще во время его разсказа о служебной дѣятельности въ Тульской губерніи. Тогда еще я перенесся мысленно въ положеніе тѣхъ россійскихъ обывателей, надъ которыми стоялъ онъ нѣсколько лѣтъ водворителемъ порядка,—и не позавидовалъ имъ. Но поглядѣлъ въ лицо,—лицо, правда, тупое, квадратное, но какъ будто не очень звѣрское, скорѣе простодушное съ своимъ грушевиднымъ носомъ и старательно-преданными глазами оберегателя порядка. Поглядѣлъ и подумалъ: это скорѣй рядовой исполнитель „долга“, чѣмъ вдохновенный артистъ успокоительной дѣятельности. Конечно, онъ выбьетъ зубы, сломаетъ ребра, вывернетъ руки, но все согласно

указанію, самостоятельность же и инииціативу едва ли сумѣетъ проявить...

Такъ думалъ я о товаришѣ дѣтскихъ лѣтъ своихъ. Однако вотъ эти мудрованія надъ женой; эти пѣсни на колѣняхъ подъ занесеннымъ каблукомъ,—они внесли новую черту. Тутъ какъ будто не одна служебная исполнительность. Устинъ объяснилъ это болѣзненной потребностью власти, созданной привычками прежней административной дѣятельности...

— А то мальчонку вызоветъ изъ угла. „Становись на колѣни, сукинъ сынъ, читай книгу. Погляжу, какъ васъ тамъ учатъ". Мальчонка дрожитъ, бѣлѣй бѣлой глины, прыгаетъ книжка у него въ рукахъ. И голоса-то нѣтъ отъ страху,—чуть-чуть музюкаетъ.—„Не можешь!" За вихоръ его.—„Это—дите? Въ городахъ дѣти—вонъ дѣти! Смыслъ, развязка"...

— Какъ же можно такъ жить?—спрашиваю я и чувствую, что наивны вопросъ мой и мое недоумѣніе.

— Живутъ,—говоритъ Устинъ.

Въ короткомъ отвѣтѣ его звучитъ грусть безсилія и фатальной покорности: налицо фактъ во всей его обидно торжествующей наготѣ, а что противопоставить ему? Надъ кѣмъ только не стояла монументальная фигура Кондрата Чекушева съ занесеннымъ каблукомъ, а жили и живутъ....

— Однако старшій-то сынъ собрался съ силенкой, подросъ... сталъ помаленьку щупать отца,—довольнымъ голосомъ прибавляетъ Устинъ:—свѣжій паренекъ... А путя не будетъ и въ немъ!

— Почему?

— Тоже на водочку шибаетъ охотишка, на табачекъ, на карты. Нарядиться получше, сапожки поваксить, въ проходку съ дѣвками,—вся заправка непутевая...

Мы поворачиваемъ назадъ. За рощей опять слышится пѣсня, издали красивая, печальная. Робкія серебряныя звѣздочки горятъ въ смутной синевѣ высокаго неба. На западѣ тускнѣетъ оранжевая полоса зари.

Подходимъ ближе, пѣсня стихаетъ, звенитъ гармоника. Кружатся бойкіе звуки польки, бѣгутъ, прыгаютъ веселымъ, легкимъ, подмывающимъ каскадомъ. Мнѣ видно, какъ топчется на одномъ мѣстѣ Ильичъ, на потѣху молодой компаніи, руками въ бока уперся, съ самымъ лихимъ видомъ встряхиваетъ головой. Тяжело пылитъ ногами Чекушевъ, кружась по песку около Ильича.

— Дѣлай!—кричитъ Ильичъ.

— По заду мѣломъ!—подхватываетъ озорной голосъ Давыдки.

Чекушевъ останавливается, раскинувъ руки, какъ самая заправская балерина на сценѣ.

— Я сдѣлаю!—говоритъ онъ хвастливо:—я и не въ такихъ мѣстахъ дѣлалъ и завсегда благодарность получалъ... Глѣбовъ господинъ однажды изъ жилетки золотой вынимаетъ: на,—говоритъ,—Чекушевъ за развязку...

— А тамъ, видно, народъ капиталистый? — спросилъ Устинъ.—Мы подошли съ нимъ къ кругу.

— Есть. Не всѣ, а есть. Волконскій князь, напримѣръ... Агромаднѣйшіе лѣса... А есть и такіе господа дворяне, что долгу лишь, какъ орѣпьевъ и больше ничего. Тѣмъ и поправлялись: заштрафуетъ разное старье да подпалитъ. Штрафовку послѣ огребетъ,—одобрительнымъ голосомъ прибавляетъ Чекушевъ.

При всемъ ироническомъ, явно неуважительномъ отношеніе къ Чекушеву, его слушали,—я видѣлъ,—съ жаднымъ вниманіемъ, когда онъ разсказывалъ о томъ мало вѣдомомъ мірѣ, гдѣ щедро были разсыпаны соблазнительныя удовольствія, легкіе доходы, власть, шикъ, веселье. Видимо это плѣняло и волновало первобытное воображеніе моихъ рыбалокъ, какъ плѣняли ихъ слухъ кэкъ-уокъ и краковякъ подъ искусными пальцами Егора.

Бутыль стояла уже порожняя. Но рыбалки все еще сидѣли въ кругъ нея, шумѣли, запѣвали пѣсни и, повидимому, чувствовали себя превосходно. Чекушевъ подошелъ ко мнѣ невѣрными шагами и, наклонившись, сказалъ льстивымъ голосомъ:

— Мы вотъ совѣтуемъ промежду себя, Ѳ. Д., сложиться и послать еще за четвертью. Какъ вы съ своей стороны?

— Никакъ. По моему, больше не надо.

— Ну, ребята, значитъ—отставить,—говоритъ онъ тономъ извиненія въ сторону рыбалокъ, хотя они не слушаютъ его, поютъ пѣсню. Я догадываюсь, что проектъ о другой четверти родился мгновенно въ головѣ Чекушева.

— Оно и лишнее,—обращается онъ снова ко мнѣ разсудительнымъ тономъ:—говорится,—первый стаканъ пьешь во здравіе, второй—въ сладость, третій—въ безуміе, четвертый—въ бѣснованіе... Въ писаніи такъ сказано. Правильно сказано!..

Мы долго молчимъ. У меня нѣтъ охоты поддерживать бесѣду съ нимъ, а онъ не отходитъ, стоитъ возлѣ. Опять я гляжу на его грузную фигуру, монументальныя плечи, лошадиную грудь, выпукло обрисовывающуюся подъ рубахой, разставленныя врозь ноги,—прочная фигура! И чувствуется въ ней что-то самоувѣренно-наглое, неотвязное, какъ будто

сознающее свою неизбывность и прочную связь съ рядовой обывательской жизнью.

Устинъ приходитъ мнѣ на выручку. Спрашиваетъ:

— Не скипятить ли чайничекъ?

— Хорошо бы.

— Чайникъ?—подхватываетъ съ стремительною готовностью Чекушевъ,—въ одинъ секунтъ! Ребята! Поджижекъ и все прочее! Живо!.. Чтобы у меня на одной ногѣ!..

Онъ распоряжался строго, взыскательнымъ голосомъ, прикрикивалъ, но отъ меня не отходилъ. Чайникъ навѣсили, подложили тонкихъ вербовыхъ вѣтокъ. Огонекъ вспыхнулъ, лизнулъ въ разныхъ мѣстахъ бока чайника, затанцовалъ, зазмѣился, запрыгалъ вверхъ, золотомъ одѣлъ ближніе кусты, задрожалъ красноватымъ свѣтомъ на травѣ. Потемнѣли сумерки. Небо стало высокое, почти черное. Звѣзды высыпали. На западѣ все еще свѣтлѣла зеленоватая бирюза.

— О!.. здорово болкаетъ рыба!—говоритъ Устинъ, прислушавшись.

— Теперь на живца бы поймалъ...—замѣчаетъ Чекушевъ.

— На живца—въ августѣ мѣсяцѣ... Ты что?..

Огонекъ подрагиваетъ, фурчитъ, мечется. По лицамъ прыгаютъ отсвѣты и тѣни. Взлетаютъ искорки, когда подкинутъ новую охапку поджижекъ. Красные язычки сперва пригнутся, завертятся, потомъ одолѣютъ, затрещатъ, изовьются и вытянутся еще выше, чѣмъ прежде. Наклонившееся надъ чайникомъ лицо Леона загорается краснымъ золотомъ, выступаетъ впередъ дубовый кустъ, золото растекается по яру надъ рѣкой. Отъ огня она тускнѣетъ, сливается съ косой, кажется широкой-широкой...

— Какъ же вы мнѣ посовѣтуете съ сыномъ быть?—обращается ко мнѣ Чекушевъ—съ очевиднымъ намѣреніемъ завязать бесѣду.

— А чѣмъ онъ грѣшенъ?

— Да непочетчикъ отцу-матери. Вотъ на службу теперь его справлять, а онъ, братецъ мой, заломитъ шапочку на бочекъ и мáндрики! По всей ночи шляется... А день спитъ. Станешь говорить: „почему ты хулинганомъ живешь?"—беретъ за грудки...

Чекушевъ смотритъ на меня пьянымъ, скорбнымъ взглядомъ, ожидая сочувствія. Я молчу.

— Какъ я долженъ сократить его? Въ правахъ онъ, чтобы отца родного подъ девятое ребро?..

Мнѣ хочется сказать ему что-нибудь рѣзкое, обличи-

тельное, но какъ-то не хватаетъ рѣшимости. Пьяные глаза его смотрятъ на меня преданно и съ умиленіемъ.

— Кондратъ!—говорю я, не глядя на него:—ну, по совѣсти, когда ты самъ обижалъ или обижаешь кого, думаешь ты о томъ, хорошо это или нѣтъ?

Онъ не сразу отвѣчаетъ. Но я вижу: тускнѣетъ пристально-преданное выраженіе въ его глазахъ.

— Кого же я когда обидѣлъ?—спрашиваетъ онъ оскорбленнымъ тономъ.

— Никого?

— Нитнюдь. Пальцемъ не коснулся!..

Краснорѣчіе мое сразу изсякаетъ передъ этой незамутимой ясностью души. Я растерянно гляжу на огонь. Леонъ положилъ на него сырую вѣтку. Бѣлый дымъ поднялся, ушелъ вверхъ и слился съ полосой млечнаго пути. Запрыгали, взвиваясь вверхъ, искорки,—короткія и длинныя, змѣистыя, тонкія. Иныя уходили въ черную высь и тамъ умирали. И много-много звѣздъ высыпало на небѣ, золотыми столбиками качались онѣ въ рѣкѣ....

— Про меня дурного не скажутъ,—съ достоинствомъ говоритъ Чекушевъ:—но дѣйствительно, что я порядокъ люблю. И черезъ это самое я терпѣлъ и терплю отъ людей. Я за порядокъ душу ронить готовъ!..

— А гумнишко-то зачѣмъ продалъ? Послѣднее вѣдь?—обличительнымъ тономъ говоритъ Ильичъ.

— Гумно—дѣло хозяйское.

— Ты-то хозяинъ? Хозяинъ дѣтей не раззоряетъ...

— Эхъ, господа!—трагическимъ голосомъ воскликнулъ вдругъ Чекушевъ,—одно вы знаете—обличить человѣка, оконфузить... А въ нутрё-то что-жъ вы не заглянете? А?..

Онъ вдругъ заплакалъ и, утираясь рукавомъ, заговорилъ слезливымъ, подвывающимъ голосомъ:

— Я—старецъ... да!.. потерянный человѣкъ... Согласенъ. А черезъ чего я пью? Есть у меня къ кому притулиться? Нѣтъ! Ненависть кругомъ меня... Дѣти за отца не почитаютъ, родныя дѣти! Жена уморить готова, я чую. Когда ни приди, только и слышишь: что, молъ, рассейскій лапоть, возъ денегъ хотѣлъ привезть, а теперь ишь какимъ фертомъ! Вотъ черезъ чего печенка-то сохнетъ...

— Съ тоски-съ печали шея вровень съ плечами,—говоритъ Леонъ отъ огня.

— Расквелили-таки человѣка!—прибавилъ Устинъ, смѣясь. Смѣялся и Ильичъ.

А мнѣ послышалась въ этомъ пьяномъ, слезливомъ изліяніи боль оброшенности и отчужденности. Впрочемъ, Че-

кушевъ какъ-то особенно быстро успокоился и многозначительнымъ тономъ погрозилъ кому-то:

— Ну, да я сново дождусь... Я права найду... Я покажу кой-кому!

— Ничего ты не покажешь, другъ!—засмѣялся Леонъ,—взялъ бы лучше костыликъ да шелъ бы на Дальній Востокъ пужать японцевъ.

— Я покажу! Подведу подъ итогъ!..

— Повадился въ Рассеѣ шаровариться, а тутъ безъ подчиненныхъ-то и скучно,—лѣнивымъ, равнодушнымъ голосомъ сказалъ Андронъ.

— Я этого позволить не могу!—воодушевляясь, кричалъ Чекушевъ угрожающимъ голосомъ.

— Будь у меня такой отецъ, я давно его въ яръ гдѣ-нибудь спихнулъ бы!—вызывающимъ тономъ сказалъ Давыдка.

Чекушевъ остановился, поглядѣлъ на него уничтожающимъ взглядомъ и сказалъ:

— Щенокъ бѣлогубый!

— А ты—рассейскій лапоть!

— Вотъ видите!—горькимъ жестомъ указалъ мнѣ Чекушевъ на оскорбителя:—вотъ такой же и мой сукинъ сынъ... Стерва!

Давыдка не склоненъ былъ оставаться въ долгу и отвѣтилъ:

— Ну, не ругайся! Горломъ правъ не будешь... Гаркулесъ!..

— Я—Гаркулесъ?!—негодующимъ тономъ воскликнулъ вдругъ Чекушевъ, почувствовавъ кровное оскорбленіе въ этомъ названіи, которое вызвало общій хохотъ:—какой я Гаркулесъ? А? Что я за Гаркулесъ?! Скажи... — прибавивъ длинное ругательство, полѣзъ онъ на Давыдку.

Началась ссора—шумная, безтолковая, веселая. Было близко и къ дракѣ,—Давыдка уже засучилъ рукава и ждалъ въ вызывающей позѣ. Кричали и хохотали кругомъ казаки. Никто—даже Устинъ, такой солидный, разсудительный—не сдѣлалъ попытки успокоить враждующія стороны. Всѣ поощрительно кричали, подъуськивали.

— Кондратъ! Не уважь! Кондратъ! Дай ему по зимнимъ рамамъ!—раздавались вокругъ Чекушева радостно-возбужденные голоса.

— Кондратъ, покажи развязку!—кричалъ, задыхаясь отъ смѣха, Устинъ:—ребята, раздайся! Шире, кругъ! Давыдка, шагъ впередъ!..

Давыдка, съ мускулистыми, засученными руками, съ

взлохмаченными волосами, лихой и веселый, выступилъ впередъ. Я думаю, что онъ чувствовалъ за собой союзниковъ, потому такъ дерзко и лѣзъ на врага, который казался и грузнѣе, и сильнѣе его. Но Чекушевъ лишь громко и скверно ругался, дальше же этого не шелъ. И когда Егоръ, подойдя сзади, снялъ съ него его полицейскую фуражку— снять фуражку значитъ выразить готовность къ поединку,— онъ опрокинулся на Егора, завязалъ ссору съ нимъ и еще съ кѣмъ-то. Ругался артистически, четко, ѣдко и даже остроумно.

— Ну, и ругатель, сукинъ сынъ,—хоть призы получать... —замѣтилъ Устинъ,—уйди ты отцоль, будь ты неладенъ! Что ты, въ самомъ дѣлѣ? Тутъ тебѣ не Рассея... долженъ сортъ людей различать... Всякая гнида задается, подумаешь...

— Я найду права! — угрожающе кричалъ Чекушевъ, уходя въ теплыя, сѣрыя сумерки,—я подведу подъ итогъ!

— Гаркуле-есъ!—кричалъ вслѣдъ ему Давыдка.

— Ну, помни!..—кричалъ изъ сумерекъ угрожающій голосъ.

— Обѣдъ да полдни? Помни и ты!—отвѣчалъ Давыдка.

— Ты мнѣ попадешь еще подъ палецъ!..

— Гар-ку-ле-есъ!..

И хохотали казаки при этомъ ужасно ѣдкомъ и оскорбительномъ словѣ... Потомъ ушли вслѣдъ за Чекушевымъ въ теплыя сумерки—должно быть, стѣсняло ихъ немножко мое присутствіе, а хотѣлось развернуться, пошумѣть, поплясать. Они скоро утонули за чертой огня и потомъ изъ темноты донеслась ихъ пѣсня, молодая, шумная, не очень стройная. Но звучала въ ней молодость, удаль, широта... И зависть брала къ ихъ жизни, къ ихъ радостямъ, молодымъ приключеніямъ и удачамъ любовнымъ, которыхъ ушли искать они...

Леонъ изготовилъ чай, густой и крѣпкій, но пить очень хотѣлось, и мы съ Устиномъ составили первую очередь,— Ильичъ уснулъ между оглоблями, отяжелѣвъ отъ вина и трудовъ,—чашекъ было всего двѣ. Леонъ, подкладывая дровъ въ костеръ, говорилъ съ сожалѣніемъ:

— Эхъ, не стукнулись они... А надо бы эту стражу поучить, чтобы не задавался... Онъ бы узналъ, какъ это... вкусно ай нѣтъ...

— Мало ли его учили!—сказалъ Устинъ, громко схлебывая чай:—такихъ не выучишь... Раззоритель... Работа ему тошнѣй тошнаго. А вотъ раззорить—это сдѣлай одолженіе... это ужъ аккуратно отдѣлаетъ...

Онъ налилъ еще чашку и, подувъ на горячій чай, неторопливо продолжалъ:

— Пришелъ изъ полиціи,—у жены и хлѣбецъ былъ, и свиньи, и утки. Мясцомъ гостила его. Тутъ какъ разъ мать померла, помянуть надо. Повезъ пшеницы продать—на поминъ. Продалъ въ Михайловкѣ. Закупилъ меду, свѣчей. Однако, и выпить же надо. Выпилъ. Нанялъ музыку, набралъ компанію. Спустилъ и медъ, и свѣчи... Отъ пшеницы ничего не осталось. Пріѣхалъ,—мать помянуть нечѣмъ... Насыпалъ еще возъ пшеницы, въ Усть-Медвѣдицу поѣхалъ. Продалъ и тоже зарядилъ добрый зарядъ. Пока протрезвился, ледъ на Дону сломало,—отбило отъ дома. Продалъ лошадь совсѣмъ съ телѣгой. Опять напился. И остальныя деньги кто-то вынулъ. И пришелъ Кондратушка домой, яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего...

Я передаю чашку Леону и залѣзаю на телѣгу, гдѣ свернувшись маленькимъ комочкомъ, спитъ Наумка. Гаснетъ казацкая пѣсня вдали. Леонъ спѣшитъ выпить чаю и идти за товарищами,—будутъ они бродить теперь всю ночь, приключеній искать. Роятся звѣзды вверху, моргаютъ золотыми рѣсницами. Пушистой мятелью летятъ на нашъ огонекъ частые, бѣлые хлопья: это тысячами гибнутъ комары. Подымаются отъ воды, медленно кружатся, вьются, трепещутъ и, завороженные страшной силой, падаютъ въ пылающій костеръ.

Устинъ взялъ зипунъ и улегся между оглоблями, рядомъ съ другомъ своимъ Ильичемъ. Уходитъ Леонъ. Я ложусь въ повозкѣ рядомъ съ Наумкой. Какъ золотой гравій, разсыпаны звѣзды въ черномъ небѣ. На далекихъ кустахъ дрожатъ отсвѣты отъ нашего костра. Наползаютъ снизу, дрожа, колеблясь, черныя тѣни, присѣдаютъ, прячутся въ зелени, какъ въ черныхъ ущельяхъ. Тихо. Гаснетъ гдѣ-то далеко пѣсня. Или комары это? Чудится: гдѣ-то въ далекой дали вздыхаетъ тихій хоръ, звучитъ, какъ нѣжный, замирающій звонъ струны. Чудится храмъ съ колоннами, уходящими въ небо, съ таинственнымъ сумракомъ и гаснущими отсвѣтами далекихъ огней... умираютъ послѣдніе аккорды органа... благоговѣйная тишина звенитъ истухающими отзвуками...

...Шелеститъ листвой верба, вѣетъ въ лицо прохладой, надъ самымъ ухомъ голосъ Ильича зудитъ:

— Не такъ дѣлаете! Энтимъ крыломъ заходи!..

Открываю глаза... Востокъ горитъ румянцемъ. Неподвижныя, чешуйчатыя облака чуть тронуты пурпуромъ. Зеленая стѣна войскового лѣса, за нашей рѣчкой лазоревой

съ уступами, прорывами, куполами стоитъ тихая, неподвижная, мечтательно безмолвная. Багрянымъ вѣеромъ лежитъ заря на рѣчкѣ. Пахнетъ дымкомъ,—въ кострѣ тлѣетъ сырой пень, принесенный ночью казаками. Черными и сѣрыми грудами лежатъ они прямо на землѣ, положивъ фуражки подъ головы.

Устинъ расталкиваетъ Давыдку:

— Давыдка! ну!.. статуй!..

Давыдка лежитъ головой къ догорающему костру, уткнувшись лицомъ въ фуражку, ничѣмъ не покрытый, въ одной рубахѣ и шароварахъ съ лампасами.

— Давыдка, чортъ!.. Вотъ здоровъ спать... Ему лишь дай слободы, онъ бы сутки спалъ... Давыдка!

— Тю-ю! — сердито отзывается Давыдка, не поднимая головы.

— Иди за мериномъ! скорѣй!..

Давыдка глядитъ нѣкоторое время въ полъ-оборота на отца сердитымъ взглядомъ не доспавшаго человѣка. Волосы у него растопырены въ разныя стороны, курносое, круглое лицо, разсерженное и не очувствовавшееся, забавно и смѣшно.

— Ну, скорѣй! за мериномъ!..

Нечего дѣлать, приходится вставать...

...Домой ѣдемъ мы шагомъ и молча. Нѣтъ уже вчерашняго возбужденія, праздникъ прошелъ, наступили будни съ ихъ скучными, неизбывными заботами. Въ полуверстѣ отъ рѣки, у дороги, увидѣли распластавшуюся ничкомъ сѣрую грязную фигуру въ шароварахъ съ краснымъ кантомъ. Правившій лошадью Давыдка еще издали указалъ на нее кнутомъ:

— А вѣдь это Кондрашка! ей-богу, онъ!.. Стража, стража.. Россейскій лапоть... Ишь выбралъ мѣстечко... на вѣтеркѣ, чтобы мухи не безпокоили...

— Гаркулесъ! — дурашливо закричалъ онъ, проѣзжая мимо. Но Чекушевъ не слыхалъ его. Онъ спалъ, выставивъ на показъ свои желтыя туфли и уткнувшись лицомъ въ сцѣпленныя руки...

V.

Недѣли черезъ три или четыре послѣ поѣздки на Медвѣдицу—было это въ концѣ августа—сидѣли мы на крылечкѣ съ нашимъ ночнымъ сторожемъ Василіемъ Петровичемъ, вспоминали старину. Пришелъ Шлынь, сторожъ сосѣдняго квартала. Василій Петровичъ разсказывалъ о старыхъ своихъ полковыхъ командирахъ, — какой былъ любитель по женской части, какой уважалъ пѣсни, а какой, кромѣ водки и матершины, ничего не признавалъ. И

вотъ гдѣ-то въ углу заснувшей станицы раздалось почти обыденное въ нашемъ краю, но всегда отчаянное, раздирающее:

— Ка-ра-улъ!..

— А вѣдь это въ твоемъ кварталѣ, Антонычъ,—прислушавшись, спокойно и неторопливо сказалъ Василій Петровичъ Шлыню.

— Пожалуй,—безстрастно согласился Шлынь, ковыряя костылемъ землю:—должно быть, Кондрашка жену пудритъ. И живодеръ же, сукинъ сынъ...

— Пасмурный человѣкъ!..

— А коль не жену, такъ съ сыномъ имѣнье дѣлятъ... А имѣнья всего—одинъ старый валенокъ...

Старики, кряхтя, поднялись и неспѣшнымъ шагомъ пошли на шумъ. Пошелъ и я вмѣстѣ съ ними. Направленіе взяли прямо въ „Кутокъ", въ тотъ переулокъ, гдѣ жилъ Чекушевъ. И не ошиблись. Воинствовалъ именно онъ. Расправы его съ женой мы уже не застали, — сосѣди укрыли избитую женщину. Окруженный толпой зрителей, босыхъ, полураздѣтыхъ, выбѣжавшихъ на шумъ со сна, пьяный, возбужденный Чекушевъ съ обломкомъ кола въ рукѣ наступалъ на своего старшаго сына.

— Я тебя въ переплетъ возьму, милый мой!—захлебываясь, кричалъ онъ.—Я тебѣ покажу!.. Я провожу тебя по той дорожкѣ, откуда не вернешься!..

Сынъ не подпускалъ его на близкое разстояніе, отходилъ. Руки у него были въ карманахъ, но во всей фигурѣ, стройной и сильной, чувствовалось стальное напряженіе и готовность къ схваткѣ.

— Ты будешь знать, гдѣ ноги у отца!.. Непочетчикъ!..

— Да ты и отецъ?—отозвался сынъ глухимъ голосомъ, въ которомъ звучала горькая горечь упрека и ненависти.

— Я не отецъ?! Значитъ, не отецъ?!.

Кондратій угрожающе двинулся къ сыну, сынъ отошелъ шага три и остановился.

— Злодѣй ты своимъ дѣтямъ, не отецъ!..—глухо сказалъ онъ.

— Злодѣй?!

Чекушевъ неожиданно легкимъ прыжкомъ нагналъ сына и ударилъ его по головѣ обломкомъ кола. Мнѣ показалось, что хрустнуло что-то и охнулъ женскій голосъ.

— Будя, брось, не замай!—закричалъ Василій Петровичъ, замахиваясь костылемъ на Чекушева:—за что ты его!..

— Такъ я злодѣй своимъ дѣтямъ?! Я...—хрипя и задыхаясь, кричалъ Чекушевъ и ухватилъ сына за рубаху возлѣ горла.

— Брось, говорю!—угрожающе кричалъ сторожъ. И всѣ зашумѣли кругомъ, но никто не рѣшался схватить за руки воинственнаго родителя. Онъ снова размахнулся коломъ.

— Да бѣги ты! Чего стоишь дуракъ дуракомъ!—кричалъ плачущій женскій голосъ младшему Чекушеву.

Онъ рванулся, но не побѣжалъ, а схватилъ отца за руки.

— Убью!—хрипя и ругаясь, стараясь вырвать руки, закричалъ Кондратъ.

Но сынъ вцѣпился въ нихъ молча, крѣпко, точно замеръ, съ стиснутыми зубами, и въ молодой, напряженной фигурѣ его чувствовалась вся сила ненависти и мстительной жажды, накопленной годами былыхъ и свѣжихъ обидъ. Отецъ на видъ былъ тяжелѣе, сильнѣе, но онъ уже явно выдохся, выбился изъ силъ и сквозь плюющую въ воздухъ ругань слышно было его тяжелое, свистящее дыханіе.

— Убью! Уйди, убью!..—выталкивалъ онъ изъ себя угрожающіе крики.

Но видно было, что мочи ужъ нѣтъ, уже ничего не можетъ сдѣлать, смѣшны и жалки усилія его вырвать стиснутыя, затекшія руки. Сынъ подержалъ его еще съ минуту, потомъ слегка встряхнулъ, какъ мѣшокъ съ мякиной, и сдавленнымъ голосомъ, голосомъ побѣдителя, спросилъ:

— Н-ну?.. будешь?..

— Убью!..

И среди веселаго улюлюканья, гомона и смѣха толпы до меня донеслись вдругъ странные, визгливо тявкающіе звуки: рыдалъ Кондратъ Чекушевъ, безсильный и опозоренный, рыдалъ человѣкъ, вѣдавшій блескъ власти и почти неограниченнаго могущества, а нынѣ упавшій до уличнаго посрамленія...

Я ушелъ, не дождавшись конца драматическаго зрѣлища. И послѣ очень жалѣлъ: это былъ послѣдній выходъ Чекушева. На утро разнеслась вѣсть, всѣхъ поразившая своей неожиданностью: Кондратъ Чекушевъ повѣсился. Выдернулъ кольцо, ввернутое въ потолокъ въ горницѣ—давно, когда приходилось еще вѣшать дѣтскую зыбку,—приладилъ это кольцо въ чуланѣ и захлестнулъ себя поясНымъ ремнемъ...

Кажется, добровольнымъ уходомъ своимъ изъ жизни онъ никому не причинилъ огорченія. Удивлялись: какъ человѣкъ рѣшился на такое дѣло? Какую сложную и обдуманную подготовительную работу сдѣлалъ! Но не слыхалъ я, чтобы кто-нибудь вздохнулъ или пожалѣлъ.

Встрѣтилъ Устина,—онъ былъ на похоронахъ.

— Я отдьяковалъ!—сказалъ онъ почти весело:—помянулъ... выпилъ съ друзьями...

— Что-жъ, поплакали?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Никто не потужилъ. Жена, правда, шла за гробомъ, голосила: „и что ты, мой болѣзный, раньше не удушился, все бы, можетъ, и я человѣкомъ была... А то сдѣлалъ калѣкой на всю жизнь, куда я гожусь теперь?..“

Устинъ былъ таки навеселѣ и, видимо, шутилъ. Даже изъ приличія не имѣлъ удрученнаго вида.

— Одно: говорятъ, каждую ночь къ бабамъ является въ избы... Прилетитъ, сядетъ на трубу и сидитъ... Чертей этихъ на немъ, говорятъ, какъ гáли!.. Теперь до шести недѣль шататься будетъ,—ничего не подѣлаешь... Ладаномъ только спасаться да святой водой на ночь кропить... А то одолѣетъ!..

И лишь тутъ только, на одно мгновеніе, задумался, чуть-чуть закручинился Устинъ:

— Эхъ, Кондратъ, Кондратъ!.. Какая туша была и... чорту-бараномъ сталъ!..

Ѳ. Крюковъ.

ПО ЭТАПУ.

I.

Я давно съ нетерпѣніемъ ждалъ дня отправки изъ N-ской тюрьмы. Мечталъ о томъ, чтобы хоть на мѣсяцъ вырваться отсюда, хоть мѣсяцъ подышать другимъ воздухомъ. Пусть и тамъ, куда могутъ меня отправить отсюда, меня ждетъ тюрьма. Пускай даже та тюрьма окажется еще угрюмѣе, еще безпощаднѣе этой. Но только бы уйти куда-нибудь отсюда, отъ этого широкаго тюремнаго двора, полнаго мрачныхъ воспоминаній, отъ этихъ покрытыхъ плесенью стѣнъ, среди которыхъ угасла жизнь столькихъ товарищей, отъ этихъ широкихъ и пустынныхъ коридоровъ съ озлобленными вѣчно полупьяными надзирателями.

Уйти отсюда, куда бы то ни было перевестись отсюда—этой мечтой жили заключенные N-ской тюрьмы. У меня было одно старое, еще не прекращенное дѣло за 1905 г. въ далекой сѣверной губерніи. И я съ нетерпѣніемъ ждалъ дня отправки туда, на сѣверъ.

Наканунѣ вечеромъ меня вызвали въ контору и прочли мнѣ бумагу о немедленной отправкѣ меня на судъ. Помощникъ начальника объявилъ мнѣ, что, въ виду требованія о немедленной отправкѣ, я назначенъ въ завтрашній этапъ. Объявилъ объ этомъ со строгимъ непреклоннымъ видомъ, ожидая, очевидно, что эта новость произведетъ на меня удручающее впечатлѣніе. Но я былъ отъ нея въ восторгѣ.

На другой день я съ утра увязалъ въ узелокъ свои вещи. Приготовилъ себѣ полное дорожное снаряженіе: чайникъ, кружку, деревянную ложку, мѣшочекъ сахару, мѣшочекъ чаю, мѣшочекъ сухарей. И ждалъ отправки, выслушивая порученія и добрыя пожеланія товарищей.

Подошелъ къ двери нашей камеры выводящій, окликнулъ меня по фамиліи.

— Собирай вещи, выходи на коридоръ! Въ партію пойдешь.

— Готово!

Черезъ 10 минутъ я былъ уже въ пересыльной камерѣ N-ской тюрьмы.

Крошечная, темная и грязная камера съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ была полна народу. Сплошной массой, тѣсно прижавшись другъ къ другу, сидѣли на полу и стояли здѣсь оборванные, грязные люди,—люди такіе оборванные и грязные, что даже въ тюрьмѣ, гдѣ чистоплотность и изящество туалета вообще стоятъ невысоко, даже въ тюрьмѣ ихъ жалкій видъ невольно бросался въ глаза. Духота стояла въ камерѣ невѣроятная. Сквозь наполненный испареніями мутный воздухъ тускло виднѣлось въ глубинѣ камеры, подъ самымъ потолкомъ, маленькое окошко, густо забранное широкими полосами желѣза. Окно было открыто. Но, казалось, свѣжій весенній воздухъ боялся проникнуть сюда, въ этотъ каменный мѣшокъ.

Не слышно было обычныхъ тюремныхъ разговоровъ и шутокъ. Задыхаясь отъ жары, обливаясь потомъ, сидѣли и стояли здѣсь арестанты, прижавшись другъ къ другу, и у всѣхъ была только одна мысль: скоро ли выведутъ ихъ на дворъ, передадутъ конвою и погонятъ на вокзалъ.

Страшная тѣснота и полумракъ мѣшали мнѣ разглядѣть хорошенько лица моихъ сосѣдей. Замѣтилъ только, что среди нихъ не было кандальщиковъ-каторжанъ и было сравнительно мало арестантовъ въ сѣромъ казенномъ платьѣ. Большинство было въ своей одеждѣ,—вѣрнѣе, въ своемъ тряпьѣ.

Прошелъ часъ, другой. Въ камерѣ становилось все болѣе и болѣе душно. Нечѣмъ было дышать. Губы ссыхались отъ жажды. А пить было нечего, такъ какъ выставленное у двери деревянное ведерко съ водой мы давно уже осушили до дна.

Наконецъ, дверь нашей пересыльной камеры отворилась. Въ темномъ отверстіи показалась фигура надзирателя.

— Выходи на коридоръ по одному!—крикнулъ онъ:—вещи съ собой забирай! Живо!

Толкая другъ друга, какъ стадо овецъ, бросились арестанты въ дверь. И, какъ овецъ, ощупывая каждаго, считалъ насъ въ дверяхъ старикъ надзиратель съ сѣдой бородой и сизымъ носомъ.

На коридорѣ, жмурясь отъ свѣта, выстроились въ рядъ къ фельдшерскому осмотру. Пришелъ старшій надзиратель и предупредилъ:

— Теперь фельдшеръ перекликать будетъ. Слушай хорошенько. На свою фамилію каждый откликайся. Кто боленъ, идти не можетъ,—заявляй фельдшеру. Послѣ никакихъ заявленій принимать не будутъ.

Слѣдомъ за старшимъ пришелъ фельдшеръ съ большой кипой бумаги въ рукахъ: это—наши открытые листы. Самъ фельдшеръ—молодой нѣмецъ, плотный и пухлый, съ добродушнымъ и толстымъ лицомъ, съ красными щеками и носомъ-пуговкой. Оглядѣвъ насъ бѣглымъ взглядомъ, онъ начинаетъ перекличку.

— Егоровъ Петръ!

— Здѣсь!

— Здоровъ?

— Точно такъ!

— Слѣдующій. Григорьевъ Иванъ!

— Я!

— Здоровъ?

— Здоровъ!

— Слѣдующій. Панкратовъ!

— Здѣсь!

Перекличка идетъ, какъ по маслу. Здоровыми оказываются даже люди, про которыхъ не знаешь, какъ это они еще на ногахъ держатся.

Только одинъ изъ пересыльныхъ арестантовъ, мужчина лѣтъ 30, сухой, какъ скелетъ, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и какими-то странными горящими глазами, сбился въ отвѣтѣ.

— Здоровъ?—спросилъ его фельдшеръ.

— Боленъ, ваше благородіе...

— Боленъ? Чѣмъ боленъ? Какъ такъ боленъ?

Фельдшеръ нахмурилъ свои бѣлобрысыя брови и, стараясь казаться строгимъ, подошелъ къ арестанту.

— Что у тебя болитъ?

— Грудь болитъ, ваше благородіе... Дышать не могу...

— Дышать не можешь? Такъ я тутъ при чемъ? Я, что ли, за тебя дышать буду? А? Когда къ намъ пришелъ?

— Позавчера...

— Значитъ, тогда здоровъ былъ? Что же съ тобой за два дня стало.

— Чахотка у меня... Помереть хоть спокойно дайте?

— Куда же я тебя дѣну? У меня и коекъ-то нѣтъ свободныхъ. До вокзала дойдешь?

— Не могу идти, ваше благородіе... Грудь такъ вотъ и...

— Разуйся!—приказалъ фельдшеръ съ рѣшительнымъ видомъ.

Больной съ трудомъ опустился на полъ и началъ медленно сматывать портянки съ худыхъ костлявыхъ ногъ; фельдшеръ наклонился надъ нимъ, серьезный и озабоченный. Я съ интересомъ слѣдилъ за этой сценой, такъ какъ мнѣ ни разу не приходилось слышать объ осмотрѣ ногъ больного при діагностированьи чахотки. Вдругъ фельдшеръ произнесъ торжествующимъ тономъ:

— Что же ты, братъ, путаешь? Только людей задерживаешь. «Не могу идти»... А ноги здоровыя! Еще если бы на ногахъ раны были, тогда другое дѣло. Ты зря не путай! Дойдешь до вокзала отлично! Обувайся! Слѣдующій.

Перекличка продолжалась. Всѣ оказались здоровы.

Послѣ переклички («фельдшерскаго осмотра» тожъ) партію вывели на дворъ. Здѣсь насъ ожидалъ уже конвой.

Конвойные были очень грубы, кричали и ругались какъ это

полагается конвойнымъ, какъ это дѣлаютъ всѣ конвойные, когда вблизи находится начальство.

Но, несмотря на неистовую брань, висѣвшую въ воздухѣ, конвойные, послѣ тюремныхъ надзирателей, казались почему-то добродушными и славными ребятами. И лица ихъ,—обыкновенныя солдатскія лица, отупѣвшія отъ муштровки, загорѣлыя отъ солнца и запыленныя,—казались, по сравненію съ лицами надзирателей, такими симпатичными и осмысленными.

Обыскали насъ. На однихъ надѣли желѣзные наручники, другихъ такими же точно наручниками сковали по-парно, рукой къ рукѣ. Вывели на улицу, выстроили по четыре человѣка въ рядъ, конвойные съ обнаженными шашками стали цѣпью кругомъ,—и партія двинулась въ путь.

До вокзала было версты три, и идти приходилось по самымъ люднымъ и оживленнымъ улицамъ города. Весенній день догоралъ. Ложились косыя длинныя тѣни. Но было еще ярко и свѣтло. Солнце весело играло на оконныхъ стеклахъ магазиновъ. Весело шелестѣли листья деревьевъ въ садахъ и на бульварѣ. И все имѣло такой праздничный, радостный видъ. Послѣ тюрьмы все казалось такимъ яркимъ, веселымъ, прохожіе, дома, извозчики, деревья, пробивавшаяся вдоль тротуаровъ нѣжная травка и заходящее солнце, и синее небо съ легкими перистыми облачками, и даже булыжники мостовой. Дышалось легко и свободно. И бодро шагалъ я въ толпѣ арестантовъ, не чувствуя рѣзавшихъ руки цѣпей, не слыша окриковъ конвоя.

— Чего по сторонамъ глазѣешь? Я те погляжу! Сейчасъ прикладомъ получишь!—оралъ на меня шедшій рядомъ со мной конвойный съ безусымъ скуластымъ лицомъ.

Но я не обращалъ вниманія на его сердитые окрики. Мнѣ казалось, что и онъ, вмѣстѣ со мной, радуется солнцу и прекрасному весеннему небу, что кричитъ онъ не въ серьезъ, не со зла, а «такъ себѣ», потому что и съ него начальство спрашиваетъ.

И глазѣвшіе на насъ съ любопытствомъ прохожіе тоже казались сплошь хорошими людьми, сочувствующими намъ, арестантамъ... Немного только рѣзнуло по сердцу, когда почтенный съ виду старикъ-крестьянинъ, мимо котораго мы проходили, выругавшись, нагнулся, поднялъ съ земли комокъ ссохшейся грязи и черезъ головы конвойныхъ бросилъ его въ нашу толпу.

— Ишь, сволочь!—произнесъ шагавшій прямо передо мной оборванецъ.

— Чего тамъ лаешься? Я те полаюсь!—крикнулъ конвойный. По шеѣ хочешь? У меня живо...

Оборванецъ проворчалъ что-то и умолкъ, убѣдившись, что у конвойнаго не на шутку чешутся руки накласть ему по шеѣ.

Впрочемъ, непріятное впечатлѣніе отъ брошеннаго въ нашу

толпу комка грязи быстро разсѣялось. И радостное настроеніе не покидало меня до самаго вокзала.

Насъ выстроили на дальнемъ концѣ платформы, въ сторонѣ отъ публики. И здѣсь, среди какихъ-то пыльныхъ тюковъ и ящиковъ, пестрой и грязной толпой стояли мы, ожидая, пока подадутъ намъ вагоны.

Вотъ подъѣхали арестантскіе вагоны,—съ виду обыкновенные темно-красные вагоны 3-го класса, только съ частыми желѣзными рѣшетками въ окнахъ. Еще разъ пересчитали насъ и стали размѣщать по вагонамъ.

Я постарался примоститься поближе къ окну. И только усѣвшись на лавку, почувствовалъ, какъ онѣмѣли отъ ходьбы отвыкшія въ тюрьмѣ отъ движенія ноги, какъ затекли скованныя руки.

Въ вагонѣ было тѣсно и душно. Всѣ окна были закрыты, и конвойные не разрѣшали отворять ихъ, пока поѣздъ не отойдетъ отъ станціи. Не разрѣшали также конвойные ни разговариватѣ между собой, ни вставать съ мѣстъ.

Наконецъ, поѣздъ тронулся. Въ вагонъ зашелъ молодцеватый унтеръ съ широкими золотыми нашивками на мундирѣ и велѣлъ снять наручники съ арестантовъ, закованныхъ при пріемкѣ въ тюрьмѣ.

Расковку начали съ дальнаго конца вагона, такъ что до меня дошла очередь не скоро. Сквозь грохотъ движущагося поѣзда отчетливо слышно было, какъ размыкаются замки наручниковъ, какъ звенятъ сбрасываемыя съ рукъ на полъ цѣпи. Подошелъ и къ моему отдѣленію конвойный солдатикъ съ ключами отъ наручниковъ.

— Кто здѣсь въ наручникахъ?

Замѣтивъ желѣзную цѣпь у меня на рукахъ, онъ приказалъ:

— Подыми руки! А то такъ, въ наручникахъ, на всю дорогу и останешься.

Но взглянувъ мнѣ въ лицо и угадавъ во мнѣ политическаго, солдатикъ перемѣнилъ тонъ и совершенно другимъ голосомъ участливо заговорилъ:

— Позвольте наручники снять. Поди, руки онѣмѣли. Вотъ, отдохнете теперь. Сейчасъ и окна откроемъ, свѣжѣе будетъ...

Я съ удовольствіемъ расправилъ затекшія руки и спросилъ конвойнаго:

— Умыться здѣсь можно? Отъ желѣза ржавчина на рукахъ.

Конвойный немного замялся:

— Не полагается, собственно... Но можно. Я вамъ и мыльца сейчасъ достану.

Я подошелъ къ крану. Солдатикъ принесъ мнѣ откуда-то кусочекъ синяго мраморнаго мыла. Смывъ пыль съ лица, освѣжившись, я снова усѣлся на свое мѣсто у окна, не чувствуя больше усталости.

Напряженное настроеніе, царившее въ вагонѣ, пока поѣздъ стоялъ у станціи, исчезло. Окна были открыты. Воздухъ очистился. Конвойные какъ-то сразу утратили свою грубость и воинственность.

Часовые сидѣли у дверей, развалившись на лавкахъ и поднявъ ноги на противоположныя сидѣнья. Нѣкоторые изъ солдатъ мирно спали, утомленные прошлой поѣздкой. Другіе сидѣли запросто среди арестантовъ, бесѣдуя съ ними.

Меня удивило это внезапное превращеніе конвойныхъ. Позже я узналъ, что во многихъ конвойныхъ командахъ принято соблюдать безпощадную строгость только при движеніи арестантскихъ партій по городу и во время стоянки поѣзда на станціяхъ, гдѣ на каждомъ шагу можно ожидать появленія начальства или, что еще хуже, появленія доносчика, который доведетъ до свѣдѣнія начальства о каждомъ малѣйшемъ упущеніи команды. Въ дорогѣ же, напротивъ того, опытные конвойные стараются поддерживать съ арестантами дружественныя отношенія. По наблюденіямъ конвойныхъ, это—лучшій способъ предупредить побѣгъ конвоируемыхъ арестантовъ: отъ «хорошихъ» конвоевъ арестанты рѣже бѣгаютъ, чѣмъ отъ конвоевъ, которые съ арестантами обращаются по-собачьи.

Ко мнѣ на лавку подсѣлъ солдатикъ, снимавшій съ меня наручники и снабдившій меня мыломъ.

— Вы подслѣдственный?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, каторжанинъ.

— А срокъ у васъ какой?

— Небольшой. Всего 4 года.

— 4 года! Шутка ли! Вотъ мнѣ, господинъ, службу эту самую всего 3 года нести. А какъ подумаешь,—лучше руки на себя наложилъ бы, чѣмъ снова въ эту службу собачью запрягаться. А вамъ, почитай, въ тюрьмѣ и того тяжелѣе. Хоть и наша каторга тоже не сладкая...

Я спросилъ его, чѣмъ не нравится ему его служба. Солдатикъ оживился, заволновался.

— Да хуже нашей службы и нѣтъ совсѣмъ! То туда, то сюда,—недѣли на одномъ мѣстѣ прожить не дадутъ. Иной разъ, за двѣ недѣли ни одной ночи не проспишь какъ слѣдуетъ. А съ насъ спрашиваютъ: чуть что не такъ,—сейчасъ подъ арестъ! А то и подъ судъ угодишь... Намедни вотъ, какъ въ вашей тюрьмѣ отъ насъ партію принимали, у одного старичка въ шапкѣ подъ подкладкой табакъ нашли... такъ, самую малость, всего, можетъ, на папироску или на двѣ...

А съ насъ спрашиваютъ. Старшаго на 3 сутокъ подъ арестъ, на насъ поручикъ оралъ, оралъ,—подъ судъ хотѣлъ отдать; а то, вотъ, на прошлой недѣлѣ жандармъ со станціи Сосновка рапортъ, сволочь, написалъ, что въ нашемъ вагонѣ арестанты курили и дымъ въ окна пускали... Такъ часовыхъ обоихъ на недѣлю,

подчасковъ на 3 сутокъ за это самое. Зачѣмъ, молъ, не углядѣли. А гдѣ тутъ углядишь за всѣмъ? Да и курили въ вагонѣ, или сволочь жандармъ зря набрехалъ—того никто не знаетъ. Служба, прямо можно сказать, анаѳемская.

Солдатикъ помолчалъ, вздохнулъ съ сокрушеніемъ и продолжалъ:

— Ни въ какой части такой службы нѣтъ, какъ наша. Пѣхота, къ примѣру взять, что знаетъ? Строй, да ружейные пріемы, да уставъ караульной службы... Только и есть всего. А съ насъ чего-чего только не спрашиваютъ! И строй тебѣ, и ружейные пріемы, и револьверная стрѣльба, и шашка... И чтобы все завсегда чисто было, въ порядкѣ! Уставъ караульной службы, уставъ гарнизонной службы, уставъ конвойной службы... И чтобы все на зубокъ! Вотъ тутъ и усмотри, чтобы подъ замѣчаніе не попасть. Развѣ это возможное дѣло?

— Да, трудная служба, что и говорить!—согласился я.

— Куда ужъ!... Теперь, я, какъ конвойный, не какъ простой солдатъ, а можно сказать, выше офицера. Солдатъ доженъ каждому офицеру честь отдавать, во фронтъ тянуться... А конвойный—нѣтъ! Хоть первый генералъ встрѣлся,—не долженъ я ему честь отдавать, когда арестанта веду. Правило такое есть. Почему? Да потому, что, коль стану я останавливаться да козырять ему, когда арестантовъ веду, арестанты всѣ у меня утекутъ. Такъ вѣдь я говорю? А тогда кто въ отвѣтѣ будетъ? Я! Значитъ, не долженъ я генералу честь отдавать, а пусть онъ мнѣ честь отдаетъ. Такое наше положеніе! Да, служба у насъ особенная. Ее тоже превзойти время требуется.

Замѣтивъ, что меня мало интересуютъ подробности о конвойной службѣ, солдатикъ перемѣнилъ тему и спросилъ меня:

— Вы за что суждены?

— За принадлежность къ с.-д. партіи.

— Значитъ, за народное дѣло... За то, что за народъ шли. Мы все это хорошо понимаемъ. Тоже сколько разъ пришлось политическихъ въ судъ водить. Завсегда слышишь, какъ бумажки эти самыя ихнія секретарь или прокуроръ читаетъ. А потомъ, защитники очень даже понятно и хорошо объяснятъ все. У насъ команда вся скрозь сознательная и очень даже политику обожаетъ. Вы, можетъ, знавали Гольдштейна, студента,—маленькій такой, черный?...

— Нѣтъ, не знаю такого.

— Такъ его мы тоже везли. Много онъ намъ тогда разсказывалъ. И все правду... Иной разъ, повѣрьте, какъ приходится политическихъ вести, такъ на душѣ гадко становится, что не дай Богъ. И знаешь, что не твоя воля,—а что подѣлаешь? Вѣдь въ другой разъ и тебя такъ поведутъ... Этихъ вотъ,—конвойный указалъ рукой на пересыльныхъ арестантовъ,—изъ тюрьмы-то и

выпускать не слѣдъ. Только выпустятъ ихъ,—снова въ тюрьму ворочаются. Иного каждый мѣсяцъ возишь... Одно слово: воры! А какъ это образованныхъ людей въ тюрьму сажаютъ? Развѣ есть правда такая? Такимъ людямъ всякій человѣкъ, который не звѣрь, т. е. сознательный, сочувствовать долженъ..

Солдатикъ окончательно расчувствовался и неожиданно закончилъ полушепотомъ:

— Господинъ, можетъ, вы съ дороги-то, послѣ тюрьмы, выпить хотите? Такъ у меня есть еще съ полбутылки въ чайничкѣ... Вотъ я достану, а вы въ уборную пройдите,—туда передать можно, чтобъ никто не видѣлъ.

— Благодарю, я не пью.

— Да стаканчикъ-то одинъ ничего,—угощалъ конвойный.

Въ вагонъ вошелъ ефрейторъ.

— Ѳедуловъ!—окликнулъ онъ моего собесѣдника:—тебѣ сейчасъ Карпенку смѣнять. Приготовься принять арестантовъ!

Ѳедуловъ вскочилъ, оправилъ мундиръ и съ измѣнившимся, напряженнымъ лицомъ сталъ обходить вагонъ. Внимательно осматривалъ и ощупывалъ рѣшетки, заглядывалъ подъ лавки и на полки, растолкалъ спящихъ арестантовъ и заставилъ ихъ перелечь головой къ серединѣ вагона, ногами къ стѣнкѣ. Затѣмъ оправилъ на себѣ перевязь шашки, разстегнулъ кобуръ револьвера и, принявъ отъ часового арестантовъ, сталъ къ двери вагона. Здѣсь стоялъ онъ, вытянувшись, не присаживаясь даже на лавку, какъ другіе часовые. И по его виду ясно видно было, что, вздумай бѣжать кто изъ арестантовъ, Ѳедуловъ не промахнется и первой же пулей уложитъ его на мѣстѣ.

Я смотрѣлъ въ открытое окно. Темное небо блестѣло тысячами звѣздъ. Черной зубчатой лентой выдѣлялись на горизонтѣ лѣса. Мелькали огни желѣзнодорожныхъ сторожевыхъ будокъ, одинокихъ усадебъ въ степи и цѣлыхъ деревушекъ. И каждое освѣщенное окно говорило о домашнемъ уютѣ, о далекой жизни,—счастливой или несчастной, тихой или мятежной, но свободной жизни, которая такъ непохожа на существованіе арестантовъ въ тюрьмѣ.

Вѣяло ночной прохладой въ открытое окно. И никогда на волѣ ночь не казалась мнѣ такой плѣнительно красивой, какъ теперь. Рѣшетка окна тонула, расплывалась въ ночномъ мракѣ. И было такое чувство, будто ѣду я себѣ, какъ вольный человѣкъ, по желѣзной дорогѣ и смотрю въ окно, любуясь мерцающими въ небѣ звѣздами и мелькающими передъ окномъ огнями. Получалась какая-то странная иллюзія воли. И трудно передать словами, какъ отрадна, какъ сладка была эта иллюзія...

II.

Составъ заключенныхъ въ арестантскомъ вагонѣ быстро мѣнялся. Почти на каждой большой станціи конвой сдавалъ кого-нибудь. И повсюду на мѣсто выбывшихъ арестантовъ прибывали новые,—такіе же грязные и оборванные, какъ тѣ, съ которыми я встрѣтился въ пересыльной камерѣ N-ской тюрьмы.

На одной станціи на платформѣ дожидалась нашего поѣзда цѣлая толпа арестантовъ. Эта толпа живо напомнила мнѣ картину, которую я часто наблюдалъ въ Петербургѣ. Я вспомнилъ петербургскія толпы оборванцевъ, захваченныхъ ночными полицейскими облавами и препровождаемыхъ подъ охраной городовыхъ въ нищенскій комитетъ, или въ Спасскую часть, или въ какой-нибудь другой участокъ. Эти пестрыя толпы оборванныхъ голодныхъ людей, дрожащихъ отъ холода,—обычное явленіе петербургской улицы. Я отлично зналъ, что захваченныхъ полиціей оборванцевъ высылаютъ этапнымъ порядкомъ изъ Петербурга. Но никогда представленіе объ этой толпѣ не связывалось у меня съ мыслью о воинственномъ конвоѣ и о всей той сложной машинѣ, которая налажена государствомъ для борьбы съ преступностью, въ частности, для препровожденія преступниковъ туда, куда должны быть доставлены они въ интересахъ общественнаго спокойствія и безопасности. Никогда не думалъ я, что этихъ оборванцевъ,—вина которыхъ передъ обществомъ часто въ томъ только и состоитъ, что они о б о р в а н ц ы, т. е. не имѣютъ приличнаго платья,—никогда я не думалъ, что этихъ оборванцевъ государство направляетъ съ мѣста на мѣсто со всѣми тѣми предосторожностями, съ тою же тщательностью и серьезностью, какъ заправскихъ преступниковъ,—грабителей, растлителей, убійцъ и соціалистовъ!

Смѣнился конвой въ нашемъ вагонѣ. Новая команда тщательно обыскивала арестантовъ, отбирала у нихъ лишнія тряпки, провѣряла особыя примѣты. Благодаря этому, пріемка арестантовъ тянулась безконечно долго. Особенно затягивалось дѣло благодаря тому, что старшій унтеръ команды оказался малограмотный. Онъ съ трудомъ разбиралъ открытые листы, путалъ имена и фамиліи арестантовъ, путалъ цифры возраста каждаго и названія городовъ. А ему все казалось, что арестанты нарочно путаютъ его,—не откликаются, когда онъ называлъ ихъ фамиліи, сообщаютъ о себѣ невѣрныя свѣдѣнія и т. д. Это, естественно, выводило его изъ себя. Онъ краснѣлъ, топорщилъ усы и ругался неистово. Въ совершенное отчаянье приводили его татары и евреи, съ мудреными фамиліями которыхъ языкъ его никакъ не могъ справиться. Подъ конецъ, убѣдившись, что принять партію «по настоящему«

ему не удастся, онъ рѣшилъ предоставить это дѣло Божьей волѣ, заторопился, и полъ вагона арестантовъ принялъ почти безъ провѣрки и безъ обыска, по счету.

На этотъ разъ съ партіей ѣхалъ конвойный офицеръ. И солдаты держались на чеку. Не было и помину о фамильярничаніи съ арестантами. Часовые, напряженные и грозные, стояли у дверей и глазъ не спускали съ арестантовъ, не давая имъ ни встать съ лавки, ни пошевелиться. Не смолкали сердитые окрики конвойныхъ.

—Чего въ окно глядишь? Чего шею вытянулъ? Я тебѣ вытяну!

—Чего съ мѣста всталъ? Садись, а то такъ тебя посажу, что и не встанешь больше...

— Эй, ты, тамъ! Чего голову воротишь? Сейчасъ я ее тебѣ шашкой такъ поверну, что и не ахнешь...

Эти окрики не смолкали ни на минуту и создавали особое тягостное и напряженное состояніе, хорошо извѣстное всѣмъ, кому приходилось ходить по этапу. Они не вызывали чувства обиды, такъ какъ люди, подолгу сидѣвшіе въ тюрьмѣ, научаются не обижаться на подобные окрики. Но ужасно неловко чувствовать, что за каждымъ твоимъ движеніемъ наблюдаютъ десятки пристальныхъ враждебныхъ глазъ, что кругомъ стоятъ люди съ шашками и револьверами, непрерывно думающіе о томъ, при какихъ твоихъ движеніяхъ должны они пустить въ ходъ оружіе и хватить тебя шашкой по шеѣ или угостить тебя пулей.

Каждый часъ проходилъ черезъ вагонъ унтеръ, подтягивая часовыхъ и наблюдая, чтобы все было въ порядкѣ,—чтобы не было мусора на полу, чтобы арестанты чинно сидѣли на своихъ мѣстахъ, чтобы окна были полуопущены. И каждый разъ унтеръ съ озабоченнымъ видомъ говорилъ конвойнымъ:

— Чтобы все въ порядкѣ было! Сейчасъ поручикъ будетъ вагоны обходить...

И хотя поручикъ ни разу за всю дорогу не показался въ нашемъ вагонѣ, это предупрежденіе неизмѣнно оказывало на конвойныхъ дѣйствіе электрическаго тока. Конвойные волновались; нервничали, а отзывалось это на арестантахъ.

Особенно нервничали и суетились конвойные, когда приходилось сдавать арестантовъ на промежуточныхъ станціяхъ. При этомъ дѣло не обходилось безъ курьезовъ.

Ночью всѣхъ арестантовъ въ нашемъ вагонѣ разбудилъ крикъ унтера:

— Эй, вы, тамъ! Чего разоспались? Просыпайся! Аѳанасій Ефремовъ кто здѣсь? Третій разъ тебя вызываю, сволочь этакая! Аѳанасій Ефремовъ!

Конвойные расталкивали сонныхъ арестантовъ. Но Аѳанасія Ефремова среди нихъ не оказалось. Унтеръ еще разъ выругался

и ушелъ изъ вагона съ открытымъ листомъ Ефремова въ рукахъ, негодуя и обѣщаясь раздѣлаться съ неуловимымъ Аѳанасіемъ по своему.

Черезъ полчаса онъ вернулся.

— Аѳанасій Ефремовъ!—кричалъ онъ,—я тебѣ, подлецу, всю морду твою исковыряю! Будешь меня помнить, мерзавецъ, сучья лапа, чтобы по первому зову откликаться. Аѳанасій Ефремовъ. Слышь ты! Часовой, сколько у тебя всѣхъ въ вагонѣ?

— 34, господинъ старшій! 28 арестантовъ, да бабъ 6.

— Пересчитай всѣхъ! Можетъ, подъ лавкой гдѣ-нибудь сволочь дрыхнетъ...

Конвойные пересчитали арестантовъ. Всѣ оказались на лицо, но между ними,—увы!—не было Аѳанасія Ефремова.

— Куда онъ, чортъ, запропастился?—недоумѣвалъ унтеръ въ полномъ отчаяніи:—въ тѣхъ вагонахъ нѣтъ. Не иначе, какъ здѣсь, долженъ быть! Аѳа-на-сій Е-фре-мовъ! Если не найдется, всѣхъ закую!

Безсмысленная угроза унтера, какъ это ни странно, помогла ему найти злополучнаго Аѳанасія Ефремова. Поднялся со своей лавки какой-то типъ съ опухшимъ отъ пьянства лицомъ, но одѣтый немного чище другихъ. Унтеръ подлетѣлъ къ нему съ кулаками:

— Ты Аѳанасій Ефремовъ? Чего, стервецъ, сука, раньше не откликался?

— Никакъ нѣтъ, г. старшій! Я—Денисовъ Павелъ, мѣщанинъ г. Полтавы. А только позвольте сказать вамъ... Можетъ, въ бумажкѣ не такъ очень ясно прописано. Какъ мы прежде въ писаряхъ во всѣхъ министерствахъ служили, то это дѣло намъ на законномъ основаніи извѣстное. Бываетъ, въ казенной бумагѣ такое напишутъ, что и имени такого въ свѣтѣ не существуетъ!

— Чего врешь? Мы и сами грамотные!—кипятился унтеръ:—здѣсь ясно написано: Аѳанасій Е-фре-мовъ. Вотъ! Всѣ буквы ясно поставлены.

— Дозвольте взглянуть...

Полтавскій мѣщанинъ заглянулъ черезъ плечо унтера въ открытый листъ.

— Такъ оно и есть, г. унтеръ, какъ я вамъ докладывалъ. Здѣсь «А-на-ста-сі-я Е-фи-мо-ва» прописано... Значитъ, женщина. Только что буквы не такъ спеціально показаны. Хвостики не такъ ловко подвернуты. Черезъ это оно и показываетъ.

— А, чортъ!—изумился унтеръ:—теперь найду ее, вѣдьму проклятую. А-на-ста-сія Е-фи-мо-ва! Женщина! Анастасія Ефимова, баба!

Никто не отзывался.

— Значитъ, въ тѣхъ вагонахъ,—рѣшилъ унтеръ и побѣжалъ разыскивать Анастасію Ефимову.

Приблизительно через часъ онъ снова вернулся въ вагонъ, взывая отчаяннымъ охрипшимъ голосомъ:

— Ефимова, женщина! Анастасія!

— Господинъ старшій, здѣсь есть какая то... Можетъ, это она самая...—отозвался голосъ въ сосѣднемъ отдѣленіи.

Унгеръ метнулся туда.

— Да гдѣ она? чортъ возьми!

— Эвонъ, въ углу. И не слышитъ ничего.

Я заглянулъ черезъ спинку сидѣнья въ сосѣднее отдѣленіе. Въ углу виднѣлась какая-то сѣрая груда тряпья. Изъ лохмотьевъ выглядывало сморщенное желтое лицо старухи, съ потухшими глазами, съ провалившимся беззубымъ ртомъ,—ужасное изображеніе смерти.

— Бабка! Не ты будешь Настасьей Ефимовой?—крикнулъ надъ ея ухомъ унтеръ.

Старуха даже не повернулась.

Унтеръ взялъ ее, было, за плечо. Но она сразу осѣла, какъ будто потекла у него подъ рукой, и унгеръ быстро отскочилъ назадъ.

— Какъ бы не вышло чего,—пробормоталъ онъ:—еще отвѣчать за нее придется.

— Посмотри-ка въ особыя примѣты,—посовѣтовалъ унтеру одинъ изъ конвойныхъ.

Унтеръ долго разсматривалъ бумагу и, наконецъ, крикнулъ торжествующимъ голосомъ:

— Глухонѣмая! 78 лѣтъ! Она и есть! Ишь, вѣдьма.. два часа искалъ, съ ногъ сбился... А она вотъ гдѣ!

Конвойные одинъ за другимъ подходили къ старухѣ, разсматривая ея безжизненное лицо.

— А гдѣ ее сдавать?—спросилъ въ раздумьи одинъ изъ солдатъ.

— Ужъ недалеко,—отвѣтилъ унтеръ:—двѣ станція до Харькова.

— А какъ ее сдашь, когда она на ногахъ не стоитъ?

— Ужъ какъ-нибудь...

Унтеръ долго думалъ, нахмуривъ брови. Наконецъ, онъ нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія.

— Меркуловъ Семенъ!—выкрикнулъ онъ.

— Здѣсь!—отвѣчалъ дюжій краснокожій дѣтина изъ арестантовъ.

— Тебѣ сейчасъ вмѣстѣ съ бабкой слѣзать... Бэри ее въ охапку!

— Не могу, г. старшій!—отвѣчалъ Меркуловъ дѣланнымъ жалобнымъ голосомъ:—я больной совсѣмъ... Тово и гляди, самъ свалюсь, и бабку на смерть зашибу...

— Не разговаривай! Бери, когда тебѣ говорятъ.

— Господинъ старшій...

— Что? По шеѣ хочешь? У меня, братъ, живо получишь.

Кое-какъ вынесли Анастасью Ефимову изъ вагона. Я не видѣлъ, какъ сдавали ее на станціи, и не знаю, какая постигла ее судьба. Но глубоко врѣзалась мнѣ въ память эта встрѣча въ арестантскомъ вагонѣ.

Съ грохотомъ мчался нашъ поѣздъ впередъ, оставивъ далеко позади себя Анастасію Ефимову, женщину. И все стояла передъ глазами эта траги-комическая группа. Разбитая параличемъ, глухонѣмая, полуслѣпая 78-лѣтняя старуха, а вокругъ нея дюжина конвойныхъ съ револьверами и шашками черезъ плечо, дюжина бравыхъ солдатъ съ молодыми загорѣлыми лицами, доставившіе съ большимъ трудомъ эту развалину до мѣста назначенія и не знающіе, какъ вынести ее на платформу такъ, чтобы она при этомъ не разсыпалась.

Вѣрно, гдѣ-то она оказалась въ тягость людямъ. Ее рѣшили отправить въ другое мѣсто. Но такъ какъ почтовыя учрежденія имперіи не принимаютъ на себя пересылки живыхъ людей, то и воспользоваться для этой цѣли «этапомъ», какъ универсальнымъ средствомъ, лучше всего приспособленнымъ для отправки изъ одного мѣста въ другое людей, которые сдѣлались въ тягость другимъ людямъ.

И теперь, всякій разъ, какъ я думаю о безконечныхъ этапахъ, о сотняхъ тысячъ арестантовъ, которыхъ гонятъ ежегодно изъ одного конца Россіи въ другой конецъ ея, всегда вспоминается мнѣ эта сцена. Вспоминается мнѣ Настасья Ивановна,— этотъ символъ универсальности этапнаго порядка...

III.

Добрались до Харькова. Здѣсь нашъ вагонъ нѣсколько часовъ стоялъ на запасномъ пути. Дожидались пересыльной партіи изъ губернской тюрьмы.

Опять смѣнился конвой. Опять обыскивали насъ. Но на этотъ разъ конвой оказался болѣе толковый, и пріемка прошла быстро и гладко.

Утромъ привели изъ губернской тюрьмы арестантовъ. Эта пересыльная партія была совершенно не похожа на пересыльныхъ N-ской тюрьмы. Сплошной массой шли сѣрые казенные армяки съ красными и оранжевыми квадратами на спинахъ. Среди арестантовъ было много каторжанъ-кандальниковъ. Были и вѣчники съ цѣпями на ногахъ и на рукахъ. Сѣрая толпа долго стояла на рельсахъ, пока разбивали ее по вагонамъ. Я внимательно всматривался въ лица, надѣясь найти среди встрѣчныхъ каторжанъ хоть кого-нибудь изъ старыхъ товарищей и знакомыхъ. Было среди кандальщиковъ много молодыхъ интеллигентныхъ

лицъ, по которымъ легко было отличить политическихъ каторжанъ. Но знакомыхъ лицъ въ толпѣ я не встрѣтилъ.

При разбивкѣ партіи, на нашъ вагонъ пришлось 12 человѣкъ каторжанъ. Когда ихъ ввели въ вагонъ, переполненный пересыльными оборванцами, вмѣстѣ съ ними ворвалась въ вагонъ струя чего-то жуткаго, мрачнаго. Смуглыя худыя лица, орлиные носы и черные горящіе глаза обличали во всѣхъ прибывшихъ кавказцевъ. Ввели ихъ въ вагонъ, и тѣсной кучкой стояли они въ проходѣ между скамейками, ожидая обыска. У нихъ не было съ собой ни мѣшковъ съ вещами, ни узелковъ съ хлѣбомъ, чаемъ и сахаромъ, которые обыкновенно запасаютъ себѣ на дорогу арестанты. У немногихъ изъ нихъ были съ собой и чайники, безъ которыхъ всего хуже въ дорогѣ. Рваные армяки, у однихъ слишкомъ длинные, у другихъ—слишкомъ короткіе. Грязные суконные блины вмѣсто шапокъ. Оборванные и заплатанные, кое-какъ застегнутые щепочками, вмѣсто пуговицъ, штаны. Холщевыя колючія рубахи, еле-еле прикрывающія грудь. Грязныя вонючія портянки и плохіе коты на ногахъ. И у каждаго на ногахъ тяжелая желѣзная цѣпь...

Было что-то дикое и мрачное въ этой группѣ закованныхъ кавказцевъ, неподвижныхъ и равнодушныхъ. И невозможно было узнать по ихъ замкнутымъ желѣзнымъ лицамъ, кто они: политическіе борцы или горные разбойники, или случайные преступники, или невинно осужденные.

Началась перекличка вновь прибывшихъ. Конвой, какъ всегда, немилосердно путалъ имена и фамиліи кавказцевъ, превращая Джикія въ Дубкова, Мирзіашвили въ Меркуловскаго, Гассана въ Ивана. Никто изъ вновь прибывшихъ не откликался. Конвой начиналъ терять терпѣніе. Старшій ругался и грозился. Но кавказцы молчали безучастно, не понимая ни вопросовъ, обращенныхъ къ нимъ, ни угрозъ, ни ругательствъ. Наконецъ, одинъ изъ кавказцевъ, молодой и высокій, съ красивымъ и суровымъ лицомъ, словно выточеннымъ изъ темнаго камня, произнесъ спокойно:

— Ты не ругайся, а толкомъ спрашивай. Они отвѣчать будутъ. Я переведу имъ по-грузински.

И онъ началъ переводить вопросы конвойныхъ, повторяя вслѣдъ за ними имена выкликаемыхъ. Дѣло пошло на ладъ.

— Разувайся, разувайся, скидай все, спускай цѣпи на полъ!— скомандовалъ старшій конвойный.

Полетѣли на полъ шапки, армяки, штаны. Зазвенѣли объ полъ опущенныя цѣпи.

Теперь каторжане стояли среди конвойныхъ полуобнаженные, въ одномъ рваномъ бѣльѣ, да въ желѣзныхъ цѣпяхъ, кольца которыхъ лежали прямо на голомъ тѣлѣ. Конвойные, наклонившись къ полу, осматривали и ощупывали каждое кольцо кандаловъ. А закованные люди стояли передъ ними, молчаливые, безучастные,

съ суровыми, неподвижными лицами. Казалось, что ихъ ничуть не трогаетъ этотъ унизительный обыскъ. И всѣхъ суровѣе, всѣхъ неподвижнѣе было лицо молодого грузина, переводившаго товарищамъ вопросы конвойныхъ. Столько величественнаго спокойствія и презрѣнія было написано на его красивомъ лицѣ, что невольно являлась мысль о скованномъ цѣпями орлѣ. Да и товарищи его напоминали дикихъ горныхъ орловъ, захваченныхъ хитрыми охотниками.

Я живо представилъ себѣ положеніе этихъ людей во власти тюремщиковъ, говорящихъ съ ними на непонятномъ имъ языкѣ. Мы даже на каторгѣ можемъ охранять свои права, протестовать, когда эти права нарушаются, жаловаться, объясняться со своими тюремщиками. И какъ ни призрачна эта возможность, она позволяетъ намъ и на каторгѣ чувствовать себя людьми. Но быть въ рукахъ враговъ, выкрикивающихъ слова команды на непонятномъ вамъ языкѣ, требущихъ отъ васъ неизвѣстно чего, ругающихъ и наказывающихъ васъ неизвѣстно за что... Ужасно, должно быть, это положеніе. Что перечувствовали эти люди въ тюрьмѣ и на каторгѣ? Сколько мучительной жгучей ненависти накопилось въ ихъ сердцахъ?

Въ пути мнѣ удалось разговориться съ молодымъ грузиномъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что всю его группу каторжанъ-кавказцевъ пересылаютъ въ Орловскій централъ «для смиренія»; разсказалъ и свою несложную исторію. Это была очень обыкновенная исторія рабочаго, давшаго въ своей квартирѣ убѣжище товарищу, участвовавшему въ какой-то экспропріаціи и получившаго за это 12 лѣтъ каторги. Простая исторія, на столько обычная, что не стоитъ приводить ее.

— А ваши товарищи-земляки—политическіе или уголовные?—спросилъ я его.

— Ты того спрашивай, кто ихъ судилъ,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ:—какъ я буду знать, уголовные они или политическіе, когда они сами не знаютъ. Наши не будутъ неправду говорить. А спроси ихъ, за что кто сужденъ,—сами не знаютъ. Этого, вотъ, я знаю,—указалъ онъ на человѣка съ сѣдыми, бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, съ морщинистымъ лицомъ, но еще горящими глазами.—Онъ изъ одного города со мной. Его брата одинъ человѣкъ зарѣзалъ. А черезъ годъ того человѣка мертвымъ нашли. Стали искать, кто его убилъ. Говорятъ: онъ брата Мирзіашвили зарѣзалъ. Стали Мирзіашвили допрашивать. Тотъ говоритъ: да, зарѣзалъ. Это,—что тотъ человѣкъ его брата зарѣзалъ. А записали такъ, что будто онъ признавался, что того человѣка убилъ. Взяли въ тюрьму его. Потомъ судъ былъ. Его опять на судѣ допрашивали. Онъ думаетъ, его спрашиваютъ, какъ тотъ человѣкъ его брата убивалъ. И все подробно показываетъ: кинжаломъ рѣзалъ. А судъ понялъ, что онъ про себя показываетъ, что этого

человѣка убилъ. Дали ему 10 лѣтъ каторги. Могли больше дать, да за полное признаніе скинули. А онъ и теперь не понимаетъ, за что ему каторгу дали. Сперва думалъ, за то его осудили, что убійцѣ брата не отомстилъ по обычаю.

Еще много подобныхъ исторій разсказывалъ мнѣ мой спутникъ. Разсказывалъ ровнымъ, безстрастнымъ тономъ, какъ говорятъ объ обычныхъ явленіяхъ повседневной жизни. Можетъ быть, на волѣ я отнесся бы съ недовѣріемъ къ этимъ разсказамъ. Но здѣсь, передъ лицомъ этихъ закованныхъ въ цѣпи людей, не понимающихъ ни слова по-русски, не понимающихъ, чего требуютъ отъ нихъ солдаты, во власти которыхъ они находятся, здѣсь исторіи, передаваемыя молодымъ грузиномъ, казались такими естественными, что не являлось ни тѣни сомнѣнія въ полной правдивости разсказчика.

Воображенію рисовалась яркая картина: пришли къ нимъ на Кавказъ, въ ихъ дивную страну, люди, не понимающіе ихъ и не желающіе ихъ понять. Завели свои порядки. Потомъ схватили нѣкоторыхъ изъ нихъ, судили по неизвѣстнымъ законамъ, на непонятномъ имъ языкѣ, и прочли имъ приговоръ, изъ котораго они не поняли ни единаго слова. И одному дали 10 лѣтъ каторги, другому—12, 15 или 20 лѣтъ, а всѣмъ—тюрьму и цѣпи до могилы, пока чахотка не разрушитъ ихъ привыкшія къ горному воздуху легкія.

Въ Орлѣ кавказцевъ-каторжанъ взяли изъ нашего вагона. Ихъ отправляли всѣхъ въ Орловскій централъ, про который ходили тогда самые мрачные слухи. Тамъ избивали заключенныхъ, какъ нигдѣ. Избивали всѣхъ безъ исключенія, а съ особенной жестокостью избивали политическихъ, интеллигентовъ и инородцевъ—кавказцевъ и евреевъ. Я много слышалъ про этотъ централъ послѣ того, какъ тамъ повѣсился, не выдержавъ истязаній, мой товарищъ Сапотницкій. И я зналъ, что изъ моихъ спутниковъ-кавказцевъ, отправляемыхъ въ эту ужасную тюрьму, немногіе останутся въ живыхъ, что большинство изъ нихъ уйдетъ изъ орловскаго централа прямо въ могилу. Но безучастно и равнодушно выходили эти люди изъ вагона, идя на муку и смерть. Можетъ быть, они не знали, что ихъ ожидаетъ? Или они примирились уже съ мыслью о смерти? Или спокойствіе ихъ было лишь маской, которую носили они, чтобы не выдать своего волненія окружающимъ ихъ, ненавистнымъ врагамъ?

IV.

Послѣ Орла каторжанъ въ нашемъ вагонѣ почти не осталось. Опять сплошь мелькали кругомъ пестрыя лохмотья пересыльныхъ.

День былъ хмурый. Глядѣть въ окно надоѣло. И я принялся внимательно наблюдать за своими сосѣдями.

Прямо противъ меня сидѣлъ маленькій худенькій старичекъ. Одѣтъ онъ былъ въ потертый и порядкомъ засаленный пиджачекъ и обтрепанныя до нельзя, испещренныя разноцвѣтными заплатами брюки. На головѣ его былъ котелокъ, за которымъ онъ любовно ухаживалъ, поминутно сдувая съ него пыль и оправляя его порыжѣвшую отъ времени ленту. Держался старичекъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ и, пожалуй, даже съ нѣкоторой претензіей на изящество. Но физіономія у него была потасканная, жалкая, съ маленькими слезящимися, но все еще плутоватыми глазками, съ крошечнымъ краснымъ носикомъ, съ рѣдкой растительностью вокругъ рта. Говорилъ онъ мягкимъ вкрадчивымъ голосомъ, тщательно округляя каждую фразу, какъ говорятъ мѣщане, вкусившіе столичной образованности. Заинтересовалъ меня этотъ субъектъ замѣчательно точнымъ знаніемъ дороги, по которой мы ѣхали. Онъ подробно разсказывалъ своимъ спутникамъ, когда они прибудутъ въ Москву, когда прибудутъ въ Петербургъ, сколько времени задержатся въ каждой пересыльной тюрьмѣ, на какихъ станціяхъ будутъ пересаживаться, на какихъ станціяхъ и въ которомъ часу получатъ кипятокъ. Онъ разсказывалъ, какіе унтера имѣются въ каждой конвойной командѣ, у какого унтера можно курить, у какого нельзя; какой помощникъ начальника въ каждой тюрьмѣ лучше всего относится къ арестантамъ; въ какой тюрьмѣ можно упросить доктора, чтобы тотъ записалъ на больничную порцію или положилъ въ больницу. Старичекъ зналъ рѣшительно все, что можетъ пригодиться пересыльному арестанту. И онъ не хранилъ свои знанія про себя, а дѣлился ими со всѣми своими спутниками, давая имъ поминутно всевозможные практическіе совѣты. И совѣты его, по большей части, оказывались дѣльными. Такъ, напримѣръ, онъ совѣтовалъ всѣмъ купить на одномъ полустанкѣ, не доѣзжая нѣсколько станцій до Москвы, какіе-то особые пироги съ горохомъ (по 2 штуки на 3 к.). Многіе послѣдовали его совѣту, и пироги, дѣйствительно, оказались превосходны.

Эрудиція словоохотливаго старичка поразила меня. Захотѣлось познакомиться съ нимъ поближе. И я воспользовался самымъ простымъ и самымъ вѣрнымъ способомъ, чтобы разговориться съ нимъ: когда пришло время чаепитія, я заварилъ себѣ чаю покрѣпче, высыпалъ на лавку нѣсколько кусковъ сахару, и предложилъ старичку:

— Чаечку не хотите?

— Благодарю... Какъ бы васъ не обидѣть... У васъ, вѣрно, дорога еще не малая?

— Ничего. У меня еще есть. Пейте, пожалуйста.

— Благодарствуйте. Кружечку въ дорогѣ всегда хорошо пропустить...

Старичокъ снялъ свой котелокъ, пригладилъ на головѣ жидкіе волосы и началъ съ видимымъ наслажденіемъ пить чай въ прикуску.

Напившись вмѣстѣ чаю, мы, естественно, разговорились.

— Славно вы эту дорогу знаете,—замѣтилъ я старичку.

— Да какъ мнѣ, господинъ, и не знать дороги этой самой, когда я на ней и выросъ, и состарился! Здѣсь мнѣ каждый камушекъ, каждый столбикъ, какъ въ собственномъ домѣ, извѣстенъ!.. Безъ хвастовства скажу.

— Много разъ по этапу ходили?

Старичокъ усмѣхнулся.

— Много не много. А разъ 60 прошелъ я эту дороженьку. А можетъ быть, и больше разъ ходилъ... Сперва я считалъ, а потомъ и со счету сбился совсѣмъ.

— А въ Сибири были?

— Въ Сибири? Зачѣмъ мнѣ въ Сибирь ходить? Чего я въ Сибири не видалъ? Чтобы въ Сибирь попасть, нужно сперва много рекошету надѣлать. А я душегубствомъ, слава Богу, никогда не занимался. Такъ въ Сибирь и не пришлось идти. Разъ въ Вологдѣ въ острогѣ сидѣлъ, разъ въ Псковѣ, тамъ тогда тюрьма отбита была, хорошо сидѣть было, два раза въ Курской былъ, еще при покойномъ начальникѣ. А то все больше въ Петербургѣ, да по пересылкамъ, по пересылкамъ. Ну, Бутырку, натурально, какъ свой домъ родной, знаю. Мой путь завсегда одинъ: Петербургъ, Мценскъ, Орелъ. Вотъ ужъ десять лѣтъ только здѣсь и хожу. Такое ужъ у меня, господинъ, положеніе оказалось. Раньше, бывало, и дальше ходилъ. А теперь, подъ старость лѣтъ, только здѣсь: Петербургъ, Мценскъ, Орелъ, да обратно. А если и прежнее считать, въ этихъ вагонахъ я, пожалуй, полжизни провелъ.

— Что же, дѣдушка, вы такъ къ этимъ вагонамъ пристрастились?

— Да какъ вамъ разсказать, господинъ?.. Каждый человѣкъ долженъ свое ремесло имѣть. Правильно я полагаю? Ну, какъ какое ремесло человѣку положено, такъ оно и идетъ. Теперь мое стариковское дѣло такое: на должность меня не примутъ, потому къ вину у меня слабость большая; черной работы мнѣ тоже никто не дастъ, потому сложеніе у меня не чернорабочее, да и лѣта не тѣ. А сложеніе у меня, если правду сказать, и сызмальства все такое же было. И зашибить я всегда былъ не прочь: такое пристрастіе къ винцу имѣю, что никакъ съ сердцемъ своимъ не

слажу. Значитъ, моя линія такая, чтобы болѣе легкимъ дѣломъ заниматься, къ примѣру, хоть торговлей: купить, продать, обмѣнять, на пушку фрайера взять,—однимъ словомъ, аферы устраивать. У меня раньше и лавченка своя была: старыми вещами торговалъ, и не то что краденымъ, а по настоящему, отъ татаръ забиралъ. Да съ моимъ характеромъ развѣ расторгуешься? Пролетѣло мое дѣло. Сталъ я разноснымъ торгомъ кормиться. Это дѣло подходящее. Вы, господинъ, въ Питерѣ, вѣрно, бывали? Такъ видали, на Садовой улицѣ да около Сѣнной такіе вотъ, купцы, какъ я, перстенечками бирюзовыми торгуютъ, ножами, вилками, бритвы продаютъ, мыло, иголки, нитки,—одно слово, дрянь разную. Такъ я этакъ вотъ скоро 30 лѣтъ промышляю.

— Отъ себя торговали или отъ хозяина?

— Какъ вамъ разсказать? Больше отъ себя... Главное здѣсь—дураковъ на пушку брать. Это дѣло тонкое. Взять хоть перстенечки бирюзовые. Проволки мѣдной $1^1/_2$ вершка, а въ нее стеклышко ввернуто. Мы такіе перстенечки въ одномъ магазинѣ брали: поплоше—сотня на полтиникъ, получше—гривенникъ за дюжину, а самые лучшіе—2 коп. за штуку. Ну, а продаешь ихъ, смотря по человѣку. Иной разъ пьяненькому какому-нибудь по пятачку отдашь,—пусть бабѣ своей подаритъ. А съ горничной какой или съ кухарки и по пятиалтынному возьмешь, и больше. Я разъ съ одной дѣвки деревенской цѣлковый за такой перстенечекъ слупилъ: повѣрила, дура, что перстенечекъ краденый и въ магазинѣ 40 р. стоитъ... Нужно только знать, къ кому какъ приступиться. Такъ вотъ и бритвы я цѣлый годъ продавалъ по 20—25 к. за штуку. Публика вѣдь на дешевку падка, а пускай-ка попробуетъ такой бритвой побриться! Ну, еще мыло такое было у насъ: бумажка ничего себѣ, пестренькая, и цѣна проставлена «25 копѣекъ». А мы его по 2 коп. кусокъ брали, а по пятачку продавали. Да много такихъ товаровъ идетъ... Только умѣть надо покупателей найти. Такъ я и торговалъ. А то года два отъ фотографа одного за Нарвской заставой карточки продавалъ съ женщинами голыми. Но это больше по квартирамъ носилъ. Хорошіе господа покупали: больше лицеисты да кадеты. Тогда и костюмчикъ у меня былъ чистенькій,—все честь-честью, какъ слѣдуетъ.

— За что же васъ столько разъ по этапу гоняли?

— А это дѣло такъ вышло. По моему ремеслу, какъ я вамъ докладывалъ, мнѣ только въ столицѣ и жить. Въ Боровичахъ или, взять къ примѣру, въ Псковѣ по моей части не расторгуешься. Тамъ и народу меньше, и на пушку ихъ не возьмешь. А воровать я не умѣю, да и не желаю совсѣмъ. Значитъ, я и норовлю все въ столицу попасть. Это, какъ въ пословицѣ говорится: рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше. А изъ Питера я еще въ 82 году высланъ за праздношатательство и безписьменность по причинѣ коронаціи: загулялъ я тогда, а обходъ меня въ

лаврѣ накрылъ. Съ тѣхъ поръ у меня и пошло: я въ Питеръ, меня изъ Питера, я въ Питеръ, меня изъ Питера.

Старичокъ разсмѣялся добродушно и весело.

— И не надоѣла такая жизнь?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, почему же? Если бъ мнѣ въ Питеръ пришлось зайцемъ ѣхать, подъ лавкой,—оно точно плохо. Господинъ какой-нибудь сидитъ надъ тобой, повернется,—въ животъ тебя пихнетъ, плюнетъ подъ лавку,—въ рожу тебѣ угодитъ. А ты молчи и не шелохнись. А замѣтятъ тебя подъ лавкой-то,—вытащатъ, шею накостыляютъ, да еще жандарму тебя сдадутъ на станціи. Зайцемъ оно, точно, плохо было бы. А я приспособился. Меня вотъ теперь въ Петербургъ казеннымъ поѣздомъ везутъ. Я себѣ ѣду, какъ классный пассажиръ. И сытъ, и сидѣть хорошо, а подвернется конвой добрый, такъ и покурить можно. Пріѣду я, мѣсяца 2 или 3 погуляю, обратно поѣду. Въ дорогѣ мѣсяцъ или два пробуду,—и опять въ Питеръ.

— Какъ же вы такъ устраиваетесь, чтобы васъ по этапу въ Питеръ доставляли?—заинтересовался я.

— Да дѣло не хитрое. Нужно только, чтобы въ котелкѣ шарики работали,—старичокъ самодовольно постучалъ себѣ пальцемъ по лбу. Меня, къ примѣру сказать, арестовали на улицѣ. Сейчасъ же, первымъ дѣломъ, въ участокъ доставятъ: какой такой есть человѣкъ? Я врать никогда не стану и запираться не буду. Сразу всю правду имъ выкладываю: не имѣющій права жительства въ столицахъ Дмитрій Зайцевъ, царскосельскій мѣщанинъ. Провѣрятъ по бумагамъ, справятся,—оказывается, моя правда. Долго держать не станутъ, потому что такихъ шатуновъ имъ въ полиціи и такъ некуда дѣвать. На другой же день или, если тамъ праздникъ подошелъ, на третій день бумагу предъявятъ: выбирай, молъ, мѣсто для высылки и распишись въ полученіи. Я сейчасъ имъ и объявляю: прошу, дескать, меня въ г. Мценскъ отправить, въ Орловскую губернію. Тамъ, молъ, братъ мой живетъ, и могу я себѣ работишку найти. А Мценскъ я назначаю, потому что ближе Мценска нашего брата не высылаютъ, а дальше ѣхать мнѣ самому не разсчетъ. Привезутъ меня теперь въ Мценскъ. А тамъ приставъ прямо хорошій человѣкъ. Кого только къ нему ни приведутъ подъ надзоръ, прямо говоритъ: «Я, братъ, тебя знаю. Безъ воровства ты не проживешь. А воровать я тебѣ тутъ не дамъ. Значитъ, тебѣ здѣсь, все равно, съ голоду пропадать. Лучше проваливай ты отсюда подальше отъ грѣха. Чтобы въ 24 часа духа твоего здѣсь не было!» А меня завсегда шуткой встрѣчаетъ: «А, говоритъ, Зайцевъ, старый знакомый! На долго ли къ намъ пожаловать изволили?» Я говорю: «Если сегодня, ваше благородіе, выпустить меня прикажете, завтра къ обѣду съ собаками меня не сыщите!» «Ну, ладно, говоритъ, расписывайся, и проваливай ко всѣмъ чертямъ»! А я у одного пріятеля переночую, а утречкомъ рано-ранe-

хонько на шоссе, да въ Орелъ. До Орла тамъ верстъ 60,—какъ разъ на два дня пути. По дорогѣ у кого христовымъ именемъ копѣечку выпросишь, а кто и такъ хлѣбца подастъ. Дойду до Орла. Тамъ прямо въ участокъ заявляюсь. Такъ и такъ, молъ, царскосельскій мѣщанинъ, а паспорта не имѣю, а равнымъ образомъ не имѣю ни опредѣленныхъ занятій, ни мѣстожительства. Извольте меня арестовать и этапнымъ порядкомъ выслать на родину. Это я все правильно, по закону имъ указываю, какъ въ статьяхъ написано. Иной разъ дадутъ тумака въ шею, придется снова приходить. А чаще всего, сразу арестуютъ и везутъ, какъ теперь, въ Царское Село. Тамъ меня сразу въ мѣщанскую управу представятъ.—Вашъ человѣкъ?—Нашъ.—Принимаете его?—А почему и не принять?—Выдадутъ мнѣ документъ;—и опять я вольный человѣкъ. Сейчасъ на вокзалъ, въ вагонъ подъ лавку заберусь—потому этапомъ изъ Царскаго села въ Питеръ никакъ попасть невозможно—и къ вечеру уже въ Петербургѣ. Такъ вотъ и ѣзжу. Ловко?

— Это вы практично устроились,—согласился я.—А долго дорога длится?

— Да какъ когда: разъ на разъ, знаете, не приходится. Иной разъ въ недѣлю съ небольшимъ обернешься. А то, бываетъ, и два мѣсяца ѣдешь. Главная задержка черезъ пересыльныя тюрьмы выходитъ. Въ Бутыркѣ я въ позапрошломъ году 6 недѣль просидѣлъ: все партіи ждалъ.

Я попробовалъ высчитать, во сколько обходятся государству постоянныя путешествія царскосельскаго мѣщанина. Сумма получилась такая огромная, что невольно изумленіе выразилось у меня на лицѣ. Старичокъ замѣтилъ это, и это, повидимому, доставило ему большое удовольствіе.

— Вы, вотъ, господинъ, удивляетесь, что меня такъ 30 лѣтъ возятъ,—замѣтилъ онъ.—А меня ли одного такъ по этапамъ гоняютъ? Вотъ тотъ корявый, что въ углу сидитъ у окна,—Шуркой его звать—тоже ужъ 20 лѣтъ ѣздитъ, коли не больше. Да здѣсь въ вагонѣ, почитай, на половину все знакомые. Съ однимъ десятый разъ вмѣстѣ ѣду, съ другимъ—двадцатый. Все возятъ да возятъ насъ,—все равно, какъ воду съ мѣста на мѣсто переливаютъ. Вѣрно, другого дѣла у нихъ и нѣтъ, какъ нашего брата катать...

Старичокъ разсмѣялся опять. Я готовъ былъ согласиться съ нимъ, что другого дѣла «у нихъ», дѣйствительно, мало; что $^{9}/_{10}$ того, что дѣлаетъ государство въ борьбѣ съ преступностью, ничуть не болѣе цѣлесообразно и разумно, чѣмъ перевозка царскосельскаго мѣщанина изъ Питера въ Мценскъ, изъ Орла въ Царское Село, изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Но въ разговоръ вмѣшался сидѣвшій недалеко отъ насъ мужчина среднихъ лѣтъ, мрачнаго вида, съ лицомъ, заросшимъ густой синеватой щетиной,

Онъ давно уже непріязненно поглядывалъ на моего словоохотливаго собесѣдника. Теперь его прорвало:

— А что съ вами, сволочами, и дѣлать, какъ не по тюрьмамъ держать да по этапамъ гонять? Воры—не воры, а такъ что-то вродѣ, не поймешь... Дѣла не дѣлаютъ, а людямъ портятъ. Прохвосты, лежебоки. Съ вами бы еще не такъ нужно, а вотъ какъ: попался голубчикъ,—а ну, всыпать ему сотню горяченькихъ, да на 3 годика. Снова попался,—ложись, получай двѣ сотни, да еще на 3 годика. Небось, живо нашелъ бы ремесло, даромъ что старый чортъ!.. Научился бы!..

Царскосельскій мѣщанинъ весь съежился, какъ пришибленный, слушая эту грозную рѣчь. Я заступился за него:

— Какъ же съ горяченькихъ, да изъ тюрьмы онъ ремеслу научится?

— А очень просто. Возьми хоть меня. Побираться мнѣ прежде приходилось. Ну, разъ и стянулъ я на базарѣ—такъ, дрянь какую-то, саквояжъ дамскій. Да засыпался. Мнѣ судья тогда 3 мѣсяца далъ. Все-таки съ кичей познакомился. Вышелъ черезъ три мѣсяца. Туда-сюда,—нѣтъ ходу поднадзорному. Корешокъ одинъ подбилъ на дѣло. Магазинъ тамъ былъ такой. Съ мѣхами. Такъ хотѣли скокъ сдѣлать. Ключъ мы подобрали. Да опять сгорѣли. Мнѣ 3 года и дали...—Мрачный мужчина крѣпко выругался.

— Это развѣ много, коли съ поличнымъ попался?—вставилъ кто-то изъ сосѣдей.

— Развѣ много? Да за такое что больше $1^1/_2$ лѣтъ нигдѣ не даютъ! Чистосердечное признаніе при помощи подобраннаго ключа—за это всегда 1 годъ—$1^1/_2$ года даютъ! А мнѣ суки 3 года дали. Ну, отсидѣлъ я эти 3 года. Какъ отсидѣлъ,—говорить тошно. А вышелъ,—зарокъ себѣ далъ: ни-ни, больше воровать не стану! Будетъ муку терпѣть. Лучше горбомъ своимъ заработаю... Въ третій разъ ужъ никакъ имъ въ руки не попаду, къ кровопійцамъ. Будетъ!..

Мнѣ вспомнились новѣйшіе нѣмецкіе криминалисты, со взглядами которыхъ я знакомился недавно въ университетѣ. Вспомнилось, какъ горячо нѣмецкіе профессора вѣрятъ въ спасительную и воспитательную роль тяжелыхъ уголовныхъ репрессій,—въ частности, продолжительнаго тюремнаго заключенія. И поразило меня, что въ Россіи, «на днѣ», можно найти ту же бодрую вѣру,—въ лицѣ, хотя бы мрачнаго мужчины съ синеватой щетиной на лицѣ. Но царскосельскій мѣщанинъ ехидно спросилъ его:

— А ты, братъ, теперь чѣмъ занимаешься?

— Работаю!—буркнулъ тотъ.

— А что работаешь?

— То и работаю. Что придется, все дѣлаю.

— А воровство такъ совсѣмъ и бросилъ?

— Значитъ, бросилъ, разъ не попался.

Старичокъ молчалъ, посмѣиваясь себѣ въ бородку. Но мужчина мрачнаго вида, внезапно воодушевившись, продолжалъ развивать свои взгляды.

— Я такъ понимаю. Кто себя такъ поставилъ, что къ нему никто придраться не можетъ, тотъ не воръ. Разъ я навѣрное иду, и моего отвѣта не будетъ, какой я воръ? Этакъ много воровъ наберется, если будешь вѣрное дѣло за воровство считать. Разъ сдѣлаешь,—такъ, можетъ быть, на всю жизнь человѣкомъ станешь. А что—это самъ знаешь.

Мужчина мрачнаго вида выражался нѣсколько сбивчиво и туманно. Но все же изъ его словъ можно было уловить, что его точка зрѣнія на вопросъ нѣсколько отличается отъ точки зрѣнія нѣмецкихъ криминалистовъ. Чтобы дать ему возможность высказаться съ большей обстоятельностью, я спросилъ его:

— А знали вы еще другихъ людей, которые раньше воровали, а послѣ тюрьмы бросили это ремесло и занялись другимъ дѣломъ?

— Да сколько хочешь. Первый хоть я!

— Да, вы... А другихъ, кромѣ васъ, много?

— И еще много есть.

— Кто, напримѣръ?

— Кто воровать послѣ тюрьмы бросилъ?.. Сенька хромой... Нѣтъ, тотъ потомъ сидѣлъ... А вотъ, Яшка Булочникъ, тотъ совсѣмъ бросилъ... Да и другихъ много есть.

— А какой это Яшка?—переспросилъ старичокъ:—не тотъ ли, что съ кривымъ глазомъ?

— Онъ самый. Кривой и есть. А ты, нешто, его знаешь?

— Какъ же, очень даже знаю. Подъ новый годъ, какъ разъ, его при мнѣ въ Московскую часть привели, избитаго всего: опять на дѣлѣ засыпался.

— А, чортъ!—выругался мужчина мрачнаго вида.—Не везетъ, видно, парню.

— А другихъ, кромѣ Яшки Булочника, вы не помните, кто послѣ тюрьмы воровать бросилъ?—продолжалъ я допрашивать мрачнаго криминалиста нѣмецкой школы.

— Еще?.. И еще помню. Вотъ Соломонъ былъ у насъ, воръ, въ Псковѣ. Три года отсидѣлъ, вышелъ,—черезъ недѣлю снова сгорѣлъ. И опять 3 года ротъ получилъ. Такъ тоже зарокъ далъ. Теперь ни-ни. Не воруетъ.

— А чѣмъ живетъ?

— Чѣмъ живетъ? Лавку держитъ. Ему со всей губерніи несутъ, что перетырить или перемыть нужно. У него воръ и ксиву всегда получить можетъ. Онъ своему масу и въ долгъ всегда дастъ, не откажетъ. Вѣрный человѣкъ. И деньги тоже хорошія загребаетъ *).

---

*) Для читателей, недостаточно знакомыхъ съ уголовнымъ міромъ,

— Да, это правильно, поддержалъ кто-то изъ сосѣдей. Соломонъ, можно сказать, первый благодѣтель, даромъ, что Каинъ!

V.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Москвѣ, въ вагонѣ становилось все тѣснѣе и тѣснѣе. Чуть не на каждой станціи вводили въ вагонъ новыхъ оборванцевъ. Были среди нихъ и дряхлые старики—правда, не такіе дряхлые, какъ Анастасія Ефимова—и совсѣмъ молодые парни. Одѣты все были въ жалкія лохмотья. Испитыя, отекшія лица у многихъ были украшены синяками и ссадинами.

Подошелъ ко мнѣ парень лѣтъ 25 на видъ съ опухшимъ желтымъ лицомъ привычнаго алкоголика. Потрогалъ рукой мой сѣрый арестантскій армякъ, нагнувшись, внимательно осмотрѣлъ и ощупалъ мои коты и спросилъ съ притворно-равнодушнымъ видомъ:

— Издалека идете?

— Издалека.

— Откуда?

— Изъ N-ской тюрьмы.

— Армяки тамъ добрые даютъ. И коты ничего себѣ, совсѣмъ еще новые... Въ Бутырку идете?

— Пока въ Бутырку, а тамъ—дальше...

— У васъ тамъ армякъ, безпремѣнно, отберутъ. Даромъ добро пропадетъ. Давайте, помѣняемъ лучше.

— На что мнѣ?

— А какъ же. Я вамъ сейчасъ старенькій армякъ принесу, еще хорошій совсѣмъ. Сперва вы сами осмотрите его, а потомъ мѣнять будемъ... Коты тоже принесу подходящіе... А за мной три копѣйки придачи будутъ. Идетъ, что ли?

— Нѣтъ, не идетъ.

— Почему? Все равно, пропадетъ ваше добро. Ну, 4 копѣйки за мной... Хотите?

— Да я ничего мѣнять не буду.

Парень еще разъ ощупалъ мой армякъ, еще разъ осмотрѣлъ коты, вздохнулъ сокрушенно и съ разочарованнымъ видомъ перешелъ въ сосѣднее отдѣленіе.

Тамъ онъ подошелъ къ какому-то молодцу въ розовой ситцевой рубахѣ.

— Рубаха своя или казенная?

поясню нѣкоторыя специальныя слова и выраженія, употребляемыя моими собесѣдниками: кича – тюрьма; корешокъ—товарищъ; скокъ—закрытое помѣщеніе и кража со взломомъ; сгорѣть—попасться; перетырить—припрятать, передать; перемыть – перепродать; ксива—паспортъ; каинъ – скупщикъ краденнаго; масъ—воръ.

— Казенная. Въ Калугѣ выдана.

— Въ Калугѣ? Ишь ты! А рубаха, какъ вольная совсѣмъ, и съ цвѣточками.

— Тамъ всѣмъ такія даютъ, у кого своей рубахи нѣтъ.

— Откуда у нихъ такія взялись? Я въ третьемъ году черезъ Калугу проходилъ. Тамъ такую рвань давали, что вся врозь лѣзла.

— А это съ войны у нихъ осталось. Красный Крестъ для солдатъ все заготовлялъ, значитъ, а теперь намъ пошло. Рубахи ничего, добрыя! А то еще голубенькія даютъ, въ полоску. Такъ тѣ и того лучше. Подштанники тоже даютъ хорошіе,—кому бумазейные, кому тиковые. А другимъ осенью и пальтишки давали. Пальтишки, правда, плохонькія,—а все же меньше 1 р. 20 к. за него не возьмешь. И за $1^1/_2$ рубля продать можно.

Парень съ желтымъ лицомъ что-то усиленно соображалъ. Затѣмъ, онъ спросилъ:

— А харчи въ Калугѣ какіе даютъ?

— Харчи важные! Хлѣба по 3 фунта, безъ недовѣска: за этимъ строго слѣдятъ. И хлѣбъ хорошій, выпеченный, какъ слѣдуетъ. Баланду даютъ съ крошонкой—лучше, ей Богу, чѣмъ въ Бутыркѣ. Въ постъ—горохъ. По воскресеньямъ—каша гречневая или пшеная. Масла по 3 золотника на рыло. Чего тебѣ еще? Харчи важные.

— Нешто и мнѣ на Калугу объявиться?—въ раздумьи промолвилъ парень.

— А то что?—поддакнулъ мужчина, расхваливавшій калужскіе харчи.—На Калугу теперь много народа идетъ. Больше все черезъ эти рубашки.

— Не бьютъ тамъ?—все еще колебался парень.

— Если захочешь, то повсюду по шеѣ или въ морду получить можешь,—и въ Калугѣ получишь. А будешь за собой смотрѣть,—ничего, не попадетъ. Такъ, чтобъ очень бить,—этого тамъ нѣтъ.

— А, ладно!—рѣшился парень и крѣпко выругался:—Сказывай, землякъ, на какую волость объявляться ловчѣе.

Въ вагонѣ бойко шла мѣновая торговля. Мѣняли рубахи, штаны, коты, шапки. При неэквивалентности обмѣниваемыхъ предметовъ, приплачивалось по 2—3 коп., а то и больше.

Сидѣвшій недалеко отъ меня благообразный старецъ съ сѣдой бородой, одѣтый въ новый, но очень скверный пиджакъ (очевидно, выданный ему какимъ-нибудь благотворительнымъ комитетомъ) обратился ко мнѣ:

— Вотъ народъ! Тряпье такое мѣняютъ, къ какому и притронуться гадко. Изъ за тряпки ситцевой 1000 верстъ пройдетъ, 2 мѣсяца по пересылкамъ будетъ валяться, своимъ мясомъ вшей казенныхъ кормить. А тряпкѣ красная цѣна, въ базарный день,—грошъ. Прежде не то было. Прежде полняки выдавали. Да!

— «Полняки»? Это что такое?

— Полный костюмъ такъ у насъ называется. Сюда пиджакъ идетъ, жилетка, штаны, пара штиблетъ или баретокъ, 2 пары портянокъ, 2 пары подштанниковъ, 2 рубахи, шапка, мѣшокъ. За полнякомъ идти по крайности есть разсчетъ. За полняками и я два раза ходилъ. За полнякъ меньше 12 рублей никакъ не возьмешь, а то и по 13 и по 13 съ полтиной давали. Только за полнякомъ-то въ Сибирь идти надо. Я разъ до Байкала ходилъ, а въ другой разъ въ Якутку. Въ Якуткѣ и теперь, говорятъ, полняки выдаютъ, только не всѣмъ. Да теперь туда все политическихъ больше гонятъ. Нашего брата въ Якутку не пошлютъ. Значитъ, намъ теперь этотъ № не проходитъ. Умный человѣкъ долженъ теперь къ другому, какому ни на есть, дѣлу пристать. А шпана здѣсь вкругъ Москвы туда-сюда кувыркается. Кувыркалы и есть!.. Москва, Тула, Калуга,—дальше и не знаетъ ничего. Времена пошли, нечего сказать. Такіе ли люди прежде были!

Кувыркалы съ нѣкоторымъ уваженіемъ прислушивались къ сердитымъ словамъ сѣдобородаго старца. И, чѣмъ больше вглядывался я въ лица этихъ кувыркалъ, тѣмъ болѣе соглашался со старцемъ, что народъ въ наше время, дѣйствительно, измельчалъ. Рядомъ съ этими людьми, всю жизнь кувыркающимися по этапамъ вокругъ Москвы въ погонѣ за грошовыми тряпками, старикъ, ходившій въ Якутку за полнякомъ, казался полусказочнымъ героемъ. И нельзя было не дивиться мудрой государственной организаціи, переправляющей неустанно взадъ и впередъ по странѣ, подъ охраной рѣшетокъ, шашекъ и револьверовъ, этихъ крупныхъ и мелкихъ аргонавтовъ нашего времени

Пока я размышлялъ объ этомъ, поѣздъ приблизился къ Москвѣ. Въ ожиданіи встрѣчи съ начальствомъ конвойные подтянулись. Они стояли у дверей вагона, молодцоватые и строгіе. И на ихъ одинаковыхъ, загорѣлыхъ лицахъ написано было сознаніе великой важности выполняемой ими службы...

VI.

Опять шелъ я въ арестантской толпѣ съ цѣпями на рукахъ по оживленнымъ, шумнымъ улицамъ. Тянулись мимо насъ обозы, съ тяжелой кладью, дребезжали извозчичьи пролетки, сновали прохожіе, съ шумомъ пролетали электрическіе трамваи. Посреди всего этого оживленія медленно и беззвучно подвигалась впередъ сѣрая толпа людей, окруженныхъ густой цѣпью конвойныхъ съ обнаженными шашками. Но эта толпа не привлекала вниманія прохожихъ. Каждый бѣжалъ по своему дѣлу. Полнымъ ходомъ работала машина огромнаго города, а въ этой машинѣ арестантскій этапъ—одно изъ колесиковъ, маленькое и незамѣтное, хотя

и необходимое. И такъ незамѣтно шли мы по улицѣ, по которой до насъ прошли сотни тысячъ арестантовъ, и по которой послѣ насъ пройдутъ сотни тысячъ случайныхъ преступниковъ и рецедивистовъ, кувыркалъ и политическихъ каторжанъ.

Поведеніе моихъ спутниковъ часъ отъ часу сильнѣе удивляло меня. Многіе изъ нихъ, приближаясь къ тюрьмѣ, стали рвать въ клочки свое и безъ того уже достаточно порванное платье. Особенно отличился одинъ парень лѣтъ 18: онъ остался почти голый,—съ обнаженными выше колѣнъ ногами, съ совершенно обнаженными руками и грудью, со спиной, покрытой однимъ лоскутомъ матеріи, который какимъ-то чудомъ удержался у воротника. Другіе были не многимъ лучше.

Смыслъ этого страннаго раздиранія одеждъ выяснился въ пріемной Бутырской тюрьмы, когда стали сортировать арестантовъ и отдѣлять тѣхъ изъ нихъ, которымъ нужно было выдать казенную одежду.

Пріемная тюрьмы была обширна, какъ храмъ. На храмъ походила она и высокимъ потолкомъ и огромными свѣтлыми окнами. Видно было сразу, что на созданіе этой огромной тюрьмы потрачено много энергіи, много государственнаго генія... и много народныхъ денегъ.

Въ огромной пересыльной камерѣ, куда помѣстили меня, стоялъ гулъ отъ множества голосовъ. Кругомъ, вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ тянулись массивныя нары. На нихъ сидѣло и лежало не меньше 200 человѣкъ арестантовъ. И все же въ камерѣ было просторно. Высокіе потолки и огромныя окна создавали первое впечатлѣніе чистоты и благоустроенности помѣщенія. Только черезъ нѣсколько минутъ я замѣтилъ, что по стѣнамъ, по нарамъ, по тѣламъ и по одеждѣ арестантовъ ползаютъ миріады клоповъ и вшей.

Во всѣхъ концахъ камеры видны были люди, которые, раздѣвшись до гола, обыскивали свое бѣлье, извлекали изъ всѣхъ швовъ и складокъ его вшей и клоповъ и здѣсь же на ногтѣ большого пальца давили ихъ. Но на смѣну погибшимъ паразитамъ являлись новыя полчища насѣкомыхъ, которыя, повидимому, чувствовали себя здѣсь господами положенія.

Въ безуспѣшной и утомительной борьбѣ съ паразитами провелъ и я все время послѣ обѣда.

На дворѣ ужъ стемнѣло. Въ камерѣ зажглись электрическія лампочки. Арестанты принялись укладываться ко сну. Примостился, было, и я соснуть. Но не тутъ-то было. Паразиты при свѣтѣ электричества оказались еще въ тысячу разъ смѣлѣе и предпріимчивѣе, чѣмъ въ теченіе дня. И я скоро убѣдился, что о снѣ нечего и мечтать.

Присѣлъ на краешекъ наръ. Полилъ доски вокругъ себя во-

дой (обычное тюремное средство, чтобы оградиться хоть немного отъ паразитовъ) и ждалъ разсвѣта.

Мимо меня сновали по камерѣ взадъ и впередъ унылыя, сонныя фигуры. Съ измученнымъ видомъ, съ опущенной головой ходилъ взадъ и впередъ длинноволосый юноша въ перешитой студенческой тужуркѣ, съ пенснэ на носу. Блѣдное, тонкое лицо, вялая колеблющаяся походка. Очевидно,—интеллигентъ, политикъ. По всей вѣроятности, выгнанный студентъ. С.-д. или с.-р,—по виду узнать трудно. По рубахѣ и по тужуркѣ—какъ будто, с.-д. Но по волосамъ,—скорѣе похожъ на с.-р. Хотѣлъ, было, заговорить съ нимъ, да раздумалъ. Слишкомъ ужъ ясно каждая черта въ этомъ человѣкѣ говорила: вотъ я, жертва произвола, жертва самодержавія. А я изъ своего тюремнаго опыта вынесъ заключеніе, что нѣтъ въ мірѣ болѣе скучныхъ, болѣе надоѣдливыхъ людей, чѣмъ интеллигентныя «жертвы самодержавія».

Проходитъ мимо рослый молодой парень въ арестантскомъ армякѣ, съ широкимъ безбородымъ лицомъ. Онъ всматривается довольно безцеремонно въ мое лицо, затѣмъ, останавливается передо мной и спрашиваетъ:

— Вы, товарищъ, политическій?

— Да.

— Осуждены уже?

— Осужденъ.

— Большой срокъ имѣете?

— Нѣтъ, 4 года.

— А гдѣ сидѣли?

— Въ N-ской тюрьмѣ.

— Въ N-ской? Тамъ у меня одинъ товарищъ былъ,—Никифоровъ... Не знаете, что съ нимъ сталось?

— Никифоровъ... Никифоровъ... Его не Павломъ звали?

— Павломъ. Это, навѣрное, онъ!

— Никифоровъ Павелъ повѣшенъ былъ при мнѣ...

Завязывается разговоръ. Обычный разговоръ политическихъ, нечаянно встрѣтившихся въ пересылкѣ. Я разсказываю своему новому знакомому о товарищахъ повѣшенныхъ, застрѣленныхъ и умершихъ отъ чахотки и отъ тифа въ N-ской тюрьмѣ. Товарищъ сообщаетъ мнѣ такія же свѣдѣнія о товарищахъ, сидящихъ въ Смоленской тюрьмѣ. Оказывается, что онъ осужденъ за с.-р. типографію. Разговоръ, естественно, переходитъ на политику. Дѣлимся другъ съ другомъ отрывочными политическими новостями, которыя доходили до насъ въ эти годы сквозь толстыя тюремныя стѣны.

Подходитъ къ намъ старикъ-крестьянинъ въ длинномъ буромъ балахонѣ. Уставившись на насъ, онъ внимательно прислушивается къ тому, что говоримъ мы о Государственной Думѣ, о направленіи политики правительства. По всему видно, что эти вопросы глубоко

интересуютъ его. Наконецъ, онъ вставляетъ свое слово въ разговоръ.

— Вы, господа, люди образованные,—говоритъ онъ:—вамъ все лучше извѣстно. Вотъ спросить я хотѣлъ: чѣмъ оно все у насъ кончится? Скоро ли конецъ будетъ?

Я молчу. Отвѣчаетъ мой новый знакомый, осужденный за с.-р-овскую типографію:

— Ничего, дѣдушка, впередъ угадать нельзя. А только когда-нибудь да кончится.

— Я и то такъ думалъ: не можетъ все по старому оставаться. Долженъ конецъ быть.

— Будетъ, будетъ конецъ!—поддерживаетъ старика мой новый знакомый.

— Долженъ конецъ быть. Не можетъ народъ того дольше терпѣть. Да и Богъ не потерпитъ. Есть вѣдь правда у Бога. Богъ-то, Онъ все видитъ... Только народъ у насъ больно плохой сталъ, недружный. Всѣ-то ждутъ, а другъ друга боятся... А одинъ что сдѣлать можетъ? Вотъ я, къ примѣру, попу поперечилъ. Потому,—полъ огорода онъ мнѣ отрѣзалъ. А земля-то моя была, купленная, а не церковная. Еще отецъ мой за ту землю деньги платилъ. Вся деревня знаетъ. А попъ-то со старостой да съ земскимъ и подбили народъ сослать меня совсѣмъ—за порочное поведеніе. А про меня всѣ скажутъ, что я никогда ни въ чемъ не замѣченъ... Теперь, вотъ, въ Олонецкую губернію гонятъ.

Старикъ расчувствовался, вспоминая о своемъ горѣ. Въ глазахъ его видны были мутныя слезы.

— Т. е., такъ обидѣли, такъ обидѣли меня, что и сказать не могу,—повторялъ онъ—Вы люди ученые, сами разобрать можете...

И онъ длинно и сбивчиво разсказывалъ исторію своей земли и исторію своей ссоры съ сосѣдомъ попомъ, ссоры, которая окончилась приговоромъ общества объ его высылкѣ. Обычная деревенская исторія,—безконечная, безтолковая, тягучая и нудная.

Подходили къ намъ и другіе люди, которые, подобно намъ, не могли заснуть отъ клоповъ и отъ вшей. Прислушивались къ разговору, вставляли свое слово и начинали разсказывать каждый о своемъ дѣлѣ. Имъ было все равно, кому разсказывать. Намъ было все равно, кого слушать. И всѣ рѣчи слагались въ какую-то чудовищную кокофонію естественныхъ и обычныхъ нелѣпостей и несообразностей.

Подъ монотонные разсказы пересыльниковъ проходили снова передъ моими глазами встрѣченныя въ дорогѣ лица. Старуха Анастасія Ефимова... Закованные въ цѣпи горные орлы... Царскосельскій мѣщанинъ-путешественникъ... «Исправившійся» въ тюрьмѣ криминалистъ мрачнаго вида... Подмосковскіе кувыркалы... Сѣдобородый старецъ, ходившій на Байкалъ и въ Якутку за «поляками»... Высылаемый въ Олонецкую губернію крестьянинъ, поссо-

рившійся съ попомъ изъ за огорода... Добродушные, но безтолково-исполнительные конвойные, проникнутые сознаніемъ глубокой важности исполняемой ими службы...

Въ роскошной обширной пересылкѣ съ высокими, какъ въ храмѣ, потолками, съ огромными окнами, съ электрическими лампочками и миріадами паразитовъ яснѣе проступала внутренняя логика встрѣченныхъ въ пути типовъ. И объ этой логикѣ размышлялъ я въ ожиданіи разсвѣта, сидя на нарахъ, прислушиваясь къ нуднымъ рѣчамъ обступившихъ насъ пересыльниковъ и тщетно защищаясь отъ наползавшихъ на меня со всѣхъ сторонъ вшей и клоповъ...

— С. —

Страхъ и угроза

Біологическій очеркъ.

(Посвящается памяти В. А. Фаусека).

I.

Были времена, когда отсутствіе страха, геройское безстрашіе считалось главною и основною доблестью человѣка,—это были времена жестокой кровавой борьбы, времена господства грубой силы. Страхъ — симптомъ слабости, неувѣренности въ своихъ силахъ; потому, когда единственнымъ девизомъ было: «да здравствуютъ сильные!»—страхъ являлся величайшимъ позоромъ для каждаго члена общества.

Но эти жестокія времена, какъ ни какъ, миновали, и хотя царство грубой силы не достигло своего конца, элементъ физической, матеріальной силы все же играетъ уже роль болѣе второстепенную. Моральные принципы, духовное развитіе получили большее значеніе въ жизни человѣческаго общества и обаяніе безстрашія пало. Страхъ сталъ болѣе откровенно, чѣмъ прежде, обнаруживаться человѣческою личностью. Страхъ предъ физическими страданіями, страхъ предъ болѣзнями, наконецъ, страхъ смерти не является ли могущественнымъ факторомъ современной духовной жизни?

Эволюція страха въ жизни человѣческаго общества—тема интересная и едва-ли кѣмъ-либо затронутая, но мы не ее имѣемъ сейчасъ въ виду. Страхъ — также явленіе біологическое. Онъ распространенъ въ природѣ среди живыхъ существъ не менѣе, какъ и въ человѣческой средѣ.

Страхъ, именно какъ біологическое явленіе, и предполагаемъ мы разсмотрѣть на послѣдующихъ страницахъ. При томъ интереснѣе всего, конечно, прослѣдить это явленіе въ его эволюціи, дойти до первоисточниковъ его среди низшихъ формъ животнаго царства, ибо на низшихъ ступеняхъ развитія легче всего понять и выяснить тѣ явленія, которыя у высшихъ, сложно организованныхъ

существъ затемняются массою привходящихъ, усложняющихъ, побочныхъ элементовъ.

Уяснивъ себѣ сущность страха, мы будемъ въ состояніи понять и непосредственно съ нимъ связанное явленіе угрозы, которое, какъ показываютъ нѣкоторыя новѣйшія изслѣдованія, гораздо шире распространено въ животномъ царствѣ, чѣмъ можно было думать, и имѣетъ огромное обще-біологическое значеніе, такъ какъ составляетъ, повидимому, одинъ изъ важныхъ факторовъ эволюціи.

Страхъ прежде всего—чувство, эмоція, и у человѣка это чувство страха предполагаетъ сознаніе угрожающей индивиду опасности. Мы испытываемъ страхъ и проявляемъ его, когда либо непосредственно видимъ, что намъ въ данный моментъ грозитъ нѣчто непріятное, либо когда предвидимъ, что это непріятное совершится. Нерѣдко мы ощущаемъ страхъ отъ одного предположенія, что тотъ или иной предметъ, тѣ или иныя обстоятельства могутъ стать для насъ опасными, могутъ причинить намъ зло. Мы даже въ большинствѣ случаевъ боимся именно того, чего мы не знаемъ, — испытываемъ страхъ передъ неизвѣстностью. И если страхъ смерти такъ гнететъ насъ, то прежде всего, конечно, изъ, за этой неизвѣстности, изъ-за томительной и жгучей загадки смерти!

Какъ бы то ни было, въ основѣ страха предчувствіе опасности-ожиданіе страданій, гибели, смерти. Для того, чтобы испытывать страхъ, надо сознавать опасность, надо предвидѣть ее. Малый ребенокъ съ полнымъ безстрашіемъ идетъ навстрѣчу самымъ ужаснымъ опасностямъ, безтрепетно протягиваетъ свои ручонки навстрѣчу вѣрной гибели,—онъ не видитъ и не предвидитъ ея. Позднѣе жизненный опытъ, разсказы другихъ, собственныя наблюденія научаютъ его страху. Точно также и дикарь относится безо всякаго страха къ невиданному имъ огнестрѣльному оружію. Дарвинъ въ своемъ «Путешествіи на кораблѣ Бигль» разсказываетъ объ огнеземельцахъ, что «они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о силѣ огнестрѣльнаго оружія,—при самомъ прицѣливаніи въ нихъ изъ ружья европеецъ представляется дикарямъ далеко уступающимъ человѣку, вооруженному лукомъ, копьемъ или даже арканомъ». Но, разумѣется, знакомство со смертоноснымъ дѣйствіемъ оружія совершается быстро, и тогда безразличное отношеніе смѣняетъ паническій ужасъ.

Такимъ образомъ въ корнѣ чувства страха у человѣка лежитъ представленіе объ опасности—способность не только видѣть, но и понимать опасность. Чувство страха, слѣдовательно, основывается на довольно высокихъ интеллектуальныхъ способностяхъ человѣка, на его развитой психикѣ.

Какъ обстоитъ дѣло у животныхъ? Всѣ ли они и въ какой степени проявляютъ страхъ и таковы ли его основанія?

Когда мы разсматриваемъ душевныя движенія животныхъ, мы лишены возможности примѣнять къ нимъ свою субъективную мѣрку, прилагать свою человѣческую психику. Это дѣлается иногда изслѣдователями, не считающимися съ современными научными требованіями, но это ведетъ къ ошибкамъ и заблужденіямъ. Мы принуждены разсматривать лишь внѣшнія проявленія душевныхъ движеній и по нимъ лишь можемъ мы судить о дѣйствительныхъ переживаніяхъ, о «чувствахъ» животныхъ.

Животныя, болѣе близкія къ намъ по строенію, высшія позвоночныя, приближаются и въ смыслѣ проявленія страха. Страхъ ихъ обнаруживается даже тѣми же самыми внѣшними выраженіями, какъ это было показано Дарвиномъ въ его «Выраженіи душевныхъ волненій». Такъ, по описанію Дарвина: «ужасъ выражается у многихъ породъ обезьянъ испусканіемъ разныхъ криковъ; губы оттягиваются назадъ, такъ что зубы обнаруживаются. Волосы становятся дыбомъ, особенно если испытывается также нѣкоторый гнѣвъ. Сеттонъ ясно видѣлъ, что лицо бундера поблѣднѣло отъ страха. Обезьяны также дрожатъ отъ страха, а иногда выдѣляютъ испражненія. Я видѣлъ, какъ одна обезьяна, когда была поймана, почти упала въ обморокъ отъ чрезвычайнаго ужаса». Точно также и «собака, находящаяся подъ вліяніемъ крайняго ужаса, бросается на землю, воетъ и выдѣляетъ испражненія; но волосы, я полагаю, не поднимаются, пока не испытывается нѣкоторый гнѣвъ. Я видѣлъ собаку, чрезвычайно испуганную при видѣ толпы музыкантовъ, громко игравшихъ внѣ дома; каждый мускулъ ея тѣла дрожалъ, сердце билось такъ скоро, что удары едва ли могли быть сосчитаны; она задыхалась, широко открывая ротъ, совершенно какъ перепуганный человѣкъ».

Даже лошадь обнаруживаетъ страхъ сходнымъ образомъ, какъ человѣкъ. «Однажды моя лошадь,—описываетъ Дарвинъ—сильно испугалась машины-сѣялки, покрытой брезентомъ и находившейся среди поля. Лошадь подняла голову такъ высоко, что шея стала почти вертикальною... Глаза и уши были направлены пристально впередъ, и я чувствовалъ сквозь сѣдло біеніе сердца. Ноздри покраснѣли и раздулись, лошадь сильно зафыркала и, закружившись, поскакала бы во всю прыть, если бы я не воспрепятствовалъ... Расширеніе ноздрей, какъ и фырканье и усиленное біеніе сердца—все это дѣйствія, прочно сочетавшіяся въ теченіе длиннаго ряда поколѣній съ волненіемъ, и именно ужасомъ; такъ какъ ужасъ обыкновенно приводилъ лошадь въ состояніе сильнѣйшаго напряженія, и она убѣгала во всю прыть отъ источника опасности» *).

Итакъ, высшія животныя выражаютъ свой страхъ способомъ, весьма сходнымъ съ человѣкомъ. Таковы ли и внутреннія основанія этихъ выраженій? Входитъ-ли въ нихъ тотъ же элементъ созна-

*) Всѣ цитаты по переводу М. М. Филиппова.

тельности, пониманія угрожающей опасности, какъ у человѣка, или же они совершенно безсознательны, инстинктивны? Дарвинъ полагаетъ послѣднее. Говоря о выраженіи страха у собаки, онъ находитъ, что «почти всѣ описанныя выразительныя движенія врождены или инстинктивны, потому что общи всѣмъ особямъ, молодымъ или старымъ, всѣхъ породъ». Мы увидимъ, однако, далѣе, что нѣкоторый элементъ сознанія все же должно допустить у животныхъ, хотя, конечно, у нихъ этотъ элементъ менѣе значителенъ, чѣмъ у человѣка.

Впрочемъ, фактическихъ данныхъ въ этомъ направленіи у насъ далеко не достаточно. Нѣтъ даже систематическихъ наблюденій надъ развитіемъ страха и его проявленіемъ, хотя бы у домашнихъ животныхъ въ теченіе индивидуальной жизни.

Не подлежитъ сомнѣнію во всякомъ случаѣ, что чѣмъ ниже мы спускаемся по лѣстницѣ животнаго царства, тѣмъ болѣе страхъ и его внѣшнія проявленія принимаютъ характеръ инстинкта, т. е. наслѣдственнаго образа дѣйствій, сказывающагося съ самаго рожденія. Инстинкты въ такой же степени вложены въ организмъ животнаго, какъ движеніе стрѣлки, размахи маятника и бой часовъ вложены въ механизмъ ихъ. Какъ только часы заведены, они производятъ рядъ послѣдовательныхъ и строго согласованныхъ движеній. Какъ только появился на свѣтъ живой организмъ, такъ онъ точно также производитъ рядъ послѣдовательныхъ и согласованныхъ дѣйствій, причины которыхъ мы и называемъ «инстинктами». Разница заключается лишь въ большей сложности этихъ дѣйствій и въ томъ, что многія изъ нихъ начинаются или «разрѣшаются» лишь подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ или внутреннихъ условій или раздраженій.

Для иллюстраціи сущности инстинкта позволю себѣ привести одно личное воспоминаніе, глубоко врѣзавшееся мнѣ въ память. Както въ дѣтствѣ мнѣ случайно удалось сдѣлать наблюденіе, которое можетъ служить яркимъ примѣромъ того, на сколько инстинктъ вложенъ въ организмъ животнаго съ самаго появленія его на свѣтъ и на сколько онъ механиченъ. Я любилъ заниматься лѣтомъ воспитаніемъ птенцовъ, подобранныхъ въ лѣсу или даже—къ стыду своему, долженъ сознаться—вытащенныхъ изъ гнѣзда. У меня постоянно къ концу лѣта появлялась цѣлая свита изъ выращенныхъ мною и прирученныхъ воронъ, галокъ, сорокъ, совъ и т. п., прилетавшихъ на зовъ и хозяйничавшихъ въ комнатѣ и на балконѣ дачи, какъ у себя дома. Однажды, въ началѣ лѣта, мнѣ посчастливилось добыть ястребенка, вывалившагося изъ гнѣзда и, очевидно, только что вылупившагося,—онъ даже не обсохъ отъ содержимаго яйца. Я принесъ его домой и съ большимъ трудомъ и хлопотами сталъ выкармливать маленькаго большеглазаго хищника, представлявшаго собою забавный комочекъ сѣраго пуху. Онъ былъ въ тотъ моментъ моимъ единственнымъ пансіонеромъ и помѣщался

въ ящикѣ съ сѣтчатою дверкою, обращенною внутрь комнаты. Кромѣ меня и домашнихъ, онъ никого и ничего не могъ видѣть. Кормилъ я его крутымъ яйцомъ и мелкими кусочками мяса. И вотъ, однажды, когда ястребенокъ уже немного подросъ, и у него появились сѣрыя перья, знакомый пастухъ принесъ мнѣ маленькаго пуховаго утенка отъ дикой утки. Мнѣ пришло въ голову показать этого новаго обитателя моего звѣринца его будущему врагу и присяжному посягателю на его жизнь. Надо было видѣть, что произошло съ ястребенкомъ при первомъ же взглядѣ, брошенномъ на будущую жертву! Его глаза засверкали, онъ сталъ дико и пронзительно кричать, щелкалъ клювомъ, рвалъ когтями сѣтку своей клѣтки и хлопалъ крыльями, чтобы вырваться и добраться до утенка. Тотъ же обнаружилъ всѣ признаки сильнѣйшаго страха. Онъ метался, тыкался въ полъ, старался съежиться въ комочекъ и жалобно пищалъ... Между тѣмъ вѣдь ни тотъ, ни другой не видали отъ роду другъ друга—они встрѣтились впервые на жизненномъ пути, имъ не могли привить страха и ненависти ихъ родители,—по крайней мѣрѣ я могъ это съ полной увѣренностью сказать относительно ястребенка, выросшаго на моемъ попеченіи. Жажда крови, съ одной стороны, и паническій ужасъ предъ природнымъ врагомъ—съ другой, были, очевидно, вложены въ ихъ организацію совершенно такъ же, какъ цвѣтъ ихъ перьевъ, какъ форма крыльевъ, какъ звукъ голоса. И удивительнѣе всего то, что проявленіе этихъ чувствъ, связанныхъ съ цѣлымъ рядомъ сложныхъ дѣйствій, обнаружилось при воспріятіи формъ и очертаній, никогда не виданныхъ ранѣе. Слѣдовательно, совершенно опредѣленное изображеніе, отброшенное на сѣтчатку глаза, должно было автоматически вызвать въ мозгу рядъ процессовъ, повлекшихъ за собою проявленіе страха и кровожадности.

Приведенное наблюденіе не представляетъ, однако, чего либо особеннаго и далеко не является исключительнымъ. Сходные случаи, свидѣтельствующіе о врожденности инстинктовъ и въ частности инстинкта страха, наблюдались весьма многими натуралистами и могутъ быть провѣрены каждымъ любителемъ природы. На сколько велика врожденность инстинктовъ, показываетъ то обстоятельство, что у птицъ инстинктъ страха проявляется даже, еще пока птенецъ находится въ яйцѣ. Такъ, Гёдсонъ сообщаетъ слѣдующее относительно нѣкоторыхъ американскихъ птицъ: «когда маленькій плѣнникъ еще стучитъ клювомъ по скорлупѣ яйца и издаетъ слабый пискъ, какъ бы прося объ освобожденіи, и вдругъ раздастся, хотя бы вдалекѣ, предостерегающій крикъ его матери, стукъ клюва и пискъ моментально прекращаются, и птенецъ долгое время лежитъ въ своей скорлупѣ молча, пока мать другимъ крикомъ не покажетъ, что опасность миновала».

Такимъ образомъ, даже еще до появленія птицы на свѣтъ въ качествѣ самостоятельнаго организма, она обнаруживаетъ уже

инстинктивный страхъ передъ угрожающей опасностью. Мало того, иногда съ самаго перваго момента рожденія инстинктъ самосохраненія сказывается еще удивительнѣе. Такъ, тотъ же Гёдсонъ разсказываетъ, что онъ «разсматривалъ однажды, держа на ладони, яйцо одной американской водяной птицы, какъ вдругъ надтреснутая скорлупа разсѣлась и въ то же мгновеніе маленькая птичка соскочила съ моей руки и упала въ воду... Наклонившись съ цѣлью поднять ее и спасти отъ гибели, я скоро замѣтилъ, что помощь моя не нужна, ибо тотчасъ же послѣ паденія въ воду птица выставила голову и, почти совершенно погрузивъ тѣло въ воду, словно раненая утка, желающая скрыться отъ взоровъ человѣка, быстро поплыла къ маленькому возвышенію и, выскочивъ изъ воды, спряталась въ травѣ, гдѣ растянулась безъ движенія, какъ молодая ржанка».

Подобно другимъ инстинктамъ, и инстинктъ страха не всегда остается безъ измѣненія въ теченіе жизни животнаго,—иногда онъ рѣзко мѣняется съ развитіемъ. Очень назидательный примѣръ въ этомъ отношеніи приводитъ проф. В. А. Вагнеръ. Существуютъ небольшія осы, которыя откладываютъ свои яйца въ тѣло пауковъ-теридіумовъ. «Взрослые пауки теридіумы,—пишетъ Вагнеръ,—которыхъ я наблюдалъ, при появленіи осы въ ихъ паутинѣ, не смотря на то, что никогда ее раньше не видѣли и не могли поэтому имѣть о ней никакого представленія (ни о способѣ нападеній этого врага, ни о томъ, что ведетъ за собой это нападеніе), «въ ужасѣ» бросаются изъ гнѣзда и логова, если успѣютъ обнаружить по особому движенію осы ея появленіе. Совершенно иначе держатъ себя по отношенію къ ней маленькіе паучки-теридіумы, если оса появилась въ гнѣздѣ паука въ то время, когда въ немъ помѣщается паукъ-самка съ дѣтьми. Они не обращаютъ на осу никакого вниманія, какъ и она въ свою очередь на нихъ; рыская по гнѣзду въ поискахъ взрослаго паука, оса наталкивается на маленькихъ его обитателей и проходитъ мимо: эта добыча слишкомъ мала для ея личинки. Такимъ образомъ, въ тотъ періодъ жизни, когда паучки могли бы научиться узнавать своего будущаго врага, они въ немъ врага не видятъ и относятся къ нему совершенно безразлично, а тогда, когда врагъ является врагомъ и учиться этому уже поздно, пауки, какъ оказывается, въ совершенствѣ знаютъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и безошибочно узнаютъ его по его движенію въ паутинѣ».

Итакъ, инстинкты страха мѣняются съ возрастомъ,—у молодыхъ особей они не таковы, какъ у взрослыхъ. Можно сказать, что въ организмъ вложенъ не одинъ инстинктъ, а какъ бы цѣлая серія инстинктовъ, развивающихся послѣдовательно, чередующихся, какъ картины въ кинематографѣ.

Проявленіе инстинкта страха у низшихъ животныхъ очень различно. Чаще всего страхъ сказывается инстинктивнымъ бѣгствомъ

отъ предмета его вызвавшаго—въ большинствѣ случаевъ отъ каждаго крупнаго движущагося предмета. «Чувство самосохраненія,—говоритъ А. Вейсманъ,—сказывается у многихъ животныхъ въ томъ, что они обращаются въ бѣгство предъ своими врагами. Заяцъ бѣжитъ отъ лисицы, какъ и отъ человѣка, птицы слетаютъ, когда приближается кошка, бабочка летитъ, какъ только появится тѣнь отъ сѣтки, которая можетъ ее поймать. Можно было бы подумать, что мы видимъ въ этомъ дѣйствія, вполнѣ сознательныя, и, безъ сомнѣнія, у зайца и у птицъ опытъ и воля играютъ нѣкоторую роль, но основою дѣйствій является и у нихъ все же (инстинктивное) стремленіе,—оно, а отнюдь не разсужденіе заставляетъ животное обращаться въ бѣгство, какъ только оно замѣтитъ врага. У бабочки это, безъ всякаго сомнѣнія, является чисто инстинктивнымъ дѣйствіемъ, такъ какъ совершается оно съ такою же точностью даже тогда, когда бабочка только что вышла изъ куколки,—слѣдовательно, не обладаетъ еще никакимъ опытомъ. Впрочемъ, и у птицъ, и у зайца бѣгство въ большинствѣ случаевъ запаздывало бы, если бы сперва необходимо было примѣнить нѣкоторое разсужденіе,—оно должно совершиться въ одно мгновеніе ока съ такой же быстротой, съ какой опускается вѣко, когда глазу угрожаетъ пораненіе,—иначе оно было бы безрезультатнымъ».

Нерѣдко бѣгство комбинируется съ состояніемъ покоя и стремленіемъ скрыться отъ взоровъ враговъ полною неподвижностью. Такъ, Гёдсонъ описываетъ слѣдующимъ образомъ поведеніе пампасоваго оленя Южной Америки: «когда къ самкѣ съ дѣтенышемъ приближается всадникъ, сопровождаемый собаками, она останавливается и стоитъ безъ движенія, пристально глядя на непріятеля; малютка также застываетъ на мѣстѣ около матери; но вдругъ, точно по установленному сигналу, дѣтенышъ со всѣхъ ногъ устремляется отъ матери и убѣгаетъ на разстояніе 600—1000 ярдовъ (около $1^1/_2$ версты), прячется въ яму или въ высокую траву, ложась на землю, при чемъ вытягиваетъ шею и остается въ такомъ положеніи, пока мать не придетъ за нимъ. Послѣ того, какъ дѣтенышъ убѣжалъ, мать продолжаетъ сохранять свою словно окаменѣвшую позу, какъ будто дожидаясь нападенія, и только тогда, когда собаки подходятъ къ ней уже совсѣмъ близко, она также убѣгаетъ, но всегда по возможности въ сторону, противоположную той, въ которую убѣжалъ дѣтенышъ». Точно такъ же поступаютъ многія птицы, отводящія охотниковъ и другихъ преслѣдователей отъ своихъ выводковъ,—птенцы прижимаются къ почвѣ, застываютъ въ полной неподвижности и прибѣгаютъ къ защитѣ своего пухового наряда, окрашеннаго въ оттѣнки, близкіе къ окружающей средѣ.

У многихъ животныхъ страхъ выражается исключительно въ переходѣ въ неподвижное состояніе,—животное какъ бы парали-

зуется въ своихъ движеніяхъ, впадаетъ въ обморокъ или «притворяется», какъ можетъ показаться поверхностному наблюдателю. Наиболѣе замѣчательные примѣры такого проявленія страха мы находимъ среди насѣкомыхъ. Нѣкоторые жуки — притворяшки, щелкуны, долгоносики, божьи-коровки—при прикосновеніи къ нимъ или даже при приближеніи крупнаго предмета прекращаютъ всякія движенія, поджимаютъ ножки и усики и положительно какъ бы впадаютъ въ каталепсію, длящуюся опредѣленный періодъ времени. Затѣмъ они снова оживаютъ и начинаютъ двигаться, какъ ни въ чемъ не бывало. Очень часто такое «притворство» соединяется съ покровительственною окраской и съ формой тѣла, дѣлающей неподвижныхъ насѣкомыхъ похожими на зерна, гальку, пометъ и другіе неодушевленные предметы.

Можно ли считать притворство насѣкомыхъ результатомъ «страха» это—вопросъ особый. Конечно, такое поведеніе животныхъ можно разсматривать и просто какъ спеціальное приспособленіе къ избѣжанію опасностей, но, съ другой стороны, оно тѣсно связано съ тѣми несомнѣнными проявленіями страха, когда животное бѣжитъ и прячется, прекращая движеніе (какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ пампасоваго оленя).

Впрочемъ, чѣмъ ниже мы спускаемся по лѣстницѣ животнаго царства, тѣмъ вообще затруднительнѣе становится говорить о «страхѣ», какъ таковомъ. Страхъ, какъ эмоція, какъ душевное волненіе, несомнѣнно, исчезаетъ на низшихъ ступеняхъ,—онъ остается въ формѣ инстинкта или инстинктовъ, проявляющихся въ случаѣ угрожающей опасности и ведущихъ къ сохраненію жизни особи; онъ становится просто защитнымъ инстинктомъ.

Спускаясь еще ниже, мы не можемъ говорить уже и объ инстинктѣ. Можно ли назвать инстинктомъ страха бѣгство инфузоріи или амёбы подъ вліяніемъ приближенія болѣе крупнаго врага или вслѣдствіе дѣйствія того или иного раздражителя? Можно ли назвать «боязливыми» дождевыхъ червей, какъ это дѣлаетъ Дарвинъ, описывая, какъ они втягиваются въ свои норки подъ вліяніемъ свѣта и звуковъ? Обнаруживаетъ ли «страхъ» гидра или актинія, когда вбираетъ свои щупальца при прикосновеніи къ нимъ стеклянной палочки? Все это, несомнѣнно, явленія еще болѣе простыя, чѣмъ инстинкты, это—чистые рефлексы, иначе говоря, движенія, вызванныя прямымъ раздраженіемъ нервной системы или даже просто раздраженіемъ живого вещества организма (напримѣръ, у инфузоріи).

Едва ли стоитъ доказывать, что именно изъ этихъ-то первоначальныхъ рефлексовъ и долженъ былъ выработаться путемъ усложненія инстинктъ страха. Инстинкты, по опредѣленію Спенсера, не болѣе, какъ «сложные рефлексы», и, какъ онъ говоритъ въ «Основаніяхъ психологіи»,—«мы не въ состояніи провести никакой ясной демаркаціонной линіи между инстинктомъ и простымъ

рефлексомъ», но «имѣемъ право отличать, какъ особый высшій классъ, тѣ изъ автоматическихъ нервныхъ приспособленій, въ которыхъ сложные стимулы производятъ сложныя движенія», т. е. движенія инстинктивныя.

Первоначальное чисто рефлекторное бѣгство низшихъ животныхъ, вызванное опасностью, превращается затѣмъ съ усложненіемъ организаціи въ болѣе сложныя инстинктивныя движенія, иногда, какъ мы видѣли, образующія цѣлую серію, цѣлую цѣпь инстинктивныхъ дѣйствій. Съ появленіемъ еще болѣе сложнаго строенія нервной системы въ инстинктъ страха входитъ новый элементъ — элементъ сознанія. Впрочемъ, Спенсеръ полагаетъ, что вообще «какъ скоро развился инстинктъ, то съ этимъ вмѣстѣ зарождается и нѣкоторый родъ сознанія». На высшихъ ступеняхъ животнаго царства этого элемента сознанія нельзя уже отрицать. Онъ развивается бокъ-о-бокъ съ чисто инстинктивною дѣятельностью и обнаруживается уже въ томъ, что животныя не сохраняютъ своихъ проявленій страха неизмѣнными всю жизнь и не получаютъ ихъ «вложенными» въ свою организацію при рожденіи: они видоизмѣняютъ эти проявленія подъ вліяніемъ опыта и подражательности, они учатся страху отъ другихъ, перенимаютъ, совершествуются въ страхѣ. Въ этомъ отношеніи особенно назидательные примѣры мы находимъ у птицъ: ихъ птенцы подъ руководствомъ старыхъ птицъ самымъ настоящимъ образомъ обучаются страху. Характеренъ въ этомъ отношеніи случай, который приводитъ В. А. Вагнеръ въ своей «Сравнительной психологіи»: однажды,— разсказываетъ онъ,—я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго происшествія. Молодой, желторотый, но уже хорошо летавшій воробей влетѣлъ ко мнѣ въ комнату и спокойно сѣлъ менѣе, чѣмъ въ двухъ шагахъ отъ меня, на столъ; потомъ перелетѣлъ на стулъ. Старый самецъ, увидавъ эту картину, съ крикомъ опасности влетѣлъ въ комнату и сталъ «уводить» молодого изъ комнаты. «Уводъ» этотъ имъ и всѣми другими птицами, которыхъ мнѣ приходилось наблюдать въ аналогичныхъ положеніяхъ, производится такимъ образомъ: старая птица налетаетъ на молодую, сталкиваетъ ее съ мѣста и затѣмъ летитъ, куда слѣдуетъ. Молодая по инстинкту слѣдуетъ за старой, какъ въ такихъ, такъ и въ другихъ случаяхъ опасности, о которой говорятъ тревожные крики старыхъ птицъ. Изъ первой попытки стараго воробья увести такимъ образомъ своего молодого птенца ничего, однако, не вышло: сбитый со своего мѣста, онъ спокойно усѣлся на стулъ и началъ смотрѣть по сторонамъ; самецъ вновь прилетѣлъ въ окошко, вновь повторилъ свой маневръ, и на этотъ разъ молодой улетѣлъ вслѣдъ за нимъ».

Такимъ путемъ у птицъ и у млекопитающихъ накопляется въ каждомъ поколѣніи нѣкоторый личный опытъ—личная привычка къ страху передъ тѣми или иными явленіями. Но опытъ этотъ, основанный на упражненіи, не наслѣдуется, не передается,—онъ

представляетъ собою то, что нѣкоторые авторы удачно называютъ «традиціей». И, на самомъ дѣлѣ, въ данномъ случаѣ наблюдается совершенно то же самое, что въ людской средѣ, гдѣ путемъ передачи отъ старыхъ къ малымъ устанавливаются извѣстныя традиціи.

Съ увеличеніемъ элемента сознательности элементъ интинктивный отступаетъ на задній планъ, и у человѣка мы видимъ почти полную атрофію «инстинкта» страха. Страхъ не является уже «вложеннымъ» въ организмъ при рожденіи, и новорожденный ребенокъ ко всему относится съ самымъ геройскимъ безстрашіемъ, пока не научится «спасительному» страху.

II.

Прослѣдивъ въ такихъ общихъ чертахъ генезисъ страха, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію его *біологическаго значенія.*

Страхъ подразумѣваетъ опасность, опасность чаще всего угрожаетъ въ борьбѣ, потому страхъ составляетъ необходимый элементъ той жестокой борьбы за существованіе, которая лежитъ въ основѣ жизни органическаго міра. Со времени Дарвина мы знаемъ, что одною изъ существенныхъ задачъ каждой особи является—одержать верхъ надъ соперниками изъ существъ себѣ подобныхъ и спастись отъ козней и преслѣдованій враговъ, существъ болѣе крупныхъ и сильныхъ. Побѣда въ борьбѣ гарантируетъ особи и собственное существованіе и возможность произвести на свѣтъ большое количество потомковъ, слѣдовательно, поддержать существованіе вида.

Взаимныя отношенія между живыми существами необычайно сложны, и не удивительно, что борьба ведется нерѣдко—можно сказать, даже въ большинствѣ случаевъ—на два фронта: съ одной стороны, данному существу приходится остерегаться, какъ бы не пасть подъ ударами болѣе крупныхъ и сильныхъ враговъ, съ другой же—само оно стремится одолѣть болѣе мелкихъ и слабыхъ и на ихъ гибели основать свое благополучіе. Потому наравнѣ съ орудіями активнаго нападенія—наравнѣ съ зубами, когтями, сильными мышцами, острыми глазами—развиваются и орудіями пассивной защиты: быстрыя ноги или крылья, непроницаемый для зубовъ панцырь, подходящая къ окружающему окраска и т. п. Впрочемъ, нерѣдко одни и тѣ же орудія служатъ и для активной, и для пассивной борьбы: зубы и когти, такъ же, какъ и крылья и ноги могутъ служить и для одолѣнія болѣе слабыхъ, и для защиты отъ болѣе сильныхъ.

Но, кромѣ такихъ осязаемыхъ, такъ сказать, орудій борьбы, животныя обладаютъ и иными, неосязаемыми орудіями. Чѣмъ, какъ не такими орудіями, являются чувства животныхъ и ихъ инстинкты? Въ такой же мѣрѣ, какъ органы, они составляютъ

неотъемлемое достояніе животнаго и въ такой же степени характерны для каждаго даннаго вида. Чувства являются также, конечно, одними изъ самыхъ важныхъ факторовъ въ борьбѣ: безъ нихъ борьба была бы даже немыслима. Они служатъ для воспріятія измѣненій, происходящихъ во внѣшней средѣ, и предупреждаютъ животное отъ грозящей опасности. Въ этомъ отношеніи особенно важны зрѣніе, слухъ и обоняніе, такъ какъ съ ихъ помощью организмъ получаетъ сигналы издали и можетъ еще на разстояніи замѣтить опасность и принять соотвѣтствующія мѣры защиты. Совершенство этихъ чувствъ стоитъ, разумѣется, въ полной зависимости отъ совершенства органовъ, къ которымъ они привязаны. Чѣмъ выше и сложнѣе строеніе послѣднихъ, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ организмъ можетъ воспринимать свѣтовые, звуковые и химическіе сигналы, посылаемые внѣшней средою. Инстинкты, конечно, также по существу привязаны къ нѣкоторой осязаемой структурѣ—къ нервной системѣ, или, точнѣе говоря, къ извѣстнымъ комбинаціямъ и связямъ между нервными клѣтками и волокнами. Однако, структура эта на столько тонка, что не поддается еще пока нашему изслѣдованію, и связь ея съ инстинктами до извѣстной степени является гипотетичной.

Въ борьбѣ инстинкты играютъ не меньшую роль, какъ и чувства. Само стремленіе къ борьбѣ и къ защитѣ своего «я» является инстинктивнымъ. И совершенно подобно тому, какъ существуютъ органы активной борьбы и пассивной защиты, такъ и инстинкты могутъ быть двояки: направленные къ защитѣ, защитные, и направленные къ нападенію, агрессивные.

Къ послѣднимъ относятся инстинкты хищническіе, кровожадные, инстинкты выслѣживанія, подкарауливанія и нападенія на добычу. Противовѣсъ имъ составляютъ инстинкты защитные, и изъ нихъ важнѣйшій и наиболѣе широко распространенный — инстинктъ страха. Этотъ инстинктъ образуетъ оружіе слабыхъ противъ сильныхъ, служитъ къ спасенію въ томъ случаѣ, когда орудія активной защиты: зубы, когти, рога, мышцы и другіе органы недостаточны въ борьбѣ за жизнь. По существу инстинктъ страха—не что иное, какъ врожденная привычка «бояться» нѣкоторыхъ опредѣленныхъ предметовъ или явленій, иначе говоря, привычка при видѣ этихъ явленій принимать немедленно тѣ или иныя мѣры къ своему спасенію: либо обращаться въ поспѣшное бѣгство, либо, напротивъ, приходить въ неподвижное состояніе, притворяться мертвымъ, прятаться, маскироваться и т. п.

Инстинктъ страха, подобно другимъ инстинктамъ, заложенный въ организмѣ съ самаго его появленія на свѣтъ, чрезвычайно широко распространенъ въ животномъ царствѣ, почти универсаленъ. Это и не удивительно: вѣдь если мы представимъ себѣ, что слабый не испытывалъ бы спасительнаго страха передъ сильнымъ и подъ давленіемъ этого чувства не искалъ бы спасенія въ бѣгствѣ,

во сколько разъ чаще, чѣмъ теперь, платился бы онъ жизнью за свое пагубное безстрашіе? Потому природа щедро и надѣлила животныхъ этимъ инстинктомъ. Вѣдь и каждый сильный оказывается въ концѣ-концовъ слабымъ предъ еще болѣе сильнымъ, да и по отношенію къ равнымъ по силѣ каждый можетъ въ томъ или другомъ случаѣ оказаться болѣе слабымъ, напримѣръ, хотя бы тогда, когда враговъ собралось противъ него нѣсколько.

Итакъ, біологическое значеніе страха для насъ теперь ясно. Страхъ является однимъ изъ орудій въ борьбѣ за существованіе, при томъ орудіемъ важнымъ и широко распространеннымъ. Подобно всѣмъ другимъ орудіямъ борьбы — подобно конечностямъ, зубамъ, органамъ чувствъ и т. п., страхъ совершенствуется въ животномъ царствѣ: на низшихъ ступенахъ онъ, какъ мы видѣли выше, является рефелекторнымъ, затѣмъ достигаетъ сложности инстинкта, наконецъ, переходитъ въ эмоцію, связанную съ сознаніемъ. И на низшихъ, и на высшихъ ступеняхъ своего развитія направленъ къ двумъ основнымъ цѣлямъ: къ сохраненію особи и къ сохраненію вида.

III.

Органы защиты въ животномъ царствѣ могутъ нерѣдко превращаться въ органы нападенія, точно также и инстинктъ страха въ извѣстномъ смыслѣ обратимъ. Если въ одномъ случаѣ для болѣе слабаго животнаго выгодно «испугаться» врага и убѣжать, то въ другомъ—для него можетъ не менѣе выгоднымъ «испугать» врага и заставить его убѣжать. Мало того, это бываетъ даже болѣе выгоднымъ, если для животнаго, увидавшаго врага, шансы спасти свою жизнь бѣгствомъ не велики.

На такомъ активномъ использованіи инстинкта страха и основывается явленіе угрозы, также широко распространенное въ животномъ царствѣ. «Возбужденіе страха въ другомъ животномъ при отсутствіи возможности нанести ему немедленно вредъ»—такъ можетъ быть формулировано это явленіе.

Біологическое значеніе угрозы и ея связь съ инстинктомъ страха были поняты и отмѣчены еще Дарвиномъ. Въ своемъ сочиненіи «Выраженіе душевныхъ волненій» онъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ устрашающихъ и отпугивающихъ дѣйствій животныхъ, связывая ихъ съ испытываемыми ими ощущеніями злобы и ярости. Такъ, онъ пишетъ, что «у млекопитающихъ ярость ведетъ къ сильному напряженію всѣхъ мышцъ, включая сюда и голосовыя, и многія животныя въ злости стараются напустить ужасъ на враговъ своихъ ревомъ, какъ, напримѣръ, левъ, или какъ собака, — ворчаньемъ. Я полагаю, что это дѣлается съ цѣлью испугать врага, на томъ основаніи, что у льва въ то же самое время при-

подымается шерсть гривы, а у собаки шерсть вдоль спины, чтобы казаться какъ можно больше и страшнѣе»... «Едва ли существуетъ другое столь общее выразительное движеніе, какъ непроизвольное приподыманіе волосъ, перьевъ и другихъ кожныхъ придатковъ, такъ какъ оно встрѣчается въ трехъ классахъ позвоночныхъ животныхъ. Придатки эти приподымаются подъ вліяніемъ ужаса или гнѣва, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда оба ощущенія смѣшаны вмѣстѣ или слѣдуютъ быстро одно за другимъ. Движеніе это служитъ къ тому, чтобы сдѣлать животное, повидимому, больше и страшнѣе для враговъ и соперниковъ; оно сопровождается обыкновенно разными произвольными движеніями, направляемыми къ той же цѣли, какъ, напримѣръ, издаваніемъ дикихъ криковъ»...

Такимъ образомъ, Дарвинъ отмѣчаетъ уже и наиболѣе характерныя черты внѣшняго проявленія угрозы: стремленіе увеличить свои размѣры, стать больше и потому страшнѣе, стремленіе производить рѣзкія, бросающіяся въ глаза движенія и издавать особые громкіе звуки.

Со времени Дарвина, однако, вопросъ объ угрозѣ въ животномъ царствѣ мало занималъ біологовъ. Нѣкоторое вниманіе удѣлялось лишь устрашающей окраскѣ, выясненіемъ происхожденія и значенія которой занимались Вейсманъ, Порчинскій и др. Лишь недавно на угрозу, какъ важный біологическій факторъ, обратилъ вниманіе у насъ столь преждевременно похищенный смертью, скончавшійся въ прошломъ году, нашъ выдающійся русскій ученый, проф. В. А. Фаусекъ, и въ Германіи — извѣстный біологъ Конрадъ Гюнтеръ. Замѣчательно, что оба изслѣдователя, совершенно независимо другъ отъ друга, пришли къ очень сходнымъ, во многихъ отношеніяхъ тожественнымъ выводамъ.

Наиболѣе подробно разработанъ вопросъ объ угрозѣ В. А. Фаусекомъ *). Матеріаломъ ему послужили наблюденія, произведенныя имъ самимъ въ степяхъ Закаспійской области и на Неаполитанской Зоологической станціи. Этотъ фактическій матеріалъ самъ по себѣ настолько интересенъ, что нельзя не познакомить съ нимъ читателя, тѣмъ болѣе, что изъ фактовъ непосредственно вытекаютъ и выводы.

Прежде всего остановимся на внѣшнихъ проявленіяхъ угрозы.

Очень характерны въ этомъ отношеніи наблюдавшіяся В. А. Фаусекомъ ящерицы, которыя водятся въ пескахъ Закаспійской области. Развитіе у нихъ явленій угрозы вполнѣ понятно: оно стоитъ въ тѣсной зависимости отъ окружающей природы. Закаспійскія ящерицы, между которыми особенно много представите-

*) См. В. А. Фаусекъ. „Біологическія изслѣдованія въ Закаспійской области". Зап. по общ. геогр. И. Р. Геогр. Общ. т. XXVII, 1906, и „Дальнѣйшія данныя къ вопросу о движеніяхъ угрозы». Труды И. Спб. Общ. Естествоисп. т. XXXVII, 1908.

лей рода круглоголовокъ (фриноцефаловъ), живутъ въ пескахъ, чрезвычайно бѣдныхъ растительностью,—травянистыхъ растеній и кустарниковъ тамъ такъ мало, что ящерицамъ негдѣ укрыться отъ взоровъ враговъ. Не обладая активными орудіями защиты, ящерицы лишь двумя способами могутъ спасти свою жизнь: онѣ принуждены либо пріобрѣтать окраску, близкую къ окраскѣ почвы, либо не скрываться вовсе, но стараться при встрѣчѣ напугать врага. Оба эти способа примѣняются закаспійскими ящерицами въ самой широкой степени. Совершенство покровительственной окраски многихъ изъ нихъ прямо поразительно, онѣ точнѣйшимъ образомъ копируютъ не только цвѣтъ, но и структуру песчаной и глинистой почвы. У нѣкоторыхъ изъ нихъ чешуйчатый покровъ становится желтовато-сѣрымъ и при томъ зернистымъ, какъ песокъ, другія пріобрѣтаютъ сѣрый оттѣнокъ, сходный съ глиною, и нерѣдко на кожѣ появляются пятнышки, въ точности воспроизводящія мелкіе камешки или гальку.

Даже на близкомъ разстояніи не легко замѣтить такое животное, пока оно не двигается.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у этихъ ящерицъ вырабатывается и стремленіе напугать врага, вырабатываются различные пріемы угрозы. Изъ такихъ пріемовъ,—какъ замѣтилъ уже Дарвинъ по отношенію къ высшимъ позвоночнымъ,—первое мѣсто занимаетъ стремленіе придать себѣ различными способами болѣе крупные размѣры, которые произвели бы на врага устрашающее впечатлѣніе.

По наблюденіямъ В. А. Фаусека, крупная ящерица закаспійскихъ степей — агама, переходя въ положеніе угрозы, прежде всего высоко приподымается на ногахъ, хвостъ, который при бѣгствѣ тащится пассивно, она поднимаетъ кверху; затѣмъ агама открываетъ ротъ, надуваетъ горло такъ, что кожа между вѣтвями нижней челюсти и на горлѣ отвисаетъ внизъ въ видѣ мѣшка. Эти характерныя движенія угрозы сопровождаются попытками нападенія и активной защиты — агама прыгаетъ и старается укусить. Другія ящерицы иными способами стараются казаться большими; такъ, ушастая круглоголовка при малѣйшей тревогѣ «вскакиваетъ, высоко поднимается на ногахъ, подымаетъ хвостъ, закручиваетъ его кверху и дѣлаетъ его концомъ закручивающія и раскручивающія движенія въ вертикальной плоскости». Также ведутъ себя и другія болѣе мелкія формы: круглоголовка песчаная и круглоголовка такырная; послѣдняя при опасности «высоко поднимаетъ голову, подымается на ногахъ, особенно на переднихъ, приподнимаетъ, слегка загнувши, хвостъ и дѣлаетъ имъ слабыя движенія».

Не слѣдуетъ думать, что такая наклонность къ преувеличенію своихъ размѣровъ характерна лишь для закаспійскихъ ящерицъ,—напротивъ, это одно изъ наиболѣе общихъ и широко распространенныхъ проявленій угрозы. Уже Дарвинъ отмѣтилъ, что «хаме-

леоны и нѣкоторыя другія ящерицы раздуваются въ припадкѣ гнѣва»... «Очковыя змѣи въ раздраженіи раздуваются нѣсколько и шипятъ умѣренно, но въ то же время онѣ поднимаютъ голову вверхъ и расширяютъ при помощи своихъ удлиненныхъ переднихъ реберъ кожу вокругъ шеи въ видѣ большого плоскаго круга... Затѣмъ раскрывши ротъ, онѣ въ самомъ дѣлѣ принимаютъ ужасающій видъ». Дарвинъ указываетъ также, что и грива льва—не болѣе какъ приспособленіе къ устрашенію: «въ ярости левъ поднимаетъ свою гриву и, такимъ образомъ, инстинктивно старается придать себѣ возможно болѣе грозный видъ».

Среди птицъ не мало также примѣровъ увеличенія размѣровъ тѣла въ цѣляхъ угрозы. Самцы турухтаны во время своихъ боевъ «топорщатъ крупныя грудныя и спинныя перья, приподнимаютъ кверху затылочный воротникъ, выставляя шейный воротникъ щитообразно впередъ. Точно также тетеревъ во время токованія «держитъ хвостъ вертикально и распустивъ вѣеромъ, вытягиваетъ кверху шею и голову, перья которой взъерошиваются, и отставляетъ крылья вбокъ и книзу» (Фаусекъ).

Удивительнѣе всего, однако, что дѣло не ограничивается одними высшими позвоночными животными: устрашеніе противниковъ своею мнимой величиною примѣняется и многими низшими представителями животнаго царства. Такъ, В. А. Фаусекъ наблюдалъ въ Закаспійскихъ степяхъ, что нѣкоторые жуки обнаруживаютъ совершенно такое же поведеніе, какъ указанныя выше пресмыкающіяся. Такъ, одинъ крупный черный жукъ изъ чернотѣловъ при опасности не убѣгаетъ: «онъ останавливается на мѣстѣ на широко разставленныхъ ногахъ и высоко приподнимается на нихъ; особенно приподымается при этомъ задній конецъ тѣла, брюшко, такъ что все тѣло изъ горизонтальнаго положенія, какое оно имѣло раньше, переходитъ въ положеніе косое, наклонное, съ поднятымъ вверхъ брюшкомъ. Иногда это движеніе дополняется еще тѣмъ, что жукъ отдѣляетъ отъ земли заднія ноги, приподнимаетъ ихъ косо вверхъ, раздвигая ихъ при этомъ широко въ стороны. Всѣ эти движенія направлены къ тому, чтобы увеличить размѣры животнаго».

Совершенно также ведутъ себя нѣкоторые другіе жуки, обитающіе въ пустынѣ, и муравьи-фаэтончики, поднимающіеся высоко на ногахъ и загибающіе наверхъ свое брюшко. Поднимаются на ноги и поднимаютъ брюшко при нападеніи на нихъ также и нѣкоторыя фаланги. Наконецъ, и движенія скорпіона, закидывающаго свой хвостъ наверхъ, можно бы было истолковать стремленіемъ къ увеличенію размѣровъ тѣла, но въ данномъ случаѣ угроза имѣетъ и реальное значеніе, такъ какъ на концѣ хвоста скорпіона находится острый шипъ съ ядоноснымъ мѣшечкомъ. Имъ онъ наноситъ удары, разгибая свое брюшко.

Итакъ, у цѣлаго ряда формъ животнаго царства въ случаѣ

опасности наблюдается совершенно опредѣленное проявленіе угрозы—увеличеніе объема тѣла и размѣровъ его по всѣмъ направленіямъ. Этотъ результатъ достигается при томъ самыми различными способами: иногда тѣло просто поднимается надъ землею, иногда животное раздувается, или же топорщитъ перья, шерсть, поднимаетъ хвостъ или какую-либо иную часть тѣла. Подкладка всѣхъ этихъ разнообразныхъ дѣйствій одна и та же: съ представленіемъ о величинѣ у всѣхъ животныхъ ассоціируется понятіе о силѣ. Чѣмъ больше врагъ, тѣмъ, предположительно, онъ сильнѣе, потому казаться большимъ, значитъ, казаться сильнымъ и опаснымъ.

Еще нагляднѣе проявляется этотъ принципъ у тѣхъ животныхъ, которыя не довольствуются увеличеніемъ своего тѣла обычными способами,—у нихъ развиваются для этой цѣли особые органы,—настоящіе, спеціальные «органы угрозы».

Въ этомъ направленіи опять однимъ изъ наиболѣе наглядныхъ примѣровъ является закаспійская ящерица, — именно ушастая круглоголовка, о которой мы говорили уже выше. У нея, по словамъ В. А. Фаусека, имѣется «специальное морфологическое образованіе, служащее въ цѣляхъ движеній угрозы. Это—характерные придатки угловъ рта, большія складки кожи, имѣющія видъ ушей, благодаря которымъ эта ящерица и получила свое видовое названіе... Въ покойномъ состояніи, когда животное не потревожено, придатки эти всегда сложены и оттянуты назадъ, прижаты къ бокамъ головы». Совершенно иначе обстоитъ дѣло при внезапномъ испугѣ. Животное сперва производитъ рядъ описанныхъ выше движеній, ведущихъ къ увеличенію объема тѣла. «Затѣмъ ящерица, высоко поднявъ голову, открываетъ пасть—и вотъ теперь функціонируютъ и угловые придатки рта: раньше прижатые къ бокамъ головы, они теперь отводятся въ сторону и раскрываются,—они вѣдь представляютъ собою складку кожи,—оба листка этой складки расходятся и отходятъ одинъ отъ другого. Тогда, при открытой пасти, угловые придатки являются какъ бы продолженіемъ: верхній листокъ складки является продолженіемъ верхней челюсти, нижній—нижней челюсти; у животнаго кажется тогда, сравнительно съ размѣрами его, колоссальная пасть. Въ то же время происходитъ сильный приливъ крови къ ротовой полости, слизистая оболочка рта и внутренняя поверхность угловыхъ придатковъ сильно краснѣетъ, и ящерица показываетъ тогда предполагаемому врагу огромную пасть».

Ушастая круглоголовка съ разинутою пастью, на самомъ дѣлѣ, представляется на столько страшной, что способна напугать не только любое животное, но даже и человѣка. При видѣ угрожающей позы, которую она принимаетъ, неподготовленный зритель совершенно невольно отскакиваетъ, несмотря на то, что эта ящерица немногимъ больше нашей обыкновенной зеленой.

Сходное приспособленіе имѣется и у одной описываемой Сэ-

виллъ Кэтомъ австралійской ящерицы—у хламидозавра. У нея «позади головы находится сильно развитая складка кожи, которая образуетъ круглый, почти замкнутый воротникъ вокругъ шеи. Въ покойномъ состояніи воротникъ прижатъ къ тѣлу и мало замѣтенъ; но когда животное потревожено и принимаетъ положеніе защиты или угрозы, воротникъ оттопыривается, подымается и образуетъ большой круглый щитъ вокругъ головы и шеи, за которымъ, если смотрѣть спереди, почти не видно тѣла животнаго. Одновременно съ этимъ широко открывается пасть, и животное, дѣйствительно, принимаетъ страшный видъ».

Этотъ воротникъ—настоящій органъ угрозы, совершенно аналогичный ротовымъ придаткамъ ушастой круглоголовки. Сэвиллъ Кэнтъ разсказываетъ, что видъ ящерицы на самомъ дѣлѣ такъ страшенъ, что даже собаки не рѣшаются на нее нападать, когда она поворачивается къ нимъ съ открытой пастью и съ оттопыреннымъ воротникомъ.

Описанныя ящерицы—далеко не единственныя въ этомъ родѣ; существуетъ не мало другихъ пресмыкающихся съ различными поднимающимися гребнями, съ придатками на головѣ, съ раздувающимися горломъ и т. п.; раздувающійся дискъ очковой змѣи (см. выше описаніе Дарвина) относится къ этой же категоріи фактовъ. Въ обыкновенномъ, спокойномъ своемъ состояніи всѣ эти органы не имѣютъ значенія и даже бываютъ мало замѣтны,—они начинаютъ функціонировать лишь въ состояніи раздраженія, и главная ихъ роль сводится опять-таки къ тому, чтобы сдѣлать животное большимъ—слѣдовательно, будто бы сильнымъ и потому страшнымъ.

Но устрашеніе было бы не полнымъ, если бы органы угрозы ограничивались однимъ увеличеніемъ объема тѣла,—тѣло даже огромныхъ размѣровъ можетъ быть совершенно незамѣтно, если окраска его подходитъ къ окраскѣ окружающей среды—оно можетъ пропадать на общемъ фонѣ. Извѣстно, что помимо величины, чрезвычайно важное значеніе въ смыслѣ воздѣйствія на чувства животнаго имѣетъ цвѣтъ. Яркіе, сильно отличающіяся отъ окружающаго цвѣта поражаютъ органы зрѣнія, и если появляются внезапно, какъ все неожиданное, вызываютъ страхъ.

Этимъ свойствомъ яркой окраски не могла не воспользоваться природа при выработкѣ органовъ угрозы, и мы видимъ у цѣлаго ряда формъ наравнѣ съ увеличеніемъ тѣла также и появленіе яркой окраски. Такъ, у ящерицы-хламидозавра воротникъ ея на своей передней, обращенной къ врагу сторонѣ расцвѣченъ яркими цвѣтами—красными, желтыми и синими пятнами; красныя пятна находятся также на головѣ вокругъ глазъ и по краямъ челюстей, и эти яркіе цвѣта, по Сэвиллю Кэнту, чрезвычайно усиливаютъ впечатлѣніе, производимое животнымъ. Закаспійская ящерица-агама, по наблюденіямъ В. А. Фаусека, принимая позу угрозы,

обнаруживаетъ и характерное измѣненіе окраски: «у возбужденной агамы кожа на раздутомъ горловомъ мѣшкѣ интенсивно синѣетъ, синѣютъ бока тѣла и верхняя сторона плечевой части переднихъ ногъ». У американской ящерицы-анолиды горло у самцовъ въ гнѣвѣ дѣлается ярко краснымъ.

Извѣстно также, какая замѣчательная игра цвѣтовъ наблюдается на кожѣ хамелеона при его возбужденіи: «появляются пятна различнаго цвѣта на фонѣ, который также бываетъ различенъ,—хамелеонъ можетъ сдѣлаться желтымъ съ красными пятнами, голубымъ—съ зеленоватыми или черными и т. п. Такое измѣненіе окраски обусловливается особымъ строеніемъ кожи—присутствіемъ въ ней спеціальныхъ пигментныхъ клѣтокъ, такъ называемыхъ «хроматофоровъ», которые сокращаются подъ вліяніемъ раздраженія, передаваемаго нервами.

Однако, такою способностью мѣнять свою окраску обладаютъ лишь немногія животныя,—эта способность требуетъ слишкомъ сложныхъ приспособленій. Гораздо чаще совершенно такой же устрашающій эффектъ достигается инымъ, болѣе простымъ способомъ: животное двигаетъ ярко окрашенными придатками или обнаруживаетъ ярко окрашенныя части тѣла. Такъ, песчаная круглоголовка, выбѣгая при тревогѣ изъ своего убѣжища, старается сдѣлаться возможно болѣе замѣтной—она приподымается на ногахъ, поднимаетъ вверхъ голову и «дѣлаетъ быстрыя движенія хвостомъ, закручивая его вверхъ, къ спинной сторонѣ и сейчасъ же раскручивая». Ея хвостъ украшенъ поперечными черными полосами, чередующимися съ бѣлыми, и при быстрыхъ движеніяхъ образуетъ рѣзко бросающееся въ глаза яркое пятно.

Любопытно, что такіе же пріемы угрозы примѣняются и нѣкоторыми водными животными. Примѣромъ можетъ служить рыба морской пѣтухъ или тригла, водящаяся въ Средиземномъ морѣ и изслѣдованная въ этомъ направленіи В. А. Фаусекомъ. Она снабжена очень большими грудными плавниками, и на своей нижней, обращенной къ тѣлу, сторонѣ эти плавники украшены яркимъ узоромъ,—именно, по темному фону плавника разбросаны синія и зеленыя пятна, а край плавника окаймленъ сплошной ярко синей полосой. Когда морской пѣтухъ, тѣло котораго окрашено подъ цвѣтъ грунта дна, лежитъ спокойно на днѣ, плавники его прижаты къ тѣлу, такъ что видна лишь наружная темная поверхность ихъ; но какъ только кто-нибудь вспугнетъ эту рыбу, она распрямляетъ и оттопыриваетъ свои плавники, выставляя ихъ на показъ, такъ что пестрая поверхность становится видна глазу и производитъ рѣзкій свѣтовой эффектъ. По всему поведенію рыбы можно заключить, что раскрываетъ свои плавники она именно съ цѣлью устрашенія враговъ,—въ спокойномъ состояніи она даже плаваетъ съ прижатыми къ тѣлу грудными плавниками. И среди рыбъ этотъ примѣръ пользованія яркой окраской въ цѣляхъ угрозы

является не единственнымъ. Другая средиземноморская рыба—летучка—также пользуется своими ярко окрашенными грудными плавниками, а рыба морская собачка поднимаетъ свой спинной плавникъ и обнаруживаетъ на немъ огромное темное пятно, окруженное свѣтлой полосою, такъ что оно производитъ впечатлѣніе глаза.

Такія же глазчатыя пятна, служащія, по мнѣнію В. А. Фаусека, для цѣлей угрозы, имѣются и у нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ: у рака-богомола (на послѣднемъ членикѣ брюшка) и у многихъ насѣкомыхъ. У крупной ночной бабочки, глазчатаго бражника, на заднихъ крыльяхъ имѣется по большому глазчатому пятну, и бабочка, будучи потревожена, отодвигаетъ переднія крылья, вслѣдствіе чего внезапно выступаютъ ярко окрашенныя заднія крылья съ двумя нарисованными на нихъ огромными глазами. Глазчатыя пятна имѣются и у многихъ гусеницъ, и онѣ успѣшно пользуются этими узорами для устрашенія. По наблюденіямъ Вейсмана, птицы приходятъ въ недоумѣніе и пугаются при видѣ рѣзкихъ движеній, связанныхъ съ обнаруженіемъ глазчатыхъ пятенъ гусеницъ, по существу совершенно безвредныхъ и беззащитныхъ. Впрочемъ, нѣкоторыя гусеницы такъ страшны, что пугаютъ даже и человѣка. Такова крупная гусеница одной сѣверо-американской бабочки: у нея на головѣ нѣсколько длинныхъ, ярко окрашенныхъ, оранжевыхъ съ черными концами придатковъ вродѣ тонкихъ рожковъ. Потревоженная гусеница подымаетъ голову и трясетъ ею изъ стороны въ сторону. Одинъ изъ американскихъ наблюдателей замѣчаетъ, что «впечатлѣніе, производимое гусеницею, столь ужасно, что мнѣ никогда не приходилось видѣть, чтобы кто-нибудь рѣшился взять ее,—обыкновенно ея боятся не менѣе, чѣмъ гремучей змѣи».

Итакъ, длинный рядъ примѣровъ показываетъ, что яркая окраска, нерѣдко съ характерными глазоподобными узорами, служитъ для цѣлей угрозы и дополняетъ и усиливаетъ то впечатлѣніе, которое получается при увеличеніи объема тѣла. Яркій цвѣтъ поражаетъ органы зрѣнія, такъ сказать, слѣпитъ ихъ и тѣмъ дѣйствуетъ на психику. Стоитъ вспомнить лишь, какъ дѣйствуетъ красный цвѣтъ на раздраженнаго быка.

Глаза «пугаемаго» животнаго подвергаются со стороны «пугающаго» двойному воздѣйствію: они поражаются преувеличенными очертаніями его и яркимъ, рѣзко отличающимся отъ окружающей среды цвѣтомъ. Въ результатѣ мы имѣемъ возникновеніе страха.

Страхъ возбуждается, однако, не только свѣтовыми впечатлѣніями, но и звуковыми, и произведеніе звуковъ составляетъ одно изъ обычнѣйшихъ проявленій угрозы. Почти всѣ ящерицы, которыя были описаны выше, шипятъ, принимая позу угрозы; то же самое дѣлаетъ и большинство змѣй. Нѣкоторыя змѣи (гремучая змѣя и тригоноцефалъ) снабжены на концѣ тѣла особыми гремуч-

ками, производящими громкіе звуки, которые пугаютъ всѣхъ окружающихъ животныхъ. Противно установившемуся мнѣнію о томъ, что всѣ рыбы нѣмы, даже нѣкоторыя изъ рыбъ, напримѣръ, описанная выше летучка, также производятъ звуки,—летучка издаетъ при раздраженіи короткое негромкое ворчаніе, нѣчто вродѣ отрывистаго хрюканья.

Точно такъ же издаютъ звуки угрозы и многія насѣкомыя. Одинъ изъ закаспійскихъ жуковъ, изслѣдованный В. А. Фаусекомъ, принималъ характерную позу угрозы, поднимая задній конецъ тѣла вверхъ и къ этому присоединялъ особые скрипучіе звуки, которые производились треніемъ внутренней стороны бедеръ ногъ о выдающіяся ребра надкрыльевъ. Многіе виды кобылокъ обнаруживаютъ въ моментъ опасности ярко красный цвѣтъ крыльевъ и издаютъ сильный трескъ. Число этихъ примѣровъ, несомнѣнно, можетъ быть значительно увеличено.

Наконецъ, есть и еще одинъ способъ проявленія угрозы: это выдѣленіе скверно пахнущихъ и пачкающихъ веществъ, какими защищаются нѣкоторыя гусеницы и личинки и даже млекопитающія: вонючка и медоѣдъ. Но въ этомъ случаѣ мы часто имѣемъ передъ собою уже не угрозу, а реальную защиту, и при томъ нерѣдко весьма дѣйствительную, какъ, напр., выстрѣлы вонючки или жука-бомбардира и жужжелицы. Въ другихъ примѣрахъ дѣло сводится къ обнаруженію жидкости ѣдкаго или остраго вкуса,—но она должна защитить уже при схватываніи насѣкомаго его врагомъ (напримѣръ, жуки-майки и нарывники, клопы, личинки наѣздниковъ), и, слѣдовательно, здѣсь также уже скорѣе настоящая защита, чѣмъ дѣйствіе на психологію врага, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ явленій угрозы.

Впроченъ, въ области выдѣленія отталкивающихъ и жгучихъ веществъ трудно провести границу между настоящею защитою и угрозою,—нѣкоторыя явленія, напримѣръ, выпячиваніе окрашенныхъ мѣшечковъ, имѣющихъ видъ капель жидкости (у нѣкоторыхъ жуковъ и гусеницъ)—дѣйствія мнимыя и могутъ быть истолкованы, какъ настоящія явленія угрозы.

Все вышеизложенное показываетъ, что способы проявленія угрозы очень разнообразны и что примѣненіе ея широко распространено въ животномъ царствѣ. Во всѣхъ группахъ животныхъ и всюду, гдѣ происходитъ активная борьба, сказывается и угроза, какъ орудіе слабаго противъ сильнаго, нерѣдко—какъ послѣднее средство спасенія въ томъ случаѣ, когда нѣтъ фактической возможности дать отпоръ, оказать активное сопротивленіе.

Угроза, такимъ образомъ, сама по себѣ, весьма существенное біологическое явленіе, играющее не малую роль въ жизни животныхъ. Однако, повидимому, ея значеніе простирается еще и далѣе: она составляетъ немаловажный факторъ эволюціи животнаго міра.

Къ разсмотрѣнію этой стороны значенія явленія угрозы мы теперь и перейдемъ.

IV.

Однимъ изъ краеугольныхъ камней эволюціонной теоріи, обоснованной Дарвиномъ, является *полезность признаковъ*. Что въ органическомъ мірѣ совершается эволюція,—это высказывалось многими изслѣдователями и мыслителями еще до Дарвина, но когда они пытались объяснить причины эволюціи, имъ не хватало доводовъ, основывающихся на фактахъ. Дарвинъ представилъ такіе доводы. Съ одной стороны, перепроизводство потомства вызываетъ усиленную борьбу за существованіе, съ другой—въ этой борьбѣ гибнутъ слабѣйшіе, а наиболѣе приспособленные выживаютъ. Эти особенно приспособленные передаютъ своему потомству по наслѣдству всѣ признаки, которые являются въ борьбѣ наиболѣе *полезными*. Такъ происходитъ постепенное усовершенствованіе организаціи, такъ совершается эволюція.

Одна категорія признаковъ, однако, не поддавалась такому объясненію, и при томъ категорія довольна обширная. Къ ней относятся всѣ такъ называемые «вторичные половые признаки». Рога оленя, хвостъ павлина, пестрая и яркая окраска перьевъ у птицъ, всевозможные наросты на головѣ, длинные, бросающіеся въ глаза придатки, яркія пятна—однимъ словомъ, все, что у животныхъ имѣетъ видъ украшеній, фактически ненужныхъ для борьбы за существованіе,—все это не можетъ быть объяснено полезностью, не можетъ, слѣдовательно, стать объектомъ естественнаго подбора. Это соображеніе заставило Дарвина ввести новый факторъ въ его эволюціонную теорію—*половой* подборъ. Полезность вторичныхъ половыхъ признаковъ истолковывалась имъ слѣдующимъ образомъ: признаки эти особенно развиты у самцовъ, они, дѣйствительно, не играютъ роли въ прямой борьбѣ за существованіе, можетъ быть, даже иногда вредны несущимъ ихъ животнымъ, но они служатъ самцамъ для привлеченія на себя вниманія самокъ. Самцовъ всегда больше, чѣмъ самокъ, и каждой самкѣ приходится выбирать себѣ партнера изъ большого числа ухаживателей. Самцы обнаруживаютъ передъ самкою соревнованіе, щеголяя другъ передъ другомъ своими украшеніями, самки же отдаютъ предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, у кого украшенія наиболѣе ярки, крупны и сильнѣе дѣйствуютъ на органы чувствъ. Потому эти признаки передаются по наслѣдству, закрѣпляются въ потомствѣ и изъ поколѣнія къ поколѣнію усиливаются такимъ подборомъ «красивѣйшихъ» производителей.

Съ самаго своего появленія эта теорія полового подбора встрѣтила весьма суровую критику, и сторонниковъ ея было мало даже среди ярыхъ приверженцевъ ученія Дарвина. Главный сотрудникъ

Дарвина—Уоллесъ, которому наравнѣ съ Дарвиномъ принадлежитъ честь открытія и установленія теоріи естественнаго подбора, высказывался противъ его теоріи полового подбора.

И на самомъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Конрадъ Гюнтеръ *), «несмотря на многочисленныя усилія, до сихъ поръ не удалось наблюдать выбора красивѣйшаго самца самкою». Всѣ приводившіяся описанія такого выбора оказывались либо недостаточно точными, либо основывающимися на приписываніи животнымъ человѣческихъ чувствъ и наклонностей. Такъ, полагали, что токованіе теревовъ и глухарей является, будто бы, соревнованіемъ ихъ передъ самкою, но на самомъ дѣлѣ оно происходитъ нерѣдко совсѣмъ даже не въ присутствіи самки, и глухарь уже послѣ тока отыскиваетъ самку и иногда бываетъ принужденъ летать за нею очень далеко. Красота вообще играетъ, повидимому, весьма малую роль при спариваніи животныхъ. «Мы видимъ очень часто, говоритъ Гюнтеръ, что въ бракъ вступаютъ самые ощипанные пѣтухи или павлины, у которыхъ не достаетъ даже хвоста. Замѣчено также, что и у ящерицъ на самокъ не вліяетъ рѣзко выраженная окраска самцовъ, также не имѣетъ значенія и тотъ фактъ, что самцы, приближаясь къ своимъ избранницамъ, имѣютъ обломанные хвосты. Самки собакъ не смотрятъ на красоту самцовъ, а львицы—на размѣры гривы львовъ. Относительно оленей извѣстно, что въ то время, какъ предводитель стада, могучій олень, борется съ явившимся соперникомъ, невзрачные годовики пользуются этимъ моментомъ и наслаждаются счастьемъ любви, въ которомъ имъ не отказываютъ мало разборчивыя самки». Наблюденія надъ низшими животными, напримѣръ, надъ насѣкомыми, показываютъ то же самое. Въ этомъ направленіи Майеръ и Суль сдѣлали недавно очень интересные опыты: 600 черноватыхъ самцовъ одной изъ бабочекъ были выкрашены красными и зелеными чернилами и спущены съ самками. Обнаружилось, что самки въ такомъ же точно количествѣ подпускали къ себѣ этихъ выкрашенныхъ самцовъ, какъ и нормальныхъ. Между тѣмъ, можно было бы думать, что если черноватая окраска самцовъ выработалась, благодаря половому подбору т. е. благодаря выбору самками, то и теперь самки должны были бы проявлять особую склонность къ нормально окрашеннымъ самцамъ. Если въ данномъ случаѣ бабочки распознаютъ самцовъ лишь обоняніемъ, то спрашивается, къ чему же тогда окраска? Впрочемъ, дальнѣйшіе опыты показали, что зрѣніе во всякомъ случаѣ остается не безъ вліянія на выборъ бабочекъ. Именно, самцовъ съ обрѣзанными крыльями самки лишь рѣдко подпускали къ себѣ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что не признавали ихъ принадлежащими къ своему виду. Но когда глаза самокъ были за-

*) К. Гюнтеръ. Борьба за самку въ царствѣ животныхъ и человѣка. Перев. подъ ред. А. И. Колмогорова, изд. «Сфинксъ», Москва. 1911.

клеены асфальтовымъ лакомъ, то онѣ стали подпускать самцовъ съ обрѣзанными крыльями совершенно такъ же, какъ и нормальныхъ (Гюнтеръ).

Совершенно новый свѣтъ на значеніе и происхожденіе вторичныхъ половыхъ признаковъ бросаетъ то толкованіе явленій угрозы, которое даютъ Фаусекъ и Гюнтеръ.

Если не всѣ, то очень многіе вторичные половые признаки могутъ быть истолкованы, какъ органы угрозы, и точно такъ же очень многія дѣйствія, считавшіяся раньше связанными съ половымъ подборомъ, представляютъ собою не болѣе, какъ акты, направленные къ устраненію соперниковъ.

Разсмотримъ для примѣра рога оленя, руководствуясь соображеніями, приводимыми К. Гюнтеромъ. Рога, несомнѣнно, выработались путемъ естественнаго подбора, какъ орудія защиты и нападенія при борьбѣ самцовъ изъ-за самокъ. Соперникамъ въ борьбѣ приходилось сталкиваться головами, и одерживалъ верхъ тотъ изъ нихъ, которому удавалось оттѣснить другого. Потому преимущество было на сторонѣ не только сильнѣйшаго, но и на сторонѣ того, у котораго черепъ могъ лучше противостоять напору, и кости и покровъ передней части черепа были наиболѣе утолщены. Это и вызвало, конечно, первое появленіе роговыхъ образованій, въ видѣ сперва, можетъ быть, очень незначительныхъ наростовъ на лбу. Впослѣдствіи, путемъ подбора, рога развились сильнѣе и превратились въ опасное оружіе. Однако, широкіе многовѣтвистые рога нынѣшнихъ оленей не могли возникнуть изъ-за полезности ихъ, какъ орудія борьбы,—они скорѣе имѣютъ страшный видъ, чѣмъ страшны на самомъ дѣлѣ. Когда олень, нагибая голову, бросается на противника, чтобы нанести ударъ, то лишь немногіе изъ многочисленныхъ отростковъ его роговъ направлены своими острыми концами впередъ и дѣйствуютъ, какъ копье, большая часть отростковъ не достаютъ и не могутъ достать противника и лишь прибавляютъ вѣсъ рогамъ, не увеличивая ихъ смертоноснаго дѣйствія. Гораздо большую службу могли бы сослужить два прямыхъ и острыхъ выроста на головѣ,—они могли бы дѣйствовать, на самомъ дѣлѣ, какъ копья, могли бы въ борьбѣ пронзить сердце противника. Въ видѣ рѣдкихъ исключеній, такіе олени съ копьеобразными рогами, дѣйствительно, встрѣчаются, и охотники ихъ очень боятся, такъ какъ столкновеніе съ ними кончается вѣрною смертью.

Многовѣтвистые рога не могли, слѣдовательно, развиться изъ-за того, что олени, вооруженные такими рогами, оттѣсняли другихъ болѣе слабовооруженныхъ. Но необходимо ли всегда быть фактически болѣе сильнымъ, чтобы одержать побѣду? Ничуть! Нерѣдко достаточно энергичной угрозы, чтобы разогнать соперниковъ. Если одинъ изъ соперниковъ выглядитъ столь страшнымъ, что другіе не рѣшаются вступать съ нимъ въ единоборство,—побѣда остается

за нимъ. Можно, слѣдовательно, не обладать выдающеюся силою, а лишь имѣть видъ, что ею обладаешь. Быть и казаться, въ данномъ случаѣ—въ смыслѣ достиженія цѣли, можетъ быть равнозначащимъ. Въ этомъ отношеніи смыслъ развѣтвленныхъ роговъ вполнѣ понятенъ: чѣмъ болѣе развѣтвленій на нихъ, тѣмъ менѣе ихъ значеніе, какъ орудій нападенія и защиты, но тѣмъ внушительнѣе ихъ видъ и тѣмъ скорѣе они могутъ служить въ качествѣ органовъ угрозы.

Такимъ образомъ, можно предположить, что многовѣтвистые рога произошли вслѣдствіе того, что олени самцы не отваживались вступать въ соперничество съ самцами, которые обладали очень развитыми рогами: они избѣгали ихъ и предоставляли имъ пальму первенства въ сношеніяхъ съ самками. Къ тому же, сильно развитые рога наиболѣе замѣтны, сильнѣе бросаются въ глаза—они уже издали на большомъ разстояніи должны удерживать соперниковъ отъ ближайшаго знакомства съ самками, находящимися подъ покровительствомъ такого на взглядъ страшнаго охранителя.

Этотъ примѣръ наглядно выясняетъ сущность той новой теоріи, которую Гюнтеръ удачно называетъ «теоріей полового отпугивающаго подбора» (*geschlechtliche Einschüchterungsauslese*); по существу, этотъ «отпугивающій подборъ» является частнымъ случаемъ естественнаго подбора, и въ этомъ великое преимущество новой теоріи передъ теоріей полового подбора Дарвина. Она не вводитъ никакихъ новыхъ понятій,—она выясняетъ полезность образованій, казавшихся безполезными. Кромѣ того, она основывается не на такихъ гипотетичныхъ предположеніяхъ, какъ никѣмъ не наблюдавшійся выборъ самкою красивѣйшаго самца,—ея фундаментомъ является рядъ реальныхъ фактовъ. Примѣровъ, подобныхъ приведенному, можно подобрать сколько угодно. Орудіями защиты болѣе страшными, чѣмъ дѣйствительно опасными, являются не только рога многихъ животныхъ, но, напримѣръ, и бивни бабирусы, направленные назадъ, всевозможные придатки на головахъ хамелеоновъ и другихъ ящерицъ, а также рогообразные и клещеобразные отростки на головахъ жуковъ и другихъ насѣкомыхъ.

Помимо орудій защиты, эта теорія отпугивающаго подбора приложима и почти ко всѣмъ остальнымъ вторичнымъ половымъ признакамъ, считавшимся «украшеніями», существующими въ видахъ якобы имѣющихся у самокъ эстетическихъ вкусовъ.

У самцовъ многихъ оленей, буйволовъ, дикихъ барановъ, у обезьянъ и даже у тюленей имѣется часто грива, которая приподнимается, становится дыбомъ, въ моментъ нападенія, когда животное приходитъ въ ярость и хочетъ напугать врага или соперника. Ея значеніе, несомнѣнно,—кажущееся увеличеніе объема тѣла въ цѣляхъ угрозы. Таково же значеніе и гривы льва, отсутствующей у львицы. Мы говорили уже выше, что у многихъ птицъ имѣются

на головѣ или вокругъ шеи перья, которыя топорщатся и приподнимаются воротникомъ или хохломъ въ тѣхъ же цѣляхъ увеличенія размѣровъ тѣла. Наконецъ, различные придатки изъ перьевъ на головѣ и на хвостѣ у птицъ, различныя яркія цвѣтныя пятна, нерѣдко блещущія металлическимъ отливомъ, какъ пятна на хвостѣ павлина, или же глазчатыя, какъ на крыльяхъ и хвостѣ аргуса,— всѣ эти образованія считались украшеніями въ видахъ полового подбора, но всѣ они имѣютъ, на самомъ дѣлѣ, значеніе органовъ угрозы. У птицъ это сказывается особенно ясно, такъ какъ у нихъ такими рѣзко выраженными вторичными половыми признаками обладаютъ главнымъ образомъ самцы, отличающіеся особой драчливостью. Павлины, тетерева, турухтаны, дикіе индюки, лирохвосты, райскія птицы, колибри—всѣ отличаются драчливостью и воинственными инстинктами самцовъ, и у всѣхъ самцы украшены яркими красками и бросающимися въ глаза придатками изъ перьевъ.

Разсмотрѣвъ цѣлый рядъ примѣровъ, указывающихъ на бои самцовъ этихъ птицъ въ брачный періодъ, В. А. Фаусекъ приходитъ къ выводу, «что у самцовъ многихъ птицъ наблюдается большая драчливость, направленная преимущественно противъ другихъ самцовъ того же вида (но и вообще противъ враговъ), что съ этой драчливостью бываютъ связаны характерныя движенія угрозы, что для движенія угрозы чрезвычайно увеличиваются въ размѣрахъ кожные придатки (перья) въ хвостѣ, крыльяхъ, на головѣ и шеѣ (хохлы и воротники) и что эти придатки съ цѣлью усиленія производимаго впечатлѣнія бываютъ особенно интенсивно окрашены»...

Въ предыдущей главѣ мы показали, что присутствіе этихъ органовъ угрозы связано съ существованіемъ цѣлаго ряда своеобразныхъ инстинктовъ угрозы, нерѣдко сложныхъ и направленныхъ къ произведенію отпугивающаго дѣйствія на враговъ и соперниковъ. Особенно интересно въ этомъ отношеніи токованіе тетерева и глухаря, въ которомъ мы замѣчаемъ полный комплектъ дѣйствій угрозы. Токованіе, по существу, представляетъ собою рядъ своеобразныхъ дѣйствій, коими самецъ старается отпугнуть другихъ соперниковъ; если это ему не удается, то за токованіемъ слѣдуетъ настоящій бой. Токующій тетеревъ-косачъ распускаетъ хвостъ и поднимаетъ его вертикально (увеличеніе объема), дѣлаетъ скачки, вертится на мѣстѣ, хлопаетъ крыльями (движенія угрозы), вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнаруживаетъ яркую окраску—бѣлыя полосы крыла и ярко-красныя сильно надутыя брови на черномъ фонѣ своего оперенія (цвѣтовые признаки угрозы). Кромѣ того онъ издаетъ особые, громкіе, далеко разносящіеся звуки. Точно также токуютъ и многія другія птицы—всѣ ихъ дѣйствія во время токованія не что иное, какъ различныя комбинаціи сложныхъ явленій угрозы.

Съ точки зрѣнія теоріи отпугивающаго подбора выработка такихъ сложныхъ инстинктивныхъ дѣйствій вполнѣ понятна: они вырабатываются совершенно такъ же, какъ и органы угрозы. Самцы, обладающіе наиболѣе развитыми способностями къ отпугиванію своихъ соперниковъ, одерживаютъ верхъ и получаютъ большую возможность передать свои качества потомству.

Итакъ, теорія отпугивающаго подбора имѣетъ всѣ данныя къ тому, чтобы замѣнить собою теорію полового подбора Дарвина, которая почти съ самаго своего появленія не удовлетворяла біологовъ. Какъ мы уже говорили, теорія отпугивающаго подбора сводитъ образованіе загадочныхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ къ двумъ основнымъ факторамъ эволюціи: къ борьбѣ и къ естественному подбору, но борьба, въ данномъ случаѣ, подразумѣвается главнымъ образомъ между самцами - соперниками за обладаніе самками. Нѣкоторое значеніе отпугивающіе органы и дѣйствія получаютъ, конечно, и въ обычной борьбѣ за существованіе; приспособленные прежде всего для отпугиванія особей того же вида, эти органы и дѣйствія угрозы могутъ вліять устрашающе и на враговъ и преслѣдователей изъ другихъ группъ животнаго царства.

Теорія отпугивающаго подбора лишена вмѣстѣ съ тѣмъ того антропоморфическаго элемента, который свойственъ теоріи полового подбора Дарвина. Тогда какъ теорія Дарвина влагаетъ въ дѣйствія самки, «выбирающей» будто бы красивѣйшаго самца, значительную дозу человѣческой психики въ самыхъ высшихъ ея проявленіяхъ (ибо къ таковымъ должно отнести эстетическія стремленія и наклонности), теорія отпугивающаго подбора беретъ факты такъ, какъ они есть, основывается на дѣйствительныхъ наблюденіяхъ и находитъ себѣ опору въ одномъ изъ самыхъ примитивныхъ и наиболѣе широко распространенныхъ элементовъ психики,—именно, въ чувствѣ страха.

V.

Несмотря на очевидныя преимущества новой теоріи и явные недостатки старой, немедленно по появленіи первой нашлись ярые противники ея среди убѣжденныхъ сторонниковъ теоріи полового подбора Дарвина. Въ качествѣ защитника послѣдней выступилъ проф. А. М. Никольскій, высказавшійся очень рѣзко противъ взглядовъ, защищаемыхъ В. А. Фаусекомъ *) (книга К. Гюнтера, содержащая мысли, почти тожественныя съ идеями нашего покойнаго ученаго, вышла позднѣе). Къ сожалѣнію, его полемическая статья написана въ тонѣ, мало соотвѣтствующемъ серьезности

*) А. М. Никольскій. „Въ защиту теоріи полового подбора“. Харьковъ. 1907. 22 стр.

вопроса, — фельетонные выпады и стремленіе высмѣять взгляды противника едва ли могутъ служить выясненію дѣла.

Проф. А. М. Никольскій отрицаетъ прежде всего наличность угрозы за многими «органами» и отрицаетъ при томъ безъ достаточнаго основанія, приводя несовсѣмъ научныя сопоставленія павлиновъ съ римскими авгурами, грозящими другъ другу гнѣвомъ Юпитера, и тетеревовъ—съ человѣкомъ, который сталъ бы ходить, высунувъ языкъ, «красный какъ сюргучъ». Онъ забываетъ, что когда павлинъ съ шумомъ разворачиваетъ свой хвостъ, блещущій металлическими пятнами, за этимъ угрожающимъ жестомъ кроются совсѣмъ не проблематическіе громы Юпитера, а вполнѣ реальный клювъ и когти, которыми онъ можетъ отдѣлать болѣе слабаго соперника.

Еще менѣе основательно отрицаніе угрозы въ поведеніи индюка, всѣ движенія котораго, по мнѣнію проф. Никольскаго, направлены будто бы «по адресу отнюдь не самцовъ, а самокъ: только передъ самками, безразлично, имѣются ли по близости другіе индюки или нѣтъ ихъ, индюкъ продѣлываетъ свои штуки». Это мнѣніе тѣмъ болѣе невѣрно, что какъ разъ индюки представляютъ блестящее подтвержденіе значенія угрозы, но не домашніе, находящіеся въ совершенно ненормальныхъ условіяхъ, а дикіе, отъ которыхъ произошелъ домашній индюкъ въ относительно очень недавное время. О поведеніи дикихъ индюковъ Брэмъ, повидимому, со словъ знаменитаго натуралиста Одюбона, сообщаетъ слѣдующее: «если призывной голосъ раздается на землѣ, то всѣ индюки тотчасъ же спускаются внизъ, въ моментъ паденія распускаютъ хвостъ, не обращая вниманія, находится ли по близости самка или нѣтъ, закидываютъ за плечи голову, влачатъ по землѣ крылья, принимаютъ различныя странныя позы, испускаютъ громкіе звуки и производятъ шорохъ, который мы привыкли наблюдать у ихъ прирученныхъ потомковъ. При этомъ нерѣдко случается, что между двумя самцами происходитъ ссора, и они дерутся съ такимъ ожесточеніемъ, что одинъ изъ нихъ издыхаетъ подъ ударами своего противника». Если въ настоящее время домашній индюкъ продѣлываетъ всѣ свои штуки передъ самками, то, конечно, потому что въ птичникѣ у него нѣтъ такого большого числа соперниковъ.

Столь же неосновательно отрицаетъ проф. А. М. Никольскій и значеніе красныхъ пятенъ надъ глазами глухарей и тетеревовъ, какъ органовъ угрозы. Конечно, онъ правъ, утверждая, что тетерева, «хотя и не видятъ свои собственныя красныя брови, но, безъ сомнѣнія, не мало видятъ краснаго цвѣта въ природѣ. Для кого другого, а для тетеревовъ красный цвѣтъ совершенно не страшенъ, иначе какъ бы они могли поѣдать ярко красныя ягоды брусники, рябины и пр.». Но вѣдь не отвлеченнаго же краснаго цвѣта боятся тетерева, — едва ли они даже обладаютъ

такою способностью къ умозрительной абстракціи — на нихъ производитъ впечатлѣніе, разумѣется, вся совокупность цвѣта, формы, расположенія фона пятенъ, а вовсе не одинъ красный цвѣтъ. Исходя изъ соображенія проф. А. М. Никольскаго, можно было бы думать, что тетеревамъ нечего бояться и бѣлыхъ оскаленныхъ зубовъ лисицы, такъ какъ бѣлаго цвѣта они достаточно видятъ вокругъ себя зимою. Къ тому же, устрашающее значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ отнюдь не одно голое зрительное впечатлѣніе, а та ассоціація, которая съ нимъ связана. Видя огромныя красныя пятна стараго, большого и сильнаго глухаря, его молодой соперникъ вполнѣ реально (хотя, можетъ быть, и чисто инстинктивно) представляетъ себѣ ту трепку, которую получитъ, если не уберется во время во свояси.

Повидимому, проф. А. М. Никольскимъ совершенно неправильно усвоена основная мысль В. А. Фаусека объ окраскѣ и пятнахъ, имѣющихъ назначеніе угрозы. По крайней мѣрѣ, онъ указываетъ, что «невозможно представить себѣ существованіе «цвѣтовъ угрозы», о которыхъ говоритъ В. А. Фаусекъ, потому что нѣтъ такого цвѣта, который самъ по себѣ для кого-нибудь могъ бы быть страшнымъ». О существованіи спеціальныхъ «цвѣтовъ угрозы» В. А. Фаусекъ нигдѣ и ничего не говоритъ, — такихъ цвѣтовъ, разумѣется, нѣтъ и быть не можетъ. Каждый цвѣтъ можетъ стать цвѣтомъ угрозы, если онъ ярко выдѣляетъ ту или иную часть тѣла животнаго на окружающемъ фонѣ и если эта часть тѣла приводится въ движеніе въ цѣляхъ угрозы. И въ цитировавшихся выше примѣрахъ мы видѣли, что такіе цвѣта угрозы могутъ быть очень разнообразны: у ящерицъ-круглоголовокъ на хвостѣ имѣются черныя и бѣлыя кольца, у круглоголовки ушастой—красныя ротовыя лопасти, у агамы—синѣющая кожа на головномъ мѣшкѣ, у хламидозавра—воротникъ съ красными, желтыми и синими пятнами, у морского пѣтуха—плавники съ синими и зелеными пятнами. В. А. Фаусекъ неоднократно подчеркиваетъ, что «интенсивная яркая окраска движущагося предмета можетъ усиливать производимое имъ впечатлѣніе»,—и это, конечно, вполнѣ естественно и понятно. Но, при чемъ же здѣсь цвѣтъ,—«который самъ по себѣ для кого-нибудь могъ бы быть страшнымъ»?

Наконецъ, совсѣмъ уже мало научны ссылки проф. А. М. Никольскаго на примѣры изъ области человѣческой жизни и сравненіе угрожающихъ животныхъ съ человѣкомъ, «постоянно ходящимъ съ поднятымъ кулакомъ» или «устрашающимъ своего соперника тѣмъ, что сталъ бы носить красный галстухъ». Эти ссылки несправедливы и по существу, такъ какъ на самомъ дѣлѣ именно изъ области человѣческой жизни — не на высшей стадіи ея развитія, конечно, и на примитивной ступени—можно привести совершенно аналогичные факты. К. Гюнтеръ въ своей книгѣ, вышедшій два года спустя послѣ статьи А. М. Никольскаго (о которой

онъ, конечно, не зналъ, такъ какъ она была опубликована на русскомъ языкѣ въ Харьковѣ), какъ бы въ отвѣтъ ему, приводитъ длинный рядъ фактовъ изъ жизни дикихъ племенъ — фактовъ, обнаруживающихъ полную аналогію съ явленіями угрозы въ животномъ царствѣ.

Несомнѣннымъ органомъ угрозы у человѣка, по мнѣнію Гюнтера, является борода, играющая такую же роль и у обезьянъ. «Относительно первобытныхъ народовъ мы можемъ себѣ представить, что мужчины съ наиболѣе роскошной бородой имѣли видъ крайне сильныхъ и потому никто не осмѣливался становиться имъ на дорогѣ въ ихъ поискахъ женщины. Среди нынѣшнихъ дикарей наибольшимъ развитіемъ бороды отличаются австралійцы; индѣйцы, лишенные растительности, стараются придать себѣ устрашающій видъ различными другими способами, напримѣръ, раскрашиваніемъ или татуировкой. Многіе примѣры доказываютъ, что раскрашиваніе дѣйствуетъ именно устрашающимъ образомъ. Вѣдь не даромъ краснокожіе имѣютъ спеціально военныя краски. Какое ужасное впечатлѣніе производятъ дикари на бѣлыхъ, когда они, напримѣръ, раскрашиваніемъ придаютъ себѣ видъ ходячихъ скелетовъ. Напрашиваются невольно интересныя сравненія съ животнымъ міромъ. Караибы обводятъ глаза широкой цвѣтной полосой и достигаютъ этимъ той же цѣли, какую осуществила природа у глухаря. Невольно сравниваешь также украшенія изъ перьевъ, встрѣчаемыя у дикарей, съ гривой животныхъ». Гюнтеръ полагаетъ, что «казаться страшнѣе является цѣлью многихъ такъ называемыхъ украшеній дикарей, напримѣръ, проколотыхъ губъ, колецъ въ носу, хохловъ изъ перьевъ, мѣховыхъ шапокъ и т. п. предметовъ. И предки наши, когда отправлялись въ сраженіе, надѣвали шлемы, имѣвшіе видъ раскрытой пасти кабана или крыльевъ коршуна; то же самое мы видимъ и у древнихъ мексиканцевъ. Такое воинское украшеніе должно было устрашить врага и придать его обладателю болѣе могущественный и свирѣпый видъ; что это часто достигалось, мы можемъ заключить изъ историческихъ разсказовъ. Недаромъ говоритъ Гомеръ «о страшно колеблющемся султанѣ на шлемѣ Гектора». Если бъ мы стали искать такихъ знаковъ устрашенія въ вооруженіи всѣхъ народовъ, то мы могли бы наполнить ими цѣлые тома»...

Такимъ образомъ, ссылаться на примѣры изъ человѣческой жизни можно не столько для опроверженія, сколько для подтвержденія теоріи отпугивающаго подбора. Именно эта область показываетъ, что новая теорія не только охватываетъ животное царство, но и вторгается въ жизнь и отношенія человѣка.

Возвращаясь къ явленію страха, съ разсмотрѣнія котораго мы начали, мы видимъ теперь, что явленіе это имѣетъ весьма большое

обще-біологическое значеніе. Прежде всего страхъ самъ по себѣ является могущественнымъ факторомъ эволюціи. Возникнувъ изъ чисто рефлекторнаго бѣгства при приближающейся опасности, страхъ на болѣе высокихъ ступеняхъ животнаго царства развился въ инстинктъ, который достигаетъ иногда значительной сложности. Этотъ инстинктъ является, подобно другимъ инстинктамъ, орудіемъ борьбы за существованіе, при томъ орудіемъ слабаго противъ сильнаго, приспособленіемъ скорѣе защитнаго, чѣмъ агрессивнаго характера.

Но далѣе, превращаясь изъ орудія пассивнаго въ орудіе активное, становясь устрашеніемъ, угрозою, дѣлаясь психологическимъ фундаментомъ всѣхъ явленій угрозы, о которыхъ мы говорили, страхъ получаетъ еще болѣе широкое значеніе. Онъ ложится въ основу нѣкоторой области эволюціи, вызываетъ появленіе новыхъ формъ и образованій, служитъ къ возникновенію и закрѣпленію новыхъ признаковъ.

Страхъ, является, слѣдовательно, созидающимъ факторомъ эволюціи, факторомъ прогресса.

Не такова ли роль его и въ жизни человѣческаго общества? Впрочемъ, въ эту область, во много разъ превосходящую своею сложностью область біологическихъ изысканій, мы не рискуемъ вдаваться. Предоставляемъ соціологамъ рѣшать, на сколько допустимы здѣсь какія-либо аналогіи и параллели съ животнымъ царствомъ.

П. Ю. Шмидтъ.

Послѣднія письма.

Разсказъ *Андрея Струга.*

Переводъ съ польскаго Р. Вольской.

Вотъ уже два мѣсяца я провожу вечера съ перомъ въ рукѣ надъ этимъ листомъ бумаги. Ничего другого не дѣлаю. Думаю о томъ, какъ все разсказать тебѣ.

Думаю о томъ, съ чего начать.

Цѣлыя ночи сижу надъ чистой бумагой. Цѣлые дни все объ одномъ думаю, все объ одномъ.

Какъ описать тебѣ, чтобы ты все, все знала. Чтобы ты все поняла и сказала себѣ, прочитавъ письмо: такъ должно было быть...

Чтобы въ боли, которую я тебѣ причиню, не было горечи упрека...

Жалки слова и безсильна человѣческая рѣчь. Нѣтъ возможности выразить все! Помни, помни всегда объ этомъ! И согласись со мной, ибо я поступаю такъ, какъ будто ты дала мнѣ свое согласіе и позволеніе.

Моя дорогая! Единственный родной мнѣ человѣкъ, единственная душа на всемъ широкомъ свѣтѣ...

Я не могу жить. У меня нѣтъ уже силъ. Вытекла изъ меня вся живая кровь. Безволіе охватило мозгъ—въ душѣ пусто...

Я, какъ смертельно раненый на полѣ битвы, который корчится отъ боли въ лужѣ крови, путается въ своихъ вывалившихся внутренностяхъ и умоляетъ людей, стоящихъ еще на ногахъ:

— Сжальтесь! Добейте!

Но у меня еще осталось на столько силъ, чтобы помочь себѣ самому. На столько еще осталось, что могу писать тебѣ. Это мой единственный и послѣдній трудъ.

Только плохо онъ идетъ у меня. Я ищу мысли и словъ.

Къ тебѣ, какъ къ единственному любимому человѣку,

обращаюсь я и хотѣлъ бы, чтобы черезъ тебя, которая одна сумѣешь понять меня—узнали о моей судьбѣ всѣ другіе, всѣ наши—изъ того нашего, нашего міра.

Совѣсть моя чиста. Я передумалъ обо всемъ, взвѣсилъ все. У меня было довольно времени. Пусть только не судятъ обо мнѣ несправедливо! Пусть скажутъ: онъ имѣлъ право!

Для меня это важно. Ибо я не погибаю одинокимъ и озлобленнымъ съ проклятіемъ на устахъ. Я не жалѣю себя и не жалѣю того, что привело меня къ такому концу. Я погибаю, ибо люблю все то же, хочу все того же, потому что жить для меня, значитъ служить, а у меня уже нѣтъ силъ на служеніе. Я уже не гожусь для дѣла. Зачѣмъ же мнѣ жить?

Я никогда не жаловался тебѣ и притворялся сильнымъ. Въ продолженіе столькихъ, столькихъ лѣтъ, я описывалъ тебѣ мою жизнь, мои занятія, мои намѣренія и надежды. Въ каждомъ письмѣ я повторялъ мужественные и сильные призывы и слова, полныя непреклонной энергіи и упорной надежды. Я говорилъ, что я выдержу, что я вытерплю и что жду спокойно. Неискренни были мои письма. Я лгалъ. Я уже давно не живу, охъ, какъ давно!

Мертвой рукой писалъ я лживыя слова, чтобы ты не узнала, что я страдаю, что я гибну. Сколько разъ меня тянуло дать волю страстному желанію и высказать тебѣ искренно и открыто всю мою боль, все мое отчаяніе! Пожаловаться, выплакать предъ тобою, безъ стыда и безъ единой утайки, какъ обиженное дитя передъ матерью, которая утѣшитъ и приголубитъ...

Я потерялъ силу и волю къ жизни, въ послѣдніе годы во мнѣ едва осталось на столько, чтобы молчать и не жаловаться передъ тобою!

Давно, давно уже я умеръ.

Когда началась моя агонія? Не знаю, уже не помню.

Трудно считать время, въ которомъ нѣтъ ни событій, ни жизни, которое не двигается съ мѣста, хотя каждый день всходитъ и заходитъ солнце, хотя каждый годъ бываетъ весна, осень, лѣто, зима. Трудно считать время мертвому, для котораго все уже кончено. Не все ли равно?

Четырнадцатый годъ кончается съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ съ тобою на свободѣ. Четыре года тюрьмы и послѣднее свиданіе съ тобою—черезъ рѣшетку. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ кончается мой срокъ, мои десять лѣтъ. Свобода стоитъ почти у порога. А я уже давно лежу на погребальныхъ носилкахъ. И не разбудитъ меня голосъ свободы. Я боюсь свободы, потому кончаю и

тороплюсь зачеркнуть то, что существуетъ только по виду, только благодаря лжи.

Трудно тебѣ будетъ понять мой поступокъ. Трудно мнѣ выложить и показать тебѣ мою душу. Можетъ быть, въ первый разъ въ жизни мы не поймемъ другъ друга и такъ уже это и останется...

Потому я такъ долго откладывалъ. Я искалъ вдохновенія и словъ. Ибо что тутъ помогутъ разсудокъ и логика? Какіе можно привести разумные доводы въ защиту того, что я хочу сдѣлать, и что является противнымъ всему, что долженъ чувствовать и дѣлать нормальный человѣкъ? Скажи иначе, скажи—живой человѣкъ—и ты поймешь, что я хочу тебѣ сказать: что я пишу тебѣ изъ могилы.

Я пишу безпорядочно. Не хочу быть адвокатомъ своего дѣла. Оно уже совершилось. Я хочу проститься съ тобою, въ послѣдній разъ сердечно поговорить съ тобой, безъ всякой лжи, безъ вынужденнаго спокойствія. Я не сумѣю приводить доказательства, не хочу объясняться, оправдываться. Хочу быть собою—собою, такимъ, какой я есть, въ эту послѣднюю мою минуту. Я открою тебѣ все, что таилъ и переживалъ въ себѣ, здѣсь, въ этой пустынѣ, годъ за годомъ. Выскажу, какъ чувствую, какъ помню, какъ умѣю. Поймешь ли ты меня, почувствуешь ли? Читай душою!

Не говори: онъ не любилъ меня! Если бы любилъ, не сдѣлалъ бы этого.

Пусть не появляется у тебя такая мысль ни на одну минуту! Нельзя относиться такъ жестоко къ человѣку, котораго уже нѣтъ! Ты не должна ошибаться!

Я тебя не люблю!.. О, если бы я тебя не любилъ!..

Если бы я не любилъ тебя такой сильной любовью, на жизнь и смерть, если бы я могъ любить тебя такъ, какъ любятъ обыкновенно, болѣе по человѣчески, у меня бы хватило смѣлости предстать передъ тобою такимъ, какой я есть. И жили бы мы долго, спокойно—если бы и ты любила меня такъ, какъ любятъ обыкновенно.

Но мы не обыкновенные люди, ни я—ни ты.

Что ты во мнѣ полюбила? Мою силу, мою волю, мою неисчерпаемую энергію, тотъ мой порывъ къ подвигу, который увлекалъ за мной людей, тотъ полетъ мысли, который все скрашивалъ и заставлялъ забывать сѣрость жизни...

Я могу теперь сказать это, могу въ первый разъ въ жизни похвалить этого не-меня, этого другого, уже давно неживущаго человѣка.

Такимъ я былъ. Къ такому забилось твое сердце, такому ты отдала твою душу—когда-то, когда-то—какъ страшно давно...

Ты была для меня наслажденіемъ и любовью и лаской души несказанной. Ты была моимъ двигателемъ, моимъ боевымъ лозунгомъ и стражемъ дѣла, которому я служилъ. Ты стерегла, чтобы служилъ я вѣрно, нераздѣльно. Ибо я долженъ былъ быть достоинъ тебя и твоей вѣры, и твоей любви. И не вредило, а служило дѣлу наше счастье.

Четыре года тюрьмы. Четыре года росла и крѣпла моя сила. Сосредоточивалась въ себѣ, уплотнялась въ кремень моя одинокая мощь. О, эти одинокія грезы!

Я вѣрилъ, что совершу чудеса. Я готовился къ великимъ дѣламъ. Сколько разъ я благословлялъ мою тюрьму, потому что тамъ, въ этихъ всегда одинаковыхъ четырехъ стѣнахъ, въ X павильонѣ, въ Крестахъ, въ Москвѣ,—я познавалъ себя и всѣ людскія дѣла въ одинокихъ, неустанныхъ размышленіяхъ.

Я работалъ. Тамъ, въ тюрьмахъ я окончилъ нѣсколько факультетовъ, перечиталъ и пережилъ мыслью цѣлыя библіотеки. Я проникъ въ глубину общественныхъ вопросовъ и не было въ нихъ для меня тайнъ. Я распутывалъ запутанные законы, примирялъ противорѣчія. Когда я покидалъ эти стѣны, я могъ читать, писать, говорить на семи языкахъ свѣта. Я не потерялъ ни одной минуты. Росла во мнѣ душа и стремилась къ какой то великой будущности!

Если бы тогда произошло чудо: если бы я вырвался на волю и могъ бы жить...

Мы простились на долгую разлуку. Ты видѣла, ты знала, какимъ я былъ. Каждое мое слово говорило о томъ, что жило и было сильно во мнѣ. Мы оба были сильны.

Помнишь тотъ моментъ, когда уходили минуты нашего послѣдняго свиданія, когда надзиратель велѣлъ тебѣ уходить? Ты припала къ рѣшеткѣ и тихо, со слезами на глазахъ умоляла меня: «позволь мнѣ, позволь поѣхать за тобой!.. Не оставляй меня одну»!..

Мы разстались. Мы были слугами дѣла. Ты обѣщала работать за двоихъ, за себя и за меня во все время разлуки.

Я мечталъ о томъ, чтобы твои письма остались при мнѣ навсегда. Я хотѣлъ, чтобы ихъ положили въ мой гробъ, чтобы они были со мной подъ чужой, тяжелой, ледяной землей Сибири. Но это предразсудокъ. И еще больше мнѣ жаль, что погибнутъ навсегда эти чудныя, любимыя твои письма.

Отсылаю ихъ тебѣ.

Они были моимъ сокровищемъ, моимъ наслажденіемъ. Я перечитывалъ ихъ сотни разъ. Упивался въ нихъ

каждымъ словомъ, каждая ихъ мысль становилась моей собственной.

О, сколько разъ слова твои возвращали мнѣ силы, сколько разъ прогоняли тоску, прогоняли отчаяніе, наполняли мое одиночество! Храни ихъ, потому что они были со мной и во мнѣ—все это время.

Я понималъ въ нихъ каждую мысль. Чувствовалъ то, чего ты не говорила, но о чемъ думала, когда писала. Я угадывалъ всегда то, что ты хотѣла скрыть. Читалъ между строкъ. Сколько разъ я хотѣлъ согласиться на твои невысказанныя просьбы. Онѣ были въ каждомъ твоемъ письмѣ. Вѣдь, правда, были?

Сколько разъ я писалъ тебѣ горячія, пропитанныя желаньемъ слова и звалъ: пріѣзжай, пріѣзжай скорѣе, приди ко мнѣ, потому что больше я не могу безъ тебя! Сколько разъ я отвѣчалъ на твою нѣмую просьбу безумнымъ, безоглянымъ призывомъ!

Но рѣдко, страшно рѣдко идетъ отъ насъ почта. Долго ждали своей очереди мои письма. У меня было время перечитать ихъ нѣсколько разъ, было время подумать надъ ними и взвѣсить. И не могли они дождаться, оставались, сгорѣли, акъ тебѣ шли другія, сильныя, полныя смѣлой надежды, увѣряющія въ томъ, что мнѣ хорошо, что время проходитъ и приближаетъ насъ другъ къ другу. Были въ нихъ разсудительные отвѣты, напоминающіе тебѣ о твоихъ существенныхъ и ближайшихъ обязанностяхъ. Были рѣзкія слова и строгія приказанія.

О, какъ они лгали!..

Какимъ волшебнымъ, невѣроятнымъ счастьемъ представлялась мнѣ жизнь съ тобою здѣсь, въ этой пустынѣ, вдали отъ міра, какъ будто по ту сторону всего, что есть, что насъ розняло съ людьми. Но это было бы моимъ счастьемъ, это было бы нашимъ счастьемъ. Не для того живутъ такіе люди, какъ мы. Не время строить свое личное счастье, когда міръ требуетъ обновленія, когда каждый человѣкъ—борецъ и каждый его поступокъ и каждая минута его жизни должны ускорять и приближать то, что еще далеко, но что надлежитъ добывать шагъ за шагомъ, не щадя себя и ничего.

Потомъ наступило время моей агоніи, когда я почувствовалъ въ себѣ смертельное безсиліе и спасался, придумывая различныя лѣкарства. Ничто не помогало, и все упорнѣе мысль возвращалась къ одному, все отчаяннѣе и сильнѣе хваталась за это одно: быть съ тобою, въ тебѣ искать спасенія.

Это значило отнять тебя отъ дѣла, это значило приго-

ворить и тебя къ погибели и напрасной растратѣ того, что въ тебѣ есть сильнаго и свѣтлаго, и что служитъ міру. И я сталъ спасаться иначе, я дѣлалъ все, что могъ. Ничто не помогало.

При прощаніи я тайкомъ шепнулъ тебѣ: я буду пытаться! Говорятъ, что невозможно, но посмотрю; а ты жди терпѣливо.—И я пытался не разъ.

Цѣлые мѣсяцы вели меня по безлюдной пустынѣ, которая отъ себя ничего не даетъ человѣку. Я подумалъ: не тутъ моя дорога. Я прибылъ на мѣсто. Восхитительной показалась мнѣ свобода, гдѣ въ первый разъ за пять лѣтъ не шелъ за мной вооруженный надзиратель, гдѣ я не жилъ запертымъ, а былъ у себя дома, наконецъ, какъ человѣкъ. Никто не стерегъ меня. Скоро я понялъ, откуда эта милость и какова эта свобода. Никто не стережетъ—потому что отсюда никто не уходитъ. Уходили только на тотъ свѣтъ, ну, а это кому же помѣшаетъ?

Я ожесточился на невозможность. Упорствовалъ, вложилъ въ это всю свою энергію. Я узнавалъ край, людей, климатъ, чертилъ карты, въ далекихъ прогулкахъ распрашивалъ мѣстныхъ жителей, учился ихъ обычаямъ и языку, учился жить, какъ они—въ согласіи съ безжалостной природой. Я доходилъ часто до океана, смотрѣлъ въ его безбрежное пространство и спрашивалъ: пропустишь ли ты меня? Позволишь-ли мнѣ жить?

Три раза я былъ уже далеко, страшно далеко отъ мѣста моего водворенія. Я почти достигалъ границы, отъ которой не было возврата, но только или побѣда, или смерть отъ голода и холода. Я потерялъ двухъ храбрыхъ товарищей, которые рѣшились вмѣстѣ со мной попробовать счастья. Они одни среди многихъ повѣрили мнѣ, что энергичный человѣкъ можетъ побѣдить невозможности. Одинъ потому, что ему было все равно, другой—потому, что полюбилъ меня и не хотѣлъ со мной разставаться. Оба они погибли въ страшныхъ усиліяхъ, и я выкопалъ имъ могилы. Мнѣ удалось вернуться. Зачѣмъ говорить объ этой исторіи, объ этихъ жертвахъ, объ этихъ напрасныхъ трудахъ?..

Въ этихъ приготовленіяхъ, замыслахъ, мечтахъ и попыткахъ, въ отдыхѣ тѣломъ и душою, послѣ тяжелыхъ усилій и обманутыхъ надеждъ прошли мои первые годы. Я желалъ, я стремился. Это были мои послѣдніе живые годы. Когда я убѣдился, что не смогу вырваться, когда я уже не могъ уговорить никого раздѣлить со мною мое безуміе, я успокоился. Это значитъ—я началъ умирать. Но въ то время я этого еще не замѣчалъ.

Жизнь искусственная, напряженная. Занятія, диспуты,

фиктивные труды. Жизнь общая, близкая съ товарищами по неволѣ. Всегда одни и тѣ-же лица, однѣ и тѣ-же мысли. Мелкія, недостойныя человѣка пререканія, мелочные интересы, достойные мѣстечковыхъ кумушекъ.

Такъ жили въ пассивномъ ожиданіи конца срока лучшіе, когда то дѣятельные люди.

Страшная, отвратительная, презрѣнная жизнь.

Я уходилъ отъ нея на цѣлые мѣсяцы на охоту, на одинокое блужданіе среди пустыни. Я возвращался одичалымъ, чувствовалъ себя якутомъ: я научился не думать и ничего не желать. Я позналъ всѣ тайны охоты и добыванія отъ скупой природы того, что нужно для пропитанія. Я изучилъ разныя ремесла и работы. Я убивалъ время, дѣлалъ изобрѣтенія, которыя послѣ меня останутся здѣсь среди дикихъ людей. Товарищи мнѣ удивлялись.—Этотъ вернется живымъ, этотъ сумѣлъ приспособится.

Но вотъ однажды я замѣтилъ, что уже съ полгода я ничего не читалъ, кромѣ твоихъ писемъ. Съ ужасомъ замѣтилъ я, что съ трудомъ понимаю болѣе серьезныя книги, что меня не занимаетъ ни одна изъ новыхъ идей, ни то, что дѣлается въ далекомъ мірѣ, что я забылъ иностранные языки, которыми владѣлъ когда-то, какъ своимъ роднымъ.

Я схватился за работу. Долго, съ тягостнымъ принужденіемъ я припоминалъ то, что когда-то зналъ. Все утратило свои живыя краски, и безнадежно сѣрой показалось мнѣ моя любимая наука. Наскучили мнѣ книжки.

Попались мнѣ въ руки повѣсти и стихи. Не на такихъ книжкахъ воспиталось наше поколѣніе. Мы пренебрегали поэтами и красотой вымысловъ. Мы не нуждались въ воображеніи и по своему понимали красоту, мы не чувствовали ея, она была для насъ роскошью, была улыбкой, а мы готовились къ суровой, ежедневной службѣ въ сѣрой одеждѣ для сѣрой массы.

Если бы я прочиталъ и прочувствовалъ въ молодости произведенія поэтовъ, если бы я въ зрѣлой жизни не закрывалъ на нихъ глаза,—ихъ вѣчныя непобѣдимыя чары не были бы для меня здѣсь такой смертельной отравой.

Различные, чужіе, далекіе люди, гдѣ-то, когда-то существовавшіе, сказали мнѣ обо мнѣ самомъ всю правду, предсказали будущее, скрытое тогда еще за вереницей долгихъ лѣтъ. Они влили кипящую жизнь въ мимолетныя, невольныя желанія, дали имя неяснымъ настроеніямъ. Я узналъ, что страдаю, и погрузился въ мое страданіе. Я глядѣлъ въ свою душу, какъ въ зеркало. Я пересталъ бороться, сталъ

ухаживать за своимъ страданіемъ. Я подпалъ подъ власть мечты.

Какъ вредный паразитъ, разросталось во мнѣ воображеніе и жажда самообмана. Образы, вызванные изъ небытія заслонили и меня, и мою судьбу, и проклятую землю изгнанія. Я уносился надъ жизнью куда-то, въ неизвѣстное пространство. Мглою покрылся мой свѣтлый и вѣрный разсудокъ. Я полюбилъ вещи и понятія затемненныя, неясныя. Я пересталъ спрашивать: почему? откуда? съ какой цѣлью? Я жилъ минутой, со дня на день, и пересталъ обращать вниманіе на уходящее время.

Я подмѣчалъ всюду, во всемъ, что меня окружало, и въ томъ, что думалъ, какой-то глубокій, неподдающійся опредѣленію смыслъ, издѣвающійся надъ логикой и надъ протоpенными путями мышленія, и отрицающій все, что во мнѣ когда то было. Опустились руки, погружались въ предсмертный сонъ изнуренныя силы души.

Я умиралъ. И такъ уже пересталъ владѣть собою и понимать себя, что радовался, думая, что вотъ я возвышаюсь и охватываю все новыя, все высшія области этой неисчерпаемой мудрости жизни. Я былъ радъ и спокоенъ въ этомъ моемъ безуміи. Я переживалъ свѣтлые дни и часы незнакомой мнѣ полубезумной радости.

Тебѣ нравились мои письма этого времени. Ты находила въ нихъ вдохновеніе и поэтическій даръ. Ты совѣтовала мнѣ творить—хотя бы для препровожденія времени. И я послушался и творилъ, но этимъ только добилъ себя...

Пусть идутъ въ твои руки мои посмертныя бумаги. Не знаю, что въ нихъ есть. Поищи, и, можетъ быть, найдешь что-нибудь еще, кромѣ неудачной формы и усилія мысли, которая стремится вырваться на волю и заговорить живой рѣчью. Можетъ быть, въ нихъ ты найдешь то, чего до сихъ поръ во мнѣ не понимала, можетъ быть, эти бумаги дополнятъ мое письмо и разскажутъ тебѣ по своему то, чего я не смогу теперь передъ тобою сдѣлать. Тамъ ты увидишь чужого, изнуреннаго человѣка, который хотѣлъ спасти себя обманомъ передъ самимъ собою, и въ отчаяніи закрывалъ глаза, чтобы не видѣть того, что было. Увидишь мою тоску и отчаяніе и, наконецъ, выслушаешь мои жалобы, отъ которыхъ я столько лѣтъ оберегалъ тебя. Ты встрѣтишь тамъ и себя. Узнай, чѣмъ ты была для меня!

Ужасны были минуты пробужденія и самосознанія. Случалось это въ различное время, по разнымъ поводамъ и безъ всякихъ поводовъ. Я просыпался и вдругъ чувство-

валъ себя одинокимъ, оцѣпенѣлымъ отъ ужаса. Я скатывался куда-то глубоко, на самое дно и тамъ въ черной пропасти лежалъ безъ движенія.

Я видѣлъ, понималъ и зналъ, что уже не будетъ по другому. Потерянная жизнь, загубленная доля вставали передъ моими глазами, какъ холодная могила. Я чувствовалъ себя еще безпомощнѣе, чѣмъ былъ. Ѣдкое презрѣніе къ себѣ самому—отравляющее воспоминаніе прежнихъ лѣтъ, ясное, безошибочное сознаніе, что уже ничего, ничего нѣтъ предо мною...

Я уже не обманывалъ себя, не вѣрилъ ни въ какое спасеніе. Я уже ничего не предпринималъ, чтобы подняться. Время проходило. Наступали тяжелыя минуты и уходили; появлялся мертвый покой, животное, безсмысленное существованіе; инстинктивная, безсознательная жизнь, въ которой уже не было ничего человѣческаго.

Изъ безчувственности вырывали меня твои письма. На короткое время, на нѣсколько часовъ я поднимался съ моего смертнаго одра.

Съ твоими письмами приходили дыханіе любящаго сердца, отголосокъ трудовъ и борьбы, эхо дѣйствительной жизни, которая гдѣ-то безконечно далеко, въ необъятномъ пространствѣ все же существовала. Какъ бичемъ, стегалъ меня стыдъ, къ чему-то неволилъ полубезумный страхъ: ни минуты дольше. Торопись, есть еще время, послѣднія мгновенія!

На короткое время, на нѣсколько часовъ, на нѣсколько дней я вѣрилъ, что еще могу жить, могу вернуться. Во мнѣ вставалъ призракъ прежней силы, прежней воли. Но опять какъ отъ чуднаго сна я пробуждался и возвращался къ моей омертвѣлости.

Случалось, что у меня не хватало храбрости открыть твое письмо. Я носилъ его при себѣ недѣлями, терзаемый отчаяніемъ, стыдомъ, страстнымъ желаніемъ. Мнѣ казалось, что я не имѣю уже права на него, потому что оно чужое, потому что оно написано человѣку, котораго уже нѣтъ на свѣтѣ. А когда, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній я читалъ твое письмо, то каждое его горячее слово, каждая твоя ласка были для меня наполнены горькой отравой. Я безчестно обманывалъ тебя, я позволялъ тебѣ заблуждаться, принималъ дары, которые мнѣ не принадлежали.

Прости мнѣ это теперь.

Когда я уже стоялъ на этой проклятой землѣ, я еще не зналъ, какое страшное пространство отдѣлило меня отъ тебя и отъ жизни. Въ продолженіе цѣлаго года понемногу,

шагъ за шагомъ, день за днемъ влачили меня сюда и, наконецъ, я дошелъ. Я зналъ, что это далеко,—но только поздѣе, когда я уже падалъ въ мою пропасть, я понялъ, гдѣ я, и гдѣ осталась жизнь. Только, когда меня сломило это отдаленіе, я смогъ схватить и измѣрить весь ужасъ этого пространства. Оно заставляетъ терять вѣру въ возможность возврата, оно смѣшиваетъ всѣ представленія о томъ, что осталось тамъ, гдѣ-то, немилосердно далеко. Разсудокъ споритъ съ настойчивымъ и глухимъ ко всему впечатлѣніемъ.

Это пространство наполняетъ душу тревогой, парализуетъ волю, убиваетъ.

Гдѣ-то есть родной край, есть свои люди. Тамъ все осталось, какъ было, и есть, ждетъ, стоитъ на своемъ мѣстѣ.

Но почему встаетъ непобѣдимое сомнѣнье? Почему каждое очевидное доказательство того, что существуетъ, становится такимъ удивительнымъ, невѣроятнымъ, какъ будто недѣйствительнымъ? Необыкновеннымъ, непонятнымъ явленіемъ становятся письмо, извѣстіе, газета, посылка отъ своихъ, свидѣтельствующая, что кто-то тамъ еще есть, живетъ, помнитъ. Какъ случается, что эти отголоски доходятъ? Какъ это пространство не пожрало ихъ?

Они доходятъ, но приглушенные, обѣднѣвшіе, какъ будто обокраденные по дорогѣ. И теряется въ неизмѣримыхъ пустыняхъ вздохъ тоски, обращенный къ родной землѣ. Во снѣ, въ минуты раздумья является призракъ далекой родины. Гдѣ ты, родина, развѣ ты существуешь еще?..

Человѣкъ какъ будто виситъ въ невѣдомой, неизмѣримой пустотѣ, гдѣ-то внѣ жизни, внѣ времени. Неувѣренной, тревожной и мучительной становится каждая мысль, больной, лихорадочно безпокойной является греза. Что-то шепчетъ, зловѣще, угрюмо, какъ будто ночная сова: уже пора, уже пора!

Не одинъ я откликнулся на этотъ зовъ и послушалъ его во время. Не одна моя могила останется здѣсь.

Погибаетъ здѣсь человѣкъ. Онъ становится маленькимъ, безсильнымъ, брошеннымъ въ добычу необозримой пустынѣ. Могущественна, немилостива и чужда для человѣка эта дикая природа. Безпокоитъ ея необъятность, пугаютъ ея чудовищныя явленія.

Наступаетъ ужасная полярная зима. Страшный морозъ держитъ все живое въ постоянной, неумолимой осадѣ. Онъ выступаетъ открыто, не скрываетъ, что онъ врагъ, что онъ несетъ съ собою смерть и оцѣпенѣніе. Онъ падаетъ на

землю, какъ будто для того, чтобы освободить, наконецъ, дѣвственную природу отъ замерзшаго человѣка. Онъ пробуетъ свои силы, укрѣпляется, достигаетъ такихъ предѣловъ, за которыми вотъ-вотъ край, его уже нельзя выдержать. Крѣпокъ человѣкъ и умѣетъ защищать свою жизнь. Крѣпко, сильно тѣло человѣка. Но душа болѣетъ и впадаетъ въ летаргическій сонъ на всю длинную зиму. Она окутана могильнымъ мракомъ, погружается въ смертельную темноту и тоску по ушедшей жизни, по солнцу, которое, кажется, навсегда уже покинуло землю.

Длинные, длинные мѣсяцы тянутся безъ милосердія. Пусты, безплодны, томительны дни—ночи безъ начала и конца. Останавливается въ своемъ движеніи время, утрачивается понятіе о немъ. Открываются глаза на вещи недоступныя, на явленія, неохватываемыя умомъ. Человѣкъ чувствуетъ на себѣ дыханіе вѣчности.

Холодная, убогая хижина подъ сугробами снѣга. Блѣдный свѣтъ, безсильный огонь въ очагѣ. Жмется къ нему человѣкъ и напрасно старается разбудить мысль и принудить себя жить. Морозъ проникаетъ отовсюду, замеръ весь міръ, въ послѣдней агоніи леденѣетъ человѣчество.

Человѣкъ удивляется самому себѣ и спрашиваетъ, не сонъ ли все? Ему представляется, что онъ послѣднее живое мыслящее существо, заброшенное гдѣ-то среди безконечности міра, потопленное на самомъ днѣ чудовищнаго моря тьмы, которое залило и уничтожило землю.

Не сходятъ съ чернаго неба рои звѣздъ. Онѣ идутъ своими извѣчными путями, висятъ надъ вымершей землей, какъ чья-то уродливая, непонятная жизнь. Близкими, о чемъ-то говорящими землѣ кажутся эти вѣчно смотрящіе, вѣчно безсонные глаза безчисленныхъ звѣздъ. Онѣ требуютъ отъ человѣка искренней исповѣди и послѣдняго признанія.

— Скажи, скажи!—шепчетъ среди мертвой, нерушимой тишины таинственный міръ звѣздъ.

И доходитъ до земли проникновенный шепотъ. Проходитъ необъятныя дали между мірами, и слышитъ его душа, внятно слышитъ въ своей тревогѣ.

— Повѣдай, признайся, человѣкъ, зачѣмъ ты живешь, зачѣмъ существуешь?

Такъ шепчутъ съ неба въ долгіе зимніе мѣсяцы всегда присутствующія звѣзды. Такъ учатъ зимы человѣка, и годъ за годомъ накопляется въ немъ смертоносная мудрость, которая не отъ этой земли, не для этой жизни. И человѣкъ пренебрежетъ жизнью и пренебрежетъ всѣмъ дѣломъ жизни, всѣми ея наслажденіями и всякой обязанностью. Ко всему

станетъ онъ безчувственнымъ тамъ гдѣ-то въ истинной глубинѣ своего существа. Онъ будетъ жить и мотаться по свѣту, будетъ что-то дѣлать среди людей, но безплодными и подневольными будутъ его дѣла. Притворными будутъ его стремленія, лжива будетъ его вѣра. Вѣчно будетъ онъ тосковать о небытіи и ничего не полюбитъ въ правду.

Таковъ я. Такимъ я уже и останусь. И поэтому ухожу изъ міра. Онъ во мнѣ не нуждается, и я въ немъ не нуждаюсь. Я умираю во время.

Я боролся долго, но пустыня одолѣла меня. Я позналъ ея могущество, когда старался побороть ее и собственными силами пробить себѣ дорогу къ свободѣ. Трижды я нападалъ, боролся до изнеможенія и отступилъ передъ насиліемъ. Я сказалъ себѣ: не буду вызывать врага, не буду мечтать о невозможностяхъ. Я буду только защищаться, буду защищать свою душу, свою жизнь.

Я былъ невнимательнымъ солдатомъ. Я поздно замѣтилъ лукаваго врага. Далеко уже зашли его замаскированныя осадныя работы. Я былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Я защищался долго, съ отчаяніемъ. А теперь погибаю. Пустыня съѣла мою душу. Я теперь только оболочка человѣка, только съ виду человѣкъ.

Душа единственная—моя ты душа - сестра! Тебѣ одной, для тебя только говорю... Я жалуюсь, я долженъ пожаловаться, выплакаться! Первый разъ въ жизни я это дѣлаю. Но во мнѣ собралось столько жалобъ, столько обидъ: у меня уже нѣтъ силъ молчать и унести съ собой тайну въ могилу! Мнѣ кажется, что она будетъ отравлять меня и послѣ смерти, и я не узнаю покоя, если меня вмѣстѣ съ нею засыплютъ землею въ моей ямѣ.

Почему другіе могутъ выдержать? Вѣдь возвращаются люди и отсюда? Возвращаются закаленными, обогащенными, способными справиться со всякимъ зломъ, со всякими преградами, которыя могутъ встрѣтить ихъ въ жизни...

Возвращаются борцами и снова становятся въ ряды.

Я хорошо знаю объ этомъ. Я имъ завидую, удивляюсь ихъ силамъ. Ничего больше я не могу сказать.

Но и я не былъ слабымъ. Тебѣ ли долженъ я напоминать объ этомъ, тебѣ, которая знаетъ меня до глубины? Я былъ силенъ и не со всякимъ помѣнялся бы силами. Что такое сила въ человѣкѣ?

Моя сила была энергіей дѣйствія, неугасимымъ стремленіемъ къ дѣятельности. Моя сила была нетерпѣлива, стремительна, полна порыва. Я взнуздалъ ее крѣпко, держалъ ее, какъ злого пса на цѣпи. Всей силой воли я

направлялъ ее на вещи, возможныя въ тюрьмѣ. Я учился, какъ прирожденный книжный червь, хотя не книга была моей стихіей. Такъ прошло четыре года. Въ продолженіе цѣлаго года я странствовалъ; тащился по этапамъ, помогая товарищамъ, ухаживая за больными, вырабатывая въ каждой новой тюрьмѣ новый планъ побѣга. Я былъ старостой большой партіи, у меня была масса обязанностей и препирательствъ съ властями, и цѣлый день я былъ занятъ. Здѣсь—едва я очутился на мѣстѣ—я дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы вырваться на волю. Это отняло у меня три года, цѣлыхъ три года, полныхъ трудовъ, когда ни одинъ день не былъ потерянъ напрасно. Я не хвалю себя, такъ какъ я не могъ иначе.

Сосчитай всѣ эти годы!

Я надорвалъ свои силы и былъ уже спокойнѣе. Но ихъ осталось еще гораздо больше, чѣмъ требовалось. А нужна была только сила ожиданія, сила терпѣливая, которая сумѣла бы притаиться и сохранить себя до времени. И не было выхода для этой черезъ край бьющей, нетерпѣливой силы. Мнѣ нечего было дѣлать, кромѣ безсмысленныхъ занятій около дома и для пропитанія себя. Этотъ избытокъ силы обратился противъ меня самого. Я самъ добилъ себя ею. Добила меня эта моя прежняя добродѣтель, та добродѣтель свободной жизни, которая теперь стала проклятіемъ изгнанія.

Я погибаю голодной смертью. Меня убиваетъ жажда дѣятельности. Я погибъ, потому что не умѣлъ терпѣливо ждать, пассивно считать дни и мѣсяцы, потому что я не могъ ни перенести мертвой жизни, ни придушить и отложить до лучшаго времени все то, что во мнѣ было.

Возвращаются и отсюда люди. Возвращаются разно, одни лучше, другіе хуже, каждый здѣсь что-нибудь оставляетъ, каждый что-нибудь отсюда уноситъ. Но спроси, что говорятъ о нихъ послѣ ихъ возвращенія близкіе люди, которые знали ихъ въ молодости, до изгнанія. Спроси когда-нибудь ихъ самихъ въ минуту полной искренности.

Я хочу заранѣе отвѣтить на всѣ твои вопросы. Я хочу отразить каждый упрекъ съ твоей стороны. Я хочу, чтобы ты меня поняла.

Я могъ бы вернуться и попробовать снова жить. Меня бы лѣчили: свобода, родной край и свои люди. Я ожилъ бы подъ твоей заботой, подъ твоимъ любящимъ взглядомъ. И, можетъ быть, вернулось бы все прежнее. Можетъ быть, слѣдовало подождать и попробовать? Давно знаю я эти соблазны, эти обманы. И это я пережилъ когда-то, уже очень давно...

И это имѣло свое время и свой чередъ. Минуло, пропало навсегда. Мнѣ ничто уже не поможетъ.

Все имѣетъ свои границы. Я давно уже переступилъ предѣлъ, откуда нѣтъ возврата. Я переступилъ порогъ смерти. Я уже не живу.

Если ты хочешь меня увидѣть, несмотря на все, если тебя будетъ терзать это неудержимое и навсегда неисполнимое желаніе, то по правдѣ скажу тебѣ: ты не знаешь, чего хочешь!

— Ты хочешь страшной вещи!

Подумай разумно. Представь себѣ. Входитъ чужой человѣкъ. Ты не вѣришь глазамъ. Не можешь узнать. Ни одной знакомой черты. Ничего изъ того, что запечатлѣлось въ памяти и многіе годы стояло передъ глазами души, какъ любимый образъ. Слезливымъ, мертвымъ взглядомъ устремятся на тебя мои когда-то молодые, живые, огненные глаза, изъ которыхъ глядѣла дѣятельная, молодая душа. Я взгляну на тебя, какъ нищій, у котораго нѣтъ никакихъ правъ, который проситъ милостыни и состраданія...

Старый, лысый дѣдъ...

Ты заплачешь, заплачешь—о, не отъ радости свиданія.

Говори! Я знаю, что ты скажешь: это внѣшнее. Мы иные люди, высшіе, свободные! И для меня прошло время, и меня оно не украсило...

Это внѣшнее. Но все же мы люди. Это пустая вещь. Но я упорно въ теченіе многихъ лѣтъ отказывался прислать тебѣ свою фотографію. Что значитъ красота? Немного. Что значитъ молодость? Она должна пройти.

Но я боялся, что въ моемъ измѣнившемся, измученномъ лицѣ ты прочтешь то, что во мнѣ происходитъ. Ибо не лжетъ мое лицо, какъ лгали письма, написанныя къ тебѣ. Оно зеркало, свидѣтельство и предатель моей тайны.

Нѣтъ,—я не сумасшедшій, который хочетъ вернуть прошлое. Я не стыжусь передъ тобой моего морщинистаго лица, потухшихъ глазъ и согнутаго стана. Я никогда не былъ фатомъ. Да, это только внѣшность. Это вступленіе къ встрѣчѣ.

Но душа это не наружность. Это моя сущность. Это я— твоя любовь.

Хитеръ человѣкъ и многое сумѣетъ сдѣлать, когда боится потерять все, чѣмъ обладаетъ. Но я не сумѣю быть комедіантомъ, не сумѣю притворяться, даже цѣной жизни, даже цѣной твоей любви. И я бы не могъ тебѣ солгать ни въ чемъ, не скрылъ бы ничего.

Я трупъ. Жалкое отрепье! Что мнѣ дѣлать среди людей? Ушла изъ меня моя душа и больше не вернется!

У меня есть стыдъ, я помню все-таки, какимъ я былъ.

Я не хочу твоей боли и твоей неутолимой тоски по томъ, по другомъ!

Я не хочу твоего старательнаго, днемъ и ночью бодрствующаго притворства, ни сердечныхъ словъ, ни насильственно создаваемыхъ иллюзій.

Я не хочу, чтобы ты съ годами привыкла ко мнѣ.

У меня душа борца, который сражался и палъ. Даже отъ тебя я не хочу сожалѣнія!

Вотъ я и сказалъ тебѣ все. Что можетъ выразить человѣческая рѣчь, все уже сказано. Во мнѣ осталось еще такъ много, такъ страшно, невѣроятно много боли, желанія, рвущихся изъ сердца мыслей, проклятій, моленій и благословеній...

Но на это у меня нѣтъ словъ. Я больше не могу. О! если бы ты хоть часть всего этого почувствовала и угадала! Ахъ! угадай меня всего!

Читай душою!

Мнѣ осталось только проститься съ тобой. Прощай навсегда, любимая и единственная.

Ты была моей неотступной помощью и утѣшеніемъ. Ты была для меня тепломъ среди мороза ледяной сибирской земли, ты была мнѣ солнцемъ въ долгія полярныя ночи. Да будетъ благословенно имя твое...

Прощай, прощай.

Ты никогда не была моею, я не коснулся чудныхъ устъ твоихъ, я не узналъ чаръ твоей любви.

Оторвала насъ другъ отъ друга жизнь, разнесла насъ судьба на два конца міра.

Борьбой была вся наша жизнь.

Вотъ я палъ первымъ. Такъ мнѣ суждено.

Я умираю безъ горечи, безъ проклятій. Я не жалѣю себя, ибо солдатомъ дѣла я былъ и хотѣлъ быть. На полѣ битвы погибаю я. Смертельно раненый, послѣ долгихъ страданій я умираю теперь—за дѣло.

Пусть оно переживетъ всѣ людскія страданія, пусть побѣдитъ всѣ обиды!

Прощай!

Живи долго,—работай, борись. Ты знаешь, кто меня убилъ, отомсти за меня.

О, если бъ ты дождалась счастливаго времени и великой открытой войны. О, если бъ ты увидѣла своими глазами же-

ланный день послѣдней битвы, которую добро должно выдержать со зломъ, когда вспыхнетъ, какъ скрытая мина, наше молчаливое подполье!

Когда наша правда будетъ добиваться побѣды, когда никто не пожалѣетъ жизни въ борьбѣ за свободу. Когда легкой и мгновенной и прекрасной будетъ смерть за идею...

II.

Мой любимый! Это уже послѣднее мое письмо. Какая безмѣрная радость! Радость до тревоги, до боли. Видно, я уже отвыкла отъ настоящаго личнаго счастья. А это вѣдь еще не настоящее высшее счастье. Это только его предчувствіе, обѣщаніе.

А что-то будетъ теперь, что будетъ?

Я не могу понять. Умомъ-то я понимаю, знаю, но какъ трудно это себѣ представить и вообразить, что на самомъ дѣлѣ...

Сразу не справишься съ этимъ,—нужно время. Удивительно! Столько лѣтъ я жила ожиданіемъ, считая мѣсяцъ за мѣсяцемъ, надѣясь на то, что должно наступить когда-то, а теперь, когда безжалостное время истекаетъ, я не могу приблизиться къ этому великому событію обыкновенно, разумно и по людски.

Мнѣ хочется танцовать, пѣть, останавливать на улицѣ незнакомыхъ и сообщать имъ радостную вѣсть. Минутами мнѣ хочется плакать. И даже—не смѣйся—у меня является желаніе приносить кому-то невѣдомому благодаренія, запѣть что-нибудь вродѣ гимна „Te Deum", вознести кадило какому-то добродѣтельному божеству. Я съума схожу, глупѣю отъ такой радости.

Теперь уже можно! Пусть мое послѣднее письмо будетъ хаотичнымъ, пустымъ и несерьезнымъ! Я не хочу больше никакой серьезности, никакого благоразумія! Довольно его было. Я хочу радоваться, хочу, чтобы ты смѣялся, читая мои глупыя слова, я хочу, чтобы ты заразился отъ меня, чтобы ты смѣялся всю дорогу и чтобы сюда, ко мнѣ пришелъ смѣющимся!

Черезъ три мѣсяца ты будешь здѣсь, вмѣстѣ со мною! Уже только одно твое письмо я получу изъ этого страшнаго . . . . ска, а слѣдующія уже будутъ съ дороги. Все ближе, все ближе, наконецъ: въ одинъ прекрасный день получаю телеграмму:

Сегодня!—Я ѣду на вокзалъ. Жду. Звонокъ. Поѣздъ подходитъ! Твой поѣздъ!

Когда я пишу это, я вижу собственными глазами Тераспольскій вокзалъ, станціонный залъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, носильщиковъ, движеніе толпы, каждое лицо и всѣхъ тѣхъ незнакомыхъ людей, которые будутъ тамъ въ это время, не зная, что они свидѣтели такого событія.

Зачѣмъ я пишу всѣ эти глупости?

Я такъ рада, такъ рада—мнѣ даже стало отъ этого грустно. Такъ всегда со мною бываетъ, я не умѣю радоваться. Я отвыкла.

Особенно грустно становится мнѣ, когда я представляю себѣ, что четырнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ я видѣла тебя на свободѣ. Есть что-то грозное и неумолимое въ этомъ огромномъ времени. Я содрогаюсь, какъ будто смерть заглянула мнѣ въ глаза! Я должна неустанно повторять себѣ, что это уже прошло, минуло, пережилось, перемучилось годъ за годомъ, день за днемъ. Я должна вбивать себѣ въ голову, что этого уже нѣтъ, что это никогда не повторится.

Мнѣ кажется, что страшное бремя лѣтъ виситъ на мнѣ, пригибаетъ меня къ землѣ, ломаетъ, и я не могу уже спастись. Теперь, уже въ концѣ, меня часто преслѣдуетъ одинъ сонъ. Мнѣ снится, что идетъ только первый годъ, какъ тебя взяли. Я знаю, что должно пройти цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ прежде, чѣмъ ты вернешься ко мнѣ. И одновременно я помню, что уже разъ эти годы прошли, со всей ихъ тоской и болью, что уже были эти безчисленныя письма, что я уже стара, измучена, слаба и совершенно неспособна перенести эту новую муку. Я просыпаюсь въ тревогѣ, со стонами и слезами. И послѣ долго мучусь и не могу опомниться. Наконецъ, ко мнѣ возвращается сознаніе. Какое счастье, что это сонъ! Страшный сонъ. Какъ будто кто нарочно выдумалъ его, чтобы мучить меня самымъ ужаснымъ образомъ. Я долго его помню, содрогаюсь при воспоминаніи о немъ.

Удивительно ясно помню я нашъ послѣдній вечеръ. Это было у моей тетки на Вспульной улицѣ. Она оставила насъ однихъ съ нашими конспираціями—добрая тетка, она такъ тебя любила и не дождалась... Мы покончили съ разными нашими дѣлами, потомъ сидѣли на диванчикѣ и молчали съ полчаса.

Было такъ чудно, такъ удивительно тихо. Ты взялъ мою руку, мы прижались другъ къ другу и сидѣли тихо, такъ скромненько... Вошла тетя и позвала насъ ужинать.

Такимъ радостнымъ, такимъ хорошимъ былъ этотъ нашъ послѣдній вечеръ. На утро я узнала, что тебя взяли.

У меня постоянно встаетъ въ головѣ это время. Такими недавними кажутся мнѣ наши конспиративныя прогулки въ Лазенки. Я помню, о чемъ мы говорили, на какихъ скамейкахъ сидѣли. Есть тамъ одна н а ш а скамейка. Та, на которой мы сидѣли тогда вечеромъ, когда уже мы все другъ другу высказали. Это было за три мѣсяца до твоего ареста. Послѣ не разъ мы приходили туда посидѣть. Въ тяжелыя минуты, когда я уже не могла справиться съ собою, я искала тамъ помощи, утѣшенія.

Знаешь, я прекрасно помню собраніе на Черняковской, гдѣ мы встрѣтились съ тобою въ первый разъ. Помню, кто тамъ былъ, о чемъ говорили!

Все живо встаетъ въ моей памяти. Наше первое свиданіе въ X павильонѣ. Мой отъѣздъ въ Москву на прощаніе.

А потомъ уже только письма, письма!

Прошло это время, я вѣрю, что оно прошло, но я не помню послѣдующаго.

Все спуталось, образовалось какое-то огромное сѣрое пространство, какъ пустыня или море, гдѣ мысль не знаетъ, на чемъ остановиться, только смотритъ на все и ни на что.

Потому у меня бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что этихъ четырнадцати лѣтъ вовсе не было. Это значитъ, что я молода, что живутъ всѣ люди, которые умерли за это время, что тебѣ только двадцать восемь лѣтъ...

Грустно, страшно грустно минутами. Но это проходитъ скоро, когда я подумаю, что на самомъ дѣлѣ, уже вѣрно на самомъ дѣлѣ, такъ скоро увижу тебя. И что мы будемъ вмѣстѣ всегда, теперь уже всегда!

Я признаюсь тебѣ, что не могу уже ни о чемъ другомъ думать. Я занимаюсь, какъ всегда, нашими дѣлами, но часто забываю, что дѣлаю. Я разсѣянна, мнѣ кажется, что меня уже ничто, ничто не занимаетъ, кромѣ одного. Я стараюсь забыть объ этомъ, стараюсь увѣрить себя въ томъ, что ничего не должно случиться, что все по прежнему. Я дала себѣ слово не радоваться заранѣе, не дѣлать никакихъ приготовленій, только работать, какъ всегда, пока не пройдетъ все остающееся время. Такъ было бы лучше всего и для нашихъ дѣлъ выгоднѣе. Но, видно, у меня нѣтъ силъ на это.

Съ самаго утра, какъ только я открываю глаза, неудержимая радость овладѣваетъ мною. Мнѣ вспоминается дѣтство, когда я просыпалась каждое утро съ чувствомъ необычайной радости, съ такимъ чувствомъ, будто произошло что-то невѣроятно веселое. Такъ просыпаются всегда здо-

ровыя и окруженныя лаской дѣти. Потомъ меня покидаетъ это веселое настроеніе, и послѣ нѣсколькихъ часовъ относительнаго спокойствія на меня находитъ какая-то гнетущая печаль, разрѣшающаяся слезами. А потомъ снова то же самое.

Я немного утомлена. Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ я не уѣзжала никуда на лѣто. Въ особенности послѣднее лѣто было тягостно. Я не могу придти въ себя. Нервы. Я тяну изъ послѣднихъ силъ. Я всегда себѣ повторяла, что отдохну, когда ты вернешься. Этого мнѣ было достаточно. Я совершенно здорова, только душа моя какъ будто измучена. Это трудно объяснить. Тяжело, скучно, пусто. Въ томъ, что я дѣлаю, я не нахожу прежняго удовлетворенія, никакого живого интереса. Я работаю по привычкѣ, но во мнѣ все мертво, какъ въ машинѣ. Меня не радуетъ, если что удается, не печалитъ, если не удается. Мнѣ не хочется ни съ кѣмъ спорить, никого убѣждать. Больше всего въ послѣднее время я полюбила работу безъ мысли. Я взялась за разныя механическія работы, и такъ мнѣ лучше.

У меня бывали и бываютъ теперь все чаще моменты— о, если-бъ это были только моменты!—часто на цѣлыя недѣли я погружаюсь въ какую-то скверную хандру. Мнѣ кажется, что меня уже ничто не занимаетъ, что наше дѣло отдаляется отъ меня навсегда, а я, гадкая, даже не печалюсь объ этомъ и не поражаюсь этимъ, а еще какъ будто радуюсь, что оно уже прошло, что, наконецъ, ушло отъ меня прочь.

Я ловлю себя иногда на гадкихъ мысляхъ, на какихъ-то филистерскихъ желаніяхъ. Меня охватываетъ жалость и какой-то запальчивый гнѣвъ,—совсѣмъ такъ, какъ будто кто-то обижалъ меня все это время, а я только теперь открыла этого стараго обидчика.

Но это только въ послѣднее время. Это отъ утомленія, отъ ожиданія! Все пройдетъ, какъ только ты появишься. Довольно одного твоего взгляда, чтобы ко мнѣ вернулись силы, разсудокъ, энтузіазмъ и все то, что было во мнѣ и что въ послѣдніе годы куда-то разсѣялось, оцѣпенѣло.

Твоя сила мнѣ нужна, твоя воля, твои велѣнія. Намъ всѣмъ необходимъ ты. Мы всѣ ждемъ! Здѣсь живетъ твоя слава, тебя любятъ даже люди новые, незнакомые, которые пришли за это долгое время. Есть такіе, которые стояли и стоятъ твердо. Но не было и не будетъ такого, какъ ты.

Я измучена, очень измучена. Много людей успѣло за эти годы войти въ наши ряды, сперва работать дѣятельно

и плодотворно, а послѣ утомиться, разочароваться и отойти. Я не хвалюсь. Я выдержала, но съ трудомъ. Я выдержала, потому что у меня былъ ты, только поэтому...

Такъ мнѣ хочется пожаловаться тебѣ! Тяжело мнѣ было, о, какъ тяжело! Сколько разъ съ большимъ усиліемъ я писала тебѣ, что мнѣ хорошо и что все идетъ удачно. Но у насъ мало удачнаго, такъ мало... Такъ мнѣ страшно минутами хотѣлось разсказать тебѣ всю правду о себѣ и объ этихъ нашихъ дѣлахъ! Что-то искушало хоть разъ перестать притворяться, чтобы ты обо всемъ узналъ, чтобы пожалѣлъ меня, чтобы, наконецъ, сжалился и позволилъ мнѣ пріѣхать къ тебѣ.

У меня бывали угрызенія совѣсти, потому что, какъ никакъ, я лгала передъ тобою. Но это были ложныя угрызенія, потому что я всегда вѣдь страшно хотѣла къ тебѣ. Мнѣ было больно, что ты не знаешь обо мнѣ ничего истиннаго, не знаешь моего страданія, не знаешь многолѣтней правды—моей тоски. Я не могла съ ней справиться. Съ самаго начала я мучилась. Пока ты былъ въ тюрьмѣ, даже далеко, мнѣ еще казалось, что это ничего, такъ какъ въ Крестахъ я могла видѣть тебя черезъ каждые два мѣсяца. Я могла, когда уже очень мнѣ было плохо, поѣхать и хоть четверть часа побыть съ тобою. Но когда тебя отправили, когда я узнала, что это на десять лѣтъ...

Никогда, никогда не было мнѣ хорошо. Какъ могъ ты вѣрить такимъ письмамъ? Это были сочиненія, рефераты хитро и прилежно обдуманные. Теперь я уже не совладала бы съ этимъ искусствомъ. Во мнѣ уже испортилась вся дисциплина. Къ счастью, теперь уже не нужно это позорное, возмутительное притворство. Оно отравляло мои письма, которыя были моимъ единственнымъ счастьемъ, единственнымъ разговоромъ съ тобою.

Я разскажу тебѣ все, все! Когда ты пріѣдешь, когда отдохнешь, я начну исповѣдываться передъ тобой, признаваться. Ты долженъ будешь терпѣливо выслушать меня, пожалѣть и все, все мнѣ простить и за все вознаградить. Нѣтъ, я разскажу послѣ, а сначала ты. И ты долженъ будешь признаться въ своихъ винахъ. Я не вѣрила въ это хорошее расположеніе духа, въ интересныя охоты и восторги передъ сѣверной природой. Хотя ты такой сильный, однако я не разъ чувствовала какъ будто слезы. Не сердись, но что дѣлать, если я такъ чувствовала. Я и теперь готова утверждать, что я не ошибалась! А если ты станешь отрицать, то это будетъ значить только, что ты стыдишься признаться.

Цѣлыми днями, цѣлыми ночами мы будемъ разсказывать

другъ другу. Тогда только наступитъ настоящее облегченіе—и тогда, можетъ, я смогу забыть эти проклятые годы!

Отвратительны эти письма. Я ни разу не могла написать именно того, о чемъ я больше всего хотѣла и о чемъ должна была написать. Если бы хоть одинъ разъ я отважилась написать все, что и какъ чувствовала, то ты позволилъ бы мнѣ все бросить и поѣхать къ тебѣ. А одинъ разъ, четыре года назадъ, я ужъ совсѣмъ собралась въ дорогу. Не спрашивая, не предупреждая тебя ни словомъ, рѣшила я ѣхать, потому что не могла уже болѣе. Тогда только что вышло „На краю лѣсовъ“ Сѣрошевскаго. Только тогда я поняла, гдѣ ты, каково тебѣ тамъ. Я не могла совладать съ собою. Я уже распродала вещи и ждала только зимы, чтобы добраться къ тебѣ.

Но случилось съ нами несчастье: все провалилось, разрушилось и опять никого не осталось, кромѣ насъ нѣсколькихъ и массы работы, которую надо было начинать съ начала.

Я осталась.

Ты ничего не зналъ объ этомъ. О, ты не знаешь еще столькихъ, столькихъ моихъ тайнъ!

Но это послѣ, потомъ! Долой всѣ печали! Уже нѣтъ и не можетъ быть никакихъ печалей!

Какъ только ты вернешься и отдохнешь съ дороги, мы уѣдемъ на цѣлые полъ года. Это уже безповоротно рѣшено! Мы поѣдемъ за границу въ горы или къ морю. Выберемъ себѣ красивый, тихій уголокъ и въ немъ отдохнемъ за все время. Это будетъ наше—только наше и ничье больше—полъ года счастья. Нельзя будетъ тогда ни работать, ни читать газетъ, ни писать писемъ, ни спорить. На все это время мы оба забудемъ о существованіи всякихъ людскихъ дѣлъ и всякихъ обязанностей! Это будутъ полъ года нашей жизни—первые и кто знаетъ, можетъ быть, послѣдніе. Тамъ будетъ одна радость, шалости, бездѣлье и разговоры безъ конца. Тамъ будетъ красивая природа, довольство, свобода и всѣ наслажденія міра.

Я очень богата. Ты даже не можешь себѣ представить, сколько я скопила денегъ. У меня всегда былъ одинъ „добавочный“ урокъ, плату за который за десять лѣтъ я предназначала на твое возвращеніе. Мы все это должны промотать и одинъ разъ попользоваться жизнью. Пусть это будетъ безнравственно и безполезно. Пусть будетъ, чѣмъ угодно—мнѣ все равно! Мы оставимъ все и исчезнемъ, не оставивъ никому адреса. Мы заслужили свою плату, что-нибудь намъ приходится!..

Черезъ три мѣсяца кончается твой срокъ, и ты двинешься сейчасъ же. Ты будешь телеграфировать съ дороги,

чтобы я знала, что ты все ближе. Во время твоего путешествія я съ каждымъ днемъ буду здоровѣе, съ каждымъ днемъ сильнѣе, съ каждымъ днемъ все болѣе буду походить на прежнюю твою, любимую, знакомую!

Но ты меня уже не увидишь такой, какой я была. Иначе не можетъ быть, мы оба это понимаемъ, и всякій это пойметъ, но—всетаки?—какъ это страшно грустно! Почему такъ трудно примириться съ такой естественной и обыкновенной вещью?

Я такъ боюсь нашей встрѣчи...

Я не могу объ этомъ не думать. Оно навязывается, опутываетъ, мучитъ. Я знаю, что ты не ждешь чуда, что ты не забылъ, сколько лѣтъ прошло. Ты знаешь, сколько мнѣ теперь лѣтъ и какъ выглядитъ женщина въ этомъ возрастѣ. О, бываетъ и осень женщины прекрасна и красива. Но, сообрази, какой была моя жизнь... Я не жалуюсь, я только боюсь, что ты можешь забыть объ этомъ въ ту минуту—хотя теперь и помнишь,—когда упадетъ на меня твой первый взглядъ. Я уже не знаю, какъ я выгляжу, я привыкла къ себѣ.

Я посылала тебѣ каждые два года мою фотографію, но на фотографіи человѣкъ всегда красивѣе. У меня уже прядь сѣдыхъ волосъ. Но это еще не такъ страшно...

Я боюсь, что помимо твоей воли, въ минуту свиданія ты будешь въ душѣ представлять меня все еще молодой, свѣжей, полной радости, живой дѣвушкой. Посмотришь—и сравнишь. Этого боюсь я, потому что бываютъ минуты, впечатлѣнія, которыя уже остаются навсегда, которыя сильнѣе разсужденій и человѣческой воли. Берегись такихъ минутъ, приготовься, не забудь объ этомъ въ радости свиданія.

Навѣрное, ты смѣешься надо мной? Смѣйся! Я должна была напомнить тебѣ объ этомъ. Теперь я уже буду покойнѣе.

Навсегда обѣщаю тебѣ этотъ покой, такъ я его желаю. Уже много длинныхъ недѣль я не знаю, что такое покой. Полна безпокойства моя радость. Трудно научиться этому сразу.

Я умѣла жить въ согласіи съ моей печалью, второй натурой сдѣлалась для меня ежедневная, неустанная тоска. Было сѣро, скверно, спокойно. Вдругъ пробудилось во мнѣ сознаніе, что ты скоро вернешься, и я совсѣмъ вышла изъ колеи.

Никогда я не представляла себѣ, что радоваться такъ трудно!

Я живу въ безпрерывныхъ вспышкахъ радости, смѣющейся, и каждую минуту эта простая, дѣтская радость смѣняется во мнѣ безпокойствомъ, терзающимъ, какъ боль. Въ ней какъ будто разочарованіе, и какъ будто въ душѣ я хочу возврата къ прежнему ожиданію и терзанію, какъ будто то прежнее было лучше, а то, что впереди, хуже. Что за безсмыслица!

Появляется огромная жалость къ тому, что уже прошло и не вернется. Есть во мнѣ безразсудное желаніе чуда хоть на одинъ моментъ, побыть съ тобою такъ, какъ тогда, прежде чѣмъ случилось все это наше несчастье.

Мысль упорно возвращается къ тому времени, и въ памяти я нахожу все новые образы, какъ будто это происходило на дняхъ, а не нѣсколько лѣтъ назадъ. Такъ дороги, какъ будто даже всего дороже для меня эти воспоминанія! Какъ будто меня не ждетъ мое истинное, полное счастье, которое приближается, приближается...

Меня преслѣдуютъ привидѣнія, призраки. Минутами на меня нападаетъ ужасный страхъ!

Я думаю, что ты можешь заболѣть, что въ дорогѣ можетъ что-нибудь случиться, что въ этихъ твоихъ охотахъ столько опасностей..,

Мнѣ представляется, что какая-то завистливая судьба готовитъ намъ теперь, когда мы ждемъ радости, какую-то новую бѣду, какое-то разочарованіе.

Мнѣ вспоминаются завѣты покойной тетки—не радоваться, потому что судьба завистлива. Мнѣ кажется это разумнымъ, и я рѣшаю совсѣмъ не радоваться. Но развѣ можно серьезно принимать такія рѣшенія?

Сны.... сны...

Они бываютъ теперь такіе страшные, такіе безжалостные. Кто вѣритъ въ сны? И я надъ ними смѣюсь, но есть въ нихъ моменты ужасные, отъ которыхъ никакъ не можетъ освободиться душа. Они упорно держатся въ памяти, заставляя думать о себѣ, доискиваться скрытаго въ нихъ значенія...

Дорогой мой!—не сердись на меня, постарайся понять меня, я тебя очень прошу! Береги себя, побереги именно теперь, помни, что тебѣ предстоитъ уже возвратъ. Оставь всякія предпріятія, охоты. Жди спокойно, чтобы всего избѣжать...

Сдѣлай это для меня! У меня никогда не было капризовъ и никогда не будетъ. Глупы мои опасенія и предчувствія, я сама знаю,—но такъ безпокоятъ, такъ преслѣдуютъ!

Мнѣ не хочется теперь уже писать никакихъ отчетовъ о нашихъ дѣлахъ. Ничего нѣтъ новаго, ничего не перемѣнилось. У меня для этого нѣтъ больше силъ. Я хочу, чтобы это письмо было не похоже на всѣ предыдущія, потому что это послѣднее, послѣднее мое письмо. Когда я его отошлю, мнѣ будетъ казаться, что ты уже выѣхалъ изъ этого проклятаго мѣста и съ каждымъ днемъ понемножечку приближаешься.

Я хотѣла, чтобы въ немъ была одна радость, одни привѣты. Написала, какъ чувствовала, безпорядочно. Довольно было этого порядка.

Остановилась и не знаю, о чемъ писать дальше. Надо бы страшно много еще сказать тебѣ. Все во мнѣ становится страннымъ. Вдругъ меня охватила безграничная грусть. Ничего, ничего нѣтъ—только какая то отчаянная пустота. Почему? Вотъ, мучитъ меня эта радость. Слезы падаютъ на бумагу. Это отъ волненія, что я уже кончаю, что это мое послѣднее письмо.

Уже поздняя ночь. Я одна въ своей комнаткѣ. Тихо. Я думаю о тебѣ: что дѣлаешь ты въ эту минуту, о чемъ думаешь тамъ, на краю свѣта, въ этомъ другомъ полушаріи? Часто такъ я разгуливала по вечерамъ. Я знаю твою юрту, каждую вещь въ ней. Я представляю себѣ все, задумаюсь, замечтаюсь и ясно вижу тебя и все, что ты дѣлаешь. Это самыя любимыя и дорогія мои мечты о тебѣ. Въ одно мгновеніе я перелетаю мыслью страшное пространство и уже у тебя. Не разъ я такъ навѣщала тебя. Я подсматриваю за тобой издалека и все знаю.

...Огонь потрескиваетъ въ печкѣ. Ты сидишь со свѣчей, пишешь. Можетъ быть, свое послѣднее письмо мнѣ? Дѣлаешь то же, что и я—думаешь обо мнѣ. У тебя длинная, черная борода, сѣдые волосы...

Ты пересталъ писать—засмотрѣлся прямо въ мою сторону, какъ будто на меня. Почему ты такой блѣдный, такой несчастный? Какъ странно, страшно смотрятъ твои глаза на меня...

Только сегодня я кончаю это письмо и отсылаю. Представь себѣ, что третьяго дня, когда я писала тебѣ, со мной случился нервный припадокъ. Такъ называютъ это доктора. Я напугала мою милую хозяйку, она позвала доктора и надѣлала шуму на весь домъ. Это со мною въ первый разъ въ жизни.

Очевидно, я была очень утомлена и, когда писала тебѣ, задумалась и на минуту заснула, или впала въ какое-то внутреннее ясновидѣніе. Въ эту минуту мнѣ представилась

одна страшная глупость, вѣдь все можетъ присниться. Я очнулась и упала, что-то крича. Стыдно мнѣ.

Я хотѣла не писать тебѣ объ этомъ, но дѣлаю это съ умысломъ. Видишь, мнѣ приснилось что-то страшное о тебѣ, и такъ ясно, какъ будто я была при этомъ. Видишь, я изнервничалась, я полна призраковъ, смѣюсь и плачу одновременно. Потому, прошу еще разъ, сдѣлай это для меня. Щади себя, береги отъ всякой случайности. Вѣдь, когда это письмо дойдетъ, то уже только два мѣсяца тебѣ останется— прошу тебя. Умышленно я говорю тебѣ объ этомъ глупомъ происшествіи со мной, чтобы ты зналъ, что со мною дѣлается. Не обманывай меня, какъ ребенка, будь добръ и послушайся меня на самомъ дѣлѣ! Оставь охоты, далекія прогулки. Одѣвайся теплѣе, обходись осторожнѣе съ оружіемъ. Не смѣйся надо мною, ты нехорошій! Я совершенно серьезно прошу тебя и умоляю.

Уже кончаю. Я должна бы еще о многомъ написать, но какъ-то не могу. Я страшно спѣшу съ этимъ письмомъ. Я хочу, чтобы оно пошло какъ можно скорѣе. Пусть ждетъ своей почты въ Якутскѣ, будетъ ближе къ тебѣ на нѣсколько недѣль, а я буду утѣшать себя тѣмъ, что на этотъ разъ почта вышла раньше, и что мое письмо идетъ и идетъ къ тебѣ, неустанно приближаясь къ тебѣ. Я выдумываю разные способы сладить со своимъ нетерпѣніемъ. Плохо разсчитала я свои силы, на самый конецъ мнѣ ихъ не хватаетъ. А взять ихъ мнѣ ужъ не откуда!

Прочь жалобы! Нѣтъ никакихъ печалей! Не было никакихъ четырнадцати лѣтъ! Есть только радость, нетерпѣливая, сумасшедшая, капризная, какъ непослушное, назойливое дитя. Но это дитя любимое, родное, оно съ каждымъ днемъ будетъ старше. Поумнѣетъ, пойметъ все, станетъ послушнымъ. Не сердись—я сама, какъ глупое дитя, которое умѣетъ только смѣяться и плакать. Когда вернешься, приведешь меня въ порядокъ.

Уже кончаю. Совсѣмъ не такъ я хотѣла написать тебѣ. Но все равно. Въ самомъ дѣлѣ все равно. Знаешь—почему?

Потому что ты возвращаешься, возвращаешься, возвращаешься! Я писала бы это слово безъ конца, на нѣсколькихъ страницахъ и ничего, кромѣ него. Это было бы лучшимъ письмомъ!

Довольно уже!

Послѣднее мое письмо окончено!

Теперь возвращайся! Теперь здравствуй. Торопись, потому что я жду, жду, жду. Торопись, потому что четырнадцать лѣтъ ждало наше счастье!

Поль и Лаура Лафарги.

(Изъ моихъ воспоминаній).

I.

Я познакомился съ Лафаргами въ Парижѣ, весною 1883 г. Въ мартѣ (14) этого года, въ Лондонѣ, умеръ Марксъ, и черезъ нѣсколько дней по возвращеніи четы Лафарговъ съ похоронъ я пошелъ къ нимъ съ рекомендательнымъ письмомъ Лаврова. Я собиралъ тогда документы для статьи о Марксѣ, которую готовилъ къ апрѣльской книжкѣ «Дѣла» (она, впрочемъ, такъ и не прошла черезъ Кавдинскія ущелья цензуры). И вотъ мнѣ хотѣлось дать хоть нѣсколько точныхъ свѣдѣній изъ первыхъ рукъ о знаменитомъ мыслителѣ: въ то время элементы для біографіи Маркса были въ печати еще очень скудны. Не безъ нѣкотораго волненія я позвонилъ у скромной квартиры на бульварѣ Поръ-Рояль. Дверь отворила очень молодая дама, скорѣе даже дѣвушка. Мнѣ въ то время было 23 года, и люди за тридцать лѣтъ казались мнѣ пожилыми. Но здѣсь передо мною стояла сверстница по лѣтамъ, и я недоумѣвалъ, съ кѣмъ говорю: Лаура Марксъ родилась въ 1846 г. и, значитъ, ей въ это время должно бы было быть 37 лѣтъ! Между тѣмъ, Лавровъ рекомендовалъ меня въ письмѣ именно женѣ Лафарга, говоря, что такъ какъ я желалъ получить точныя данныя о жизни Маркса, то ихъ мнѣ сообщитъ скорѣе всего его дочь.

— Могу я видѣть г-жу Лафаргъ?—спросилъ я, вынимая изъ кармана письмо.

— Это—я,—отвѣтила очень молодая дама.—А чѣмъ я могу быть вамъ полезной?

Я въ двухъ-трехъ словахъ передалъ цѣль моего посѣщенія. И пока Лаура Лафаргъ быстро пробѣгала строки, набросанныя Лавровымъ, я могъ нѣсколько разсмотрѣть ее. Роста чуть-чуть выше средняго, тонкая, стройная, едва начинавшая полнѣть, она меня поразила необыкновенно нѣжнымъ румянцемъ своего круглаго лица, высоко взбитыми локонами горѣвшихъ, какъ золото, волосъ, чрезвычайно пріятными очертаніями карихъ глазъ подъ дуго-

образными бровями и очаровательной линіей рта. Она подняла на меня свои лучистые глаза, и я еще болѣе былъ пораженъ удивительною, почти дѣтскою свѣжестью взора.

Чуть-чуть шепелявя на англійскій манеръ, она попросила меня перейти изъ передней, гдѣ мы стояли, въ слѣдующую небольшую комнату, видимо служившую и столовой, и салономъ. На столѣ дымились чашки съ чернымъ кофе,—очевидно, послѣ обѣда.

— Мой мужъ,—указала она мнѣ на сидѣвшаго за столомъ мужчину.—Нашъ другъ, Жюль Гэдъ,—прибавила она, сдѣлавъ рукой въ сторону стоявшаго господина.—Товарищъ изъ Россіи,—дружелюбно представила она меня.—Лавровъ проситъ сообщить г. Р. все, что мы найдемъ нужнымъ, изъ біографіи отца.

Мое смущеніе смѣнилось любопытствомъ. Я съ интересомъ вглядывался въ Лафарга и Гэда. Въ то время Лафаргъ уже не былъ тѣмъ поразительнымъ красавцемъ, какимъ знали его люди въ 70-хъ годахъ. Но онъ былъ еще очень эффектенъ. Роста выше средняго, стройный, съ великолѣпной посадкой головы, онъ поражалъ контрастомъ между серебромъ своихъ рано посѣдѣвшихъ, коротко подстриженныхъ волосъ и чернымъ цвѣтомъ бровей надъ темными, горѣвшими южнымъ блескомъ глазами и красивыхъ усовъ. Бороды онъ не носилъ, да она и не подходила бы къ его правильному, мужественному лицу, оканчивавшемуся великолѣпнымъ подбородкомъ. Отъ всей его фигуры отдѣлялось впечатлѣніе врожденнаго изящества и какого-то интеллигентнаго аристократизма, которое часто заставляло французскихъ репортеровъ, падкихъ до эстетики, сравнивать Лафарга съ пылкимъ, напудреннымъ маркизомъ XVIII вѣка.

Однако еще любопытнѣе для меня, русскаго, была физіономія Гэда. Высокій, худой, слегка сутуловатый, Гэдъ заинтересовалъ меня одухотворенностью матоваго овала своего лица съ черными зачесанными на русскій ладъ назадъ волосами и большой черной бородой. Зорко всматриваясь, глядѣли на васъ сквозь пенснэ близорукіе темносиніе глаза, странно выдѣлявшіеся на этомъ лицѣ брюнета.

Хозяева и гость смутили меня своей наружностью. До того времени мнѣ приходилось видѣть ихъ лишь издалека, на митингахъ, въ насыщенной атмосферѣ публичнаго собранія, когда, переживая со всей толпой впечатлѣнія, производимыя ораторами, вамъ не до того, чтобы всматриваться во внѣшнюю физіономію говорящихъ. И вотъ мое представленіе о нихъ, полученное прежде и непосредственно изъ ихъ рѣчей и статей, и изъ того, что писалось о нихъ—странно расходилось съ тѣмъ, что я видѣлъ теперь.

Съ годъ назадъ пріѣхавъ изъ Россіи, я еще воображалъ, что люди, такъ страстно и убѣжденно развивавшіе точку зрѣнія революціоннаго соціализма, съ такой смѣлостью ударявшіе въ забрало всему буржуазному обществу, должны были бы, такъ ска-

вать, быть и болѣе громоздкими, отличаться меньшимъ изящест-вомъ и граціей.

Но я забылъ объ этомъ впечатлѣніи, какъ только перешелъ къ предмету моего посѣщенія. Я наскоро разсказалъ своимъ хозяевамъ, что мнѣ хотѣлось бы дать русскимъ читателямъ понятіе о Марксѣ не только какъ объ ученомъ, но и какъ о человѣкѣ, и выражалъ сожалѣніе, что біографія его такъ мало извѣстна. Въ это время я былъ уже знакомъ не съ однимъ «Капиталомъ» Маркса, но и съ его «Философіей нищеты», съ его «Критикой политической экономіи», «Коммунистическимъ манифестомъ», «Гражданской войной во Франціи». Мои хозяева замѣтно заинтересовались молодымъ русскимъ, который больше зналъ о Марксѣ, чѣмъ это приходилось имъ обыкновенно встрѣчать среди французовъ 80-хъ годовъ, и наша бесѣда скоро приняла почти дружескій характеръ. Узнавъ, что на главныхъ европейскихъ языкахъ я читаю, а на другихъ сумѣю справиться при помощи словаря, Лафарги снабдили меня старою біографіей Маркса, написанною венгерцемъ Лео Френкелемъ еще въ 70-хъ годахъ для австрійскаго рабочаго календаря, заглавіе котораго я теперь забылъ, и номеръ какого-то мадридскаго иллюстрированнаго изданія (кажется, «Nueva Ilustracion»), гдѣ былъ очеркъ жизни Маркса, только что составленный чуть ли не самимъ Лафаргомъ.

Не желая показаться назойливымъ, я сталъ откланиваться, чтобы уйти. Но Лафарги и Гэдъ, видимо очень любопытствовавшіе узнать, что тогда происходило въ Россіи, начали задавать мнѣ въ этомъ смыслѣ вопросы. То было время, когда народовольческое движеніе охватывало энтузіазмомъ души старыхъ революціонеровъ, и это настроеніе Маркса и Энгельса передавалось ихъ близкимъ ученикамъ. Я старался удовлетворить ихъ любопытство и былъ пріятно изумленъ, что они довольно хорошо были знакомы съ крупнѣйшими событіями и личностями тогдашняго общерусскаго движенія. Меня только нѣсколько поражала въ этомъ разговорѣ та, я бы сказалъ, стремительная увѣренность, съ какой они объясняли съ своей точки зрѣнія происходящее въ Россіи. Помню, напр., съ какимъ безпокойнымъ недоумѣніемъ я вопрошалъ самого себя и своихъ собесѣдниковъ, почему такъ непредвидѣнно затянулся тотъ процессъ крушенія стараго строя, который своимъ медлительнымъ темпомъ въ то время ничуть не позволялъ еще предвидѣть всѣхъ размѣровъ начинающейся реакціи, но уже наполнялъ нетерпѣніемъ душу людей, стремившихся поскорѣе замѣнить архаическія учрежденія Россіи новыми формами. А мнѣ въ отвѣтъ говорились слова, вызывавшія впечатлѣніе прямолинейной смѣлости истолкованія.

— Ваша бѣда въ томъ,—восклицали они,—что у васъ нѣтъ такой революціонной буржуазіи, какая была у насъ въ прошломъ вѣкѣ. Она помогла бы вамъ экспропріировать земли вашихъ дво-

рянъ, которые не перестали быть феодалами, хотя и принуждены были дать фиктивную свободу своимъ мужикамъ-общинникамъ. А, экспропріировавъ ихъ, вы бы перенесли тѣмъ самымъ центръ тяжести экономической и политической силы въ ряды крестьянства, пока не подросъ бы вашъ зарождающійся пролетаріатъ, этотъ истинный носитель соціалистическаго переворота...

Я пробовалъ возражать на это, что мы можемъ обойтись и безъ буржуазіи для того, чтобы средства производства перешли въ руки ихъ непосредственныхъ производителей; и ссылался на извѣстное мѣсто предисловія Маркса къ недавно передъ тѣмъ появившемуся новому изданію «Манифеста», гдѣ говорилось, что, при извѣстномъ взаимодѣйствіи Россіи и Западной Европы, русская община можетъ стать отправнымъ пунктомъ для развитія высшей общественной формы труда.

Но въ этомъ отношеніи мои собесѣдники были видимо plus marxites que Marx lui-même и не смотрѣли на затронутый вопросъ такъ оптимистически, какъ ихъ учитель, а продолжали указывать на историческую трудность стоявшей передъ русскими задачи: найти такіе общественные классы и силы, которые были бы способны поддержать авангардъ русской оппозиціи въ его борьбѣ со старымъ строемъ. Правда, въ ихъ словахъ еще не сквозило того рѣзко-отрицательнаго взгляда на русскую общину, который распространяли въ соціалистическихъ кругахъ Запада десятокъ лѣтъ спустя русскіе марксисты. Но, во всякомъ случаѣ, видно было, что мои собесѣдники вѣрили гораздо болѣе въ возможность чисто политическаго, чѣмъ соціальнаго переворота въ Россіи.

Признаться, впечатлѣніе, вынесенное мною изъ разговора съ Лафаргомъ и Гэдомъ, не было цѣликомъ пріятнымъ. Я не могъ отдѣлаться отъ того ощущенія, что они черезчуръ просто и догматически рѣшали по отношенію ко все же не совсѣмъ близко знакомой имъ Россіи вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ такъ мучительно-трепетно, цѣной такихъ жертвъ и испытаній, работали лучшіе русскіе люди. Эта рѣзкость, эта нетерпѣливость въ заключеніяхъ, это, какъ мнѣ казалось, пропусканіе мимо ушей тѣхъ фактовъ и явленій русской жизни, которые я имъ сообщалъ, царапали мнѣ сердце и заставляли настораживаться противъ вывода моихъ собесѣдниковъ въ иныхъ мѣстахъ нашей бесѣды.

Но безусловно пріятное впечатлѣніе оставила во мнѣ Лаура Марксъ, ловко вмѣшивавшаяся въ разговоръ всякій разъ, какъ мои недоумѣнія, не удовлетворявшіяся черезчуръ, казалось мнѣ, простыми соображеніями Лафарга и Гэда, раздражали теоретиковъ французскаго марксизма.

Не помню, какимъ образомъ нашъ разговоръ перешелъ на исторію Великой французской революціи, которой я тогда занимался. Не могу забыть до сихъ поръ, какой милой репликой возра-

зила мнѣ Лаура Лафаргъ на эпитетъ «старая дѣва», сгоряча приложенный мною къ недавно прочитанному Мишлэ, который, — особенно послѣ апологіи якобинцевъ у Луи-Блана, — поражалъ мое юное сердце, тяготѣвшее къ этимъ героямъ убѣжденія, своими рѣзкими выпадами противъ партіи Горы, нашедшей у него пощаду лишь тогда, когда термидорьянская реакція унесла наиболѣе замѣчательныхъ ея вождей.

— Вѣдь это точно старая истеричная дѣва,—негодовалъ я,— которая обрушивается на людей дѣйствія при ихъ жизни, бичуетъ ихъ за недостаточную мягкость чувствъ и сантиментально оплакиваетъ жертвы ихъ кровожаднаго темперамента; а когда они побѣждены, низвергнуты въ прахъ, начинаетъ горько причитать надъ ними, этими благородными людьми, которые, несмотря на свои ошибки, все же, молъ, искренно служили общему дѣлу.

— Почему вы говорите «старая дѣва»? — слегка насмѣшливо перебила меня Лаура Лафаргъ. — Отчего вамъ не остаться въ мужской компаніи? Вѣдь и мужчины бываютъ всякіе!.. Отчего вы не скажете просто: «старый человѣкъ» (un vieux bonhomme), потерявшій вкусъ ко всему мужественному и сохранившій лишь способность изливаться риторическимъ горемъ, когда нелюбимые имъ герои уже умолкли на вѣкъ и перестали быть грозой фразеровъ и трусовъ?..

Послѣ этого разговора я не одинъ разъ приходилъ къ Лафаргамъ. То впечатлѣніе легкаго раздраженія, которое осталось во мнѣ послѣ перваго посѣщенія, возобновлялось рѣдко. Лишь когда въ Россіи стала пріобрѣтать значеніе группа первыхъ марксистовъ съ ихъ страстнымъ преувеличеніемъ своей догмы, съ ихъ зачастую такой рѣзкой критикой своихъ предшественниковъ, эти сношенія съ Лафаргомъ начали утрачивать свой пріятный характеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе единомышленники поставляли его въ извѣстность относительно политической борьбы русскихъ партій, и, какъ вѣрный ученикъ Маркса, онъ не могъ съ большой теплотой относиться къ тѣмъ людямъ, въ которыхъ видѣлъ противниковъ марксизма. Лафаргъ, дѣйствительно, производилъ на меня лично всегда впечатлѣніе человѣка очень добраго и хорошаго, но подчиняющаго свои симпатіи и антипатіи своему основному міровоззрѣнію. Пока вы говорили съ нимъ объ общихъ вопросахъ, или, по крайней мѣрѣ, не черезчуръ отклонялись въ своихъ взглядахъ отъ привычной ему догмы, онъ былъ милымъ собесѣдникомъ и порою даже трогалъ васъ простотою и задушевностью, какія не часто встрѣчаются у французовъ, вообще не любящихъ тѣсно сходиться съ знакомыми, особенно изъ иностранцевъ. Но вѣдь трудно было наложить на себя подвигъ молчанія какъ разъ по тѣмъ вопросамъ, которые вамъ были ближе всего. Политическая программа; условія ея осуществленія; задачи соціализма за границей и въ Россіи,—все это невольно приходило вамъ на умъ, и вамъ

страстно хотѣлось подѣлиться своими соображеніями съ собесѣдникомъ. Увы! всякій разъ, какъ Лафаргъ могъ въ вашихъ словахъ найти—не говорю отрицаніе, но простое сомнѣніе въ правильности его выводовъ, онъ становился фанатикомъ своей идеи, и дальнѣйшій разговоръ съ нимъ превращался въ настоящую пытку. Вамъ или приходилось поддакивать, или рѣзко прерывать разговоръ, не желая допустить словъ и выраженій, послѣ которыхъ, уважая одинаково и собесѣдника, и свое человѣческое достоинство, вамъ слѣдовало только уходить...

Я помню, какъ непріятно кончился однажды у насъ съ нимъ разговоръ по поводу роли интеллигенціи и рабочихъ. Я началъ съ того, что съ симпатіей отнесся къ точкѣ зрѣнія гэдистовъ, которые въ борьбѣ съ поссибилистами очень вѣско возражали противъ мнѣнія послѣднихъ, будто только физическіе рабочіе могутъ быть соціалистами, и будто бы поэтому нужно всегда съ крайнимъ недовѣріемъ относиться къ людямъ умственныхъ профессій, навязывающимъ свою догму рабочимъ. А между тѣмъ, — продолжалъ я, — подобное мнѣніе въ послѣднее время проводится у насъ въ Россіи тѣми самыми людьми, которые считаютъ себя вѣрными учениками Маркса и ближайшими товарищами по духу французскихъ марксистовъ. Лафаргъ вспыхнулъ и сразу перемѣнился.

— Вы смѣшиваете, вы не понимаете сути дѣла, — горячась и слегка заикаясь, какъ это у него всегда бывало въ моментъ волненія, заговорилъ Лафаргъ.—Конечно, не занимающійся физическимъ трудомъ Гэдъ въ тысячу разъ умнѣе и полезнѣе бывшаго рабочаго и великаго сумбуриста Малона. Но вѣдь не всѣ Гэды!.. А вы, русскіе идеалисты, вы становитесь на колѣна передъ всей вашей интеллигенціей, вы обоготворяете ее, вы кадите ей... А между тѣмъ только въ русскихъ рабочихъ спасеніе! Одинъ рабочій обыкновенно уже въ силу своего классоваго положенія стоитъ десяти ученыхъ мужей (les savantasses)... Но соціализмъ и не нуждается въ васъ!.. Слышите, совершенно не нуждается!.. Онъ прекрасно можетъ обойтись безъ васъ, безъ вашихъ наставленій, безъ вашихъ совѣтовъ, безъ вашихъ программъ, безъ вашихъ костылей для хромыхъ и безъ вашихъ формулъ для безногихъ!..

Не оставалось ничего болѣе, какъ сказать, что, какъ бы ни были велики ваши личныя симпатіи къ собесѣднику, но этотъ нетерпимый тонъ не позволяетъ продолжать разговора. Тѣмъ болѣе, что и у противной стороны въ концѣ-концовъ была только формула, и почему же одной формулѣ не противопоставлять другую, и неужели лишь ученіе марксизма можетъ считаться истиной?..

Внѣ этихъ колючихъ разговоровъ Лафаргъ былъ очень милъ, очень забавенъ, и нѣкоторые изъ его разсказовъ, въ которые онъ вкладывалъ особый юморъ южанина, вызывали въ васъ не-

удержимый смѣхъ. Мнѣ живо помнится одинъ вечеръ, проведенный у меня Лафаргомъ среди компаніи русскихъ, между которыми были остроумные люди, вызвавшіе соревнованіе гостя. Шла рѣчь о кутежахъ на Нижегородской ярмаркѣ, и какіе бываютъ между благополучными россіянами шалопаи, считающіе, напр., высшимъ шикомъ закурить папиросу банковымъ билетомъ.

— Ахъ,—воскликнулъ Лафаргъ,—вы еще недостаточно прониклись нашей западной культурой. Дѣлъ мало, — нужны еще слова. Для насъ не важенъ актъ,—важны условія, при которыхъ онъ совершается... Вашъ шалопай-купецъ сжигаетъ сторублевую бумажку въ компаніи пьяныхъ, и никого этимъ не удивляетъ. А нашъ старый Джемсъ Ротшильдъ продѣлалъ тотъ же самый жестъ во время іюльской монархіи, но продѣлалъ такъ, что разсказовъ объ этомъ хватило на нѣсколько мѣсяцевъ даже нашему быстро живущему Парижу... Дѣло было такъ. Людовикъ-Филиппъ былъ ужасный скупердяй (grippe-sou), и, любя играть въ карты, страшно не любилъ проигрывать. Поэтому онъ обыкновенно выбиралъ себѣ партнерами Ротшильда и другихъ банкировъ, нуждавшихся въ покровительствѣ своимъ мошенничествамъ на биржѣ и нарочно проигрывавшихъ королю съ цѣлью задобрить монарха, который царствуетъ, а черезъ него—министровъ, которые управляютъ. Но какъ-то старый Ротшильдъ, бывшій скупердяемъ не хуже Людовика Филиппа, забылъ пустить въ ходъ свою обычную тактику и, играя искуснѣе короля, сталъ выигрывать у него ставку за ставкой. Взбѣшенный король рѣзкимъ движеніемъ локтя нечаянно сбросилъ на полъ двадцати-франковикъ, на которомъ было выбито его собственное, Людовика Филиппа, изображеніе, и сейчасъ же бросился въ самой комической позѣ отыскивать монету на полу...

— Сиръ!—воскликнулъ спохватившійся Ротшильдъ,—могу-ли я посвѣтить вашему величеству, чтобы оно соблаговолило найти его величество?—и ловкимъ жестомъ биржевой тигръ зажегъ тысячефранковый билетъ, нагнулся и все время свѣтилъ Людовику-Филиппу, покуда тотъ, наконецъ, не отыскалъ потерянное.

Надо было видѣть, съ какимъ искусствомъ Лафаргъ изобразилъ старанія уже отростившаго брюшко короля, затянутаго въ бѣлыя лосиныя штаны, добраться до закатившейся монеты, и мефистофельскую улыбку стараго еврея; какъ надо было слышать, съ какимъ неподражаемымъ мастерствомъ Лафаргъ произнесъ каламбуръ Ротшильда: puis je éclairer Votre Majesté pour qu'Elle daigne retrouver Sa Majesté (наигрываніе на двоякомъ смыслѣ Majesté: «величество» и «величіе»)... На насъ всѣхъ нашло такое настроеніе, что въ этотъ вечеръ мы не могли произнести ни одного слова безъ смѣха...

II.

Снова пришлось мнѣ довольно близко сойтись съ Лафаргами въ концѣ 80-хъ годовъ, когда моя семья была въ Россіи, а я проводилъ мѣсяцъ вакацій на о-вѣ Джерси. У Лафарга въ то время очень сильно заболѣли глаза: произошла закупорка слезныхъ каналовъ. Ему было строжайше предписано бросить совершенно занятія на нѣкоторое время, купаться въ морѣ и смачивать соленой водою глаза. Лафарги списались со мной изъ Ле-Перрё (подъ Парижемъ), прося меня найти имъ квартиру. И я, предполагая, что они обладаютъ средствами средняго француза «либеральныхъ» профессій, далъ имъ нѣсколько адресовъ съ указаніями цѣнъ въ отеляхъ и виллахъ. Лафаргъ отвѣтилъ мнѣ шутливымъ письмомъ, говоря, что, вѣроятно, я считаю его за прямого наслѣдника Креза, и что въ такихъ великолѣпныхъ квартирахъ съ не менѣе великолѣпными цѣнами онъ не нуждается, а вотъ пріѣдетъ самъ и поищетъ подходящихъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ, дѣйствительно, пріѣхалъ на пароходѣ изъ Гранвиля съ женой и маленькими племянникомъ и племянницей, живыми, симпатичными существами, которыхъ я чуть ли не каждый день таскалъ на спинѣ, и съ которыми ловилъ креветокъ. Лафаргъ скоро оріентировался въ джерсейскихъ цѣнахъ и, къ моему удовольствію, нанялъ себѣ квартиру недалеко отъ меня, у англо-нормандскаго фермера, въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ очаровательнаго Сэнтъ-Брeладскаго залива.

Лафаргъ въ это время сильно нуждался, и толки его политическихъ враговъ о большихъ средствахъ четы казались только комичными людямъ, ихъ знавшимъ. Скромное, по западно-европейскимъ понятіямъ, состояніе, оставленное Лафаргу отцомъ, давно ушло на переѣзды съ мѣста на мѣсто, пропаганду соціалистическихъ идей, житье въ изгнаніи и т. п. За пребываніе на Джерси мнѣ не рѣдко приходилось видѣть прозаическія заплаты на сѣромъ съ широкими клѣтками англійскомъ костюмѣ Лафарга. Оказалось, что въ послѣдніе мѣсяцы онъ усиленно искалъ хлѣбной работы, и нѣкоторые изъ его этюдовъ, не соприкасавшихся прямо съ соціалистическими вопросами, были печатаемы въ «La Nouvelle Revue» м-мъ Аданъ, съ которой онъ познакомился нѣсколько лѣтъ тому назадъ при посредствѣ нашей талантливой, рано умершей соотечественницы, В. Н. Жандръ-Никитиной.

Итакъ Лафарги помѣстились на небольшой фермѣ, которую снималъ у мѣстнаго лэндлорда старый крестьянинъ, говорившій на томъ удивительномъ архаическомъ жаргонѣ Джерси, который переноситъ насъ въ средневѣковую Францію. И фермеръ, и семья его, состоявшая изъ старухи-жены и взрослаго сына, напрягали всѣ

свои усилія, чтобы только сводить концы съ концами. Арендная плата была высокая, и самые условія аренды отличались тою невообразимою сложностью и запутанностью, которыми зачастую проникнуты земельныя отношенія въ Англіи и принадлежащихъ ей владѣніяхъ. Чтобы заштопывать дыры своего скуднаго хозяйства, нормандецъ держалъ англичанина-нахлѣбника, бывшаго рудокопа изъ Корнваллиса, которому взрывомъ газа оторвало двѣ руки и который, послѣ всевозможныхъ приключеній, попалъ на Джерси, гдѣ занимался, между прочимъ, показываніемъ туристамъ красотъ острова. Мебель въ этой фермѣ была самая примитивная, и я, признаться, удивлялся неприхотливости тѣхъ людей, которые, какъ мнѣ казалось, должны были раньше привыкнуть къ комфорту. Самъ я жилъ въ Сэнтъ-Обинсѣ, верстахъ въ трехъ отъ того мѣста, гдѣ поселились Лафарги, и почти каждый день приходилъ къ нимъ для совмѣстной прогулки. Случалось, что наше хожденіе затягивалось, и мы возвращались такъ поздно, что хозяева приглашали меня запросто поужинать, а порой и заночевать.

Я былъ пораженъ умѣньемъ Лафарга входить въ жизнь простыхъ людей и въ свою очередь заинтересовывать ихъ своими разсказами. Меня поэтому нисколько не удивляло, когда позже я слышалъ, какимъ успѣхомъ пользовался онъ среди ткачей и прядильщиковъ Сѣвернаго департамента. Можете себѣ представить, до какой степени были правдивы клеветы буржуазной прессы, представлявшей Лафарга гордымъ человѣкомъ, который лишь показывается на трибунѣ публичныхъ собраній, чтобы снова цѣликомъ погружаться въ утонченно-пріятную жизнь рантье. Тутъ одной симпатіи къ рабочему человѣку было мало. Надо было еще знать жизнь трудового народа. И Лафаргъ зналъ ее. Онъ удивлялъ меня массою чисто-практическихъ свѣдѣній и умѣніемъ дѣлать тѣ или другія вещи, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ. Не держись я всегда настороже по отношенію къ теоріи, выводящей психологію людей изъ ихъ расы, я готовъ былъ бы объяснить эту практическую ловкость Лафарга тѣмъ, что всего какія-нибудь два поколѣнія отдѣляли его, внука негритянки и внука караибки, отъ первобытнаго человѣка. Лафаргъ очень любилъ теоріи и абстракціи. Но его всегда раздражало незнаніе теоретиками условій дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣдовательнымъ ученикомъ Маркса, утверждавшаго, что теоретическая мысль должна отражать практическую жизнь.

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ Лафаргъ былъ уже за панибрата съ фермеромъ, его семьей и нахлѣбникомъ. И какого рода картофель они садятъ, и что даютъ на кормъ коровамъ, и какая рыба ловится у береговъ, и на какихъ условіяхъ была снята ферма,—все это онъ уже зналъ и говорилъ со своими хозяевами о всѣхъ ихъ мелкихъ, но существенныхъ горестяхъ и радостяхъ съ такой простотой и участіемъ, что я просто умилялся.

Нашлись у него точки сближенія и съ изувѣченнымъ горнорабочимъ. Лафаргъ такъ же хорошо зналъ рабочую, какъ и крестьянскую жизнь, и умѣлъ затронуть живыя струны у рудокопа. Однажды наша компанія, человѣкъ изъ четырехъ-пяти, вмѣстѣ съ калѣкой, отправилась посмотрѣть на ловлю кроликовъ прирученною лаской. Бывшій горнорабочій, еще довольно молодой человѣкъ, съ нервнымъ, энергичнымъ лицомъ, живо участвовалъ въ этой охотѣ если не руками, то глазами, слѣдя, какъ маленькій хищникъ, къ шеѣ котораго былъ привязанъ крошечный колокольчикъ, выгонялъ кроликовъ изъ норокъ.

— А что, пріятель (good fellow),—спросилъ Лафаргъ, обращаясь къ корнваллійцу,—не хватаетъ рукъ-то?.. Взрывомъ отбило?.. А у васъ, я вижу, вся душа въ рукахъ.

Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ рабочаго, къ которому Лафаргъ обратился съ этими словами на не совсѣмъ, можетъ быть, хорошо произносимомъ, но бѣгломъ англійскомъ языкѣ.

— Должно быть, плохо вентилировали рудникъ-то? Мало было акціонерамъ дивиденда!—И за этимъ слѣдовало нѣсколько техническихъ вопросовъ, смысла которыхъ я путемъ не схватилъ.

Страстно волнуясь, съ горящимъ взоромъ, сопровождая свой разсказъ движеніями жалкихъ, изувѣченныхъ обрубковъ, рабочій описалъ намъ картину своей прежней жизни, и какимъ онъ былъ спеціалистомъ своего дѣла, и какъ его любили всѣ товарищи, и какъ онъ теперь еще во снѣ видитъ себя на глубинѣ шахты попрежнему со своими здоровыми, могучими руками.

Я понялъ, почему на слѣдующій же день калѣка слѣдовалъ за Лафаргами, какъ тѣнь. Такъ тепло, по человѣчески, съ нимъ, видно, давно не говорили. И надо было видѣть усердіе, съ какимъ онъ старался доставлять Лафаргамъ развлеченія, то, знакомя насъ съ моряками, то приводя къ намъ интересныхъ крестьянъ изъ окрестностей, то отправляясь съ нами въ самыя живописныя мѣста острова...

Пріятно меня поражала совмѣстная жизнь Лафарговъ. Такой хорошей любви, такого товарищества мнѣ не приходилось часто наблюдать и между счастливыми парами. Лафаргъ казался лѣтъ на десять-пятнадцать старше своей жены, имѣвшей въ то время видъ совсѣмъ еще молодой женщины, хотя ей уже было за сорокъ. «Лора, дочь моя» (Laura, ma fille),—было обычнымъ обращеніемъ Лафарга къ женѣ. И та порою принимала забавный тонъ балованнаго ребенка, но безъ тѣни рисовки или фальшивой сентиментальности. Видно было, что этимъ людямъ жилось вмѣстѣ необыкновенно хорошо, и радости, какъ и горести, дружно дѣлились ими. Порою у Лафарга прорывались, я бы опять сказалъ, черты первобытнаго человѣка, и онъ какъ-то по мужицки, почти грубо, начиналъ высказывать свое неудовольствіе по какому-нибудь домашнему поводу. Больше всего приводили его въ такое состояніе продѣлки

его племянниковъ, бывшихъ, дѣйствительно, настоящими бѣсенятами. Приходилось за ними поминутно смотрѣть, чтобы они не сорвались съ утеса или не упали въ глубокую, наполненную соленой водой прилива, впадину въ гранитныхъ скалахъ прибрежья. Лафарга, видимо, подмывало въ такихъ случаяхъ отшлепать ребятъ. Но Лаура во время останавливала его, и нашъ «дунайскій мужикъ» (paysan du Danube), какъ называлъ я его, намекая на извѣстную басню Лафонтена, ограничивался тѣмъ, что символически поднималъ рубашенку у дѣтей и запѣвалъ популярную въ такихъ случаяхъ французскую пѣсенку:

Les papas et les mamans
Sont des gens bien grand, méchants.

Вообще, эта чета представляла воплощеніе здоровья, счастья и жизнерадостности. Но Лафаргъ былъ больше дитя природы и порою даже не особенно стѣснялся своей примитивности. Жена же его была тонкая, чуткая, поэтическая натура, соединявшая рѣдкій умъ съ большимъ литературнымъ вкусомъ. Лафаргъ, я уже сказалъ, былъ страстнымъ теоретикомъ. Но онъ очень не любилъ людей, которые проводили жизнь исключительно среди книгъ.

— Я понимаю,—говорилъ онъ,—генія вродѣ Маркса, которому надо прибѣгать къ печатнымъ документамъ для того, чтобы изучить подробности какого-нибудь вопроса. Но не изъ книгъ же люди этой категоріи берутъ свои идеи. Имъ подсказываетъ ихъ геніальный инстинктъ, чутье жизни... Неужели вы думаете, что Марксъ дошелъ до своихъ великихъ обобщеній хваленымъ индуктивнымъ методомъ, къ которому теперь кстати и не кстати стали прибѣгать представители «реальной», «исторической» и, какъ ее еще тамъ школы, въ политической экономіи?.. Да, я увѣренъ, что первыя очертанія его теоріи стали слагаться у него, лишь только онъ попалъ въ революціонный Парижъ и познакомился съ движеніемъ умовъ среди тогдашнихъ рабочихъ и тогдашнихъ соціалистовъ... Вы посмотрѣли бы, какъ обращался Марксъ съ книгами! Онѣ были для него слуги и рабы, а не господа. Сколько разъ я видалъ, какъ Марксъ изъ какого-нибудь большого сочиненія вырывалъ десятокъ страницъ, надписывалъ на нихъ точное названіе труда, изъ котораго онѣ были выдраны, а самое книгу бросалъ въ корзину: «остальное—дрянь»...

Порою, видимо, Лафаргъ говорилъ это въ пику мнѣ. Ему показалось, что я, не будучи чистокровнымъ марксистомъ, долженъ быть «идеалистомъ» и великимъ книжникомъ, ничего не понимавшимъ въ жизни и не умѣвшимъ наблюдать ее. Такъ онъ конструировалъ мою личность, отчасти на основаніи разсказовъ обо мнѣ Лаврова, который относился, впрочемъ, съ большою теплотою ко мнѣ и одобрялъ мою манеру добросовѣстно заниматься предметомъ, привлекавшимъ въ данный моментъ мое вниманіе. Но самъ Лав-

ровъ, хоть и былъ великимъ книжникомъ, человѣкомъ необыкновенной эрудиціи, принадлежалъ къ категоріи людей, которыхъ Лафаргъ глубоко уважалъ: что годилось Юпитеру, то не годилось простому смертному! И онъ отрицалъ за мною право такъ же много работать надъ книгами, какъ это дѣлалъ Лавровъ. Лавровъ могъ быть «идеалистомъ», могъ даже имѣть нѣсколько отклоняющееся отъ Маркса мнѣніе,—это ему прощалось. Но рядовой интеллигентъ совершалъ, по мнѣнію Лафарга, преступленіе, если онъ тратилъ на что-нибудь время, кромѣ изученія Маркса и непосредственнаго, т. е. агитаціоннаго, приложенія его къ жизни.

Эта нота насмѣшливаго отношенія ко мнѣ, какъ къ заядлому книжнику, по счастію, во время моего пребыванія на Джерси, была скоро смягчена обстоятельствомъ, которое до сихъ поръ заставляетъ меня улыбаться. Лафаргъ купался каждый день и иронически дожидался того момента, когда и мнѣ придется впервые при немъ лѣзть въ воду. Онъ почему-то вообразилъ, что я долженъ бояться моря. Помню, было прекрасное августовское утро. Съ океана тянулъ свѣжій вѣтеръ, и волны неспокойно разбивались въ томъ мѣстѣ, гдѣ песчаный бархатный пляжъ переходилъ въ гранитныя скалы. Недурно плавая, я рѣшилъ нырнуть съ утеса прямо въ глубь и, проплывъ довольно далеко, направился къ берегу лишь тогда, когда, озадаченный и слегка перепуганный, Лафаргъ сталъ продѣлывать энергичные жесты бѣлой простыней, очевидно, приглашая меня вернуться. Приблизившись, я уже могъ различать его крики: «Да возвращайтесь же! Какого чорта вы тамъ дѣлаете? Еще придется лодку посылать тащить васъ!»...

Когда я вышелъ на песокъ, Лафаргъ комично осмотрѣлъ меня и съ свойственной ему импульсивностью вдругъ выпалилъ:

— Да, вы—варваръ, вы достойны быть варваромъ!.. Я понимаю теперь, что вы не можете проникнуть въ Маркса. Я вамъ прощаю это. Вы еще не прошли въ вашей Россіи черезъ всѣ мерзости капиталистическаго строя. Вы еще не искалѣчены. Вы выучились читать, но не разучились плавать...—Лора, Лора, ты знаешь, Р. плаваетъ, да еще какъ!..

Такимъ образомъ, благодаря такому постороннему обстоятельству, какъ умѣнье плавать, я спасъ хоть часть своей репутаціи въ глазахъ Лафарга. Онъ, можно сказать, хронически,—враги говорили: по причинѣ своего происхожденія, отчасти отъ черной, отчасти отъ краснокожей расы,—любилъ «первобытное человѣчество». А теперь это хроническое тяготѣніе обострялось еще увлеченіемъ, съ какимъ онъ изучалъ, при помощи жены, не такъ давно передъ тѣмъ вышедшую работу Энгельса «О происхожденіи семьи, собственности и государства». Но тутъ и меня въ свою очередь стало забавлять то своеобразное книжничество, та почти трогательная вѣра въ догму, которая проникала все существо этого любителя жизни, дѣйствительности, дикарей, не испорченныхъ цивилизаціей, и т. п.

прекрасныхъ вещей. Дѣйствительно, покамѣстъ Лафаргъ не могъ меня вдвинуть въ извѣстную категорію, мое существо сбивало его съ толку, мой «идеализмъ» раздражалъ его. Но вотъ я благополучно въѣхалъ въ одну изъ его формулъ и тѣмъ самымъ получалъ право на дружеское отношеніе. Я «умѣлъ плавать». Я былъ «дитя природы». Я былъ «варваръ-русскій». Я еще не окунулся въ море капиталистическаго производства и привольно чувствовалъ себя въ отнюдь не метафорическомъ морѣ. Какимъ же путемъ я могу понимать Маркса? Вѣдь сознаніе человѣка отражаетъ только его бытіе...

И надо было видѣть, съ какой быстротой на этомъ первомъ основаніи разрослось истолкованіе Лафаргомъ моей личности. Какъ-то вскорѣ я сказалъ ему, что не изъ книгъ только, а и изъ жизни я знаю русскую общину, что я жилъ въ деревнѣ, что я видѣлъ, какъ мужики дѣлятъ свою землю, видѣлъ, какъ эти люди относятся другъ къ другу. Лафаргъ вдругъ вообразилъ, что я сынъ мужика, что я страстный общинникъ, общинникъ, до такой степени сросшійся душой съ этой первобытной формой, что не могу даже мысленно выйти изъ нея, и потому никакъ не въ состояніи ясно представить себѣ иной строй. Тщетно я говорилъ Лафаргу, что онъ меня не понялъ; что—увы!—я не сынъ мужика, а сынъ самаго доподлиннаго купца; что отцы моихъ близкихъ родственниковъ были откупщиками, а сами родственники—директорами коммерческихъ банковъ и строителями желѣзныхъ дорогъ; что если можно говорить о какомъ-либо общеніи моихъ родныхъ съ русскими первобытными формами владѣнія, то развѣ лишь о томъ способѣ общенія, который Байрономъ картинно назывался общеніемъ акулы съ ея добычей; что мои присные не мало потрудились надъ тѣмъ, чтобы произвести бреши въ старой русской общинѣ; и что я могу поэтому претендовать на пониманіе капитализма,—ну, хоть бы на стадіи «первоначальнаго накопленія».

Но Лафаргъ не хотѣлъ меня и слушать. Моя химическая формула была найдена. Я былъ разложенъ на части: какой еще можетъ быть тутъ резидуумъ? Я варваръ, я общинникъ, я хорошо умѣю плавать—откуда же мнѣ постигнуть суть Маркса?.. Мнѣ прощались всѣ мои теоретическіе грѣхи и весь мой плачевный дальтонизмъ, мѣшавшій мнѣ быть чистокровнымъ марксистомъ, а, въ самомъ лучшемъ случаѣ, позволявшій быть лишь помѣсью изъ марксиста и идеалиста.

Но на этой почвѣ Лафаргъ оставался по отношенію ко мнѣ лишь нѣкоторое время. Когда уже упомянутая распря русскихъ братьевъ-враговъ марксистскаго и иного лагеря дошла до своего апогея, Лафаргъ уже не пожелалъ довольствоваться въ примѣненіи ко мнѣ объясненіемъ моей психологіи изъ экономическихъ условій Россіи. Въ числѣ прочихъ русскихъ «идеалистовъ», — за исключеніемъ одного Лаврова,—я попалъ къ нему въ немилость.

Замѣчая это и никогда не имѣя склонности къ охотѣ за знаменитостями, которую такъ высмѣивалъ въ русскихъ пріѣзжихъ еще Марксъ, я рѣшилъ возможно рѣже встрѣчаться съ Лафаргомъ. Теперь мнѣ приходилось видать его только на митингахъ, на «колоніальныхъ» горестяхъ и радостяхъ, т. е. на похоронахъ русскихъ и французскихъ соціалистовъ, или на нашихъ незатѣйливыхъ, но дружескихъ пиршествахъ, вродѣ празднованія дня рожденія Лаврова. Кстати сказать: такъ проходили годы, но всякій разъ, когда послѣ значительнаго промежутка времени мнѣ приходилось встрѣчаться съ Лафаргами, меня всегда поражала ихъ моложавость. Особенно она еще въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ продолжала напоминать стройную, молодую дѣвушку моего перваго знакомства съ нею.

III.

Судьба, однако, дала мнѣ счастье въ послѣдніе годы моего пребыванія за границей снова довольно близко сойтись съ Лафаргами. Говорю «счастье» потому, что я до сихъ поръ не могу забыть той теплоты и дружелюбія, съ какими они отнеслись ко мнѣ въ эту нашу послѣднюю полосу знакомства. Я вспоминаю это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что въ этомъ измѣненіи отношеній я, какъ человѣкъ извѣстныхъ убѣжденій, былъ собственно не при чемъ. Наоборотъ, тутъ та самая страстность вѣрующаго фанатика, которая всегда характеризовала Лафарга, и заставляла его съ этой точки зрѣнія раздѣлять все человѣчество на овецъ и козлищъ, на правовѣрныхъ и еретиковъ и язычниковъ, уступила мѣсто гораздо болѣе простому, чисто человѣческому отношенію. И я считаю долгомъ передъ сошедшими навсегда со сцены хорошими людьми разсказать, какъ это случилось.

Въ половинѣ 90-хъ годовъ накопленіе хлѣбной работы и работы для души вызвало для меня необходимость продолжительнаго и упорнаго труда. Не было дня, когда бы я не работалъ по 12-ти часовъ и болѣе. И такъ тянулось цѣлыми годами. Въ особенности мое сотрудничество въ «Русскомъ Богатствѣ», предложенное мнѣ Михайловскимъ и удовлетворявшее интимнымъ сторонамъ моей души, заставляло меня подолгу засиживаться вечерами, уже послѣ длиннаго дня, проведеннаго за французской, лишь временами интересовавшей меня работой. Наконецъ, нервная система и мозгъ не выдержали.

Я помню одно лучезарное, майское утро, когда я проснулся въ странномъ, возбужденномъ и вмѣстѣ подавленномъ, состояніи, проснулся совсѣмъ не самимъ собою, не тѣмъ человѣкомъ, какимъ я легъ. Та знаменитая, неслышимая гармонія сферъ, которая, по ученію древнихъ философовъ, всегда окружаетъ насъ своими божественными звуками, и которая находила эхо въ моей обычной жизне-

радостности, вдругъ смѣнилась—выражаясь фигурально—леденящимъ душу ревомъ той «рѣки временъ», что, согласно поэту, уноситъ все въ своемъ теченьи. Я ясно помню, какъ я вдругъ не только созналъ, но ощутилъ съ болѣзненностью галлюцинаціи вѣчное исчезновеніе людей и вещей. И все въ жизни становилось мнѣ предлогомъ къ мученію. Неумолимость этого процесса исчезновенія, который безжалостно раздавливаетъ и геніальную мысль художника, и величайшее обобщеніе философа, и героическій подвигъ борца, и жизнь, и красоту, и любовь, и дружбу, вдругъ ясно обрисовалась передо мной. Я никогда раньше не думалъ о смерти. Наоборотъ, когда я чувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ, я сознавалъ себя богомъ, я ощущалъ себя поистинѣ безсмертнымъ. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы для меня, такъ страстно любившаго жизнь, когда нибудь потухли краски міра и замолкли его звуки. Я абстрактно могъ *понимать* смерть. Но *ощущеніе* ея личной неизбѣжности для меня совершенно отсутствовало.

Когда я проснулся другимъ, то и теперь мысль о моей личной смерти не могла войти въ мое сознаніе. Но за то ядовитой змѣей она обвила свои кольца вокругъ всего, что было дорого мнѣ, и изъ-за чего мнѣ хотѣлось жить. Я мысленно присутствовалъ при смерти моихъ малолѣтнихъ дѣтей. Я мысленно стоялъ у смертнаго одра тогда еще бодраго Лаврова. Я мысленно оплакивалъ гибель бѣдной и, однако, все-же столь дорогой и близкой намъ земли со всѣми ея горестями, но и со всѣми радостями, съ ея злобой и ненавистью, но и съ величайшими порывами альтруизма. И передъ моими глазами смерть, словно какая-то гигантская бездна, втягивала въ себя и поглощала всѣ эти безконечные, разбросанные въ пространствѣ міры. Теперь читатель понимаетъ, какимъ шумомъ вдругъ наполнилъ мои больныя уши грохотъ этой рѣки временъ, которая гигантскимъ водопадомъ увлекала все съ собой въ пропасть небытія...

Это не было собственно сумасшествіе, но нѣчто хуже того. Вся привычная координація мысли и чувства совершалась своимъ порядкомъ. Я пилъ, ѣлъ, работалъ, даже порою, какъ будто, веселился. Но какъ только исчезала надобность въ какой-нибудь опредѣленной функціи организма, какъ только я впадалъ въ то состояніе, которое обычно и самому здоровому человѣку и характеризуется тѣмъ, что человѣкъ ничѣмъ собственно не занятъ, а только сознаетъ, что онъ живетъ, и мысль его произвольно перебѣгаетъ съ предмета на предметъ, такъ сейчасъ-же снова въ моей душѣ поднимался ураганъ ужаса, и я снова видѣлъ передъ собой этотъ колоссальный водопадъ рѣки смерти, забвенія и уничтоженія, въ то время какъ я, словно вѣчный жидъ, долженъ жить и жить... Вскорѣ наступила упорная безсонница, которая безконечно удлинила эти моменты нелѣпой думы и превратила ночи въ долгіе часы пытокъ.

Не будучи мистикомъ по природѣ, и давно утерявъ вѣру въ тѣ обрядовыя формулы, которыми старая купеческая среда убаюкивала мое дѣтство, я не думалъ прибѣгать къ какой-нибудь сверхъ-естественной помощи. Я ясно лишь сознавалъ, что тотъ піанистъ, который называется безсмертной душой и, согласно воззрѣніямъ спиритуалистовъ, наигрываетъ на инструментѣ моего тѣла, пересталъ вести себя какъ слѣдуетъ. Мнѣ, которому всегда была такъ дорога жизнь именно потому, что она является единственнымъ изданіемъ книги бытія, для которой нѣтъ ни корректуръ, ни измѣненій, и которую надо, поэтому, пройти до конца, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку,—мнѣ вдругъ опостыло самое существованіе. Утерялся смыслъ жизни, какъ говорятъ мистики. Я ясно понялъ, что моя безсмертная душа нуждалась въ коренномъ измѣненіи того образа жизни, на который было осуждено мое смертное тѣло.

Совсѣмъ оставить работы я не могъ. Но можно было, благодаря товарищамъ изъ «Русскаго Богатства», принявшимъ участіе въ моей судьбѣ, замѣтно сократить продолжительность труда, а остальное время усиленно заняться всевозможными упражненіями. Уже этого достаточно было, чтобы по истеченіи семи-восьми мѣсяцевъ я сталъ понемногу возвращаться къ прежнему состоянію. И чего-чего только я не продѣлывалъ въ это время по части спорта, пока, наконецъ, не почувствовалъ, что мой піанистъ снова беретъ по тѣмъ клавишамъ, по какимъ нужно! Но именно эта критическая полоса моей жизни связана прочной ассоціаціей идей съ четой, которой посвящена эта статья. И я съ величайшимъ умиленіемъ вспоминаю моихъ дорогихъ, моихъ добрыхъ Лафарговъ, уютный домъ которыхъ въ Дравейлѣ тѣсно соединенъ въ моемъ представленіи съ моимъ лѣченіемъ.

Не знаю, какъ это вышло, но среди безсонныхъ ночей я вспомнилъ Лафарга и его «варвара». Мнѣ подумалось, что именно частое посѣщеніе этихъ интересныхъ и славныхъ людей въ деревнѣ, довольно далеко отъ Парижа, поможетъ мнѣ окунуться въ иную умственную и нравственную атмосферу и хоть нѣсколько отодвинуть отъ себя неотступную мысль больного человѣка. И вотъ я воспользовался первымъ представившимся случаемъ, — письмомъ Лаврова, въ которомъ онъ просилъ Лафарговъ участвовать въ какомъ-то соціалистическомъ предпріятіи,—и въ ближайшій праздничный день отправился на велосипедѣ туда, гдѣ не задолго передъ тѣмъ они поселились.

Дравейль—очаровательное своими окрестностями мѣсто и сравнительно такъ неудобно расположенъ между Ліонской и Орлеанской линіями, что въ немъ по праздникамъ бывало десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ мало парижанъ. Онъ находится въ разстояніи 25 верстъ отъ столицы, между великолѣпными берегами Сены, съ одной стороны и Сэнарскимъ лѣсомъ—съ другой. Это не особенно большая, но богатая деревня, точнѣе говоря, мѣстечко, на глав-

ной улицѣ котораго и находился домъ, или, какъ злорадно описывала его буржуазная печать, «замокъ» Лафарговъ. Мы сейчасъ увидимъ, что это былъ за замокъ.

Не задолго передъ тѣмъ Лаура Лафаргъ, которая въ теченіе 25 лѣтъ жила съ мужемъ очень скромно и порою даже въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, получила наслѣдство отъ Энгельса, бывшаго ближайшимъ другомъ Маркса и смотрѣвшаго на его дѣтей, какъ на своихъ собственныхъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ былъ бездѣтнымъ. Сколько досталось на долю Лауры, которая должна была подѣлить наслѣдство со своей младшей сестрой и дѣтьми умершей старшей, я до сихъ поръ не знаю. Французская буржуазная печать говорила о 600.000 франковъ. Повидимому, дѣло было гораздо скромнѣе и не выходило изъ предѣловъ того, что въ Западной Европѣ считается не богатствомъ, а едва-едва хорошимъ достаткомъ. Въ какой степени врагами людей, четверть вѣка жившихъ тружениками, было преувеличено состояніе Лафарговъ, видно изъ той суммы, которую они заплатили за свой «замокъ». Читатель можетъ, конечно, понять, что мнѣ и въ голову не приходило интересоваться цѣною гостепріимнаго дома Лафарговъ. Но и безъ всякой инициативы съ моей стороны, самъ же нотаріусъ, устроившій продажу Лафаргамъ имѣнія своего знакомаго и собрата по ремеслу, сказалъ мнѣ мимоходомъ о томъ, что дѣло сошлось на какихъ нибудь пятнадцати тысячахъ франковъ. За эту цифру Лафарги пріобрѣли небольшое имѣніе съ просторнымъ двухъ-этажнымъ домомъ, маленькимъ паркомъ, фруктовымъ садомъ и птичникомъ.

Нижній этажъ дома состоитъ изъ трехъ-четырехъ комнатъ: столовой, выходящей на веранду, рабочаго кабинета и довольно большого салона. Во второмъ этажѣ помѣщается нѣсколько спаленъ для домочадцевъ и гостей. Словомъ, это—обыкновенное помѣщеніе зажиточнаго француза, и ничего похожаго на замокъ не представляетъ. Лафаргъ даже сдѣлалъ въ прежнемъ хозяйствѣ нѣкоторыя перемѣны въ видахъ экономіи. Такъ, онъ приказалъ закрыть водоемъ съ фонтаномъ, который билъ посреди лужайки передъ домомъ, и направилъ воду на поливку фруктоваго сада и на птичникъ.

Лафаргъ принадлежалъ къ категоріи людей, которые, по выраженію одного гуманнаго русскаго писателя, любятъ «плодить жизнь на землѣ». Онъ ужасно любилъ дѣтей, животныхъ, птицъ. Все, что жило и копошилось, вызывало на его подвижномъ лицѣ улыбку удовольствія. Онъ оставилъ лишь нѣсколько фазановъ и куропатокъ, которые перешли къ нему отъ бывшаго хозяина, но за то развелъ неимовѣрное количество куръ, голубей, кроликовъ. Онъ самъ любилъ ухаживать за ними, и высшимъ наслажденіемъ его было, надѣвъ на старую куртку толстый синій передникъ и напяливъ на ногу мужицкіе сабо, ходить отъ птичника къ птичнику, отъ клѣтки къ клѣткѣ и раздавать ихъ двуногимъ и четвероногимъ

обитателямъ пищу, которую самъ же Лафаргъ искусно приготовлялъ. Я уже упоминалъ раньше о массѣ житейскихъ свѣдѣній, которыми онъ обладалъ. Это мнѣ стало въ особенности замѣтно, когда я началъ часто бывать у него въ Дравейлѣ. Здѣсь не рѣдко приходилось мнѣ слышать, какъ онъ дѣлалъ практическія указанія своему садовнику, и почти всегда въ такой юмористически-яркой формѣ, что и самъ служащій, и присутствующіе не могли удержаться отъ смѣха.

Подъ этотъ-то гостепріимный кровъ я сталъ ѣздить, по приглашенію хозяевъ, каждое воскресенье, а еще чаще вечеромъ въ субботу, чтобы проводить двѣ ночи на дачѣ и возвращаться на велосипедѣ въ понедѣльникъ утромъ, прямо на работу. Съ первой-же встрѣчи и возобновленія знакомства я разсказалъ Лафаргу, какъ скверно чувствовалъ я себя, и какъ меня въ особенности мучила упорная безсонница, продолжавшаяся уже цѣлыми мѣсяцами. Никогда не забуду того выраженія искренняго участія, которое отразилось на еще красивомъ лицѣ Лафарга. Самъ онъ былъ докторомъ, кончивъ курсъ въ изгнаніи въ одномъ изъ англійскихъ университетовъ, и очень сильно работалъ надъ нѣкоторыми отдѣлами медицины, главнымъ образомъ, надъ органической химіей, особенно поскольку она касалась условій питанія и поддержанія организма. Но надъ терапіей онъ жестоко смѣялся и говорилъ, что всякій уважающій себя медикъ въ настоящее время долженъ быть только гигіенистомъ. Это давало ему поводъ еще и еще выражать страстную ненависть къ современному экономическому строю, создающему какъ разъ такія условія, какія исключаютъ всякую гигіену для громаднаго большинства человѣчества. Въ общемъ у Лафарга была почти трогательная вѣра въ vis medicatrix naturae, въ то, что организмъ самъ умѣетъ отстоять себя, и что природа заключаетъ въ себѣ достаточно рессурсовъ для того, чтобы человѣкъ, понимающій дѣло, могъ долго и хорошо жить, если только его не забрала въ свои желѣзные зубцы капиталистическая эксплуатація.

Когда я разсказалъ Лафаргу, какъ исчезла моя жизнерадостность, и какъ мнѣ тяжело было лишиться обычнаго хорошаго настроенія, онъ посмотрѣлъ на меня и, улыбаясь доброй улыбкой, сказалъ:

— Ну, кто такъ плавалъ на Джерси, не сдастся скоро болѣзни. Я, старый докторъ-скептикъ, самъ пропишу вамъ такое лѣкарство, что оно мертваго изъ гроба подниметъ... Вы слишкомъ много работали мозгомъ; васъ надо оглупить (il faut vous abrutir), и я васъ оглуплю.—Лора, моя дочь,—крикнулъ Лафаргъ, увидя подходившую жену, которая издали улыбалась намъ,—вотъ тебѣ нашъ джерсейскій варваръ, а нынѣ паціентъ, который нуждается въ моей помощи. Надо, чтобы мы хорошенько окружили его растительной жизнью... Вотъ вамъ мой рецептъ. Работайте въ половину. Продолжайте заниматься всѣми упражненіями, какими

занимались. Пріѣзжайте пораньше къ намъ каждую субботу и уѣзжайте лишь утромъ въ понедѣльникъ. Никакой особой діэты: вы будете ѣсть то, что ѣдимъ мы, пить, что пьемъ мы... Кстати, у меня есть такія бордосскія вина, что Ротшильду ихъ продадутъ чортъ знаетъ за сколько, а мнѣ, по знакомству, они достаются дешевле знаменитаго парижскаго «синяго» (petit bleu)... Поѣвъ и испивъ, вы будете днемъ спать въ гамакѣ нашего парка, а ночью въ большой комнатѣ, на верху, съ открытыми окнами и безъ всякой подушки. Вечеромъ вы будете гулять съ нами по берегамъ Сены и въ Сэнарскомъ лѣсу. А, возвратившись, вы будете снова пить и ѣсть... Чтенія никакого, кромѣ того, что я пропишу вамъ: мы съ Лорой будемъ читать вамъ индѣйскія сказки и старыя шотландскія баллады, а вы въ свою очередь будете разсказывать намъ русскія сказки и пѣть русскія пѣсни... Вы хотите сказать, что не умѣете? Ничего! Я слышалъ, какъ вы пѣли въ хорѣ на русскомъ балу... У насъ въ Лондонѣ бывалъ Гартманъ. У него былъ слабый голосъ, и пѣлъ онъ, конечно, не по оперному. А какъ запоетъ, бывало, «маленькій бѣлый снѣгъ» (la petite neige blanche), такъ столько было выраженія, что въ оперѣ того не найдешь!..

Свои докторскія предписанія Лафаргъ исполнялъ съ комичной пунктуальностью. Всякій разъ, когда я пріѣзжалъ къ нему, обыкновенно вечеромъ въ субботу, я чувствовалъ, что превращаюсь въ его вещь. Онъ забиралъ меня въ свои руки и при малѣйшемъ сопротивленіи картинно показывалъ на свою суковатую деревенскую палку. Нѣкоторыя изъ сценъ моей «гигіенической» жизни у Лафарговъ глубоко врѣзались въ мою память и до сихъ поръ волнуютъ меня. Добрые, милые люди! Какъ долженъ быть пустъ безъ васъ Дравейльскій домъ!.. Нити скрещивающихся воспоминаній образуютъ во мнѣ словно одну золотую ткань, схему всѣхъ моихъ дравейльскихъ посѣщеній.

Вотъ я съ Лафаргами и ихъ славной собакой Фидо, которая упомянута на дняхъ въ ихъ завѣщаніи, иду по берегу Сены, или по очаровательнымъ сельскимъ дорогамъ, ведущимъ къ Сэнарскому лѣсу. Передъ нами, въ этихъ великолѣпныхъ окрестностяхъ Парижа, развертывается рядъ величественныхъ замковъ. Мой чичероне знаетъ, какъ свои пять пальцевъ, соціальную карьеру господъ владѣльцевъ и въ самой уморительной формѣ развертываетъ передо мною памятную книжку всѣхъ этихъ католическихъ, еврейскихъ и протестантскихъ хищниковъ, которые нажили роскошныя виллы геніальными биржевыми аферами, сразу повергавшими въ бездну нищеты тысячи мелкихъ лавочниковъ и ремесленниковъ. Надо было, дѣйствительно, слышать изъ устъ Лафарга исторію «первоначальнаго накопленія» всѣхъ этихъ французскихъ Лебоди и бельгійскихъ Когеновъ изъ Антверпена, и интернаціональныхъ Эдварсовъ изъ прежняго «Le Matin»!.. Мы возвращались по тропинкѣ, среди высокой-высокой травы луговъ на берегу Сены, и я,

догадавшись, что знаменитый «маленькій бѣлый снѣгъ» Гартмана былъ россійскими «снѣгами бѣлыми, пушистыми», платилъ за разсказы Лафаргамъ вокальными упражненіями, которыми самъ я оставался не особенно доволенъ, но которые обладали даромъ восхищать Лафарга, находившаго въ нихъ аналогію съ французскими народными пѣснями. Его приводили въ умиленіе въ особенности слова нашей народной лирики.

— Что за размахъ! Пушистый снѣгъ (la neige duveteuse)!— восклицалъ онъ, когда я переводилъ ему слова.—А потомъ: посмотрите, какое значеніе имѣетъ для народнаго пѣвца вся эта природа въ его домашнемъ обиходѣ. Всѣ поля прикрыты,—только не прикрыто поле моего отца,—поетъ «горькая, несчастная» крестьянка. Да вѣдь это патріархальный строй! Вѣдь это—уваженіе къ родоначальнику, который держитъ въ своихъ рукахъ все!.. Потому, можетъ быть, и снѣгъ не прикрылъ родное поле, что глава мужицкаго рода—всесильный богъ земледѣлія.

И Лафаргъ пускался въ свои соціологическія обобщенія, заходя въ нихъ порою такъ далеко, что я начиналъ улыбаться.

Для меня лично какъ-то жалко звучали въ чужомъ воздухѣ звуки родной пѣсни, напр., когда мы проходили близъ имѣнія Альфонса Додэ, въ Шанрозэ, и мимо той старинной часовни на большой дорогѣ, которую французскій романистъ изобразилъ въ своемъ «Маленькомъ приходѣ» и въ которую ходятъ искать утѣшенія, согласно мѣстному повѣрью, всѣ огорченные и скорбящіе рогоносцы, имъ же имя легіонъ. «Маленькій приходъ» и «Снѣги бѣлые!»

Но вотъ въ разговоръ вступала Лаура, прекрасно знавшая всю европейскую (и американскую) литературу. По прихоти ассоціаціи идей дочь Маркса импровизировала своимъ спутникамъ непретенціозную, но живую лекцію о юморѣ Додэ и Диккенса, страстно отстаивая оригинальность англійскаго юмора передъ французскимъ.

И вдругъ Лафаргъ импульсивно начиналъ и вопрошать меня, и за меня же отвѣчать:

— Что, и вы тоже обожаете Альфонса Додэ?.. А, можетъ быть, и Золя?.. Стыдитесь! У васъ такой геніальный писатель, какъ Толстой, а вамъ дался нашъ «натуралистъ»!.. Сколько разъ ему Гэдъ вбивалъ въ голову, какова жизнь рабочаго на копяхъ... Пріѣзжалъ распрашивать... А еще говорятъ: «документъ»!.. Всего, кажется, разъ и спустился въ шахту, да и то не выдержалъ! А потомъ сдеретъ все съ какого-нибудь техническаго руководства, да и будетъ возбуждать своимъ «Жерминалемъ» восторгъ...—вотъ хоть у такихъ глупцовъ, какъ вы, которые гнушаетесь своимъ добромъ... Нѣтъ, не вѣрьте французамъ! Я вѣдь знаю нашу братію. Малѣйшая литературная дрянь у насъ выходитъ знаменитостью. Ну, а ужъ тѣ-то что покрупнѣе?!. Напримѣръ, по вашему, Викторъ Гюго геній?!.:

Я читалъ забавную и злую брошюру Лафарга, написанную противъ Виктора Гюго, послѣ его смерти, въ пику французамъ, которые провозгласили его геніемъ всѣхъ временъ и народовъ. И, упомянувъ объ этомъ Лафаргу, сказалъ совершенно искренно, что гораздо больше люблю Мюссэ, и что таково же, повидимому, было ощущеніе такого недурного знатока европейской поэзіи, какъ нашъ Пушкинъ.

— Да? тѣмъ лучше! Вы, варвары, смышленный народъ... Не теряйте только своего первобытнаго чутья!.. И не вѣрьте намъ, усталымъ европейцамъ, которые сами на себя налгутъ, богъ знаетъ что, и заставляютъ васъ, наивныхъ дѣтей природы, вѣрить имъ... А кстати, вы читали «Тома Джонса» Фильдинга?

Грѣшный человѣкъ, я долженъ былъ признаться Лафаргамъ, что во дни своей юности, еще въ Россіи, читалъ какой-то старый переводъ «Тома Джонса», но книга мнѣ показалась скучной. Другого же ничего изъ Фильдинга я не читалъ.

Голосъ Лафарга гремитъ теперь негодованіемъ. И Лаура комично подражаетъ этому гнѣву, всплескивая руками.

— Понимаешь, дочь моя Лора, Р. всего Маркса «изучилъ»,— правда, ничего не понялъ,—но все-таки «изучилъ». А Фильдинга не знаетъ! О «Томѣ Джонсѣ» почти ничего не помнитъ! А вѣдь вотъ вамъ дитя природы, вотъ вамъ дикарь, такой же какъ вы, можетъ быть, затерявшійся въ англійскомъ лицемѣрномъ обществѣ... О, я знаю, этотъ романъ не нравится современной капиталистической Англіи!.. Даже ея признанные остроумцы, ея «геніи» сатирическаго творчества и критики, ея «пессимисты», вродѣ Теккерея, огорчаются такимъ героемъ. Хорошо-то, молъ, хорошо, но что же это за герой, если онъ порой совершаетъ не совсѣмъ деликатные поступки, норовитъ гдѣ-нибудь выклянчить гинею, не платитъ квартирной хозяйкѣ, не прочь попользоваться средствами дамы, влюбляющейся въ него, и т. д... О, фарисеи, оттого вамъ «Томъ Джонсъ» и не нравится, что онъ лучше васъ! Онъ—простой человѣкъ, человѣкъ искренняго чувства, человѣкъ аффекта, который можетъ сдѣлать что-нибудь very-very shocking, но за то стоитъ выше васъ на цѣлую голову своимъ внутреннимъ благородствомъ и порывами своего добраго сердца... А буржуазнѣйшій изъ буржуазныхъ сыновъ Англіи, хваленый «горькій моралистъ» Теккерей, находитъ, что у самого Фильдинга, видите ли, не была достаточно развита нравственная шишка... О, жалкіе лицемѣры!..

Я въ восторгѣ отъ града этихъ выпадовъ и порой умышленно дѣлаю жесты несогласія, чтобы вызывать филиппики Лафарга.

— А «Джонатана Уайльда» такъ-таки не читали, все того же Фильдинга?

И на мое отрицательное покачиваніе головой Лафаргъ, окончательно вознегодовавшій, задаетъ мнѣ урокъ: въ слѣдующую же субботу разсказать имъ содержаніе «Джонатана Уайльда». По при-

ходѣ мнѣ дается изящный томикъ, подарокъ третьей дочери Маркса своей сестрѣ.

Лафарги были исполнены искреннимъ негодованіемъ противъ современнаго строя. У нихъ слово «буржуазный» имѣло въ гораздо меньшей степени чисто экономическій смыслъ, чѣмъ то значеніе, какое мы вкладываемъ въ слово «мѣщанство» и «филистерство». Прочитавъ этотъ свирѣпый и вмѣстѣ съ тѣмъ уморительный памфлетъ Фильдинга, я лучше понималъ міровоззрѣніе Лафарговъ. Имъ доставляло наслажденіе видѣть, какъ авторомъ, ни на минуту не теряющимъ своей комичной серьезности, возводится въ рангъ героя самый безподмѣсный негодяй, въ которомъ романистъ находитъ элементъ своеобразнаго величія, своеобразнаго совершенства въ своей сферѣ, въ сферѣ подлости, какъ совершененъ въ своемъ родѣ кровожадный тигръ, или подлая гіена...

Но возвратимся къ нашей прогулкѣ, или, лучше сказать, возвратимся съ нея. Косые лучи солнца освѣщаютъ краснымъ блескомъ верхушки каштановъ въ паркѣ. А скоро быстрая французская ночь и совсѣмъ раскидываетъ свой пологъ надъ Дравейлемъ. Показываются звѣзды. Изъ сада тянетъ тминомъ и резедой. Гармонично звучатъ серебряные колокольчики... жабъ, дорогой читатель, жабъ! Впервые во французской деревнѣ я узналъ этотъ необыкновенно мелодичный голосъ особой разновидности такого обиженнаго природой животнаго, какъ жаба... Мы въ паркѣ. Сильно пахнетъ цвѣтомъ широкой липы, подъ которой мы садимся за круглый жестяной столикъ. Ни вѣтерка. Приносится лампа. Хозяевами овладѣваетъ особенно доброе, я бы сказалъ почти сантиментальное настроеніе.

— Лора, надо передъ ужиномъ почитать нашему варвару старыя шотландскія баллады. Читать будешь ты!.. У меня дикій англійскій акцентъ.

— Ничего,—возражаетъ м-мъ Лафаргъ,—тѣмъ страшнѣе къ ночи выйдетъ!..

И изъ библіотеки приносится старый, видно любимый, исчитанный томикъ старинныхъ шотландскихъ балладъ. Я забылъ его заглавіе. Помню только содержаніе одной легенды, какъ къ невѣрной женѣ приходитъ тѣнь убитаго мужа—словомъ, что то вродѣ «Смальгольмскаго барона», но еще страшнѣй. И старинный поэтъ часто пускаетъ въ ходъ зловѣщее: And lo! «И вотъ»! «И вотъ!» Голосъ Лафарга замолкаетъ на эффектномъ мѣстѣ... Между тѣмъ мои хозяева уже приготовляютъ себѣ и гостю особаго сорта «южный» лимонадъ, вливая въ бѣлое вино сокъ лимоновъ, растираемыхъ круглой стеклянной теркой.

Но вотъ и ужинъ, или, если хотите, поздній обѣдъ. Хозяева порядкомъ опустошили свой птичникъ и свой погребъ. При случаѣ, подъ руководствомъ Лафарга, приготовляется даже знаменитое марсельское блюдо, густѣйшая уха bouillabaisse, а самъ хозяинъ со-

чиняетъ рисъ съ шафраномъ «на креольскій ладъ» (riz à la créole). Лафарги вообще ужасные хлѣбосолы и любятъ угощать, но любятъ также, чтобы гости относились сознательно къ потребительному священнодѣйствію. Я помню, Лафаргъ съ комическимъ негодованіемъ разсказывалъ мнѣ, какъ одинъ изъ русскихъ революціонеровъ, выпивъ два-три стакана разныхъ хорошихъ винъ, на вопросъ Лафарга, какое ему больше понравилось, отвѣтилъ: «А мнѣ все равно! Лишь бы весело стало!..»

— Понимаете: ему все равно... Я для него стараюсь, выбираю изъ бутылокъ тѣ, что вылежались, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: «все равно». Чортъ возьми! Тогда и мнѣ все равно!.. Терпѣть не могу людей съ неопредѣленными вкусами: вино, такъ вино,—книга, такъ книга... На все у человѣка долженъ быть опредѣленный вкусъ и опредѣленный отвѣтъ!..

IV.

Воскресные обѣды у Лафарга, на которыхъ всегда бывало нѣсколько человѣкъ изъ товарищей по партіи и просто хорошихъ знакомыхъ, были увеличеннымъ воспроизведеніемъ будничной кухни. Но читатель жестоко бы ошибся, если бы приписалъ очень большую роль яствамъ въ томъ пріятномъ впечатлѣніи, какое производило на васъ воскресное пребываніе у Лафарговъ. Тутъ порою встрѣчались люди очень крупные. Тутъ были собесѣдники, блиставшіе такимъ остроуміемъ, что какой-нибудь фельетонистъ былъ бы въ восторгѣ, если бы могъ присутствовать при этомъ фейерверкѣ скрещивающихся остротъ и записывать ихъ: хватило бы не на одну недѣлю!.. Одно за другимъ воскресаютъ во мнѣ воспоминанія о лафарговскихъ воскресеньяхъ, и серьезное смѣшивается съ комическимъ.

Я помню, въ какой маленькій митингъ превратилась однажды случайная дружеская бесѣда собравшихся товарищей Лафарга. Времена были серьезныя. Министерскій соціализмъ выхватывалъ одного за другимъ изъ рядовъ революціонныхъ соціалистовъ и гналъ ихъ въ лагерь Миллрана. Гэдъ и Лафаргъ, горячо любившіе Жорэса, пока онъ употреблялъ свой рѣдкостный талантъ на пропаганду послѣдовательнаго соціализма, были чрезвычайно опечалены зрѣлищемъ того засасыванія въ оппортунистическое болото, жертвой котораго былъ Жорэсъ въ началѣ этого вѣка. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ, на сколько они сами были правы въ своемъ тактическомъ пріемѣ, откачнувшись отъ Жорэса во время дрейфусовскаго дѣла и заставивъ его фатально опираться на буржуазно-радикальные круги. Но, во всякомъ случаѣ, у Жорэса и въ эти года министеріалистскаго затменія была безкорыстная страсть, былъ энтузіазмъ убѣжденія, который искупалъ ложность его тог-

дашней тактики. А что сказать относительно тогдашнихъ адъютантовъ Жорэса,—Вивьяни и Бріана, которые уже въ то время холодно, обдуманно подготовляли себѣ министерскую карьеру?..

Наканунѣ одного изъ такихъ воскресеній появилась съ радостью цитировавшаяся буржуазной прессой статья Вивьяни, въ которой авторъ «заклиналъ» французскій рабочій классъ идти по стопамъ своихъ великихъ предковъ, «идеалистовъ 48-го года», и также дать кредитъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, а то и лѣтъ, радикальной республикѣ, оставляя въ сторонѣ свои классовые интересы и борясь лишь во имя одной общефранцузской демократіи...

Эта статья вызвала, дѣйствительно, сенсацію въ соціалистическихъ сферахъ, но не ту, на какую, очевидно, разсчитывалъ ловкій карьеристъ. Она горячо обсуждалась и у Лафарговъ. Присутствовавшій Гэдъ сначала молчалъ, а потомъ какъ-будто лѣниво, вяло, съ презрительной усмѣшкой началъ за кофе говорить о Вивьяни. И вдругъ голосъ стараго революціонера зазвучалъ, какъ металлъ, и изъ его нервно-перекошенныхъ губъ полилась страстная, увлекавшая все въ своемъ потокѣ, отповѣдь:

— Нѣтъ, да вы понимаете,—несся высокій, скрипящій голосъ Гэда,—вы понимаете смыслъ этой вещи? Добрые, благородные друзья-рабочіе, подражайте вашимъ предкамъ, не заботьтесь о своихъ интересахъ, какъ не заботились они, а заботьтесь о нашихъ интересахъ, объ интересахъ такъ называемой демократіи, лучшія мѣста въ которой будутъ принадлежать намъ по праву знанія, ума... хитрости, вѣроломства и карьеризма! Пожалуйста, еще нѣсколько мѣсяцевъ всеобщаго соціальнаго мира божія! Ни стачекъ, ни протеста,—вѣдь и капиталистъ тоже вашъ братъ! Ахъ, повѣрьте, и онъ страдаетъ отъ того, что вашъ трудъ недостаточно вознаграждается... Но—терпѣніе! Мало-по-малу прогрессъ «солидарности»—спросите у г. Буржуа!—обниметъ васъ своимъ спасительнымъ покровомъ, и мы вамъ дадимъ участіе въ нашихъ прибыляхъ, мы позволимъ вамъ понюхать издали запахъ нашихъ милліоновъ... Только не борьба классовъ! А согласіе между всѣми сынами Франціи!.. Подражайте же вашимъ великимъ предкамъ! Подражайте же вашимъ... дуракамъ, идіотамъ, которые допускали Луи Блана уйти въ Люксембургскій дворецъ трактовать объ организаціи труда, которые слушали медоточивыя рѣчи Ламартина и дали собраться реакціи съ силою, чтобъ она раскатала ихъ картечью въ іюньскіе дни... Подражайте же этимъ великимъ предкамъ!.. Не слушайтесь неблагородныхъ демагоговъ! Снова и снова умоляю васъ, дорогіе братья-рабочіе: не заботьтесь о своихъ интересахъ, предоставьте намъ, людямъ власти и капитала, заботиться о своихъ... а, въ награду за ваше послушаніе, можетъ быть, и о вашихъ... Но это послѣ, а пока да здравствуетъ Франція!.. Пойте марсельезу, которую мы же проституировали передъ тиранами!..

Слаба и блѣдна выходитъ въ моемъ изложеніи эта рѣчь Гэда.

Надо было слышать эти свистящія, какъ бичъ, слова, разносившіяся въ воздухѣ. Надо было видѣть жестъ худой руки Гэда, сопровождавшей, словно ударами ножа гильотины, эти колючія фразы. Надо было видѣть игру его страшно поблѣднѣвшаго и безъ того блѣднаго лица, на которомъ лишь слегка горѣли лихорадочныя пятна. Мы притихли. Краснѣя, блѣднѣя, реагируя каждый по своему, всѣ мы были охвачены волною удивительной симпатіи къ оратору. Но вотъ онъ замолчалъ и, согнувшись, прислонился къ спинкѣ скамьи, и никому не пришло въ голову отозваться хоть какимъ нибудь банальнымъ комплиментомъ на слова скорби и негодованія... Я молча поднялся. Ко мнѣ подошелъ Лафаргъ и растроганнымъ голосомъ сказалъ: «Вотъ, за что любишь Гэда!». И мы видѣли, какъ два-три рядовыхъ товарища Гэда по партіи,—комми-вояжеръ, «помѣщавшій» въ провинціи химическіе продукты, рабочій съ металлическаго завода и одинъ изъ мелкихъ парижскихъ столяровъ,—подсѣли къ Гэду, окружили его, похлопывая, поглаживая его страшно худыя колѣна своими здоровенными, пудовыми руками и начавъ его тихо разспрашивать: «ну, что же, Гэдъ, надо объявить по секціямъ, чтобы готовились къ митингамъ! Вѣдь эти ракальи насъ совсѣмъ погубятъ!» Гэдъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе рукой, словно отстраняя бога краснорѣчія, только что говорившаго его устами, и вступилъ въ скучный для меня техническій разговоръ о томъ, какъ наладить дѣло сопротивленія «новой» тактикѣ...

Такія сцены были, впрочемъ, исключительны. Я не былъ партійнымъ человѣкомъ, а просто «паціентомъ» Лафарговъ, и никогда не былъ приглашаемъ,—да и не добивался этого,—на ихъ дѣловыя собранія. Гораздо чаще бывали бесѣды, имѣющія болѣе простой, обиходный характеръ, когда интересные люди вспоминали о прошломъ или говорили о настоящемъ, не дѣлая никакихъ особенныхъ выводовъ. Однажды самъ Лафаргъ разсказывалъ свои юные годы и свое путешествіе по Бельгіи на Люттихскій конгрессъ студентовъ, за который, вкупѣ съ другими винами и продерзостями, ему закрыли навсегда, по императорскому указу, дверь высшей французской школы. Живо помнится мнѣ съ его словъ картина, какъ онъ отправился въ это путешествіе втроемъ съ Жакларомъ (извѣстнымъ въ Россіи подъ псевдонимомъ Жикà) и Шарлемъ Лонгэ, который сталъ впослѣдствіи его свойкомъ, женившись на старшей дочери Маркса. Особенность этого пилигримства заключалась въ томъ, что четвертымъ дѣйствующимъ лицомъ въ немъ былъ смирнѣйшій оселъ, купленный пріятелями для облегченія тяготъ пути. Они, видите ли, рѣшили идти въ Бельгію пѣшкомъ, проповѣдуя евангеліе отъ Прудона встрѣчнымъ жителямъ, и оселъ былъ нагруженъ агитаціонными брошюрами и отъ времени до времени давалъ пріютъ на своей спинѣ то тому, то другому пророку соціализма. Дѣло кончилось тѣмъ, что оселъ возмутился дѣятельною ролью, которую его заставляла играть эта разруши-

тельная компанія, и куда то удралъ со всѣми брошюрами, оставивъ наше тріо среди свекловичныхъ полей и угольныхъ копей Намюра.

Припоминаются мнѣ и другіе, почти трагичные разсказы Лафарга о томъ, какъ, съѣздивъ во время Парижской коммуны въ столицу и запасшись инструкціями отъ Центральнаго комитета для поднятія возстанія въ Бордо, онъ былъ схваченъ тамъ вмѣстѣ съ молодою женою и двумя ея сестрами по приказанію Тьера. Благодаря какой-то оплошности полиціи, Лафаргу удалось бѣжать въ Испанію и скитаться въ горныхъ долинахъ Пиринеевъ, слушая разсказы контрабандистовъ, запивавшихъ ихъ, какъ во времена Сервантеса, виномъ изъ бурдюковъ, между тѣмъ какъ версальское правительство обращалось къ министрамъ короля Амедея съ требованіемъ выдать республикѣ зловреднаго коммунара. Эти нѣсколько мѣсяцевъ тяжело отозвались на личной жизни Лафарговъ. Недавно родившійся передъ тѣмъ сынъ, котораго нѣжный дѣдъ, Карлъ Марксъ, называлъ, вслѣдъ за дамами семьи, «мальчикомъ съ атласной кожей» (Peau-de-Satin), во время этихъ переходовъ захворалъ дизентеріей и послѣ довольно долгаго недомоганья умеръ.

Лафарги, кстати сказать, ужасно любили дѣтей, и эта смерть лежала, какъ мнѣ признавался Лафаргъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ мучительнымъ гнетомъ на душѣ Лауры. Своихъ дѣтей у нихъ больше не было. Но видно было, какъ имъ нравятся молодыя существа, только что начинающія всматриваться своими ясными глазами въ широкій міръ божій. Я помню, съ какой нѣжностью и лаской чета встрѣчала по дорогѣ чужихъ дѣтей, особенно бѣдныхъ, ласкала, цѣловала ихъ и одѣляла гостинцами и деньгами. Когда мы начали ѣздить къ Лафаргамъ семьей, то за нѣсколько дней до одного изъ такихъ посѣщеній я получилъ письмо отъ Лауры, въ которомъ возвѣщалось, какое деревенское пиршество они готовятъ къ нашему пріѣзду, и подчеркивалось, что для нашей двухлѣтней дѣвочки ими спеціально отсажена особая грядка съ клубникой, чтобы ребенокъ могъ самъ собирать ягоды съ вѣтокъ прямо въ ротъ. А какъ нѣжны были Лафарги съ ихъ «гражданской крестницей», родившейся въ скромной семьѣ русскихъ эмигрантовъ, съ которыми мы порою встрѣчались въ Дравейлѣ!..

Помню также, какъ однажды у Лафарговъ разговорился рѣдко бывавшій у нихъ Шарль Лонгэ, котораго ни Марксъ, ни Лафарги не любили за то, что, принявъ экономическіе взгляды Маркса, онъ не хотѣлъ отказаться въ области соціологіи и морали отъ своего прежняго учителя, Прудона. Высокій, длинный, съ комичной плѣшивой головой, придававшей ему видъ страуса на безконечныхъ ногахъ, Лонгэ былъ неистощимъ въ своей остроумной, искрившейся, какъ шампанское, болтовнѣ, и сопровождалъ свои повѣствованія курьезными жестами длиннѣйшихъ рукъ. Онъ былъ учителемъ французскаго и, если не ошибаюсь, нѣмецкаго въ лондонскихъ пансіонахъ, во время изгнанія его изъ Франціи. И вотъ, когда

онъ описывалъ намъ типы своихъ учениковъ, а главное, ихъ родителей, взгляды англичанъ изъ респектабельнаго круга на людей и вещи европейскаго континента, то получалась такая художественная картина своеобразнаго лицемѣрія, добродѣтельнаго сожалѣнія о невозможности «порока, какъ въ безнравственной Франціи», и какой-то мѣднолобой, ясной увѣренности въ томъ, что все и всегда должно идти, какъ шло въ Англіи 70-хъ годовъ, что скучны казались мнѣ послѣ этого блестящаго разговора изображенія англійской жизни всѣми этими континентальными юмористами.

Вспоминаются мнѣ и другія болѣе серьезныя бесѣды. Выплываетъ въ моемъ воспоминаніи чета Эвелинговъ,—онъ, черный, прилизанный, съ бритымъ, уже морщинистымъ лицомъ и лошадиными зубами каррикатурнаго англичанина, энергичный, образованный, докторъ естественныхъ наукъ, обладавшій поразительной работоспособностью и рѣдкими организаторскими талантами, но подъ конецъ завязшій въ такой позорной жизни, что гордая Тусси (домашнее имя третьей дочери Маркса, Элеоноры) не выдержала и отравилась; и сама она, очень живая, подвижная, съ выразительными черными глазами, но уже сильно растолстѣвшая и находившаяся въ то время въ какомъ-то угнетенномъ состояніи. Она вспоминала свою молодость, говорила, какое чарующее впечатлѣніе на все ихъ семейство производилъ тотъ, кого Глѣбъ Успенскій называлъ «удалымъ русскимъ молодцемъ», и какой печалью звучало ихъ взаимное повѣствованіе о жизни, когда они свидѣлись десять лѣтъ спустя. А Эвелингъ, который не зналъ разговорнаго французскаго языка, посвящалъ въ это время Лафарга во взгляды американскихъ ламаркіанцевъ и горячо намъ рекомендовалъ только что умершаго тогда Эдуарда Копа и его «Факторы органической эволюціи».

Неожиданное для друзей совмѣстное самоубійство Лафарговъ заставило меня эти послѣдніе дни припомнить все изъ моихъ разговоровъ и моего общенія съ ними для того, чтобы уяснить себѣ причину этого акта. Друзьями, а въ особенности врагами, были сдѣланы различныя гипотезы. Долженъ признаться, что самыя нелѣпыя изъ нихъ были предложены борзописцами бульварной печати. Нѣтъ ничего поучительнѣе, какъ изучать на этихъ домыслахъ жалкую душу самихъ господъ критиковъ. Одни писали: Лафарги рѣшили умереть оттого, что всѣмъ пресытились. Другіе: оттого, что были крайне глупыми людьми, которые въ концѣ-концовъ и должны были кончить глупостью. Третьи: потому будто бы, что уже давно разочаровались въ соціализмѣ и ужаснулись пустоты своей жизни и несостоятельности пропагандировавшагося ими въ теченіе стольких лѣтъ ученія.

Я думаю, что самымъ правдоподобнымъ будетъ объясненіе, данное самимъ Лафаргомъ въ твердомъ и вполнѣ достойномъ этого умнаго и благороднаго человѣка письмѣ. Разумѣется, тутъ могутъ

быть нѣкоторыя не совсѣмъ ясныя стороны, напр., преждевременность рѣшенія. Но и въ этомъ отношеніи проще и лучше посмотрѣли на дѣло единомышленники Лафарговъ. Трогательно написалъ объ ихъ смерти Жорэсъ, указавъ на ту загадку, ту «тайну», какую одинъ человѣкъ все же представляетъ для другого. Марсель Санба назвалъ смерть Лафарговъ прекрасною, но отмѣтилъ то обстоятельство, что это—вещь индивидуальная, которая не можетъ быть оцѣниваема однообразно для всѣхъ людей, и указалъ, между прочимъ, на такой фактъ, какъ отсутствіе въ жизни Лафарговъ дѣтей. Неугомонный Эрвэ изъ-за рѣшетки тюрьмы почтилъ память Лафарговъ сожалѣніемъ, что добровольно ушедшіе изъ жизни не достаточно сознавали, какъ даже тѣ изъ соціалистовъ, которые расходились съ ними по вопросамъ тактики, любили и не могли не любить этихъ преданныхъ служителей новаго идеала. Даже «Le temps», умный органъ крупной буржуазіи, выказалъ въ этомъ отношеніи извѣстную чуткость, признавъ, что «эта смерть не лишена величія»; и что Лафарги не должны были бы еще умирать хотя бы уже потому, что ихъ сѣдые волосы въ этомъ мірѣ карьеризма, проникшаго—съ радостью констатируетъ газета—и въ соціалистическую среду, могли напоминать, что для честныхъ людей достаточно въ жизни одного убѣжденія. Тотъ же органъ находилъ «трогательной въ своей простотѣ» записку Лафарга, оставленную садовнику, гдѣ онъ дѣлитъ свой птичникъ и свой погребъ между слугами, товарищами по партіи и ближайшими родственниками, а для своей собаки рекомендуетъ найти добраго хозяина.

Въ рѣчахъ, которыя произносились на импозантной церемоніи сожженія Лафарговъ, большинство ораторовъ тоже выражало всеобщее ощущеніе неожиданности самоубійства, но въ самомъ поступкѣ видѣло только новое подтвержденіе жизненности того идеала, которому служилъ Лафаргъ и въ вѣрности которому онъ исповѣдывался въ заключительномъ возгласѣ своего письма: «Да здравствуетъ коммунизмъ, да здравствуетъ международный соціализмъ».— Черезъ гробы впередъ!—энергично воскликнулъ ораторъ, замѣнявшій больного Гэда...

И вотъ, перечитывая снова строки послѣдняго письма Лафарга, гдѣ онъ говоритъ за себя (да и за жену), что не желаетъ дождаться того времени, когда безжалостная старость, уже начавшая отнимать у него одна за другой радости жизни, сломитъ его волю и превратитъ въ бремя для себя и другихъ, равно какъ, что онъ уже давно рѣшилъ не пережить 70 лѣтъ,—продумывая, говорю, все это, я, не мудрствуя, склоненъ думать, что въ этихъ словахъ заключается вся правда. Я помню одинъ разговоръ, который вели Лафарги съ Летурно и мною по поводу цитированнаго мною стиха одного изъ философскихъ поэтовъ Франціи:

Et le mort immortel marche avec les vivants:—
И безсмертный мертвецъ межъ рядами живыхъ.—

Лафарги говорили, что понимают лишь одну форму безсмертія, жизнь въ памяти людей, которые раздѣляютъ ихъ идеалъ.

Вспоминается мнѣ и другая бесѣда супруговъ со мною по поводу внезапныхъ смертей Либкнехта и того же Летурно: Лафарги желали быстраго, внезапнаго конца и видѣли въ немъ благодѣяніе судьбы, которое омрачается лишь сознаніемъ о страданіяхъ остающихся любящихъ существъ. Помнится мнѣ длинный разговоръ, который я велъ съ Лафаргами по поводу «мыслей» Фейербаха о «смерти и безсмертіи»: они съ похвалой отзывались о разсужденіяхъ знаменитаго философа, что ни въ античномъ мірѣ, ни даже въ средневѣковой католической церкви люди не стремились къ личному безсмертію, а довольствовались лишь сознаніемъ принадлежности къ великому цѣлому, не умирающему человѣчеству; и что лишь въ нашъ вѣкъ индивидуализма даже всякая дрянь хочетъ быть безсмертной. «Вы понимаете, любой негодяишка, любой плутъ, клеветникъ, ренегатъ хочетъ себѣ безсмертія, для продолженія на томъ свѣтѣ своей пакостной жизни, словно ему не довольно этой»,—кипятился Лафаргъ.

Перебирая все, что осталось у меня въ памяти, я готовъ сказать, что даже не страхъ физическихъ страданій, связанныхъ со старостью, но страхъ стать такими стариками, которые, изживъ настоящую жизнь, тѣмъ не менѣе будутъ жадно цѣпляться, какъ цѣпляются порою калѣки, за свое жалкое существованіе,—что это было однимъ изъ главныхъ факторовъ рокового рѣшенія супруговъ. Никакая тѣнь съ того свѣта не смущала ихъ яснаго, поистинѣ античнаго взгляда на жизнь и смерть. Я помню, какими забавными комментаріями Лафаргъ сопровождалъ цитату изъ Энгельса относительно того момента, когда вдругъ дикарь очутился обладателемъ «докучной мысли о душѣ»: что прикажете дѣлать съ этимъ назойливымъ двойникомъ? Я помню, какъ Лафаргъ, вообще очень не любившій Ренана, за его, какъ онъ выражался, буржуазный эпикуреизмъ и безучастіе къ жизни массъ, съ похвалою, однако, отзывался о желаніи автора „Жизни Іисуса", выраженномъ въ его завѣщаніи, чтобы эта воля, написанная имъ въ моментъ ясности ума, и считалась его послѣдней волей; причемъ онъ заранѣе просилъ своихъ друзей, въ случаѣ, если онъ впадетъ въ дряхлость, не допустить его наложить пятно на свою жизнь, закончивъ ее какимъ-нибудь «возвращеніемъ на лоно католицизма», какимъ-нибудь ренегатствомъ и отказомъ отъ своего міровоззрѣнія. Но тутъ же Лафаргъ, полушутя, замѣчалъ: „Но за какимъ чортомъ доживать до этого времени?"

Словомъ, все меня заставляетъ склоняться къ той мысли, что Лафарги совершенно сознательно и въ силу ихъ общаго настроенія упредили тотъ процессъ, который у великаго Лукреція отмѣченъ словами о „безсмертной смерти, отнимающей смертную жизнь",—

Mortalem vitam mors cui immortalis ademit.

V.

Сознаніе того, что я не увижу болѣе Лафарговъ, вызываетъ въ моей душѣ еще много-много воспоминаній о нашихъ свиданіяхъ, нашихъ разговорахъ о событіяхъ, которыя у нихъ обсуждались, о людяхъ, которыхъ я тамъ видѣлъ. Но надо кончать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы я собралъ и расположилъ въ порядкѣ все, что мнѣ пришлось слышать у Лафарговъ и отъ Лафарговъ, то получилась бы очень интересная картина современной умственной жизни, разсматриваемой съ извѣстной точки зрѣнія. Но это завело бы меня слишкомъ далеко. Остается лишь горячее чувство благодарности. Могу сказать, что немалая доля моихъ свѣдѣній о настоящемъ и прошломъ соціальнаго движенія почерпнуто мною не изъ однѣхъ книгъ, а изъ общенія съ этими умными, благородными, знающими людьми и съ ихъ знакомыми. Нѣкоторыя частныя, но характерныя данныя по политической исторіи и литературѣ имѣютъ у меня своимъ источникомъ Лафарга и его жену. На массу любимыхъ мною раньше писателей мною было было обращено особое вниманіе послѣ бесѣдъ съ нынѣ исчезнувшей четой. У Лафарговъ меня поражала если не всегда большая оригинальность, то всегда свѣжесть и особенность оцѣнки. Нѣтъ сомнѣнія, что косвенно я имѣлъ тутъ дѣло съ замѣчательной работой мысли самого Маркса, который, посвящая безконечные часы ученому труду, тѣмъ не менѣе находилъ время бесѣдовать со своими дочерьми о всѣхъ выдающихся явленіяхъ и людяхъ, и у котораго Лафаргъ, во время своей жизни въ лондонскомъ изгнаніи, былъ порою личнымъ секретаремъ.

Но, и помимо этого, Лафарги были на рѣдкость образованными и интересными людьми, какихъ въ современной Франціи рѣдко можно встрѣтить. Порою надъ «ненаучностью» Лафарга издѣвались люди официальной науки и министерскіе соціалисты, проходившіе черезъ Высшую нормальную школу и специальные факультеты. Но если можно было иногда улыбаться надъ стараніями Лафарга объяснить все съ точки зрѣнія «экономическаго матеріализма», то данныя, на которыя опирались его, порою натянутыя, обобщенія, были во всякомъ случаѣ пріобрѣтены имъ путемъ основательнаго знакомства съ предметомъ и обширнаго чтенія. Лафаргъ прекрасно зналъ всѣ романскіе языки и англійскій, хорошо латинскій и изрядно греческій. А со всѣмъ, что было выдающагося въ нѣмецкой литературѣ, знакомила его жена. Помню, какой презрительной насмѣшкой была встрѣчена среди ученыхъ мужей министерскаго соціализма попытка Лафарга объяснить софистическое направленіе греческой мысли, начавшей въ особенности сильно прокидываться съ V вѣка, развитіемъ античнаго капитализма. Не буду спорить

о томъ, не было ли натяжекъ въ доказательствахъ Лафарга. Но сами-то почтенные противники не знали, очевидно, несмотря на всю свою университетскую ученость, спора Бюхера и Э. Мейера и рѣшительнаго доказательства послѣднимъ ученымъ того факта, что и въ античномъ мірѣ уже былъ пройденъ извѣстный циклъ экономическаго развитія, похожій на современный; и что и тамъ былъ, дѣйствительно, свой періодъ капитализма съ его продажей свободнаго труда, работой на отдаленнаго потребителя и широкимъ международнымъ рынкомъ.

Литературная подготовка у обоихъ супруговъ была несомнѣнно обширная,—у него больше по общественнымъ наукамъ, у нея въ области художественнаго творчества. Они, конечно, не знали да и не хотѣли знать всѣхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ авторовъ. Но смѣло могу сказать, что не было ни одного дѣйствительно крупнаго писателя, о которомъ у Лафарговъ не было бы совершенно опредѣленнаго мнѣнія, основаннаго на непосредственномъ знакомствѣ съ авторомъ, зачастую въ оригиналѣ. Не спорю, что и тутъ видно было могучее вліяніе Маркса, имѣвшаго своихъ любимыхъ писателей и передававшаго эту любовь своимъ близкимъ. Во всякомъ случаѣ всѣ истинно крупныя произведенія всемірной литературы, а изъ второстепенныхъ наиболѣе свѣжія вещи были не только прочитаны супругами, но, видимо, служили предметомъ горячаго обсужденія. Данте, Шекспиръ, Сервантесъ и Лопе-де-Вега, Аристофанъ и Лукрецій, Раблэ, Монтэнь и Дидро, Шелли и Бёрнсъ, Леопарди и Кардуччи, Гёте и Гейне, Бальзакъ и Диккенсъ,—на всѣхъ этихъ авторовъ у Лафарговъ имѣлся свой серьезный и обоснованный взглядъ. Я нарочно не говорю о спеціальныхъ сферахъ политической экономіи, исторіи, естественныхъ наукъ, и т. п.

Лаура Лафаргъ помогала дѣятельно своему мужу и въ его соціалистической работѣ. Многіе изъ его этюдовъ несомнѣнно написаны имъ въ близкомъ общеніи съ нею. Есть вещи, по отношенію къ которымъ можно даже сказать, что въ нихъ дочери Маркса принадлежала большая часть. Таковы переводы на французскій этюда Энгельса о соціализмѣ изъ «Антидюринга» и «Коммунистическаго манифеста». Кстати сказать, кто сравнитъ два перевода этого послѣдняго произведенія на французскій языкъ,—одинъ, принадлежащій перу Лауры Лафаргъ, другой французскому профессору, эльзасцу Андлеру, тотъ скажетъ, что добросовѣстный, близкій къ подлиннику переводъ ученаго уступаетъ значительно своимъ литературными достоинствами и даже истиннымъ духомъ оригинала блестящему, граціозному и вмѣстѣ сильному переводу Лауры Лафаргъ. Да это и не мудрено! У нея былъ недюжинный прозаическій и стихотворный талантъ. Но ея поразительная скромность мѣшала ей распространять эти оригинальныя и переводныя вещи въ широкихъ слояхъ. Зная, впрочемъ, мой вкусъ къ нѣкоторымъ авторамъ, которыхъ она очень любила и сама, она пока-

зывала мнѣ свои напечатанные въ спеціальныхъ англійскихъ изданіяхъ, а то сохранившіеся лишь въ рукописяхъ переводы на англійскій съ французскаго и нѣмецкаго. Я не могу припомнить теперь уже ни одной строфы изъ превосходнаго перевода Лаурой знаменитой «Падали» Бодлера. Но у меня и до сихъ поръ звучатъ въ ушахъ слова ея англійскаго перевода пѣсни Маргариты о «потерянномъ навсегда покоѣ» изъ Гётевскаго «Фауста»:

Meine Ruh ist hin,
Mein Herz ist schwer;
Ich finde sie nimmer
Und nimmermehr.

У Лауры выходило очень близко къ подлиннику:

My rest is gone,
My heart is sore,
I shall find it never
And nevermore!..

И далѣе, стихъ за стихомъ, съ граціей и простотой, которыя не могли не тронуть всякаго читателя со вкусомъ!..

Самъ Лафаргъ писалъ очень живо, талантливо, съ большимъ подъемомъ и злой ироніей. И если можно считать дружескимъ преувеличеніемъ Гэда мнѣніе о томъ, что въ «парадоксахъ Лафарга сохранилась душа парадоксовъ Дидро», то съ точки зрѣнія стиля Лафарга ставилъ на одну доску какъ разъ съ Дидро жестокій противникъ соціалистовъ, юдофобъ Дрюмонъ, которому его изувѣрскій (и врядъ-ли искренній) антисемитизмъ не мѣшаетъ быть однимъ изъ замѣчательныхъ стилистовъ Франціи и обладать большимъ литературнымъ чутьемъ. Даже у буржуазныхъ критиковъ «Le Temps» вырвалось недавно признаніе, что Лафаргъ былъ «полемистомъ, полнымъ силы и таланта,—и книги, гдѣ онъ далъ полную волю своему блестящему таланту, принадлежатъ къ лучшимъ въ своемъ родѣ».

Соціалисты разныхъ странъ знаютъ, главнымъ образомъ, партійные памфлеты и брошюры Лафарга. Между ними есть вещи высоко талантливыя, въ родѣ «Права на лѣность» и «Религіи капитала». Но меньше знакомы его произведенія, нѣсколько отходящія отъ обычнаго круга партійной дѣятельности. И я полагаю, что чтеніе этюдовъ и статей Лафарга о романтизмѣ Шатобріана, о Викторѣ Гюго, о новыхъ словахъ и выраженіяхъ, введенныхъ во французскій языкъ Великой революціей, о происхожденіи идей справедливости и добра, можетъ служить очень поучительной и мыслебудящей работой и для спеціалистовъ. Часть буржуазной, преимущественно консервативной, прессы, съ восторгомъ, напр., отмѣчала въ свое время тонкую язвительность критики, направленной Жюлемъ Леметромъ противъ Виктора Гюго. Смѣю увѣрить читателей, что, кто безпристрастно прочтетъ «Легенду Виктора

Гюго», написанную Лафаргомъ раньше пресловутаго автора «Современниковъ», тотъ убѣдится, что эволюція въ идеяхъ знаменитаго французскаго писателя, соотвѣтственно съ соціально-политическими условіями всей исторіи Франціи, изображена Лафаргомъ куда лучше и основательнѣе. А кто любитъ непринужденную сатиру и смѣлый парадоксъ, тотъ пусть только прочтетъ «Проповѣдь куртизанки», примыкающую къ «Религіи капитала», или «Проданный аппетитъ», или «Пій IX въ раю». Онъ убѣдится, какое порою увлекательное перо сломала въ рукахъ Лафарга его добровольная, научно-дозированная смерть.

Я заключу нѣсколькими фактами изъ жизни и дѣятельности Лафарга, стараясь, однако, не касаться того, что уже даетъ этюдъ о рабочемъ движеніи въ моихъ «Очеркахъ современной Франціи» и статья о Гэдѣ въ моей же «Галлереѣ современныхъ французскихъ знаменитостей». Дѣло въ томъ, что громадная полоса общественной дѣятельности Лафарга сливается съ исторіей рабочей партіи вообще и съ біографіей Гэда въ частности. Повторенія поэтому излишни.

Итакъ, Лафаргъ родился 15 января 1842 г.: какъ видите, онъ исполнилъ свое обѣщаніе не дожить до 70 лѣтъ, отъ которыхъ его отдѣляло въ день его смерти, 26 ноября, почти два мѣсяца. Лафаргъ былъ продуктомъ смѣшенія нѣсколькихъ расъ. Его отецъ былъ сыномъ французскаго колониста изъ Бордо и мулатки съ острова Санъ-Доминго. Его мать была дочерью французскаго еврея, Арманьяка, и краснокожей (караибки). Самъ Лафаргъ родился на о-вѣ Кубѣ въ Сантьяго, и 9-ти лѣтъ, когда улучшилось матеріальное положеніе его отца, торговавшаго сначала южными фруктами въ Америкѣ, а послѣ виномъ во Франціи, былъ перевезенъ въ метрополію и здѣсь воспитывался въ гимназіяхъ Бордо и Тулузы, съ горестью вспоминая, — какъ онъ мнѣ разсказывалъ однажды,—о жаркомъ тропическомъ небѣ и качающихся на вѣтрѣ верхушкахъ пальмъ своей первоначальной родины. Совсѣмъ подросткомъ онъ бросился въ республиканскую оппозицію, которая со средины 60-хъ годовъ стала поднимать голову противъ имперіи въ задавленной Наполеономъ III Франціи. Его шумныя политическія выступленія, — черное знамя, выкинутое имъ во время одной изъ студенческихъ манифестацій «въ знакъ траура по народной свободѣ, зарѣзанной изъ-за угла коронованнымъ бандитомъ», и участіе его въ международномъ студенческомъ конгрессѣ въ Люттихѣ, — закрыли ему навсегда университетъ во Франціи. Онъ удалился въ 1866 г. въ Англію, для продолженія своихъ занятій, и здѣсь встрѣтился съ Марксомъ, которому его отрекомендовалъ тогдашній членъ Интернаціонала, рабочій Толенъ, ставшій впослѣдствіи однимъ изъ столповъ оппортунистской республики.

Лафаргъ сначала былъ отчаяннымъ прудонистомъ. Но разговоры съ Марксомъ, который безжалостно вскрылъ слабыя, апо-

литическія стороны прудоновской доктрины сдѣлали изъ Лафарга въ скоромъ времени ревностнаго ученика и приверженца самого Маркса. Такимъ онъ остался и цѣлую жизнь. Въ 1870 г. Лафаргъ женится на второй дочери Маркса и уѣзжаетъ при крушеніи Имперіи на родину, гдѣ уже раньше того, въ 1866, въ боевомъ органѣ молодежи «Лѣвый берегъ», еще колеблясь между двумя направленіями, онъ анализировалъ ученіе «д-ра Карла Маркса». Во время Коммуны Лафаргъ пріѣзжаетъ на нѣсколько дней въ Парижъ, вызывая опасенія за свою судьбу у Маркса и оставшихся родныхъ, но благополучно пробирается черезъ кольцо версальскихъ войскъ и пріѣзжаетъ въ Бордо съ извѣстнымъ уже читателю порученіемъ отъ Коммуны поднять знамя возстанія въ этомъ важномъ портовомъ городѣ. Онъ арестованъ, но успѣваетъ перебраться въ Испанію, гдѣ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, Пабло Иглесіасомъ, принимаетъ участіе въ организаціи секціи Интернаціонала. Въ 1872 г. онъ участвуетъ въ числѣ марксистовъ на Гаагскомъ конгрессѣ и вмѣстѣ съ другими сторонниками Маркса вотируетъ исключеніе Бакунина изъ Интернаціонала. Надо замѣтить, что страстный и во многомъ несправедливый памфлетъ противъ Бакунина подъ заглавіемъ „L'alliance de la démocratie socialiste“ (Лондонъ, 1873) написанъ Лафаргомъ,—какъ онъ самъ говорилъ мнѣ,—и отчасти Энгельсомъ (на основаніи документовъ, доставленныхъ Н. Утинымъ), а не Марксомъ, какъ это обыкновенно думаютъ.

Въ Англіи, Лафаргъ для добыванія средствъ къ жизни, и несмотря на свой докторскій дипломъ, становится граверомъ и фотолитографомъ,—обстоятельство, которое помогло ему нѣсколько лѣтъ спустя изготовлять удачные рисунки для партійнаго органа «L'Egalité». Но его маленькая мастерская въ борьбѣ съ крупными капиталистическими предпріятіями скоро гибнетъ, поглощая послѣдніе остатки состоянія, доставшагося ему отъ отца. Въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ онъ живетъ въ изгнаніи, пока амнистія 10 іюля 1880 г. не открываетъ ему дверей родины. Отнынѣ его жизнь неразрывно сливается съ жизнью Гэда и другихъ родоначальниковъ французскаго марксизма, равно какъ съ исторіей всего французскаго рабочаго движенія. Тотъ путь, который былъ намѣченъ этими людьми при участіи Маркса еще весной 1880 г., на лондонскомъ совѣщаніи, выработавшемъ программу новой партіи, неуклонно проходится имъ до конца. За пропаганду идей, въ которой прокуратура неизмѣнно усматриваетъ призывъ къ бунту, онъ сидитъ нѣсколько разъ въ тюрьмѣ, (гдѣ я посѣщалъ его съ Лавровымъ и Лопатинымъ) — въ 1883 г., въ 1885 г. вмѣстѣ съ Гэдомъ; а затѣмъ одинъ, въ 1891 г., когда послѣ первомайскаго праздника въ Фурми, окончившагося разстрѣломъ беззащитной толпы, дѣвушекъ съ цвѣтами и дѣтей съ игрушками въ рукахъ, судъ присяжныхъ приговариваетъ Лафарга къ годовому

заключенію «за подстрекательство къ убійству». Но, несмотря на всѣ старанія тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, Констанса, и всей оппортунистской клики, его выводятъ изъ тюрьмы избиратели Лилля, посылая его своимъ представителемъ въ палату депутатовъ.

Кстати сказать, во время избирательной борьбы правительствомъ и буржуазной прессой были пущены въ ходъ самые низкіе пріемы и самыя грязныя клеветы противъ Лафарга. Дѣло дошло до того, что полицейская префектура напечатала въ буржуазныхъ органахъ старинные протоколы бордосскаго охраннаго отдѣленія (police de sûreté), удостовѣрявшаго, что во время обыска въ 1871 г. въ квартирѣ Лафарга была найдена корректура соціальнаго романа, написаннаго г-жей Лаурой Лафаргъ, изъ чтенія каковаго столь основательные эксперты по части литературы, какъ полицейскіе шпіоны, приходили къ заключенію, что несимпатичный герой романа,—молодой буржуа, женившійся на соціалисткѣ и тщетно удерживаемый ею на путяхъ соціалистической добродѣтели,—и есть самъ Лафаргъ. Кандидата не выпустили изъ тюрьмы на время выборной кампаніи, какъ это обычно дѣлается во Франціи, и т. п. Но когда, не взирая на это, 8 ноября 1891 г. Лафаргъ былъ избранъ шестью съ половиною тысячами голосовъ противъ пяти тысячъ, поданныхъ за его противника, оппортуниста Депасса, правительство пустило въ ходъ новый пріемъ, утверждая, опять-таки на основаніи полицейскихъ свѣдѣній, что Лафаргъ былъ испанцемъ, а отнюдь не французскимъ гражданиномъ. И Лафаргу пришлось доказывать представленіемъ старыхъ документовъ, семейныхъ бумагъ и своего метрическаго свидѣтельства, что и его предки, и онъ самъ ни на минуту не переставали быть французами.

Избраніе Лафарга возбудило крайнюю сенсацію среди друзей и враговъ. Испуганный Поль Леруа-Больё называлъ въ «L'Economiste français» выборы 8 ноября «событіемъ» и находилъ громадную разницу между «людьми науки и пропаганды» вродѣ Лафарга и «безмозглыми маріонетками нашей крайней лѣвой», дѣлая отсюда выводъ о необходимости для всѣхъ буржуазныхъ партій сплотиться на почвѣ соціальнаго консерватизма противъ становившейся опасною коллективистской доктрины.

Въ палатѣ Лафаргъ со своимъ рѣзкимъ ученіемъ непримиримой борьбы противъ стараго міра оставался, однако, совсѣмъ изолированнымъ, а одной изъ своихъ рѣчей онъ возбудилъ даже почти всеобщее неудовольствіе республиканцевъ, заявивъ, что въ борьбѣ съ капиталомъ онъ не обращаетъ вниманія на религіозныя убѣжденія людей, и съ большей симпатіей смотритъ на дѣятельность христіанскаго соціалиста, графа де-Мэна, чѣмъ на подвиги буржуазныхъ атеистовъ, для которыхъ существуетъ одинъ богъ—золотой мѣшокъ. На общихъ выборахъ 1893 г., которые впервые отмѣтили колоссальный ростъ французскаго соціализма, Лафаргъ

былъ побѣжденъ буржуазной коалиціей, при помощи очень остроумной перекройки правительствомъ рабочаго округа, избиравшаго Лафарга и нарочно потопленнаго теперь въ окружающихъ его сельскихъ общинахъ.

Это не помѣшало Лафаргу продолжать ту дѣятельность, которой онъ посвятилъ себя съ давнихъ лѣтъ. Я долженъ здѣсь отмѣтить кстати одно мало извѣстное въ исторіи французскаго движенія обстоятельство. При началѣ дрейфусовскаго дѣла Лафаргъ былъ рѣшительно на сторонѣ Жорэса (какъ и Гэдъ) и считалъ необходимымъ вести на этой почвѣ самую крайнюю кампанію противъ французскаго милитаризма и шовинизма. Увы! черезъ нѣсколько мѣсяцевъ взяло вверхъ мнѣніе измѣнившаго въ этомъ отношеніи свои взгляды Гэда и бланкиста Вайльяна. И Лафаргъ, хоть и не сразу, подчинился этой ошибочной тактикѣ, состоявшей въ осуществленіи той мысли, что французскому рабочему классу нечего вмѣшиваться въ дѣло Дрейфуса, а должно предоставить двумъ отрядамъ буржуазнаго лагеря бороться между собою, «выводя лишь изъ этой усобицы враговъ полезныя для соціалистическаго движенія заключенія». «Ни за того, ни за другого!»—гласила эта формула, формула, увы, неосуществимая и неприложимая въ тотъ моментъ, когда вся Франція безъ исключенія была или «за того», или «за другого». Мнѣ снова пришлось переживать порою непріятныя минуты при свиданіи съ Лафаргами, которымъ мало было моего антиминистеріализма, но которые желали бы видѣть меня и болѣе безучастно относящимся къ дѣлу Дрейфуса.

Черезъ годъ, черезъ два, когда волны потрясшаго всю Францію дѣла стали улегаться, наши отношенія снова совсѣмъ наладились. И я помню, съ какой теплотой въ началѣ 1902 г. Лафарги говорили, по крайней мѣрѣ, объ одной, соціологической, сторонѣ моей литературной дѣятельности, которая была имъ извѣстна только по наслышкѣ и о которой они узнавали теперь изъ соціалъ-демократической прессы. Въ это время въ марксистской «Die Neue Zeit» появилась, дѣйствительно, статья одного польскаго этнографа, рано умершаго Келлеса-Krауза, о Бахофенѣ, и въ ней упоминался нѣкій «ученый, но мало извѣстный географъ и этнографъ Р.», написавшій, молъ, еще въ 1889 г. статью на русскомъ о Бахофенѣ и пополнившій ее въ примѣненіи къ Франціи нѣкоторыми данными изъ исторіи средневѣковыхъ соціальныхъ отношеній.

Но такъ и до конца дней своихъ Лафаргъ сомнительно относился къ тому, чтобы я могъ понимать Маркса, объясняя это, впрочемъ, теперь довольно курьезнымъ образомъ еще и тѣмъ, что я занимался и физической географіей. Тщетно я ему доказывалъ, что то была хлѣбная работа, и что меня въ ней интересовала преимущественно этнографическая сторона. Онъ мнѣ возражалъ: «нѣтъ, географія предрасполагаетъ людей къ антимарксизму и къ анархизму. Примѣръ—ваши Элизэ Реклю и Кропоткинъ».

Въ заключеніе маленькій діалогъ все изъ той же области марксовѣдѣнія въ Россіи, съ точки зрѣнія Лафарга,—послѣдній, который я велъ съ нимъ, незадолго до моего переѣзда на родину:

— Вы, русскіе, не знаете Маркса и не можете его знать!.. Только два человѣка и понимаютъ его у васъ.

— Кто это?—полюбопытствовалъ я.

— Прежде Лопатинъ (о Лопатинѣ прошли тогда слухи, что онъ умеръ въ Шлиссельбургѣ), а теперь—Плехановъ.

— А Н.—онъ? — полюбопытствовалъ я.

— Раньше понималъ, а теперь какъ будто перестал,—отвѣтилъ, не смущаясь, Лафаргъ, поставленный, видимо, русскими марксистами въ извѣстность относительно полемики Н.—она съ «русскими учениками Маркса», и прибавилъ, уморительно-вопрошающе глядя на меня:

— Вы, можетъ быть, запротестуете: «а я?..» Варваръ, оставайтесь варваромъ!.. У васъ были личные шансы понять Маркса. Но вамъ помѣшало ваше соціальное положеніе, ранняя жизнь въ общинѣ!..

На сей разъ я только улыбнулся: я былъ и остался для Лафарга, несмотря на всѣ мои завѣренія, варваромъ-общинникомъ, къ тому же загубленнымъ географіей.

Милые, дорогіе люди! Какъ все-таки добры, благородны и интересны были вы даже въ своихъ теоретическихъ увлеченіяхъ!.

Н. С. Русановъ.

P. S. Мнѣ только сейчасъ, когда статья была уже сверстана, попалось въ руки интервью «Matin» съ душеприкащикомъ Лафарга, его племянникомъ, Эдгаромъ Лонгэ. Какъ невелико было наслѣдство, оставленное Лаурѣ Лафаргъ Энгельсомъ, видно изъ того, что о немъ Лонгэ и совсѣмъ не упоминаетъ, а говоритъ лишь о 160.000 фр., перешедшихъ къ самому Лафаргу послѣ смерти его матери. Въ этомъ интервью есть двѣ - три черты, дорисовывающія цѣльную личность супруговъ. Ненавидя «помѣщеніе» капиталовъ, Лафаргъ, очевидно съ согласія жены, рѣшилъ раздѣлить всѣ свои средства на десять частей по числу лѣтъ, которыя онъ предполагалъ прожить съ пользой для другихъ и интересомъ для себя до наступленія дряхлости, и исполнялъ эту программу въ точности. Когда наступило, по ихъ соображеніямъ, «время уйти», у супруговъ почти ничего не оставалось. Это проживаніе включало, конечно, и помощь своимъ партійнымъ друзьямъ и вообще нуждавшимся, ибо Лафарги никогда не были скупцами, какъ утверждали ихъ противники. Обратите вниманіе еще на одну поистинѣ исключительную черту мужества и ясности міровоззрѣнія Лафарговъ: десять лѣтъ носить съ собой свой собственный смертный приговоръ — и жить, какъ жили они, хорошей, высоко человѣческой жизнію!.,

Н. Р.

Изъ переписки А. П. Чехова *).

1887 г. (мѣсяца и числа нѣтъ).

Пьесу я написалъ нечаянно, послѣ одного разговора съ Коршемъ. Легъ спать, надумалъ тему и написалъ. Потрачено на нее 2 недѣли, или, вѣрнѣе, 10 дней, такъ какъ были въ двухъ недѣляхъ дни, когда я не работалъ или писалъ другое. О достоинствахъ пьесы судить не могу. Вышла она подозрительно коротка. Всѣмъ нравится. Коршъ не нашелъ въ ней ни одной ошибки и грѣха противъ сцены—доказательство, какъ хороши и чутки мои судьи. Пьесу я писалъ впервые, ergo ошибки обязательны. Сюжетъ сложенъ и не глупъ. Каждое дѣйствіе я оканчиваю, какъ разсказы: все дѣйствіе веду мирно и тихо, а въ концѣ даю зрителю по мордѣ. Вся моя энергія ушла на немногія дѣйствительно сильныя и яркія мѣста, мостики же, соединяющіе эти мѣста, ничтожны, вялы и шаблонны. Но я все таки радъ: какъ ни плоха пьеса, но я создалъ типъ, имѣющій литературное значеніе, я далъ роль, которую возьмется играть только такой талантъ, какъ Давыдовъ, роль, на которой актеру можно развернуться и показать талантъ. Жаль, что я не могу почитать тебѣ своей пьесы. Ты человѣкъ легкомысленный и мало видѣвшій, но гораздо свѣжѣе и тоньше ухомъ, чѣмъ всѣ московскіе хвалители и хулители. Твое отсутствіе для меня—потеря не малая.

Въ пьесѣ 14 дѣйствующихъ лицъ, изъ коихъ 5 - женщинъ. Чувствую, что мои дамы, кромѣ одной, разработаны не достаточно.

(Мѣсяца и числа нѣтъ).

Попроси Федорова или Бѣжецкаго помѣстить въ театральной хроникѣ замѣтку: «А. П. Чеховымъ написана комедія «Ивановъ» въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Читанная въ одномъ изъ московскихъ круж-

*) Печатаемыя выдержки изъ писемъ Ант. Павл. Чехова доставлены намъ братомъ покойнаго, Алекс. Павл. Чеховымъ. Всѣ они касаются постановки „Иванова“ въ (1887 г.).

ковъ (или что-нибудь въ родѣ), она произвела сильнѣйшее впечатлѣніе. Сюжетъ новъ, характеры рельефны и проч.»

Это—коммерческая замѣтка. Пьеса у меня вышла легкая, какъ перышко, безъ одной длинноты. Сюжетъ небывалый. Поставлю ее, вѣроятно, у Корша (если послѣдній не будетъ скупъ)

Вотъ и все. О замѣткѣ постарайся. Она набавитъ цѣну. Въ замѣткѣ хвалить не нужно, а ограничься общими мѣстами. Кланяйся своимъ и сообщи свой новый адресъ.

(24 октября).

Получилъ я отъ Суворина письмо, которое едва разобралъ. Непостижимо: какъ читаютъ его наборщики? Пишетъ онъ мнѣ о своей пьесѣ: «Я прѣлъ, прѣлъ за своей комедіей, да такъ и бросилъ, когда взглянулъ этимъ лѣтомъ на дѣйствительную русскую жизнь». Еще бы не прѣть! Современные драматурги начиняютъ свои пьесы исключительно ангелами, подлецами и шутами,—пойди-ка, найди сіи экземпляры во всей Россіи! Найти-то найдешь, да не въ такихъ крайнихъ видахъ, какіе нужны драматургамъ. Поневолѣ начнешь выжимать изъ головы, взопрѣешь и бросишь. Я хотѣлъ съоригинальничать: не вывелъ ни одного злодѣя, ни одного ангела (хотя не съумѣлъ воздержаться отъ шутовъ), никого не обвинилъ, никого не оправдалъ... Удалось ли мнѣ это, не знаю. Пьеса непремѣнно пойдетъ—въ этомъ увѣрены Коршъ и актеры. А я не увѣренъ. Актеры не понимаютъ, несутъ вздоръ, берутъ себѣ не тѣ роли, какія нужны, а я воюю, вѣруя, что если пьеса пойдетъ не съ тѣмъ распредѣленіемъ ролей, какое я сдѣлалъ, то она погибнетъ. Если не сдѣлаютъ такъ, какъ я хочу, то во избѣжаніе срама пьесу придется взять назадъ. Вообще штука непріятная. Зналъ бы, не связывался.

(29 октября 1887 г.).

Такъ какъ Суворинъ интересуется судьбою моей пьесы, то передай ему, что Давыдовъ принялся за нее горячо, съ восторгомъ. Я такъ угодилъ ему ролью, что онъ затащилъ меня къ себѣ, продержалъ до трехъ часовъ ночи и все время, любовно глядя на мою рожу, увѣрялъ меня, что онъ отродясь не вралъ и что въ моей пьесѣ все отъ α до ω тонко, правильно, чинно и благородно. Онъ увѣрялъ, что въ моей пьесѣ *пять* превосходныхъ ролей и что поэтому она у Корша шлепнется, такъ какъ играть ее рѣшительно некому.

Во! А ты все спрашивалъ: что изъ эстого выйдетъ и гдѣ я учился...

Съ Коршемъ (...) условіе уже подписано: я беру 8% съ валового сбора, т. е. по 2% съ акта.

(20 ноября).

Ну, пьеса проѣхала... Описываю все по порядку. Прежде всего: Коршъ обѣщалъ мнѣ десять репетицій, а далъ только 4, изъ коихъ репетиціями можно назвать только двѣ, ибо остальныя двѣ изображали изъ себя турниры, на коихъ гг. артисты упражнялись въ словопреніяхъ и брани. Роль знали только Давыдовъ и Глама, а остальные играли по суфлеру и по внутреннему убѣжденію.

Первое дѣйствіе. Я за сценой въ маленькой ложѣ, похожей на арестантскую камеру. Семья въ ложѣ бенуаръ: трепещетъ. Сверхъ ожиданія я хладнокровенъ и волненія не чувствую. Актеры взволнованы, напряжены и крестятся. Занавѣсъ. Выходъ бенефиціанта. Неувѣренность, незнаніе роли и поднесенный вѣнокъ дѣлаютъ то, что я съ первыхъ же фразъ не узнаю своей пьесы. Киселевскій, на котораго я возлагалъ большія надежды, не сказалъ правильно ни одной фразы. Буквально: *ни одной*. Онъ говорилъ свое. Не смотря на это и на режиссерскіе промахи, первое дѣйствіе имѣло большой успѣхъ. Много вызововъ.

2 дѣйствіе. На сценѣ масса народа. Гости. Ролей не знаютъ, путаютъ, говорятъ вздоръ. Каждое слово рѣжетъ меня ножомъ по спинѣ. Но—о муза!—и это дѣйствіе имѣло успѣхъ. Вызывали всѣхъ, вызывали и меня два раза. Поздравленіе съ успѣхомъ.

3 дѣйствіе. Играютъ не дурно. Успѣхъ громадный. Меня вызываютъ 3 раза, при чемъ во время вызововъ Давыдовъ трясетъ мнѣ руку, а Глама на манеръ Манилова другую мою руку прижимаетъ къ сердцу. Торжество таланта и добродѣтели.

Дѣйствіе 4; 1-я картина. Идетъ не дурно. Вызовы. За симъ длиннѣйшій утомительный антрактъ. Публика, не привыкшая между двумя картинами вставать и уходить въ буфетъ, ропщетъ. Поднимается занавѣсъ. Красиво: въ арку виденъ ужинный столъ (свадьба). Музыка играетъ туши. Выходятъ шафера; они пьяны, а потому, видишь-ли, надо клоуничать и выкидывать колѣнцы. Балаганъ и кабакъ, приводящіе меня въ ужасъ. За симъ выходъ Киселевскаго: душу захватывающее, поэтическое мѣсто, но мой Киселевскій роли не знаетъ, пьянъ, какъ сапожникъ, и изъ поэтическаго, коротенькаго діалога получается что-то тягучее и гнусное. Публика недоумѣваетъ. Въ концѣ пьесы герой умираетъ отъ того, что не выноситъ нанесеннаго оскорбленія. Охладѣвшая и утомленная публика не понимаетъ этой смерти (которую отстаивали у меня актеры; у меня есть варіантъ). Вызываютъ актеровъ и меня. Во время одного изъ вызововъ слышится откровенное шиканье, заглушаемое аплодисментами и топаньемъ ногъ.

Въ общемъ утомленіе и чувство досады. Противно, хотя пьеса имѣла солидный успѣхъ (отрицаемый Кичеевымъ и К°).

Театралы говорятъ, что никогда они не видѣли въ театрѣ такого броженія, такого всеобщаго аплодисменто-шиканья, и никогда въ другое время имъ не приходилось слышать стольких споровъ,

какіе видѣли и слышали они на моей пьесѣ. А у Корша не было случая, чтобы автора вызывали послѣ 2-го дѣйствія.

Второй разъ пьеса идетъ 23-го съ варіантомъ и съ измѣненіями—я изгоняю шаферовъ.

Подробности при свиданіи.

(24 ноября).

Ну, милѣйшій Гусевъ, все, наконецъ, улеглось, разсѣялось и я попрежнему сижу за своимъ столомъ и со спокойнымъ духомъ сочиняю разсказы. Ты не можешь себѣ представить, что было! Изъ такого малозначущаго дерьма, какъ моя пьесенка (я послалъ одинъ оттискъ Маслову), получилось чортъ знаетъ что. Я уже писалъ тебѣ, что на первомъ представленіи было такое возбужденіе въ публикѣ и за сценой, какого отродясь не видалъ суфлеръ, служившій въ театрѣ 32 года. Шумѣли, галдѣли, хлопали, шикали; въ буфетѣ едва не подрались, а на галлеркѣ студенты хотѣли вышвырнуть кого-то и полиція вывела двоихъ. Возбужденіе было общее. Сестра едва не упала въ обморокъ, Дюковскій, съ которымъ сдѣлалось сердцебіеніе, бѣжалъ, а Киселевъ ни съ того, ни съ сего схватилъ себя за голову и очень искренно возопилъ: «Что же я теперь буду дѣлать?»

Актеры были нервно напряжены. Все, что я писалъ тебѣ и Маслову объ ихъ игрѣ и объ отношеніи къ дѣлу, должно, конечно, не итти дальше писемъ. Приходится многое оправдывать и объяснять... Оказывается, что у актрисы, которая играла у меня первую роль, при смерти дочка—до игры ли тутъ? Курепинъ хорошо сдѣлалъ, что похвалилъ актеровъ.

На другой день послѣ спектакля появилась въ «Московскомъ Листкѣ» рецензія Петра Кичеева, который обзываетъ мою пьесу нагло-цинической, безнравственной дребеденью. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» похвалили.

Второе представленіе прошло не дурно, хотя и съ сюрпризами. Вмѣсто актрисы, у которой больна дочка, играла другая (безъ репетиціи). Опять вызывали послѣ третьяго (два раза) и послѣ четвертаго дѣйствій, но уже не шикали.

Вотъ и все. Въ среду опять идетъ мой «Ивановъ». Теперь всѣ поуспокоились и вошли въ свою колею. Мы записали 19 ноября и будемъ праздновать его ежегодно попойкой, ибо сей день для семьи будетъ долго памятенъ.

Больше я не буду писать тебѣ о пьесѣ. Если хочешь имѣть о ней понятіе, то попроси оттискъ у Маслова и почитай. Чтеніе пьесы не объяснитъ тебѣ описаннаго возбужденія; въ ней ты не найдешь ничего особеннаго. Николай, Шехтель и Левитанъ—т. е. художники—увѣряютъ, что на сценѣ она до того оригинальна, что странно глядѣть. Въ чтеніи же этого не замѣтно.

Если кто либо, замѣтишь, захочетъ побранить въ «Новомъ

Времени» актеровъ, участвовавшихъ въ моей пьесѣ, попроси воздержаться отъ хулы. Во второмъ представленіи они были великолѣпны.

Ну-съ, на дняхъ ѣду въ Питеръ. Постараюсь выбраться къ 1 декабря. Во всякомъ случаѣ именины твоего старшаго цуцыка мы отпразднуемъ вмѣстѣ...

Поздравляю съ повышеніемъ. Если ты въ самомъ дѣлѣ секретарь, то пусти замѣтку, что: «23-го ноября въ театрѣ Корша во 2-й разъ шелъ «Ивановъ». Актеры, особливо Давыдовъ, Киселевскій, Градовъ-Соколовъ и Кошева были много вызываемы. Авторъ былъ вызванъ послѣ третьяго и четвертаго дѣйствія». Что-нибудь въ родѣ... Благодаря этой замѣткѣ мою пьесу поставятъ лишній разъ и я лишній разъ получу 50—100 цѣлковыхъ. Если эту замѣтку найдешь неудобной, то не дѣлай ея.

Я надоѣлъ тебѣ? Мнѣ кажется, что я весь ноябрь былъ психопатомъ.

Будь здоровъ и прости за психопатію. Больше не буду. Сегодня я нормаленъ...

Благодарственное письмо за телеграмму послано Маслову.

Твой Шиллеръ Шекспировичъ Гете.

Похороны по первому разряду.

Разсказъ О. Вольбрюкъ.

Переводъ съ нѣмецк. М. Кариной.

Въ кабарэ „Кривая сова“ сегодня опять было шумно и весело, какъ и всегда, когда баронъ Фридрихъ фонъ Готсейна, по выраженію молодой польской піанистки, „жонглировалъ своей баронской короной“, какъ и всегда, когда приближался конецъ мѣсяца, и изъ баронскаго кошелька уплывали послѣднія монеты. Ибо денегъ у барона Фридриха фонъ Готсейна было лишь ровно столько, чтобы при строгой экономіи сводить концы съ концами, то-есть не дѣлать долговъ больше, чѣмъ въ томъ можно было сознаться почтенному дядюшкѣ, важному барону Арниму фонъ Готсейна. Почтенный же дядюшка, баронъ Арнимъ фонъ Готсейна старшей линіи, соглашался платить долги племянника только потому, что надѣялся этимъ помочь ему сдѣлать блестящую партію: по его мнѣнію, такому молодому, красивому, лишенному состоянія Готсейнѣ не оставалось ничего другого, какъ позаботиться о продолженіи рода и, разумѣется, получить за это изрядный кушъ въ видѣ приданнаго.

Но надежды барона Арнима фонъ Готсейна старшей линіи все не сбывались, и новогодній подарокъ племяннику—чекъ на государственный банкъ—выдавался въ послѣдніе годы все съ большимъ и большимъ неудовольствіемъ. Надо сознаться, баронъ Фридрихъ фонъ Готсейна младшій и не думалъ идти навстрѣчу желаніямъ стараго дяди. Вмѣсто того, чтобы принимать участіе въ аристократическомъ лаунъ-тенисѣ, который баронъ Арнимъ фонъ Готсейна отъ времени до времени устраивалъ въ саду своего роскошнаго особняка на Вильгельмштрассе, вмѣсто того, чтобы еженедѣльно появляться въ оперѣ въ ложѣ графини Деллингеръ, старой пріятельницы барона Арнима, вывозившей въ свѣтъ трехъ

дочерей, правда невѣроятно тощихъ, но съ полумилліоннымъ приданымъ, вмѣсто того, чтобы хоть изрѣдка бывать съ визитомъ у почтенной баронессы фонъ Мюленъ, остраго язычка которой всѣ такъ боялись, но въ салонѣ которой устраивались самые неожиданные браки, вмѣсто всего этого баронъ Фридрихъ фонъ Готсейна сочинялъ какіе-то пикантные стишки, печаталъ ихъ въ пятачковыхъ иллюстрированныхъ журналахъ, ѣздилъ въ началѣ мѣсяца съ пѣвичками на автомобилѣ въ Потсдамъ, а въ концѣ мѣсяца на трамваѣ въ загородные сады поближе. Когда были деньги, обѣдалъ въ шикарномъ ресторанѣ у Гиллера, а когда денегъ не было, столовался съ молодыми художниками въ дешевой кухмистерской, чтобы „изучать нравы", и въ концѣ-концовъ чуть не довелъ до нервнаго удара барона Арнима фонъ Готсейна старшаго, выступивъ въ одномъ изъ маленькихъ „этихъ... э... учрежденій"—кабарэ „Кривая сова".

Но молодой баронъ Фридрихъ былъ, повидимому, неисправимъ, и кабарэ „Кривая сова", гдѣ онъ то исполнялъ трогательные романсы фальшиво, но съ большимъ чувствомъ, то лихо танцовалъ подъ негритянскіе напѣвы „кекъ-уокъ" и „ки-ка-пу", скоро пріобрѣло популярность и сдѣлалось излюбленнымъ мѣстомъ залитыхъ брилліантами праздныхъ дамъ, которымъ импонировали фиглярскіе прыжки „самаго настоящаго" барона.

Сегодня вечеромъ баронъ пѣлъ фальшивѣе и чувствительнѣе обыкновеннаго, прыгалъ выше и причудливѣе, и дамы были внѣ себя отъ восторга, смѣялись, неистово аплодировали: „Браво, браво". Онѣ такъ смѣялись, что видны были блестящія золотыя пломбы и такъ аплодировали, что лопались по швамъ туго стягивавшія руки перчатки.

Но наконецъ, все же пора было кончить. Баронъ былъ красенъ, потенъ и не очень красивъ въ такомъ видѣ. Нѣкоторыя изъ присутствующихъ дамъ,—повидимому, постоянныя посѣтительницы „Кривой совы" и даже, кажется, причислявшія себя къ артисткамъ, на томъ основаніи, что онѣ подпѣвали иногда шансонеткамъ,—протягивали ему бокалы съ шампанскимъ.

— Немного прохладительнаго, баронъ...

— Глотокъ шампанскаго, баронъ...

И баронъ пилъ одинъ бокалъ за другимъ, смѣялся, игриво цѣловалъ руки въ блестящихъ кольцахъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ съ разъѣхавшимися швами.

Очень толстая, величественно возсѣдавшая дама познакомила его съ своей дочерью:

— Дочь моя Мелли, баронъ Фридрихъ фонъ Готсейна.

Онъ съ надменной небрежностью наклонилъ голову, без-

церемонно разсматривая изящную фигурку въ гладкомъ бѣломъ платьѣ, узкое, розовое личико, пышные темные волосы, почти презрительно сжатыя тонкія губы.

— Ради Бога, простите, я въ такомъ костюмѣ...

Мать разсѣянно улыбалась.

— Вѣдь мы не въ салонѣ...

Но ему непріятно было стоять такъ, безъ фрака, съ болтающимся краснымъ галстухомъ надъ разстегнутымъ бархатнымъ жилетомъ. Лакей принесъ ему фракъ. Дамы не прочь были помочь ему одѣться. Чтобы отклонить ихъ услуги, онъ долженъ былъ сдѣлаться грубымъ; потомъ, чтобъ спастись отъ ихъ приставаній, закричалъ громовымъ голосомъ: „Вальсъ!“—притянулъ къ себѣ сопротивлявшуюся молодую дѣвушку и закружился съ ней по залу.

Но повсюду стояли столики, и послѣ первыхъ же па Мелли сказала:

— Нѣтъ, прошу васъ, оставимъ это. Вы видите, все равно ничего не выходитъ.

Онъ подвелъ ее къ небольшому столику (далеко отъ столика, за которымъ сидѣла мать) и заказалъ бутылку сельтерской воды.

— Вамъ, вѣроятно, тоже хочется пить, фрейленъ. Вода утоляетъ жажду лучше шампанскаго. Къ тому же она и дешевле...—смѣясь, прибавилъ онъ. Потомъ послѣ короткой паузы, видя, что молодая дѣвушка ничего не отвѣчаетъ, заговорилъ снова:

— Вѣроятно, вы рѣдко бываете здѣсь, фрейленъ. Я не видѣлъ васъ, кажется, раньше...

Мелли отвѣтила очень серьезно:

— Я здѣсь въ первый и, конечно, въ послѣдній разъ.

— Развѣ? Почему же? Развѣ вамъ здѣсь не нравится?

— Отвратительно,—послѣдовалъ короткій отвѣтъ.

— Ого!

Онъ громко поставилъ свой стаканъ на столъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на нее. Она спокойно выдержала его взглядъ, ея узкое милое личико было при этомъ такъ строго, что онъ наклонился и спросилъ не то отечески, не то язвительно:

— Тогда зачѣмъ же вы пришли сюда, фрейленъ?

— Развѣ молодая дѣвушка приходитъ куда-нибудь? Ее просто привозятъ... берутъ съ собой. Теперь въ модѣ бывать въ кабарэ, это шикарно. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ мои кузины и тетушки. И, кажется, еще больше въ модѣ принимать во всемъ этомъ участіе...—Она иронически посмотрѣла на своего собесѣдника.— Нѣкоторые изъ нашихъ знакомыхъ даже открыли здѣсь свое призваніе, но идти на

сцену слишкомъ поздно... и вотъ онѣ здѣсь поютъ и танцуютъ и дѣлаютъ себя всеобщимъ посмѣшищемъ.

— Какъ я?—спросилъ баронъ тихо.

Молодая дѣвушка не сразу отвѣтила: ей было непріятно, что она зашла такъ далеко. Баронъ Фридрихъ весело разсмѣялся.

— Ну да, я знаю, вы не хотѣли обидѣть меня. Но имѣете ли вы понятіе о томъ, какъ хорошо сбросить иногда съ себя фракъ, и выкинуть какую-нибудь веселую шутку, безумно веселую...

— Нѣтъ, отчего же... я могу представить себѣ... Только публики не должно быть при этомъ. Или всѣ вмѣстѣ должны веселиться, дурачиться... а такъ...

Она покачала головой, но видя, что онъ продолжаетъ съ улыбкой смотрѣть на нее, вдругъ разсердилась.

— Вы разыгрываете роль клоуна передъ всѣми этими чужими людьми. Какъ вы не понимаете, что они смѣются не *вмѣстѣ* съ вами, а *надъ* вами. Къ тому-же вы баронъ... И они смѣются вдвое больше, а если бы вы были графомъ, смѣялись бы еще больше...

— Однако, однако, фрейленъ...

На другомъ концѣ залы мать сіяла отъ радости, что дочь ея разговариваетъ такъ долго съ барономъ. Теперь можно ужъ рискнуть пригласить его. Видя, что молодая пара подходитъ къ ней, она поднялась и громко, чтобы всѣ слыхали, заговорила:

— Заходите, пожалуйста, баронъ! Мы будемъ вамъ такъ рады...

Ему неудобно было отвѣтить отказомъ, и онъ пробормоталъ что-то невнятное.

Чортъ побери, однако!.. Ловко, очень ловко отдѣлала его хорошенькая еврейка... словно она чопорная баронесса фонъ Мюленъ... четырнадцать поколѣній предковъ... да... или молоденькое воплощеніе чиновничьей благопристойности съ пятаго этажа, занятаго вдовой статскаго совѣтника... а не дочь „крупнаго негоціанта“. Мамаша, видно, помѣшана на томъ, чтобы тоже „имѣть салонъ“... Къ чорту!.. На сегодня съ него предостаточно. Онъ сослался на усталость, попрощался и поскорѣе ушелъ.

Возмутительно! Даже повеселиться немножко нельзя: непремѣнно удовольствіе будетъ испорчено чѣмъ-нибудь. Никакой радости въ жизни... Что ждетъ его дома? Неоплаченные счета, болтливая, любопытная, вѣчно напоминающая о долгахъ хозяйка, въ устахъ которой слово „баронъ“ звучитъ, какъ пощечина... Пфуй, пфуй!..

О прекрасныхъ глазахъ молодой еврейки думалъ онъ...

Что-то все-таки есть въ ней такое... Словно настоящая дама изъ общества и денегъ у нея, вѣроятно, тоже достаточно. Салонъ Левенштейнъ... да, недурно... Сегодня гость, завтра другъ, потомъ зять. Теща на каждомъ шагу будетъ говорить ему:—Баронъ, ты...

Онъ вдругъ громко расхохотался. Пора, пора, наконецъ, покончить съ надоѣвшей нуждою. Къ тому-же дѣвочка ему нравится. Онъ легъ и сладко уснулъ.

На слѣдующее утро онъ, вѣроятно, забылъ бы уже обо всемъ; но хозяйка принесла ему вмѣстѣ со счетомъ портного и письмомъ отъ пріятеля, который когда-то далъ взаймы ему сто марокъ и теперь настойчиво просилъ возвратить долгъ, изящную серебристо-сѣрую карточку:

Мадамъ Левенштейнъ, née Гиршбергъ.

Вторникъ; 5—7 час. Кенигрецерштрассе, 41.

Итакъ, госпожа Левенштейнъ отправила приглашеніе еще вчера вечеромъ. Энергичная дама, чортъ побери! Сегодня вторникъ... да... вѣжливость за вѣжливость.

Въ половинѣ шестого баронъ Фридрихъ фонъ Готсейна входилъ элегантно одѣтый, аристократъ съ головы до ногъ, въ салонъ госпожи Левенштейнъ.

Хозяйка встрѣтила его съ бурной радостью.

— Ахъ, милый баронъ.—Она сразу сдѣлалась фамильярна:

— Мелли, пришелъ нашъ милый баронъ.

Готсейна младшій поморщился.

— Господа, позвольте представить вамъ нашего друга, барона Фридриха фонъ Готсейна.

Нѣкоторыя изъ присутствующихъ дамъ видѣли его въ кабарэ; здѣсь въ салонѣ онѣ раскланялись съ нимъ почти холодно. Только одна воскликнула:

— Ахъ, баронъ, какъ я рада! Захватили вы съ собою гитару?

Кровь бросилась ему въ голову.

— Въ слѣдующій разъ,—колко отвѣтила Мелли, протягивая гостю стаканъ чаю.

Хозяйка дома сдѣлала гримасу.

— Что ты, Мелли! Вѣдь баронъ здѣсь не для того, чтобы играть на гитарѣ. Напейтесь, пожалуйста, чаю, милый баронъ, а потомъ вы, конечно, споете намъ что-нибудь. Мелли будетъ аккомпанировать вамъ.

Баронъ Фридрихъ вспылилъ.

— Хорошо, но я ставлю условіемъ, чтобы всѣ дамы легли на коверъ и ударяли головой о полъ въ тактъ музыкѣ,— сказалъ онъ съ вызывающимъ видомъ.

Гости натянуто улыбались. Мелли отвела его въ сторону,

чтобы показать какія-то старинныя гравюры. Дамы перешептывались.

— Все-же онъ очень красивъ...

— Когда онъ поетъ негритянскія пѣсни и танцуетъ кэкъ-уокъ, онъ еще лучше...

— Состоянія у него, конечно, нѣтъ?

— Надо думать... Сталъ бы онъ иначе вести себя такъ!

— Очень декоративенъ,—авторитетно протянула хозяйка и тутъ-же рѣшила пригласить его уже на послѣзавтра къ обѣду.

Надо отдать госпожѣ Левенштейнъ справедливость: она умѣла быть радушной, когда хотѣла привлечь кого-нибудь. И баронъ Фридрихъ фонъ Гостейна младшій скоро сдѣлался частымъ гостемъ въ ея домѣ.

Мелли держалась съ нимъ по-товарищески, но мать была необычайно любезна. За столомъ онъ долженъ былъ сидѣть рядомъ съ ней; въ правомъ углу гостиной, по его указанію, была переставлена мебель, съ нимъ совѣтывались, въ какой театръ идти, однажды ему даже пришлось выбрать госпожѣ Левенштейнъ по своему вкусу матерію на платье. Хозяинъ, игравшій безцвѣтную роль въ домѣ, предлагалъ ему за столомъ лучшія сигары и старѣйшія вина и дружески хлопалъ его по плечу. Все это было немножко смѣшно, но показывало, что Фридрихъ фонъ Готсейна сдѣлался своимъ человѣкомъ въ домѣ.

И, повидимому, барону ничего не оставалось больше, какъ дѣйствительно сдѣлаться „своимъ". Долги все росли, кредиторы надоѣдали все больше и больше, положеніе становилось безвыходнымъ.

Ждать дольше было невозможно. И вотъ однажды утромъ баронъ одѣлся тщательнѣе обыкновеннаго и ровно въ двѣнадцать часовъ дня позвонилъ у дверей квартиры г. Левенштейна.

Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ и ничуть не тревожился. Но непріятнымъ казалось, что приходится дѣйствовать подъ давленіемъ обстоятельствъ, что очень значительную роль во всемъ этомъ играютъ два просроченныхъ векселя. Дѣвушка заслуживала, чтобы руки ея добивались по склонности, безъ всякихъ постороннихъ разсчетовъ... Ну, что-жъ, за то потомъ она не сможетъ пожаловаться на него... да... изъ нея выйдетъ очаровательная баронесса Готсейна.

Ему гораздо пріятнѣе было бы говорить лично съ ней. Но Мелли не было дома, и его приняла мать.

— Очень рада васъ видѣть, милый баронъ!

Она была необычайно толста въ этомъ широкомъ крас-

номъ плюшевомъ пенюарѣ. При видѣ ея баронъ почти забылъ о цѣли своего визита. „Неужели Мелли со временемъ будетъ такой же“, мелькнуло у него въ головѣ. Легкій морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ.

— Что новаго, милый баронъ? Мелли ушла съ знакомыми на выставку. Пріѣхали вчера изъ Бреславля. Очень богатый лѣсопромышленникъ... и сынъ его, только что устроившійся адвокатъ... замѣчательно симпатичные люди... Завтра познакомитесь съ ними.

Она сіяла отъ радости. Готсейна сидѣлъ противъ нея, вертѣлъ въ рукахъ блестящій цилиндръ и почти застѣнчиво откашливался... Наконецъ, началъ говорить. Сначала тихо, запинаясь, потомъ все горячѣе, съ возрастающимъ жаромъ и искренностью. Онъ представлялъ себѣ прекрасные, темные глаза Мелли, ея изящную тоненькую фигурку и, чтобы не разбить настроенія, избѣгалъ смотрѣть на сидѣвшую противъ него вульгарную толстую женщину въ красномъ плюшевомъ пенюарѣ. Онъ говорилъ очень долго, онъ чувствовалъ, что долженъ мотивировать свое предложеніе, долженъ заставить повѣрить въ свое чувство къ Мелли, убѣдить хотя бы себя самого. Наконецъ, кончилъ, опять повертѣлъ въ рукахъ цилиндръ и ждалъ отвѣта.

Госпожа Левенштейнъ не прерывала его; ея глаза все время были закрыты. Нѣтъ, подумайте только: настоящій баронъ стариннаго рода проситъ руки внучки Якова Гиршберга изъ Иновраплава... Какъ аристократически держитъ онъ себя... какъ рыцарски! Она блаженно улыбалась.

Что, онъ кончилъ уже? Пересталъ говорить?.. Жаль, очень жаль! Она могла бы слушать его еще часъ, по крайней мѣрѣ... Съ усиліемъ открыла она увлаженные слезами глаза.

— Милый баронъ... вы не можете представить себѣ, какую честь дѣлаете намъ своимъ предложеніемъ. Вѣрьте мнѣ, прошу васъ. Мой мужъ будетъ очень польщенъ! Но... но, къ сожалѣнію... мнѣ тяжело говорить вамъ это... не сердитесь на меня, милый баронъ... У насъ совсѣмъ другіе планы относительно Мелли... Мы современные люди... титулъ, конечно, прекрасная вещь... но мы обязаны позаботиться о будущемъ нашей дочери. И какъ разъ все такъ сложилось... сынъ нашего бреславльскаго компаньона... Вы не повѣрите, баронъ, какой это серьезный молодой человѣкъ... какой способный... Всегда круглое пять, на всѣхъ экзаменахъ. Конечно, очень пріятно быть баронессой, но въ нашъ вѣкъ финансовая аристократія на первомъ мѣстѣ!

Она повторяла любимую фразу своего мужа. Потомъ,

видя замѣшательство барона, прибавила съ материнской улыбкой:

— Всѣ мы знаемъ, конечно, что вы очень милый молодой человѣкъ... всѣ мы цѣнимъ и любимъ васъ... но все же вѣдь вы—не Крезъ... Если мужъ мой можетъ помочь вамъ чѣмъ-нибудь... онъ съ радостью все для васъ сдѣлаетъ! Только не покидайте насъ... Мы всѣ васъ такъ любимъ... Зачѣмъ вамъ жениться? Съ вашимъ титуломъ, съ вашей наружностью... Всѣ женщины влюблены въ васъ... повѣрьте мнѣ... Васъ всюду примутъ съ распростертыми объятіями—всюду.

Баронъ Фридрихъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Передъ глазами его вертѣлись огненные круги. Ему казалось, что вотъ въ самомъ дѣлѣ поднимаются толстыя руки, чтобы заключить его въ тѣсныя объятія, чтобъ погрузить его въ пурпурныя волны необъятнаго плюшеваго пеньюара. Онъ вскочилъ, какъ безумный, пробормоталъ что-то нечленораздѣльное и стремительно выскочилъ изъ комнаты внизъ по лѣстницѣ поскорѣе на улицу.

Дома его ждало письмо.

„Любезный Фридрихъ!

До меня доходятъ странные слухи. Говорятъ, будто ты вращаешься въ неподходящемъ обществѣ и живешь свыше средствъ. Пока ты будешь вести такой образъ жизни, ты, конечно, не можешь разсчитывать на мою поддержку. Въ послѣдній разъ готовъ я придти тебѣ на помощь, но только при томъ обязательномъ условіи, что ты пойдешь навстрѣчу моимъ предположеніямъ. Не очень молодая, но очень симпатичная дама изъ общества согласилась бы протянуть тебѣ руку, послѣ того, какъ первые шаги для этого сдѣланы были лично мною. Надѣюсь, ты вполнѣ оцѣнишь мои заботы о тебѣ и самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляю тебѣ, что со своей стороны ты обязанъ приложить всѣ усилія, чтобы осуществить мой планъ. Жду тебя въ среду къ обѣду. Среди небольшого числа приглашенныхъ ты встрѣтишь свою будущую жену и, конечно, самъ поймешь, какъ держать себя“.

Готсейна младшій насмѣшливо улыбнулся. „Не очень молодая, но очень симпатичная дама“... Какая-нибудь старая карга, которая поскорѣй желаетъ пріобрѣсти себѣ за деньги молодого, красиваго мужа. Омерзительно! Если онъ женится на ней, онъ будетъ спасенъ, избавленъ отъ нужды, почти нищеты... Не женится—и опять придется жить подачками дяди, влюбленными взглядами женщинъ, слыть „эксцентричнымъ барономъ“, богемой... Нѣтъ, дѣйствительно, такъ нельзя

больше, ему до смерти все надоѣло! Довольно... довольно... Онъ сумѣетъ взять старую каргу въ руки... онъ приструнитъ ее хорошенько... И покажетъ себя госпожѣ Левенштейнъ, née Гиршбергъ... припомнитъ ей старое!..

Торопливо присѣлъ онъ къ столу, набросалъ почтительнѣйшее письмо барону Арниму фонъ Готсейна, благодарилъ его за хлопоты и за любезное приглашеніе и обѣщалъ въ среду непремѣнно придти. Потомъ пошелъ завтракать къ Гиллеру. Что, въ сущности, было большимъ легкомысліемъ... такъ какъ приближался конецъ мѣсяца.

— Позвольте, милая фрейленъ фонъ Кнорингъ, представить вамъ моего племянника барона Фридриха фонъ Готсейна.

Баронъ фонъ Готсейна старшій дѣлалъ въ послѣдній разъ то, что считалъ своимъ родственнымъ долгомъ. Онъ откашлялся, бросилъ многозначительный взглядъ на племянника и оставилъ его наединѣ съ его „нареченной".

Фрейленъ фонъ Кнорингъ была, вѣроятно, очень хороша въ свое время, манеры ея еще и теперь отличались благородной изысканностью. Баронъ Фридрихъ поцѣловалъ ея руку съ той ласковой почтительностью, съ какой цѣловалъ когда-то руки пріятельницамъ покойной матери. Но сейчасъ же у него явилось страстное желаніе сказать ей какую-нибудь дерзость, что-нибудь очень грубое, рѣзкое: пусть она видитъ, что онъ вовсе не намѣренъ разыгрывать съ ней слащавую комедію нѣжности.

— Сударыня,—насмѣшливо процѣдилъ онъ и вскинулъ монокль, заранѣе пріобрѣтенный имъ спеціально для сегодняшняго дня.

Спокойные, добрые, еще очень красивые глаза посмотрѣли на него съ изумленіемъ. Онъ покраснѣлъ, какъ ребенокъ, торопливо сбросилъ монокль, но сейчасъ же разсердился на себя и, стараясь выиграть время, пробормоталъ:

— Какой у васъ очаровательный вѣеръ!

— Подарокъ его величества покойнаго короля Гановерскаго.

— Какъ?!.

На лицѣ его отразился испугъ. Фрейленъ фонъ Кнорингъ ласково улыбнулась.

— Мнѣ этотъ вѣеръ достался отъ матери: мать моя была фрейлиной королевы.

— Ахъ, такъ... простите...

Баронъ Фридрихъ задумался. Онъ считалъ и считалъ... странно, очень странно! Числа все не сходились... Капли

пота показались у него на лбу. Фрейленъ фонъ Кнорингъ пришла ему на помощь.

— Моя мать была при дворѣ еще до своего замужества... Потомъ она послѣдовала за королевой въ изгнаніе. Король умеръ задолго до моего рожденія. Говорятъ, онъ былъ чудный человѣкъ,—всегда веселый, какъ всѣ слѣпые.

Готсейна младшій все высчитывалъ и высчитывалъ... въ лучшемъ случаѣ ей могло быть лѣтъ сорокъ пять... Сорокъ пять лѣтъ!

Она дала ему время оправиться: начала разсказывать исторію вѣера. У матери ея было большое горе, она узнала нѣчто, что угрожало ея семейному счастью. Тогда королева дала отцу фрейленъ фонъ Кнорингъ вотъ этотъ вѣеръ, чтобъ онъ отнесъ его своей женѣ. Она сама получила его въ подарокъ отъ короля въ аналогичномъ случаѣ... И осушила свои слезы... Такимъ образомъ, миръ былъ опять возстановленъ, и съ тѣхъ поръ вѣеръ хранится въ семьѣ, какъ чудодѣйственный талисманъ...

Рѣчь фрейленъ фонъ Кнорингъ звучала, какъ ручеекъ. Ея рѣчь не знала точекъ, а только многоточіе. Отъ времени до времени она вздыхала. Совсѣмъ тихо. Видно было, что исторія вѣера была важнымъ событіемъ въ ея жизни. Повидимому, и сама она, какъ этотъ вѣеръ, хранилась гдѣ нибудь въ старинномъ ларцѣ среди душистыхъ сашэ и только отъ времени до времени въ торжественныхъ случаяхъ появлялась на свѣтъ Божій.

Готсейна смотрѣлъ на свою будущую жену съ робкой почтительностью, какъ смотрятъ на старинные портреты предковъ. А въ головѣ вертѣлось: наличныхъ—десять марокъ, вѣрнаго прихода въ будущемъ мѣсяцѣ—сто пятьдесятъ марокъ, мелкіе долги—шестьдесятъ марокъ, за комнату, бѣлье—пятьдесятъ марокъ... остается всего пятьдесятъ марокъ на цѣлый мѣсяцъ... Немного, чортъ побери! Онъ выпрямился. Пригласили обѣдать.

Баронъ Арнимъ позаботился о томъ, чтобы фрейленъ фонъ Кнорингъ была моложе всѣхъ присутствующихъ. Въ богатой столовой непріятно пахло муміями и барону фонъ Готсейна младшему вдругъ показалось, что роскошные цвѣты на столѣ испускаютъ удушливый трупный запахъ.

Вначалѣ разговаривали тихо и чопорно; всѣ, казалось, знали, зачѣмъ они здѣсь и поэтому были особенно любезны съ молодымъ барономъ. До нихъ дошли слухи, что онъ хочетъ покончить съ грѣхами молодости? Очень хорошо, что онъ, наконецъ, образумился и собирается жениться на хотя немолодой и болѣзненной, но очень богатой фрейленъ фонъ Кнорингъ. Нѣкоторые при этомъ заходили еще дальше: у

нихъ есть дома еще „младшая“, двѣнадцати-четырнадцатилѣтняя дѣвочка... Когда молодой баронъ овдовѣетъ лѣтъ черезъ десять—гм... ничего нельзя знать заранѣе. Тогда онъ будетъ недурной партіей...

На столѣ стояли старыя вина, и настроеніе мало-по-малу подымалось. Старики пили за здоровье своихъ сѣдовласыхъ сосѣдокъ, вспоминали прошедшія времена... Графиня Деллингеръ и какой-то отставной генералъ внезапно открыли, что они въ молодости влюблены были другъ въ друга, баронесса Мюленъ декламировала своему сосѣду стихотвореніе, которое посвятилъ ей ея первый поклонникъ, и дряхлѣющій камергеръ, очень любившій французскую литературу, а въ особенности Арсена Гуссе, прибавлялъ въ концѣ длинной рѣчи:—Да, мой милый Арсенъ не даромъ говоритъ: никогда нельзя бить женщину, даже цвѣткомъ.

Всѣ были необычайно милы, эстетично настроены, поэтичны, всѣ съ умиленіемъ смотрѣли на „жениха и невѣсту“, какъ про себя называли уже молодого барона и фрейленъ фонъ Кнорингъ... Какъ рыцарски держалъ онъ себя... Фрейленъ фонъ Кнорингъ должна радоваться, что будетъ имѣть такого мужа!

А баронъ Фридрихъ фонъ Готсейна младшій совершенно забылъ свою роль и чувствовалъ себя превосходно возлѣ „очаровательной старой фрейленъ“.

— У васъ прелестныя руки!.. Какъ у покойной мамы. Когда у меня болѣла голова, она всегда должна была прикладывать къ моему лбу свою руку.

Фрейленъ фонъ Кнорингъ ласково, но немного растерянно улыбалась.

— Да, есть женщины, которыя рождены быть матерями,— продолжалъ баронъ, ничего не замѣчая,—святыя женщины, на которыхъ можно молиться! Не знаю только почему, мнѣ всегда нравились совсѣмъ другія женщины, такъ называемыя неприличныя бабенки... Странный вкусъ, не правда-ли, фрейленъ? Мама не разъ предсказывала мнѣ, что я плохо кончу... Боюсь ея предсказанія начинаютъ сбываться...

— Вы еще такъ молоды,—неосторожно замѣтила фрейленъ фонъ Кнорингъ,—гораздо моложе, чѣмъ я думала.

Готсейна младшій весело разсмѣялся.

— О, держу пари, вамъ изобразили меня пожилымъ, степеннымъ холостякомъ. Правда?

Онъ такъ искренно хохоталъ, что она начала смѣяться вмѣстѣ съ нимъ... тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ съ ней чокались... и ей сдѣлалось весело...

— Фрейленъ фонъ Кнорингъ очень интересна сегодня,— тихо сказала графиня.

— Любовь преображаетъ людей,—осклабился генералъ.

— Для васъ нѣтъ ничего святого,—погрозила она ему.

Молодой баронъ поднялъ бокалъ.

— Позвольте мнѣ, фрейленъ фонъ Кнорингъ, выпить за ваше здоровье. Я никакъ не думалъ, что вы такъ очаровательны.

Фрейленъ фонъ Кнорингъ скромно отнѣкивалась.

— Увѣряю васъ, вы очаровательны, вы внушаете такое довѣріе. Исповѣдываться можно вамъ... покаяться во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ.

Она вдругъ испугалась.

— О нѣтъ, прошу васъ...

Баронъ Фридрихъ смѣялся—громче, быть можетъ, чѣмъ позволялъ этикетъ; но онъ чувствовалъ себя превосходно, и въ погребахъ стараго барона такія чудесныя вина...

— О, не бойтесь, не бойтесь! Мою исповѣдь могъ бы услышать ребенокъ. Я хотѣлъ только разсказать вамъ исторію своихъ несчастій, несчастій барона, у котораго нѣтъ гроша за душою, отъ котораго оберегаютъ красивыхъ дѣвушекъ, какъ ягнятъ отъ коршуна... Вы умны, вы добры, вы поймете меня... У меня никогда не было права выбора, я никогда не могъ сказать, вотъ эту хотѣлъ бы я назвать своей женою... Я ѣздилъ съ ними на велосипедѣ, катался верхомъ, игралъ въ тенисъ, танцовалъ, видѣлъ вокругъ себя молодыхъ, юныхъ красавицъ и долженъ былъ молчать, ни на что не надѣяться: я могъ получить только то, что оставляли, чѣмъ пренебрегали другіе. Мать моя умерла въ квартирѣ, состоявшей всего изъ двухъ комнатъ; но у нея былъ салонъ и она была знатной дамой. Ей могъ я все сказать, она понимала меня. Вотъ уже три года не говорилъ я по душѣ ни съ одной женщиной; но къ вамъ я почувствовалъ сразу довѣріе... У васъ такіе добрые глаза, такія нѣжныя руки... Я хотѣлъ бы положить голову къ вамъ на колѣни и все разсказать вамъ, какъ матери. Вы поняли бы тогда, что значитъ быть красивой бездѣлушкой, которая должна достаться тому, кто дастъ за нее большую цѣну... Ваше здоровье!..

Но почему не подымаетъ она своего бокала, почему глаза ея безпомощно блуждаютъ вокругъ, почему въ нихъ видно страданіе? И почему такъ тихо сдѣлалось вдругъ въ пахнущей муміями, разукрашенной цвѣтами столовой? Не стучатъ ли кости въ могильной тишинѣ, не движутся ли безтѣлесные призраки?..

Нѣтъ...

Баронъ Арнимъ фонъ Готсейна поднялся изъ-за стола. Онъ былъ очень блѣденъ, но держалъ себя безупречно,

какъ всегда... Торопливо, съ неудовольствіемъ задвигались стулья, угрожающе зашуршали шелковыя платья, возмущенно зашаркали лакированные ботинки.

Поднялся и баронъ Фридрихъ фонъ Готсейна младшій. Онъ хотѣлъ предложить руку фрейленъ фонъ Кнорингъ, но она куда-то исчезла. Что это, въ чемъ дѣло? Или вино ему бросилось въ голову?

Два ливрейныхъ лакея неподвижно стояли въ дверяхъ и молча ждали, пока всѣ выйдутъ изъ комнаты.

Медленно прошелъ баронъ Фридрихъ въ гостиную. Тамъ сервированъ былъ кофе. Никто не сказалъ ему ни слова, никто не обращалъ на него вниманія, но взгляды преслѣдовали его, какъ удары хлыста...

Библіотека была освѣщена. Онъ услышалъ голоса дяди и фрейленъ фонъ Кнорингъ. Когда онъ вошелъ, баронъ Арнимъ провожалъ свою гостью въ переднюю. Она уходитъ уже? Жаль, очень жаль... единственная симпатичная особа изъ всего общества...

На столѣ стоялъ наполовину наполненный водою стаканъ, молодой баронъ осушилъ его. Только теперь замѣтилъ онъ, что туда подмѣшано было нѣсколько капель эфира... Это его освѣжило... голова его прояснилась немного. Неужели онъ сдѣлалъ какую-нибудь глупость? Сказалъ что-нибудь лишнее? Онъ бросился въ вестибюль. Дверь на лѣстницу была еще полуоткрыта, онъ успѣлъ увидѣть лакея позади исчезавшей женской фигуры въ шелковомъ сѣромъ манто.

Баронъ Арнимъ фонъ Готсейна стоялъ, тяжело дыша, прислонившись къ старинному шкапу изъ темнаго дерева съ матовыми инкрустаціями, художественной рѣзьбой и искусно сдѣланнымъ секретнымъ замкомъ. Тамъ хранились фамильныя бумаги рода Готсейна.

Увидѣвъ племянника, старый баронъ выпрямился.

— Фрейленъ фонъ Кнорингъ ушла уже, дядя?—спросилъ баронъ Фридрихъ съ искреннимъ сожалѣніемъ.— Знаешь, она была бы чудесной женой для тебя, удивительно симпатичная...

Баронъ Арнимъ фонъ Готстейна старшій медленно и однотонно отвѣтилъ, не глядя на барона фонъ Готсейна младшаго.

— Ты очень обяжешь меня, если никогда не переступишь больше порога моего дома.

Баронъ Фридрихъ поблѣднѣлъ и отшатнулся.

— Я не понимаю тебя, дядя!

— Очень жаль. Ты держалъ себя такъ, какъ можетъ быть принято держать себя въ томъ обществѣ, гдѣ ты вращаешься, но не въ нашемъ. Ты разговаривалъ съ дамой—

знаешь ли ты еще, что такое дама?—какъ съ какой-нибудь... особой...

Баронъ Фридрихъ смотрѣлъ на него, все еще ничего не понимая.

— Ты сдѣлалъ фрейленъ фонъ Кнорингъ всеобщимъ посмѣшищемъ. Ты оскорбилъ ее. Оскорбить даму и къ тому же мою гостью, этого совершенно достаточно. Намъ не о чемъ говорить больше.

Нѣсколько минутъ Готсейна младшій стоялъ, словно вкопанный, потомъ разразился безумнымъ хохотомъ:

— Ахъ, вотъ что! Но если бы я, еще не достигшій тридцатилѣтняго возраста, высказывалъ сорокапятилѣтней женщинѣ чувства, которыхъ не могу къ ней питать, высказывалъ только затѣмъ, чтобы продаться ей, тогда вы, въ вашемъ обществѣ, нашли бы это очень похвальнымъ? Не я сдѣлалъ ее посмѣшищемъ, а ты... всѣ вы, вашимъ безсовѣстнымъ сводничествомъ!..

— Паяцъ!—презрительно пожалъ плечами старшій баронъ и повернулся къ нему спиною.

Готсейна младшій побагровѣлъ отъ злости.

— Паяцъ?.. хорошо, но во всякомъ случаѣ честный паяцъ!

Онъ такъ громко кричалъ, что въ дверяхъ гостиной появились испуганныя лица; тамъ думали, что случилось что-нибудь...

— О, ничего, ничего...—успокаивалъ старый баронъ, моментально овладѣвъ собою.—Не сыграть ли намъ пару роберовъ?

И онъ исчезъ вмѣстѣ съ другими за тяжелой шелковой портьерой.

Проводившій фрейленъ фонъ Кнорингъ лакей возвратился.

— Господину барону угодно будетъ пальто?

Готсейна утвердительно кивнулъ головой, машинально опустилъ руку въ карманъ фрака, досталъ портсигаръ, золотую спичечницу, которую подарилъ ему къ Рождеству дядя, и закурилъ папиросу. Онъ надѣлъ пальто и всунулъ лакею въ руку спичечницу вмѣсто монеты.

— Господинъ баронъ...

Но баронъ Готсейна уже спускался по лѣстницѣ.

И вотъ опять стоитъ онъ на улицѣ и опять закрылась за нимъ тяжелая дверь... навсегда.

Баронъ вынулъ часы. Ровно одиннадцать. Домой? Онъ съ ужасомъ вспомнилъ банальную обстановку дешевой меблированной комнаты, коптящую керосиновую лампу, хозяйку...

Нѣтъ... онъ не можетъ теперь быть одинъ... Онъ хочетъ видѣть людей... веселыхъ, беззаботныхъ людей. Поскорѣе

въ кабарэ, къ „Кривой совѣ“!.. Эй, автомобиль! Теперь уже все равно...

— А, баронъ! Вотъ и баронъ!

Дамы захлопали въ ладоши, когда баронъ Фридрихъ фонъ Готсейна въ пальто и на бекрень надѣтомъ цилиндрѣ вошелъ въ маленькій, накуренный залъ.

— Веселья, музыки!—закричалъ онъ.

Сбросилъ цилиндръ, пальто, прищурился: дымъ дешевыхъ сигаръ слѣпилъ глаза.

Лакей принесъ ему бокалъ шампанскаго:

— Третій столикъ слѣва. Тамъ пьютъ за здоровье барона.

Онъ быстро выпилъ. Кто-то сѣлъ за рояль.

— Негритянскую пѣсенку, баронъ!.. Кэкъ-уокъ, баронъ!..

Онъ пѣлъ негритянскія пѣсни, танцовалъ кэкъ-уокъ и ки-ка-пу, пѣлъ, снова танцовалъ... Слѣва присылали ему бокалъ шампанскаго, справа бокалъ шампанскаго...

Директоръ кабарэ сіялъ.

— Я охотно ангажировалъ бы васъ, баронъ. И хорошо платилъ бы... Можно было бы совершить турнэ по провинціи...

Готсейна смѣялся.

— От-лич-но!

Онъ такъ долго смѣялся, что это сдѣлалось, наконецъ, невѣжливымъ. Но директоръ ничуть не обидѣлся: подсѣлъ къ нему ближе, заказалъ бутылку вина и началъ подсчитывать...

Готсейна пилъ и смѣялся, потомъ сдѣлался вдругъ серьезенъ: „Баронъ Фридрихъ фонъ Готсейна—негритянскія пѣсни и кэкъ-уокъ!“—звучитъ недурно...

И вдругъ ударилъ кулакомъ по столу:

— Чѣмъ продаваться женщинамъ... Ужъ лучше платите мнѣ вы! Ваше здоровье!

Онъ такъ громко смѣялся, что смѣхъ его заглушалъ музыку.

— Значитъ, по рукамъ, милый баронъ?

Барона Фридриха передернуло... Милый баронъ... Если бы только вся эта банда не становилась сразу такъ фамильярна... брр...

— Вина сюда!

Баронъ Фридрихъ фонъ Готсейна сидѣлъ одинъ за столомъ и долго еще опоражнивалъ бокалъ за бокаломъ, бокалъ за бокаломъ...

Онъ заливалъ виномъ свое прошлое, все то, что не подходило къ его новой жизни...

Хоронилъ себя по первому разряду.

———

Богиня Индустрія.

(Изъ Рихарда Цоосманна).

Осеннимъ тоскующимъ днемъ, бродя у фабричныхъ воротъ,
Я думалъ о горѣ вселенскомъ, о морѣ нужды и заботъ.
И дымъ разстилался клубами, и плылъ желоватый туманъ,
И грохотъ ко мнѣ доносился, какъ будто могучій Вулканъ
Ковалъ лошадей Посейдона искусной рукою
Въ гигантской темнѣющей шахтѣ ночною порою.
Отъ молота страшныхъ ударовъ дрожали завода твердыни,
Горѣло зловѣщимъ пожаромъ лицо Индустріи-богини.
Ревъ, грохотъ, свистки и шипѣнье въ безумномъ таинствен-
[номъ спорѣ.
Гремѣлъ колоссальный оркестръ, и въ томъ оглушающемъ
хорѣ
Я слышалъ симфонію вѣка, желѣзнаго вѣка—
Въ ней льются безсильныя слезы изъ глазъ человѣка.
Тебя разгадалъ я, о! время, кроваво-желѣзное время;
Я вижу всесильныхъ циклоповъ, природы свергающихъ
[бремя;
Они созидаютъ мосты черезъ пропасти-бездны
И башни возводятъ къ чертогамъ заоблачнымъ, звѣзднымъ;
Они покоряютъ моря толпою судовъ легкокрылой
И вольныя горы смиряютъ желѣзною силой;
Они опоясали міръ чугунной громадой вагоновъ—
Тѣ золото яркое катятъ для пышныхъ, сверкающихъ тро-
[новъ...
...О! люди, чьи руки въ мозоляхъ, вы носите синія блузы,
Вы здѣсь—властелины судьбы, и можете крѣпкія узы
Сорвать съ отягченной земли и зло вѣковое исправить,
И всю міровую судьбу на новыя рельсы поставить!

Анатолій Доброхотовъ.

Изъ Англіи.

I.

Герой Аріосто—Астольфо, въ числѣ другихъ чудесъ, которыя показалъ ему Іоаннъ Креститель, видѣлъ древняго старца.

«Vecchio di faccia, e sì di membra snello,
Che d'ogni cervio è più veloce assai *),

(т. е. «Стараго лицомъ, но такого быстраго на ноги, что могъ опередить оленя на бѣгу»).

«Старецъ этотъ былъ такъ проворенъ и легокъ, какъ будто родился для того, чтобы опережать вѣтеръ». Имя ему—Время. Астольфо видѣлъ, какъ старецъ набиралъ въ край плаща минувшія событія, оставившія страшныя воспоминанія и сыпалъ ихъ въ быструю рѣку забвенія. «Вдоль береговъ извилистой рѣки сидѣли стаи вороновъ, жадныхъ коршуновъ, совъ и другихъ птицъ, испускавшихъ дикіе и нестройные крики». Онѣ ждали, чтобы на поверхность рѣки забвенія выплыло страшное событіе, утопленное Временемъ. Тоскливое ожиданіе, которое Астольфо наблюдалъ у «corvi, ed avidi avoltori mulocchie, e varj augelli» (вороновъ, жадныхъ коршуновъ, совъ и разныхъ птицъ), понятно: страшныя событія кормятъ ихъ. И когда событія отходятъ въ область прошлаго; когда даже память о нихъ лежитъ на днѣ глубокаго омута, воронью нечего дѣлать, развѣ какъ передраться между собою.

Вотъ и теперь старецъ, являющійся единственнымъ истиннымъ философомъ, собирается топить воспоминаніе о страшныхъ вѣкахъ, когда въ Ирландіи «орлы клекотомъ на кости звѣря звали». Если министерство не падетъ, то въ будущемъ году даже память о вѣковомъ преслѣдованіи ирландцевъ англичанами и о ненависти, порожденной этимъ, ляжетъ на дно омута. Съ самой зари человѣческой исторіи безпрерывно дѣлались завоевателями въ разныхъ странахъ попытки вколачиванія завоеванныхъ въ лояльность. Уже на зарѣ исторіи мы видимъ, что, кромѣ страшнаго

*) «Orlando Furioso», canto XXXV.

озлобленія, изъ всего этого ничего не выходитъ. «Вколачиваніе въ лояльность» превращаетъ въ тигровъ самыхъ смирныхъ людей. Предо мною англійскій переводъ «Джанта Мантры», т. е. священной книги Тантраизма. Исповѣдующіе эту вѣру индусы— люди кроткіе, не потребляющіе мяса, питающіе отвращеніе къ крови. Но ихъ жестоко преслѣдовали съ незапамятныхъ временъ. И вотъ какой страшный гимнъ въ честь богини любви и смерти я нахожу въ «Джанта Мантрѣ». Переведу его, какъ умѣю.

„Омъ, омъ! Кали Ма!
Ты царица темной ночи!
Мракъ, мракъ, нѣту звѣздъ
Въ твоемъ небѣ, Кали Ма!
Человѣчину ты любишь.
Всѣхъ враговъ тебѣ доставимъ.
Задуши ихъ, Кали Ма!
Пей ихъ кровь, ѣшь ихъ плоть.
Горы мяса тутъ вокругъ.
Жаркой крови полны чаши.
Щеки ею мажь себѣ!
Бей враговъ! Души, души!
Пресвятая Кали Ма!
Хо-о-омъ! путъ!“

На дальнѣйшихъ этапахъ исторіи мы не найдемъ ни одного примѣра, чтобы вколачиваніе силой въ лояльность принесло бы какіе-нибудь другіе результаты, кромѣ ненависти.

Англія собирается утопить въ омутѣ воспоминаніе о томъ, какъ она въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ всѣми силами пыталась превратить ирландцевъ въ англичанъ. Я не буду заходить въ далекія времена, а напомню только XIX вѣкъ. Обычные законы почти не примѣнялись. Habeas Corpus Act отмѣнялся въ Ирландіи въ 1800, 1801, 1802, 1803, 1804 и 1805 годахъ, въ 1807—1810, 1814—17, 1822—28, 1829—31, 1833—35. Въ 1841 году были изданы для Ирландіи спеціальные законы объ усиленной охранѣ (coercion act) и до конца вѣка были только четыре года 1842, 1846, 1872 и 1886, когда тамъ дѣйствовали обычные законы. Coercion Acts не только не вытравили націоналистическихъ стремленій, но, напротивъ, спаяли общею ненавистью людей, всѣ остальные интересы которыхъ противоположны. Преслѣдованія не только не вколотили ирландцевъ въ лояльность, но породили бурныя броженія съ кровавыми эксцессами. На путь примиренія съ Ирландіей Англія повернула уже давно. Консервативная партія, когда была у власти, провела законъ о мѣстномъ самоуправленіи и осуществила потомъ выкупъ земли. Въ будущемъ году либеральное министерство вноситъ билль объ областномъ сеймѣ для Ирландіи. Правительственный проектъ покуда неизвѣстенъ въ деталяхъ, но общій характеръ билля указанъ однимъ изъ министровъ (Биррелемъ). Ирландія будетъ имѣть отдѣльный парла-

ментъ, состоящій изъ двухъ палатъ, и министерство, отвѣтственное передъ этимъ сеймомъ. Ирландскій сеймъ будетъ вѣдать всѣ мѣстныя дѣла и будетъ находиться подъ контролемъ британскаго парламента. Проектъ вполнѣ удовлетворилъ ирландцевъ, которые усиленно поддерживаютъ правительство. И теперь «corvi ed avidi avoltori» (вороны и жадные коршуны), которымъ такъ хорошо было раньше, закаркали. Во всѣхъ странахъ «галицы свою рѣчь говоряхуть», когда видятъ, что «уѣдіе» (кормъ) отъ нихъ уходитъ. Послушаемъ, что каркаютъ вороны, стоящіе за законъ объ усиленной охранѣ (coercion acts), и что имъ отвѣчаютъ защитники областнаго сейма. Вотъ наиболѣе видный противникъ гомруля Бэджуэлъ. Его аргументы сводятся къ слѣдующему*). Въ Ирландіи двѣ націи, ненавидящія другъ друга. Ненависть такъ велика, что ни одной изъ нихъ нельзя довѣрить дѣло управленія. Гомруль не нуженъ теперь, потому что Ирландія подъ контролемъ британскаго парламента процвѣтаетъ. Гомруль не выгоденъ въ финансовомъ отношеніи. «Я прожилъ почти всю жизнь въ Ирландіи,—говоритъ Бэджуэлъ;—я изучалъ ея исторію и пришелъ къ заключенію, что ни націоналистамъ, ни ольстерцамъ нельзя довѣрить судебъ страны... Если вы дадите Ирландіи право издавать законы, вы должны также предоставить ей полномочія заставлять людей повиноваться этимъ законамъ. Понадобится отвѣтственная исполнительная власть, которая будетъ назначать судей и контролировать полицію. Существующая нынѣ въ Ирландіи жандармерія (constabulary), хотя и называется «имперской», попадетъ подъ власть ирландскихъ министровъ. Пусть судьи будутъ безпристрастны, но приговоры, постановленные ими, станутъ приводиться въ исполненіе мѣстными властями. Зачѣмъ понадобилась та революція, которую правительство собирается произвести?—продолжаетъ Бэджуэлъ.—Ирландія теперь находится въ цвѣтущемъ состояніи. Во всякомъ случаѣ, частью это обусловливается широкимъ пользованіемъ британскими кредитами. Если Ирландія получитъ отдѣльный парламентъ, притокъ англійскихъ денегъ прекратится. Правительственная помощь понадобится, но деньги необходимо будетъ пріискать въ самой Ирландіи. Быть можетъ, ирландскіе министры прибѣгнутъ къ конфискаціи**), но это дастъ только временное облегченіе, а затѣмъ приведетъ къ раззоренію страны... Тѣ, у которыхъ есть что терять, страшно боятся гомруля, хотя не всѣ захотятъ сознаться въ этомъ изъ опасенія прослыть не-патріотами. Зажиточные фермеры, выкупившіе землю по закону 1902 года, напримѣръ, теперь въ глубинѣ души противъ гомруля. Быть можетъ, нѣкоторые фермеры за гомруль, потому что разсчитываютъ не вносить выкупныхъ

*) См. брошюру «The Real Meaning of Home Rule», by R. Bagwell.
**) Т. е. къ обложенію капитала.

денегъ при новомъ порядкѣ; но наиболѣе сознательные понимаютъ, что ирландскій парламентъ, нуждаясь въ деньгахъ, введетъ высокіе налоги. Выкупъ земли обогатилъ страну,—продолжаетъ авторъ; — неизвѣстно, однако, какъ будетъ дѣйствовать система при ирландскомъ правительствѣ. Откуда оно возьметъ деньги на земельныя операціи, если притокъ британскаго капитала прекратится?» Нѣкоторые говорятъ: «Сдѣлаемъ опытъ. Если гомруль будетъ невыгодной мѣрой, мы возвратимся къ прежнему порядку». На это Бэджуэлъ отвѣчаетъ старинной эпиграммой, сложенной тогда, когда впервые поднялся въ парламентѣ вопросъ о расширеніи политическихъ правъ англійскаго народа.

J hear a lion in the lobby roar;
Say, Mr. Speaker, shall we shut the door
And keep him out, or shall we let him in
To see if we can turn him out again?

(т. е. «Я слышу рычаніе льва въ передней парламента. Скажите, мистеръ Спикеръ, надо ли намъ запереть дверь и не впускать льва или впустить его, чтобы убѣдиться, можемъ ли мы его потомъ выгнать снова»?).

«Times», возставая противъ гомруля, указываетъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ Ирландія процвѣтала. «Благоденствуютъ всѣ классы, кромѣ помѣщика, конечно,—говоритъ газета.—За послѣднія пять лѣтъ внѣшняя торговля Ирландіи возрасла на 21 мил. ф. ст., вклады въ банкахъ за двадцать лѣтъ увеличились на 19,5 мил. ф. ст., а въ сберегательныхъ кассахъ—на 8,5 мил. ф. ст. Все это обусловливается уніей» *). Въ октябрской книжкѣ «Nineteenth Century» Эдгаръ Краммондъ доказываетъ, что при гомрулѣ Ирландія обанкротится. Расходъ будетъ превышать доходъ на 4,2 мил. ф. ст. въ годъ. Даже въ томъ случаѣ, если британскій парламентъ ничего не будетъ спрашивать у ирландскаго сейма на государственную оборону, Эринъ, утверждаетъ Краммондъ, будетъ имѣть дефицитъ въ 1,2—1,5 мил. ф. ст. Это будетъ означать одно изъ двухъ, продолжаетъ авторъ: или англійскимъ плательщикамъ налоговъ предложатъ вносить ежегодно на 4—5 мил. ф. ст. больше или налоги въ Ирландіи повысятся на 15—45%. «Мы думаемъ,—саркастически продолжаетъ Эдгаръ Краммондъ,—что это слишкомъ дорогая плата за привилегію отдать лояльныхъ протестантовъ подъ ярмо ирландскихъ націоналистовъ. Какъ бы силенъ ни былъ націонализмъ ирландскаго плательщика налоговъ, онъ, конечно, предпочтетъ старый порядокъ».

Возраженія противъ гомруля становятся все болѣе и болѣе страстными, въ особенности, когда они произносятся съ платформы.

*) Законъ объ отмѣнѣ ирландскаго парламента.

Вотъ, напр., рѣчь лорда Лондондерри, одного изъ самыхъ крупныхъ помѣщиковъ въ Ирландіи. Имя лордовъ Лондондерри (отца и дѣда) часто упоминается историками смутнаго времени въ Ирландіи. По мнѣнію оратора, правительство, давая Эрину областный сеймъ, совершаетъ революцію. «Ирландія теперь процвѣтаетъ, какъ никогда, — продолжалъ благородный ораторъ *).—Въ 1904 году вывезено было изъ Ирландіи продуктовъ на 104 мил. ф. ст., а въ 1909 году — на 126 мил. ф. ст.». Дальше ораторъ ссылается на увеличеніе вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ и въ банкахъ. «О благосостояніи Ирландіи говоритъ также тотъ фактъ, что фермеры тамъ превратились въ крестьянъ-собственниковъ... Старыя мурьи, слѣпленныя изъ грязи, исчезли **). Въ виду подобнаго процвѣтанія,— продолжалъ лордъ Лондондерри, — будетъ прямо преступленіемъ дать Ирландіи гомруль, при которомъ возвратятся снова прежняя бѣдность и старое беззаконіе. Ирландцы хотятъ насъ увѣрить, что гомруль означаетъ только контроль надъ чисто мѣстными дѣлами. Конечно, ирландцы не думаютъ что *такой* сеймъ совсѣмъ порѣшитъ съ вопросомъ о гомрулѣ».

Нынѣшній вождь консервативной партіи, только что избранный вмѣсто Бальфура, выступаетъ противъ гомруля во имя анархическаго принципа защиты меньшинства отъ тираніи большинства. «Единственная почва, на которой можно было бы защищать гомруль это—то, что ирландцы являются отдѣльной націей,—сказалъ Бонаръ Лао. Но народъ не становится націей только отъ того, что живетъ на островѣ. Если ужъ говорить объ отдѣльныхъ націяхъ, то въ Ирландіи ихъ двѣ, а не одна. Націи эти сильно отличаются другъ отъ друга. Я не хочу сказать, что меньшинство въ Ирландіи должно господствовать надъ большинствомъ; но я думаю, что въ такой же степени несправедливо предоставленіе большинству права господствовать надъ меньшинствомъ только потому, что и то, и другое живутъ въ Ирландіи. И большинство, и меньшинство не только жители Ирландіи, но являются также гражданами Соединеннаго Королевства. Британскій парламентъ проявитъ бóльшую справедливость къ обѣимъ націямъ, населяющимъ Ирландію, чѣмъ каждая изъ нихъ могла бы проявить по отношенію къ другой. Гомруль явился бы благодѣяніемъ для католиковъ-націоналистовъ, но для оранжистовъ-протестантовъ областной сеймъ былъ бы проклятіемъ и тяжелой обидой. Надо болѣе обратить вниманіе на того, изъ кого состоитъ меньшинство въ Ирландіи. Численно оно составляетъ четвертую часть всего населенія острова. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ это меньшинство представляетъ болѣе важный элементъ, чѣмъ большинство... Оранжисты увѣрены, что при исполни-

*) Speech at Darlington Habitaton of the Primrose League.

**) Городскіе и графскіе совѣты, состоящіе изъ націоналистовъ, заставили помѣщиковъ построить хорошіе коттеджи для сельскихъ работниковъ.

тельной власти, находящейся подъ контролемъ націоналистовъ, религіозная и политическая свобода меньшинства не будутъ достаточно обезпечены... Меньшинство поэтому рѣшило не подчиняться правительству».

Англичане, какъ извѣстно, любятъ всякій тезисъ отливать въ краткую формулу; поэтому возраженія противъ гомруля, содержащіяся во второй половинѣ рѣчи Бонара Лао, выражены словами «Home-Rule means Rome Rule» (гомруль означаетъ владычество католическихъ поповъ).

Читатели, вѣроятно, знаютъ, что «оранжисты» — потомки «истинно англійскихъ людей», поселенныхъ въ Ирландіи, главнымъ образомъ, при Кромвелѣ. Говоря о религіозной и политической нетерпимости, они мѣрятъ историческія событія на свой собственный аршинъ.

Въ Ирландіи оранжисты идутъ еще дальше, чѣмъ англійскіе консерваторы, когда приходится говорить о гомрулѣ: они грозятъ правительству возстаніемъ и баррикадами. «Парламентскій билль, отнявшій силу у Верхней палаты, проведенъ путемъ насилія и безсовѣстнаго обмана, жертвами котораго стали король и народъ,— сказалъ одинъ изъ ихъ представителей въ парламентѣ сѣверной Ирландіи—Рональдъ Макъ Нейлъ.—Вотъ почему законодательство для Ирландіи, являющееся результатомъ подобнаго обмана, — не конституціонно. Такимъ образомъ, мы вправѣ сопротивляться ему всѣми средствами, до физическаго насилія включительно». Рональдъ Макъ Нейлъ объявилъ дальше, что онъ былъ делегатомъ негласнаго конгресса, собравшагося въ Бельфастѣ для обсужденія, что надо сдѣлать, если правительство введетъ гомруль. «Резолюція наша представляетъ покуда тайну, которую рано еще раскрывать,— продолжалъ ораторъ. Долженъ сказать только, что рѣшеніе очень серьезно и чревато важными послѣдствіями. Конгрессъ принялъ свою резолюцію послѣ того, какъ взвѣсилъ все. Оранжисты вынуждены будутъ прибѣгнуть къ нежелательнымъ и печальнымъ, но абсолютно необходимымъ средствамъ для защиты стараго порядка въ Ирландіи». О вооруженномъ сопротивленіи говорится также въ «манифестѣ», изданномъ ольстерцами послѣ большой демонстраціи въ Дублинѣ.

II.

Кажется, я привелъ всѣ тѣ аргументы, которыя выставляютъ теперь противъ гомруля какъ убѣжденныя консерваторы, такъ и «corvi ed avidi avoltori», упоминаемые въ поэмѣ Аріосто.

«Народъ берется за неразрѣшимую задачу, когда желаетъ управлять другимъ народомъ, не похожимъ на него, — говоритъ Джонъ Стюартъ Милль.—Вѣроятно, никакой другой народъ не проявилъ бы большую способность при управленіи Ирландіей, чѣмъ

англичане», а между тѣмъ это управленіе дало лишь отрицательные результаты. Далѣе Милль доказываетъ, что прямая выгода побуждаетъ господствующую народность отказаться отъ стремленія управлять побѣжденными помимо воли ихъ. Выгода, не говоря уже о соображеніяхъ моральныхъ, должна заставить господствующую народность выработать образъ правленія, пріемлемый для побѣжденныхъ *). Англія нѣсколько вѣковъ производила опытъ замиренія Ирландіи силой и встрѣчала упорное сопротивленіе. Она перемѣнила политику, и Ирландія пошла на встрѣчу Англіи. «Я явился сюда отъ имени Ирландіи съ полномочіемъ возвѣстить, что годы ненависти и зложелательства по отношенію къ Англіи прошли,—сказалъ вождь ирландскихъ націоналистовъ на большомъ митингѣ въ Восточномъ Лондонѣ. — Ирландія теперь протягиваетъ руку Англіи и выражаетъ желаніе быть мирной и лойяльной единицей въ составѣ британской имперіи. Справедливыя и умѣренныя требованія Ирландіи заключаются въ желаніи имѣть областной сеймъ, подчиненный британскому парламенту, для рѣшенія всѣхъ чисто мѣстныхъ дѣлъ. Либеральное правительство уполномочено народомъ на двухъ послѣдующихъ выборахъ осуществить въ Ирландіи подобную реформу. Первымъ законопроектомъ сессіи 1912 года будетъ билль о гомрулѣ для Ирландіи. И когда этотъ билль станетъ закономъ, Англія и Ирландія впервые вступятъ въ дѣйствительный союзъ». Говорятъ, что въ интересахъ имперіи и самой Ирландіи нельзя дать послѣдней гомруль,—продолжалъ Рэдмондъ.—Говорятъ, что ирландцы, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, не въ состояніи сами управлять своею страною. Этотъ аргументъ имѣлъ значительное основаніе 20—25 лѣтъ тому назадъ, теперь же,—продолжалъ Рэдмондъ, — онъ утратилъ всякій смыслъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ у ирландцевъ не было никакого опыта въ дѣлѣ самоуправленія. Когда въ парламентѣ обсуждался въ 1897 году вопросъ о земскомъ и муниципальномъ самоуправленіи для Ирландіи, оппоненты доказывали, что ирландцы совершенно неподготовлены для подобной реформы и что муниципалитеты будутъ отличаться бездарностью и продажностью. Консервативная партія, стоявшая тогда у власти, пошла на рискъ. Джеральдъ Бальфуръ, который былъ тогда статсъ-секретаремъ по дѣламъ Ирландіи, сказалъ: «Если новые графскіе совѣты будутъ работать хорошо, то одинъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ противъ гомруля устранится». Муниципальные и земскіе совѣты въ Ирландіи отличаются теперь своею дѣловитостью, бережливостью и честностью. Этотъ фактъ констатированъ какъ либеральнымъ, такъ и консервативнымъ министерствами. Не оправдались предсказанія враговъ ирландскаго народа, что мѣстное самоуправленіе въ Ирландіи превратится въ посмѣшище. Консервативный министръ (Уиндхэмъ)

---

*) J. S. Mill. Essay „England and Ireland".

сказалъ, что экономія и дѣловитость ирландскихъ графскихъ совѣтовъ превзошли всѣ ожиданія. Теперь не можетъ быть даже вопроса о томъ, способны ли ирландцы къ самоуправленію.

Рэдмондъ приступилъ потомъ къ разбору тезиса, формулируемаго словами: «Home Rule means Rome Rule» (гомруль означаетъ господство католическихъ поповъ). «Оппоненты утверждаютъ,—продолжалъ вождь націоналистовъ,—что, если католики въ Ирландіи станутъ у власти, они воспользуются ею для угнетенія протестантовъ». Ораторъ указалъ, что вождями ирландскихъ націоналистовъ были протестанты. Эмметъ, *) Улфъ Тонъ **) и Граттанъ ***) были не католики. Протестантомъ былъ также Парнелль. Въ тѣхъ графствахъ, гдѣ католики составляютъ большинство въ Ирландіи, протестанты часто получаютъ отвѣтственныя платныя мѣста на общественной службѣ; но протестанты не проявляютъ въ Ольстерѣ такой же терпимости по отношенію къ католикамъ. Католики постоянно выбираютъ протестантовъ въ парламентъ и въ муниципальные совѣты, но протестанты тамъ, гдѣ они въ большинствѣ, никогда не дѣлаютъ того же по отношенію къ католикамъ. Чисто ирландское правительство не можетъ поступать хуже, чѣмъ нынѣшнее, назначенное Англіей. Что касается толерантности, то ирландцы готовы принять любой законъ, который будетъ охранять религіозныя права протестантовъ. Націоналисты будутъ счастливы, если имъ удастся загладить рубцы, оставленные прошлымъ; они хотятъ объединить всѣхъ, живущихъ въ Ирландіи, безъ различія класса, вѣры и расы въ одну національность». Ирландцы, — продолжалъ Рэдмондъ, домогаются лишь того, что имѣютъ уже двадцать восемь единицъ, входящихъ въ составъ Британской имперіи. Та реформа, о которой проситъ Ирландія, дана недавно голландцамъ въ Трансваалѣ. Кто поддерживаетъ теперь ирландцевъ?—спрашиваетъ Рэдмондъ.—«Вся демократія за реформу, вся Шотландія, весь Валисъ и всѣ тѣ элементы въ Англіи, которые поддерживаютъ каждое прогрессивное движеніе. Общественное мнѣніе всего цивилизованнаго міра за реформу. За нее—всѣ самоуправляющіяся колоніи. Кто же противъ реформы? Всѣ старые враги народа, съ которыми массы постоянно боролись за политическія и соціальныя права. Противъ гомруля—сторонники привилегій и монополій; всѣ тѣ, которые въ прошломъ ограбили массы, а въ послѣднее время стояли за деспотизмъ Верхней палаты. Борьба за гомруль не есть борьба двухъ расъ, какъ было раньше. Мы видимъ

---

*) Національный герой Ирландіи, воспѣтый въ безчисленныхъ балладахъ. Въ іюлѣ 1803 года онъ сталъ во главѣ революціоннаго возстанія въ Дублинѣ. Когда революціонеры были разбиты, Эмметъ бѣжалъ въ горы, но возвратился для свиданія съ невѣстой, былъ схваченъ и казненъ.

**) Знаменитый вождь ирландскихъ революціонеровъ. Отравился въ тюрьмѣ въ Дублинѣ 19 ноября 1798 года наканунѣ казни.

***) Ирландскій государственный дѣятель, благодаря усиліямъ котораго возстановленъ въ 1782 году ирландскій парламентъ.

теперь только борьбу массы въ Ирландіи и Англіи противъ силъ, стоящихъ за привилегіи, монополіи и реакцію». Рэдмондъ развилъ болѣе подробно свой взглядъ на гомруль въ рѣчи, произнесенной въ Роотенстоллѣ. Предсѣдатель митинга, министръ колоній Гаркортъ, указалъ, что Ирландія вполнѣ готова теперь воспринять «the blessing of self government» (благословеніе самоуправленія). Канада продолжалъ Гаркортъ,—была наканунѣ революціи, когда получила, самоуправленіе; Южная Африка послѣ войны затаила сильную вражду противъ Англіи. Теперь и Канада, и Южная Африка замирены. Обѣ страны торжественно заявили о своей лояльности. Тотъ же самый методъ замиренія, который далъ такіе блестящіе результаты въ двухъ странахъ, надо примѣнить теперь въ Ирландіи. Джонъ Рэдмондъ въ своей рѣчи указалъ сперва на то, что облако предубѣжденія противъ гомруля исчезло теперь въ Англіи, которая готова дать Ирландіи самоуправленіе на двухъ условіяхъ: во-первыхъ, цѣлость имперіи не должна быть нарушена и британскому парламенту долженъ быть предоставленъ верховный контроль, а, во-вторыхъ, слѣдуетъ всячески оградить политическія и религіозныя права меньшинства въ будущемъ ирландскомъ парламентѣ. Вся современная исторія показываетъ, что мѣстная автономія не только не подрываетъ, но, напротивъ, укрѣпляетъ дѣйствительный имперскій союзъ. Германская имперія, напр., основана на принципѣ самоуправленія отдѣльныхъ единицъ ея. Британская имперія заключаетъ въ себѣ нѣсколько независимыхъ федерацій. Ирландскіе націоналисты домогаются подчиненнаго парламента (subordinate Parliament), отличающагося отъ прежняго ирландскаго (граттановскаго) парламента, обладавшаго такими же полномочіями, какъ и англійскій. Если будущій ирландскій парламентъ превыситъ свои полномочія и злоупотребитъ своими правами, — продолжалъ Рэдмондъ;—если сеймъ, напр., проведетъ законъ, посягающій на права отдѣльнаго класса или чужой вѣры, верховному парламенту понадобится только наложить свое veto. Ирландцы хотятъ, чтобы всѣ мѣстныя дѣла предоставлены были вѣдѣнію сейма. Британскій парламентъ будетъ одинъ рѣшать дѣла, касающіяся Великобританіи и всей имперіи, какъ напр., вопросы объ арміи, флотѣ и т. д. Въ этомъ центральномъ парламентѣ Ирландія должна быть представлена пропорціонально числу населенія. Ирландія въ прошломъ имѣла много причинъ жаловаться на Англію, но теперь желаетъ остаться частью имперіи. Она хочетъ занимать подобающее ей мѣсто, а не то положеніе, что теперь. Рэдмондъ категорически отрицаетъ, что католики въ Ирландіи когда либо проявляли нетерпимость по отношенію къ протестантамъ. Нѣтъ болѣе тяжелаго оскорбленія для ирландцевъ, чѣмъ обозвать ихъ ханжами. Вся исторія Ирландіи свидѣтельствуетъ о религіозной терпимости ея народа. Въ консервативной печати упоминалось нѣсколько разъ про то, будто ирландцы бойкотировали людей только потому, что они про-

тестанты. «Когда появилось въ печати первое указаніе подобнаго рода,—продолжалъ Рэдмондъ,—я на митингѣ въ Глазго просилъ привести мнѣ конкретный фактъ. Я сказалъ, что если мнѣ сдѣлаютъ это, я поѣду въ Ирландію и буду тамъ обличать бойкотирующихъ. Мое предложеніе я повторилъ нѣсколько разъ въ другихъ мѣстахъ. Что мнѣ отвѣтили? Консервативныя газеты не привели фактовъ, но напечатали за то: «Рэдмондъ-лицемѣръ». Въ Ирландіи были и бываютъ теперь случаи бойкота. Бойкотъ—проявленіе болѣзненнаго состоянія въ странѣ и, безъ сомнѣнія, печальное средство. Но развѣ такія явленія свойственны только Ирландіи? Въ Англіи постоянно бываютъ бойкоты на политической и аграрной почвѣ. Въ Ирландіи никогда никого не бойкотировали за вѣру». «Единственное средство сдѣлать народъ лойяльнымъ—закончилъ Рэдмондъ,—заключается въ довѣріи. Политическая свобода и религіозная нетерпимость не могутъ ужиться рядомъ. Уже одинъ фактъ существованія въ Ирландіи свободныхъ учрежденій сдѣлаетъ религіозную нетерпимость абсолютно невозможной».

Болѣе подробно о бойкотѣ въ Ирландіи Рэдмондъ высказался въ другомъ мѣстѣ *). Вождь націоналистовъ опять категорически заявляетъ, что въ Ирландіи не было ни одного случая религіознаго бойкота. «Что касается политическаго бойкота, то это совсѣмъ другое дѣло,—пишетъ Рэдмондъ. Въ большинствѣ случаевъ бойкотируемые были не протестанты, а католики. Почти во всѣхъ случаяхъ бойкотъ возникалъ на почвѣ земельныхъ отношеній. Въ результатѣ борьбы за землю тысячи фермеровъ въ Ирландіи были изгнаны. Эти фермеры и ихъ потомки живутъ по сосѣдству съ мызами, которыя арендовали раньше и ждутъ возможности занять старыя жилища. Положеніе изгнанныхъ и безъ того печально; но оно ухудшается еще, когда помѣщикъ выписываетъ издалека новыхъ арендаторовъ, которымъ сдаетъ мызы. Такихъ арендаторовъ въ Ирландіи зовутъ «поселенцами» (planters) и «захватчиками» (land-grabbermos). «Поселенцы» въ сельскихъ округахъ Ирландіи—то же, что стачко-нарушители (штрейкбрехеры) во время промышленныхъ войнъ. Ирландцы ненавидятъ «поселенцевъ». Между «захватчиками» и фермерами не можетъ быть мира. Во многихъ большихъ вотчинахъ «поселенцы» не даютъ возможности изгнаннымъ фермерамъ возвратиться на прежнее мѣсто. Вся власть помѣщиковъ и все вліяніе Верхней палаты соединились, чтобы поддержать «поселенцевъ», и для охраненія ихъ тратятся тысячи ф. ст. общественныхъ денегъ на наемъ жандармеріи. Въ общемъ спокойные и не знающіе преступленій сельскіе округи наводнены солдатами и стражниками. Возьмемъ для примѣра только одну вотчину—Кланикардъ.

---

*) „Politicai Boycotting in Ireland", „Reynolds Newspaper", November 26, 1911.

Въ періодъ времени отъ мая 1879 года до февраля 1893 года изгнано тамъ 238 семействъ (1500 человѣкъ). Посмотримъ, во что обошлась обществу дѣятельность владѣльца вотчины.

1) Полиція, содѣйствовавшая изгнанію фермеровъ, обошлась въ 3199 ф. ст. 6 ш. 4 п.

2) На охраненіе «поселенцевъ» израсходовано 14225 ф. ст. 8 ш. 6 п.

3) Судебныя преслѣдованія въ связи съ изгнаніемъ—2902 ф. ст. 18 ш. 11 п.

4) Арестъ сопротивлявшихся фермеровъ и доставка ихъ въ тюрьму 279 ф. ст. 7 ш.

5) Содержаніе арестантовъ во время отбыванія наказанія 2013 ф. ст. 13 ш. 3 п.

6) Вознагражденіе пострадавшимъ во время аграрныхъ безпорядковъ 4600 ф. ст.

7) Общественная помощь семействамъ изгнанныхъ фермеровъ, впавшимъ въ крайнюю нищету, 283 ф. ст. 15.

Такимъ образомъ, исполненіе прихоти помѣщика, не живущаго даже въ своей вотчинѣ, обошлось англійскому правительству въ 27895 ф. ст. 7 мил. (почти въ 280000 руб.). Чтобы бороться со всѣмъ этимъ,—продолжаетъ Рэдмондъ,—у ирландцевъ было только одно оружіе—бойкотъ. Они широко использовали его. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненіе этого оружія не можетъ быть оправдано; но слѣдуетъ помнить, что къ бойкоту прибѣгали, какъ къ послѣднему средству въ припадкѣ отчаянія. Въ случаяхъ несправедливаго бойкота вожди ирландскаго народа всегда вмѣшивались. Дѣйствительными виновниками бойкота являются помѣщики и палата лордовъ. Они искалѣчили всѣ аграрные законы. Мирный договоръ 1903 года (т. е. законъ о выкупѣ земли) обѣщалъ изгнаннымъ фермерамъ, что имъ возвратятъ ихъ участки; но палата лордовъ позаботилась, чтобъ обѣщаніе не было приведено въ исполненіе. Въ 1907 году Нижняя палата приняла билль, который разрѣшилъ бы вопросъ объ изгнанныхъ фермерахъ и такимъ образомъ уничтожилъ бы бойкотъ, но Верхняя палата изуродовала законъ и лишила его всякаго значенія.

III.

Гомруль необходимъ, потому что только такимъ образомъ Англія можетъ исправить историческую ошибку, которую дѣлаютъ, всѣ государства, имѣющія инородческія окраины, говоритъ профессоръ Морганъ въ своемъ «Историческомъ обзорѣ» *). «Не знающій ирландской исторіи не имѣетъ права высказывать своего мнѣнія объ ирландской политикѣ. Изученіе исторіи дѣлаетъ

*) «Prof. I. H. Morgan», „Case for Home Rule. A. Historical Retrospect".

насъ болѣе мудрыми, но, несомнѣнно, наводитъ на много очень грустныхъ размышленій. Англичане стали бы и умнѣе, и печальнѣе, если бы сознали весь свой долгъ по отношенію къ Ирландіи. И если разрѣшеніе ирландскаго вопроса представляетъ затрудненія (слишкомъ преувеличенныя, между прочимъ), то послѣднія созданы самими англичанами,—продолжаетъ проф. Морганъ. Если Ирландія бѣдна, то это по нашей винѣ; если Эринъ озлобленъ, то озлобили его мы; и прояви Ирландія религіозную нетерпимость, что кажется мнѣ невѣроятнымъ, то опять она послѣдовала бы только нашему примѣру по отношенію къ ней. Средневѣковая Ирландія имѣла радостную и красивую цивилизацію, печальные обломки которой видны теперь только въ музеяхъ. Политика Тюдоровъ вытравила эту цивилизацію, какъ чуму. Англія убила промышленность Ирландіи, задушила ея земледѣліе, развратила ея парламентъ, уничтожила ея законы, гарантирующіе свободу личности, и не дала взамѣнъ своихъ законовъ. Нашей дѣятельностью въ Ирландіи мы признаемъ себя виновными передъ судомъ исторіи. Обвинительными актами противъ насъ являются законы, выработанные нами для Ирландіи и имѣющіе цѣлью свести ее на положеніе подчиненной націи. Англія должна вспомнить все это теперь и молить, чтобы Ирландія забыла скорѣе историческіе счеты. Англійскій народъ,—продолжаетъ проф. Морганъ,—совершилъ много ошибокъ и нѣсколько преступленій по отношенію къ Ирландіи; но грѣхи обусловливались не столько злою волею, какъ упрямствомъ. Нѣтъ другого народа, который столь великодушенъ, какъ англичане, когда искупаетъ свои грѣхи. Англія уничтожила невольничество, созданное ея руками, и возвратила голландцамъ въ южной Африкѣ свободу, которую сама отняла раньше».

Покаянный тонъ мы слышимъ также въ рѣчи министра Биррееля (членъ кабинета). «Многолѣтнее изученіе Ирландіи привело меня къ слѣдующему вопросу: «какимъ образомъ, послѣ безпрерывныхъ революцій, конфискацій, голода, примѣненія законовъ о чрезвычайной охранѣ, разрушенія мѣстной промышленности, нескончаемаго отлива населенія за океанъ, послѣ всего этого въ Ирландіи есть еще болѣе четырехъ милліоновъ людей, сохранившихъ свою вѣру? Такое упорство,—продолжаетъ Биррель,—представляетъ примѣръ, почти единственный въ исторіи. Начиная отъ времени Елизаветы до періода королевы Викторіи быть католикомъ въ Ирландіи означало объявить себя внѣ закона. У католиковъ отняли землю; имъ дали на выборъ или пойти въ адъ, или принять протестантство. Въ Ольстерѣ ихъ смели съ земли, чтобы дать мѣсто переселенцамъ шотландцамъ. Ирландцамъ устраивали погромы и убивали при каждой возможности. Но не удалось ни истребить ирландцевъ, ни обратить ихъ въ протестанство. Англія не только преслѣдовала ирландцевъ, но осыпала ихъ еще клеветой. Ихъ обвиняли въ коварствѣ и въ томъ, что «каждый ирландецъ рождается съ двойной

дозой первороднаго грѣха». Въ чемъ заключается ирландскій вопросъ?—продолжаетъ министръ.—Въ томъ, какъ лучше управлять четырехмилліоннымъ народомъ». Самымъ лучшимъ управленіемъ можетъ быть только самоуправленіе.

Лѣтъ двадцать тому назадъ гомруль имѣлъ безчисленныхъ противниковъ, какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи. За послѣдніе годы, послѣ выкупа земли, произошли большія перемѣны во взглядахъ. Мы видимъ въ рядахъ защитниковъ гомруля такихъ горячихъ сторонниковъ торійской партіи, какъ лордъ Дёнрэйвенъ, у котораго были большія помѣстья въ Ирландіи. О немъ мнѣ приходилось уже писать въ «Русскомъ Богатствѣ». Въ октябрьской книжкѣ «Nineteenth Century» мы находимъ очень интересную статью лорда Дёнрэйвена въ защиту областнаго сейма для Ирландіи *). Такой сеймъ увеличитъ достоинство короны, уменьшитъ до настоящей пропорціи число ирландскихъ депутатовъ въ Британскомъ парламентѣ, устранитъ жалобы ирландцевъ на англійскій контроль и жалобы англичанъ на то, что въ парламентѣ слишкомъ много ирландцевъ. Гомруль откроетъ путь для имперской федераціи. Лордъ Дёнрэйвенъ горько сожалѣетъ о томъ, что торійская партія проявила крайнюю нетерпимость въ вопросѣ о гомрулѣ. Это тѣмъ болѣе печально,—продолжаетъ авторъ,—что отношеніе къ гомрулю обусловливается не столько убѣжденіемъ, сколько политическими соображеніями. Торійская партія должна или измѣнить свою политику, или выбросить изъ своей программы имперіализмъ. Лордъ Дёнрэйвенъ обрушивается на тѣхъ консерваторовъ, которые пугаютъ избирателей, если гомруль станетъ закономъ, отдѣленіемъ Ирландіи, преслѣдованіями меньшинства и другими ужасами. «Все это только выдумки, имѣющія цѣлью затемнить вопросъ и разжечь страсти,—продолжаетъ авторъ.—Почему бы всѣмъ умѣреннымъ людямъ въ Ирландіи, какъ юніонистамъ, такъ и гомрулерамъ, не собраться вмѣстѣ и не выработать сообща проектъ областнаго сейма?» Въ 1902 году по инициативѣ того же лорда Дёнрэйвена состоялся въ первый разъ въ исторіи Ирландіи съѣздъ помѣщиковъ и фермеровъ, который выработалъ проектъ выкупа земли, принятый потомъ консервативнымъ правительствомъ, стоявшимъ тогда у власти. Въ своей статьѣ лордъ Дёнрэйвенъ указываетъ, что англійская политика сплотила въ Ирландіи въ одну партію противоположные элементы. Уже и теперь намѣчаются партіи въ будущемъ ирландскомъ парламентѣ. У власти будетъ умѣренный первый министръ Рэдмондъ. Правая оппозиція будетъ представлена ольстерцами, а крайняя лѣвая—Вильямомъ О'Брайяномъ. Въ сеймѣ, вѣроятно, будетъ группа «дикихъ», состоящая изъ 4—5 человѣкъ, съ Хилли во главѣ.

Сильныя перемѣны во взглядахъ на гомруль произошли въ

*) «The Need for a Constitutional Party».

самой Ирландіи. Спеціальный корреспондентъ «Westminster Gazette» констатируетъ, что теперь гомрулерами стали такія лица, которыя еще недавно упорно боролись противъ областнаго сейма и готовы были изъ-за этого вопроса порвать со своею партіей. «Не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ, которыя еще недавно были противъ гомруля, теперь всюду мѣняютъ свой взглядъ, —говоритъ этотъ корреспондентъ.—На-дняхъ, напр., въ Бельфастѣ, т. е. въ столицѣ Ольстера, состоялся большой митингъ, устроенный Ольстерской Либеральной Ассоціацией *), которая съ 1888 года всегда была противъ гомруля. Главнымъ ораторомъ выступилъ одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ мѣстныхъ политическихъ дѣятелей. Онъ сказалъ, что гомруль будетъ желаннымъ подаркомъ для Бельфаста. У ольстерцевъ тогда явится возможность доказать въ сеймѣ, что именно они являются главной умственной и денежной силой въ Ирландіи. И собраніе, состоявшее изъ трехъ тысячъ юніонистовъ, которые еще недавно были противъ гомруля, апплодировало оратору. На дняхъ также состоялся митингъ въ южномъ Бельфастѣ. Видный оранжистъ Слоанъ выступилъ противъ сэра Эдуарда Карсона, рекомендовавшаго ольстерцамъ возстать противъ гомруля. Ораторъ глумился надъ этимъ совѣтомъ, а собраніе апплодировало Слоану. Ораторъ доказывалъ дальше, что и для Ирландіи и для Англіи выгодно, если Эринъ получитъ областной сеймъ... Внѣ сомнѣнія, заканчиваетъ спеціальный корреспондентъ, во взглядахъ многихъ ольстерцевъ на гомруль произошла за послѣднее время большая перемѣна».

IV.

Проф. Морганъ говоритъ о необходимости загладить преступленія, совершенныя Англіей въ Ирландіи. Имъ—нѣтъ числа. Грѣхи каждаго народа-завоевателя, думающаго управлять завоеваннымъ народомъ при помощи силы,—неисчислимы. Возьмемъ, напр., самое начало XIX вѣка. Ирландія имѣла свой отдѣльный парламентъ, а Англія хотѣла добиться уніи, для которой необходимо было рѣшеніе самого ирландскаго парламента.

Ирландская баллада говоритъ:

„How did they pass the Union?
By treachery and fraud“.

(т. е. «Какъ они провели законъ объ уніи? При помощи измѣны и обмана»).

Баллада употребляетъ точные термины. «Я не знаю болѣе чернаго дѣла въ исторіи,—говоритъ Гладстонъ,—какъ то, какимъ образомъ добыта унія между Англіей и Ирландіей». «Унія является большимъ преступленіемъ,—пишетъ такой спокойный историкъ,

*) Эта Ассоціація поддерживаетъ консервативную партію.

какъ Лекки.—При помощи подкупа и обмана Ирландіи дали правительство, противъ котораго была вся страна».

Какъ совершено было это «черное преступленіе», которое, съ тѣхъ поръ какъ писалъ Гладстонъ, повторялось нѣсколько разъ въ разныхъ странахъ? Прежде всего Англія прислала въ Ирландію 170 тысячъ солдатъ. Было безполезно устроить выборы съ цѣлью узнать, согласно-ли населеніе Ирландіи на уничтоженіе собственнаго парламента: населеніе, несомнѣнно, отвѣтило бы отрицательно. И вотъ англійское правительство начало оперировать надъ существовавшимъ уже парламентомъ. Сперва арестовали и выслали 60 наиболѣе независимыхъ ирландскихъ депутатовъ, вмѣсто которыхъ посадили англичанъ, не имѣвшихъ даже ценза въ Ирландіи. Англія затѣмъ начала широко раздавать взятки депутатамъ. Многимъ изъ нихъ назначили большія пенсіи. Затрачены были громадныя деньги на подкупъ ирландской печати. «Согласіе католиковъ на унію пріобрѣтено было обѣщаніемъ эмансипаціи,—говоритъ историкъ.— Ихъ увѣрили, что англійскіе министры единогласно примутъ законъ о равноправіи католиковъ и протестантовъ въ Англіи. Что касается согласія протестантовъ, засѣдавшихъ въ ирландскомъ парламентѣ, то оно было пріобрѣтено чѣмъ-то болѣе существеннымъ, Владѣльцы мѣстечекъ, посылавшихъ представителей въ парламентъ. получили по 15 тысячъ ф. ст. за каждое мѣсто. Такимъ образомъ, ирландскіе помѣщики получили за то, что продали родину, 1.275.000 ф. ст. Лордъ Шанонъ получилъ 45 тысячъ ф. ст., маркизъ Или— столько же, лордъ Кланморсъ—23 тысячи ф. ст. Многіе помѣщики получили, кромѣ денегъ, еще титулы. Каждый депутатъ, продавшій свой голосъ Англіи, получилъ по 8 тысячъ ф. ст. Многіе изъ нихъ, кромѣ того, получили еще мѣста и пенсіи» *). Такимъ образомъ ирландскій парламентъ принялъ законъ объ уніи и о собственномъ упраздненіи. Унія увеличила національный долгъ Ирландіи съ 4 до 28 мил. ф. ст. Въ брошюрѣ, изданной въ 1801 году статсъ-секретаремъ Кукомъ, предсказывалось, что унія осчастливитъ Ирландію, которая быстро сравнится съ Англіей. Авторъ доказывалъ, что благоденствіе будетъ обусловливаться, между прочимъ, тѣмъ, что англійскій капиталъ устремится въ Ирландію. Съ другой стороны, націоналисты предсказывали раззореніе Ирландіи и предвидѣли, что помѣщики абсентеисты создадутъ отливъ денегъ изъ страны. Исторія показала, что правы были націоналисты. Вычислено, что къ серединѣ прошлаго вѣка треть всѣхъ арендныхъ денегъ, которыя ирландскіе помѣщики получали за свои земли, тратилась внѣ предѣловъ острова. Такъ какъ унія породила безпрерывное броженіе въ Ирландіи, то британскій капиталъ тщательно избѣгалъ ее. Этотъ капиталъ шелъ всюду отъ Китая до Перу, но только не въ Ирландію.

---

*) «W. S. Gregg», «Irish History»; p. 116.

Вмѣсто независимаго парламента Ирландія стала управляться бюрократіей, получившей коллективное названіе *Dublin Castle*. «Система эта на столько же дорога, на сколько плоха. Она на столько дорога, что довела Ирландію до банкротства; теперь юніонисты говорятъ, что страна не въ состояніи поддерживать собственный парламентъ. Въ дѣйствительности же надо сдѣлать другой выводъ: если *Dublin Castle* такъ дорогъ, то ясно, что Ирландія не должна поддерживать подобную систему»,—говоритъ одинъ изъ современныхъ публицистовъ *) Англійскіе чиновники, въ общемъ, знающіе и честные люди; но даже такіе чиновники становятся маленькими деспотами, когда не чувствуютъ болѣе надъ собою общественнаго контроля. Ирландцы не выставляютъ обвиненій въ лихоимствѣ противъ *Dublin Castle*, но вся система осуждена уже давно даже умѣренными людьми. Лордъ Дёнрэйвенъ еще восемь лѣтъ тому назадъ доказывалъ, что *Dublin Castle* совершенно некомпетентенъ, дорогъ и вызываетъ сильное раздраженіе у населенія. Самые идеальные чиновники, если они не отвѣтственны передъ обществомъ, преисполняются чрезмѣрно сознаніемъ собственнаго значенія и, параллельно съ этимъ, неуваженіемъ къ тѣмъ, которые ихъ поддерживаютъ. «Предположимъ даже, что вы правы, утверждая, будто Ирландія—банкротъ,—говорятъ юніонистамъ защитники гомруля.—Тѣмъ больше основанія стоять за областной сеймъ, какъ за болѣе дешевую форму правленія, чѣмъ *Dublin Castle*, являющійся слишкомъ дорогою роскошью. И если дѣйствительно правда, что Ирландія вводитъ Англію ежегодно въ убытокъ, то зачѣмъ же отстаивать унію?»

«Предположимъ, что Ирландія теперь въ состояніи банкротства,—говорятъ защитники областнаго сейма.—Ясно, что страна не была создана въ такомъ финансовомъ состояніи. Лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ она приносила казнѣ отъ 2—3 мил. ф. ст. Какимъ образомъ возстановить финансовую состоятельность страны? Юніонисты совѣтуютъ для этого превратить Ирландію въ нищую, получающую безпрерывную общественную помощь отъ Англіи. Внѣ сомнѣнія, этотъ методъ совершенно ошибоченъ. Надо, во-первыхъ, удешевить систему правленія, а во-вторыхъ, поднять самодѣятельность населенія и пробудить въ немъ иниціативу. Какъ для перваго, такъ и для вторaго необходимъ областной парламентъ. Даже для расцвѣта промышленности необходимо широкое политическое самоуправленіе. Еще въ XVIII вѣкѣ Артуръ Янгъ (Юнгъ) констатировалъ, что собственность превращаетъ песокъ въ землю. Съ большимъ правомъ онъ могъ бы сказать, что самоуправленіе превращаетъ песокъ въ золото. Самоуправленіе освобождаетъ скованныя силы, необходимыя для обогащенія и прогресса страны. Самоуправленіе повыситъ богатства Ирландіи, подлежащія обложенію.

*) „Tifty Points for Home Rule“.

Такимъ образомъ, страна сможетъ поддерживать собственный парламентъ».

Сторонники гомруля подробно отвѣчаютъ на утвержденіе оппонентовъ, что Ирландія приноситъ Соединенному Королевству безконечный дефицитъ. «Дефицитъ», исчисляемый въ 2,3 мил. ф. ст., былъ только въ 1909—10 финансовомъ году, когда лорды отклонили бюджетъ. Тогда подоходный налогъ не былъ собранъ, и у Соединеннаго Королевства получился дефицитъ въ 26,2 мил. ф. ст. Всѣ увѣренія юніонистовъ, что Ирландія, какъ банкротъ, не въ состояніи содержать своего парламента, ни на чемъ не основаны. Надо принять во вниманіе тѣ расходы Ирландіи, которые будутъ сокращены при введеніи гомруля.

Чтобы заставить народъ подчиняться бюрократической системѣ, противъ которой онъ протестуетъ всѣми силами, необходимо ее поддерживать военной силой. И чѣмъ непопулярнѣе правительство, чѣмъ менѣе оно отвѣчаетъ желаніямъ народа, тѣмъ больше солдатъ и полицейскихъ требуется для поддержанія системы. Такимъ образомъ получается своего рода политическій парадоксъ: чѣмъ хуже правительство, тѣмъ дороже оно обходится народу. Ирландія систематически протестовала противъ *Dublin Castle*. Во всей Британской имперіи нѣтъ худшей системы управленія. Посмотримъ, во что она обходится народу. По послѣднему отчету отдѣльныя части Соединеннаго Королевства расходуютъ въ среднемъ на 1 человѣка:

	На начальн. обученіе.	На содержаніе полиціи.
Англія . . .	7 ш. $10^1/_2$ п.	3 ш. 6 п.
Шотландія . .	8 » 8 »	2 » 6 »
Ирландія . .	6 » 5 »	6 » 7 »

Такимъ образомъ, Шотландія расходуетъ на начальное обученіе въ три раза больше, чѣмъ на содержаніе полиціи, а въ Ирландіи содержаніе полиціи обходится дороже, чѣмъ начальное обученіе. Уже одинъ этотъ фактъ, по мнѣнію сторонниковъ гомруля, является осужденіемъ уніи. «Не странно ли,—сказалъ въ парламентѣ Рёссель, комментируя приведенныя выше цифры, что полиція въ Шотландіи обходится въ 600 т. ф. ст. въ годъ, тогда какъ въ Ирландіи—въ $1^1/_2$ мил. ф. ст.?» По населенности обѣ страны равны. Преступленій противъ личности и собственности въ Ирландіи меньше, чѣмъ въ Англіи или въ Шотландіи. Въ Ирландіи бываютъ политическія преступленія (къ числу ихъ относится угонъ и калѣченье скота, бойкотъ, угрожающія письма и т. д.); но они порождены нынѣшнимъ порядкомъ. При замѣнѣ *Dublin Castle* гомрулемъ Ирландія сдѣлаетъ громадную экономію на жандармеріи.

Во всякомъ случаѣ расходъ на полицію достигнетъ такихъ же размѣровъ, какъ въ Шотландіи.

Защитники гомруля возражаютъ также тѣмъ, которые указываютъ, что Ирландія слишкомъ маленькая страна, чтобы имѣть самостоятельный парламентъ. «Въ Европѣ есть нѣсколько странъ съ меньшимъ населеніемъ и болѣе низкимъ доходомъ, чѣмъ Ирландія, а между тѣмъ онѣ имѣютъ не областной сеймъ, а совершенно независимый парламентъ? Черногорія—лилипутъ въ сравненіи съ Ирландіей, а между тѣмъ никого не удивило, что крошечная славянская страна, не удовлетворившись тѣмъ, что она княжество, провозгласила себя королевствомъ. Вотъ, напримѣръ, таблица, показывающая населеніе и доходъ маленькихъ странъ.

Страна.	Населеніе.	Доходъ (въ ф. ст.).
Болгарія	4.285.000	6.889.940 (1900)
Швейцарія	3.584.000	6.165.200 (1910)
Сербія	2.848.000	4.611.110 (1900)
Данія	2.692.000	7.513.825 (1910)
Греція	2.666.000	5.622.424 (1911)
Норвегія	2.370.000	6.540.016 (1910—11)
Вюртембергъ	2.302.000	5.042.740 (1910—11)
Ирландія	4.382.000	11.665.500 (1910—11)

Безъ сомнѣнія, говорятъ защитники гомруля, имѣй Ирландія контроль надъ своими финансами, она, сдѣлавъ нѣкоторыя сокращенія въ расходахъ, была бы въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Швейцарія, Данія, Норвегія или Вюртембергъ.

V.

Гомруль долженъ, дальше, содѣйствовать развитію многихъ отраслей промышленности, задушенныхъ Англіей. Передъ нами результатъ поддерживанія одной части населенія на счетъ другой. «Въ настоящее время земледѣліе является почти единственнымъ средствомъ къ существованію ирландскаго народа. На этотъ фактъ часто указывалось, когда заходила рѣчь о бѣдности Ирландіи... Между тѣмъ англійскій парламентъ и англійскій народъ въ значительной степени отвѣтственны за то, что у ирландцевъ осталось только земледѣліе. Не всегда было такъ. Мы знаемъ время, когда въ Ирландіи процвѣтали различныя отрасли промышленности, задушенныя впослѣдствіи Англіей, боявшейся промышленныхъ конкурентовъ» *). «Чтобы понять земельный вопросъ въ Ирлан-

*) Изъ рѣчи Чаплина, произнесенной въ парламентѣ въ 1881 году. Цитировано въ книгѣ Свифта Макъ-Нейля, «English Interference with Irish Industries».

діи,—говоритъ бывшій генералъ-атторней сэръ Чарльзъ Рёссель (впослѣдствіи лордъ),—надо заглянуть въ исторію. У меня нѣтъ желанія копаться въ старыхъ преступленіяхъ, я молю небо только о томъ, чтобы ирландцы забыли всѣ обиды, нанесенныя имъ англичанами. Но за то Англія не должна забывать прошлое до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, покуда она не загладитъ своей вины». Въ Англіи есть много такихъ, которымъ антипатиченъ характеръ ирландцевъ. Англичанъ отталкиваетъ та ненависть къ ихъ родинѣ, которую съ трудомъ скрываютъ ирландцы. Маколей уже давно объяснилъ, что притѣсненіями, гоненіями и ограниченіями въ правахъ нельзя добиться лояльности. Я приведу это мѣсто, хотя мнѣ уже разъ пришлось цитировать его. «Нѣтъ другого чувства, которое вѣрнѣе развивалось бы въ сердцахъ людей, живущихъ подъ сколько-нибудь порядочнымъ правительствомъ, какъ чувство патріотизма. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, еще не было такой націи, или значительной части какой нибудь націи, которая, не будучи жестоко угнетена, совершенно лишена была бы этого чувства. Принимать, слѣдовательно, за основаніе для обвиненія какого-нибудь класса людей—недостатокъ въ нихъ патріотизма есть самая избитая уловка софистовъ. Это—логика волка относительно ягненка. Это все равно, что обвинять устье ручья въ отравленіи его источника» *). Тѣ же самыя мысли высказываетъ Фаусетъ. «Если ирландцы раздражаютъ порою англичанъ, то слѣдуетъ помнить, что ирландцы таковы, какими сдѣлали ихъ англичане. Въ теченіе многихъ лѣтъ Англія обращалась съ Ирландіей такъ, какъ будто то была чужая страна, а не часть Великобританіи. Изданъ былъ цѣлый рядъ законовъ съ цѣлью сократить промышленную дѣятельность ирландцевъ у себя на родинѣ». Въ своей книгѣ, цитированной уже выше, Свифтъ Макъ-Нейль разсказываетъ про то, что сдѣлала Англія для того, чтобы отнять у Ирландіи всѣ источники существованія, кромѣ земледѣлія. Я остановлюсь на этомъ разсказѣ потому, что теперь мы видимъ, какъ далеко отъ береговъ Англіи, въ другой странѣ, очень мало похожей на Великобританію, люди убѣждаютъ не слишкомъ упирающееся правительство не только продѣлать ирландскіе эксперименты, но даже превзойти всѣхъ британскихъ экспериментаторовъ:

Я не стану перечислять всѣхъ законовъ, изданныхъ англійскимъ парламентомъ съ спеціальной цѣлью уничтожить ирландскую торговлю и промышленность,—говоритъ Свифтъ Макъ-Нейль. Я назову только наиболѣе выдающіяся мѣры.

«До времени Карла II Англія не принимала никакихъ мѣръ противъ развитія ирландской торговли и промышленности. До реставраціи Стюартовъ ирландцы имѣли такія же политическія и гражданскія права, какъ и англичане. Въ Ирландіи дѣйство-

---

*) Lord Macaulay's Essays. «Civil disabilities of the jews».

вали обычные англійскіе законы и Magna Charta, обезпечивая всѣмъ равенство и свободу занятій. Цѣлый рядъ старинныхъ законовъ, восходящихъ до XV вѣка, гарантировалъ ирландцамъ право заниматься одинаково съ англичанами всѣми дозволенными дѣлами.

Ирландія тогда имѣла цвѣтущую торговлю и промышленность. Въ 1660 году изданъ былъ законъ о мореплавателяхъ, одинаково относившійся къ Англіи и Ирландіи. Но черезъ три года парламентъ принялъ поправку къ этому закону, ограничивавшую торговыя права Ирландіи. Первыя попытки подобнаго рода во всѣхъ странахъ всегда не рѣшительны. Законодатели нащупываютъ только почву и пробуютъ, что можно сдѣлать. Когда законъ 1660 года былъ исправленъ, въ немъ пропущено было слово «Ирландія». Это дало возможность судьямъ сдѣлать разъясненія въ томъ смыслѣ, что покровительствомъ мореходнаго закона пользуется только Англія *). Такимъ образомъ, ирландскіе товары можно было вывозить въ Англію и въ колоніи только на англійскихъ корабляхъ. Затѣмъ вышло новое разъясненіе закона 1660 года **), въ силу котораго запрещался всякій вывозъ изъ Ирландіи въ колоніи, а въ Англію—скота.

«Значительная часть лучшей и наиболѣе богатой земли въ королевствѣ (т. е. въ Англіи),—читаемъ мы въ объясненіи къ закону,—можетъ быть использована только, какъ пастбище. Между тѣмъ, рента за эту землю вслѣдствіе привоза скота постепенно падаетъ, ведя за собою раззореніе помѣщиковъ». «Этотъ ввозъ,—читаемъ мы дальше,—представляетъ собою общественную язву». (a public and common nuisance»). Заодно воспрещенъ былъ также ввозъ въ Англію изъ Ирландіи говядины, свинины и копченаго сала. Впослѣдствіи къ запрещеннымъ продуктамъ прибавили сыръ и масло. Въ 1670 году вышелъ законъ, имѣвшій цѣлью поддержать англійскихъ купцовъ. Сахаръ, табакъ, хлопокъ, индиго, инбирь, красильный желтникъ (сумахъ) и другіе подобные продукты разрѣшалось ввозить въ Ирландію не изъ колоніи, а только изъ Англіи. Ирландской торговлѣ и промышленности нанесенъ былъ жестокій ударъ.

Ирландія вела обширную торговлю скотомъ съ Бристолемъ, Мильфордомъ и Ливерпулемъ. Теперь эта торговля была убита. Вслѣдствіе невозможности вывозить скотъ, послѣдній страшно упалъ въ цѣнѣ. Лошадей, стоющихъ 30 шиллинговъ, продавали

---

*) Дѣло шло о томъ, что „торговля между Англіей и ея колоніями можетъ производиться только на корабляхъ, построенныхъ на англійскихъ и ирландскихъ верфяхъ и управляемыхъ подданными его величества". Подчеркнутое слово выброшено въ исправленной редакціи.

**) An Act for the Encouragement of Trade, т. е. законъ о поощреніи торговли.

на кормъ собакамъ за 12 пенсовъ. Быки, вмѣсто 50 шиллинговъ, сбывались за десять *).

Когда ирландцы увидали, что ихъ торговля задушена, они занялись промышленностью. Они завели тонкорунныхъ овецъ, и скоро Ирландія стала производить лучшую во всей Европѣ шерсть, которая стала вывозиться во Францію и въ Испанію. Въ самой Ирландіи возникли фабрики, на которыхъ изготовлялось сукно, какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для вывоза. Развитіе промышленности вызвало зависть у англійскихъ фабрикантовъ. И въ самомъ началѣ XVIII вѣка вышелъ законъ, воспрещавшій подъ страхомъ штрафа въ 500 ф. ст. и конфискаціи корабля и товара вывозить шерсть, какъ въ сыромъ, такъ и въ обработанномъ видѣ за границу и въ колоніи. Ирландскимъ промышленникамъ предоставленъ былъ только одинъ рынокъ—Англія, которая обезпечила себѣ такимъ образомъ монополію на пріобрѣтеніе лучшей шерсти въ Европѣ. Ирландцы, не имѣя другихъ покупателей, вынуждены были брать ту цѣну, которую имъ давали англичане. И въ то время, какъ фунтъ руна стоилъ во Франціи 2 ш. 6 пенсовъ, ирландцы продавали англичанамъ за пять пенсовъ, т. е. за $^{1}/_{6}$ стоимости.

«Уничтоженіе производства сукна въ Ирландіи является одною изъ самыхъ мрачныхъ страницъ въ ея исторіи,—говоритъ Свифтъ Макъ-Нейль.—Всѣ сопровождающія обстоятельства подробно изложены въ *Отчетѣ коммиссіи для изученія производства полотна въ Ирландіи*, отпечатанномъ по распоряженію Палаты общинъ въ іюнѣ 1825 года». Вотъ какъ Отчетъ передаетъ исторію раззоренія ирландскихъ фабрикантовъ. «Вывозъ шерсти изъ Ирландіи приносилъ убытки Англіи, и поэтому выработанъ былъ планъ полнаго воспрещенія ирландцамъ заниматься производствомъ сукна. Англійскіе фабриканты желали, чтобы Ирландія занялась изготовленіемъ полотна, такъ какъ это не подрывало ихъ интересовъ. Согласно плану, въ Англіи былъ въ 1696 году изданъ законъ, приглашающій протестантовъ селиться въ Ирландіи, чтобы тамъ заводить фабрики для изготовленія полотна. Для поощренія протестантовъ имъ обѣщали снять пошлину на коноплю и ленъ, ввозимые въ Ирландію. Черезъ два года, въ 1698 году, обѣ палаты обратились къ королю съ петиціей; въ которой говорится, что процвѣтаніе промышленности въ Ирландіи и дешевизна жизни соблазняютъ многихъ англичанъ переселяться туда. Это причиняетъ остающимся убытки, но неизмѣримо болѣе серьезно англійскіе купцы страдаютъ оттого, что ирландскія сукна дешевы и добротны. «Поэтому мы всеподданѣйше умоляемъ ваше величество объявить въ интересахъ вашихъ подданныхъ, что развитіе производства сукна въ Ирландіи не желательно».

*) Carte's „Ormonde“, II, p. 357.

Палаты просили короля заявить, что развитіе производства полотна въ Ирландіи, съ другой стороны, очень желательно. «Мы, лояльные подданные вашего величества,—писали дальше члены обѣихъ палатъ,—ревниво заботясь о процвѣтаніи и богатствѣ Англіи, думаемъ, что это богатство въ значительной степени зависитъ отъ развитія суконнаго производства въ королевствѣ. Поэтому мы не можемъ спокойно относиться къ тому, что Ирландія, представляющая собою завоеванную страну, находится въ болѣе благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ господствующая народность. Ирландія должна отказаться отъ производства сукна и обратиться къ изготовленію полотна, что будетъ крайне выгодно для королевства». Король, выслушавъ петицію обѣихъ палатъ, отвѣтилъ: «я сдѣлаю все возможное, чтобы отвратить ирландцевъ отъ производства сукна и обратить ихъ къ изготовленію полотна». Король дальше сказалъ, что, если ирландцы займутся тѣмъ дѣломъ, которое имъ рекомендуется, они найдутъ всякую поддержку *). Ирландскій парламентъ согласился принять законъ о сокращеніи производства сукна подъ условіемъ, что Англія всячески, какъ обѣщала, будетъ поощрять производство полотна. Но Англія не сдержала обѣщанія. Англійскіе и шотландскіе фабриканты запротестовали противъ безпошлиннаго ввоза пеньки и льна въ Ирландію. Впослѣдствіи, опять-таки вопреки торжественнымъ обѣщаніямъ, Англія обложила пошлиной парусину, привозимую изъ Ирландіи.

Ирландскіе фермеры терпѣли большіе убытки отъ воспрещенія вывозить шерсть и старались хоть нѣсколько наверстать ихъ контрабанднымъ вывозомъ во Францію. Между двумя странами завязалась,— говоритъ ирландскій историкъ, — такая оживленная незаконная торговля, что скоро на всемъ южномъ берегу графства Керри не было ни одной пещеры, которая не служила бы складомъ для контрабандной шерсти. Всѣ въ Ирландіи, въ томъ числѣ магистраты, помѣщики и священники, знали про контрабандную торговлю, но потворствовали ей. Береговая охрана была безсильна. Никакіе таможенные не могли изловить всѣхъ катеровъ, перевозившихъ изъ Франціи контрабанду: вино, водку, запрещенныхъ священниковъ **) и прелатовъ въ обмѣнъ за руно. Скоро къ кон-

*) См. J. G. Swift Macneill, „English Interfrence with Irish Industries". P. p. 30—31.

**) Англія пустила въ ходъ все, чтобы истребить ирландцевъ, какъ національность. Съ этою цѣлью въ 1745 году изданъ былъ суровый законъ противъ католической вѣры. За обращеніе протестанта въ «папизмъ» назначалась пожизненная каторга. Католикамъ воспрещалось пріобрѣтать землю. Отецъ обязанъ былъ оставить всѣмъ дѣтямъ равную долю земли; но если старшій сынъ отрекался отъ католицизма и принималъ протестанство, ему доставалась вся земля. Но особенно безпощаденъ законъ былъ по отношенію къ католическимъ священникамъ, которыхъ правительство внесло въ особый реестръ и запретило прибавлять новыхъ. Всѣмъ незарегистрованнымъ священникамъ грозила смертная казнь. Правительство ожидало, что когда всѣ

трабандѣ, вывозимой изъ Ирландіи, прибавился новый видъ товара, отмѣчавшійся въ корабельныхъ книгахъ, какъ «дикіе гуси». Такъ именовались рекруты, навербованные для Франціи.

Былъ въ Ирландіи классъ, пострадавшій еще больше, чѣмъ фермеры, а именно—ткачи. Сорокъ тысячъ ихъ очутилось на улицѣ послѣ того, какъ вышелъ законъ о воспрещеніи вывозить сукно изъ Ирландіи. Передъ ними оставалась только одна дорога,—переселеніе. Англійскій законъ, убившій ирландскую промышленность, погналъ молодыхъ ирландцевъ на французскую, испанскую и австрійскую службу. Ирландскіе эмигранты, переселившись въ сѣверо-американскія колоніи, первые присоединились къ повстанцамъ, когда началась борьба за независимость *). Въ XIX вѣкѣ когда Англія пыталась законами объ охранѣ вколотить Ирландію въ лояльность, болѣе благоразумные англичане безпрерывно указывали на опасность подобной политики. Чрезвычайные законы заставляли наиболѣе энергичныхъ ирландцевъ эмигрировать за океанъ. И въ Америкѣ возникла Новая Ирландія, населеніе которой горѣло ненавистью къ англичанамъ. Эту ненависть матери передавали дѣтямъ. За океаномъ зарождались всѣ тѣ революціи, возстанія и террористическіе акты, которые вспыхивали потомъ въ Ирландіи. Новая Ирландія посылала на старую родину деньги, оружіе, динамитъ и людей, чтобы бороться съ угнетателями. Представители Новой Ирландіи, работая въ американскихъ газетахъ, создавали ненависть противъ англичанъ. И результатомъ было то, что никакой договоръ между Соединенными Штатами и Великобританіей сталъ немыслимъ. Ирландскіе эмигранты, переселившись въ британскія колоніи, создавали тамъ недовѣріе къ Англіи. И даже теперь, когда политическія убійства и динамитные взрывы, произведенные феніями, отошли въ область исторіи, Новая Ирландія по прежнему снабжаетъ старую родину деньгами и моральной под-

---

зарегистрованные священники вымрутъ, Ирландія, оставшись безъ пастырей обратится въ протестанство. Но ирландцы начали ввозить контрабандныхъ священниковъ. Тогда появилась новая разновидность доносчиковъ—«priest-hunters» (охотники на поповъ). Правительство давало премію за каждаго изловленнаго запрещеннаго священника соотвѣтственно съ рангомъ его: за епископа 50 ф. ст., за простого священника и за монаха—20 ф. ст., за школьнаго учителя—10 ф. ст. Чтобы успѣшнѣе ловить контрабанду, изданъ былъ законъ, въ силу котораго ловили ирландцевъ старше 16 лѣтъ и допрашивали ихъ подъ страхомъ тюремнаго заключенія, гдѣ они исповѣдались въ послѣдній разъ. Если исповѣдывалъ незарегистрованный священникъ, то ему грозила смертная казнь. Зарегистрированные священники вымирали, но католицизмъ жилъ. Чѣмъ сильнѣе преслѣдуютъ за вѣру, тѣмъ крѣпче она. Контрабандные епископы и священники служили мессы подъ страхомъ смерти. Они скрывались въ горахъ, въ пещерахъ на берегу моря или въ подпольяхъ. Единственнымъ послѣдствіемъ закона 1745 года,—говоритъ историкъ,—была ненависть къ закону вообще и симпатіи къ нарушителямъ его. Больше того, на нарушающихъ законъ смотрѣли, какъ на національныхъ героевъ.

*) William Stephenson Gregg, «Irish History» P. 84.

державой для борьбы съ Англіей. И если теперь какое нибудь государство захочетъ повторить опытъ Англіи, то есть, если оно погонитъ часть своего населенія за океанъ, оно должно учесть заранѣе всѣ послѣдствія...

Послѣ запрещенія вывоза сукна у Ирландіи оставались еще верфи да полотняныя фабрики. Теперь холмы въ Ирландіи совершенно обнажены и лѣсовъ тамъ нѣтъ. Даже деревья встрѣчаются рѣдко. А между тѣмъ было время, когда дремучіе лѣса сплошь покрывали тамъ холмы. Ирландія въ особенности славилась дубами. Много лѣсовъ было истреблено при разрабатываніи рудниковъ. Затѣмъ фермеры, неувѣренные въ прочности аренды, срубили лѣса, стараясь воспользоваться наиболѣе цѣннымъ продуктомъ. Но въ началѣ XVIII вѣка въ Ирландіи было еще много дубравъ съ дубами, представлявшими отличный строительный матеріалъ для кораблей. Суда, выстроенныя на ирландскихъ верфяхъ, очень цѣнились; но Англія тоже начала строить корабли, и Ирландія, такимъ образомъ, являлась конкуррентомъ. И вотъ послѣдовалъ законъ, что изъ Ирландіи можно вывозить товары только на корабляхъ, выстроенныхъ на англійскихъ верфяхъ. Законъ раззорилъ всѣ приморскіе ирландскіе города, населеніе которыхъ вынуждено было или эмигрировать, или заняться земледѣліемъ. Такимъ образомъ, благами естественнаго положенія Ирландіи, т. е. великолѣпными гаванями, должны были воспользоваться только англичане. Напрасно ирландцы попытались проявить свою энергію при развитіи ткацкаго дѣла. Англія немедленно приняла такія мѣры, которыя убили производство ситца въ Ирландіи (наложена была высокая пошлина на всѣ хлопчато-бумажные товары, изготовленные на фабрикахъ Эрина).

Ирландцы пытались использовать излишекъ ячменя, появившійся когда значительная часть населенія вынуждена была обратиться къ земледѣлію. Возникли всюду пивоваренные заводы, выпускавшіе пиво и солодъ отличнаго качества. Англія немедленно приняла мѣры: ирландскіе пиво и солодъ были обложены высокой пошлиной, тогда какъ тѣ же продукты англійскаго происхожденія ввозились въ Ирландію безпошлинно. «Ирландскіе капиталисты пытались устраивать мастерскія, фабрики и заводы для изготовленія шляпъ, пороха, скобяного товара, но каждый разъ выступала Англія, накладывала высокія пошлины и душила производство въ самомъ зародышѣ» *).

Видя, что ихъ производства систематически душатся, ирландцы обратились къ послѣднему средству: къ бойкоту всѣхъ англійскихъ товаровъ. Свифтъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ ирландскому народу настоятельно совѣтуетъ проводить бойкотъ крайне послѣдовательно. «Надо сжигать все приходящее изъ Англіи. Преступле-

*) «An Argument for Ireland», by J. O'Connell, M. P. p. 161.

ніемъ является даже корсетъ, обшитый кружевомъ, если онъ изготовленъ въ Англіи». Бойкотъ англійскихъ товаровъ причинилъ большіе убытки британскимъ купцамъ. Населеніе, проникнутое ненавистью къ угнетателю, могло раззорить многихъ, отъ имени которыхъ дѣйствовалъ завоеватель; но воздержаніе отъ потребленія привозимыхъ англійскихъ продуктовъ, причиняя великій вредъ бойкотируемымъ, не могло возродить ирландскую промышленность. Ирландскіе товары стали необыкновенно дороги, что побуждало нѣкоторыхъ ирландскихъ купцовъ продавать привозимые товары, какъ отечественные.

Англія добилась своего. Оставаясь логичной въ преслѣдованіи національной политики, какъ она тогда понималась въ Соединенномъ Королевствѣ, а теперь—въ другомъ мѣстѣ, Англія сдѣлала все, чтобы поддержать господствующую народность. Ирландцевъ ограничили во всѣхъ правахъ, промышленность ихъ была убита. «Населеніе, потерявшее работу вслѣдствіе ограниченій со стороны правительства, голодало въ городахъ. Тысячи людей, желавшихъ работать, вынуждены были просить милостыню». Съ теченіемъ времени вынужденная праздность превратилась въ привычку, и англійскіе моралисты стали разглагольствовать на тему о лѣни ирландскаго народа. Переселеніе за океанъ стоило тогда дорого и было доступно не всѣмъ. Только высоко развитая взаимная помощь спасала ирландцевъ отъ голодной смерти. Люди, имѣвшіе корку хлѣба и нѣсколько картофелинъ, дѣлились съ болѣе неимущими. Англія оставила только одно утѣшеніе раззоренной и умирающей націи: пьянство. Въ то время, какъ всѣ предметы первой необходимости облагались при ввозѣ въ Ирландію высокой пошлиной, исключеніе дѣлалось для рома.

„Пройдутъ вѣка—и сколько разъ еще
Средь государствъ, которыхъ нѣтъ на свѣтѣ,
На языкахъ, теперь намъ неизвѣстныхъ,
.... эта сцена повторится".

Такъ говоритъ Кассій въ шекспировской трагедіи Юлій Цезарь. Дѣйствительно, Англія давно уже поняла роковыя ошибки, сдѣланныя ею по отношенію къ Ирландіи и пытается исправить ихъ; но другія государства, не смотря на опытъ Англіи, повторяютъ ея ошибки и даже въ еще болѣе грубой и примитивной формѣ.

VI.

Мы видѣли, что разсчеты гомрулеровъ на возможность развитія промышленности въ Ирландіи при новомъ строѣ основаны на историческихъ данныхъ. Защитники гомруля находятъ также серьезныя возраженія противъ аргумента, что «Home Rule is Rome Rule». «Однимъ изъ наиболѣе недобросовѣстныхъ обвиненій, выставляе-

мыхъ юніонистами противъ націоналистовъ является утвержденіе, что гомруль означаетъ господство католическихъ священниковъ,—говоритъ О'Конoръ. Лекки въ своей исторіи доказываетъ, что о вмѣшательствѣ католическихъ священниковъ въ ирландскую политику старались отцы нынѣшняго юніонизма—Питъ и Каслрей (Castleregh), желавшіе, чтобы епископы убѣдили прихожанъ принять унію. Обѣ англійскія политическія партіи не разъ послѣ этого обращались къ папѣ съ просьбой о вмѣшательствѣ въ ирландскія дѣла. Пиль обратился къ Григорію XVI въ 1844 году, чтобы папа запретилъ О'Коннелю агитировать въ пользу уничтоженія уніи. Въ 1880 году лордъ Грэнвиль (министръ иностранныхъ дѣлъ) послалъ къ папѣ делегата съ просьбой, чтобъ святой отецъ выступилъ противъ земельной лиги. Въ 1888 году, когда у власти стояли юніонисты, они убѣдили папу издать энциклику противъ аграрнаго движенія въ Ирландіи, извѣстнаго подъ названіемъ Plan of Campaign *). Тогда сорокъ коммонеровъ-католиковъ на съѣздѣ въ Дублинѣ приняли резолюцію, въ которой за папой отрицается право вмѣшательства въ ирландскія дѣла.

Эти обращенія къ папѣ,—продолжаетъ О'Коннель,—крайне типичны. Со времени уніи Англія всегда вела въ Ирландіи клерикальную политику подъ маской протестантства. Англія въ Ирландіи является только полисменомъ папы. Питъ и Каслрей вырабатывали даже планъ государственнаго жалованія католическимъ священникамъ. Послѣ смерти лорда Рэндольфа Черчилля опубликовано крайне любопытное письмо. «Я въ особенности разсчитываю на то, что католическіе епископы затормозятъ движеніе въ пользу гомруля,—писалъ лордъ Рэндольфъ Черчилль.—Въ глубинѣ души епископы ненавидятъ Парнелля, какъ протестанта, и абсолютно равнодушны къ гомрулю. Если отдать имъ въ руки всецѣло контроль надъ начальнымъ образованіемъ, епископы всячески помогутъ намъ разгромить гомруль. Моя политика, значитъ,—поддерживать католическихъ епископовъ. По моему мнѣнію, это единственная здоровая политика для юніонистовъ. Ищите дружбы епископовъ. Я глубоко убѣжденъ, что если вы надлежащимъ образомъ подойдете къ архіепископу и дадите ему заманчивыя обѣщанія, то вся громадная сила католической церкви перейдетъ на сторону торійской партіи».

Такимъ образомъ,—говорятъ защитники ирландскаго самоуправленія,—не гомруль, а юніонизмъ означаетъ господство католической церкви. И хотя консерваторы опираются на оранжистовъ (т. е. на протестантовъ-фанатиковъ), они готовы во всякое время

*) Планъ былъ выработанъ Майкелемъ Дэвиттомъ. Фермеры должны были платить помѣщикамъ только справедливую ренту и то черезъ посредство національной организаціи. Если помѣщикъ отказывался принять такую ренту, она шла въ особый фондъ, изъ котораго поддерживали изгнанныхъ фермеровъ.

вступить въ заговоръ съ Римомъ противъ ирландской демократіи какъ католической, такъ и протестантской. Націоналисты всегда держались независимо по отношенію къ католическому духовенству, когда дѣло касалось судебъ родины. О'Коннелль отвергъ совѣтъ папы, дѣйствовавшаго по указанію англійскаго правительства. Папа убѣждалъ, чтобы О'Коннелль прекратилъ свою агитацію противъ уніи. На это знаменитый ирландскій дѣятель отвѣтилъ, что хотя онъ за религіозными совѣтами обращается въ Римъ, но политическія указанія скорѣе приметъ отъ турецкаго султана, чѣмъ отъ папы. Зимой 1910 г. Рэдмондъ высказалъ то же самое въ Дублинѣ. Ирландское національное движеніе никогда не было выраженіемъ желанія папы и высшаго католическаго духовенства. Церковь католическая постоянно обличала наиболѣе сильное ирландское движеніе XIX вѣка—феніанство. Священники отказывали феніямъ въ исповѣди и причастіи, не соглашались вѣнчать ихъ на томъ основаніи, что католическая церковь не признаетъ тайныхъ обществъ. «Адскія мученія недостаточно сильны, а вѣчность недостаточно долга, чтобы наказать тѣхъ, которые становятся феніями вопреки запрещенію папы»,—сказалъ католическій епископъ Моройарти. Католическіе епископы обличали всю жизнь Майкеля Дэвитта за его проповѣдь свѣтскаго контроля надъ школой. «Парнеллизмъ подрываетъ католическую вѣру подъ самый корень и наноситъ ей рѣшительный ударъ. Истинный католикъ не можетъ принимать участія въ парнеллевскомъ движеніи»,—проповѣдовалъ епископъ Нѣлти. Между тѣмъ Парнелль—національный ирландскій герой; его политику продолжаетъ нынѣшній вождь націоналистовъ Рэдмондъ. Католическіе епископы не разъ обличали другихъ видныхъ націоналистовъ, какъ, напр., Джозефа Девлина и Вильяма О'Брайена. Какъ на доказательство толерантности ирландцевъ-католиковъ, защитники гомруля ссылаются на слѣдующіе факты. Въ то время, какъ протестантскій Ольстеръ назначаетъ очень мало католиковъ на платныя мѣста, католики въ остальныхъ графствахъ охотно выбираютъ на такія же мѣста протестантовъ. Вотъ нѣкоторыя цифры для иллюстраціи.

Графства въ Ольстерѣ.	% служащ. католиковъ.	% служащ. протестант.
Арма (Armagh)	6	94
Тайронъ	10	90
Фермана (Fermanagh)	23	77
Антримъ	8	92

Католическія графства.	% служащ. католиковъ.	% служащ. протестант.
Голуэй	81	19
Коркъ	79	21
Кавэнъ	53	47
Уэстмитъ	68	32
Кингсъ	52	48
Монаханъ	59	41
Килдэйръ	77	23
Клэйръ	90	10
Роскоммонъ	84	16
Слайго	80	10
Мэйо	89	11
Квинсъ	70	30
Типперари	71	29
Антримъ	69	31
Кэрло	60	40
Кэрри	83	17

Защитники гомруля не придаютъ серьезнаго значенія угрозамъ ольстерцевъ, что они пойдутъ на баррикады, если Ирландія получитъ отдѣльный парламентъ. Это скептическое отношеніе подтверждается историческими данными. Когда въ прошломъ вѣкѣ обсуждался вопросъ о равноправіи католиковъ, ольстерцы тоже грозили возстаніемъ, если этотъ законъ пройдетъ. Парламентъ не испугался, уравнялъ католиковъ съ протестантами, и никакого возстанія не произошло. Такія же грозныя рѣчи о баррикадахъ ольстерцы произносили, когда поднятъ былъ вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи. «Мы взываемъ къ нашимъ братьямъ-протестантамъ въ Англіи, чтобы они насъ поддержали въ послѣдній и страшный часъ. Пусть они не доводятъ насъ до сопротивленія вооруженной силой»,—сказалъ тогда лордъ Ратморъ. Сэръ Фредерикъ Фокнеръ заявилъ, что «полтора милліона вѣрныхъ сыновъ Британіи и церкви готово съ оружіемъ въ рукахъ возстать противъ отдѣленія церкви отъ государства». Передъ третьимъ чтеніемъ билля ольстерцы демонстративно ввозили оружіе въ Бельфастъ. Никто изъ «истинно-англійскихъ людей», однако, не пошелъ на баррикады въ защиту угнетенія. Въ подобныхъ случаяхъ вооруженныя возстанія и погромы устраиваются только тогда, когда правительственные агенты потворствуютъ имъ и когда громилы увѣрены заранѣе въ безнаказанности...

Въ біографіи Гладстона, написанной Джономъ Морлеемъ, я нашелъ интересный эпизодъ, относящійся къ 1886 году. Гладстонъ тогда внесъ въ парламентъ свой первый билль о гомрулѣ. При обсужденіи законопроекта во второмъ чтеніи, лордъ Солсбери выступилъ съ рѣчью, въ которой сказалъ, между прочимъ: «Ирландіи нельзя дать самоуправленія, потому что тамъ не одна, а двѣ расы, какъ среди готентотовъ или индусовъ. Онѣ совершенно

неспособны къ самоуправленію. Я не могу довѣрять народу, постоянно пускающему въ ходъ ножъ и выдѣляющему столько лѣнтяевъ. Парламентъ долженъ помочь Англіи управлять Ирландіей. Проводите этотъ принципъ прямолинейно двадцать лѣтъ и вы убѣдитесь, что Ирландія будетъ подготовлена къ воспріятію мѣстнаго самоуправленія и къ отмѣнѣ законовъ объ усиленной охранѣ. Теперь же, если у Англіи есть лишнія деньги и она желаетъ израсходовать ихъ въ Ирландіи, то пусть она ими поможетъ помѣщикамъ или дастъ возможность милліону «готентотовъ» переселиться за море» *). Англія дѣлала въ Ирландіи все по рецепту, указанному въ этой рѣчи: она помогала помѣщикамъ, издавала законы о чрезвычайной охранѣ, отмѣняла Habeas corpus, принимала мѣры, которыя погнали за океанъ милліонъ людей, содержала въ Ирландіи дорогую бюрократію и многочисленныхъ жандармовъ. И, наконецъ, убѣдившись, что національность нельзя вколотить въ лояльность, что чрезвычайныя мѣры только углубляютъ бездну между господствующей и подчиненной народностями, Англія рѣшительно перемѣнила политику и собирается утопить воспоминаніе о страшныхъ временахъ, не смотря на угрожающее карканье «воронья».

Діонео.

Китайцы на Карійскихъ промыслахъ.

I.

Показались они здѣсь лѣтъ восемь-девять тому назадъ, сначала лишь по одному, по два—не больше.

Почти всѣ эти піонеры Кары появлялись сюда не прямо изъ своей Поднебесной Имперіи, а уже до этого много ли мало ли постранствовали гдѣ-то по Амуру или Забайкалью, потерлись среди русскихъ, мало-мало усвоили ихъ языкъ, приспособились къ нимъ, попривыкли. Прежде всего, какъ и всюду по Сибири, они стали наниматься для разныхъ домашнихъ услугъ, и только нѣкоторые изъ нихъ попали на спеціально-пріисковую работу, промывальщиками золота у подрядчиковъ, и сразу же въ этомъ дѣлѣ оказались искусными, ловкими, проворными не менѣе, чѣмъ давнишніе, опытные русскіе промывальщики.

Встрѣтили здѣсь китайцевъ, какъ и вездѣ по Сибири, полудобродушно, полупрезрительно, съ явнымъ сознаніемъ своего превосходства, но въ общемъ терпимо, а въ большинствѣ случаевъ

---

*) John Morley „Life of Gladstone", vol. II p. 558.

просто безразлично. Будетъ ли ихъ много, мало, или вовсе не будетъ,—отъ этого ни жарко, ни холодно.

«Ходя», «китаюза», «купеза»!—такое, какъ и вездѣ, обращеніе къ нимъ, обращеніе насмѣшливо-снисходительное, большого съ малымъ, взрослаго съ подросткомъ... Щелкнуть «ходю» въ лобъ, дернуть его за косу, дать ему «подножку», хорошаго «тумака»—все это было допустимо, сходило совершенно безнаказанно и дѣлалось такъ просто, любя, шутки ради. На всѣ эти грубыя издѣвательства со стороны русскихъ «китаюза» отвѣчалъ своей обычной улыбкой, оскаливая длинные, крѣпкіе, желтые отъ табака зубы и при этомъ въ его узенькихъ, черныхъ глазкахъ вспыхивали огоньки скрытаго раздраженія и безсильной, затаенной злобы.

Эта улыбка сквозь оскаленные зубы была своего рода пріемомъ приспособленія къ русской средѣ. Отъ многихъ тумаковъ и щелчковъ спасала она китаюзу, ибо иногда, во время осклабившись, онъ предупреждалъ ихъ, настраивая улыбкой любителя щелчковъ на снисходительно-добродушный ладъ.

Обобрать, ограбить «ходю» среди бѣла дня, «укокошить» его считалось дѣломъ пустяковымъ, совсѣмъ безгрѣшнымъ, все равно что зарѣзать барашка, и всякій отвѣтъ за него казался сущей безсмыслицей. И если «добрые люди» находили гдѣ-нибудь на дорогѣ трупъ китаюзы, то просто за ноги стаскивали его въ сторонку и спускали въ шурфъ; тѣмъ все и кончалось. Ни разборами, ни протоколами, ни всякими тамъ слѣдствіями никто себя не безпокоилъ. Есть изъ-за кого... Одинъ крестьянинъ разсказывалъ, какъ онъ однажды «укантамилъ» китайца.

«Я его, образину, нанялся проводить до N—го пріиска. Ну пошли это... Сѣменитъ онъ ножонками, сѣменитъ... я его подгоняю. Похлеще, молъ, ходя, похлеще... Али штаны мѣшаютъ!.. Гдѣ шутилъ съ нимъ, но больше шелъ молчкомъ. Этакъ на полдорогѣ думаю: ужъ не спроста онъ нанялъ меня въ проводники. Ишь дорогу не знаетъ? Языкъ до Кіева доведетъ. Безпремѣнно есть деньжонки, вотъ и потрухиваетъ итти одинъ... Цопъ его за косу... подъ самую репицу-то!.. Онъ было туды, сюды брыкаться, визжать. Стой, говорю, образина! Реви сколь хошь, никто не услышитъ, мѣсто глухое, тайга... На земь его... прижалъ колѣнкомъ... ножъ изъ-за пояса достаю... А онъ смирнехонько лежитъ и бормочетъ: друга, друга за что меня кантамишь?.. Молчи, говорю, молчи... сейчасъ... и разъ его по шеѣ ножомъ... Обыскалъ и всего навсего пять цѣлкашей... Конешно, маловато»...

Приблизительно черезъ годъ-два послѣ появленія піонеровъ, этихъ одиночекъ и парочекъ, начали прибывать цѣлыя стаи—въ 10, 20 и 100 человѣкъ. Повалили часто, съ каждымъ пароходомъ, сверху и снизу, партія за партіей, одна многочисленнѣе другой, точно утки весной или осенью.

Эти прибывали непосредственно изъ своей родины, что свидѣ-

тельствовалъ весь ихъ тощій, нищій видъ, синее, отцвѣтшее, заплатанное, едва прикрывавшее тѣло тряпье, маленькіе тючки на спинѣ и—ни звука по-русски.

Оборванные, грязные, голодные, пугливые, озирающіеся, гонимые изъ своей родины какой-то лихой бѣдой, они производили удручающее впечатлѣніе. Сейчасъ же по прибытіи въ Кару они вереницами, гуськомъ, разбредались по разнымъ пріисковымъ станамъ. И какъ-то до удивленія просто и быстро нанимались на пріиски, словно и дня не были безъ работы, словно явились на готовое, по ранѣе заключенному договору.

Посредниками и переводчиками между работодателями и китайской массой явились піонеры; за свои труды они обложили каждаго соотечественника по 1 рублю въ мѣсяцъ. Бывало, что одинъ переводчикъ служилъ у 300 китайцевъ и такимъ образомъ онъ получалъ ежемѣсячно по 300 р. Отсюда и началось обогащеніе китайцевъ-переводчиковъ.

Подрядчики кабинетскихъ пріисковъ первыми набросились на китайскую рабочую силу и за самое непродолжительное время почти сплошь замѣнили русскихъ рабочихъ китайцами. Это было куда выгоднѣе имъ не только въ смыслѣ пониженія заработной платы, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. По ихъ словамъ русскій рабочій былъ для нихъ не рабочимъ, а какимъ-то дьявольскимъ наказаніемъ. Попробуй ладить съ нимъ! Дерзокъ, буянъ, сорви голова, безудержный пьяница. Сегодня работаетъ, а завтра поминай какъ его звали, не удержишь ни задатками, ни контрактами, ни угрозами, ни добрымъ словомъ и просьбами. Онъ изведетъ тебя съ приставаньями дать «старательскую». Онъ рѣдко ограничится положеннымъ гульнымъ днемъ: послѣ прогула еще «просвѣтлитъ» два-три дня, пока не спуститъ все что имѣетъ, до чиста. Тебя-же будетъ на каждомъ шагу обвинять, хаять, поносить, что ты его обмѣрялъ въ разрѣзѣ, обсчиталъ при разсчетѣ, а самъ не умѣетъ какъ слѣдуетъ провѣрить, разобраться. Онъ и работаетъ-то на пріискѣ не столько изъ-за постоянной заработной платы, сколько изъ-за надежды-мечты—наткнуться на кладъ матушки земли, «самородку».

Разбиваетъ-ли онъ кайлой куски земли, выворачиваетъ-ли ломомъ каменныя глыбы, дробитъ-ли ихъ, колетъ ли ледяную мерзлоту, черпаетъ ли лопатой студеную глинистую жижу, кидая ее въ таратайку, промываетъ ли «породу»—всюду его глаза жадно, страстно слѣдятъ, ищутъ, нащупываютъ: не блеснетъ-ли гдѣ давно желанная «самородка». Онъ грезитъ ею во снѣ и на яву... Ради нея онъ бросаетъ семью, выгодную работу на одномъ пріискѣ, на другомъ, скитается, рыщетъ по тайгѣ, по самымъ отбойнымъ трущобамъ, пробиваетъ тамъ шурфы, хищничаетъ, голодаетъ, холодаетъ и ведетъ отчаянныя, иногда смертельныя схватки съ кабинетской стражей.

Но ужъ если онъ нашелъ «самородку» или просто кучку золота, о, тогда все по боку: работу, трущобы, товарищей-хищниковъ!.. Айда въ населенное мѣсто, въ городъ!.. Тамъ онъ готовъ все и всѣхъ потопить въ винѣ и разгулѣ!..

Такова натура русскаго пріискателя.

— Лучше съ самимъ сатаной имѣть дѣло, чѣмъ съ этой безшабашной головой!—при мнѣ восклицалъ возмущенно одинъ подрядчикъ.

«Китаюзы» для работодателей на пріискахъ оказались пріятнѣйшей противоположностью. Не могутъ нахвалиться ими, столь они пришлись по душѣ нанимателямъ. Еще бы! Съ китайцами нѣтъ необходимости галдѣть, ругаться, канителиться. Не понравился,—къ чорту его, въ шею, и вся недолга. Нанимать ихъ до чрезвычайности легко: числомъ, гуртомъ. И гнать—такимъ же образомъ.

«Ходя» не сбѣжитъ съ работы; какъ нанялся весной, такъ и будетъ дюжить до поздней осени. пока не закроется на зиму пріискъ. Онъ не напьется до безумія, не надебоширитъ, не просвѣтлитъ. И главное: дешевъ, покладистъ, тихъ, смиренъ и до послѣдней степени не требователенъ и не прихотливъ: ни бараковъ ему строить не надо—въ норѣ проживетъ и ту самъ выроетъ,—ни бань, ни лазаретовъ, ни врачебной помощи.. Безъ всего этого онъ обойдется! Подрядчику-ли не радоваться такой неприхотливости работника. Живая выгода, барышъ, и спокойно.

«Китаюзы»—настоящая голая рабочая сила, молчаливая, безпрерывно-тяглая, старательная, прибыльная, какъ лошадиная или воловья, только подкармливай ее и подхлестывай.

II.

Правда, сперва казалось, что китайцамъ, не знавшимъ у себя на родинѣ, что такое золотые промыслы, не втянувшимся въ такую работу, не извѣдавшимъ всей ея тяжести, гдѣ-же равняться въ проворности, быстротѣ и выносливости съ русскимъ пріискателемъ. Но черезъ самое непродолжительное время оказалось, что китайцы не на много уступаютъ русскимъ, а первыя артели такъ положительно конкурируютъ съ соотвѣтствующими русскими. Если-же иногда китайцы и работаютъ медленнѣе,—за то они берутъ неотрывностью и продолжительностью.

Примѣру подрядчиковъ вскорѣ послѣдовала и кабинетская администрація; и тамъ пошли въ ходъ китайцы, вытѣсняя русскихъ почти изъ всѣхъ отраслей труда. Черезъ какой-нибудь годъ-полтора китайская масса въ 5 слишкомъ тысячъ наводнила всѣ промысловые станы.

Тѣмъ временемъ китайцы-переводчики, получавшіе по рублю съ каждой головы своихъ земляковъ, скапливали нѣкоторые капи-

тальцы и изъ бывшихъ вначалѣ работниками, поварами и сторожами у мѣстныхъ купцовъ, поднажившись, сами возмечтали стать подрядчиками. Это удалось имъ какъ нельзя лучше, тѣмъ болѣе, что большинство изъ нихъ отличалось энергіей, предпріимчивостью, пронырливостью; бойко владѣли они русской рѣчью, знакомы были съ кабинетской администраціей. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ, для пущаго расположенія къ себѣ кабинетскихъ заправилъ, крестились, приняли православіе, обрѣзали косы. А это, т. е. принятіе православія, обезпечиваетъ у насъ, какъ извѣстно, всяческіе успѣхи и благополучія. Сумѣли это учесть и «китаюзы».

Правда, говорили, что вновь испеченнымъ подрядчикамъ китайцамъ отводятся самыя худшія золотоносныя площади; что ихъ все равно никто бы изъ русскихъ не взялъ, такъ какъ самая детальная развѣдка, произведенная кабинетскими чинами, указывала, что добыча золота будетъ тутъ ничтожна, не оправдаетъ, молъ, ни затратъ, ни содержанія.

Ну, а простофилямъ «китаюзамъ» ладно, пусть себѣ ковыряютъ! Въ зависимости отъ такихъ соображеній, проникнутыхъ не малой дозой добродушія, опредѣлялось и положеніе, т. е. то количество золота, тотъ minimum, какой подрядчикъ долженъ непремѣнно намыть и сдать въ Кабинетъ, иначе онъ подвергается штрафу. И говорить нечего, что это положеніе по своимъ размѣрамъ было курьезно.

«Простофили» принялись за добычу золота, принялись энергично, бодро, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, всегда тревожащихъ русскаго подрядчика: «какъ бы не влетѣть, не разориться»...

У китайцевъ подрядчиковъ, обладавшихъ уже основательнымъ капитальцомъ, сразу же появились бутары, таратайки, лошади, въ большомъ количествѣ рабочіе,—китайцы же, конечно,—вообще вся обстановка, необходимая для разработки. Подрядчики же побѣднѣе приступили къ работѣ безъ лошадей и таратаекъ: то и другое замѣнили «ходи» съ корзинками на коромыслѣ. Торфъ, песокъ, камень уволокутъ куда угодно! Посыпятъ песочкомъ дорожки и по нимъ босикомъ, одинъ за однимъ, гуськомъ, съ коромысломъ на плечахъ, къ концамъ котораго подвѣшены низко, почти до земли, наполненныя землей корзинки, сѣменятъ иноходью съ разрѣза на отвалъ, бутару и т. д. Хоть цѣлую гору перетаскаютъ съ одного мѣста на другое!

Однако, китайцы вполнѣ сознавали, что такіе пріемы работъ на пріискахъ очень тяжелы для рабочихъ и медлительны, и что лошади крайне необходимы.

Въ этомъ подрядчиковъ побѣднѣе выручили ихъ же рабочіе: отдали свои сколоченныя трудомъ деньжонки на обзаведеніе необходимаго пріисковаго инвентаря. Нѣкоторые изъ рабочихъ стали пайщиками, другимъ подрядчики стали просто должниками, а впослѣдствіи начали образовываться и артели.

Работа кипѣла. И черезъ самое непродолжительное время русскимъ пришлось лишь разводить руками и охать отъ удивленія. Китайцы-подрядчики богатѣютъ! У нихъ золота хоть лопатой греби! И это на самыхъ-то худшихъ площадяхъ! Русскіе на лучшихъ, на хваленыхъ летятъ въ трубу, воютъ волками, а китайцы на бракованныхъ туго набиваютъ карманы. Какъ они это золото находятъ, какъ вынюхиваютъ эти самые золотоносные пласты и жилы, бурханъ ихъ вѣдаетъ!

Техническіе пріемы обработки тѣ же, что и у русскихъ, а иногда и куда хуже, примитивнѣе, а вотъ возьми ихъ: результаты получаются совершенно противоположные.

За подрядчиками китайцами стали плодиться «золотничники», и у этихъ дѣла пошли куда лучше, чѣмъ у нашихъ такихъ же предпринимателей. И какъ опять пришлись по душѣ кабинетскимъ чиновникамъ китайцы-подрядчики! Съ нашего можно сорвать лишь традиціонную взятку—25 коп. за всякій укрытый подрядчикомъ отъ кабинета золотникъ золота(на сторонѣ золото оплачивается дороже, чѣмъ въ Кабинетѣ, потому у каждаго предпринимателя цѣль—укрыть какъ можно больше металла), да и то онъ рядится артачится... То ли дѣло «китаюза»: дери съ него, можно сказать, безъ зазрѣнія совѣсти, и не пикнетъ, а иначе съ нимъ разговоры коротки,—по шеямъ, по шапкѣ!

Какъ же встрѣтили китайскую массу русскіе рабочіе, тѣ, единственно кому на пріискахъ они были не выгодны, причинивъ жестокій вредъ, до нельзя понизивъ заработную плату и затѣмъ, почти совершенно вышибивъ ихъ?

Въ началѣ пріискателямъ не вѣрилось, что эти жалкіе, заморенные, какъ они ихъ называли, «черномазыя образины», безсильные, полусонные голыши могутъ замѣнить ихъ, сдѣлаться заправскими пріискателями.

— «Куда имъ наравнѣ съ нами тягаться! — хвастливо говорили они.—Мы всю жизнь не вылазимъ изъ разрѣза, съ дѣтства и до смерточки тянемъ эту лямку... Горбы нажили, руки до земли матушки вытянули, натужили... Тутъ нужна удаль, ухватка, силушка!.. А они, образины, гляди, едва шевелятся, какъ одно, что вши какіе! Смѣхота да и только!

Однако, глядь-поглядь, а образины не только ужъ проникли въ промывальщики, сторожа и погонщики лошадей, но вотъ уже на отвалахъ и разрѣзахъ, бокъ-о-бокъ съ русскими, цѣлыми артелями. Будто работаютъ тихонько, сонливо, вяло, а выходитъ податливо, не отстаютъ отъ русскихъ, хотя и нѣтъ у нихъ широкаго размаха.

Дальше, больше ихъ; всякій родъ труда начинаетъ переходить въ ихъ цѣпкія руки.

То тамъ, то тутъ выжили, выкурили... Наши стали сердиться, глумиться надъ «китаюзами». «Пачками» полетѣли щелчки, тумаки и другія грубыя издѣвки. Китаюзы отпоръ за отпоромъ.

Кой-гдѣ даже произошли жестокія схватки, стѣна-на-стѣну, съ топорами, кайлами, лопатами. Нашимъ не поздоровилось. Отошли тѣ времена, когда китайцевъ было мало и съ ними можно было дѣлать, что угодно. Теперь ихъ тысячи, могутъ постоять за себя.

Враждебность со стороны русскихъ рабочихъ, иногда злобная мстительная, возникшая на почвѣ вопроса дальнѣйшаго существованія ихъ на промыслахъ, однако, не вылилась въ сплоченную, организованную, продолжительную или хотя бы упорно-стихійную борьбу. Объ этомъ и думать было нечего: пріисковые рабочіе положительно не способны къ такой борьбѣ съ кѣмъ-то бы ни было. Они даже въ 1905 г. ничѣмъ не проявили себя.

Приближалась первая весна послѣ нашествія китайцевъ, вскорѣ должны были начаться работы на пріискахъ, слѣдовательно, производился наемъ рабочихъ, вотъ тутъ-то пріискателей и ожидали печальныя разочарованія: имъ отказъ,—предпочтеніе китайцамъ.

Надежнѣе, спокойнѣе и выгоднѣе имѣть дѣло съ послѣдними—таковъ былъ мотивъ отказа.

Поругались крѣпко, смачно золотари—они на этотъ счетъ артисты большой руки—и, набросивъ на горбъ тощую котомку, съ пустыми карманами въ своихъ потертыхъ, широчайшихъ штанахъ пошли въ разсыпную куда глаза глядятъ или, какъ они говорятъ, «противъ глазъ на солнышко».

Плетется хмурая, сѣрая голытьба и вмѣсто разудалыхъ пѣсенъ хнычетъ, жалуется:

— Нынче нѣтъ ходу нашему брату. Китая сбила, заполонила, дохнуть не даетъ, ложись да помирай... И подрядчики, и начальство на ихъ сторонѣ... а мы, значитъ, въ отставку, какъ бы бракованы.

— Гдѣ намъ съ китайцами тягаться,—говорилъ мнѣ одинъ «разбитной» пріискатель «въ отставкѣ», теперь хищническимъ способомъ добывающій крохи золота на выработанныхъ уже мѣстахъ.—Они согласнѣе насъ, дружнѣе и способнѣе ко всякой работѣ. Мы какъ работаемъ? разъ-два хватилъ по-волчьи, хапнулъ и, ежели сорвалось,—плюнулъ и подался въ другое мѣсто. И тамъ также. И все мечемся, какъ оглашенные... А они какъ приналягутъ, присосутся къ одному пункту, такъ и не оторвешь ихъ, пока не высосутъ все зототцо... Сущіе клеши, піявки...

— А возьми ихъ артели? Какое сравненье съ нашими! Развѣ можно на кого-нибудь въ нашей артели положиться. Сегодня одинъ запилъ, завтра другой, третій... и артель къ чорту-дьяволу полетѣла! А кому довѣришь деньги? Кажный наровитъ ихъ пропить, проиграть, слямзить... А у нихъ любой будетъ хранитъ тысячи, не соблазнится, не объегоритъ товарищей. Вотъ гдѣ вся загвоздка нашего проигрыша!..

III.

Когда по Карѣ было еще мало китайцевъ, пока они еще состояли въ качествѣ домашней прислуги, промывальщиковъ и сторожей, то жили они между собой какъ-то отчужденно, разрозненно, не замѣчалось среди нихъ земляческаго общенія и тяготѣнія другъ къ другу. Естественно поэтому, что они, какъ китайцы, ничѣмъ не проявляли себя,—ни культа, ни присущихъ имъ своеобразныхъ потребностей. Точно они предали забвенію все, что когда-то чтили, чему поклонялись въ своей Поднебесной Имперіи. Это послужило для большинства русскихъ поводомъ къ обвиненію пришельцевъ въ томъ, что они всецѣло поглощены накопленіемъ денегъ, въ которыя они влюблены чисто по-дикарски: плати ему хоть гривенникъ, и отъ него онъ ухитрится что нибудь отложить, сберечь доводя свои потребности до невозможнаго minimum'a, граничащаго съ животнымъ существованіемъ. Нѣтъ у нихъ положительно, склонности какъ-нибудь развлечься, отвести душу. Работаетъ, ѣстъ и спитъ. Кажется ни одна мысль не шевельнется въ его головѣ, а такъ какое-то полудремотное, блаженное состояніе.

Пусть у нашего пріискателя потребность встряхнуться отъ тяжкаго труда выливается больше всего въ пьянствѣ и кутежахъ, пусть онъ только въ нихъ топитъ свою горькую долю... Пусть это низко, печально, но еще было бы хуже, печальнѣе, если бы совершенно не было, какъ у китайца, желаній встряски. Въ нашемъ, значитъ, есть живая душа. И бѣда лишь въ томъ, что ей нѣтъ лучшаго исхода.

Скоро, однако, оказалось, что всѣ эти обвиненія и разсужденія насчетъ отсутствія живой души у китайца были однимъ близорукимъ заблужденіемъ.

Дѣло въ томъ, что когда среди какого-либо народа появляются лишь отдѣльные представители другого племени, то эти піонеры въ силу своей малочисленности какъ бы затираются чуждой имъ народностью, и имъ остается лишь ассимилироваться. Но положеніе мѣняется, когда эти пришлые иноплеменники осѣдаютъ въ чуждой имъ странѣ въ большомъ количествѣ, массой. Тогда они, несмотря, можетъ быть, на всѣ неблагопріятныя, враждебныя обстоятельства, неизбѣжно, кромѣ приспособленія, въ той или иной мѣрѣ выявятъ и все то, что присуще только имъ, что впитано ими изъ своеобразной культуры ихъ родины.

Такъ произошло и съ китайцами по Карѣ. Пока они насчитывались десятками, они какъ бы смущались, не смѣли быть китайцами,—совершать свои религіозные обряды, открыто молиться, выставлять принадлежности культа, жить своими обычаями, привычками. Словно они опасались, что, живя по своему, они будутъ

подвергаться лишь насмѣшкамъ и глумленію,—что, конечно, у насъ вполнѣ могло и случиться. Но какъ только набралось ихъ тысячи, такъ сейчасъ же картина измѣнилась: теперь они могли защитить и свое святое святыхъ отъ всякаго кощунства.

И по скату горъ, небольшихъ, но крутыхъ, и надъ утесами, и подъ ними, и на старыхъ отвалахъ вынутой изъ разрѣзовъ земли, среди зеленаго, сочнаго молодняка листвянокъ и сосенокъ, вблизи пріисковыхъ становъ появились миніатюрные, какъ дѣтскія игрушки, крашенные домики, а передъ ними по бокамъ, на чисто подметенной площадкѣ, два высокихъ шеста, на которые свободно натянуты одна или двѣ широкихъ полосы ярко-красной матеріи съ черными крупными надписями по-китайски. Далеко видны эти флаги... Какъ они волнуются отъ вѣтерка, какъ кроваво горятъ на солнцѣ! О, какой бы это былъ соблазнъ для нашихъ Каульбарсовъ, если бы они увидѣли эти флаги! Пушки бы загрохотали по нимъ непремѣнно... Вѣдь столько краснаго, революціоннаго цвѣта и такъ дерзко, открыто на глазахъ!..

Въ этихъ игрушечныхъ домикахъ возсѣдаютъ бурханы.

Проѣзжая разъ мимо такого домика, я заглядѣлся на него съ дороги.

— Бога тамъ, наша Бога!..—крикнулъ мнѣ со стороны «ходя», весело улыбаясь. Въ свои праздники китайцы ходятъ туда для моленія.

Затѣмъ открылись своего рода клубы для игры въ карты и костяшки, гдѣ китайцы часто спускаютъ все, что поднакопили. И имъ, значитъ, свойственны страсти и увлеченія.

Появились акробаты, фокусники, цѣлыя актерскія труппы, ставящія пронзительныя оперы и страшныя драмы. И на всѣхъ этихъ представленіяхъ китайцевъ отбоя нѣтъ, полнымъ-полно. Смотрятъ и слушаютъ жадно, съ азартнымъ или затаеннымъ вниманіемъ, или шумно аплодируютъ, одобряютъ, требуютъ повторенія. Женщинъ въ труппахъ нѣтъ, ихъ замѣняютъ мужчины, что создаетъ много комизма и грубости. Женщинъ и вообще нѣтъ на пріискахъ: запрещаетъ обычай.

Появились свои кондитеры, сапожники, портные и всевозможные ремесленники. Обозначилась своя, отличная отъ русскихъ жизнь, свой укладъ. И самая бросающаяся въ глаза особенность—это отсутствіе поголовнаго пьянства, дракъ, безобразій и рѣзни, которыми обыкновенно кончаются попойки русскихъ пріискателей. Хотя и китайцы пьютъ водку и свое зелье—ханшипу, но пьютъ по немногу и особымъ способомъ: чашечка съ водкой обходитъ всѣхъ присутствующихъ, каждый отпиваетъ маленькій глотокъ и передаетъ сосѣду, тотъ слѣдующему и т. д. Такъ они пьютъ и пріисковую порцію, ничѣмъ не закусывая.

Прежде казалось, что китайцы ничуть не интересуются существованіемъ другъ друга, равнодушны ко всякому положенію со-

отечественника, хоть издыхай онъ отъ болѣзни или съ голода; въ этомъ увѣряетъ и А. Врежниковъ, авторъ статьи «Китайская толпа» въ апрѣльской книжкѣ «Современника», за 1911 г.

Между тѣмъ, я наблюдалъ совершенно обратное. Я видѣлъ, какъ они помогаютъ другъ другу совѣтами, деньгами, поруками передъ хозяевами, какъ дружны ихъ артели, какъ они заботливо трогательно навѣщаютъ больного товарища, принося ему гостинцы, разныя сласти, подолгу задушевно бесѣдуютъ съ нимъ. Я видѣлъ группы въ нѣсколько человѣкъ, спаянныхъ закадычной дружбой, ходящихъ часто не иначе, какъ въ обнимку. Да сплошь и рядомъ многіе изъ китайцевъ—выходцы не только изъ одной провинціи, но и одной деревни, земляки настоящіе.

Время отъ времени китайцы отправляютъ на родину деньги и письма. Для этого они выбираютъ изъ своей среды одного изъ честныхъ, уважаемыхъ земляковъ, снаряжаютъ его, нагружаютъ иногда десятками тысячъ рублей и отправляютъ въ свою страну; а онъ ужъ тамъ разноситъ ихъ по принадлежности. И не было случая, чтобы такой почтальонъ не доставилъ денегъ, укрылъ ихъ.

Исполнивъ порученіе, онъ возвращается и приноситъ изъ родныхъ мѣстъ письма, газеты, новости; этому посланцу есть что за послѣднее время принести, есть чѣмъ подѣлиться о родинѣ съ тѣми, кто по горькой нуждѣ покинулъ ее. Тамъ все кипитъ, все идетъ кровавымъ водоворотомъ, рѣшается судьба отчизны.

Можетъ быть потому въ нынѣшнюю осень такъ много разсчиталось китайцевъ съ пріисковъ, такъ много отвалило ихъ съ послѣдними пароходами, что они, любящіе родину, не только хотятъ слышать о событіяхъ, но и горячо стремятся участвовать въ нихъ.

IV.

Гдѣ китайцы, тамъ непремѣнно и хунхузы. Какъ русскихъ пріискателей нельзя представить безъ спиртоносовъ, неотступно по пятамъ слѣдующимъ за ними въ самыя опасныя и отбойныя мѣста, такъ точно китайцевъ нельзя представить безъ хунхузовъ.

Спиртоносы спаиваютъ пріискателей-хищниковъ и безбожно обираютъ ихъ, но за то и сами иногда платятся головой въ стычкахъ со стражей; хунхузы же грабятъ и убиваютъ соотечественниковъ, и сходитъ имъ это безнаказанно, такъ какъ ихъ не отличишь отъ другихъ китайцевъ, а послѣдніе изъ страха укрываютъ ихъ. А страхъ передъ ними настолько великъ, что достаточно одному плюгавенькому хунхузу явиться къ китайцу-подрядчику, у котораго сотни рабочихъ, шепнуть ему кто онъ, мигнуть коварно глазомъ, какъ подрядчикъ смущенный, растерянный, сію же минуту спѣшитъ сунуть ему требуемую сумму денегъ. Ни «рукъ вверхъ», ни направленныхъ револьверовъ, какъ —ничего такого,—у насъ,

все обходится гораздо проще. Правда, и тутъ иногда не обходится безъ пальбы, когда требуемая съ подрядчика сумма настолько велика, что онъ отказывается дать ее. Тогда хунхузы безъ лишнихъ словъ разстрѣливаютъ его и тѣхъ, кто подвернется.

По словамъ китайцевъ, карійская шайка хунхузовъ состояла изъ 25 человѣкъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ наганами, браунингами, кинжалами, берданками, большей частью русскимъ оружіемъ и даже военнаго образца.

Не меньше китайцевъ грабила эта шайка и русскихъ, на дорогахъ, и въ домахъ, вырѣзывая цѣлыя семьи.

Наша полиція, конечно, пыталась словить хунхузовъ. И такъ какъ она съ испоконъ вѣковъ славится неисчерпаемымъ, безподобнымъ остроуміемъ и находчивостью по части разныхъ улавливаній, то понятно, что она и здѣсь не ударила въ грязь лицомъ. Какъ «пымать»? — А «очинно просто»! Какъ извѣстно, хунхузы никакого труда не признаютъ, только разбойничаютъ. Значитъ всѣ они бѣлоручки, и отличить ихъ отъ благонамѣренныхъ ничего не стоитъ. Задумано-сдѣлано! Пошелъ осмотръ рукъ китайцевъ и въ результатѣ — бѣлоручекъ сотни. Какъ пить дать, все это хунхузы! Забрали ихъ и подъ конвоемъ, этапнымъ порядкомъ въ Харбинъ, а тамъ ужъ свои ноёны расправятся съ ними! А потомъ китайцы же увѣряли, что въ числѣ изгнанныхъ не было ни единаго хунхуза... Послѣдніе здравствуютъ и грабятъ по прежнему.

Въ общемъ существованіе здѣсь всякаго китайца находится въ полной зависимости отъ мѣстной кабинетской администраціи, полиціи и сельской власти. Кто ихъ не обираетъ, не охотится за ними? Особенно отличаются по этой части сельскіе писаря и старосты. Подъ предлогомъ разыскиванія преступныхъ китайцевъ, эти господа забираютъ всѣхъ, которые на ихъ глазъ (а глазъ этотъ очень вѣренъ) имѣютъ денежки и золото. Такихъ заводятъ въ «присутственное мѣсто» и обдираютъ какъ липку. Разсказываютъ, что нѣкоторые изъ такихъ китайцевъ чуть не сходили съума, метались по улицамъ, дико выли и куда-то исчезали. А кто за нихъ здѣсь заступится, кто пожалѣетъ?

«Шибка худо ваша ноёнъ, ой какъ худо... Собака!» —говорилъ мнѣ одинъ китаецъ, удрученно мотая головой.

Вытащивъ изъ за ворота рубахи свинцовую пломбу на веревочкѣ вокругъ шеи, онъ тыкалъ въ нее пальцемъ и злобно шипѣлъ: «Скоро вашему ноёну, собакѣ, повѣсимъ... Шанго будетъ!.. Ищо вотъ какую!» — увлекаясь, очертилъ онъ во всю грудь и, улыбаясь, довольный добавилъ: «шанго, шибко шанго будетъ».

Когда весной нависли осложненія между Китаемъ и Россіей и чуялась война, китайцы на пріискахъ открыто заявляли: «не надо война, худо будетъ намъ и вамъ. Бей мало-мало наша и ваша ноёна... это шанго».

Г-нъ А. Вережниковъ, въ той же статьѣ «Современника» «Ки-

тайская толпа» утверждаетъ, что у насъ — что ни Иванъ, ни Петръ, ни Семенъ, то и своего рода индивидъ, типъ, рисуй, пиши съ него, въ каждомъ, молъ, свой, нравъ, манера и шапку носить, и калякать, и прочее. А полюбуйтесь-де на китайцевъ: всѣ какъ одинъ, на одну колодку, «какъ фабричныя издѣлія». А что за языкъ у нихъ! просто чиликанье» какое-то. Въ полчаса можно усвоить интонацію ихъ разговора.

Такъ о китайскомъ языкѣ можетъ говорить лишь тотъ, кто не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія. Что же касается разнокалиберности нашихъ Ивановъ, Петровъ, то неужели г. Вережниковъ не знаетъ, что иностранцамъ, напримѣръ, наши крестьяне представляются одной безличной сыромятно-лапотной массой. Очевидно, глазъ иностранцевъ такъ же проницателенъ при взглядѣ на русскій народъ, какъ глазъ г-на А. Вережникова на «китайскую толпу». Было время и очень недавнее, когда всѣ японцы казались намъ лишь «макаками». Г-ну Вережникову понадобилось не просто изобразить китайскую толпу, а, такъ сказать, стилизовать ее, подогнать ее подъ ту страшную саранчу, о которой пророчитъ апокалипсисъ и Владиміръ Соловьевъ. Можетъ быть кстати г-на Вережникова отчасти соблазнила и роль пророка. Не знаю только, почему авторъ для вящшей убѣдительности не напомнилъ еще о знаменитой по содержанію и художественному исполненію картинѣ одного изъ современныхъ просвѣщенныхъ стражей культуры, императора Вильгельма, съ собственноручной подписью: «Народы Европы, охраняйте свои священныя блага».

Любить и идеализировать своихъ Петровъ и Семеновъ, конечно, похвально. Не слѣдуетъ только при этомъ распространять ложные взгляды о людяхъ другой расы. Это, какъ извѣстно, всегда ведетъ къ печальнымъ заблужденіямъ и послѣдствіямъ, и намъ еще недавно пришлось въ этомъ убѣдиться при столкновеніи съ японцами. Довольно поздно мы узнали, что жалкіе «макаки» народъ высококультурный...

Я спрашивалъ китайцевъ, почему они соглашаются работать всегда за болѣе пониженную плату, чѣмъ русскіе, и они мнѣ отвѣчали, что курсъ нашего рубля въ нѣкоторыхъ китайскихъ провинціяхъ равняется чуть ли не пяти рублямъ. Поэтому имъ есть разсчетъ становиться на работу за 40, даже за 30 копѣекъ. Вотъ при такихъ разсужденіяхъ попробуй русскій пріискатель конкурировать съ ними.

Если спросишь «ходю», какъ ему у насъ живется, — онъ ни за что не скажетъ: шанго, хорошо, хотя бы такой отвѣтъ иногда и соотвѣтствовалъ его положенію. Нѣтъ, онъ непремѣнно схитритъ и, лукаво улыбаясь, отвѣтитъ: «мало-мало, друга, мало-мало»... Эти слова съ присущимъ имъ понятіемъ, едва ли не первыми изъ русскаго языка усваиваются китайцами, и они, кстати и некстати, то и дѣло въ разговорѣ подсовываютъ ихъ.

V.

Скопился по Карѣ желтолицый людъ, и мѣстные купцы сейчасъ же подладились къ его спросу: въ лавкахъ появилась китайская одежда, рисъ, буда, маринованные фрукты, соленая кэта и бобовое масло. Послѣдній продуктъ особенно излюбленъ и распространенъ среди китайцевъ; кажется, нѣтъ кушанья, въ которое они не подливали бы его; «ходя» съ ногъ до головы и все около него пропитано имъ, и еще за полверсты не доходя до ихъ стана, уже разитъ запахомъ бобоваго масла.

Китаецъ очень остороженъ при покупкѣ товара, и если ему нужно пріобрѣсть что-нибудь значительное, дорогое, то онъ приходитъ въ лавку не одинъ, а обязательно въ сопровожденіи товарищей. Покупаемый товаръ долго и старательно ощупываютъ, тянутъ, мнутъ, къ свѣту смотрятъ, нюхаютъ и совѣтуются. Купцу нужно имѣть не малую выдержку, чтобы спокойно относиться къ подобнымъ покупателямъ. Плохой товаръ ужъ онъ не возьметъ, нѣсколько рядовъ обойдетъ, доведетъ до одурѣнія купцовъ, но ужъ выберетъ то, что ему нравится..

«Ходя» шибко, страстно любитъ золото. Какъ онъ низко, тревожно склоняется надъ этимъ металломъ, какъ тонкіе, длинные, ловкіе пальцы его рукъ быстро, трепетно пробѣгаютъ по нему, какъ при этомъ на его лицѣ отражается и умиленіе, и наслажденіе, и счастливая улыбка, какъ горятъ глазки... Словно не одинъ видъ и блескъ этого металла волнуютъ и радуютъ его... Онъ какъ будто еще слышитъ, улавливаетъ дивный звонъ золота. Какъ «ходя» любовно разгребаетъ его, сгребаетъ въ кучки, пересыпаетъ съ мѣста на мѣсто, очищаетъ, сдуваетъ съ него всякія постороннія соринки...

А карійское золото такъ чисто, красиво, лучшей пробы!..

Русскаго пріискателя видъ золота, обладаніе имъ бросаетъ въ жаръ, въ головокруженіе, и бѣсъ, который непремѣнно тутъ какъ тутъ, сію же минуту начинаетъ подзуживать его, соблазнительно нашептывать: «эхъ, паря, какъ-бы можно кутнуть... разлюли малина! дуй не стой... чего еще валандаться»...

Китайцу та же нечистая сила нашептываетъ другое: «не выпускай изъ рукъ, держись крѣпче, прячь подальше»...

VI.

Ѣдешь теперь по узкой, мрачной пади Кары. По сторонамъ крутыя горы съ искалѣченной тайгой или всѣ въ розсыпяхъ и скалахъ. По краямъ каменистой и ухабистой дороги стоятъ кресты... Это мѣста убитыхъ и ограбленныхъ изъ-засады. Если бы ставить кресты и памятники всѣмъ зарѣзаннымъ и разстрѣляннымъ по

этой дорогѣ, то по ея протяженію образовалось бы сплошное кладбище. Тутъ есть особенно скрытые углы для засадъ, облюбованные грабителями... до озноба жутко проѣзжать мимо такихъ логовищъ... Укокошатъ ни за грошъ, ни за копѣйку, а такъ, по ошибкѣ, вмѣсто кого-нибудь другого или для пробы.

Дно пади во всю двадцати съ лишкомъ верстную ея длину, со всѣми отпадками и падями, входящими въ нее, почти сплошь изрыты, ископаны и переворочены, — глубокіе разрѣзы, выбоины, шурфы, канавы... Груды огромныхъ, обнаженныхъ камней, ихъ обломковъ, кучи песку и глины, вывороченные съ корнями пни, похожіе на безобразныя волосатыя головы какихъ-то чудовищъ... Рѣчка, всегда мутная, потеряла свое первоначальное русло: ее двадцать разъ переводили съ одного мѣста на другое. И окружающія горы всѣ въ язвахъ, дырахъ, ямахъ, шурфахъ. Точно все это не человѣческая сила продѣлала, а произошелъ стихійный, геологическій переворотъ, катастрофа...

Здѣсь когда-то—впрочемъ недавно, всего лишь 15 лѣтъ тому назадъ,—подъ звонъ цѣпей, подъ свистъ розогъ и батоговъ, подъ пѣсни, похожія на стонъ работали каторжане, добывали золото... Въ нѣсколькихъ пунктахъ стояли окруженныя острыми высокими палями тюрьмы. Въ нихъ были замучены десятки польскихъ повстанцевъ и политическихъ преступниковъ... Но въ настоящее время, за переводомъ каторжанъ въ другія мѣста, отъ этихъ тюремъ остались лишь ямы, кучи осколковъ кирпичей, извести, полусгнившаго дерева, обломки изъѣденнаго ржавчиной желѣза и всякій другой мусоръ.

На этихъ пепелищахъ теперь роются, играютъ ребятишки — поколѣніе бывшихъ каторжанъ,—да на одно изъ нихъ приходитъ высокій, согбенный, съ длинной сѣдой бородой суровый старикъ, инвалидъ каторги и, бродя по пепелищу въ глубокой скорбной задумчивости, корявымъ, суковатымъ, отполированнымъ жесткими руками посохомъ тычетъ по кучамъ мусора и постукиваетъ имъ по желѣзкамъ и кирпичамъ. Какъ будто онъ что-то драгоцѣнное потерялъ тутъ и никакъ не можетъ найти...

По этой пади «царствовалъ Иванъ, не Иванъ Васильичъ Грозный,—то былъ царю покорный, Разгильдѣевъ сынъ». — Такъ говорится въ пѣснѣ, сложенной арестантомъ Мокѣевымъ, про бывшаго въ 50-хъ годахъ управляющимъ карійскими промыслами инженера Разгильдѣева, — того Разгильдѣева, который обѣщалъ Кабинету въ одно лѣто по Карѣ помыть 100 пуд. золота, которому дана была неограниченная власть казнить и миловать каторжанъ и крестьянъ; послѣднихъ сгонялъ онъ изъ Забайкальскихъ деревень на Кару батогами, такъ какъ добровольно они не хотѣли итти. Золота онъ намылъ 75 пуд., а народу уморилъ до двухъ тысячъ человѣкъ. Гибли отъ побоевъ, батоговъ, розогъ, съ голоду и отъ тифозной горячки. Трупами нагружали телѣги, запряженныя быками,

отвозили по шурфамъ и разрѣзамъ и тамъ сваливали въ общія кучи. Могилъ некогда было рыть...

Въ памяти забайкальцевъ Разгильдѣевъ сохранился, какъ лютый злодѣй, извергъ. Говорятъ, будто могила его обвалилась на десять сажень вокругъ, а гробъ вмѣстѣ съ нимъ провалился куда-то въ таръ-тарары.

Страшнымъ, мрачнымъ мѣстомъ была Кара!.. И кто, и когда далъ ей это названье... Кара... Какъ оно оправдалось...

Но—было это все и, какъ говорится, быльемъ поросло... Правда, быльемъ не давнимъ, давяще-кошмарнымъ...

Теперь иная картина... По всѣмъ карійскимъ растекающимся и впадающимъ другъ въ друга падямъ и отпадкамъ, по всѣмъ ихъ таежнымъ угламъ и закоулкамъ, по устьямъ и вершинамъ — всюду китайцы. Они, какъ муравьи, набились въ нихъ, глубоко врылись, врѣзались въ прежде нетронутыя, невыработанныя мѣста, густо облѣпили ихъ, наизнанку выворачивая нѣдра земли.

Всюду копошатся, гнутся, извиваются, перебѣгаютъ иноходью и шмыгаютъ ихъ голыя по поясъ темно-коричневыя фигуры. Цвѣтъ ихъ тѣла такъ подходитъ къ цвѣту суглинка, словно они одарены покровительственной окраской земли, словно изъ глины они вылѣплены и обожжены солнцемъ. Есть высокія, стройныя, мускулистыя фигуры! Выпрямится, обопрется на ломъ и точно это какое-то бронзовое изваяніе съ черной съ отливомъ косой вокругъ головы. Всюду слышится ихъ протяжная звенящая рѣчь, ихъ пѣсни. Кой-гдѣ лишь изрѣдка мелькнетъ русскій бородатый пріискатель.

Кажется, находишься гдѣ-то въ китайской провинціи. Всюду «заполонила, все уже сбила китая».

Николай Матвѣевъ.

Контръ-революція и евреи.

I.

Шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ назадъ австрійскій фельдмаршалъ Гайнау, занявъ столицу мятежной Венгріи, послалъ своему императору рапортъ слѣдующаго содержанія: «Неоспоримъ тотъ фактъ, что венгерскіе и въ особенности будапештскіе евреи поставили себѣ въ послѣ-мартовское время задачей направить всѣ постыдныя страсти, на которыя только способенъ человѣкъ, противъ священной династіи. Въ то время, какъ мадьяры, отчасти по своей политической неразвитости, отчасти по заблужденію, въ ко-

торое они вовлечены были нѣкоторыми мечтателями, сражались за свою такъ называемую «свободу» и «независимость», еврей только о томъ и думалъ, чтобы уничтожить Австрію и ея царствующій домъ, насмѣшкою и хулою запятнать и унизить ихъ въ общественномъ мнѣніи».

Итакъ, истинные виновники возстанія—евреи. Они ненавидятъ Австрію и священную ея династію. Ихъ надо «взять въ желѣза». Сами же мадьяры—народъ въ сущности недурной. Они любятъ австріяковъ, а Габсбурговъ даже обожаютъ. Если же они поддались еврейскимъ наущеніямъ, соблазну «такъ называемой свободы», то исключительно въ виду своей политической неразвитости.

Но въ то время, когда Гайнау писалъ свои рапорты въ Будапештѣ, существовали еще въ Сегединѣ національное мадьярское собраніе и правительство. Когда въ Сегединѣ получены были извѣстія о жестокихъ преслѣдованіяхъ, воздвигнутыхъ Гайнау спеціально противъ евреевъ «за постыдное ихъ участіе въ революціи», состоялось экстренное засѣданіе національнаго собранія при огромномъ стеченіи лицъ, послѣдовавшихъ со всѣхъ концовъ Венгріи за депутатами и министерствомъ. Блестящую рѣчь произнесъ тогда министръ Семере... «Они (евреи),—сказалъ между прочимъ ораторъ,—отплатили намъ за нашу жестокость безграничнымъ самопожертвованіемъ... Они страдали и трудились для блага Венгріи больше любой изъ народностей, ее населяющихъ»... Національное собраніе тутъ же единогласно декретировало еврейское равноправіе. Правда, декретъ этотъ могъ имѣть въ тотъ моментъ лишь моральное значеніе для венгерскихъ евреевъ: Гайнау отнюдь не торопился приводить его въ исполненіе. Но этимъ декретомъ подрѣзана была возможность для наступившей реакціи использовать «въ надлежащей мѣрѣ» темные инстинкты расовой и исповѣдной вражды для подавленія свободы.

Эти факты изъ недавняго относительно прошлаго невольно приходятъ намъ на память теперь, когда стараніями реакціонныхъ силъ антисемитская вакханалія приняла у насъ размѣры чудовищные, невѣроятные. Рапорты нашихъ Гайнау не находятъ отпора въ декретахъ національнаго русскаго собранія, ибо такового нѣтъ. Есть только третья Дума, подобранная закономъ 3 іюня изъ элементовъ завѣдомо реакціонныхъ и ни о чемъ такъ не заботящаяся, какъ объ оправданіи довѣрія тѣхъ же гг. Гайнау. На средства, щедро ассигнуемыя изъ различныхъ «секретныхъ фондовъ», содержится сѣть погромныхъ организацій и цѣлыя банды продажныхъ публицистовъ. Лозунгъ данъ имъ вполнѣ опредѣленный: дискредитировать въ широкихъ слояхъ населенія дѣло освободительнаго движенія, объявивъ его «жидовскимъ». Эсъ-деки—жиды, трудовики—жиды, кадеты—жиды, всѣ вообще революціонеры—жиды, тѣ самые жиды, которые нѣкогда распяли Христа, а теперь живутъ одною мыслью—погубить Россію и русскій народъ...

Посмотримъ, какъ расчитываются наши г.г. Гайнау съ еврейскимъ народомъ за «постыдное участіе его въ революціи».

II.

Отправить «карательныя экспедиціи» противъ евреевъ, какъ это сдѣлано было съ латышами или грузинами, невозможно было по чисто техническимъ соображеніямъ: евреи живутъ слишкомъ разсѣянно между другими группами населенія. Зато очень удобны были погромы. Для этого, правда, пришлось войти въ тѣсное общеніе съ подонками населенія. Но для подавленія «революціи» всѣ средства признавались законными. Множество еврейскихъ общинъ было раззорено, тысячи евреевъ перебиты или изувѣчены. Не было пощады ни старикамъ, ни женщинамъ, ни младенцамъ. Но вотъ, наконецъ, погромная полоса закончена. Можно было ожидать, что «послѣдствія», которыя, по словамъ покойнаго П. А. Столыпина, замѣняютъ въ политикѣ «месть», исчерпаны для евреевъ въ полной мѣрѣ и что ихъ на нѣкоторое время оставятъ въ покоѣ. Эти ожиданія не оправдались: погромы затихли, но на смѣну пришла «экстирпація», мѣры систематическаго искорененія еврейскаго элемента изъ Россіи. И чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе эти мѣры становятся жестокими, безпощадными.

Мы остановимся только на двухъ категоріяхъ мѣропріятій по отношенію къ евреямъ,—на выселеніяхъ и такъ называемой «процентной нормѣ», но этого будетъ достаточно, чтобы дать представленіе о дѣйствующей нынѣ системѣ тихаго удушенія еврейской народности.

Выселеніе!.. Есть такое «бытовое явленіе» у насъ, въ Россіи. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ, но у насъ есть. Если человѣкъ родился евреемъ, то пусть нѣтъ на немъ ни малѣйшей вины, онъ подлежитъ «выселенію». Еврей не имѣетъ «права жительства» внѣ черты, права существовать, свободно дышать...

Законы о «чертѣ осѣдлости» существуютъ со времени Екатерины II, но никогда они не примѣнялись съ такой безпощадной суровостью, какъ въ эти послѣдніе годы. Нѣтъ такого города во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, на Кавказѣ, въ Сибири, откуда бы не выселяли теперь евреевъ.

Мы пробовали въ теченіе нѣкотораго времени собирать газетныя вырѣзки о «выселеніяхъ» и вотъ предъ нами цѣлая груда ихъ.

Изъ *Астрахани* выселены сотни евреевъ «уборщиковъ рыбы», несмотря на ходатайство за нихъ предъ Столыпинымъ крупныхъ рыбопромышленныхъ фирмъ, на засвидѣтельствованіе мѣстнымъ биржевымъ комитетомъ огромной пользы, приносимой евреями астраханской рыбной промышленности.

Изъ *Самары* сообщали о спеціальной облавѣ, устроенной у входа въ биржу. Были поставлены городовые съ приказомъ ловить при выходѣ евреевъ и тащить ихъ въ участокъ. Тащили всѣхъ «черныхъ»; при этомъ въ числѣ «евреевъ» оказались и нѣкоторые иностранные подданные, которымъ эта операція крайне не понравилась. Биржевой комитетъ послалъ телеграмму министру торговли и промышленности съ просьбой обуздать полицейское рвеніе, отъ котораго ничего, кромѣ вреда, ожидать невозможно.

Такія же выселенія происходили и чуть ли не ежедневно происходятъ во всѣхъ городахъ Поволжья. И не только Поволжья. Изъ *Воронежа* сообщали о выселеніи 75 семействъ ремесленниковъ, вслѣдствіе несоблюденія ими какихъ-то формальностей; нѣкоторые изъ нихъ прожили въ этомъ городѣ около 20 лѣтъ. Изъ *Курска* выселено 45 семействъ. Изъ *Севастополя*—88 семействъ. Сотни семействъ выселены были изъ Екатеринославской губерніи. Въ с. Каменскомъ (Екатериносл. г.) крестьяне собирались ходатайствовать объ оставленіи евреевъ въ селѣ, но земскій начальникъ не разрѣшилъ устроить сходъ для этой цѣли. Въ *Смоленскѣ* администрація въ одинъ прекрасный день устроила облаву на еврейскихъ ремесленниковъ; въ результатѣ около 50 молодыхъ людей и дѣвицъ оторваны были отъ родныхъ и выселены въ черту еврейской осѣдлости, на «родину», о которой они никакого представленія не имѣютъ. Съ особенной энергіей производятся въ послѣдніе годы выселенія изъ сибирскихъ городовъ. Еще въ февралѣ 1908 г. въ газетахъ сообщалось, что депутаты «завалены письмами и телеграммами изъ Читы, Иркутска, Красноярска, Омска, Томска и другихъ городовъ съ просьбами ходатайствовать о пріостановкѣ выселенія евреевъ, поселившихся въ Сибири послѣ циркуляра Плеве отъ 1904 г. «объ ослабленіи репрессій противъ евреевъ». Ходатайства депутатовъ однако мало приносили пользы евреямъ. Недавно получены извѣстія чуть ли не о поголовныхъ выселеніяхъ евреевъ изъ городовъ Восточной Сибири.

Изъ Николаевска на Амурѣ, напр., выселяется 44 семейства, всего 170 душъ, чуть ли не вся община еврейская. Все это старожилы, въ правѣ которыхъ на проживаніе въ Николаевскѣ до послѣдняго времени ни у кого никакихъ сомнѣній не возникало. Представители этой общины сыграли исключительную роль въ развитіи культуры края. Евреи положили начало организаціи мѣстной рыбопромышленности и рыбнаго экспорта, и эти промыслы стали главнымъ источникомъ благосостоянія города. Они организовали экспортъ свѣжей рыбы на рынки Европы на пароходахъ-рефрежераторахъ, о которыхъ никто въ краѣ представленія не имѣлъ. Въ золотопромышленномъ и заводскомъ дѣлѣ они также первые ввели усовершенствованные способы производства. Они основали наконецъ на этой отдаленнѣйшей окраинѣ типографію и газету... Теперь этой общинѣ грозитъ полное раззореніе.

Тоже происходитъ и во всѣхъ другихъ городахъ Восточной Сибири.

Въ самой «чертѣ осѣдлости» имѣется крупнѣйшій центръ, откуда безпрестанно производятся выселенія евреевъ. Это—Кіевъ.

Вотъ вырѣзка изъ кіевской газеты: «8 апрѣля (1910 г.) въ Кіевъ прибылъ изъ Петербурга начальникъ отдѣла торговли министерства торговли и промышленности А. С. Козакевичъ, командированный министерствомъ для ознакомленія съ положеніемъ о предстоящемъ выселеніи изъ Кіева 2700 человѣкъ (!) евреевъ, на основаніи послѣдняго циркулярнаго распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ, а также для выясненія того, насколько основательны ходатайства мѣстнаго купеческаго общества, биржевого комитета и группы мѣстныхъ купцовъ, указывающихъ, что массовыя выселенія евреевъ вредно отразятся на торговлѣ и промышленности г. Кіева».

Подумать только: 2.700 человѣкъ! И вотъ участь ихъ ставится въ зависимость отъ того, признаетъ ли ихъ петербургскій чиновникъ полезными для кіевской торговли и промышленности или не признаетъ. Если не признаетъ, то 2.700 человѣкъ подлежатъ «потоку и разграбленію».

Мы не останавливаемся на формальной сторонѣ вопроса—насколько, съ точки зрѣнія дѣйствующихъ законовъ, правильны выселенія различныхъ категорій евреевъ изъ тѣхъ или иныхъ мѣстностей. Но нельзя не привести двухъ-трехъ иллюстрацій къ тому, какъ мѣстныя власти орудуютъ теперь «дѣйствующими законами» о евреяхъ. Вотъ, напр., екатеринославскій губернаторъ выселилъ изъ Славянки нѣсколько семействъ, живущихъ тамъ свыше 50 лѣтъ, за то, что члены этихъ семей «проповѣдуютъ соціалъ-революцію, хотя пойманы не были», какъ значилось въ офиціальномъ донесеніи. Черниговскій губернаторъ Маклаковъ выселилъ кузнеца-еврея, имѣющаго «правожительство», на томъ основаніи, что въ данной мѣстности достаточно кузнецовъ и въ евреѣ нѣтъ надобности. Тамбовскій губернаторъ Муратовъ,—тотъ побилъ, кажется всѣ рекорды,—выселялъ вообще всѣхъ евреевъ, которые ему почему-либо не нравились. Жили люди. Даже Плеве ихъ не трогалъ. Но вотъ объявлена была «неприкосновенность личности», и ихъ стали гнать десятками тысячъ съ женами и дѣтьми, отрывая отъ насиженнаго мѣста и честнаго заработка, раззоряя ихъ, обрекая на нищенство и голодную смерть.

«Ко всему подлецъ человѣкъ привыкаетъ»,—говоритъ Достоевскій.—Сегодня прочтешь въ газетѣ телеграмму изъ какого-нибудь Торопца Псковской губ.:—«выселяютъ столько-то еврейскихъ семействъ», завтра изъ Николаевска на Амурѣ такого же содержанія. И такъ каждый день. Привыкаешь постепенно, совѣсть притупляется и перестаешь сознавать, что подъ каждымъ такимъ выселеніемъ кроется мучительная трагедія. Изрѣдка только въ той

или другой газетѣ появится описаніе какого-нибудь случая выселенія въ бытовой его обстановкѣ, напоминая обывателю, что тутъ гдѣ-то рядомъ, бокъ-о-бокъ съ нимъ идетъ жестокая расправа со слабыми, беззащитными... Вотъ, напр., случай, описанный въ «Рѣчи».

Въ Павловскѣ въ теченіе 30 лѣтъ безпрепятственно проживалъ часовой мастеръ А. М. Кальнеръ. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ получать письма, въ которыхъ «неизвѣстные» рекомендовали ему покинуть Павловскъ, напоминая о томъ, что онъ, какъ еврей, занимающійся «посторонними дѣлами», можетъ быть высланъ изъ Павловска. Кальнеръ не обратилъ на эти письма особаго вниманія, но вскорѣ получилъ отъ павловской администраціи роковое «на выѣздъ». Хлопоты объ отмѣнѣ полицейскаго предписанія не помогли, и Кальнеръ, обремененный семьею, не зная, куда ему собственно двинуться, гдѣ начать устраиваться сызнова на старости лѣтъ, предпочелъ покончить самоубійствомъ.

Кому мѣшалъ этотъ маленькій человѣкъ и зачѣмъ понадобилось его зарѣзать?..

Изъ Риги выселенія идутъ безостановочно. Не такъ давно въ Сенатѣ разсматривалось дѣло по жалобѣ еврея-ремесленника на русскую администрацію, которая распорядилась выселить его вмѣстѣ съ семьей на томъ основаніи, что онъ далъ пріютъ у себя *на три дня* своему больному старику отцу.

Въ «Кіевской Мысли» зарегистрованъ слѣдующій фактъ.

Молодая еврейка Шнейдеръ прибыла изъ Одессы въ Петербургъ. Въ гостиницѣ ей не разрѣшили остаться, такъ какъ «права жительства» у нея не было. Были у нея родственники въ Петербургѣ, но держать ее у себя «безъ прописки» не рѣшались, такъ какъ за такое тяжкое преступленіе они могли подвергнуться штрафу до 500 р. или аресту до 3 мѣсяцевъ. Кончилась эта исторія тѣмъ, что г-жа Шнейдеръ застрѣлилась.

Характерный случай приведенъ былъ въ московскихъ газетахъ. Супруги К., изъ которыхъ каждый имѣлъ самостоятельное право жительства въ Москвѣ, усыновили ребенка. Умираетъ г. К. и чуть ли не на слѣдующій ужъ день получился приказъ о немедленномъ выселеніи усыновленнаго ребенка, которому едва минуло $1^1/_2$ года. Ребенокъ оказался въ скарлатинѣ; тогда послѣдовало новое распоряженіе: слѣдить за болѣзнью ребенка и немедленно по выздоровленіи выселить его изъ Москвы.

Приведемъ еще телеграмму агентства «Югъ» изъ Кіева, помѣщенную недавно въ петербургскихъ газетахъ: «Изъ окна курьерскаго поѣзда, шедшаго въ Одессу, выбросилась молодая дѣвушка-еврейка. Дѣвушка страдала острой меланхоліей, развившейся на почвѣ мытарствъ изъ-за права жительства».

О томъ, какія гнусности совершаются иногда на почвѣ преслѣдованія евреевъ, не имѣющихъ «права жительства»,—можетъ

свидѣтельствовать случай, имѣвшій мѣсто нѣсколько недѣль тому назадъ въ томъ же злосчастномъ Кіевѣ. Двѣ дѣвушки еврейки, Чернявская и Зильберштейнъ, пріѣхали въ Кіевъ искать работы. Вскорѣ затѣмъ квартира, гдѣ онѣ поселились, подверглась полицейскому обыску «на предметъ обнаруженія не имѣющихъ права жительства евреевъ». Дѣвушекъ забрали въ участокъ и размѣстили по разнымъ конурамъ. Тамъ эти несчастныя, несмотря на отчаянное сопротивленіе съ ихъ стороны, были обезчещены тѣми самыми должностными лицами, которыя обнаружили ихъ «незаконное проживаніе».

Выселенія, облавы и травля безъ конца... И все это противъ людей мирныхъ, не совершившихъ ни малѣйшаго проступка. Ежедневно сотнями летятъ въ Петербургъ телеграммы—въ департаменты, министрамъ, депутатамъ—со всѣхъ концовъ Россіи: «Ради Бога, не губите, не выселяйте». Но Петербургъ на телеграммы отмалчивается, а губернаторамъ посылаетъ циркуляры. И съ каждымъ циркуляромъ выселенія становятся все болѣе суровыми и безжалостными. Все туже затягивается петля на шеѣ обреченнаго на «экстирпацію» народа. Ибо... «въ политикѣ нѣтъ мести, но есть послѣдствія».

Наряду съ мѣрами физическаго, такъ сказать, свойства къ искорененію евреевъ—вытаскиванія, вышвыриванія изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ трудъ могъ бы найти какое-либо примѣненіе, энергія нашихъ гг. Гайнау направлена также къ возможному пониженію культурнаго уровня евреевъ, къ бестіализаціи ихъ. По-истинѣ никогда еще ни одно правительство не прилагало столько усилій къ насильственному отторженію своихъ подданныхъ отъ источниковъ знанія, сколько тратится ихъ теперь нашимъ правительствомъ по отношенію къ евреямъ—на то, чтобы закрыть имъ всякій доступъ къ образованію. «Процентная норма», введенная при Деляновѣ въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія, въ прежнее время, до революціи, примѣнялась все же безъ крайней жестокости: способному мальчику все же удавалось поступать въ гимназію, хорошій аттестатъ зрѣлости, съ великими трудностями, правда, но нерѣдко открывалъ доступъ въ университетъ. Теперь отъ «процентной нормы» никакихъ отступленій не допускается. Въ городахъ «черты осѣдлости», гдѣ евреи составляютъ часто больше половины городского населенія, гдѣ мѣщане христіанскихъ исповѣданій никакого тяготѣнія къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ не проявляютъ, еврейскія дѣти принимаются лишь въ минимальномъ количествѣ: на 10 поступившихъ христіанскихъ мальчиковъ можетъ быть принятъ только одинъ еврейскій мальчикъ, а желающихъ—30—40... Въ результатѣ на $^3/_4$ пустой классъ при 30 дѣтяхъ, выброшенныхъ за бортъ. На университетъ еврейскій юноша можетъ разсчитывать лишь въ томъ случаѣ, если онъ окончилъ гимназію съ золотой медалью.

«Процентная норма» соблюдается теперь съ несравненно большей строгостью, чѣмъ основные законы имперіи. Но этого показалось недостаточнымъ. Придумана была совершенно исключительная мѣра, чтобы отрѣзать и *внѣшкольной* еврейской молодежи пути къ среднему и высшему образованію. Дѣло въ томъ, что нѣкоторой части этой еврейской молодежи все же удавалось «обходить» процентную норму, получать и образованіе, и дипломы, безъ помощи казенныхъ учебныхъ заведеній. Какъ это дѣлалось,— обо этомъ мы всѣ слышали, всѣ это видѣли, но и по сію пору оно остается для насъ удивительнымъ. Процентная норма вызвала въ еврейской средѣ явленіе новое, небывалое, и, можетъ быть, ни въ какой другой средѣ немыслимое,—такъ называемое «экстерничество». Въ каждомъ еврейскомъ городкѣ или мѣстечкѣ вы могли бы встрѣтить «экстерничающихъ»; въ крупныхъ еврейскихъ центрахъ, какъ Одесса или Вильно, ихъ множество. Никакія лишенія не страшны были этимъ юношамъ и дѣвушкамъ. Главная забота была найти учителя,—конечно, дарового, такъ какъ все это народъ неимущій, въ самомъ крайнемъ смыслѣ этого слова,—а прочее все, ѣда, уголъ—пустяки, какъ-нибудь образуется. Удивительное явленіе, и объясненія ему приходится искать въ особенностяхъ еврейскаго уклада жизни и еврейской психики. Извѣстный нѣмецкій ученый, профессоръ Лацарусъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ «Изъ еврейской общины 50 лѣтъ назадъ» передаетъ, что въ мѣстечкѣ, гдѣ онъ родился, изъ 200 главъ семейства—40 имѣли ученые дипломы; остальные—бѣдные торговцы и ремесленники—также не довольствовались одной грамотностью и посвящали свои вечерніе досуги изученію Библіи и Талмуда. Ученость эта была, конечно, своеобразная, чисто схоластическая, но она требовала умственнаго напряженія и труда въ такой же мѣрѣ, какъ и подлинная ученость. Благоговѣніе передъ тѣмъ, что признается «образованіемъ», «наукой» вошло въ плоть и кровь еврея. Книга стала жизненною его потребностью. Для нынѣшней еврейской молодежи этой книгой не можетъ уже болѣе служить Талмудъ, но обойтись совсѣмъ безъ «книги», безъ «ученія», безъ «науки» онъ органически не въ состояніи.

Другимъ стимуломъ для экстерничающихъ являлось, безъ сомнѣнія, стремленіе вырваться изъ того невыносимо унизительнаго, безправнаго положенія, которое создано для еврейской массы нашимъ законодательствомъ. Только вѣдь университетскій дипломъ да „первая гильдія" обезпечиваютъ еврею элементарныя права, хотя бы то самое «право жительства», о которомъ мы раньше говорили.

Какъ бы то ни было, усмотрѣть что-либо дурное, подлежащее «предупрежденію и пресѣченію», въ этомъ стремленіи къ образованію, казалось бы, нѣтъ никакой возможности. Тѣмъ не менѣе начальство усмотрѣло. Положеніемъ 11 марта н. г. Совѣтъ

Министровъ распространилъ «процентную норму» и на экстерновъ; фактически этимъ положеніемъ совершенно устранена для евреевъ возможность на будущее время держать экзамены при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ христіанъ-экстерновъ такъ мало, что при исчисленіи «процента» отъ нихъ нигдѣ цѣлаго еврея не получится, а развѣ какая-нибудь дробь его. Думскіе юристы изъ оппозиціи доказали при разсмотрѣніи запроса по этому дѣлу полнѣйшую незаконность совѣтскаго постановленія. Существуетъ въ Сводѣ законовъ статья, предоставляющая *всѣмъ* желающимъ право сдавать экзамены при гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, и отмѣнить ее можно было бы только въ законодательномъ порядкѣ. Это ясно и для лица, не изучавшаго юриспруденцію. Но поразительна та легкость, съ которой обходится законъ, когда дѣло касается евреевъ. Это всегда бывало. Поражаетъ жестокость этого постановленія, напряженность ненависти, въ основѣ его лежащей. По крутымъ тропинкамъ, преодолѣвая всевозможныя преграды, карабкаются юноши на вершину, гдѣ высится свѣтлый храмъ науки. Многіе срываются и падаютъ. Но есть между ними сильные, настойчивые: эти доберутся. И вотъ, чтобы и они не добрались, нѣкто «Ограждающій входы» стукаетъ ихъ по головамъ тяжелымъ молотомъ: «летите, молъ, обратно въ геену огненную, въ вашу «черту осѣдлости».

Что же это—«послѣдствіе» или «месть»?

«Выселенія» и «процентная норма» наиболѣе выпуклыя явленія нынѣшней правительственной политики въ еврейскомъ вопросѣ. Но, само собою разумѣется, этими мѣропріятіями заботы власти о подданныхъ іудейскаго исповѣданія не ограничиваются. Гдѣ бы, въ какой бы области ни происходило соприкосновеніе власти съ евреями, вездѣ выступаетъ та же тенденція «искорененія» и «удушенія».

Какъ, наприм., отнестись къ слѣдующему факту, сообщенному недавно въ одной изъ петербургскихъ газетъ:

«У насъ, въ Ѳеодосіи, пишетъ корреспондентъ этой газеты, стоитъ Виленскій полкъ. На дняхъ предстоитъ празднованіе дня его учрежденія. По этому торжественному поводу полкъ отправляется въ Ялту, гдѣ состоится высочайшій смотръ. Но полкъ отправится туда не въ полномъ составѣ: командиромъ полка отданъ приказъ: *«евреевъ и штрафованныхъ оставить въ Ѳеодосіи»*. Солдаты усиленно подготовляются къ торжеству. По нѣскольку разъ на день раздается команда — «строй-ся!», причемъ каждый разъ оговорка—«кромѣ евреевъ и штрафованныхъ».

Какъ должно отразиться такое третированіе евреевъ-солдатъ на обращеніи съ ними непосредственнаго ихъ начальства, въ лицѣ фельдфебелей и унтеровъ, на отношеніяхъ къ нимъ товарищей,

*) „Нов. Восходъ", № 44.

на собственномъ ихъ самочувствіи, — излишне разъяснять. Нѣтъ также основанія сомнѣваться въ томъ, что и во многихъ другихъ полкахъ дѣло обстоитъ нисколько не лучше. Правительство, какъ извѣстно, занято теперь анкетой въ арміи по вопросу, какъ отбываютъ евреи воинскую повинность. Вопросъ же о томъ, какъ въ арміи съ ними, евреями, обращаются—выясненію отнюдь не подлежитъ. Ибо интересуются не тѣмъ, чтобы установить нормальныя условія отбыванія воинской повинности для всѣхъ призванныхъ въ армію, а лишь тѣмъ, чтобы подобрать соотвѣтствующій матеріалъ для новыхъ ограниченій и ущемленій еврейства.

Въ законопроектахъ, въ такомъ обиліи вносимыхъ нынѣ въ законодательныя палаты, правительство никогда не упускаетъ случая сдѣлать «оговорку» относительно евреевъ: отъ участія въ волостномъ самоуправленіи евреи устранены, хотя имѣются такія волости (мѣстечки въ Юго-западномъ краѣ), гдѣ населеніе почти сплошь еврейское. Отъ участія въ земскомъ самоуправленіи (шесть западныхъ губерній) они также устраняются; въ финляндскомъ законопроектѣ для нихъ «оговорка», въ польскомъ городскомъ самоуправленіи также и т. д., и т. д.

Въ мелкихъ дѣлахъ, что и въ крупныхъ: всюду выступаетъ опредѣленная, вполнѣ сознательная тенденція — сдѣлать еврею жизнь въ Россіи невыносимой. Еврей желаетъ дать своему сыну имя — «Дмитрій».—«Нельзя, возражаетъ начальство, назови его «Мордко». А св. синодъ поясняетъ, что пользованіе со стороны евреевъ христіанскими именами оскорбляетъ христіанскія чувства русскаго населенія,—хотя кому же другому, какъ не св. синоду знать, что наиболѣе употребительныя у насъ, въ Россіи, имена почти всѣ еврейскаго происхожденія (Иванъ, Марія, Анна, Яковъ, Семенъ и др.).

Каждый день приноситъ что-нибудь новое въ этой области... Нѣтъ пощады, нѣтъ даже временной передышки.

III.

Задача весьма облегчается тою «общественною» атмосферою, которое создалась около власти. Мы имѣемъ въ виду націоналистическія организаціи, вродѣ Союза русскаго народа, Палаты Михаила Архангела, Всероссійскаго національнаго союза и прочихъ «союзовъ», «объединеній», «собраній», вызванныхъ къ жизни контръ-революціей. Каждое мѣропріятіе, задуманное противъ евреевъ, встрѣчаетъ въ этой средѣ горячую поддержку; здѣсь если бываютъ чѣмъ недовольны, то лишь «недостаточной рѣшительностью» правительства въ еврейскомъ вопросѣ. Каждое событіе болѣе или менѣе крупнаго политическаго значенія даетъ поводъ къ свирѣпо-антисемитскимъ постановленіямъ, челобитнымъ, теле-

граммамъ. Свѣжи въ памяти выступленія этихъ организацій по поводу убійства Столыпина. Въ телеграммѣ государю, отправленной екатеринославскимъ отдѣломъ Національнаго союза, поставленъ вопросъ: «доколѣ же Россія будетъ терпѣть гнетъ ненавистнаго всему міру племени, влекущаго къ гибели государство?»

Въ коллективномъ меморандумѣ, поданномъ новому премьеру представителями «русско-національныхъ монархическихъ организацій», указывается на недостаточно энергичныя выселенія евреевъ изъ губерній внѣ «черты осѣдлости», на необходимость принять мѣры противъ іудейской печати, которая «чуть ли не ежедневно подвергаетъ осмѣянію и поруганію православное духовенство», на захватъ евреями торговли и промышленности и пр. «Лишеніе іудеевъ избирательныхъ правъ въ Государственную Думу и недопущеніе ихъ въ армію являются», по убѣжденію составителей меморандума, «очередными, наболѣвшими вопросами». «Переполненіе іудеями адвокатуры» привело къ полному «нравственному растлѣнію» этого сословія, которое служитъ «не правосудію, а революціи» и т. д.

«Революціи»!.. вотъ гдѣ источникъ ненависти, озлобленія противъ евреевъ въ тѣхъ кругахъ, которые руководятъ националистическими организаціями, поддерживаютъ ихъ своимъ авторитетомъ и матеріальными средствами. Моментъ исповѣдный, который въ еврейской исторіи сыгралъ такую страшную роль, мотивы экономическіе, часто служившіе причиной обостренія отношеній между не-евреями и евреями,—для *этихъ* круговъ, въ дѣйствительности, никакого интереса не представляютъ. Отсюда не слѣдуетъ, конечно, чтобы они не пользовались въ своей агитаціи укоренившимися въ части христіанскаго населенія религіозными предразсудками противъ евреевъ и тѣмъ раздраженіемъ, которое накопляется въ нѣкоторыхъ классахъ населенія на почвѣ экономической борьбы съ ними. Отнюдь нѣтъ... Они не остановились передъ тѣмъ, чтобы воскресить легенду о ритуальныхъ убійствахъ. Они, владѣльцы латифундій, готовы при случаѣ поскорбѣть и о несчастной долѣ мужика, заѣдаемаго будто бы евреемъ... Но это все для толпы. Внутренній же стимулъ ихъ антисемитской энергіи—это месть за революцію и страхъ предъ тѣмъ, какъ бы «это» не повторилось: если нельзя переловить всѣхъ русскихъ крамольниковъ, то, по крайней мѣрѣ, евреевъ слѣдуетъ проучить такъ, чтобы въ другой разъ имъ неповадно было.

Въ одной изъ союзническихъ газетъ (нижегородской) этотъ тактическій планъ изложенъ въ такихъ выраженіяхъ:

«На Россію со всѣхъ сторонъ напала шайка разбойниковъ, но досягаемъ для насъ только атаманъ, т. е. жидъ, а остальные разбойники держатся на почтительномъ разстояніи. Конечно, надо жида хватать за горло и занести надъ нимъ ножъ, ибо, съ одной стороны, онъ ради собственнаго спасенія велитъ тогда своей

шайкѣ оставить Россію въ покоѣ, а съ другой стороны—остальные члены шайки сами не рѣшатся напасть на насъ; ибо потеря жида означаетъ для нихъ потерю не только вождя, но еще поильца и кормильца».

Очень груба и очень ужъ прозрачна тенденція черносотенной редакціи скомпрометтировать ненавистную революцію густымъ подчеркиваніемъ участія въ ней евреевъ,—но мысль та же: сокрушите евреевъ, и революція не повторится... Мысль смѣшная по своей наивности, но ее не только считаютъ полезнымъ пропагандировать въ низшихъ слояхъ населенія,—ее раздѣляютъ въ значительной мѣрѣ и тѣ круги, которые направляютъ контръ-революцію.

Антисемитизмъ, въ качествѣ наилучшаго средства противъ революціонной заразы, прививается странѣ какъ черезъ офиціальные органы печати—«Россію», различныя «Губернскія Вѣдомости», «Русскій Инвалидъ» и пр., такъ въ особенности черезъ субсидируемыя, гласно и негласно, черносотенныя изданія, всецѣло занятыя травлею евреевъ, какъ «Русское Знамя», «Земщина», «Колоколъ», «Вѣче» и др. Всѣ отдѣлы этихъ газетъ—передовыя, фельетоны, корреспонденціи, печать—«посвящены» евреямъ; о чемъ бы рѣчь ни шла—объ арміи ли, о земствѣ или хотя бы о революціи въ Португаліи, персидскомъ меджилисѣ, войнѣ въ Триполи—черносотенный публицистъ непремѣнно приплететъ евреевъ. Въ какомъ тонѣ пишутъ здѣсь объ евреяхъ,—объ этомъ достаточно яркое представленіе можетъ дать хотя бы приведенная выше выдержка изъ органа нижегородскихъ союзниковъ.

По содержанію статьи отличаются удивительнымъ убожествомъ. Излюбленный пріемъ — обобщеніе единичнаго факта, случая, въ типовое явленіе: Хаимъ надулъ своего кліента, всѣ евреи—обманщики. Нѣтъ, впрочемъ, даже необходимости, чтобы въ этомъ единичномъ фактѣ былъ замѣшанъ непремѣнно еврей. Докторъ Панченко за деньги, данныя ему Ласси, отравилъ своего паціента, и «Земщина» восклицаетъ по этому поводу: «Вотъ до чего дошло наше врачебное сословіе, переполненное жидами!» Нѣтъ вообще такой клеветы, которую черносотенная газета затруднилась бы возвести на евреевъ,—такой гнусности, которой она бы имъ не приписала. Одна только цѣль имѣется въ виду: возбудить ярую, лютую ненависть къ еврею. Для достиженія этой цѣли всѣ средства признаются дозволенными,

Къ хору мелкихъ черносотенныхъ листковъ ежедневно присоединяетъ свой «внушительный» голосъ и большая политическая газета, излюбленный органъ вліятельныхъ петербургскихъ сферъ. И въ этой газетѣ нерѣдко всѣ важнѣйшіе отдѣлы заняты выясненіемъ, популяризаціей одной центральной мысли—необходимости искорененія евреевъ. Въ обычное время болѣе сдержанная, чѣмъ откровенно-погромные листки, вродѣ «Русскаго Знамени» и «Земщины»,—«вліятельная» петербургская газета умѣетъ, однако, въ

особенно важные моменты, выступать впереди всей черносотенной газетной рати. Такъ было въ тревожные дни, слѣдовавшіе за покушеніемъ на жизнь покойнаго премьера. Газета не постыдилась тогда всенародно выразить негодованіе по тому поводу, что въ Кіевѣ отмѣненъ былъ погромъ! А ея велерѣчивый фельетонистъ, извѣстный въ печати подъ кличкой «іудушка», какъ бы опасаясь, что убійство премьера можетъ оказаться недостаточнымъ поводомъ для возбужденія населенія, «кстати» припомнилъ въ этотъ моментъ забытое на время дѣло Ющинскаго: его, фельетониста, также приглашали на кіевскія торжества, но въ Кіевъ онъ поѣхать не могъ: образъ замученнаго жидами христіанскаго младенца не *давалъ* ему ѣхать туда!..

Въ общемъ дѣятельность націоналистическихъ организацій, народившихся въ пореволюціонную эпоху, шумно поддерживаемая правой печатью, создаетъ впечатлѣніе нѣкоей специфической «общественности», на которую россійскіе Гайнау охотно ссылаются (въ особенности въ бесѣдахъ съ иностранными журналистами); ничего, дескать, не подѣлаешь: русское общество, русскій народъ требуютъ, чтобы евреевъ «взяли въ желѣза»...

Намъ остается еще освѣтить значеніе того фактора антисемитизма въ современной русской жизни, который носитъ названіе Государственной Думы.

Октябристскій центръ, въ бытность Хомякова предсѣдателемъ 3-ей Думы, внушалъ оптимистамъ изъ умѣренныхъ либераловъ нѣкоторыя надежды. Полагали, что октябристы, начертавшіе на своемъ знамени—«17 октября», пусть безъ особой энергіи и горячности, но все же будутъ отстаивать новыя начала государственности. Въ частности по отношенію къ евреямъ въ программѣ октябристовъ имѣется пунктъ о равноправіи. Октябристовъ въ тѣ времена величали даже «кадетами 2-го сорта»,—какъ никакъ, а все же «кадетами». Особой ненависти у октябристовъ къ евреямъ за ихъ «революціонность» тогда не замѣчалось. По крайней мѣрѣ, самъ г. Гучковъ въ одной изъ своихъ рѣчей предъ московскими избирателями въ 1908 г. объяснялъ еврейскую «революціонность» въ такихъ благодушныхъ выраженіяхъ.—«Вообразите, говорилъ онъ, толстаго, тяжелаго жандарма, подъ нимъ россіянина, подъ русскимъ—поляка, подъ полякомъ—армянина и т. д. и, наконецъ, въ самомъ низу—еврея. Естественно, еврею хуже, чѣмъ всѣмъ, приходится, и безпокоится онъ потому больше другихъ».

То было въ раннюю пору октябризма, въ октябристскую весну, если можно такъ выразиться. Слѣдуя за волшебной флейтой покойнаго Столыпина, октябристы постепенно передвигались все вправо и вправо, пока не слились окончательно съ правымъ крыломъ Думы. Въ настоящее время было бы въ высшей степени затруднительно указать, въ чемъ различіе между октябристомъ Родзянкой, напр., и націоналистомъ Крупенскимъ. Оба они сто-

ронники «представительнаго строя», въ томъ видѣ какъ его создалъ законъ 3 іюня, и оба въ одинаковой мѣрѣ являются столпами контръ-революціи.

Ни въ чемъ однако солидарность правооктябристскаго блока не сказывается съ большей полнотою, чѣмъ въ еврейскомъ вопросѣ. Здѣсь тонъ задаютъ крайніе правые, поддерживаемые какъ фракціей націоналистовъ, такъ и октябристами. Есть, конечно, оттѣнки, полутоны... Если требуется учинить «скандалъ», выпускаютъ Пуришкевича или Маркова; если по ходу дебатовъ выяснилась необходимость въ какой-нибудь сокрушительной резолюціи противъ евреевъ, выступаетъ націоналистъ Черкасовъ или Крупенскій. На такія роли октябристы пока не идутъ, но *голосуютъ* они теперь вмѣстѣ съ правыми и націоналистами.

Само собою разумѣется, всякое ограниченіе еврейскихъ правъ, исходящее отъ правительства, встрѣчаетъ живѣйшее одобреніе со стороны думскаго большинства. Но этого слишкомъ мало для нашихъ думскихъ жидоѣдовъ. Въ еврейскомъ вопросѣ они умѣютъ проявлять и иниціативу. Вопросъ, наприм., объ исключеніи евреевъ изъ арміи выдвинутъ не правительствомъ, а ими. Они умѣютъ вносить еврейскій вопросъ и въ такія области, гдѣ ему, казалось, и мѣста нѣтъ. Г. Марковъ умудрился говорить цѣлый часъ о «Шулханъ-Арухѣ» по поводу реформы мѣстнаго суда. Каждая тема трактуется подъ угломъ зрѣнія возможнаго ущемленія евреевъ, ибо весь смыслъ существованія Думы сводится, по убѣжденію правыхъ, къ борьбѣ «съ революціей и жидами». И они борятся какъ умѣютъ, согласно степени ихъ культурнаго развитія, ума, благородства ихъ души: показываютъ «свиное ухо», склоняютъ слово «жидъ» по всѣмъ падежамъ съ утра до вечера, преподносятъ почтеннѣйшей публикѣ съ «высокой трибуны», всѣ мерзости когда-либо сочиненныя противъ евреевъ, до ритуальныхъ обвиненій включительно, перебиваютъ ораторовъ оппозиціи всякими пошлыми репликами, показываютъ имъ кошельки и т. д. Въ общемъ—ежедневныя «представленія» достойныя балагана.

Бываютъ и гала-представленія. Такимъ было, наприм., засѣданіе, въ которомъ обсуждался вопросъ о правахъ евреевъ въ Финляндіи. Оно было сплошнымъ издѣвательствомъ надъ евреями. Ситуація была такова, что рѣшеніе вопроса почти всецѣло зависѣло отъ націоналистовъ. Но ограничиться однимъ отрицательнымъ вотумомъ показалось господамъ изъ этой фракціи недостаточнымъ. Хотѣлось «повеселить сердце свое», поглумиться надъ безсиліемъ и безправіемъ несчастной жертвы. И вотъ, разыграна была такая комедія. Одни націоналисты не желаютъ евреямъ давать права, другіе якобы желаютъ. Отъ имени первой группы баронъ Черкасовъ заявляетъ: «отказываю евреямъ въ правахъ, ибо не желаю оскорблять честный финляндскій народъ». Отъ второй группы выступаетъ Крупенскій. Онъ, напротивъ, «желаетъ» дать евреямъ

права въ Финляндіи, ибо «евреи—это ядъ, а ядъ цѣлесообразнѣе разжижать по всему организму, а не локализировать въ одной части его. Ораторъ быстро перескакиваетъ затѣмъ на другую плоскость. Онъ собственно вовсе не имѣлъ въ виду давать евреямъ права, но ему интересно было «вывести на чистую воду кадетовъ», выяснить, кто имъ заплатилъ больше—евреи или финляндцы и т. д., и т. д. при общемъ хохотѣ всей правой...

Надъ кѣмъ, однако, они смѣялись?

Важнѣйшая часть думской работы совершается, какъ извѣстно, въ думскихъ коммиссіяхъ. Здѣсь въ сущности предрѣшается участь всѣхъ поставленныхъ на обсужденіе Государственной Думы вопросовъ. Въ коммиссіяхъ скандалы рѣдки, но отношеніе къ евреямъ не лучше, чѣмъ въ пленумѣ. Недавно въ коммиссіи по запросамъ разсматривался внесенный еще весною этого года соціалъ-демократической фракціей запросъ о выселеніи рижской администраціей 300 евреевъ-ремесленниковъ за участіе въ экономической забастовкѣ. Дѣло было по истинѣ вопіющее. Выселены были евреи изъ Риги даже не въ порядкѣ охраны («политическаго» въ забастовкѣ ничего не было), а по тому соображенію, что, разъ евреи забастовали, то, стало быть, они своей профессіей не занимаются, а потому подлежатъ выселенію. Въ коммисіи ораторы оппозиціи разъяснили всю нелѣпость этой якобы юридической аргументаціи. Нельзя говорить о «незанятіи профессіей», если наступилъ почему либо временный перерывъ въ работѣ. Ремесленникъ можетъ заболѣть, можетъ временно не имѣть заказовъ и т. п.—неужели онъ и въ такихъ случаяхъ подлежитъ немедленному выселенію? Указывалось и на политическую недобросовѣстность такого пріема, который ведетъ къ превращенію рабочихъ еврейской національности въ штрейкбрехеровъ. Но всѣ эти соображенія ни къ чему не привели: не только правые, но и октябристы отстаивали «законность» полицейскаго мѣропріятія...

Думская трибуна широко была использована контръ-революціей и въ интересахъ оживленія ужасной легенды объ употребленіи евреями христіанской крови. Прибѣгли къ «старинному средству», какъ мѣтко опредѣлилъ это обвиненіе покойный профессоръ С. А. Бершадскій. Ибо обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови всегда было вѣрнымъ *средствомъ*, чтобы будить въ темныхъ массахъ дѣйствительную жажду крови — еврейской; ритуальныя обвиненія, какъ учитъ опытъ исторіи, тогда именно и являются, когда надъ евреями по тѣмъ или инымъ основаніямъ необходимо учинить расправу.

Что для гг. Пуришкевича, Маркова и Замысловскаго дѣло Ющинскаго служитъ именно такимъ «средствомъ», объ этомъ свидѣтельствуетъ уже та таинственность, которою они обставили свой первый запросъ въ Государственную Думу: кромѣ тѣснаго кружка лицъ, посвященныхъ въ тайну, никто о предстоящемъ внесеніи

запроса не зналъ. Почему однако понадобилась эта таинственность? Развѣ одно ужъ предположеніе внести запросъ не могло служить отличнымъ поводомъ для безчисленнаго ряда погромныхъ статей въ черносотенныхъ изданіяхъ? Только одну цѣль могла преслѣдовать эта таинственность: не дать противнику подготовиться и явиться въ Государственную Думу съ матеріаломъ, который тутъ же на мѣстѣ опровергъ бы «незыблемые документы», легшіе въ основаніе запроса *).

Дѣло Ющинскаго по сію пору служитъ неистощимой темой для погромной агитаціи. Не ограничиваясь думской трибуной, Пуришкевичъ и друзья его открыто фабрикуютъ погромныя прокламаціи и сотнями тысячъ распространяютъ ихъ по всей Россіи. Объ этой сторонѣ своей дѣятельности г. Пуришкевичъ самолично заявилъ недавно въ думской коммиссіи по запросамъ. Чего ему опасаться?

Въ такой атмосферѣ, съ такой Думой легко работается г-дамъ Гайнау...

Покойный П. А. Столыпинъ, принимая депутацію отъ раввинскаго съѣзда, заявилъ ей, что поведеніе евреевъ во время революціи оставило «дурной осадокъ» и что ранѣе, чѣмъ осадокъ этотъ не растворится, евреямъ ждать улучшенія своего положенія не приходится. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ,—что фельдмаршалъ Гайнау...

П. А. Столыпинъ упустилъ изъ виду, что и безчеловѣчная травля контръ-революціей несчастнаго еврейскаго народа тоже оставляетъ «дурной осадокъ»,—если не въ сознаніи правительства, то въ сознаніи лучшей части русскаго общества...

М. Львовичъ.

Хроника внутренней жизни

1. Общія замѣчанія о неурожайной кампаніи.—2. Двѣ точки зрѣнія на голодъ.—3. Продовольственныя ссуды и общественная помощь.—4. Народоборческій принципъ и гуманитарныя уступки.—5. Плоды осенней сессіи.

«Во многихъ мѣстахъ картины 1891 г. блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что сейчасъ переживаетъ населеніе въ неурожайныхъ губерніяхъ»**). Это мнѣніе высказывалось прогрессивной печатью еще въ то время, когда офиціальныя свѣдѣнія говорили о частичномъ и небольшомъ недородѣ. Въ ноябрѣ «Новое Время», ссылаясь на отзывъ

*) Подробный анализъ запроса правыхъ по дѣлу Ющинскаго мною сдѣланъ въ брошюрѣ—„Ритуальныя убійства“

**) „Кіевская Мысль“, 22 сентября.

мѣстныхъ людей, признало, что «нынѣшній неурожай сильнѣе всѣхъ предыдущихъ, включая и памятный 1891 г.» *). Если такъ, то мы переживаемъ стихійное бѣдствіе, самое значительное изъ всѣхъ, какія постигали страну за послѣднія 60—70 лѣтъ,—со времени большихъ неурожаевъ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка. Офиціальная статистика все время играла въ оптимизмъ. Сначала признавались неблагополучными нѣсколько губерній. Въ августѣ, еще при Столыпинѣ насчитали уже 13 губерній. Къ концу октября г. Коковцовъ насчиталъ 20 губерній и областей. На этомъ пока счетъ остановился. Но въ него не вошли: Забайкалье, Кавказъ и нѣкоторыя центральныя губерніи, «благополучныя» по офиціальнымъ свѣдѣніямъ и неблагополучныя по свѣдѣніямъ частнымъ.

О томъ, какими средствами поддерживалось и поддерживаются оптимистическія представленія, нѣкоторое понятіе можетъ дать слѣдующая корреспонденція изъ Казанской губерніи:

Ядринское земство хотѣло выяснить степень нужды населенія и для этого командировало члена управы въ волости, наиболѣе пораженныя неурожаемъ. Что же выяснилъ командированный земецъ? Только то, что земство не въ правѣ что-либо выяснять. Многія волостныя правленія наотрѣзъ отказались дать свѣдѣнія. Нѣкоторыя правленія дали было требуемыя свѣдѣнія. По нимъ выходило, что нужда въ хлѣбѣ вопіющая. Не успѣлъ однако, членъ управы использовать эти матеріалы, какъ отъ тѣхъ же самыхъ правленій получились новыя извѣщенія, въ которыхъ заявлялось, что данныя ими свѣдѣнія невѣрны, ошибочны, и что поэтому ихъ просятъ вернуть обратно въ волости. Никакой вопіющей нужды нѣтъ, наоборотъ, урожай хорошій, хлѣба вдоволь, и никакой помощи населенію не требуется. **).

Какими вліяніями обусловлена эта «политика» волостныхъ писарей, легко догадаться и едва-ли нужно пояснять. И несмотря на эти вліянія, самъ г. Коковцовъ вынужденъ былъ признать «условія значительнаго недорода»; онъ лишь находилъ, что «недородъ 1906 г. былъ нѣсколько больше, нежели недородъ нынѣшняго года», — утвержденіе, которому, какъ мы видѣли, не вѣритъ даже «Новое Время». Создалось, во всякомъ случаѣ, порою непримиримое противорѣчіе между офиціальными данными, съ одной стороны, и свѣдѣніями, поступающими отъ земствъ, духовенства, всякихъ другихъ мѣстныхъ людей и отъ газетныхъ корреспондентовъ,—съ другой. И вмѣстѣ съ тѣмъ установилось слишкомъ замѣтное несоотвѣтствіе между офиціальными утвержденіями и тѣмъ, что наблюдается въ дѣйствительности. Выясненію послѣдней содѣйствуетъ пресса. И для надлежащаго утвержденія истины понадобились спеціальныя мѣры.

Газетѣ „Рязанскій Вѣстникъ“ мѣстной администраціей воспрещено печатать свѣдѣнія о голодающихъ. ***).

*) № 13 ноября.
**) „Кіевская Мысль“, 22 сентября.
***) „Утро Россіи“, 16 ноября.

Херсонскій губернаторъ оштрафовалъ газету за перепечатку замѣтки „Изъ голодныхъ мѣстъ". [1]).

Сызранскій полиціймейстеръ предложилъ редактору мѣстной газеты „вообще ничего не писать о голодѣ". [2]).

Въ Казани писать о голодѣ воспрещается. [3]).

Саратовскому продовольственному присутствію запрещено давать для печати свѣдѣнія о голодающихъ. [4]).

Мѣры этого рода довольно многочисленны. И, конечно, онѣ въ значительной степени помогаютъ достигать цѣли. Но «шила въ мѣшкѣ не утаишь». Корреспондентъ «Русскаго Слова» на примѣрѣ Симбирской губерніи довольно краснорѣчиво показалъ, какъ трудно выдержать оптимистическій тонъ. Симбирская губернія признана пострадавшей сплошь —на 77% всей площади собрано менѣе 20 пудовъ съ десятины [5]). Тѣмъ не менѣе «въ Симбирскѣ (начальствующія лица) говорятъ: голода нѣтъ». Продовольствіе признается обезпеченнымъ; есть ссуды на прокормъ скота, организована продажа хлѣба по заготовительной цѣнѣ, существуютъ общественныя работы; бѣдствія, экономическаго раззоренія не предвидится.

Обращаюсь къ мѣстнымъ газетамъ. Въ одной—видимо офиціозной—нѣтъ слова: «голодъ», а факты продовольственной кампаніи отмѣчаются мимоходомъ... Въ другой прогрессивной—о голодѣ (въ своей губерніи) также ни звука.

Все, кажись, благополучно. Но вотъ вамъ нужна, положимъ, чисто дѣловая справка о цѣнахъ на мясо. Оказывается, существуютъ двѣ цѣны—«мѣстное» мясо 3—4 коп. фунтъ, «привозное», «черкасское»—12 коп. фунтъ. И сразу ясно, куда идетъ крестьянскій молочный скотъ и почемъ распродается.

«Голода нѣтъ». И вдругъ одинъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства офиціально заявляетъ: «единственный способъ помочь голодающимъ—это организовать немедленно столовыя»... Вдругъ симбирскій епископъ опубликовываетъ приказъ:

Въ виду *голоднаго* года и приближающихся темныхъ продолжительныхъ ночей предлагаю консисторіи циркулярно предписать всѣмъ настоятелямъ и старостамъ приходскихъ церквей ввѣренной мнѣ епархіи, чтобы они тщательно слѣдили за церковными сторожами, провѣряя ихъ бдительность и добросовѣстное окарауливаніе храмовъ... Въ *голодные* годы и темныя осеннія ночи злодѣи-хищники всегда какъ-то стараются грабить храмы и ихъ имущество". [6]).

---

[1]) „Рѣчь", 4 декабря.

[2]) „Русское Слово", 13 ноября.

[3]) „Кіевская Мысль". 14 ноября.

[4]) „Русское Слово", 19 ноября.

[5]) Эту справку привелъ г. Коковцовъ въ засѣданіи Государственной Думы 2 ноября.

[6]) „Русское Слово", 15 ноября.

Можно скрыть размѣры, детали. Но самый фактъ бѣдствія, затрагивающаго такъ или иначе едва ли не всѣ отрасли народной и государственной жизни, не можетъ оставаться секретомъ. Одно прячутъ, другое обнаруживается само собою. Однѣмъ газетамъ запрещаютъ, другія, подъ страхомъ штрафовъ, конфискацій, привлеченій, все таки пишутъ. И въ противовѣсъ тому, что онѣ пишутъ, предсѣдатель совѣта министровъ офиціально предложилъ слѣдующее разъясненіе. Онъ говорилъ въ засѣданіи Государственной Думы 2 ноября:

„Когда мы читаемъ изо дня въ день въ газетахъ: голодъ, цынга, эпидемія, голодная смерть,—мы знаемъ, для чего это дѣлается". Это дѣлается «только для одного, чтобы сказать что правительство не заботится о благѣ народа, чтобы всячески дискредитировать правительство,—единственно съ этой цѣлью все это дѣлается».

Правительство прочитало въ сердцахъ всѣхъ редакторовъ, всѣхъ корреспондентовъ, всѣхъ авторовъ газетныхъ сообщеній, не исключая нѣкоторыхъ епископовъ, священниковъ, предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ; оно открыло ихъ тайныя намѣренія, и объ этомъ открытіи, какъ о несомнѣнной, офиціально установленной истинѣ, заявляетъ высшій сановникъ, предсѣдатель совѣта министровъ. Это смѣлѣе, чѣмъ «ядъ тіоколъ», и убійственнѣе, чѣмъ знаменитый юристъ Глацеръ. Однимъ этимъ открытіемъ г. Коковцовъ такъ ярко охарактеризовалъ осторожность и доброкачественность офиціальныхъ заявленій, что невольно возникаетъ вопросъ: если столь самоочевидныя несообразности можетъ публично утверждать предсѣдатель совѣта министровъ, то передъ чѣмъ остановятся болѣе мелкіе чины,—и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ или иныя чисто фактическія утвержденія трудно поддаются контролю и повѣркѣ?

Въ странѣ бѣдствіе,—это несомнѣнно. И бѣдствіе, видимо, огромное. Для дѣлового сужденія о немъ есть офиціальныя статистическія данныя. Но въ нихъ слишкомъ много «политики», и къ нимъ нельзя не относиться скептически. Есть частный матеріалъ,—по преимуществу газетный и по преимуществу описательный. При извѣстномъ критическомъ отношеніи къ этому матеріалу, можно получить довольно вѣрное представленіе объ отдѣльныхъ частностяхъ. Но это, разумѣется, матеріалъ недостаточный, шаткій, часто случайный. И вмѣсто точнаго учета, мы имѣемъ рядъ потрясающихъ частичныхъ свѣдѣній и нѣкоторое общее впечатлѣніе мѣстныхъ людей и наблюдателей: голодъ, раззореніе, бѣдствіе, не меньшее, чѣмъ въ 1891 г., а можетъ быть, и болѣе значительное.

Несомнѣнно, голодъ. И даже «Новое Время», отнюдь не склонное преувеличивать бѣдствіе, признаетъ несомнѣннымъ еще и то, «что на помощь нынѣшнему голоду пришло и общее оскудѣніе де-

ревни *). Деревня со времени послѣднихъ большихъ неурожаевъ не крѣпла экономически, а нищала,—катилась подъ гору. Ея ресурсы неизмѣнно истощались. И даже въ урожайные 1909 и 1910 г.г. «недоѣданіе» и частичный голодъ оставались замѣтнымъ фактомъ русской жизни. Нынѣшняя тяжкая болѣзнь постигла организмъ, еще болѣе разслабленный и надорванный, чѣмъ въ 1891 г. и чѣмъ во время руководимыхъ С. Ю. Витте сельскохозяйственныхъ совѣщаній о нуждахъ деревни. Кромѣ извѣстныхъ правовыхъ условій, кромѣ не менѣе извѣстныхъ началъ экономической политики, ослабляющихъ деревню издавна, на нее обрушилась въ теченіе послѣднихъ лѣтъ пресловутая «ставка на сильныхъ». Сами апологеты столыпинской аграрной политики признавали, что она равносильна революціи, потрясаетъ хозяйственный бытъ крестьянства до основанія, вноситъ въ крестьянскую среду рознь, озлобленіе, междоусобіе, доходящее до поножовщины. Все это, повторяю, даже апологеты, признавали и признаютъ; они лишь говорили, что разруха и разстройство—дѣло временное; впослѣдствіи де образуется крѣпкое крестьянство. Эти послѣдствія, если даже вѣрить, что они будутъ, пока далеки. На лицо деревня, не только нищая, но и дополнительно потрясенная аграрными мѣропріятіями; старое разстроено, новое не налажено, склока, свара. Появилось больше, чѣмъ прежде, элементовъ, оторванныхъ отъ хозяйства, политика, направленная къ обезземеленію слабѣйшихъ, нѣкоторыхъ успѣховъ достигла. Обострена рознь между группами различной хозяйственной мощности. Въ газетахъ находимъ, напр., такія сообщенія:

Самара. Въ Александровкѣ, Николаевскаго уѣзда, голодающіе крестьяне подожгли дворы богатыхъ односельчанъ. Сгорѣло 32 дома и много хлѣба. На заборахъ появились предупрежденія: «не дадите хлѣба—сожжемъ, сравняемъ богатыхъ съ голодными». **).

«Изъ Николаевскаго уѣзда приходятъ извѣстія, что въ списки нуждающихся попали состоятельные хозяева»; они захватили въ свои руки общественныя работы,—плату берутъ себѣ, а работать посылаютъ наемныхъ батраковъ. ***).

Я беру свѣдѣнія изъ одного и того же Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи: «состоятельные хозяева» пользуются благопріятными для нихъ тенденціями начальства, и мѣстами доходятъ до организованнаго мошенничества; бѣднота, лишенная легальныхъ способовъ самозащиты, мститъ и жжетъ. Но, конечно, Николаевскій уѣздъ не представляетъ чего-либо исключительнаго въ этомъ смыслѣ. «Состоятельные» вездѣ гнутъ свою линію. А бѣднота, и особенно обезземеленная...

---

*) «Новое Время», 13 ноября.
**) «Русское Слово», 18 сентября.
***) «Кіевская Мысль», 14 ноября.

Въ нѣкоторыхъ селахъ Саратовской губерніи «среди крестьянъ на почвѣ нужды страшно усилились кражи хлѣба». Не проходитъ и дня безъ кражи. Жгутъ гумна за отказъ дать хлѣба *).

Въ Оренбургской губерніи по селамъ начались грабежи, убійства... **).

Крайне обострена междоусобица внутри деревни. Обострены и ея внѣшнія отношенія. Въ настроеніи крестьянства, сравнительно съ 1891 г., произошли большія перемѣны. Рухнули былые авторитеты. Существенно тронуто старое крестьянское міровоззрѣніе. Мужикъ въ массѣ озлобленъ не только противъ «богатѣевъ». Пожалуй, еще больше онъ озлобленъ противъ начальства. Онъ, считавшійся 20 лѣтъ назадъ твердыней противъ интеллигентческаго освободительнаго движенія, нынѣ взятъ на подозрѣніе, признанъ неблагополучнымъ по политикѣ. По газетнымъ свѣдѣніямъ, провинціальное начальство сообщаетъ въ Петербургъ, что мужикъ «нервно настроенъ». До такой степени нервно, что

мѣстами населеніе относится враждебно ко всякой административной помощи... Нарождаются обычныя легенды объ обманѣ и морѣ. ***).

Въ продовольственной кампаніи это настроеніе должно сыграть и нѣкоторую положительную роль: организовать ту или иную помощь побуждаютъ не только разныя отвлеченныя соображенія. Фразу: «голодное брюхо не знаетъ законовъ», не даромъ приводятъ, какъ аргументъ, подтверждающій, что надо помогать,—лить масло на волны. Для мѣстныхъ людей, непосредственно соприкасающихся съ голодной, нервной, подозрительно настроенной массой, это соображеніе особенно понятно. Однако, не менѣе понятно и другое соображеніе. Вражда—вещь обоюдная. Мужикъ, говорятъ, настроенъ враждебно. Но, вѣдь, это—взаимность. Появилось вѣдь много охотниковъ и трактовать мужика, какъ врага внутренняго. Легче и охотнѣе помогать тому кого считаешь, хотя бы и ошибочно, своимъ другомъ. Помогать противнику люди мало склонны, хотя къ этому ихъ и принуждаетъ иногда необходимость. Въ кампанію 1905—6 гг. предписывалъ же П. Н. Дурново губернаторамъ—не оказывать продовольственной помощи крестьянамъ, уличаемымъ въ политической неблагонадежности. Нынѣшнее бѣдствіе посѣтило страну въ моментъ крайне обостренной соціально-политической распри. Населеніе разслоилось въ общемъ на два лагеря: охранительныя группы въ одномъ, массы, и въ томъ числѣ, массы крестьянскія,—въ другомъ. Такого политическаго разслоенія не было въ 1891 г... И оно такъ же мало обѣщаетъ хорошаго, какъ и усилившееся, экономическое оскудѣніе деревни.

Таковы главнѣйшія и общія очертанія картины. Бѣдствіе огромное. Рессурсы сопротивленія ему у деревни до крайности

---

*) «Южная Заря», 8 ноября.
**) «Утро Россіи», 20 сентября.
***) «Смоленскій Вѣстникъ», 16 ноября.

истощены. Условія для борьбы съ бѣдствіемъ исключительно неблагопріятны. Отъ этихъ общихъ очертаній перейдемъ къ частностямъ. Не буду останавливаться на обычныхъ тѣневыхъ сторонахъ неурожайной кампаніи. Отмѣчу лишь немногое и бѣгло. Конечно, вокругъ голодной деревни кружатся хищники: скупка крестьянскаго добра за безцѣнокъ, стремленіе взвинтить хлѣбныя цѣны, поставка недоброкачественныхъ сѣмянъ, всевозможная эксплуатація бѣдствія... Все это есть и теперь, какъ бывало и прежде. Конечно, не обходится безъ растратъ и злоупотребленій; извѣстно, порядокъ у насъ такой,—интендантскій. Конечно, много безтолочи, нераспорядительности, неумныхъ увлеченій, ошибокъ... Конечно, модное увлеченіе такъ называемой «трудовой помощью» оказалось несостоятельнымъ, и даже «Новому Времени» «страшно становится при мысли, что миражъ общественныхъ работъ долженъ былъ замѣнить продовольственную помощь голодающимъ». Общественныя работы «провалились». Увяли и надежды на продажу хлѣба по заготовительной цѣнѣ. Хлѣбъ мѣстами заготовленъ. Бываетъ, что

> и качествомъ онъ не плохъ, и цѣна его гораздо ниже базарной, а крестьяне не покупаютъ. Въ Алатырѣ заготовили 29400 пудовъ, а продали въ продолженіе октября 55 пудовъ. Причина простая: крестьяне и рады бы купить, да „купилки" нѣтъ. И они идутъ къ ростовщику. Онъ съ нихъ беретъ „патріотическіе" проценты, ставитъ безбожную цѣну, но за то даетъ въ долгъ *).

Г. Коковцовъ говорилъ въ Государственной Думѣ: «мнѣ, съ моей точки зрѣнія, извѣстно одно, что мѣры приняты совершенно своевременно, и правительство не могло сдѣлать больше того, что оно сдѣлало»,—опредѣлило «общій расходъ» «на борьбу съ послѣдствіями неурожая» «колоссальной» цифрой въ 120 милліоновъ рублей. Конечно, эта цифра опредѣлена примѣнительно къ оптимистическому учету «недорода». Ставъ на другую, менѣе оптимистическую точку зрѣнія, легко замѣтить, что эта ассигновка далеко не достаточна,—и, вѣроятно, правительство запоздаетъ ее увеличить. Конечно, утвержденіе, что мѣры приняты своевременно отличается излишней смѣлостью: сѣменныя ссуды къ озимымъ посѣвамъ не поспѣли, вопросъ о продовольственныхъ ссудахъ рѣшенъ съ большимъ опозданіемъ, «общественныя работы» во многихъ мѣстахъ не могли быть начаты до морозовъ, вслѣдствіе канцелярской медлительности и волокиты, точно также во многихъ мѣстахъ отпускъ дровъ изъ казенныхъ дачъ не разрѣшенъ до декабря,—и неизвѣстно, когда его разрѣшатъ...

Но оставимъ и эти и многіе другіе дефекты. Есть, вѣдь, — какъ и говоритъ г. Коковцовъ—разныя точки зрѣнія: быть можетъ, то, что, по нашему мнѣнію, кажется дефектомъ, правительству,

---

*) „Русское Слово", 15 ноября.

съ его точки зрѣнія, представляется нормальнымъ порядкомъ вещей. Поэтому и важно выяснить господствующія точки зрѣнія,— вскрыть тѣ руководящія начала, которыя легли въ основу нынѣшней продовольственной кампаніи. Тогда намъ понятнѣе станутъ многія ея детали и характерныя особенности.

II.

На два лагеря — я сказалъ — какъ бы разслоилась страна. Наблюдается и два существенно различныхъ типа отношеній къ несчастью, постигшему земледѣльческое населеніе.

Въ серединѣ ноября нѣкій еврей обратился въ редакцію «Русскаго Слова» съ такимъ письмомъ:

„Сегодня въ Берлинѣ я купилъ вашу... газету, и въ ней я прочиталъ статью „Голодъ" священника Николая Цвѣткова... „У меня въ карманѣ есть сто франковъ. Я ихъ вамъ посылаю. Будьте такъ добры, размѣняйте ихъ и пошлите этому священнику немедленно для моихъ бѣдныхъ братьевъ, хотя они и не родные. Я вѣдь пасынокъ, нелюбимый еврей, жидъ, но сердце кровью обливается, когда это читаешь"...

Не у всѣхъ, однако, «сердце кровью обливается», какъ у этого еврея. Сердце, напр., курскаго дворянина г. Маркова отзывается иначе. Онъ такъ говорилъ въ Государственной Думѣ 17 октября о голодающемъ населеніи:

«Отъ насъ требуютъ безумныхъ и безудержныхъ тратъ на помощь, подъ видомъ голодающихъ, сплошь и рядомъ людямъ, которые только не хотятъ работать и только поэтому якобы голодаютъ». «На Волгѣ, кажется, слишкомъ много лодырей»... Ихъ дѣйствительно надо бы заставить поголодать, дабы они работали, а не бездѣльничали *)...

Одинъ отдалъ, судя по письму, все, что было у него въ карманѣ, голоднымъ братьямъ. Другой —«народный представитель» — рѣзко выразилъ сожалѣніе, что правительство ассигнуетъ средства «въ пользу бездѣльниковъ». Одинъ сострадаетъ и плачетъ. Другой злобствуетъ («надо бы заставить поголодать») и бранится («лодыри»). Передъ нами какъ бы новый отвѣтъ жизни на старый евангельскій вопросъ:

— Скажи, Господи, кто мой ближній?

И много теперь такихъ отвѣтовъ. Въ той же серединѣ ноября поволжскими газетами было напечатано частное письмо одной дѣвушки, сельской учительницы. Поставленная въ непосредственное соприкосновеніе со всѣмъ тѣмъ, что переживаетъ нынѣ сельскій людъ, эта учительница пишетъ матери:

„У насъ голодъ. Форменный голодъ. Скотина падаетъ. Люди съ безнадежнымъ отчаяніемъ ждутъ смерти. „Не нынче, такъ на тотъ годъ помремъ

*) Офиціальный стенографическій отчетъ, стр. 120.

Нынче хлѣба нѣтъ, а тотъ годъ нечѣмъ будетъ работать и нечѣмъ сѣять... Вотъ когда я горе-то узнала, мамулечка!..Только и слышу—тамъ безъ хлѣба, здѣсь больные всѣ, и сколько горя вокругъ!.. Я третій день не могу ѣсть—мнѣ стыдно. Какъ сяду ѣсть, да вспомню всѣ слезы, такъ кусокъ въ горло нейдетъ... Мамуленька, родная моя, какъ намъ быть? Господи, а мы еще ссоримся, враждуемъ. Мама, мнѣ хочется колотиться головой о стѣну и кричать, кричать". *).

Такъ отзывается на бѣдствіе народа сердце сельской учительницы, написавшей это письмо. Но сотрудники, напр., «совершенно частной» газеты «Россіи», повидимому, нѣсколько иначе устроены,—они склонны смотрѣть на дѣло съ юмористической точки зрѣнія, не прочь пошутить и посмѣяться:

Разумѣется,—писалъ одинъ изъ нихъ—можно „разработать самый широкій планъ общественныхъ работъ, ассигновать щедрою рукою кредиты... Однимъ словомъ, поставить дѣло такъ, что неголодающіе мужички искренно позавидуютъ голодающимъ и скажутъ другъ другу, исходя слюною:

— Эхъ, братцы, кабы привелъ Господь и намъ эдакъ поголодать!

Самымъ щепетильнымъ депутатамъ, томимымъ жаждою популярности и демонстрированія чувствъ высокой любви къ обездоленному землей и судьбою народу, останется только обращаться съ такими вопросами:

— Извѣстно ли правительству, что въ селѣ Красный Пѣтухъ крестьянка Неумывайлова не получила на третье блюдо тортъ? Извѣстно ли ему, что въ деревнѣ Подведибока крестьянскимъ дѣтямъ не раздается питательнѣйшій шоколадъ Гала-Петеръ". **).

Разумѣется, офиціозные шутники не только шутятъ. Они временами и «серьезно» разсуждаютъ. И, разсуждая «серьезно», они стараются доказать, что самое желаніе помочь «приближающимся къ гибели» «безнравственно». Да, да, безнравственно. И вотъ почему. Говорятъ о страданіяхъ. Конечно,—признаетъ, напр., г. Меньшиковъ — голодающіе страдаютъ, даже мучительно страдаютъ. Но надо же различать «истинныя страданія» отъ страданій ложныхъ,—отъ «страданій лѣнивыхъ и порочныхъ людей». Истинныя страданія достойны отзывчивости. Но «сострадать страданію лѣнивыхъ и порочныхъ людей можетъ только неразборчивое или слишкомъ лицемѣрное сердце» ***). Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, о чемъ собственно шумъ? Населеніе огромнаго района голодаетъ? Безъ сомнѣнія, голодаетъ. И пусть голодаетъ. И нельзя этому мѣшать, ибо—пишетъ г. Меньшиковъ—

„въ высшихъ интересахъ людей и народовъ установленъ Богомъ законъ, что надъ ними виситъ вѣчная угроза голода. Необходимо, чтобы люди чувствовали серьезность этой угрозы и спасали самихъ себя... Накормите досыта человѣческій родъ, обезпечьте вѣчное питаніе, и высшее существо облѣнится до безобразія, разжирѣетъ, опустится до жалкаго паразитнаго типа... Русскій народъ... для спасенія его энергіи и таланта долженъ про-

---

*) „Саратовскій Вѣстникъ, 19 ноября.

**) Цит. по „Кіевской Мысли", 17 ноября.

***) „Новое Время", 24 ноября.

чувствовать всѣ категорическіе императивы природы, начиная съ голода и холода". *).

Въ евангельской притчѣ левитъ просто прошелъ мимо израненнаго разбойниками,—только не оказалъ помощи ближнему. Сравнительно съ тѣмъ, что наблюдается нынѣ, безсердечіе этого левита можетъ быть сочтено за примѣръ человѣколюбія. Онъ не помогъ израненному. Но не надругался надъ нимъ, не посмѣялся надъ его страданіями; помощь оказанную милосерднымъ самаряниномъ онъ не объявлялъ дѣломъ безнравственнымъ и лицемѣрнымъ. Столь откровенныя выступленія были бы достойны вниманія даже въ томъ случаѣ, если бы они имѣли чисто словесный характеръ. Но это вѣдь не просто слова. Это — боевые лозунги. Мысль, прикрытая ими, воодушевляетъ не только думскихъ ораторовъ и офиціозныхъ публицистовъ, — она вѣдь стремится и въ практическія мѣропріятія проникнуть. И въ практическомъ своемъ выраженіи она гораздо острѣе, чѣмъ на страницахъ офиціозной прессы или въ рѣчахъ думскихъ ораторовъ. Публицистамъ и ораторамъ, какъ бы ни были они откровенны, все-таки необходимо прибѣгать къ нѣкоторымъ эвфемизмамъ. Въ практическихъ мѣропріятіяхъ словесная шелуха сама собою отпадаетъ, и обнажаются не только явныя, но и тайныя предпосылки.

Вообще о практическихъ мѣропріятіяхъ у насъ рѣчь впереди А пока приведу два-три примѣра, которые помогутъ намъ лучше понять боевые лозунги, вводимые въ продовольственную кампанію. Положимъ, Оренбургскую губернію посѣтилъ спеціально командированный для обслѣдованія неурожайныхъ мѣстностей и для преподанія мѣстнымъ властямъ указаній дѣйствительный статскій совѣтникъ Бодиско,—«инспекторъ по голодной части», какъ его называли газеты. Оренбургская губернія—одна изъ наиболѣе пораженныхъ. Мѣстная администрація, въ мѣру своего желанія и усердія, старается выяснить степень нужды и организовать помощь. Было даже сообщеніе, что «оренбургскій губернаторъ прислалъ въ редакцію «Оренбургской Газеты» изъ собственныхъ средствъ 25 рублей въ пользу голодающихъ» **),—по нынѣшнимъ временамъ, такой шагъ со стороны губернатора много значитъ. Нужда на столько очевидна, что и самъ г. Бодиско, соратникъ покойнаго Грингмута, призналъ положеніе населенія Оренбургской губерніи бѣдственнымъ. Разъ бѣдствіе признано, — представители государственной власти, казалось бы, обязаны думать о возможномъ смягченіи его. Но мы уже знаемъ новую теорію,—что бѣдствіе само по себѣ ни къ чему не обязываетъ. Есть вѣдь «страданія лѣнивыхъ и порочныхъ людей», которымъ помогать «безнравственно». И г. Бодиско постарался установить въ какой мѣрѣ бѣдствующее населеніе Орен-

*) „Новое Время", 24 ноября.
**) «Одесскія Новости», 2 ноября.

бургской губерніи подвержено лѣни и порокамъ. Онъ сталъ «допрашивать» крестьянъ:

— «Вы—тунеядцы! Куда вы дѣвали деньги отъ прошлогоднихъ урожаевъ? Пропили?» *).

Лодыри, тунеядцы, лежебоки, негодяи, пьяницы... Это все-таки предлогъ для «патріотическаго» отношенія къ народному бѣдствію. Крестьяне объяснили и доказали сердитому генералу, что «деньги отъ прошлогоднихъ урожаевъ» употреблены частью на текущія надобности, частью на улучшеніе хозяйства: «кто машину завелъ, кто скотины прибавилъ себѣ», кто построился или расширилъ постройки... «Инспекторъ по голодной части» убѣдился, что передъ нимъ не тунеядцы, не лодыри и не пьяницы. Казалось бы, сердитый генералъ долженъ былъ переложить гнѣвъ на милость. Въ дѣйствительности онъ, повидимому, лишь пуще разгнѣвался.

— Вотъ оно что!—заключилъ г. Бодиско.—Вы вотъ какъ раскутились..

И написалъ въ рапортѣ (дословно):

«въ бѣдственномъ положеніи населенія Оренбургской губерніи виновно прежде всего само населеніе своею безпечностью, своимъ увлеченіемъ посѣвной спекуляціей, слишкомъ широкими затратами на улучшенія, излишними расходами»...

А затѣмъ—пока отъ себя—объявилъ такую резолюцію:

— Никакого вспособленія для прокормленія рабочаго скота не потребуется...

Свои заключенія г. Бодиско направилъ губернскому присутствію для руководства, а самъ покатилъ дальше, черезъ Уралъ, въ Сибирскій неурожайный районъ **).

Предполагалось, что мужикъ пьяница и лодырь,—слѣдовательно виноватъ. Доказано, что мужикъ—труженикъ, каждую свободную копѣйку тратившій на поддержаніе хозяйства,—ничего не значитъ, все равно виноватъ. Вы старались расширить посѣвную площадь,—а теперь казна пособіе давай! Вы разводили скотъ,—а казна о кормахъ хлопочи! Доказано, что мужикъ не лодырь, не пьяница, но и не заводилъ скота, не улучшалъ хозяйства, не расширялъ посѣвную площадь, ибо не имѣлъ на это средствъ,—все-таки виноватъ... Мужикъ долженъ быть виноватымъ, а въ чемъ,—это въ сущности безразлично. Мотивы рѣшенія отпадаютъ,—они вещь случайная. Но самое рѣшеніе остается неизмѣннымъ: помогать не слѣдуетъ—вотъ единственно правильное рѣшеніе вопроса; всякая помощь, хотя бы и ничтожная, есть уступка, компромиссъ, нарушеніе принципа.

Этотъ принципъ сталкивается не только съ установленными понятіями о человѣколюбіи и долгѣ состраданія. На пути стоитъ многое, не безразличное съ государственной и даже съ узко-финансовой, хозяйственной точки зрѣнія. Разные провинціальные

*) «Современное Слово», 11 ноября.

**) Тамъ же.

администраторы, многія духовныя лица, корреспонденты даже такихъ газетъ, какъ «Голосъ Москвы», единодушно указываютъ на одно изъ важнѣйшихъ послѣдствій неурожая: распродается за безцѣнокъ или гибнетъ отъ безкормицы крестьянскій скотъ, распродается необходимѣйшій хозяйственный инвентарь и т. д. Милліонамъ хозяйствъ грозитъ тяжкое и во многихъ случаяхъ окончательное, непоправимое раззореніе. Можно быть болѣзненно свободнымъ отъ чувствъ состраданія. Но даже по чисто государственнымъ соображеніямъ нельзя, казалось бы, не содрогнуться. И нѣкоторые администраторы, содрогаются. Однако, есть и другіе администраторы, которые, безъ стѣсненія отвѣчаютъ на просьбы о хлѣбѣ:

— Продавайте коровъ, лошадей... «Проѣдайте имущество»...

— «Да какое же у насъ, батюшка, имущество?»—возразили крестьяне одному тобольскому чиновнику.

«А вотъ подушки»,—отвѣтилъ администраторъ *).

Подушки, бѣлье, сапоги, колеса, хомуты,—мало ли что можно продать? Есть, наконецъ, имущество и болѣе фундаментальное.

Предсѣдателю совѣта министровъ препровождена была предсѣдателемъ Государственной Думы полученная имъ отъ землевладѣльца Левина телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ идетъ усиленная продажа крестьянами надѣльной земли по очень дешевой цѣнѣ. Вслѣдствіе этой продажи явится масса деревенскаго пролетаріата, неспособнаго къ городскому труду, для деревни вреднаго. Бога ради, нельзя ли пріостановить продажу земли, по крайности временно?»

Предсѣдатель совѣта министровъ запросилъ губернаторовъ. Оренбургскій губернаторъ отвѣтилъ, что «усиленной продажи крестьянами надѣльной земли не было». Самарскій губернаторъ прислалъ телеграмму: «распродажа надѣльной земли въ текущемъ году по сравненію съ предыдущими годами не увеличилась» **) Всю эту переписку по телеграфу «освѣдомительное бюро» опубликовало. И такимъ образомъ пока идетъ споръ о фактѣ: приснилась землевладѣльцу Левину, а равно и многочисленнымъ газетнымъ корреспондентамъ, усиленная распродажа земли крестьянами, или распродажа дѣйствительно происходитъ, только губернаторы не замѣчаютъ ея. А независимо отъ этой чисто фактической стороны дѣла, идетъ споръ и по существу: допустима или недопустима распродажа земли крестьянами? желательна или нежелательна? Изъ той же Самарской губерніи мы имѣемъ, напр., и такое свѣдѣніе: нѣкій г. Лукинъ, дѣйствующій отъ имени бугурусланской землеустроительной комиссіи, на просьбы голодныхъ о помощи отвѣчаетъ:

— «*Продайте землю, и у васъ будетъ хлѣбъ*».***)

---

*) «Русскія Вѣдомости», 13 ноября.

**) «Новое Время», 27 ноября.

***) «Русское Слово», 17 ноября.

Да почему бы и не понуждать голодныхъ къ распродажѣ земли? Вотъ мнѣніе члена Государственной Думы Келеповскаго высказанное въ засѣданіи 9 ноября:

«Радикально вопросъ о голодѣ будетъ рѣшенъ тогда, когда земля уйдетъ изъ рукъ слабыхъ и перейдетъ въ руки сильныхъ,... когда осуществится реформа, намѣченная покойнымъ П. А. Столыпинымъ, когда ставка на сильныхъ будетъ выиграна, когда *вся земля перейдетъ изъ рукъ слабыхъ... въ руки сильныхъ*».

Говорятъ о пьянствѣ. Но пьянство не такъ ужъ страшно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже желательно. Нужно лишь не помогать слабымъ, нужно отрѣшиться отъ «жалости съ этимъ слабымъ». А затѣмъ, разъ это выполнено,—пьянство не помѣха. Наоборотъ

если слабые пропьютъ свое имущество,—что-жъ дѣлать?... «Пускай пропьютъ, останутся сильные, и сильные скупятъ это имущество». *).

Пожалуй, стало быть, оно къ лучшему, что страну постигло бѣдствіе,—скорѣе будетъ достигнуто «радикальное» рѣшеніе вопроса.

III.

Установилось два типа отношенія къ бѣдствію. Одно можетъ быть названо въ большей или меньшей степени гуманитарнымъ, другое—народоборческимъ. Упомянутые мною представители народоборчества,—гг. Меньшиковъ, Келеповскій, Бодиско, Марковъ-курскій, Лукинъ-бугурусланскій и т. д.—конечно, малыя свѣтила. Многое изъ того, что они говорятъ, въ сущности сводится къ простому повторенію «истинъ», преподанныхъ циркулярно. Между прочимъ, покойный Столыпинъ въ одномъ изъ своихъ такъ сказать предсмертныхъ циркуляровъ—23 августа—губернаторамъ писалъ, что продовольственныя ссуды голоднымъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допущены, такъ какъ онѣ развращаютъ населеніе, поощряютъ тунеядство и пьянство**). Вотъ откуда черпается вдохновеніе. И о качествѣ мотивовъ этого источника можетъ дать нѣкоторое понятіе хотя бы, напр., такая газетная замѣтка:

«Неурожай начиналъ сказываться на операціяхъ винной монополіи—за послѣднее время по Казанской губерніи на столько уменьшилась продажа вина, что въ Петербургѣ обезпокоились и требуютъ объясненія причинъ ***).

Почти одновременно одинъ министръ безпокоился, что помощь голоднымъ разовьетъ пьянство, а другого министра безпокоило, что голодные меньше пьютъ. Объединенное вѣдь у насъ правитель-

---

*) Офиц. стенографическій отчетъ, стр. 1591.
**) «Утро Россіи», 7 сентября; «Кіевская Мысль», 29 сентября.
***) «Сибирская Жизнь», 1 сентября.

ство... Циркуляры перефразировываются малыми свѣтилами. Но и циркуляры—не первоисточникъ.

Вамъ хорошо извѣстно,—говорилъ членамъ Государственной Думы предсѣдатель совѣта министровъ Коковцовъ 2 ноября, отвѣчая на запросы о голодѣ,—насколько выдачи продовольственныхъ ссудъ вызывали возраженія даже въ вашей средѣ. Вы помните, когда шелъ вопросъ объ израсходованіи изъ государственнаго казначейства въ теченіе 1905—1906—1907 гг. очень крупной цифры, въ средѣ вашей же возникалъ вопросъ о томъ, что эта форма указанія помощи иногда производила впечатлѣніе крайне неблагопріятное. Вы припомните, вѣроятно, какія рѣчи раздавались съ этой самой каѳедры, когда сопоставлялось оказаніе продовольственной помощи съ увеличеніемъ питейнаго дохода... Кромѣ того, и что всего важнѣе,... указывали на то, что мы постепенно и незамѣтно ведемъ населеніе къ такъ называемому царскому даровому пайку, внушаемъ населенію вѣчную мысль о томъ, что—нѣтъ хлѣба, хлѣба дадутъ“ *).

Другими словами, правительство, рѣшая (въ іюлѣ и августѣ) не допускать продовольственныхъ ссудъ, слѣдовало указаніямъ право-октябристскаго большинства третьей Думы. Однако, и не третьей Думѣ принадлежатъ авторскія права. И не ею изобрѣтены мотивы: развивается, дескать, пьянство, поощряется лѣность, безпечность и т. д. Это очень старая пѣсня россійскихъ реакціонеровъ. Во времена крѣпостного права они пѣли ее, стараясь освободиться отъ налагаемой закономъ на помѣщиковъ обязанности обезпечивать продовольствіе крѣпостныхъ людей. Дореформенная администрація часто смотрѣла сквозь пальцы на выполненіе помѣщиками этой обязанности. Но законъ оставался закономъ. Государственная власть юридически не освобождала помѣщиковъ отъ продовольственныхъ обязанностей по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Послѣ 1861 г. обязанность смягчать стихійныя бѣдствія, не допускать массового раззоренія, голода и т. д., перешла непосредственно къ государственной организаціи. Реакціонеры же остаются реакціонерами. Сохраняя крѣпостническія тенденціи, стремясь къ возстановленію крѣпостническихъ формъ жизни, воодушевляясь по преимуществу народоборческими цѣлями, реакціонеры имѣютъ достаточно основаній воевать и противъ просвѣщенія, и противъ поддержки экономическаго благосостоянія массъ. По причинамъ, которыя давно выяснены и не составляютъ секрета, реакціи это выгодно. Въ ея старыхъ пѣсняхъ перечисляются тѣ условія, которыя необходимы для ея благополучія. Фактически правильно указаніе г. Коковцова: пѣсню о казенномъ пайкѣ, пьяницахъ и бездѣльникахъ пѣли въ Государственномъ Совѣтѣ и въ третьей Государственной Думѣ. Дѣло лишь въ томъ, что существующій и понынѣ не отмѣненный законъ эти старыя домогательства реакціи все-таки отвергаетъ: земледѣльческому населенію, пораженному неурожаемъ, предоставляется право на полученіе

*) Офиціальный стенографическій отчетъ о засѣданіи Думы 2 ноября 1911 г., стр. 1109.

продовольственной ссуды изъ суммъ государственнаго казначейства. И не лишне напомнить, что самъ Столыпинъ въ 1906—1908 гг. считалъ это велѣніе закона подлежащимъ исполненію. Въ іюлѣ и августѣ текущаго года случилось иначе. Совѣтъ министровъ собственною властью лишилъ населеніе, по крайней мѣрѣ, 20 неурожайныхъ губерній (если придерживать официальнаго счета) права на полученіе продовольственныхъ ссудъ. Рѣшеніе слишкомъ смѣлое. И оно вызвало сильную оппозицію. Противъ него оказались не только прогрессивные круги общества, но и значительная часть духовенства, многіе провинціальные администраторы и «правые» земцы, предводители дворянства; даже въ нововременскомъ парламентѣ мнѣній за это рѣшеніе опредѣленно сумѣли высказаться только такіе ужъ совсѣмъ отпѣтые милостивые государи, какъ г. Меньшиковъ. Помимо этой оппозиціи, нельзя не считаться съ тѣмъ «нервнымъ» настроеніемъ крестьянства, о которомъ я упоминалъ выше. И, по словамъ г. Коковцова, *въ октябрѣ* состоялось новое рѣшеніе совѣта министровъ—продовольственныя ссуды были признаны допустимыми. Однако, правительство, какъ объяснилъ опять-таки г. Коковцовъ, признаетъ эту форму помощи принципіально нежелательной (поощреніе пьянства, лѣности и прочее подобное), допускаетъ ее, какъ неизбѣжное зло, и съ нѣкоторыми ограниченіями. Продовольственныя ссуды будутъ допущены только тамъ, гдѣ общественныхъ работъ нѣтъ, или гдѣ онѣ не достаточны,—не даютъ «возможности пріобрѣсти необходимыя средства для того, чтобы выждать новаго урожая» *). Если полагаться на газетныя свѣдѣнія, то «общественныя работы» во всѣхъ губерніяхъ недостаточны и не дадутъ возможности продержаться до новаго урожая. Но, разумѣется, правительство можетъ это оспаривать. Отъ него, принципіально осуждающаго продовольственныя ссуды, зависитъ, признать или не признать, что населеніе въ той или другой мѣстности не можетъ продержаться безъ ссудъ. Отсюда членъ Государственной Думы Келеповскій сдѣлалъ такой выводъ (въ засѣданіи 9 ноября при обсужденіи рѣчи г. Коковцова по запросамъ о голодѣ):

„Я съ удовольствіемъ слушалъ объясненія предсѣдателя совѣта министровъ... Съ радостью вижу, что правительство нынѣ отказалось уже отъ идеи правительственнаго пайка. Слава Богу!.. Правительство уже положило крестъ на эту идею государственнаго пайка. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что во вторую Думу оно смотрѣло иначе, считалось съ положеніемъ и требованіями лѣвыхъ, довольно предупредительно отвѣчало, что этотъ паекъ будетъ данъ. Въ настоящее время, слава Богу, мы слышимъ другое**)...

Г. Келеповскій нѣсколько поторопился сказать: «слава Богу». Онъ отчасти ошибается. Обѣщаніе правительства: «паекъ» будетъ

---

*) Тамъ же, стр. 111.

**) Офиц. стенографическій отчетъ, стр. 1589—1590.

даваться, не есть обманъ. Повидимому, обѣщаніе будетъ выполнено, кое-гдѣ заработокъ на общественныхъ работахъ офиціально признанъ недостаточнымъ и, по газетнымъ свѣдѣніямъ, уже приступлено къ организаціи ссудно-продовольственной помощи. Вѣроятно, она будетъ до нельзя скупа; по мѣрѣ возможности, ее урѣжутъ. Но г. Коковцовъ, принявъ въ принципѣ одну изъ боевыхъ идей россійскаго народоборчества, дѣйствительно таки пошелъ на компромиссъ, сдѣлалъ практическую уступку «слюнтявому гуманизму». И практически вопросъ сводится къ спору о размѣрахъ этой уступки. Уступка вынуждается давленіемъ въ низахъ и напоромъ общественнаго мнѣнія. Чѣмъ болѣе одинокъ окажется совѣтъ министровъ въ своемъ принципіальномъ отрицаніи ссудно-продовольственной помощи, тѣмъ больше будетъ «паекъ». И наоборотъ,—чѣмъ сильнѣе будетъ поддержка извнѣ у совѣта министровъ, тѣмъ больше «паекъ» урѣжутъ,—онъ можетъ свестись даже къ чисто формальному выполненію требованій закона и сдѣланныхъ обѣщаній. Есть-ли поддержка извнѣ у того принципіальнаго отношенія къ «пайку», какое принято къ руководству г. Коковцовымъ? Когда ставишь этотъ вопросъ, то является опасеніе, что г. Келеповскій только отчасти ошибается. Отчасти онъ правъ. Обсудивъ отношеніе правительства къ неурожаю вообще и къ ссудно-продовольственнымъ операціямъ въ частности, фракція октябристовъ предложила Государственной Думѣ признать, что «правительство своевременно озаботилось о принятіи установленныхъ закономъ и практикою прежнихъ лѣтъ мѣръ борьбы съ послѣдствіями неурожая» *). И большинство Думы приняло эту формулу. Продовольственная политика одобрена. Совѣтъ министровъ не одинокъ. На его сторонѣ величина, которая, по формальнымъ признакамъ, имѣетъ весьма импозантный видъ: Дума, законодательная палата, «парламентъ», «народное представительство»... Вотъ кто, вѣроятно, поможетъ приблизиться къ желательному г-ну Келеповскому рѣшенію вопроса о «пайкѣ». Вотъ съ чьею помощью можно урѣзать сдѣланныя уступки.

Формула октябристовъ вызвала не малыя недоумѣнія. Правительство *«своевременно* озаботилось»... Но, вѣдь, только въ октябрѣ совѣтъ министровъ призналъ за населеніемъ право, «установленное закономъ» и уважаемое «практикою прежнихъ лѣтъ»... Гдѣ жъ тутъ своевременность? Правительство и принципіально, и практически отвергало право на продовольственныя ссуды. Гдѣ тутъ законность? Гдѣ соотвѣтствіе «практикѣ прежнихъ лѣтъ»? Въ формулѣ, принятой Думою, не соблюдено требованіе фактической достовѣрности; за то допущена большая двусмысленность. Формула говоритъ о мѣрахъ борьбы не противъ *бѣдствія*, вызываемаго неурожаемъ а противъ «*послѣдствій* неурожая». Помощь голод-

*) Цит. по „Русскимъ Вѣдомостямъ", 12 ноября.

нымъ есть вѣдь тоже одно изъ «послѣдствій неурожая». И остается неяснымъ, что собственно одобряли, голосовавшіе за формулу: помощь голоднымъ, или мѣры, направленныя къ ограниченію той помощи? Г-ну Коковцову угодно было продовольственныя ссуды, энергически взыскиваемыя съ населенія, назвать «*даровымъ* пайкомъ». Такую вольность терминологіи трудно признать позволительной. Однако, въ прежніе годы получали голодные люди и настоящій даровой паекъ. Во-первыхъ, получали милостыню: голодающія семьи идутъ по кусочки, и жители окрестныхъ мѣстъ «подаютъ Христа ради», пока у нихъ есть возможность. Этотъ паекъ всегда былъ онъ и есть, хотя нынѣшнее бѣдствіе исключительное. Газетные корреспонденты увѣряютъ, что есть населенныя мѣстности, гдѣ на десятки верстъ вокругъ нельзя найти хлѣба, и населеніе сплошь питается палломъ, кошками, кониной, конопляными жмыхами, жолудями, лебедой, березкой; отруби—уже лакомство, а хлѣбъ, спеченный пополамъ съ картошкой—роскошь. И тѣмъ не менѣе не совсѣмъ голодный мужикъ нерѣдко дѣлится послѣдними крохами съ тѣмъ мужикомъ, у котораго ужъ совсѣмъ ничего нѣтъ,—ни жолудей, ни лебеды (и на лебеду нынче былъ неурожай). Эту мужицкую лепту никто не считалъ. Но въ общемъ итогѣ изъ лептъ составляется, безъ сомнѣнія, большая величина. Во-вторыхъ, за послѣднія 20 лѣтъ «даровой паекъ» голодающему населенію давала частная, общественная иниціатива въ порядкѣ сбора пожертвованій и организованнаго распредѣленія ихъ: устройство столовыхъ, снабженіе бѣднѣйшихъ или наиболѣе пострадавшихъ одеждой и обувью, оказаніе врачебной помощи и т. д. Къ этой общественной помощи голоднымъ и законъ, и административная «практика прежнихъ лѣтъ» относились подозрительно и непріязненно. Общественную помощь терпѣли, какъ одно изъ трудно устранимыхъ «послѣдствій» каждаго крупнаго неурожая, но ей неизмѣнно ставились препоны. На этотъ разъ правительствомъ предприняты мѣры болѣе откровенныя, болѣе рѣшительныя,—и при томъ вполнѣ своевременныя.

«Министерство внутреннихъ дѣлъ еще 8 августа, телеграммой за подписью тайнаго совѣтника Кондоиди, дало надлежащія директивы губернаторамъ, гдѣ указывалось, что все должно идти, такъ сказать, отъ правительства, что... правительство должно проводить весь вопросъ о помощи» *)...

Все отъ правительства... Относительно же частной поддержки голоднымъ преподаются, между прочимъ, такія руководящія указанія:

Въ Луганскѣ гимназисты рѣшили, было, сдѣлать пожертвованія. Объ

*) Рѣчь члена Государственной Думы Сыртланова въ засѣданіи 9 ноября; стенографическій отчетъ, стр. 1523.

этомъ узналъ директоръ гимназіи. Онъ собралъ учениковъ и объяснилъ имъ что *«жертвуя въ пользу голодающихъ, они поступаютъ очень нехорошо»*. [1]).

Въ Рыбинскѣ ученицы женской гимназіи въ день годичнаго акта, 14 ноября, «намѣрены были устроить продажу живыхъ цвѣтовъ, и вырученныя деньги предполагали пожертвовать въ пользу голодающихъ, но начальница гимназія наотрѣзъ отказала разрѣшить это». [2]).

Ректоръ московскаго университета М. К. Любавскій «не разрѣшилъ студентамъ производить въ университетѣ сборъ въ пользу голодающихъ на томъ основаніи, что для этого нужно организовать спеціальное общество». [3]).

Проректоръ саратовскаго университета воспретилъ обществу взаимопомощи студентовъ обсужденіе вопроса о помощи голодающимъ. [4]).

Таковы—очевидно, своевременныя—мѣры борьбы съ послѣдствіями неурожая, предпринятыя по министерству народнаго просвѣщенія. Юношеству стараются внушать, что помогать голодающимъ нехорошо, предосудительно, недопустимо, непозволительно. Если юношество пожертвуетъ на памятникъ Столыпину,—начальство, безъ сомнѣнія, не запретитъ и не осудитъ. Но жертвовать въ пользу голодающихъ запрещается. Пожертвованія отъ учащихся, разумѣется, не могутъ составить крупную сумму. Но дѣло не въ суммѣ.Важенъ принципъ, усвоенный не только вицмундирными педагогами среднихъ школъ,—фактически этотъ принципъ проводится и нѣкоторыми ректорами университетовъ.

Важенъ принципъ. Онъ примѣняется не въ однѣхъ вѣдь школахъ.

Въ редакцію «Уральскаго Края» (Екатеринбургъ) начали, было, поступать пожертвованія въ пользу голодающихъ. «Пермскій вице-губернаторъ г. Европеусъ, въ отсутствіе губернатора управляя губерніей, дальнѣйшій сборъ запретилъ». [5]).

Въ редакцію газеты «Архангельскъ» поступали пожертвованія въ пользу голодающихъ. Архангельская администрація запретила принимать ихъ. [6]).

Въ Екатеринославѣ при освященіи новаго зданія коммерческаго клуба среди публики возникло желаніе сдѣлать пожертвованія въ пользу голодающихъ; «администрація запретила» [7]).

Среди служащихъ Екатерининской дороги распространилось воззваніе епископа Досифея о пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ; по распоряженію начальства эти воззванія изъяты изъ всѣхъ службъ дороги. [8]).

Въ Курскѣ общественный клубъ хотѣлъ устроить вечеръ въ пользу голодающихъ; полицеймейстеръ не разрѣшилъ. [9]).

Въ Сарапулѣ владѣльцы кинематографовъ хотѣли устроить сеансы въ пользу голодающихъ; администрація запретила. [10]).

---

[1]) «Утро Россіи», 29 ноября.
[2]) «Утро Россіи», 16 ноября.
[3]) «Утро Россіи», 8 ноября.
[4]) «Современное Слово», 17 ноября.
[5]) «Новое Время», 13 ноября.
[6]) Тамъ же.
[7]) «Волжскія Вѣсти», 27 ноября.
[8]) «Русское Слово», 29 ноября.
[9]) Тамъ же.
[10]) «Русское Слово», 26 ноября.

Въ засѣданіи кіевской городской думы гласный, Григоровичъ-Барскій, попросивъ слова по частному вопросу, заявилъ: «господа, я долженъ поднять вопросъ о помощи голодающимъ; гласные должны сдѣлать починъ: мы могли бы собрать между собою»... Городской голова не позволилъ гласному Григоровичу-Барскому окончить предложеніе, сказавъ: «въ виду сдѣланнаго мнѣ категорическаго заявленія, я не могу допустить обсужденіе вопроса о голодѣ». Какъ потомъ выяснилось, поведеніе городского головы вызвано категорическимъ требованіемъ вице-губернатора Кошкарева. *).

Послѣдній, кіевскій, эпизодъ имѣлъ нѣкоторое продолженіе. Одинъ изъ гласныхъ думы г. Экстеръ принесъ жалобу на городского голову за отказъ поставить на обсужденіе вопросъ о помощи голодающимъ. Этого гласнаго вызвалъ къ себѣ уже не вице-губернаторъ, а самъ кіевскій губернаторъ—г. Гирсъ.

Гирсъ заявилъ гласному, подавшему жалобу, что городской голова дѣйствовалъ по его, губернатора, указанію, «и сдѣлалъ Экстеру *выговоръ за вмѣшательство не въ свое дѣло*». **).

И опять надо сказать: еще недавно администрація «поощряла» городскія думы и земскія собранія жертвовать на памятникъ Столыпину. Нѣкоторыя земства попытались не выказать особеннаго сочувствія этому дѣлу,—и послѣдовали для нихъ непріятности.

«Опочецкое земское собраніе постановило ассигновать 15 рублей на памятникъ Столыпину... Земская управа получила отъ губернатора особый запросъ: при какихъ обстоятельствахъ состоялось это постановленіе?»

Только 15 руб. «Мало пожертвовали» ***)... На памятникъ Столыпину, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Но ежели на голодающихъ, то категорически требуется, чтобъ не жертвовали, не призывали къ жертвованіямъ, не создавались центры, куда могутъ стекаться деньги. Совсѣмъ устранить общественную поддержку бѣдствующему населенію, разумѣется, невозможно,—тѣмъ болѣе, что желаніе помочь голоднымъ есть не только у частныхъ, независимыхъ людей. За сборъ пожертвованія и за призывъ къ нимъ взялись многія духовныя лица—и священники, и епископы. Взялись за это и земства. Я уже упоминалъ выше объ оренбургскомъ губернаторѣ, который черезъ редакцію мѣстной газеты внесъ лично отъ себя 25 р. Нашлось въ Россіи и еще нѣсколько губернаторовъ, не стѣсняющихъ сборы пожертвованій, а иногда и приглашающихъ жертвовать. Эта пестрота отношеній къ помощи голоднымъ со стороны официальныхъ лицъ могла бы создавать впечатлѣніе, что провинціальныя власти, пресѣкая пожертвованія, дѣйствуютъ самовольно. Между прочимъ, «Новое Время» 13 ноября писало: «пусть Петербургъ разъяснитъ ретивымъ администраторамъ (запрещающимъ сборъ пожертвованій) всю неумѣстность ихъ пове-

*) «Современное Слово», 17 ноября.
**) «Вятская Рѣчь», 30 ноября.
***) «Утро Россіи», 2 декабря.

денія». «Петербургъ разъяснилъ ретивымъ администраторамъ». И эти «разъясненія» напечатаны того же 13 ноября, въ томъ же «Новомъ Времени». Образованной изъ представителей 20 общественныхъ организацій «комитетъ для помощи голодающимъ» просилъ у правительства разрѣшить всероссійскій сборъ пожертвованій. Общій сборъ правительствомъ не разрѣшенъ, «при чемъ указано, что разрѣшеніе частичныхъ сборовъ зависитъ отъ мѣстныхъ губернаторовъ»... Есть, повторяю, губернаторы, которые разрѣшаютъ. Но, поскольку вообще провинціальная администрація прислушивается къ камертону изъ Петербурга, ея запретительная тактика вполнѣ понятна. Въ самомъ Петербургѣ принимаются мѣры пресѣченія противъ пожертвованій. Укажу для примѣра хотя бы на судьбу попытки напечатать въ видѣ объявленія воззваніе челябинскаго епископа Діонисія. «Новое Время» напечатало. Въ разныхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ (между прочимъ, и въ «Русскомъ Богатствѣ») это объявленіе не могло появиться, такъ какъ оно запрещено полицейской цензурой.

Пожертвованія пресѣкаются. Организованное распредѣленіе ихъ усиліями общественныхъ группъ признано недопустимымъ. Предсѣдатель совѣта министровъ лично заявилъ представителямъ 20 обществъ, что «помимо Краснаго Креста и земскихъ учрежденій, никакія общественныя организаціи по борьбѣ съ голодомъ, допущены быть не могутъ» *). Не могутъ быть допущены къ устройству помощи голодающимъ, между прочимъ, ни вольное экономическое общество, ни пироговское общество, ни общеземская организація. Не предоставляется имъ даже призывать къ пожертвованіямъ. Правда, въ газетахъ было напечатано воззваніе Императорскаго вольнаго экономическаго общества; но, по мнѣнію предсѣдателя совѣта министровъ, это—незаконное воззваніе, оно «появилось вопреки уставу означеннаго общества» **). Всѣ тѣ спеціальныя средства на помощь голодающимъ, какія имѣются въ распоряженіи общественныхъ организацій, а равно всѣ частныя пожертвованія для этой цѣли должны быть передаваемы или въ продовольственный отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, или въ управленіе Краснаго Креста, или земскимъ управамъ... Нѣкоторые провинціальные администраторы на столько прониклись этимъ общимъ рѣшеніемъ правительства, что принялись было прямо отбирать деньги, имѣющіяся, напр., у мѣстныхъ представителей вольнаго экономическаго общества. Однако, путь непосредственнаго нападенія на собственность юридическихъ лицъ, разумѣется неудобенъ,—помимо всего прочаго, онъ неминуемо долженъ привести къ вчиненію гражданскихъ исковъ. И къ концу ноября установилась единообразная и болѣе осторожная тактика. Пожертвованія сосредото-

---

*) «Новое Время», 13 ноября.

**) Тамъ же.

чиваются главнымъ образомъ въ редакціяхъ періодическихъ изданій; при создавшихся условіяхъ, это—наиболѣе доступныя и извѣстныя для массоваго жертвователя центры. И отъ періодическихъ изданій администрація отбираетъ, подъ страхомъ примѣненія репрессій, обязательство передавать всѣ пожертвованія мѣстной администраціи или отправлять ихъ по тремъ названнымъ адресамъ (министерство, Красный Крестъ, земскія управы). Такъ надо поступать и въ томъ случаѣ, когда жертвователями указано, что деньги должны быть переданы въ распоряженіе опредѣленной общественной организаціи, — напр., вольному экономическому обществу. Редакціи такимъ образомъ принуждаются или отказываться отъ пріема пожертвованій, предназначенныхъ для передачи въ общественныя организаціи, или игнорировать права этихъ организацій и волю жертвователей, подвергаясь не только моральной, но и юридической отвѣтственности.

По скольку дѣло идетъ о борьбѣ противъ помощи голодающимъ, всѣ эти мѣропріятія не только своевременны, но и, безъ сомнѣнія, цѣлесообразны. Они привели, во-первыхъ, къ тому, что многія редакціи газетъ,—даже такихъ, какъ, напр., «Русскія Вѣдомости»—оказались вынужденными объявить о томъ, что онѣ воздерживаются отъ пріема пожертвованій. Во-вторыхъ, жертвователи тоже воздерживаются:

Самарскій, напр., биржевой комитетъ приступилъ къ сбору пожертвованій. Въ 2 дня собрано 15000 р. Вдругъ стало извѣстно, что никакая частная организація не будетъ допущена, и собранныя пожертвованія надлежитъ направлять въ Красный Крестъ. Тогда биржевой комитетъ отправилъ телеграммы—одну предсѣдателю совѣта министровъ, другую—министру торговли и промышленности,—съ просьбою разрѣшить биржевому обществу организовать помощь самостоятельно. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта комитетъ рѣшилъ возвратить собранныя деньги обратно жертвователямъ, но не направлять въ Красный Крестъ *).

То же случилось и на Самаро-златоустоустовской желѣзной дорогѣ:

Среди служащихъ была организована подписка въ пользу голодающихъ Начальство распорядилось направлять деньги въ Красный Крестъ. Многіе служащіе стали снимать свои пожертвованія **).

Много значитъ, конечно, недовѣріе и опасность всякаго рода лидваліадъ. Но важно и другое соображеніе. Фактически государственная и земская помощь удовлетворяютъ лишь часть нужды. Сверхъ того, и государство, и земство (не имѣющее, кстати, мелкихъ единицъ) слишкомъ громоздкія величины для того, чтобы удовлетворить многія мелкія, но насущныя нужды и отдѣльныхъ лицъ, и цѣлыхъ группъ. Частная жертва естественно направляется туда, гдѣ государственная и земская помощь недостаточна, а

---

*) «Русское Слово», 25 ноября.

**) Тамъ же.

иногда и невозможна. Запрещая общественную организацію помощи, правительство дѣлаетъ недостижимой и ту главнѣйшую цѣль, какую преслѣдуютъ частныя пожертвованія. Тѣмъ самымъ умаляется и охота жертвовать.

Своевременными мѣропріятіями «противъ послѣдствій неурожая», безспорно, достигнуты серьезные успѣхи. Значительно сокращена не только матеріальная помощь, которая могла бы поступить въ видѣ частныхъ пожертвованій. Пресѣкается и та моральная поддержка, которую приносили въ былые годы и могли бы принести теперь непосредственные дѣятели общественныхъ организацій. Много значитъ, если среди голодныхъ, доведенныхъ до отчаянія людей появляется не чиновникъ, обязанный службою и дѣйствующій по приказанію, а просто бодрый, свѣжій и «вольный» человѣкъ, движимый лишь любовью и желаніемъ помочь. Уже одно присутствіе такого человѣка нерѣдко поднимаетъ вѣру въ лучшія человѣческія чувства, возрождаетъ сознаніе братской солидарности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надежду на лучшее будущее. Часто невѣсомая это величина. Но она немаловажна. И ея-то стараются лишить голодныхъ. Почему? Въ силу какихъ мотивовъ и резоновъ? Нѣкоторые изъ этихъ мотивовъ излагаетъ, между прочимъ, г. Меньшиковъ. Возьмемъ для примѣра открытіе столовой въ голодающей деревнѣ. Какъ будто нѣтъ въ этомъ ничего дурного. И г. Меньшиковъ не отрицаетъ, что берутся за это дѣло «искренніе и благородные народолюбцы». Но, по его мнѣнію, такихъ народолюбцевъ очень немного; рядомъ съ ними, если правительство позволитъ открывать столовыя, появится «множество политикановъ», которые станутъ не только кормить и лѣчить голодныхъ, но и вести противоправительственную пропаганду, внушать мужикамъ, что у нихъ мало земли и т. д. *) Не будемъ пока оцѣнивать по существу подобные аргументы. Примемъ сказанное, какъ оно есть:

— Правительство запрещаетъ пироговскому или вольному экономическому обществу открытіе столовыхъ, потому что опасается пропагандистовъ и агитаторовъ.

Но совсѣмъ запретить столовыя, повторяю, невозможно. Въ цынготныхъ деревняхъ кое-гдѣ онѣ открыты Краснымъ Крестомъ. Открываются столовыя нѣкоторыми благотворительными обществами, непосредственно руководимыми администраціей. Открываются онѣ и полублаготворительными-полутехническими организаціями, возникающими по инициативѣ земскихъ управъ. Кое-гдѣ объ устройствѣ столовыхъ хлопочутъ земскіе начальники, приходскіе батюшки или даже становые пристава. Слишкомъ мало возникло и возникаетъ питательныхъ пунктовъ. Свѣдѣнія объ ихъ дѣятельности не всегда благопріятны. Но столовыя, лишенныя, такъ сказать, широкаго общественнаго характера, есть. И такъ какъ онѣ дѣйствуютъ

*) «Новое Время», 24 ноября.

подъ непосредственнымъ наблюденіемъ администрація, то серьезно опасаться развитія въ нихъ противоправительственной пропаганды нѣтъ основанія. И тѣмъ не менѣе въ газетахъ читаемъ, напр., такое сообщеніе.

Самара. 1 декабря. Губернаторъ заявилъ земскимъ начальникамъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ губерніи, гдѣ наблюдается острая нужда, общественныя работы не получили должнаго развитія, а потому министерство внутреннихъ дѣлъ организуетъ помощь въ формѣ выдачи ссудъ. При этомъ начальникъ губерніи предлагаетъ *срочно объявить* попечительствамъ, что *функціонирующія въ селеніяхъ столовыя къ моменту ссудной операціи подлежатъ закрытію, а отъ организаціи новыхъ столовыхъ слѣдуетъ воздержаться* *).

Предполагаются продовольственныя ссуды... А потому—новыхъ столовыхъ не открывать, а существующія закрыть. Вотъ резонъ, вполнѣ совпадающій съ призывами не баловать мужика, отрѣшиться отъ жалости къ слабымъ. Какъ видите, дѣло не только въ страхѣ передъ предполагаемыми пропагандистами и агитаторами.

Высказываются и еще нѣкоторыя соображенія:

1) Если допустить общественныя организаціи къ человѣколюбивой работѣ въ неурожайныхъ районахъ, то получатся нежелательныя для правительства осложненія во время предстоящихъ выборовъ въ четвертую Думу.

2) Только допусти либераловъ,—и начнется...

Начнется общественный подъемъ, возникнетъ единеніе интеллигенціи и народа на почвѣ большого и важнаго дѣла... Эта послѣдняя опасность, конечно, наиболѣе серьезна. Въ сущности опасны даже тѣ столовыя, которыя устраиваются подъ непосредственнымъ наблюденіемъ администраціи. Какую щель ни открой, въ нее устремятся живыя общественныя силы. И въ интересахъ охранной полиціи,—всѣ щели закрыть и ничего не допускать. Но, если ужъ становиться на охранно-полицейскую точку зрѣнія, то легко замѣтить и обратную опасность. «Россія» недавно произвела любопытный подсчетъ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, почтовое вѣдомство доставляло въ теченіе 1909 года журналы и газеты болѣе чѣмъ 4 милліонамъ подписчиковъ. Правда по отдѣльнымъ адресамъ часто выписывается нѣсколько изданій. Но, вѣдь, кромѣ подписки, есть розничная продажа. Такъ какъ каждый экземпляръ повременнаго изданія прочитывается нѣсколькими лицами, то правительственная газета дѣлаетъ выводъ:

въ итогѣ получимъ цифру въ 30—35 милліоновъ, — она выразитъ то количество людей въ Россіи, которое уже болѣе или менѣе ввело печатное слово въ свой постоянный обиходъ.

О цифрахъ можно спорить. Но, во всякомъ случаѣ, ни «своевременныя мѣропріятія», ни думскія рѣчи гг. Келеповскихъ, ни на-

*) „Русское Слово", 2 декабря; курсивъ мой.—*А. П.*

родо-ненавистническія выходки охранительныхъ публицистовъ не остаются подъ спудомъ,—объ этомъ знаетъ значительная часть взрослаго и грамотнаго населенія Россіи. И если бы существовали политиканы, способные смотрѣть на народное бѣдствіе, какъ на орудіе противоправительственной пропаганды, то они вполнѣ могли бы желать, чтобы правительство вело именно такъ продовольственную кампанію, какъ оно ведетъ ее, чтобы офиціозныя перья писали именно то, что они пишутъ, чтобы гг. Марковы и Келеповскіе говорили именно то, что они говорятъ, чтобы въ неурожайныхъ мѣстностяхъ возможно болѣе широкое распространеніе получили именно тѣ газеты, которымъ покровительствуетъ начальство, вродѣ «Свѣта», «Грозы» и «Русскаго Знамени» и пр.: онѣ объявляютъ голодъ «выдумкой» лѣвыхъ, онѣ увѣряютъ, что нѣтъ голода, населеніе обезпечено, что бѣдствуютъ только лѣнивые, что стремленіе помогать голоднымъ безнравственно и лицемѣрно,—какъ разъ голодному-то люду прочесть все это было бы назидательно. Что новаго можетъ сказать пропагандистъ голодающей деревнѣ? Г. Меньшиковъ боится, что мужику станутъ внушать: земли мало, земли нѣтъ, курицу некуда выпустить... Экая, подумаешь, новость для мужика. Г. Меньшиковъ боится еще, что пропагандистъ внушитъ мужику недовѣріе къ охранителямъ. Но, вѣдь, о нихъ не скажешь хуже того, что они сами говорятъ о себѣ. Положивъ въ основу продовольственной кампаніи народоборческіе принципы, охранителямъ поздно и нѣсколько смѣшно бояться пропаганды, — они сами противъ себи ведутъ пропаганду и дѣлаютъ это во многихъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ могли бы сдѣлать ихъ политическіе противники.

Не такъ-то просто сбалансировать счетъ прибылей и убытковъ съ точки зрѣнія охранно-полицейскихъ интересовъ. Въ однихъ отношеніяхъ народоборческая тенденція совпадаетъ охранно-полицейскими интересами. Въ другихъ отношеніяхъ она сталкивается съ ними и противорѣчитъ имъ, при чемъ оказывается, что даже охранно-полицейская точка зрѣнія можетъ быть больше государственной, чѣмъ тѣ принципы, которые развиваются гг. Келеповскими и Меньшиковы и воплощаются въ видѣ разнаго рода «своевременныхъ мѣропріятій». Принципы народоборческіе. Но, повторяю, прямолинейно провести эти принципы въ жизнь и не позволяетъ совокупность многихъ условій. Реальное соотношеніе силъ въ странѣ. обязываетъ къ цѣлому ряду компромиссовъ, практическихъ уступокъ, отступленій отъ господствующаго принципа.

IV.

Принципъ — желательное. Уступки, отступленіе отъ него всегда только терпимы, какъ неизбѣжная по тѣмъ или инымъ причинамъ непріятность. Людямъ свойственно отъ уступокъ при малѣйшей возможности отказываться, желательнаго—достигать. Въ административномъ мірѣ это свойство играетъ большую роль. Оно дѣйствуетъ въ верхахъ. Оно имѣетъ значеніе и въ исполнительныхъ инстанціяхъ. Есть и другое свойство. Услужливое, одержимое жаждою отличій и поощреній должностное лицо слушается, конечно, формальныхъ приказаній начальства, но старается также уловить, что начальству желательно, и поступаетъ, сообразуясь съ предполагаемыми имъ имъ желаніями. Приказанія которыя, по ошибочнымъ или правильнымъ догадкамъ второстепенныхъ чиновъ, являются мало пріятной уступкою какимъ-либо внѣшнимъ обстоятельствамъ, имѣютъ особую судьбу. Иногда ихъ совсѣмъ не исполняютъ. Часто ихъ толкуютъ въ возможно болѣе ограничительномъ смыслѣ или исполняютъ такъ, что они превращаются въ собственную противоположность.

Эти общія замѣчанія примѣнимы и къ нынѣшней продовольственной политикѣ. Припомнимъ хотя бы, напр., вопросъ о податныхъ льготахъ. Въ сентябрѣ мнѣ приходилось отмѣчать циркуляръ саратовскаго губернатора о неукоснительномъ взысканіи податей и недоимовъ. Г. Коковцовъ 2 ноября заявилъ въ Думѣ, что этотъ циркуляръ былъ отмѣненъ, когда центральная власть узнала о немъ. Вѣрно: хотя и съ нѣкоторыми оговорками, но циркуляръ былъ отмѣненъ. Общее распоряженіе о податныхъ льготахъ въ особо неурожайныхъ мѣстностяхъ состоялось. И тѣмъ не менѣе продолжаютъ поступать такія, напр., сообщенія съ мѣстъ.

Саратовская губернія. Вольскій уѣздъ.

Въ селѣ Старой Жуковкѣ производятся общественныя работы. Заработокъ 4—6 руб. въ недѣлю. Но этотъ заработокъ не попадаетъ въ карманъ рабочихъ, и семьи ихъ по-прежнему голодаютъ, такъ какъ староста вычитаетъ изъ этого заработка или все цѣликомъ или въ размѣрѣ не менѣе 5 руб., на уплату податей *).

Любопытно, что въ серединѣ октября, по свѣдѣніямъ мѣстной печати, состоялся спеціальный приказъ саратовскаго губернатора— не обращать заработковъ на общественныхъ работахъ въ уплату податей **). И всетаки исполнители стараются.

Симбирская губернія.

---

*) «Саратовскій Листокъ», 5 ноября.

**) «Саратовскій Листокъ», 16 октября.

Въ Сельдинской волости, по распоряженію уѣзднаго съѣзда, съ пострадавшихъ отъ недорода собираютъ по 50 коп. съ ѣдока на погашеніе стараго продовольственнаго долга *).

Новыхъ продовольственныхъ ссудъ пока не даютъ. Долгъ по прежнимъ ссудамъ взыскиваютъ.

Состоялось распоряженіе и относительно льготъ по платежамъ крестьянскому банку. Еще въ августѣ «мѣры приняты», «и никакихъ, конечно, мѣръ, которыя могли бы раззорить плательщиковъ, банкъ не приметъ». Такъ говорилъ предсѣдатель совѣта министровъ 2 ноября. И въ это время, нпр., въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губ., на поляхъ отрубщиковъ еще гнилъ «единственный уродившійся хлѣбъ—просо».

Требовались даже не льготы, просили всего только—не запрещайте реализовать урожай, чтобы было чѣмъ покрыть очередные платежи. И тѣмъ не менѣе запретили, и значительная часть урожая,—по словамъ крестьянъ, «почитай что половина»—такъ и погнила въ копнахъ. Да и уцѣлѣвшую половину удалось свезти съ полей, кажется, только тѣмъ, кто занялъ денегъ у ростовщиковъ.

Съ отрубщиками Пилюгинской волости, Бугурусланскаго уѣзда (Самарской губерніи), случилось сложнѣе. Ѣсть нечего. Просятъ помощи у землеустроительной коммиссіи. Коммиссія удовлетворяетъ просьбу. Отрубщики являются получить деньги. Имъ предлагаютъ расписаться въ полученіи и затѣмъ выдаютъ квитанціи объ уплатѣ очередныхъ взносовъ за землю... **). Суммы на помощь ассигнованы. Но онѣ поступаютъ въ кассу банка. А голодные остаются голодными.

— Хотите хлѣба,—продавайте землю, на которой, впрочемъ, лежитъ долгъ банку.

„Крестьянскій банкъ запретилъ снимать урожай, въ виду невзноса отрубщиками очередныхъ платежей банку" **).

Т. е. въ лучшемъ случаѣ, если найдется покупатель, отдайте за безцѣнокъ инвентарь, постройки, и убирайтесь на всѣ четыре стороны... И, замѣтьте, такъ поступаютъ съ отрубщиками, съ любимцами. Относительно общинниковъ, состоящихъ на положеніи пасынковъ, разговоръ можетъ быть короче.

Начальство увлеклось «общественными работами». Это — послѣднее слово административной моды. И, казалось бы, тутъ-то администраторы постараются «не ударить въ грязь лицомъ». Но духъ времени носится всюду. «Плата,—говорилъ г. Коковцевъ,— назначается приблизительно въ соотвѣтствіи съ мѣстнымъ заработкомъ». Что это значитъ?

— У меня въ имѣніи дѣвки по двугривенному въ день на

*) «Утро», 27 ноября.

**) „Саратовскій Листокъ", 16 ноября; „Современное Слово", 8 ноября.

***) „Русское Слово", 17 ноября.

своихъ харчахъ работаютъ. Сами просятся—только поставь на работу.

— Поденная плата мужику у насъ 40—50 копѣекъ... Полтинникъ—красная цѣна. Да и то лѣтомъ.

Вотъ вѣдь по какимъ соображеніямъ устанавливается «мѣстный заработокъ». А подъ ними есть другія мужицкія, «хозяйственныя» соображенія:

— «Дѣвку» все равно кормить надо... Стало быть, если и двугривенный въ день она заработаетъ, все таки подспорье.

И пока все равно «кормимся сами», «съ своего хозяйства», «свободныя» рабочія руки можно продавать и покупать дешево. Иное, разумѣется, дѣло, когда «свое хозяйство» не кормитъ. Заработная плата полнаго пролетарія должна покрывать во всякомъ случаѣ минимумъ его потребностей, включая и оплату наемнаго жилья. Заработная плата голодающаго мужика должна покрывать также, по крайней мѣрѣ, минимумъ его потребностей, исключая, пожалуй, квартирную плату (ибо жилье все таки у голоднаго «свое.») Нельзя сказать, что это соображеніе о необходимости повысить обычныя цѣны ускользнуло отъ мѣстныхъ людей. Но ускользнуло отъ мѣстныхъ людей и другое: необходимость принять во вниманіе расходы самихъ работниковъ, вызываемые производствомъ работы» (одежда, обувь, во многихъ случаяхъ «свои» лопаты, «свои» заступы, тачки, «свои» топоры и пр). Однако, и это «во вниманіе» не было принято. Наоборотъ, во многихъ мѣстахъ обычныя цѣны подверглись урѣзкѣ. Положимъ, обычная мѣстная цѣна за вырытіе 1 куб. саж. земли мягкаго грунта 1 р. 80—1 р. 50 коп. Эту цѣну и оставляютъ для работъ въ твердыхъ грунтахъ, въ мерзлой почвѣ, по наступленіи осеннихъ заморозковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, проявлено особое остроуміе: за обычную цѣну съ куба заставили не только вырывать землю, но и разравнивать ее... *) Естественно, крестьяне часто проявляютъ желаніе отказаться отъ работы на такихъ условіяхъ. Но это уже «забастовка». А на забастовщиковъ обрушиваются репрессіи. И «общественныя работы» временами имѣютъ видъ полупринудительныхъ, почти каторжныхъ работъ. Конные работники зарабатываютъ 5—6 рублей въ недѣлю, иногда и больше. Безлошадные и бѣднѣйшіе не имѣютъ и этого. На поденныхъ работахъ плохо одѣтые, скверно обутые, питающіеся въ лучшихъ случаяхъ «хлѣбомъ», испеченнымъ изъ дурной муки пополамъ съ толченой картошкой, люди и работаютъ, разумѣется, неважно. А при издѣльной платѣ и того хуже,—питающійся суррогатами работникъ еле-еле «выбиваетъ» 20—15 копѣекъ въ день, да и то, если работа будетъ принята, а она при такихъ условіяхъ не можетъ быть удовлетворительной. Десятки милліоновъ

*) „Саратовскій Листокъ", 13 ноября.

рублей, ассигнованные изъ государственнаго казначейства, могли бы пойти, при сколько-нибудь человѣческомъ отношеніи къ рабочему, на дѣло, полезное для государства. Но администраторы пуще всего старались «не баловать мужика». И теперь сами признаютъ: работы часто изъ рукъ вонъ плохи, значительная часть ассигнованныхъ милліоновъ брошена зря, на вѣтеръ. Населеніе голодныхъ мѣстностей безъ толку надрывается. Создали дополнительную причину для нервныхъ, простудныхъ и всякихъ иныхъ, связанныхъ съ «общественными работами», заболѣваній. Создали дополнительный поводъ для всякаго рода недоразумѣній, столкновеній между рабочими и администраціей, а стало быть, и поводъ для репрессій, усмиреній. И нѣтъ конца мукамъ.

И не только это создали. Беру характерную исторію, возникшую въ районѣ селъ: Рѣпново, Лопатино, Мачи, Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи. Районъ голодный — это признано. Администрація рѣшила организовать «общественныя работы». Разрабатываются планы—рѣшено построить дамбу. И крестьянамъ предлагаютъ:

— Мы вамъ дадимъ заработокъ, но для этого вы должны: 1) отчудить безмездно землю, по которой пройдетъ дамба; 2) вырубить четыре десятины общественнаго лѣса; 3) согнать съ части земли, подлежащей отчужденію, арендаторовъ,—а слѣдовательно, и вступить съ послѣдними въ судебныя пререканія; 4) отказаться отъ значительнаго дохода, который даетъ лопатинскому обществу плата, взимаемая за проѣздъ по общественному мосту...

Нечего, въ самомъ дѣлѣ, «баловать мужика»... Крестьяне отказались принять эти условія. Въ отвѣтъ начальство приступило ко взысканію податей и недоимокъ. Началась опись имущества. Послѣ этой репрессіи созывается сходъ,—крестьянъ держатъ съ 6 час. вечера до 2 ч. ночи, но они расходятся, не подписавъ требуемый отъ нихъ приговоръ. Тогда сельскій староста отправляется собирать подписи по домамъ. Требуемаго законнаго числа подписей все-таки собрать не удалось. Ничего не значитъ,—является въ с. Лопатино «земскій техникъ», съ помощью старосты собираетъ 25 человѣкъ; ихъ гонятъ въ крестьянскій общественный лѣсъ и приказываютъ вырубать намѣченный начальствомъ къ уничтоженію участокъ. Крестьяне ложатся на землю,—и лежатъ на землѣ цѣлый день... *) Столкнулось «пассивное сопротивленіе» съ современной намъ административной удалью, которая ни передъ чѣмъ не останавливается. И, судя по свѣдѣніямъ съ мѣстъ, не такъ ужъ рѣдка это кавалерійская распорядительность. Являются на общественную землю и, не задумываясь о томъ, чья это собственность и каковы права и юридическія отношенія собственника, приступаютъ къ дѣлу: рой, копай, срывай холмы, прокладывай или выравнивай

*) „Саратовскій Вѣстникъ“, 14 сентября.

дороги, и при томъ не разсуждай, а главное, не прекословь. Тамъ обнажаютъ подпочвенную толщу песковъ,—и землямъ въ недалекомъ будущемъ грозитъ засореніе; здѣсь—цѣлый участокъ забросали глиной, или роютъ прудъ, но такъ, что онъ не минуемо будетъ болотомъ, ведутъ дамбу, которая заболотитъ луговыя или посѣвныя удобья. Помощь на 10 руб., а вреда и убытковъ въ будущемъ на 100.

И это не всегда по ошибкѣ или по невѣжеству,—не потому, что работы организованы на спѣхъ. Въ Казанской губерніи возникъ любопытный споръ между земствомъ и администраціей. Земство высказало мысль, что организуемыя работы должны удовлетворять соображеніямъ общественной пользы; надо на первый планъ поставить «общеполезныя сооруженія». Администрація рѣшительно высказалась противъ: «общественная польза» сооруженія, по ея мнѣнію, не должна быть цѣлью. Нисходя съ губернскихъ верховъ къ уѣзднымъ исполнительнымъ низамъ и чинамъ, эта мысль получила окончательную обработку: «общеполезныя сооруженія воспрещены» *), соображенія общественной пользы вредны и недопустимы. Явилась совершенно бредовая мысль:

— Пусть работаютъ, но чтобъ пользы отъ этого никому не было. Пусть заработаютъ, но чтобъ каждая заработанная копѣйка изъ нихъ сокомъ вышла.

Повторяю еще разъ: не всюду такъ. Къ счастью, не всѣ администраторы увлекаются народоборчествомъ. Есть среди нихъ и такіе люди, которые сопротивляются этому гибельному повѣтрію. Гдѣ надоборческая тенденція не получаетъ окончальнаго преобладанія, тамъ «общественныя работы» даютъ населенію кое-что положительное. Немного, слабо. Но—мнѣ уже приходилось это высказывать—при нынѣшихъ условіяхъ наивно разсчитывать на большее. Хоть бы кое-что, хоть какое-нибудь содѣйствіе. И мѣстами кое-что все-таки получается. Но, гдѣ побѣдоносно развернуто народоборческое знамя, тамъ выходитъ нѣчто невѣроятное. Является порою мысль: что такое эти пресловутыя «общественныя работы»,—помощь ли голоднымъ или особое наказаніе для нихъ, дополнительное бѣдствіе? Надо ли жалѣть, что онѣ во многихъ мѣстахъ просто не возникли, или слѣдуетъ присоединиться къ тѣмъ голодающимъ селамъ и деревнямъ, которыя умоляютъ:

— Ради Бога ослобоните насъ отъ этихъ самыхъ работъ!

И не такой ли неожиданный оборотъ грозятъ получить споры о продовольственныхъ ссудахъ? Умоляли, просили, настаивали требовали: примите въ уваженіе признанное законовъ право голодающихъ... Наконецъ, принято въ уваженіе, дозволены продовольственныя ссуды. Не буду подробно говорить о разныхъ чистополицейскихъ странностяхъ, уже возникающихъ на этой почвѣ.

*) «Русское Слово», 12 ноября.

Совѣтъ министровъ разрѣшилъ, министерство внутреннихъ дѣлъ разослало циркуляры; но, вотъ, крестьянинъ, напр., Барнаульскаго уѣзда Кутавенко обратился отъ имени голодающихъ къ крестьянскому начальнику съ просьбой о продовольственной ссудѣ,—и безъ промедленія былъ арестованъ *). Проситъ о продовольствіи,—вѣроятно, смутьянъ, и пусть, стало быть, посидитъ впредь до выясненія, виноватъ онъ въ чемъ-нибудь или невиноватъ,—дабы и другимъ было не повадно обращаться съ подобными просьбами. За продовольственныя ссуды стоятъ и стояли «лѣвые»,—этого достаточно для особо ретивыхъ администраторовъ, чтобы подозрѣвать въ просьбахъ о ссудахъ политически неблагонадежный умыселъ. Къ сожалѣнію, безъ домысловъ о «крамолѣ» у насъ рѣдкое дѣло обходится Это зло обычное, неминуемое. Но какова будетъ чисто дѣловая постановка продовольственныхъ ссудъ? Однимъ изъ первыхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ является уже извѣстное намъ распоряженіе самарскаго губернатора. Ссуды когда-то еще будутъ. Хорошо, если дадутъ пуда по 2 на взрослаго ѣдока. И, несомнѣнно, значительная часть этой будущей ссуды уйдетъ къ ростовщикамъ,—они вѣдь, заранѣе даютъ въ долгъ подъ нее. А пока приказано: существующія, открытыя усердіемъ мѣстныхъ людей, столовыя «къ моменту ссудной операціи» закрыть, новыхъ столовыхъ не открывать... И невольно спрашиваешь себя:

— Не обратятся ли ссуды въ предлогъ для еще болѣе, чѣмъ теперь, обостренной войны противъ открытія питательныхъ пунктовъ? Не основано ли мѣропріятіе самарскаго губернатора на какомъ-либо общемъ распоряженіи изъ Петербурга?

Нынѣшнее бѣдствіе постигло не только крестьянъ.

Въ Оренбургское губернское правленіе поступаютъ прошенія *мелкихъ дворянъ* о выдачѣ имъ продовольственной помощи *).

Этой группѣ голодающихъ, почти несомнѣнно, и банковскіе платежи разсрочатъ, и «продовольствіе» дадутъ.

Затронуто и духовенство. Изъ какого-то села Оренбургской губерніи получилась даже «бюджетная» справка: осенью, въ наиболѣе доходное для сельскаго духовенства время, священникъ получилъ за цѣлый мѣсяцъ 2 р. 40 коп., псаломщикъ 80 коп. **). Не оставятъ безъ попеченія и эту группу голадающихъ. Возможно, что невзгода, постигшая сельскихъ батюшекъ, послужитъ предлогомъ двинуть вопросъ о жалованьѣ духовенству и этимъ способомъ достигнуть еще болѣе прочнаго союза государства съ церковью и еще большей бюрократизаціи причта.

Плачутъ промышленники. Ситцы пришлось на копѣйку удеше-

*) «Утро», 27 ноября.

**) „Утро Россіи", 5 ноября.

***) „Современное Слово", 18 ноября.

вить. Застой, заминка, крахи, банкротства, общій упадокъ. И факты въ подтвержденіе этого убѣдительные:

На Пермской, напр., желѣзной дорогѣ замѣчается небывалое сокращеніе, чуть не прекращеніе грузового движенія изъ Сибири и въ Сибирь. По главной линіи обращаются теперь всего 3 пары товарныхъ поѣздовъ. Такого сокращенія не запомнять съ самаго открытія Пермской желѣзной дороги *).

Вѣроятно, промышленники выплачутъ себѣ какое-либо добавочное воспособленіе. Но промышленность, какъ цѣлое, не легко переживетъ наступившія трудныя времена.

Стонетъ городской людъ. Мѣщане-земледѣльцы, мелкіе торговцы, ремесленники, рабочіе во многихъ уѣздныхъ—да и въ губернскихъ—городахъ неурожайныхъ мѣстностей частью проѣдаютъ имущество, частью уже перешли въ разрядъ голодающихъ. И для нихъ приходится организовывать общественныя работы, устраивать столовыя... Въ городахъ голодъ слышнѣе. Городскія управленія, мѣщанскія общества кое-что дѣлаютъ. Но съ мелкаго городского люда уже начинаются не голадающіе, а «лодыри», «лѣнтяи», «пьяницы». Далѣе идетъ деревня, гдѣ полностью вступаетъ въ свои права народоборческая тенденція. Она бьетъ по труду, по производящимъ группамъ страны. Она наноситъ удары въ первоисточникъ производительныхъ силъ, взрываетъ фундаментъ экономическаго и государственнаго зданія. Она всегда губительна. Но въ такія тяжкія годины, какъ теперь, когда государство потрясено стихійнымъ бѣдствіемъ, она можетъ надѣлать великихъ бѣдъ.

V.

— Нехорошо ведетъ правительство продовольственную кампанію. Но погодите, «начнется Дума». Депутаты «знаютъ или сами видѣли, что населеніе... въ тяжеломъ положеніи»...

«Дума началась». Безъ промедленія она внесла запросы. При обсужденіи отвѣта правительства депутаты довольно подробно разсказали, что они знаютъ и что видѣли. Жуткія картины ими нарисованы. А затѣмъ Дума большинствомъ голосовъ приняла формулу, равносильную заявленію, что ошибаются обыватели, полагающіе, будто продовольственную кампанію правительство ведетъ нехорошо. Нѣтъ, правительство дѣйствуетъ именно такъ, какъ нужно и можно. Газеты по этому поводу высказали думскому большинству порицаніе: «измѣна голосу совѣсти», «недобросовѣстная поддержка» правительству, «измѣна голодающимъ». Но вѣдь думское большинство, вѣроятно, и не предполагало переубѣждать прогрессивную печать Россіи. Думскія формулы разсчитаны на иное и внутреннее, и внѣшнее употребленіе.

*) „Утро Россіи", 2 декабря.

— Столыпинъ убитъ охранникомъ. До чего доведена провокація! Гдѣ же предѣлъ? Ну, погодите,—соберется Дума, мы еще поговоримъ...

Собралась Дума,—и поговорили. Былъ внесенъ и принятъ срочный запросъ. Затѣмъ черезъ мѣсяцъ далъ объясненія по запросу министръ внутреннихъ дѣлъ. И оказалось, что никакой провокаціи нѣтъ; и провокаторовъ никакихъ нѣтъ. Просто—состоятъ на службѣ у правительства «секретные сотрудники», и нѣкоторыми чинами охраны нарушенъ циркуляръ.

Дума въ началѣ осенней сессіи спѣшно приняла запросъ о незаконности нынѣ дѣйствующихъ исключительныхъ положеній. «Московскія Вѣдомости» тогда же посовѣтовали: ничего не отвѣчать. Дѣйствительно, мѣсячный срокъ, въ теченіе котораго правительство обязано отвѣтить на запросъ, давно истекъ. Вотъ уже и осенней сессіи конецъ. А никакого отвѣта нѣтъ.

Попытались лѣвыя фракціи внести и еще одинъ запросъ. 3 іюня 1907 г. правительство объявило странѣ: «свершилось дѣяніе, неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи, судебною властью былъ раскрытъ заговоръ цѣлой части Государственной Думы противъ государства и царской власти». Теперь въ заграничной печати бывшій агентъ охранной полиціи Станиславъ Бродзкій разсказываетъ эту старую исторію нѣсколько иначе. Судя по тому, что оглашено въ отчетахъ Государственной Думы, Бродскій увѣряетъ, что имъ, по приказанію генерала Герасимова, въ первой половинѣ 1907 г. было организовано провокаціонное «временное бюро боевыхъ и военныхъ организацій при россійской соціалъ-демократической рабочей партіи»; по соглашенію съ начальствомъ охранной полиціи и съ одобренія начальства, онъ, Бродзкій, вошелъ въ сношенія съ соціалъ-демократической фракціей второй Государственной Думы, посылалъ туда переодѣтыхъ солдатъ, подготовилъ формальные поводы, какъ для роспуска второй Думы и переворота 3 іюня, такъ равно и для послѣдовавшаго затѣмъ процесса депутатовъ втородумской соціалъ-демократической фракціи (26 человѣкъ приговорены къ каторжнымъ работамъ). Такова суть разоблаченій Бродзкаго. По поводу ихъ соціалъ-демократы 15 ноября передали президіуму третьей Думы текстъ запроса. «Тотчасъ послѣ внесенія запроса со стороны центра были сдѣланы попытки освѣдомиться по телефону о настроеніи правящихъ сферъ; въ результатѣ этого освѣдомленія явилось рѣшеніе президіума обсуждать запросъ при закрытыхъ дверяхъ» *). Усилія преодолѣть это рѣшеніе, разумѣется, оказались тщетными. Но ими воспользовались представители правительственнаго большинства, чтобы высказать слѣдующія положенія:

1) Разсказанное Станиславомъ Бродзкимъ — «клеветническій

---

*) «Русскія Вѣдомости», 16 ноября.

вымыселъ»; 2) это можетъ быть доказано секретными матеріалами и документами; 3) а такъ какъ эти матеріалы и документы не могутъ быть оглашены, то запросъ долженъ быть разсмотрѣнъ въ закрытомъ засѣданіи.

Многое позволяетъ думать, что первыя два увѣренія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности: и разсказанное Бродскимъ въ основныхъ чертахъ—не вымыселъ, и документовъ, опровергающихъ этотъ разсказъ, нѣтъ. Въ былые годы, когда у насъ не было «парламента», появленіе за границей столь убійственныхъ разоблаченій вынудило бы правительство выступить съ тѣми или иными офиціальными заявленіями. И въ офиціальныхъ заявленіяхъ ссылаться голословно на какіе-то неподлежащіе оглашенію документы по дѣлу, бывшему $4^1/_2$ года назадъ и прошедшему всѣ судебныя стадіи, по меньшей мѣрѣ, неудобно. Теперь, при «парламентѣ», все великолѣпно устраивается: правительство въ сторонѣ; за него говорятъ «народные представители». Г. Крупенскій удостовѣряетъ, что документы, опровергающіе Бродскаго, есть; г. Шубинскій удостовѣряетъ... «Избранники народа» свидѣтельствуютъ, что эти документы, дѣйствительно, не подлежатъ оглашенію. И это не 2—3 депутата, которые могутъ быть и рептиліями. *Большинство* законодательнаго собранія своимъ рѣшеніемъ о закрытыхъ дверяхъ подтверждаетъ слова г. Крупенскаго... Какъ хотите, для европейскаго общественнаго мнѣнія это весьма внушительно. Впечатлѣніе во всякомъ случаѣ произведено. Спѣшность отвергнута. Запросъ переданъ въ коммиссію,—когда-нибудь разберемъ, если успѣемъ.

Тяжкія разоблаченія предъявлены и по дѣлу объ убійствѣ Караваева. Разоблачитель Казаковъ, тоже бывшій охранникъ и членъ союза русскаго народа, передаетъ подробности, которыя еще разъ напоминаютъ злѣйшія тайны покойнаго неаполитанскаго королевства во времена руфіанцевъ и сантафедитовъ. Казаковъ приписываетъ общую организацію убійства «доктору» Дубровину. Если это вѣрно, то неаполитанское начало могло имѣть лишь неаполитанское продолженіе: русская юстиція должна глядѣть на дѣло объ убійствѣ Караваева такъ же, какъ и на дѣло объ убійствѣ Герценштейна. Россію, конечно, даже этимъ не удивишь,—какъ въ свое время не были удивительны разоблаченія, напр., по дѣлу Золотовой. Однако, каждое такое разоблаченіе, несомнѣнно, вынуждаетъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и внутри страны, и за границей. И правительство даже во времена Сипягина и Плеве считалось. Между прочимъ, по дѣлу Золотовой, все-таки менѣе чудовищному, чѣмъ предъявленныя обвиненія по дѣламъ объ убійствѣ Герценштейна, Іоллоса, Караваева, правительство оказалось вынужденнымъ сдѣлать извѣстныя распоряженія и опубликовать слѣдственные матеріалы. Но теперь у насъ есть Дума. И соціалъ-демократы, внесшіе по поводу разоблаченій Казакова запросъ, невольно и, вѣроятно, неожиданно для себя помогли отписаться. Обвиняемый

Казаковымъ въ организаціи убійства членъ Государственной Думы Образцовъ сказалъ: «побасенки». Другой депутатъ г. Гололобовъ, обвиняемый Казаковымъ въ томъ же, заявилъ: «привлеку (интерпеллянтовъ) за клевету». Г. Марковъ высказалъ свое мнѣніе,— что Казаковъ—«жуликъ». И думское большинство признало запросъ спѣшымъ и тотчасъ же отвергло его.

— Ну, конечно, разсказанное Казаковымъ—«побасенки». Развѣ могутъ «здравомыслящіе» люди хоть на минуту допустить, что такой вздоръ требуетъ разслѣдованія, и названныя разоблачителемъ лица нуждаются въ авторитетной, подтверждаемой фактами реабилитаціи?

Законодательная палата ни на минуту не вѣритъ. Пусть и Европа, по крайней мѣрѣ, усомнится. Да и въ Россіи это все-таки имѣетъ нѣкоторое, хотя бы и формальное, значеніе. Итакъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Богровъ, Бродзкій, Казаковъ, не считая многихъ другихъ разоблаченій. Для каждаго правительства такая совокупность была бы непереносна. И не мудрено, что «парламентъ» сталъ на стражѣ, грудью отражаетъ нападенія, реабилитируетъ и защищаетъ, на сколько реабилитація и защита возможны. Въ осеннюю сессію 1911 г. защита отъ запросовъ и разоблаченій составила главнѣйшую, особо замѣчательную заслугу третьей Думы передъ правительствомъ.

Параллельно шла «текущая законодательная работа». Она тоже помогла достигнуть нѣкоторыхъ успѣховъ. Едва ли не самый крупный успѣхъ состоитъ въ томъ, что удалось натравить поляковъ на евреевъ и евреевъ на поляковъ. Поводомъ къ этому новому завоеванію политики divide et impera послужилъ законопроектъ о городовомъ общественномъ управленіи въ Царствѣ Польскомъ. Всеобщая подача голосовъ, конечно, непріемлема. Городскіе избиратели подѣлены на куріи. При этомъ евреи выдѣлены въ особую курію, которой предоставлено меньшинство голосовъ даже въ тѣхъ случаяхъ, если евреи составляютъ подавляющее большинство населенія города. Правительство и «хозяева» Думы выступили такимъ образомъ въ качествѣ защитниковъ польскаго меньшинства. И оказались,—увы!—во всякомъ случаѣ умнѣе, чѣмъ польское коло. Послѣднее пошло на эту приманку. Его предстатители даже не упустили случая принципіально одобрить предлагаемую систему:

— Поляки де хозяева края, а евреи—элементъ сомнительный, и нельзя имъ давать полныя права, ибо иначе въ польскія губерніи евреи станутъ иммигрировать изъ внутреннихъ губерній, а это нежелательно.

Выигрышъ двойной. Во-первыхъ, коло приняло точку зрѣнія русскихъ націоналистовъ, которая, напр., по вопросу «о выдѣленіи Холмщины» дала оружіе противъ самихъ поляковъ:

— Русскіе—«хозяева» государства, и уже поэтому права поляковъ могутъ быть игнорируемы.

— Во-вторыхъ, и это главное—націоналистическое, неумное и практически ненужное выступленіе коло вызвало протесты со стороны евреевъ; въ отвѣтъ на это нѣкоторые органы польской печати не воздержались отъ юдофобскихъ рѣзкостей. И закипѣла вражда. Охранителямъ остается потирать руки отъ удовольствія. Пусть разныя группы населенія грызутся. Чѣмъ ожесточеннѣе онѣ будутъ драться между собою, тѣмъ легче вести свою линію гг. Келеповскимъ, Крупенскимъ и Гучковымъ. Что бы ни вышло въ дальнѣйшемъ изъ этого обостренія старыхъ польско-еврейскихъ счетовъ, но пока въ соотношеніе общественныхъ силъ страны внесено кое-что новое и выгодное для реакціи.

Это—успѣхъ, въ данный моментъ реальный. Нѣкоторые другіе успѣхи имѣютъ пока болѣе академическій характеръ. Помимо старыхъ «финляндскихъ затѣй» выдвинутъ законопроектъ о выдѣленіи Холмщины,—острый, возбуждающій страсти. Принятіе его въ Думѣ обезпечено. Но, по мѣрѣ того, какъ вопросъ выясняется, онъ даже въ реакціонныхъ кругахъ возбуждаетъ сомнѣнія. Не хитро написать, напр., что судебныя учрежденія Холмщины причисляются къ округу Кіевской судебной палаты. Однако, разстояніе въ 500 верстъ отъ Холма до Кіева отъ этого не уменьшится, и своеобразные, отчасти унаслѣдованные отъ далекаго прошлаго законы края и создавшіяся на почвѣ этихъ законовъ правовыя отношенія нельзя упразднить по первому желанію законодателя. Но суть не въ томъ даже, что «реформа» имѣетъ нѣсколько бумажный характеръ. Важнѣе другое,—съ нею у православнаго крестьянскаго населенія Холмщины связано представленіе о переходѣ къ нимъ земли отъ пановъ. Сами же депутаты третьей Думы, путешествуя по холмскому краю, неосторожно играли на этой струнѣ. Вещь не безопасная. И какъ взглянетъ на дѣло Государственный Совѣтъ,—неизвѣстно.

Успѣхомъ было и то, что Дума по поводу законопроекта объ отвѣтственности должностныхъ лицъ провозгласила и приняла принципъ: государственная власть не отвѣчаетъ за имущественный ущербъ, причиненный частнымъ лицамъ незаконными дѣйствіями администрацій. Аргументъ такой: администрація нерѣдко вступаетъ въ столкновеніе съ законами, и если государственная власть приметъ на себя охрану правъ собственности, то можетъ получиться большой ущербъ казнѣ; слѣдовательно, благоразумнѣе возложить ущербъ на обывателей. Это было бы очень смѣло, если бы не было слишкомъ старо Такой порядокъ давно въ Россіи существуетъ. И оттого, что за его сохраненіе высказался г. Гучковъ, онъ не сталъ болѣе согласнымъ со здравымъ смысломъ и съ элементарными государственно-правовыми началами. Большинство третьей Государственнй Думы вообще часто и охотно пользуется случаями, чтобы объявить существующее должнымъ, вошедшее въ административную практику желательнымъ или, по крайней мѣрѣ,

терпимымъ. Не упускала Дума такихъ случаевъ и теперь. Но эта обычная, систематическая поддержка правительству — дѣло заурядное, и въ ней нельзя видѣть характернаго признака именно минувшей сессіи.

Третья Дума продолжала оставаться вполнѣ достойной той репутаціи, какую она заслужила. Правительству она въ теченіе сессіи оказала кое въ чемъ экстренную поддержку, помогла достигнуть нѣкоторыхъ новыхъ успѣховъ. Тѣмъ самымъ она помогла и обществу покончить съ разными недоразумѣніями, лучше разглядѣть кое-какія детали даннаго политическаго положенія. 15 октября, когда открывалась сессія, главнѣйшимъ изъ злободневныхъ недоразумѣній были надежды на «новый курсъ». Надежды основывались по преимуществу на свѣдѣніяхъ о темпераментѣ покойнаго Столыпина и г. Коковцова. У одного темпераментъ жесткій, у другого мягкій, одинъ стремителенъ, другому свойственна осторожность. И уже по этой причинѣ, «курсъ» будетъ, если не новый, то все таки болѣе мягкій и осторожный... Говорятъ, въ Одессѣ понынѣ не рѣшенъ споръ па одну изъ современныхъ темъ:

— Союзникамъ присвоено два рода холоднаго оружія: дубины и резины. Спрашивается,—какое изъ этихъ оружій, съ точки зрѣнія подвергающихся воздѣйствію, должно быть признано болѣе гуманнымъ и желательнымъ.

Есть разныя соображенія и за дубину, и за резину. Дубиной можно сразу убить, но именно поэтому ее и пускаютъ въ ходъ съ нѣкоторой опаской — сдерживаютъ ударъ. Резиной не такъ легко сразу убить, то именно поэтому ею бьютъ со всего размаха, не думая о послѣдствіяхъ и даже стараясь ударить, какъ можно сильнѣе. Отъ удара дубиной идетъ кровь,—а этого и черносотенцы не любятъ, если совсѣмъ видно, что происходитъ кровопролитіе. Резиной же и до смерти убьютъ, а все таки бьютъ, — оружіе, дескать, мягкое, значитъ, и бить имъ можно безъ конца... Жизнь сблизила разговоры о новомъ курсѣ съ тѣми соображеніями, которыя можно привести въ защиту резины, какъ оружія, болѣе мягкаго. Уже въ ноябрѣ надежды на мягкую политику вспоминались насмѣшливо. «Ироническія кавычки,—писалъ, напр., П. Н. Милюковъ въ статьѣ, появившейся одновременно въ нѣсколькихъ провинціальныхъ газетахъ—въ которыя заключила „новый курсъ“ оппозиціонная печать, не только не раскрылись, но съ ними, по видимому, суждено этому курсу перейти и въ исторію». Правда, «окончательное сужденіе», по мнѣнію г. Милюкова, преждевременно,—между прочимъ, потому, что «практическая политика кабинета укрывается отъ наблюденія непосвященныхъ»; «однако, и теперь уже имѣются на лицо достаточно яркіе признаки» *)...

---

*) «Смоленскій Вѣстникъ», 27 ноября; «Нижегородскій Листокъ», 27 ноября.

«Практическая политика», конечно, «укрывается». Но не все удается укрыть. Не „укрываются“ слишкомъ многочисленные аресты и обыски. Не «укрываются» продолжающіеся смертные приговоры и казни. Не укрылось еще большее ухудшеніе тюремнаго режима... Многое не «укрывается». А въ частности не „укрылось“, какія перестройки понадобились внутри правительственнаго большинства Государственной Думы. Большинство было построено такъ, чтобы оно могло, сохраняя свои неустранимыя внутреннія тренія и разнорѣчія, поддерживать политику Столыпина. Такъ какъ политика г. Коковцова все же нѣсколько иная, то и большинству понадобилось произвести нѣкоторыя частичныя передвиженія. Въ концѣ концовъ, оказалось, что крайніе правые благожелательнѣе относятся къ г. Коковцову, чѣмъ они относились къ Столыпину. Націоналисты, поговоривъ о «Россіи для русскихъ» и о «русскихъ для Россіи», сохранили свою позицію. Октябристамъ же пришлось смягчить свой либеральный гримъ. «Равненіе направо»,—вотъ что понадобилось сдѣлать правительственному большинству, чтобы обезпечить поддержку «кабинету» г. Коковцова. Не замедлили обнаружиться и нѣкоторыя чисто внѣшнія проявленія сдвига вправо. Г. Родзянко сохранилъ постъ предсѣдателя Думы. Первое избраніе г-на Родзянко въ мартѣ 1911 г., послѣ нашумѣвшаго «нажима» на основные законы, произвело своего рода сенсацію. Переизбраніе его минувшей осенью уже никого не удивило: теперь это, несомнѣнно, самый подходящій предсѣдатель. Ругань въ засѣданіяхъ Думы окрѣпла. Расправа съ оппозиціей стала короче. Выступленія представителей большинства... О нихъ нѣкоторое, хотя и слабое, понятіе могутъ дать тѣ отрывки изъ рѣчей гг. Маркова и Келеповскаго, которые приведены мною выше. Еще откровеннѣе, чѣмъ прежде, стало въ Думѣ; еще больше соотвѣтствія съ нравами реакціи, съ ея моралью и привычками. Правда, фиговыя прикрытія не исчезли совсѣмъ. Но отъ нихъ остались лишь жалкіе лоскутки. Богъ дастъ, къ концу полномочій третьей Думы и лоскутки будутъ упразднены.

Соотвѣтственно сдвигу внутренней политики по ея естественному руслу, произошло «равненіе направо» и въ Государственномъ Совѣтѣ. Возвратившійся «изъ заграничной болѣзни» П. Н. Дурново сталъ въ центрѣ разныхъ группъ, рѣшившихъ, что важнѣйшіе законопроекты, уже принятые Думой при Столыпинѣ, но еще не разсмотрѣнные Совѣтомъ, страдаютъ недопустимымъ либерализмомъ. Началась дѣятельная работа по вытравленію либерализма изъ незавершеннаго въ законодательномъ порядкѣ наслѣдства Столыпина,—работа, тѣмъ болѣе кропотливая, что самое понятіе столыпинскій либерализмъ принадлежитъ къ числу не только произвольныхъ, но и астральныхъ, не поддающихся точному опредѣленію. Сановные труженики залѣзли въ непроходимыя дебри, дошли до того, что, напр., законопроектъ объ ассигновкѣ на школы, подвѣ-

домственныя министерству народнаго просвѣщенія, признали либеральнымъ на томъ основаніи, что въ немъ не испрашивается кредитовъ на церковно-приходскія школы; г. Коковцевъ оказался вынужденнымъ разъяснить мужамъ, умудреннымъ государственнымъ опытомъ, что въ законспроектѣ по одному вѣдомству не могутъ быть испрашиваемы кредиты на учрежденія, подчиненныя другому вѣдомству. На вытравленіе либерализма потребовалось столько силъ и времени, что обычное теченіе дѣлъ остановилось. Образовался «заторъ законопроектовъ». И печать заговорила о «законодательной обструкціи» Государственнаго Совѣта. Обструкція предполагаетъ наличность умысла. Лично я не знаю, на сколько старцы Совѣта способны задаваться такими намѣреніями, какъ устройство обструкцій. О намѣреніяхъ вообще надо судить осторожно. Да, пожалуй, и не въ нихъ тутъ суть.

Совѣтское большинство—авангардъ реакціи. И въ качествѣ авангарда, оно дошло до тѣхъ предѣловъ, гдѣ нѣкогда увѣковѣчивали себя знаменитые герои прошлаго, вродѣ Магницкаго. Стремясь добиться все большаго и большаго, оно пришло мало-по-малу къ усвоенію тѣхъ идеаловъ, какими воодушевлялся и Магницкій. Группа, воодушевляемая этими идеалами, не можетъ не видѣть всюду и на каждомъ шагу противорѣчія имъ. Имъ противорѣчитъ даже то, что солнце всходитъ и заходитъ безъ разрѣшенія начальства:

— Значитъ, оно напоминаетъ обывателю, что не все подчинено предержащимъ властямъ. Значитъ, самовольное движеніе свѣтилъ небесныхъ подрываетъ авторитетъ власти.

Вотъ птицы летаютъ,—и Богъ бы съ ними, пусть летаютъ. Однако, обыватель говоритъ: «*вольныя* пташки». Значитъ, наводятъ онѣ на вольнолюбивыя мысли, значитъ, самый фактъ полета птицъ равносиленъ возбужденію къ ниспроверженію. Цензора, истреблявшіе «вольный духъ» въ поваренныхъ книгахъ, вовсе не случайное явленіе русской исторіи. Человѣку, усвоившему извѣстную соціально-политическую программу, не можетъ не представляться опаснымъ «вольный духъ» даже поваренныхъ книгъ: ибо по ассоціаціи и онъ способенъ вызвать мечтанія о вольностяхъ. Не «законодательную обструкцію» устраиваетъ Государственный Совѣтъ. Онъ просто дѣлаетъ то же, что въ свое время и въ своей области дѣлалъ Магницкій. Авангардъ реакціи если не вполнѣ доѣхалъ до своей конечной станціи, то уже очень близокъ къ ней. И его «законодательная» дѣятельность приняла единственно возможный при такихъ условіяхъ характеръ.

Совѣтское большинство почти доѣхало. Думскому — еще надо ѣхать. За истекшую сессію сдѣлано нѣсколько перегоновъ въ этомъ направленіи. Болѣе совершенное уподобленіе Магницкому у думскихъ «хозяевъ» впереди. Это—будущее. Но оно не уйдетъ отъ нихъ: они еще усовершенствуются, потомъ и уподобятся.

А. Петрищевъ.

Изъ анекдотовъ современности.

I. Отецъ-гидротехникъ.

Областное войска Донского правленіе, отношеніемъ отъ 3 ноября 1909 года, увѣдомляетъ У.-М-каго окружного агронома о слѣдующемъ:

«Областнымъ правленіемъ, согласно резолюціи его п-ства, г. войскового наказного атамана войска Донского, священникъ Григорій (имя рекъ) допущенъ къ исправленію обязаностей инструктора по земледѣлію и завѣдыванію Михайловской дачей, съ содержаніемъ по должности инструктора и по должности завѣдывающаго дачей, согласно положенію»...

Михайловская дача—образцовое показательное хозяйство въ семь тысячъ десятинъ, пріобрѣтенное на войсковыя средства у частного владѣльца. Уплачено за это имѣніе было что-то около милліона рублей. Предназначалось оно служить практической сельско-хозяйственной станціей—главнымъ образомъ, какъ образецъ для устройства искусственнаго орошенія посѣвовъ. Для завѣдыванія этой станціей мѣстное областное правленіе представило лицо съ высшимъ агрономическимъ образованіемъ. Но на этомъ представленіи бывшій начальникъ края, баронъ Таубе, начерталъ краткую резолюцію: «Намъ такихъ не надо».

И самымъ подходящимъ лицомъ на должность завѣдующаго, по его указанію, оказался сельскій іерей, завершившій свое образованіе въ астраханской духовной семинаріи.

При военныхъ и разныхъ иныхъ полномочіяхъ, войсковому атаману безвозбранно можно было упражняться въ полетахъ фантазіи,—ввѣренный его управленію край съ твердостью выносилъ любое его административное упражненіе. Баронъ Таубе, человѣкъ съ жандармскимъ прошлымъ, хоть и получилъ въ командованіе область смирную, дѣвственную, ни въ чемъ не замѣченную, но считалъ, что укрѣпить основы благонадежности никогда не лишнее. И поля орошенія не были обойдены его начальническимъ попеченіемъ въ этомъ смыслѣ. Какой-нибудь петровецъ или ново-александріецъ, пусть онъ и спеціалистъ по агрономіи, химіи, гидротехникѣ и еще какимъ-то тамъ наукамъ,—таитъ въ себѣ, прежде всего нѣчто разрушительное и подлежащее изъятію ихъ обращенія. И баронъ безъ долгихъ размышленій положилъ резолюцію:

— Намъ такихъ не надо!

Но почему выборъ барона—все-таки немножко иновѣрца—остановился на служителѣ православной церкви, а не на какомъ-ни-

будь околодочномъ надзирателѣ или отставномъ унтерѣ, которые въ смыслѣ благонадежности являютъ собой еще большія твердости,—это оставалось загадкой. Лаконическая форма официальнаго отношенія лукаво прикрывала какую-то тайну, и уловить за ней хоть намекъ на предварительную исторію назначенія, не подлежащую оглашенію, было мудрено.

Въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ появилось цѣлыхъ двѣ статьи, въ которыхъ подробно исчислены были душевныя добродѣтели и заслуги новаго гидротехника—о. Григорія. Но и онѣ не пролили достаточнаго свѣта на интересовавшій насъ вопросъ. Одна изъ статей заканчивалась длиннымъ стихотворнымъ изліяніемъ, которое, между прочимъ. гласило въ заключительной строфѣ слѣдующее:

Какъ рѣдки подобныя милыя лица,
Особенно въ нашей глуши:
И вѣрь: тебѣ скажетъ родная станица
Спасибо не разъ отъ души...

Но все хвалебное многословіе кружилось лишь около трехъ реальныхъ заслугъ о. Григорія: 1) возращенія и утвержденія въ людяхъ богооткровенной истины, 2) устройства отопленія въ храмѣ и 3) постройки «роскошныхъ подцерковныхъ домовъ для священника и псаломщика. Объ агрономическихъ же дарованіяхъ батюшки говорилось очень глухо и невнятно.

Случайно пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ клириковъ, прежнимъ сослуживцемъ іерея-гидротехника. Разумѣется, сталъ распрашивать я о замѣчательномъ пастырѣ. Для вступленія, сослался на статьи въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. При упоминаніи объ официальномъ органѣ епархіи, собесѣдникъ мой разсмѣялся и махнулъ рукой.

— Живая брехня,—сказалъ онъ съ благодушнымъ пренебреженіемъ:—такъ и думаю, по крайней мѣрѣ, одна изъ статей собственному его перу принадлежитъ, псевдонимъ тамъ этотъ внушаетъ мнѣ подозрѣніе... Брехня. Самохвальный гусь!..

Слишкомъ категорическое утвержденіе это поселяло нѣкоторое сомнѣніе въ безпристрастіи стараго соратника.

— Однако, не все же брехня... Есть, вѣроятно, и доля правды?

— Говорю вамъ: самохвальный гусь! Басню про гуся знаете?

— Какую именно?

— А вотъ, плаваетъ гусь по пруду и громко разговариваетъ самъ съ собой: какая, право, я удивительная птица! И летаю по воздуху, и хожу по землѣ, и плаваю по водѣ. Я всѣмъ птицамъ царь!—Прямой ты гусь!—сказалъ грачъ,—глупая птица! Можешь ты летать, какъ орелъ? Бѣгать, какъ олень? Плавать, какъ щука? Лучше знать одно, да хорошо, чѣмъ много, да какъ-нибудь...

— Однако же, въ вѣдомостяхъ-то и реальныя заслуги упоминаются: постройка причтовыхъ домовъ...

— При чемъ же тутъ попъ? Павелъ Яковлевичъ Обоймаковъ пожертвовалъ четыре тысячи—вотъ и дома...

— Отопленіе церкви...

— Э, простая исторія! Церковные дома надо или нѣтъ отапливать? Ну вотъ... И всего-то одну зиму топили ее, церковь. А въ январѣ 1909 г. церковныя дрова о. Григорій съ публичнаго торга продалъ... Еще дознаніе было объ этомъ...

— Чѣмъ же онъ такъ сумѣлъ заявить себя со стороны агрономіи?

— Чѣмъ? А вотъ чѣмъ... Закатилъ рѣчь генералу насчетъ Агрипины-Полухлѣбницы и прочихъ святыхъ, полезныхъ въ сельскомъ быту... Отъ червей, къ примѣру сказать, Никаноръ Червоточивый, для пчелъ—Зосима и Савватій, для благополучія птицы—Трифонъ мученикъ... Ну, вотъ... развилъ эту самую науку, прошелся противъ безбожной интеллигенціи, выразилъ беззавѣтную преданность и все, что полагается... Генералъ, хотя и иновѣрецъ, а объ утвержденіи православія строго блюлъ...—«Это,—говоритъ,—очень пріятно слышать... Всѣ эти,—говоритъ,—агрономы краснѣй моихъ лампасъ, а ваша мысль касательно пророка Иліи, громами повелѣвающаго или Никанора Червоточиваго, достойна вниманія... Въ старину ни о какихъ агрономахъ не знали, а урожаи наши всю Европу кормили»...

— Вотъ-съ на чемъ онъ выѣхалъ, если хотите знать, о. Григорій нашъ!—немножко грустнымъ, немножко завистливымъ тономъ заключилъ нашъ собесѣдникъ:—на Аграфенѣ-Полухлѣбницѣ, на Іоаннѣ Огородномъ, на Никитѣ Гусятникѣ... Да-съ, вещь любому изъ насъ давно извѣстная, вся эта табличка, а вотъ одинъ лишь умный человѣкъ извлекъ изъ нея настоящую себѣ пользу...

Онъ коротко качнулъ головой снизу вверхъ. Жестъ этотъ выразилъ, очевидно, сложное чувство: и завистливое удивленіе передъ геніальнымъ пріемомъ, создавшимъ особый успѣхъ и благополучіе изобрѣтателю, и этакій маленькій попрекъ всѣмъ нехитрымъ людямъ, не догадавшимся выдумать порохъ,—къ числу таковыхъ отнесены были какъ будто и мы, слушатели.

— А мѣстишко икряное!—вздохнулъ старый сослуживецъ іерея-гидротехника:—пруды изумительные! Одной воды 60 десятинъ! Караси тамъ разведены во-о какіе!

Онъ помолчалъ, какъ бы подавленный фантастическими размѣрами карасей, потомъ добавилъ:

— Къ слову сказать, наша братія іереи частенько таки заворачиваютъ къ нему въ разсужденіи этой самой рыбешки... Ничего, не загордѣлъ... Принимаетъ по старой памяти, кормитъ...

— Ну, а дѣло какъ идетъ?

— Идетъ обыкновеннымъ порядкомъ: жалованье—жалованьемъ...

съ доходовъ—процентъ... да того-сего набѣжитъ... Мѣстишко хлѣбное, дай Богъ всякому...

— А завѣдываніе самое?

— Да и завѣдываніе ничего... своимъ порядкомъ...

— Но вѣдь дѣло всетаки требуетъ немножко какъ будто спеціальныхъ познаній... руководства?..

— И руководство есть. А на всякій случай и Илья—пророкъ, плодоносіе на землю и безплодіе посылающій, молніями по волѣ Божіей управляющій, можетъ быть призванъ на помощь...

— Вы все шутите...

— Нимало. Впрочемъ, для ученой части у него подъ началомъ и ученыхъ господъ достаточно. Чехъ даже одинъ есть. Каждый вечеръ они съ отчетомъ къ нему являются: что сдѣлали? Какъ сдѣлали? Ну-те-съ, а онъ... конечно, руководствуетъ... Дѣло не хитрое ту или иную костяшку положить на счетахъ... Агрономомъ что-ль для этого надо быть?

— А что такое агрономъ, скажите на милость?—съ нѣкоторой даже горячностью воскликнулъ мой собесѣдникъ:—книжный человѣкъ, больше ничего!.. А пощупайте его на практикѣ, онъ—ни тпру, ни ну... И формуляръ рѣдко у какого чистъ: если не сидѣлъ, то былъ въ ссылкѣ! А ужъ подъ о. Григоріемъ въ этомъ смыслѣ не пообѣдаешь...

II. Духовные сироты.

Вотъ какъ и вотъ на что жаловался народъ въ приходѣ, сосѣднемъ съ моей станицей:

„А также онъ (священникъ), вмѣсто воспріятаго имъ на свитцѣ архипастырскаго наставленія о священно-пастырской обязанности словеснаго стада своего съ любовію поучительными бесѣдами—темный людъ вразумлять и наставлять на путь спасительный,—насправлялъ грамофоновъ и разыгрываетъ на нихъ, самъ лично припѣвая, причудные басни, пѣсни въ видахъ танцъ, куда быстро стекаются большія массы людей, молодежи, гдѣ и творится бѣшенство, танцы, смѣхотворство, срамословіе. Такой безнравственный образъ жизни въ лицѣ нашихъ пастырей, въ различныхъ неблаговидныхъ дѣяніяхъ въ храмѣ и богопротивное явленіе въ стѣнахъ нашего града, глубоко насъ печалитъ и повергаетъ въ уныніе“.

Далѣе о. Ѳедоръ обвинялся въ неблаговидныхъ продѣлкахъ при выборѣ церковнаго старосты, въ незаконныхъ оборотахъ съ церковной землей, а затѣмъ,. а затѣмъ шелъ длинный списокъ дѣяній, свидѣтельствовавшихъ, главнымъ образомъ, о веселонравіи пастыря:

1. Задавилъ корову одного обывателя, катаясь въ нетрезвомъ видѣ на тройкѣ по улицамъ станицы.

2. Ударилъ „въ сердцахъ“ одного прихожанина, во время молебствія, евангеліемъ по лбу, а на выраженіе сѣтованія по сему поводу сказалъ:

— Заткни ротъ, а то я тебя засажу мѣсяцевъ на шесть!

3. Крестомъ вышибъ зубъ другому прихожанину,— „какъ бы невзначай“,—гласитъ жалоба,—„а на самомъ дѣлѣ мстилъ оному Емельяну Цершину за то, что послѣдній не согласился записать барана за годовой поминъ по родителямъ“...

4. Остригъ для потѣхи бороды двумъ старикамъ, предварительно напоивши ихъ пьяными.

5. Потерялъ крестъ во время хожденія по приходу „съ святой водой“, на Крещеніе. Когда весной началъ таять снѣгъ, крестъ нашли возлѣ дома одной „веселой вдовы“ и представили гражданскимъ властямъ для врученія по принадлежности...

6-й пунктъ, самый обширный, о „пѣвчихъ дѣвицахъ“ и ихъ разносторонней роли въ церковно-приходской жизни просителей.

Живописный разсказъ объ этихъ дѣяніяхъ о. Өедора, все-таки, остался безъ отклика со стороны владыки.

— Никакого зависящаго результата! огорченнымъ голосомъ говорилъ мнѣ прихожанинъ веселаго іерея, познакомившій меня съ содержаніемъ прошенія:—самому владыкѣ въ руки подавали... лично, самому архипастырю, перваго сентября!.. И то завалилось куда-то!.. Чтожъ мы должны теперь? Оставить вчатое дѣло бездоказательнымъ? Ни съ чѣмъ не согласны!..

— Какъ же вы думаете его доказать?—спрашиваю.

— Отнесемся объ нашей жизни въ газеты...

— Единственный источникъ!—прибавилъ поношенный человѣкъ въ длинномъ пальто, съ длинными волосами, пришедшій вмѣстѣ съ прихожаниномъ:—я вотъ болѣе 25 лѣтъ служилъ въ церкви безъ отлучки, а онъ теперь не позволяетъ мнѣ даже въ храмъ ходить, на клиросъ становиться... И не знаю, гдѣ искать спасенія, а сколько ужъ мнѣ не терпѣть отъ него...

Человѣкъ съ длинными волосами оказался „сиротой духовнаго званія“ и претендовалъ на право чтенія на клиросѣ.

— Я—сынъ дьякона. Въ пунктѣ 72-мъ говорится: дѣти духовныхъ лицъ обязаны пѣть и читать въ церкви. А онъ гонитъ съ клироса!.. Даже у матери моей, у старухи, хочетъ милитуру отобрать... Имѣетъ онъ право?

— Отобрать эмеритуру? Думаю, что нѣтъ, разъ она выслужена.

— Мой покойный родитель 46 лѣтъ трубилъ за нее. Извольте радоваться: отобрать! У сироты духовнаго званія! Гонитель, мучитель, больше ничего!

— За что же онъ васъ такъ?

— Извольте радоваться!..

Сирота духовнаго званія оглянулся на дверь въ другую комнату и, таинственно понизивъ голосъ, продолжалъ:

— Именно, видѣлъ я его во дворѣ одной пѣвчей дѣвицы... ночью-съ... И не я одинъ при томъ дѣлѣ былъ, а случился также обходчикъ Ѳома Свиридовъ и его жена... Ну-те-съ, на другой день я шутейнымъ манеромъ и говорю: о. Ѳедоръ, у Юдашкиныхъ требы, вѣрно, ночушкой бываютъ? Онъ и пыхнулъ:—„Ты",—говоритъ,—„знай край да не падай! Шпіенъ!"—Я не шпіенъ, о. Ѳедоръ...—„Шпіенъ и соглядатай!"

— Стало быть, и Павелъ Мелиховъ тоже шпіенъ? У васъ всѣ шпіены... А вы бы подальше закоулки выбирали...—Тутъ онъ окончательно взволдырялъ...

Собесѣдникъ мой зашипѣлъ и покрутилъ головой, точно его оса ужалила.

— А про Мелихова я упомянулъ, надо вамъ объяснить вотъ почему,—продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы:—Мелиховъ этотъ самый въ Собачьей балкѣ захватилъ его, о. Ѳедора, тоже съ пѣвчей дѣвицей, но съ другой. Наткнулся невзначай, оробѣлъ. Снялъ шапку: «извините, молъ, батюшка».—«Ну, ничего. Молчи. Пришпилъ языкъ. А завтра зайди ко мнѣ». Зашелъ онъ назавтра къ о. Ѳедору, а онъ вынесъ ему десять фунтовъ мяса и говоритъ опять:—«ну, гляди, языкъ пришпиль, чтобы намъ не ругаться»... Да, одному стягно баранины далъ, а другого куска послѣдняго лишаетъ...

— Гонитъ въ расколъ,—соболѣзнующимъ тономъ сказалъ прихожанинъ.

— Гонитъ!—горестно воскликнулъ сирота духовнаго званія:—а за что гонитъ? Я истинный христіанинъ церкви Христовой, бывалъ ежедневно во храмѣ Божіемъ, пѣлъ и читалъ... Кому отъ этого вредъ?..

— А теперь дѣвушка Апостолъ читаетъ,—замѣтилъ укоризненно прихожанинъ:—гдѣ это съ роду бываетъ?

— Извольте видѣть! А я безъ храма долженъ быть!.. Одно остается: или въ газеты, или жаловаться въ святѣйшій синодъ...

Изъ дальнѣйшаго разговора, оказалось, что число обиженныхъ о. Ѳедоромъ лицъ не ограничивается сиротой духовнаго званія, прихожанами съ выбитымъ зубомъ, съ задавленной коровой, съ остриженными бородами. Едва-ли не горше всѣхъ отъ жизнерадостной рѣзвости іерея достается учительницамъ церковныхъ школъ, которыми онъ завѣдуетъ.

— Человѣкъ, знаете, полнокровный, ѣдой не бѣдствуетъ, а вдовый и въ женскомъ продовольствіи нуждишку иной разъ и терпитъ... И уже ни одной барышни не пропуститъ, чтобы не попытать... Просто—бѣда! Крикомъ кричатъ иную пору, а пожаловаться—мѣста лишишься...

— Не преувеличиваете ли вы?—говорю.

— А вы поговорите хоть съ Ольгой Кузьминишной,—она потерпѣлась отъ него, разскажетъ... Да сколько уже ихъ было у насъ

и всѣ бѣгутъ черезъ него: то оговоритъ, то окна дегтемъ вымажетъ, если не поддается ему... Нынче зимой привелъ въ школу пьяную потаскуху и говоритъ учительницѣ:—«вотъ вамъ сторожиха... я препоручаю ей наблюдать тутъ за чистотой»... Учительница говоритъ:—«за чистотой и Никитичъ хорошо наблюдаетъ».— «А это», говоритъ,—«я нахожу неудобнымъ—въ церковной школѣ подъ одной кровлей барышня и мужчина живутъ». А мужчинѣ тому лѣтъ 80. Учительница въ слезы, дѣти, глядя на ее, тоже въ слезы... Однако бабу водворили и у ней каждую ночь пьянка... Такъ и ушла учительница изъ школы на иную квартиру...

— «Пріидите на помощь, милостивый архипастырь, намъ безсильнымъ вашимъ духовнымъ чадамъ»,—такъ заканчивается прощеніе прихожанъ о. Ѳедора:—«избавьте насъ общаго соблазна въ нашей церкви, которая, какъ и прежде, будетъ покровительствовать своими молитвами какъ насъ, такъ и дѣтей нашихъ, дондеже пребудетъ. И нельзя ли намъ послать пастыря изъ старшихъ возрастовъ, дабы не съ такимъ пристрастіетъ, на что и ожидаемъ уважительнаго результата».

Я узналъ недавно, что епархіальный владыка положилъ, все таки, резолюцію на повторенномъ прошеніи прихожанъ—почерпнулъ указаніе изъ Златоуста:

«Не житія его смотри, но словесъ»...

И. Гордѣевъ.

Обозрѣніе иностранной жизни.

I. Хаосъ въ Персіи.—II. Китайская революція.

Для того, чтобы надлежащимъ образомъ понять послѣднія событія въ Персіи, намъ придется возвратиться нѣсколько назадъ. Кстати, въ западно-европейской печати начинаютъ теперь все чаще и чаще появляться свѣдѣнія о персидскихъ дѣлахъ, идущія отъ образованныхъ туземцевъ. Общая картина сумятицы, въ которой такъ трудно разбираться иностранцу, начинаетъ мало-по-малу проясняться. Можно лучше схватить ту игру интересовъ и ту борьбу партій, которыя дѣлаютъ понятнымъ неустойчивое положеніе вещей въ пробудившемся Иранѣ.

Приходится прежде всего различать два элемента: естественное развитіе хозяйственной и политической жизни Персіи, которое

должно было привести страну къ революціи; и косвенное давленіе или прямое вмѣшательство культурныхъ державъ въ персидскія дѣла.

Общественныя силы и группировка интересовъ въ Персіи видимо пріобрѣтаютъ бо́льшую опредѣленность. Уже вполнѣ явственно обрисовываются три политическія партіи и три группы интересовъ. Направо осталась старая Персія, страна шахскаго деспотизма, безотвѣтственной центральной бюрократіи и мѣстнаго грабительскаго чиновничества, крупныхъ феодаловъ и отсталыхъ кочующихъ племенъ,—отчасти курдовъ и въ особенности шахсевеновъ («шахолюбцевъ») Азербейджана, къ «натуральному хозяйству» которыхъ относится—увы!—и грабежъ успѣвшаго осѣсть трудолюбиваго населенія. Налѣво стоитъ молодая Персія, опирающаяся на прогрессивную часть духовной и свѣтской интеллигенціи, образованныхъ купцовъ, мелкихъ ремесленниковъ, городскихъ пролетаріевъ и крестьянъ-земледѣльцевъ, живущихъ трудовой жизнью. Эта партія выдвигаетъ требованіе политической свободы и личной неприкосновенности, верховенства парламента, или Національнаго совѣта (Меджлисъ-и-Шора-и-Милли) въ общенародныхъ вопросахъ, равно какъ энджуменовъ въ вопросахъ мѣстныхъ, отвѣтственности министерства, строгой законности въ дѣйствіяхъ чиновниковъ, словомъ, всего того,въ чемъ суть правового государства. Наконецъ, въ центрѣ помѣщается межеумочная партія, интересы которой связаны одновременно и со старымъ, и съ новымъ укладомъ вещей: крупные землевладѣльцы и крупные торговцы, живущіе банковыми операціями, концессіями и прочими воспособленіями, получаемыми ими отъ соприкосновенія съ культурными державами; довольно значительная часть духовенства, которая не идетъ такъ далеко, какъ его умственный авангардъ, по пути свободной жизни, но все же отрицательно относится къ прежнему шахскому и чиновничьему произволу; осѣдающая, но еще не окончательно осѣвшая часть кочевниковъ, каковы, напр., бахтіары Луристана, ко́торые не принадлежатъ къ излюбленнымъ номадамъ прежняго строя и поэтому не получали отъ шаха и мѣстныхъ хановъ разрѣшенія кормиться правильными грабежами мирнаго населенія.

Политическое выраженіе этихъ трехъ группъ интересовъ и убѣжденій мы видимъ въ троякой разслойкѣ меджлиса на партію реакціонеровъ, партію такъ называемыхъ «демократическихъ представителей народа», и промежуточный «блокъ», представляющій, подъ этимъ европейскимъ наименованіемъ, болѣе или менѣе прочный союзъ умѣренныхъ консерваторовъ съ умѣренными либералами.

Столкновеніемъ этихъ партій не объясняется еще, однако, вся исторія послѣднихъ лѣтъ въ Персіи. Слѣдуетъ присоединить постоянное вмѣшательство иностранныхъ державъ, усложняющее внутреннюю борьбу интересовъ и идей. Персія и во время абсолютнаго владычества шаха находилась подъ большимъ или меньшимъ

вліяніемъ культурныхъ государствъ, или, точнѣе говоря, представителей международнаго капитала и биржи, которые, съ помощью дипломатическихъ агентовъ своихъ державъ, вырывали различныя концессіи отъ постоянно нуждавшихся въ деньгахъ шаховъ. Но въ особенности Персія подпала подъ это чужеземное владычество со времени англо-русскаго соглашенія 31 августа 1907 г. Мнѣ уже приходилось говорить о гибельномъ для развитія свободы въ отсталыхъ странахъ союзѣ между Англіей и Россіей. Возвращаться къ подробностямъ этого соглашенія не стоитъ. Но должно отмѣтить тѣ роковыя послѣдствія, какія имѣлъ для внутренняго развитія Персіи англо-русскій договоръ.

Дѣло не въ томъ только, что обѣ столковавшіяся державы безцеремонно подѣлили между собою Персію на такъ называемые «пояса вліянія», или «зоны интересовъ», вслѣдствіе каковаго дѣлежа Англіи достался для «эксплуатаціи» юго-восточный край Персіи, приблизительно съ 700.000 населенія и 50.000 фунт. стерл. таможенныхъ пошлинъ, а Россіи—весь громадный сѣверный кусокъ съ населеніемъ въ 7.000.000 и таможенными доходами, превышающими 300.000 ф. ст., тогда какъ «нейтральная» сфера, великодушно предоставленная самой Персіи, не обнимаетъ и 2.000.000 народа и даетъ не болѣе 180.000 ф. ст. доходовъ. Дѣло еще болѣе въ томъ, что этотъ договоръ долженъ былъ фатально низвести Персію на положеніе африканскаго «чернаго континента», въ которомъ жадные культуртрегеры по произволу вырѣзываютъ себѣ огромные куски. При заключеніи соглашенія обѣ стороны возвѣщали, правда, не безъ помпы всему цивилизованному міру о томъ, что онѣ отнюдь не желаютъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Персіи, а, наоборотъ, будутъ неустанно пещись о «цѣлости персидской территоріи и о независимости верховной власти страны». Но мы знаемъ, къ чему свелись эти обѣщанія, когда недавно, по поводу происходящихъ въ Персіи усобицъ и двухъ русскихъ ультиматумовъ, либеральный министръ иностранныхъ дѣлъ въ Англіи заявилъ съ одобренія почти всего парламента, за исключеніемъ соціалистовъ и радикаловъ и кой-какихъ консерваторовъ, что англорусскій договоръ отнюдь и не ставилъ своею цѣлью неприкосновенность и независимость Персіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ это можно было бы понимать «въ примѣненіи къ болѣе культурнымъ странамъ». До такихъ, видите ли, притязаній, какъ право на полную самостоятельность, Персія еще не доросла. Въ ней населеніе находится еще на слишкомъ низкой ступени развитія. А новый порядокъ, имѣющій претензію походить на конституціонный строй, ничего пока не далъ, кромѣ анархіи.

Между тѣмъ, въ частности именно политика русскаго правительства дѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы подорвать конституціонный прогрессъ Персіи. Официальной Россіи поперекъ горла сталъ персидскій меджлисъ, начинавшій пріобрѣтать вліяніе

въ странѣ, послѣ отреченія отъ престола вѣроломнаго шаха. Представители Ирана отвергаютъ прежнія выгодныя для Россіи условія займовъ и концессій, къ торопливому принятію которыхъ пріучило, наоборотъ, насъ деспотическое правительство шаха. Возмущенъ Петербургъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что Персія пригласила способныхъ шведскихъ и англійскихъ офицеровъ для организаціи жандармеріи, равно какъ американскихъ спеціалистовъ по финансовымъ вопросамъ, вродѣ Моргана Шустера, для приведенія въ порядокъ разстроеннаго хозяйства страны. И вотъ русскія власти усердно стараются облегчить шаху возвратъ въ ненавидящую его страну и способствовать тамъ успѣхамъ его оружія.

Факты такого вмѣшательства Россіи, несомнѣнно установлены. И если они замалчиваются въ предѣлахъ Россійской имперіи, то въ Персіи ихъ знаютъ всѣ патріоты, возмущенные этимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ въ жизнь страны. Такъ, при самомъ началѣ кроваваго фарса реставраціи, русскій консулъ въ Астрабадѣ обратился отъ имени шаха съ воззваніемъ къ персидскому народу, обѣщая амнистію за все прошлое и возвѣщая волю возвратившагося монарха «управлять страной съ цѣлью возстановить спокойствіе и порядокъ». Эта неслыханная рекомендація клятвопреступнаго эксъ-монарха представителемъ чужой державы проскользнула почти незамѣтно въ Россіи и была отмѣчена лишь въ корреспонденціи изъ Персіи, помѣщенной въ одной изъ кавказскихъ газетъ, но за то возбудила крайнее негодованіе во всѣхъ персахъ, стремившихся наладить новую политическую жизнь *).

Наши агенты не переставали ни на минуту подрывать престижъ новаго правительства и вызывать смуты. Персы съ негодованіемъ говорили о подкупѣ русскими реакціоннаго вождя, Рашидъ-Уль-Мулька, для произведенія безпорядковъ и грабежей въ Ардабильской провинціи съ тѣмъ, чтобы послѣ подавлять ихъ нашими войсками. Позже, когда этотъ воитель былъ захваченъ персами и подвергался опасности быть казненнымъ, то русскій же консулъ въ Тавризѣ освободилъ его изъ тюрьмы силою, при помощи русской пѣхоты и казаковъ, а нѣсколько дней спустя передалъ его правой рукѣ возвратившагося шаха, Самадъ-Хану, который назначилъ Рашида губернаторомъ Соуджбулака.

Такъ поступала Россія въ области международныхъ отношеній, считая въ то же самое время тяжелымъ прегрѣшеніемъ Персіи приглашеніе на службу уже упомянутаго нами Моргана Шустера, который въ свою очередь сталъ назначать начальниками мѣстной жандармеріи и *пишгарами*, или сборщиками податей, неподкупныхъ и способныхъ людей, вродѣ англичанина Стокса и англо-француза Лекофра. Отсюда загорѣлся весь сыръ-боръ, и обо-

---

*) Arschawir Tschilinkirian, «Das Abenteuer des Exschahs»; «Die Neue Zeit», № отъ 24 ноября 1911, стр. 270.

стрилась агрессивная политика Россіи. Оба партнера,—и Россія и Англія, все болѣе и болѣе мирволящая русской реакціонной политикѣ въ Персіи,—видѣли, что упорядоченіе государственнаго хозяйства отведетъ отъ горла несчастной страны тотъ ножъ дефицита, которымъ культуртрегеры постоянно угрожали Ирану, заставляя его соглашаться на любыя условія интернаціональной эксплуатаціи. Надо было торопиться, и вотъ Россія посылаетъ Персіи слѣдомъ одинъ за другимъ два ультиматума, требуя отставки Шустера, признанія вето Англіи и Россіи на выборъ иностранныхъ служащихъ и, наконецъ, возмѣщенія Россіи всѣхъ тѣхъ убытковъ... какіе вызывали сами же русскія власти, создавая въ Персіи атмосферу, благопріятную для безпорядковъ и грабежей, а затѣмъ двигая на подавленіе ихъ свои войска,—что, конечно, вызывало значительныя издержки.

Какъ же относится ко всему этому общественное мнѣніе злополучной страны? Уже упомянутое нами соціальное и политическое дѣленіе современнаго Ирана на три группы ясно выражается въ колеблющемся со дня на день и неодинаковомъ въ разныхъ слояхъ настроеніемъ персидскаго населенія.

Нечего говорить о томъ, что реакціонеры злорадно смотрятъ на затрудненія, создаваемыя Россіей новому строю. Въ Тегеранѣ ходила на этихъ дняхъ комичная телеграмма шаха къ меджлису: «Подождите проливать кровь! Я пріѣду—и водворю порядокъ». Съ несомнѣнной связи съ русскими ультиматумами, подкрѣпленными походомъ русскихъ войскъ на Казвинъ и Тегеранъ, находится и попытка шаха вмѣстѣ со своими двумя братьями возобновить междуусобную войну. Наученный опытомъ относительно опасности заходить слишкомъ далеко въ страну «возлюбленныхъ вѣрноподданныхъ», самъ Мохаммедъ-Али благоразумно остается въ порту Гумиштепе, готовый въ случаѣ неудачи вспрыгнуть на первый отходящій пароходъ, тогда какъ одинъ изъ его братьевъ, Шуа-эсъ-Салтанэ, снова разбойничаетъ въ Астрабадѣ, а другой, Саларъ-эдъ-Даулэ,—въ Керманшахѣ.

Что касается до демократовъ, то они, въ особенности лѣвое крыло ихъ, приближающееся, по своимъ воззрѣніямъ, къ западноевропейской соціалъ-демократіи, крайне возмущены этимъ нарушеніемъ со стороны Россіи верховныхъ правъ Персіи. Они побуждаютъ всѣми силами народъ поднять знамя возстанія и держаться до конца. Негодованіе слоевъ, идущихъ за демократами, сказывается въ очень обширныхъ манифестаціяхъ и въ крайней ненависти къ реакціоннымъ дѣятелямъ и къ мнимолиберальнымъ «государственнымъ мужамъ» вродѣ пресловутаго Сипехдара, который, еще до прибытія шаха въ Персію, интриговалъ противъ парламента, требуя предоставленія министерству законодательной власти и пока большей свободы въ дѣйствіяхъ, «какъ въ Россіи», а затѣмъ и дик-

татуры, логично дополняющейся въ головѣ Сипехдара превращеніемъ меджлиса въ совѣщательный органъ.

Громадную сенсацію въ этихъ демократическихъ слояхъ производитъ распространенное на персидскомъ языкѣ письмо Шустера въ «Times», гдѣ рѣзко обличается двойственная политика англо-русской коалиціи. «Эти державы стараются свести на нѣтъ всѣ серьезныя усилія правительства Ирана и подъ тѣмъ или инымъ, но всегда эгоистичнымъ предлогомъ подорвать значеніе правильныхъ учрежденій въ глазахъ персидскаго народа». Авторъ письма подробно и ѣдко разбираетъ тѣ пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ Англія и Россія, чтобы умышленно вызвать политическій и финансовый кризисъ въ Персіи. «Если этой странѣ надобны деньги для имѣющихъ прочный характеръ реформъ,—вскрываетъ культуртрегерскую психологію Шустеръ,—то ихъ должно, по мнѣнію заинтересованныхъ государствъ, брать на невозможныхъ для Персіи политическихъ условіяхъ. Если надо строить желѣзныя дороги, то приходится прилаживать эти проекты къ знаменитымъ поясамъ вліянія. Если приходится покупать ружья, то за нихъ нужно платить богатому и дружественному государству въ тридорога противъ обычной рыночной цѣны. Если берешь опытныхъ чиновниковъ на службу съ цѣлью ускорить прогрессъ, то эти лица непремѣнно должны быть выходцами маленькаго государства, или же обладать тѣмъ лишеннымъ опредѣленности и энергіи характеромъ (spineless, nerveless type), при которомъ ихъ легко превращать въ орудіе чужихъ интересовъ».

Партія центра, которая состоитъ, какъ мы уже сказали, изъ блока умѣренно-консервативныхъ и умѣренно-либеральныхъ элементовъ, видимо, склонна къ примиренію съ Россіей, даже цѣною увольненія Шустера и уплаты Россіи тѣхъ издержекъ, которыя вызываетъ сама же петербургская политика, обездоливающая Персію этими своеобразными карательными экспедиціями въ чужой странѣ. Блокъ этотъ былъ намѣренъ поддерживать и примирительный кабинетъ Самсама-усъ-Салтанэ, образовавшійся послѣ второго русскаго ультиматума. Но новое министерство, не успѣвъ просуществовать и нѣсколькихъ дней, уже рухнуло, и въ странѣ царитъ невообразимый хаосъ, отражающійся почти въ ежедневной смѣнѣ событій, настроеній, рѣшеній.

Какое направленіе возьметъ верхъ, сказать, конечно, трудно, хотя такъ или иначе, добровольно или силою, Персія въ концѣ концовъ должна будетъ пойти на капитуляцію передъ сильнымъ и беззастѣнчивымъ врагомъ... если только не произойдетъ какого-нибудь новаго осложненія, ну, напр., вмѣшательства Турціи или отступленія Англіи отъ поддержки ярко реакціонной политики Россіи. Трудность положенія для конституціонной Персіи усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ широкихъ слояхъ населенія меджлисъ отчасти подорвалъ свою популярность отказомъ

ввести прогрессивный подоходный налогъ, который перенесъ бы хоть часть податного бремени на капиталы крупныхъ торговцевъ и земли крупныхъ собственниковъ и облегчилъ бы спину народа, стонущаго подъ гнетомъ и высокихъ прямыхъ поборовъ и реквизицій, и все растущихъ налоговъ на предметы первой необходимости. Введя обложеніе на соль, табакъ, разные съѣстные припасы и отмѣнивъ передъ взрывомъ негодованія лишь нѣкоторые изъ этихъ налоговъ, большинство парламента сильно скомпрометировало себя въ глазахъ широкихъ массъ. Съ другой стороны, и бахтіары, которые въ теченіе нѣкотораго времени поддерживали новый строй, видимо, передвигаются вправо и будутъ поддерживать въ лучшемъ случаѣ оппортунистскую политику блока. Большей энергіей обладаютъ лѣвыя партіи въ странѣ и парламентѣ. Но что могутъ сдѣлать хотя бы и довольно большіе отряды федаевъ, какъ бы ни былъ великъ ихъ героизмъ, если Россія уже сконцентрировала въ Персіи четыре тысячи регулярныхъ войскъ, вооруженныхъ всѣми усовершенствованіями современной разрушительной тактики и, повидимому уже дошедшихъ до Тегерана?

Телеграммы отъ 22 (9) декабря принесли чреватую сюрпризами вѣсть, что въ Тавризѣ идетъ перестрѣлка между персидскими конституціоналистами и россійскими водворителями порядка; а вмѣстѣ съ тѣмъ, что ультиматумъ принятъ. Послѣднія же извѣстія говорятъ о предстоящемъ быстромъ увеличеніи русскихъ войскъ и ихъ движеніи, при помощи автомобильныхъ поѣздовъ, въ центры возстанія, персовъ противъ завоевателя: Тавризъ, Рештъ, Энзели. Возвѣщается одновременно, что Шустеръ уволенъ, меджилисъ распущенъ, а регентъ приготовляется уйти со своего поста (24 декабря). Очевидно, плодъ считается культуртрегерами уже достаточно созрѣвшимъ, и заинтересованныя державы усиленно начинаютъ трясти злополучное дерево новой персидской государственности, чтобы ускорить паденіе независимости Ирана: офиціальная Россія готова одержать побѣду надъ принципами международнаго права и справедливости, какъ Италія одерживаетъ такія же побѣды въ Триполи...

Какъ бы то ни было, возбужденіе противъ Россіи пока ростетъ. Мѣстами дѣло доходитъ до того, что женщины даютъ клятву стрѣлять въ своихъ мужей и братьевъ, если тѣ откажутся отъ борьбы съ врагомъ.

Мораль всего этого хаоса, вызываемаго дѣйствіями тѣхъ самыхъ двухъ культурныхъ державъ, которыя громогласно заявляютъ о своей задачѣ водворить порядокъ и спокойствіе въ Персіи, такова: если бы внѣшняя политика Европы находилась, по крайней мѣрѣ, хоть подъ такимъ же давленіемъ миролюбивыхъ и трудовыхъ слоевъ общества, какъ внутренняя, то Персія могла бы болѣе свободно развиваться и мало-по-малу улучшать тѣ новыя политическія формы, какія она пытается вотъ уже нѣсколько лѣтъ установить. Вѣдь, сама по себѣ чисто экономическая сторона дѣла не

объясняетъ еще того ожесточенія, съ какимъ Англія, а въ особенности Россія, вмѣшиваются во внутреннюю жизнь несчастной страны. Россіи и Англіи принадлежитъ и безъ того львиная доля въ международной торговлѣ Персіи, при чемъ обороты Россіи даже въ три раза больше оборотовъ Англіи. Такъ, въ 1909—10 г., изъ 372 милліоновъ крановъ (кранъ=$17^1/_2$ коп.) вывоза 262 милліона представляли долю Россіи, а изъ 442 милліоновъ крановъ ввоза сношенія съ Россіей выражались въ цифрѣ 227 милліоновъ, тогда какъ Англія по вывозу занимала третье мѣсто со своими 32 милліонами, не только послѣ Россіи, но и послѣ Турціи, вывозившей изъ Персіи на 42 милліона, но по ввозу,—153 милліона,—шла непосредственно за Россіей *). Другія же государства лишь очень далеко слѣдуютъ цифрами своего оборота за двумя главными партнерами дипломатической игры въ Персіи, обладающими, какъ видитъ читатель, монополіей международной торговли съ Ираномъ.

Преслѣдуй, на самомъ дѣлѣ, англо-русскій союзъ исключительно интересы мирной торговой политики, хотя бы и совершающейся въ рамкахъ капиталистическаго обмѣна, онъ долженъ былъ бы не бросать палки въ колеса еле-еле налаживающейся персидской конституціи, тѣмъ болѣе,—и я обращаю на это вниманіе своихъ читателей,—что новый строй, несмотря на всѣ нестроенія и анархію, связанныя съ попытками реакціи возстановить шахскій деспотизмъ, уже сказался благотворнымъ образомъ на управленіи таможенными сборами. Дѣйствительно, за четыре года издержки администраціи по взиманію таможенныхъ пошлинъ упали съ 19% всего валового сбора въ 1906—7 г. до 12% въ 1909—10 г., т. е. непроизводительные расходы бюрократіи сократились чуть ли не въ два раза.

Но, очевидно, несмотря на всѣ отнѣкиванія Россіи и на громогласное поручительство Англіи за чистоту намѣреній союзницы, двѣ державы ждутъ не дождутся того момента, когда имъ возможно будетъ превратить хитроумную систему сферъ вліянія въ прямой раздѣлъ несчастнаго Ирана. Можетъ быть, это было нѣсколькихъ недѣль, даже нѣсколькихъ дней... Уже нѣкоторые передовые органы Запада приравниваютъ англо-русскую политику въ Персіи XX вѣка съ русско-прусской политикой въ Польшѣ XVIII вѣка. Какъ тамъ,—говорятъ они,—два сильныхъ сосѣда прибѣгали къ всяческимъ уловкамъ и ходамъ, чтобы плодить смуту въ Польшѣ и не давать возможность странѣ установить у себя прочный порядокъ, такъ и нынѣ въ Персіи лондонскій и петербургскій кабинеты

*) «The Statesman's Year-Book for the year 1911, стр. 1096. «Almanach de Gotha» на 1912 г. даетъ, однако, для того же самаго годового оборота чрезвычайно отклоняющіяся,—но только для одной Англіи,—цифры: 14 милліоновъ и 93 милліоновъ крановъ. Эта разница, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что здѣсь дается не общая, а специальная торговля Англіи, т. е. безъ транзита.

употребляютъ всѣ усилія, чтобы еще болѣе увеличить хаосъ, и безъ того царящій въ странѣ, и оправдать этой искусственно-разводимой ими анархіей готовящійся захватъ Ирана. Какъ тамъ приходилось Косцюшкамъ восклицать «finis Poloniae», такъ теперь скоро мы услышимъ кликъ злополучныхъ персидскихъ патріотовъ: «finis Persidi».

Никакими международными сантиментальностями Англія и Россія не трогаются. И въ финансовыхъ сферахъ уже дѣлаются выкладки, какъ въ случаѣ водворенія надлежащаго порядка въ Персіи (читай: ея завоеванія) было бы легко «правильной эксплуатаціей» страны погасить весь англо-русскій долгъ Ирана, состоящій изъ трехъ пятипроцентныхъ займовъ: русскаго 1900 г., въ суммѣ $22^1/_2$ милліоновъ, русскаго же займа 1902 г., въ суммѣ 10 милліоновъ, и англійскаго займа 1911 г. въ суммѣ $1^1/_4$ милліоновъ ф. ст., т. е. около 11 милліоновъ рублей. Жадные кредиторы жалуются, что, разъ всѣ доходы современной Персіи не превышаютъ въ годъ 80 милліоновъ крановъ, т. е. 14 милліоновъ рублей, то при малой упругости производительныхъ силъ страны на скорое погашеніе долга разсчитывать трудно,—тѣмъ болѣе,—продолжаютъ они,—что наиболѣе крупный заемъ Персіи, а именно золотой русскій заемъ 1900 г., уже поглощаетъ гарантирующіе его доходы всѣхъ персидскихъ таможенъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя находятся въ провинціи Фарсистанѣ и на берегу Персидскаго залива.

Въ предвидѣніи всевозможныхъ осложненій, которыя могутъ возникнуть на почвѣ персидскаго вопроса, не мѣшаетъ, можетъ быть, сказать два слова читателямъ о гипотезѣ активнаго выступленія Турціи въ Иранѣ. Мы уже сказали, что и Оттоманская имперія можетъ вмѣшаться въ персидскій хаосъ. И ее можетъ побудить къ этому отчасти настроеніе самихъ персидскихъ патріотовъ, которые начинаютъ все сильнѣе желать, чтобы Турціи удалось вызвать болѣе или менѣе значительную диверсію въ Иранѣ, двинувъ свои малоазіатскія войска на западную границу Персіи, смежную съ турецкими владѣніями. Дѣло въ томъ, что парадированіе русскихъ водворителей порядка на крайнемъ сѣверо-востокѣ Ирана, въ окрестностяхъ Джульфы и Хоя, можетъ и съ строго формальной точки зрѣнія затронуть территоріальные интересы Турціи, которая,—фактъ довольно мало извѣстный въ большой прессѣ,—уже съ 1843 г. возится надъ установленіемъ съ Персіей границы на протяженіи цѣлыхъ 1100 кил., причемъ еще въ 1865 г. третейскими судьями по этой размежевкѣ предполагались спеціальные англійскіе и русскіе коммиссіонеры *). Именно основываясь на этомъ положеніи вещей, Турція еще въ

*) См. обстоятельную сводную работу: Edward Hertslet, „Treaties... concluded between Great Britain and Persia“; Лондонъ, 1891.

1907 г. заняла нѣкоторыя мѣстности спорной территоріи, такъ что въ настоящее время часть россійскихъ усмирительныхъ предпріятій происходитъ въ турецкихъ владѣніяхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что выступленіе Турціи на персидской границѣ, куда такъ легко оттоманамъ двинуть значительныя массы и своихъ регулярныхъ войскъ, и просто воинственныхъ племенъ Арменіи, можетъ вызвать еще большій хаосъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать судьбы Персіи зависимыми уже не только отъ желанія и аппетитовъ двухъ государствъ, но и отъ настроенія всего пресловутаго европейскаго концерта. Для самостоятельнаго развитія Персіи было бы, конечно, выгоднѣе расхожденіе современной согласованной англійской и русской политики. Но и турецкая диверсія можетъ задержать гибель Ирана. Возможно, что для избѣжанія этого турецкаго вмѣшательства Англія и сдѣлала въ послѣдніе дни благопріятный для Оттоманской имперіи ходъ, занявъ находящійся на границѣ Триполитаніи и Египта Солумскій заливъ,—притомъ занявъ съ разрѣшенія Турціи, которая, очевидно, предпочитаетъ видѣть эту принадлежащую ей на бумагѣ бухту въ цѣпкихъ рукахъ Англіи, чѣмъ подъ владычествомъ итальянцевъ.

Намъ, вѣроятно, недолго придется ждать новаго поворота дѣлъ въ Иранѣ, который, видимо, стоитъ передъ альтернативой: сдѣлаться немедленно же простой добычей, подѣленной между двумя сильнѣйшими сосѣдями,—на югѣ Англіей, на сѣверѣ—Россіей, или же стать предварительно ареной серьезнаго столкновенія интересовъ различныхъ европейскихъ державъ и, можетъ быть, одной изъ причинъ неустойчиваго равновѣсія во всей Европѣ.

II.

Въ прошломъ обозрѣніи, нисколько не претендуя на роль пророка въ сложной области людскихъ отношеній, я говорилъ, однако, что, несмотря на побѣдоносное шествіе китайской революціи, въ Китаѣ все же на первыхъ порахъ можетъ остаться монархія, и даже въ лицѣ такъ сильно, казалось бы, скомпрометированной маньчжурской династіи. Теперь эту гипотезу приходится считать еще менѣе невѣроятной, чѣмъ мѣсяцъ тому назадъ. Повидимому, революціонное движеніе достигло въ Срединной имперіи своей наибольшей широты и можетъ идти только въ глубину. Предѣлъ дальнѣйшаго распространенія уже, кажется, наступилъ. Большинство крупныхъ центровъ въ бассейнѣ Янъ-Цзы остается еще въ рукахъ революціонеровъ, требующихъ республики. Но тотъ знаменитый «трилистникъ» городовъ Хань-Коу, Хань-Яна и Учана, который служилъ очагомъ революціоннаго пламени, можно считать въ большей или меньшей степени снова перешедшимъ подъ власть Пекина. Въ Учанѣ одни кварталы находятся, повидимому, еще въ

рукахъ революціонеровъ, другіе перешли къ врагу. Хань-Янъ взятъ защитниками стараго Китая. Подвергшійся страшному опустошенію съ двухъ сторонъ, Хань-Коу захваченъ въ своихъ главнѣйшихъ частяхъ императорскими войсками. Оба противника, очевидно, утомлены послѣ того страшнаго напряженія энергіи, какое они выказали въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Конечно, съ той и съ другой стороны борющіеся приготовляются къ новымъ схваткамъ, но передъ тѣмъ испытываютъ потребность переговорить съ врагомъ. Этой естественной психологіей революціонеровъ и имперіалистовъ, а не вліяніемъ однихъ только крупныхъ вожаковъ, какъ это дѣлаетъ европейская печать, объясняется сравнительное затишье послѣднихъ дней, желаніе компромисса и, наконецъ, самое перемиріе, которое было заключено на двѣ недѣли, а затѣмъ продолжено еще на недѣлю, до 1 января н. с.

Съ 19 декабря (нашего 6 декабря) въ Шанхаѣ засѣдаетъ мирная конференція, представленная Танъ-Шао-И со стороны имперскихъ властей и Ву-Тинъ-Фаномъ со стороны революціонеровъ. Делегаты обмѣнялись грамотами, указывающими на ввѣренныя имъ для веденія переговоровъ полномочія, и телеграммы, посланныя той и другой стороной, уже говорятъ о желаніи парламентеровъ пріостановить военныя дѣйствія болѣе рѣшительнымъ образомъ. Танъ-Шао-И какъ будто уже принимаетъ точку зрѣнія революціонеровъ.

Что выйдетъ изъ этой конференціи? Было бы мелко сводить настоящее положеніе дѣлъ въ Китаѣ къ той дуэли хитрости и политиканства, какая можетъ завязаться между представителемъ глубоко потрясенной монархіи, старымъ и хитрымъ Юанъ-Ши-Каемъ, и вождями революціонеровъ, среди гражданскаго элемента которыхъ выдвигаются уже знакомый читателю изъ моихъ обозрѣній соціалистъ Суенъ-Йи-Сьенъ и прогрессистъ-«культурникъ» Ву-Тинъ-Фанъ, а среди военнаго—героическій генералъ Ли-Юань-Хунъ За спиною этихъ дѣятелей и, подталкивая ихъ къ борьбѣ съ противникомъ, движутся враждующія силы стараго и новаго Китая, монархически-чиновнаго деспотизма и республиканскаго федералистическаго идеала. Сами по себѣ, главные герои исторической драмы, конечно, очень интересны. Но изгибы ихъ психологіи, это—узоры, расшиваемые властной рукой фатума на фонѣ массоваго движенія. Крайне любопытенъ старый эмигрантъ, фанатикъ революціи, докторъ Суенъ-Йи-Сьенъ, который, однако, если судить по заявленіямъ соціалистической партіи Китая, только что выпустившей свою прокламацію, по прежнему не идетъ въ своихъ планахъ соціальнаго переворота дальше «единственнаго земельнаго налога» à la Генри Джорджъ и неопредѣленнаго требованія «пересмотра законовъ о наслѣдствѣ». Останавливаетъ на себѣ вниманіе бывшій китайскій посланникъ въ Америкѣ, Ву-Тинъ-Фанъ, постепенно дошедшій упорной работой мысли до убѣжденія въ необходимости

республиканской конституціи. Очень интересенъ также скромный но убѣжденный воинъ революціи, Ли-Юань-Хунъ, оклеветанный крупной прессой, находящейся въ рукахъ международныхъ пиратовъ капитала и потому не могущей понимать этого борца за идеалъ будущаго, а представляющей его въ видѣ болѣе доступнаго ея сердцу и уму кондотьери и честолюбца, который потому, молъ, только и бросился въ революціонное движеніе, что старый Китай черезчуръ долго держалъ его въ нижнихъ чинахъ.

Болѣе доступенъ нравственному калибру этой прессы хитрый, не имѣющій никакихъ убѣжденій, кромѣ желанія подольше жить и править, старый «государственный мужъ», Юань-Ши-Кай. Количество интервью, данныхъ имъ въ послѣднее время вліятельнымъ журналистамъ, преимущественно Франціи и Англіи, показываетъ, что эта старая лиса прекрасно понимаетъ роль рекламы не только въ современной коммерціи, но и въ современной политикѣ. Суть его зачастую очень извилистыхъ заявленій заключается въ томъ, что онъ, видите ли, слабый старецъ, которому уже осталось немного жить, и который готовъ хоть сейчасъ присоединиться къ своимъ праотцамъ, но страстно желаетъ конецъ своей жизни посвятить счастью и процвѣтанію отечества. И вотъ, вглядываясь своимъ опытнымъ и безкорыстнымъ окомъ въ бурно несущуюся рѣку революціи, онъ приходитъ къ заключенію, что всѣ истинные патріоты должны сгруппироваться вокругъ него, Юань-Ши-Кая, чтобы канализировать этотъ потокъ и направить его по руслу мирнаго развитія, отвѣчающаго потребностямъ еще далеко не созрѣвшаго до свободы народа. По мнѣнію этого хитроумнаго Одиссея желтой расы, Китай еще на семь десятыхъ состоитъ изъ людей, твердо держащихся за монархію и даже не питающихъ особаго отвращенія къ маньчжурской династіи, и лишь на три десятыхъ изъ людей, стремящихся пересадить въ свое отечество республиканскія или, говоря вообще, свободныя формы Запада, зачастую, молъ, даже не понимая, въ чемъ заключается сущность конституціи, представительнаго строя, отвѣтственности министерства и тому подобныхъ соблазнительныхъ вещей. И вотъ онъ, Юань-Ши-Кай, ставитъ своею цѣлью примирить историческихъ враговъ, дальнѣйшая борьба которыхъ можетъ повести къ гибели и распаденію всего Китая *).

*) Всѣ европейцы, офиціально сталкивавшіеся со Срединной имперіей, необыкновенно озабочены этимъ распаденіемъ. Недаромъ бывшій губернаторъ англійской территоріи Гонъ-Кона, Блэкъ, поразсуждавъ такъ и этакъ о судьбахъ китайской революціи, заключаетъ свою послѣднюю статью «Распадется ли Китай?», пожеланіемъ, чтобы Юань-Ши-Кай вывелъ старое государство изъ хаотическаго состоянія, въ какомъ оно находится, ибо, какъ увѣряетъ насъ сей экспертъ по китайскимъ дѣламъ, „побѣдоносная революція, клонящаяся къ установленію отдѣльныхъ государствъ, конечно, приведетъ Китай къ ужасному хаосу». (См. Henry Blake, „Will China break up“? „The Nineteenth Century“, декабрь 1911, стр. 1108).

И вотъ спасителемъ отечества и предохранителемъ его отъ угрожающаго «хаоса» и распаденія и рекомендуетъ себя Юань-Ши-Кай, прибѣгающій ко всяческимъ средствамъ, чтобы сдѣлать себя популярнымъ въ обоихъ лагеряхъ. Китайскій корреспондентъ «Le Temps», Жанъ Родъ, вообще не отличающійся особеннымъ пониманіемъ соціальныхъ и политическихъ условій Китая и психологіи его населенія, собралъ, однако, не мало данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Юань-Ши-Кай много потрудился надъ тѣмъ, чтобы забросить въ умы революціонеровъ мысль о томъ, будто онъ, собственно, всей душой стоитъ за революцію, и только желаніе широко распахнуть ей двери и ввести ее въ самыя твердыни стараго абсолютизма заставляетъ его до поры до времени хитрить и выдавать себя за приверженца маньчжурской династіи. Съ другой стороны, какъ проговариваются порой его же интимные друзья, онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы завязать политическую интригу со вдовствующей императрицей, выбросить за бортъ корабля царственнаго регента и самому стать на его мѣсто опекуномъ пятилѣтняго императора и всемогущимъ майордомомъ вырождающейся династіи.

Это желаніе сдѣлать себя необходимымъ человѣкомъ, спасителемъ Китая, заставляетъ Юань-Ши-Кая усердствовать и надъ реабилитаціей своего прошлаго, надъ апологіей своего реакціоннаго вѣроломства въ 1898 г., какъ это можно видѣть изъ словъ, сказанныхъ имъ недавно корреспонденту «Times», будто лишь люди, ничего не понимающіе въ политикѣ, могутъ называть его поведеніе во время coup d'Etat измѣной партіи реформъ: на самомъ дѣлѣ то былъ—«въ высшей степени лойяльный и патріотическій актъ, продиктованный ему самыми дорогими интересами отечества»!.. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что государственный мужъ этого пошиба, изворотливость и честолюбіе котораго возбуждаютъ восторгъ у политикановъ Европы, занятъ надъ осуществленіемъ плана такого преобразованія, которое сдѣлало бы изъ Китая «республику подъ фиктивнымъ управленіемъ императора» (и подъ дѣйствительнымъ Юань-Ши-Кая?). Кстати сказать, эта идея не такъ глупа, какъ то показалось одному изъ боговъ нашего дипломатическаго Олимпа, утверждающему, что такихъ противорѣчивыхъ режимовъ не бываетъ. Нашъ государствовѣдъ, черпавшій свои свѣдѣнія по политической исторіи, очевидно, на разныхъ посольскихъ балахъ и garden-parties, запамятовалъ, что сто лѣтъ тому назадъ и въ такой культурной странѣ, какъ Франція, конституція 18 мая 1804 г. торжественно провозглашала первой же статьей: «Правительство республики вручается императору, который принимаетъ титулъ императора французовъ»... Правда, здѣсь фикціей была республика!..

Позволительно, впрочемъ, думать, что китайцы гораздо менѣе не дозрѣли до политической свободы, и до пониманія условій нормальнаго развитія, чѣмъ это предполагаютъ разные Юань-Ши-Каи

и ихъ восторженные европейскіе комментаторы, тѣшащіе себя мыслію, что обитатели Срединной имперіи еще долго останутся злополучными баранами, которыхъ будутъ вдвойнѣ стричь отечественные тираны и иноземные эксплуататоры. По этому поводу мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ читателемъ содержаніемъ манифеста, выпущеннаго революціонной партіей, главный центръ которой находится нынѣ въ Шанхаѣ. Этотъ документъ интересенъ тѣмъ, что представляетъ собою программу и мотивы политической дѣятельности не какой-нибудь кучки крайнихъ идеалистовъ и даже не соціалистическаго авангарда революціонной арміи, а вліятельной и обширной группы оппозиціи, не удовлетворящейся хитроумными планами столповъ стараго Китая, нынѣ надѣвающихъ на себя личину реформаторовъ, — типъ, знакомый хорошо и намъ въ Европѣ!..

Я ограничусь наиболѣе рельефнымъ мѣстомъ упомянутаго манифеста: «Мы выказали терпимость, которой не ждали отъ насъ даже наши иностранные друзья. Мы руководили силами, которыя могли бы причинить зло нашей родинѣ, такимъ образомъ, что нашу революцію придется охарактеризовать, какъ наименѣе кровавый переворотъ во всей міровой исторіи, особенно если принять во вниманіе огромность нашей страны и характеръ массъ... Мы употребили всевозможныя усилія, чтобы охранить всѣ серьезные интересы, соблюсти международныя обязательства, обезпечить продолженіе торговли, покровительствовать образовательнымъ и религіознымъ учрежденіямъ. А что еще болѣе важно,—мы постоянно старались защищать законъ и порядокъ, охранять миръ, заниматься творческой политикой на здравыхъ и прочныхъ основахъ. Умы народа созрѣли для этого переворота. Маньчжуры получили отъ большинства провинцій самое опредѣленное *выраженіе* (здѣсь китайскій оригиналъ довольно оригинально употребляетъ иностранное слово «пронунсіаменто», какъ бы намекая на роль реорганизованныхъ войскъ въ переворотѣ. Н. Р.) народной воли. Они знаютъ, что ихъ путь пройденъ, и что Китай завтрашняго дня никогда не будетъ Китаемъ вчерашняго дня. Теперь самъ народъ сталъ у плуга, и онъ доведетъ до самаго конца поля свою борозду.

«Мы просимъ доброжелательно относящихся къ намъ иностранцевъ присоединиться къ тому призыву, съ которымъ мы обращаемся къ принцу-регенту: отречься и окончить борьбу, нынѣ потрясающую всю нашу землю. Наше поведеніе на виду у всего міра. Мы боремся за то, за что боролись нѣкогда британцы, боролись американцы, боролась Франція. Мы боремся за то, за что каждая нація, достойная этого имени, боролась въ свои дни. Мы боремся за то, чтобы быть воистину людьми въ этомъ мірѣ. Мы боремся для того, чтобы низвергнуть гнетущій, порочный, тираннический строй, который опозорилъ Китай, который бросалъ нелѣпые вызовы иностраннымъ народамъ и силою хотѣлъ повер-

нуть назадъ стрѣлки міровыхъ часовъ. Наши иностранные друзья, уже въ силу простого чувства справедливости, должны допустить, что мы имѣемъ право пріобрѣсти лавры свободы побѣдой въ открытомъ бою. Снова и снова мы обращаемся къ нимъ, прося ихъ употребить свое вліяніе на то, чтобы укрѣпить въ умахъ маньчжуровъ сознаніе полнѣйшей безнадежности дальнѣйшаго существованія династіи. Весь Китай требуетъ этого. А маньчжуры могутъ остаться при полномъ обладаніи всѣми правами гражданства, могутъ пользоваться вмѣстѣ съ нами полнѣйшими равенствомъ и свободой, и даже остаться обладателями своихъ земель и, вообще, своей собственности для грядущаго блага государства» (The Weekly Times», 1911, № 1820).

Это послѣднее заявленіе тѣмъ выразительнѣе, что оно въ значительной степени устраняетъ опасенія, выражавшіяся искренними друзьями демократическаго Китая и раздѣлявшіяся нами въ послѣднемъ обозрѣніи, касательно тактики революціонеровъ, могущихъ увлечься репрессіями по отношенію къ маньчжурамъ. Теперь, впрочемъ, все больше и больше выясняется, что свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ звѣрствъ, совершавшихся революціонерами надъ военноплѣнными маньчжурами и даже надъ ихъ семьями, въ громадномъ большинствѣ случаевъ выдуманы злостными врагами освободительнаго движенія и ихъ приспѣшниками въ европейской печати, съ цѣлью вызвать поскорѣе этимъ путемъ «цивилизаторскій» походъ культурныхъ націй противъ революціоннаго Китая. За исключеніемъ избіенія маньчжуровъ, происшедшаго въ первые дни по взятіи Учана республиканскими войсками,—причемъ виновниками все же были не организованные отряды революціонеровъ, а нестройныя толпы, поджигаемыя подонками городского населенія,—за исключеніемъ, говоримъ, этого единичнаго акта, борцы за новый строй неповинны въ крови и въ звѣрствахъ, взводимыхъ на нихъ заинтересованными клеветниками. Любопытно будетъ посмотрѣть, каково-то будутъ въ случаѣ побѣды вести себя по отношенію къ революціонерамъ и республиканцамъ тѣ люди и партіи, которыя группируются теперь вокругъ честолюбивыхъ спасителей отечества, вродѣ Юань-Ши-Кая. Что касается до заядлыхъ столповъ реакціи, до всѣхъ этихъ маньчжурскихъ генераловъ, заматерѣвшихъ въ истязаніяхъ и бойняхъ, то они уже достаточно зарекомендовали себя, обрекая въ захваченныхъ ими мѣстахъ на поголовное избіеніе всѣхъ тѣхъ сторонниковъ молодого Китая, которые отрѣзали у себя косу, этотъ символъ вѣкового гнета и безправія...

А цивилизаторамъ, видимо, уже не терпится. Телеграммы отъ 21 декабря н. с. говорятъ о коллективномъ требованіи, предъявленномъ представителями великихъ державъ делегатамъ имперіалистовъ и республиканцевъ: сговориться во что бы то ни стало, ибо въ противномъ случаѣ культурныя государства примутъ, молъ,

[illegible]

[illegible]

Памяти В. Я. Кокосога

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Вскорѣ послѣ истязаній розгами умеръ и братъ Владиміра Яковлевича, Николай.

Послѣ смерти отца, мать В. Я. съ семьей перебралась къ своему отцу, священнику о. Марку Флоринскому, въ село Песковское. Мимоходомъ упомянемъ, что у В. Я. оба дѣда—по матери и по отцу—вышли изъ трудового крестьянства, Владимірской губ., гдѣ были сначала дьячками, а потомъ перебрались на священническія мѣста въ Пермскій край, будучи вызваны туда архіереемъ, знавшимъ ихъ. Дѣдъ, о. Маркъ, сдѣлавшись священникомъ, продолжалъ нести всѣ крестьянскія работы, былъ «землеробъ и пчеловодъ» и пользовался довѣріемъ и уваженіемъ крестьянъ. Благодаря этому его приходъ, окруженный на сотни верстъ крестьянскими волненіями, остался мирнымъ и спокойнымъ и не испыталъ на себѣ ужасной Николаевской расправы надъ другими бунтовщиками.

Міръ вѣрилъ послѣ этого о. Марку, какъ «праведному человѣку».

У этого дѣдушки В. Я. жилъ съ своей матерью до 6 лѣтъ, да и послѣ онъ бывалъ у дѣда во время каникулъ, пріѣзжая изъ бурсы. Дѣдъ, съ виду угрюмый и суровый, относился къ внуку не строго и предоставлялъ ему полную свободу.—Упомянемъ кстати, что одинъ изъ сыновей о. Марка, В. М. Флоринскій, былъ профессоромъ акушерства, а потомъ строителемъ и первымъ ректоромъ Томскаго университета.

Въ памяти В. Я. образъ матери рисовался всегда или работающей, или сидящей надъ толстой церковной книгой, которую она читала громко, чуть не по складамъ.

Первые шаги въ грамотѣ В. Я. усвоилъ отъ матери, а уроки письма давалъ ему мѣстный дьячекъ, П. Н. Ладыжниковъ. Товарищами его по дѣтскимъ играмъ были сынъ дьячка-учителя и крестьянскіе мальчики сверстники. Шести лѣтъ онъ отданъ былъ въ бурсу стараго типа, гдѣ въ то время процвѣтали розги и вообще господствовали нравы временъ Помяловскаго. Въ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ семинаріи онъ пробылъ 10 лѣтъ и въ 1861 г., при переходѣ изъ философскаго класса въ богословскій, былъ уволенъ съ волчьимъ паспортомъ, въ которомъ было прописано: «уволенъ по нерадѣнію къ ученію и неблагонадежности». Ему было тогда 16 лѣтъ.

По увольненіи изъ семинаріи Вл. Як. пробылъ годъ въ селѣ, исполняя обязанности псаломщика въ приходѣ своего дѣдушки, о. Флоринскаго, и уже думалъ было посвятиться въ дьяконы. Но, пріѣхавши съ этою цѣлью въ Пермь, покойный встрѣтился съ своими товарищами однокурсниками, которые и уговорили его вмѣстѣ съ ними ѣхать учиться въ Казань. Долго не задумываясь, Кокосовъ предпочелъ сравнительно покойному дьяконскому мѣсту

трудный и тернистый путь ученія, намѣтивъ своей спеціальностью медицину.

За недостаткомъ денегъ, В. Я. поступилъ помощникомъ кочегара на одинъ изъ камскихъ пароходовъ. Добравшись такимъ образомъ до Казани, В. Я. сталъ готовиться къ экзамену на гимназическій аттестатъ, посѣщая въ то же время лекціи въ университетѣ въ качествѣ вольнослушателя.

Городъ въ то время волновался памятной Безднинской исторіей. Казнь крестьянина Антона Петрова, рѣчь профессора Щапова, произнесенная въ память убитыхъ крестьянъ, ссылка популярнаго профессора, — вотъ въ какое время и въ какой атмосферѣ В. Я. пробылъ въ Казани учебный годъ. Въ августѣ 1863 г. онъ вмѣстѣ съ товарищами пермяками перебрался въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ готовиться къ гимназическимъ экзаменамъ.

Готовиться приходилось при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ; между прочимъ, молодому студенту приходилось порой зарабатывать себѣ пропитаніе выгрузкой дровъ и каменнаго угля на невскихъ пристаняхъ. На такой работѣ онъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ и долго пролежалъ въ клиникѣ профессора Боткина.

По выздоровленіи, въ поискахъ работы, В. Я. случайно встрѣтился и возобновилъ знакомство со своимъ землякомъ по пермской бурсѣ, извѣстнымъ писателемъ Ф. М. Рѣшетниковымъ, а черезъ него познакомился съ Н. Г. Помяловскимъ.

Въ своей автобіографіи В. Я., какъ памятные моменты изъ жизни въ С.-Петербургѣ, отмѣтилъ: гражданскую казнь Н. Г. Чернышевскаго, похороны Писарева и Помяловскаго.

15 мая 1864 г. В. Я. впервые держалъ экзаменъ на гимназическій аттестатъ, но провалился по математикѣ. Эта неудача его не обезкуражила и не ослабила его энергіи. Онъ снова сталъ готовиться, и въ 1865 г. ему удалось благополучно выдержать экзаменъ при Ларинской гимназіи. Немало трудностей стоило ему загладить послѣдствія бурсацкаго «волчьяго билета», но, въ концѣ концовъ, онъ поступилъ въ число студентовъ медико-хирургической академіи.

Таковы были первые самостоятельные шаги энергичнаго молодого пермяка на трудномъ пути жизни. Съ поступленіемъ въ академію матеріальныя дѣла В. Я. нѣсколько улучшились, а съ 3 курса онъ получилъ казенную стипендію и вздохнулъ свободно.

О знаменитыхъ профессорахъ академіи: Боткинѣ, Груберѣ, Сѣченовѣ, Рудневѣ и Якубовичѣ В. Я. до конца дней своихъ сохранилъ самыя теплыя воспоминанія. Въ сентябрѣ 1870 г. В. Я. получилъ дипломъ врача и, въ качествѣ казеннаго стипендіата, въ январѣ 1871 г., былъ посланъ въ Иркутскъ, въ окружное военно-медицинское управленіе «врачемъ для командировокъ». Изъ Иркутска въ февралѣ 1872 г. онъ былъ командированъ въ Карій-

скую каторгу, въ сводный Карійскій батальонъ, для несенія медицинскихъ обязанностей по каторгѣ. Здѣсь онъ провелъ 10 лѣтъ и—какъ онъ прибавляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ—«самыхъ лучшихъ лѣтъ жизни».

Къ концѣ октября 1881 г. В. Я. выѣхалъ изъ Кары въ г. Акшу на Манчжурско-монгольскую границу старшимъ врачомъ 2 Военнаго отдѣла Забайкальскаго казачьяго войска, гдѣ въ два пріема прослужилъ 19 лѣтъ. Въ промежуткѣ служилъ въ областномъ городѣ Читѣ (1890—1896). Въ половинѣ 1903 г., т. е. черезъ 33 года пребыванія въ далекой Сибири, покойный выѣхалъ на службу въ Россію, занимая разныя должности (до бригаднаго врача включительно) въ городахъ: Воронежѣ, Бобруйскѣ, Минскѣ и Н.-Новгородѣ. Вышелъ въ отставку въ сентябрѣ 1907 г., за предѣльностью возраста (62 г.), прослуживши въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ 35 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ.

Послѣднія $5^1/_2$ лѣтъ В. Я. прожилъ въ Н.-Новгородѣ, занимаясь уже почти исключительно литературнымъ трудомъ.

Главный матеріалъ для своеобразно суровыхъ произведеній Кокосова дала Карійская каторга, которая сразу произвела на молодого врача глубокое, сильное, неизгладимое впечатлѣніе.

По должности врача близко соприкасаясь съ каторжанами, онъ по своему пережилъ весь ужасъ каторжной жизни. Какъ врачу, ему по необходимости приходилось присутствовать при самыхъ жестокихъ наказаніяхъ и даже при смертной казни.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о жизни въ каторгѣ покойный говоритъ, что жизнь въ этомъ „царствѣ произвола, безправія и всякихъ ужасовъ была въ высшей степени тяжелая». ...«Рыдалъ я—пишетъ онъ—нерѣдко надъ каторжаниномъ, избитымъ плетью и положеннымъ для излѣченія въ лазаретъ, въ особенности надъ избитой плетью женщиной»... Чтобы хоть сколько-нибудь облегчить страданія наказанныхъ, В. Я. часто подолгу просиживалъ возлѣ нихъ, стараясь истерзаннаго и тѣломъ, и душою человѣка поддержать теплымъ словомъ утѣшенія. Однажды ему пришлось цѣлую ночь провести съ приговореннымъ къ смерти, а раннимъ утромъ, на зарѣ, сопровождать его на эшафотъ и присутствовать при его казни.

Особенно тяжело жилось В. Я. въ первые два года службы.

При малѣйшихъ замѣчаніяхъ объ антисанитарныхъ условіяхъ каторги онъ подвергался разнымъ дисциплинарнымъ наказаніямъ (двухнедѣльнымъ и мѣсячнымъ арестамъ, съ несеніемъ служебныхъ обязанностей), выговорамъ и даже издѣвательствамъ. Такъ однажды онъ, какъ бы невзначай, былъ запертъ въ помѣщеніи уголовныхъ арестантовъ, въ другой разъ начальникъ каторги, оставшись недоволенъ указаніемъ на антисанитарное состояніе каторги, принялъ это за личное оскорбленіе и пригрозилъ ему:

— Да знаете-ли вы? Захочу, -въ тюрьму, на Сахалинъ васъ закатаю, какъ бродягу, безъ суда и слѣдствія...

При этомъ начальникѣ В. Я. серьезно побаивался, какъ бы плети палача Сашки, грозы каторги, не коснулись и его спины.

Помимо моральныхъ страданій, приходилось терпѣть и матеріальную нужду. При переѣздѣ изъ Иркутска на Кару, В. Я. потерялъ нѣкоторые документы и, благодаря этому, нѣсколько мѣсяцевъ не получалъ жалованья по должности военнаго врача, довольствуясь лишь 15 р. въ мѣсяцъ, получаемыми отъ тюремнаго вѣдомства, и живя въ маленькой каморкѣ за рѣшетками, по сосѣдству съ лазаретомъ.

Разумѣется, этихъ денегъ съ грѣхомъ пополамъ хватало лишь на существованіе; объ удовлетвореніи-же духовныхъ запросовъ, какъ выписка книгъ, журналовъ и газетъ, не могло быть и рѣчи. Благодаря этому обстоятельству особенно рѣзко и болѣзненно чувствовалась разобщенность съ внѣшнимъ міромъ, и единственной надеждой поддержать съ нимъ связь являлась переписка съ товарищами по академіи. Но двѣ такихъ попытки окончились полной неудачей, и эта связь оборвалась. Въ этомъ одиночествѣ В. Я. отводилъ душу, записывая свои переживанія въ дневникъ.

Врачебно-санитарнаго дѣла у него было масса. Въ его завѣдываніи былъ лазаретъ на 180 кроватей и каторга, раскинутая на 30 верстъ, съ населеніемъ (считая воинскія части) до 8 тысячъ человѣкъ. На второй годъ его пребыванія въ каторгѣ разразилась страшная эпидемія сыпного тифа, отъ котораго въ три весеннихъ мѣсяца умерло около 700 человѣкъ. В. Я. и самъ заразился тифомъ и едва не погибъ.

Такимъ образомъ начало общественной жизни В. Я. прошло въ условіяхъ по истинѣ ужасныхъ. Полное одиночество, разочарованія, оскорбленія, сознаніе безсилія хоть чѣмъ нибудь помочь обездоленному каторжному люду,—все это повергало В. Я. въ отчаяніе... Въ это время онъ сильно пилъ.

Чтобы дать хотя нѣкоторое представленіе о душевныхъ страданіяхъ Кокосова въ эти годы, приводимъ выдержку изъ его дневника отъ 27 Ноября 1872 г. (не бывшаго въ печати).

«...Это ужасно. Это невѣроятно ужасно по мерзости, по звѣрствамъ,... по всей совокупности впечатлѣній послѣднихъ четырехъ сутокъ... О, ужасъ! Какъ тутъ не залить черезъ свою глотку бутылкой махорочной водки, чтобы хотя на часъ, на минуту, на одну секунду забыться, умереть временно, а самое лучшее было бы совсѣмъ покончить земное странствіе въ этой юдоли скорби, плача тысячъ илотовъ, такъ безпомощно, тупо подставляющихъ свои тѣла для истязаній... Рыжакова хотя задавили, именно задавили на землѣ, когда оборвалась веревка съ петлей, на которой онъ былъ повѣшенъ, оборвалась, лишь только Сашка (палачъ) выдернулъ изъ-подъ ногъ его скамейку и онъ повисъ на

секунду въ воздухѣ, а потомъ въ судорогахъ грохнулся на землю... Это, это... О, товарищи, дорогіе товарищи, далекіе неизмѣнные!..

«О бѣлый, вольный свѣтъ!

«Свѣтъ тепла и солнца, люди въ немъ живущіе—помогите, погибаю. Гибнутъ тысячи людей. Гибнутъ, страдаютъ, тяжко страдаютъ, безъ пользы, безъ малѣйшей пользы,—озлобляясь, развращаясь, накопляя десятками лѣтъ ненависть, жгучую ненависть на всѣхъ и вся, до грудного ребенка включительно. Ужасно! Ужасно! Ужасно! Четвертаго дня присутствовалъ при наказаніи Путина ста ударами плетей,—ста ударами! Вчера повѣшеніе Рыжкова, да хотя бы повѣсили сразу, а то додавливали на землѣ халатнымъ круглымъ поясомъ съ кистями на концахъ. Какъ врѣзались эти кисти въ моей памяти...

«А тотъ, Путинъ? Кричалъ, вылъ, стоналъ и... замолчалъ...

«Погибаю, товарищи—помогите! погибаю! На васъ у меня надежда!..

. . . .

...«Дорогая, далекая мать моя, матушка родимая, зачѣмъ родила ты меня на бѣлый свѣтъ?

«Нѣтъ, дорогая, великое тебѣ сыновнее спасибо, что родила: если выдержу, тебѣ одной буду обязанъ этимъ, и вѣчная будетъ тебѣ слава и честь отъ меня, за ту любовную, материнскую силу, которую ты вложила въ меня.—Не выдержу—сложу свою голову на каторжанскомъ кладбищѣ. Я знаю, ты поплачешь тѣми материнскими слезами, которыя присущи каждой матери и только матери. Я знаю, ты слабая, простая, чудно-добрая женщина-мать, вдова, оставшаяся послѣ нашего отца съ 3 нами сыновьями отъ 4 лѣтъ до 7-ми недѣль. Ты много перенесла горя, несешь его и посейчасъ, и помочь тебѣ мнѣ теперь нечѣмъ... Прости, родная. Когда-нибудь узнаешь правду о своемъ сынѣ и, я знаю, простишь ему за тѣ обманы въ моихъ рѣдкихъ письмахъ, гдѣ я расхваливалъ тебѣ свое житье-бытье.

«Если бы ты увидѣла мою комнату, съ желѣзной рѣшеткой въ окнѣ, мое убогое, нищенское питаніе, нищенскую обстановку, если бы ты не только увидѣла это, а даже узнала, это принесло бы тебѣ великое, великое страданіе,—и я этого не хочу, не хочу и не хочу!

«Я для тебя живу отлично, счастливо, весело, какъ ты предсказывала мнѣ въ твоей наивной вѣрѣ о благополучіяхъ докторской жизни.

«Святая для меня, будь ты въ этомъ невѣдѣніи до тѣхъ поръ, пока, можетъ быть, все измѣнится къ лучшему. Я не буду хныкать и клянчить о переводѣ въ другое мѣсто.—Куда судьба кинула и кинетъ, тамъ я и буду жить до тѣхъ поръ, пока та же судьба не перекинетъ куда-либо. Вѣры больше, вѣры въ свои силы, въ свою выносливость, а что значитъ,—питаюсь-ли я однимъ чернымъ хлѣ-

бомъ съ водой, или, какъ другіе, поѣдаю устрицы? Не теряй только вѣры въ себя и въ человѣка... Помню, дорогая мать, твое наставленіе: иди туда, гдѣ настоящая опасность, гдѣ въ тебѣ нуждаются»...

Черезъ 3 года службы условія жизни на каторгѣ значительно улучшились. Начальникъ каторги, Марковъ, при которомъ В. Я. началъ свою службу, за казнокрадство, истязанія и другія беззаконія былъ преданъ суду и сосланъ въ Якутскую область. Въ управленіе каторгой вступилъ новый начальникъ, В. Н. Кононовичъ.

Въ это время В. Я. могъ получать газеты и журналы. Тогда же онъ познакомился съ такъ называемыми „государственными", людьми «особой категоріи», какъ ихъ еще именовали. Эта встрѣча,—пишетъ В. А. въ одной изъ своихъ рукописей,—была для меня *„нравственнымъ спасеніемъ"*... «Но самъ-то я душою остался «отсебятиной» (т. е. стоящимъ внѣ партій), готовымъ положить душу и тѣло на пользу людей вообще». Первыми на Кару были привезены въ 1875 году А. К. Кузнецовъ и Николаевъ (нечаевцы). Затѣмъ Ишутинъ (каракозовецъ, душевно-больной, умершій въ 1878 году, котораго В. А. бралъ на поруки чтобы доставить лучшую обстановку), а за нимъ П. Г. Успенскій, Е. С. Симановскій (точнѣе Семяновскій), и др. Все это были люди живые, свѣжіе, много сдѣлавшіе для каторги *), и встрѣча съ ними оживила В. А. Онъ воспрянулъ духомъ и совсѣмъ пересталъ прибѣгать къ алкоголю, какъ средству забвенья.

Въ это время В. Я. написалъ бѣлыми стихами первое свое произведеніе—правда, не появившееся въ печати; это—забайкальская сказка-быль, подъ названіемъ «Заурядчина», гдѣ изобличались царившіе на каторгѣ произволъ и насилія надъ каторжанами со стороны разныхъ „заурядъ-чиновниковъ", людей грубыхъ, невѣжественныхъ, пошлыхъ, взяточниковъ, казнокрадовъ, истязателей, о которыхъ въ произведеніи этомъ В. Я. говоритъ, что они «звѣря похуже лѣсного».

Это произведеніе тщательно переписанное рукою «государственнаго», П. Г. Успенскаго, изъ опасенія, чтобы оно не попало какимъ-нибудь образомъ на глаза начальству, В. Я. долго бережно хранилъ за образами.

О существованіи этого произведенія знали и другіе политическіе и, видя въ авторѣ человѣка безусловно честнаго, самоотверженнаго, грудью стоящаго за интересы угнетенныхъ, безправныхъ каторжниковъ, къ тому-же человѣка съ литературными задатками

*) Такъ, А. К. Кузнецовъ, прозванный Дока, устроилъ на каторгѣ водопроводы на протяженіи 5 верстъ, организовалъ огороды, дѣтскій пріютъ и пр. Всѣхъ политическихъ при В. Я. на Карѣ перебывало 89 человѣкъ. Изъ женщинъ, между прочими, Брешко-Брешковская, Ковалевская и друг. О встрѣчѣ съ этими политическими на Карѣ послѣ В. А. остались воспоминанія, не вполнѣ законченныя.

и запасомъ непосредственныхъ наблюденій,—они всѣми силами старались развить въ немъ литературно-обличительныя наклонности. Успенскій отъ лица каторги въ день ангела В. Я., 15 Іюля 1876 г., поднесъ ему собственное стихотвореніе. Измученная каторжная душа громко взываетъ о помощи, и только во Владимірѣ Яковлевичѣ видитъ человѣка, который способенъ встать на ея защиту... Толчокъ къ дальнѣйшему литературному творчеству, какъ заявляетъ самъ В. Я., дало ему именно это стихотвореніе. Покойный до конца дней хранилъ его, какъ святыню, и выраженный въ немъ призывъ помнилъ отъ слова до слова. Еще незадолго до смерти, передавая стихи пишущему эти строки, онъ сказалъ: „вотъ, что заставило меня взяться за перо“.

Приводимъ здѣсь это стихотвореніе съ нѣкоторыми сокращеніями.

В. Я. КОКОСОВУ.

Въ избыткѣ силъ и мощи сжатой.
Искавшей выхода кругомъ,
Вся ваша жизнь была когда-то
Тяжелымъ, смутнымъ, дикимъ сномъ...

Но день насталъ для пробужденья,
И кругъ распался темныхъ чаръ.
И полна гнѣва и смущенья
Душа стряхнула злой кошмаръ...

Зачѣмъ-же мертвымъ сномъ гробницы
Заснуть опять спѣшите вы?
И скорби полныя страницы
Такте—нѣмы и мертвы?

Покрыты пылію забвенья,
Онѣ лежатъ ужъ такъ года,
И голосъ строгій обличенья
Замолкъ, не вызвавши слѣда...

О нѣтъ! отбросьте колебанье!
Пусть вновь раздастся боли крикъ,
И вздрогнетъ всякій, кто къ страданью,
Какъ къ вѣчной долѣ, не привыкъ.

Пускай предъ міромъ цѣпью длинной
Пройдетъ картинъ ужасныхъ рядъ
Вся кровь, пролитая безвинно,
Безправье, гнетъ, весь здѣшній адъ...

Оставьте-жъ стыдъ тутъ неумѣстный,
Скорѣй за трудъ!.. давно пора!
Давно васъ ждетъ на подвигъ честный
Многострадальная Кара!..

Авторъ стихотворенія намекаетъ на поэму «Заурядчина», о которой мы говорили выше. Спустя много лѣтъ, В. Я. посылалъ ее въ «Историческій Вѣстникъ», но поэма была возвращена съ помѣткою редакціи, что журналъ статей въ стихахъ не печатаетъ.

Уѣзжая изъ каторги черезъ 10 лѣтъ службы, В. Я. увезъ съ собою массу записокъ, дневниковъ, замѣтокъ, подробныхъ и краткихъ, но приступить къ обработкѣ ихъ, благодаря службѣ, связанной съ частыми и громадными переѣздами, ему не удавалось. Онъ могъ взяться за нихъ только черезъ 20 лѣтъ, въ 1900 г., на 56 году жизни.

Къ заслугамъ В. Я., какъ врача, слѣдуетъ, между прочимъ, отнести правильную организацію санитарныхъ мѣропріятій во время службы въ г. Акшѣ, гдѣ онъ первый ввелъ и популяризировалъ оспопрививаніе не только среди русскихъ, но и инородцевъ. Покойному нѣсколько разъ приходилось также принимать мѣры и противъ вспышекъ чумы на людяхъ — «тарабаганьей болѣзни» по Монгольской границѣ, и онъ, еще въ 1889 г., въ своихъ донесеніяхъ начальству первый высказалъ мысль о связи и однородности заболѣваній чумой у людей и тарабагановъ.

Во время службы въ г. Читѣ (1890—1896 г.) В. Я. возобновилъ дружбу съ карійцами: Николаевымъ и Кузнецовымъ. Послѣднему онъ, случалось, помогалъ коллекціями при организаціи знаменитаго Сибирскаго Географическаго музея.

Здѣсь же онъ въ теченіе цѣлаго 1890, по порученію наказного атамана Забайкальскаго казачьяго войска генерала Хорошкина, былъ освобожденъ отъ служебныхъ занятій, для составленія историческаго описанія Забайкалья и Пріамурья, при чемъ въ его распоряженіе были предоставлены всѣ мѣстные архивы.

Порученіе это В. Я. выполнилъ успѣшно, но увы... Его трудъ вышелъ за подписью упомянутаго генерала Хорошкина и былъ отпечатанъ лишь въ нѣсколькихъ экземплярахъ, для поднесенія одной высокой особѣ; самъ же авторъ не получилъ даже экземпляра на память, а сохранилъ лишь черновыя рукописи.

Въ 1900 г. изъ г. Акши первые два разсказа (въ томъ числѣ «Исполненіе судебнаго приговора») были посланы В. Я. также въ «Историческій вѣстникъ». Но они были возвращены обратно. Редакторъ журнала, г. Шубинскій, при этомъ писалъ:.. «Разсказы написаны правдиво и довольно живо, но они состоятъ изъ подробнаго описанія двухъ варварскихъ казней, которыя производятъ тяжелое, удручающее впечатлѣніе... журналъ долженъ принять это во вниманіе и пощадить чувство своихъ читателей, въ числѣ которыхъ есть и женщины, и подростки». Въ постскриптумѣ-же г. Шубинскій пишетъ: «Если бы даже я и рискнулъ напечатать ваши статьи, то, все равно, цензура заставила бы меня ихъ исключить изъ номера».

Вскорѣ эти разсказы, а также очеркъ «Не нашъ» и «Воспоминанія о Карійской каторгѣ» были отправлены въ редакцію «Русскаго Богатства». Черезъ нѣкоторое время Н. К. Михайловскій любезно увѣдомилъ автора: «Ваши очерки представляютъ большой интересъ и по всему видно, что таковой-же представитъ и про-

долженіе, но напечатать эти очерки въ настоящую минуту невозможно по цензурнымъ условіямъ. Если вамъ будетъ угодно оставить присланное у насъ въ редакціи и прислать продолженіе, въ ожиданіи благопріятнаго момента,—который, однако, предупреждаю, можетъ наступить и очень не скоро,—я буду очень вамъ благодаренъ».

Этотъ моментъ наступилъ черезъ полтора года. Первый разсказъ В. Я. «Не нашъ» напечатанъ былъ въ 5-й кн. «Русскаго Богатства» 1902 г., а затѣмъ слѣдующіе четыре разсказа —въ 10-й кн. того-же года.

Письмо Н. К. Михайловскаго имѣло для В. Я. рѣшающее значеніе. Оно окончательно укрѣпило въ немъ вѣру въ свои литературныя способности, и онъ, несмотря на преклонный возрастъ, съ большимъ жаромъ и съ удивительной энергіей, забывъ все и вся, отдался литературѣ. Любимыя прежде развлеченія—охота, рыбная ловля и игры съ дѣтьми—были оставлены, и онъ цѣлыми сутками просиживалъ за своей работой.

Послѣ смерти Н. К. Михайловскаго, другой соредакторъ «Русскаго Богатства», П. Ф. Якубовичъ (Мельшинъ), относился къ разсказамъ В. Я. такъ же внимательно и любовно, что видно изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи писемъ. Такъ, въ отвѣтъ на присланную ему В. Я. свою фотографическую карточку, П. Ф. отъ 14 Іюня 1906 г. писалъ: «До сихъ поръ я любилъ васъ за ваши разсказы, но живая личность ваша скрывалась для моего воображенія въ нѣкоторомъ туманѣ,—теперь она принимаетъ реальную форму»...

Особенно много работалъ В. Я. въ 1903 г., когда онъ взялъ 6-мѣсячный отпускъ и проводилъ лѣто на родинѣ, въ с. Песковскомъ. Въ это время онъ даже думалъ выйти въ отставку и всецѣло заняться литературнымъ трудомъ, но семейныя обстоятельства и разочарованія разнаго рода заставляли вопросъ объ отставкѣ на время отложить.

На одной изъ рукописей за этотъ годъ поставлены эпиграфомъ слѣдующія слова В. Г. Бѣлинскаго: «Пиши, говори, кричи всякій, у кого есть хотя сколько нибудь безкорыстной любви къ отечеству, къ добру, истинѣ». И онъ говорилъ, писалъ и кричалъ. Въ теченіи 4-хъ лѣтъ, съ 1902—1906, на страницахъ «Русскаго Богатства» имъ было помѣщено 10 разсказовъ изъ жизни Карійской каторги и одинъ съ воспоминаніемъ о Н. Г. Чернышевскомъ, за скромною подписью «В. К-овъ». Разсказы Кокосова сразу обратили вниманіе своей мрачной суровой правдивостью. Въ 1907 г. редакція «Русскаго Богатства» издала ихъ отдѣльнымъ сборникомъ подъ названіемъ «Разсказы о Карійской каторгѣ», съ полной фамиліей автора. Разсказъ «Не нашъ» былъ перепечатанъ «Посредникомъ» и изданъ брошюрой въ серіи: «Религіозныя движенія въ Россіи».

Съ 1907 г. покойнымъ написаны и помѣщены въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ еще болѣе 20 разсказовъ тоже изъ жизни

каторги. Печатались они какъ въ толстыхъ журналахъ («Русское Богатство», «Бодрое Слово», «Трудовой Путь», «Народная Вѣсть»), такъ и въ газетахъ («Русскія Вѣдомости, «Нижегородскій листокъ», «Волгарь») и друг.

Кромѣ разсказовъ о каторгѣ, Кокосовымъ было написано нѣсколько очерковъ изъ военно-врачебной жизни и изъ жизни Забайкалья вообще, помѣщенныхъ частью въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», частью въ сборникахъ «Нивы». За послѣдніе три года, во время пребыванія въ Н.-Новгородѣ, В. Я. написалъ серію разсказовъ изъ времени освободительнаго движенія съ чрезвычайными охранами и съ карательными экспедиціями.

Изъ этой серіи пока былъ напечатанъ только одинъ разсказъ «Палачъ» («Современникъ» № 5, 1911 г.), отмѣченный весьма сочувственно какъ въ столичной, такъ и въ провинціальной печати. Пока былъ здоровъ, В. Я. регулярно писалъ почти каждое утро часовъ по пяти. Послѣдніе пять мѣсяцевъ, по болѣзни, онъ почти уже не работалъ.

Его хроническая болѣзнь—застарѣлое воспаленіе легкихъ,—полученная имъ еще во время службы въ Сибири, минувшимъ лѣтомъ осложнилась гнойнымъ плевритомъ и, наконецъ, абсцессомъ (нарывомъ) въ легкихъ. Эту продолжительную болѣзнь В. Я. переносилъ стоически, никогда не жаловался на какія либо страданія и даже во время 2-хъ операцій (проколовъ грудной клѣтки троакаромъ) ни разу не издалъ ни одного стона.

Въ послѣднее время, вслѣдствіе дороговизны городской жизни при большой семьѣ (отъ первой умершей жены у него было четверо дѣтей и столько же отъ второй), В. Я. часто нуждался въ средствахъ, и получаемой имъ пенсіи далеко не хватало на необходимые расходы. Минувшее знойное лѣто по этой же причинѣ ему пришлось провести въ душной городской квартирѣ, что, конечно, отражалось на ходѣ болѣзни. То-же обстоятельство до конца жизни не позволило ему смѣнить форменный военно-медицинскій сюртукъ на гражданскій (эта форма, по словамъ Кокосова, очень смутила покойнаго Якубовича при первой ихъ встрѣчѣ).

Роковая болѣзнь подкосила В. Я. въ самый разгаръ литературной работы и свела его въ могилу, лишивъ возможности использовать богатый запасъ наблюденій. Но, принимая во вниманіе, что покойный вступилъ на литературное поприще 55 лѣтъ, мы останемся признательны ему и за тотъ вкладъ, который онъ успѣлъ сдѣлать въ литературу. Разсказы В. Я. о каторгѣ, полные глубокаго гуманнаго чувства къ несчастнымъ каторжанамъ, написаны съ удивительной искренностью, ярко, правдиво, безхитростно и по праву въ этой области описанія займутъ почетное мѣсто вслѣдъ за «Записками изъ мертваго дома» Достоевскаго и «Изъ міра отверженныхъ» Мельшина.

Помимо литературной извѣстности, В. Я., и какъ человѣкъ,

пользовался почетомъ и глубокимъ уваженіемъ въ обществѣ. Въ первомъ (послѣ его смерти) засѣданіи Нижегородскаго общества врачей, гдѣ покойный состоялъ членомъ, предсѣдатель, Т. М. Рожанскій, докладывая о его смерти, между прочимъ, сказалъ: «Это былъ гуманнѣйшій врачъ-труженикъ и если врачей называютъ друзьями человѣчества, то это почетное и высокое названіе въ полной мѣрѣ и истинномъ смыслѣ этого слова должно быть присвоено добрѣйшему Владиміру Яковлевичу. Будучи въ теченіе многихъ лѣтъ врачемъ каторжной тюрьмы, онъ очень походилъ на величавую и свѣтлую личность всѣмъ извѣстнаго д-ра Гааза по чистотѣ души и той искренней любви, съ какой относился къ отверженнымъ колодникамъ, видя въ нихъ прежде всего человѣка и стараясь всячески облегчить, насколько это было въ его силахъ, ихъ тяжелое положеніе».

Въ минувшемъ учебномъ году В. Я. состоялъ предсѣдателемъ родительскаго комитета 2 женской гимназіи и принималъ живое участіе въ работахъ комитета и педагогическаго совѣта. При немъ было прекрасно поставлено дѣло вспомоществованія бѣднѣйшимъ воспитанницамъ, организованы повторительныя занятія по литературѣ, за счетъ комитета воспитанницы, нуждающіяся въ лѣченіи, отправлялись на лѣто въ санаторію и т. п.

Несмотря на то, что жизнь В. Я. съ ранняго дѣтства прошла среди невозможно суровой обстановки, полной ужасовъ, онъ не очерствѣлъ, не озлобился, не палъ духомъ и не утратилъ вѣру въ себя, въ человѣка и въ лучшее будущее. Съ этою вѣрою онъ былъ всегда юнъ и сердцемъ, и душою, въ каждомъ человѣкѣ старался найти «искру Божію», былъ чуждъ всякихъ корыстныхъ стремленій, всегда былъ готовъ протянуть руку помощи и, меньше всего заботясь о себѣ, отдавалъ всѣ силы на служеніе людямъ.

Онъ до конца исполнилъ свой долгъ предъ людьми и родиной, ни разу не вошелъ въ сдѣлку со своею совѣстью и до конца дней сохранилъ честное имя.

19 октября, въ присутствіи многихъ друзей и почитателей, знавшихъ покойнаго, какъ писателя и какъ гуманнаго чутко-отзывчиваго человѣка,—тѣло В. А. Кокосова было предано землѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Похороны были простыя, согласно волѣ покойнаго, и въ этой простотѣ было что-то трогательное. Нѣсколько рѣчей, звучавшихъ искреннимъ чувствомъ, нѣсколько вѣнковъ (отъ общества врачей, отъ «Русскаго Богатства», «Нижегородскаго Листка» и др.)... И новая могила на кладбищѣ Крестовоздвиженскаго монастыря, рядомъ съ могилами поэта Граве и Мельникова-Печерскаго, скрыла навѣки останки много пострадавшаго и много потрудившагося честнаго человѣка... Sit tibi terra levis. Ты заслужилъ свой отдыхъ.

Вл. Золотницкій

Сборникъ о страшномъ.

(„Земля", VII).

Вторая часть романа г. Арцыбашева, напечатанная въ VII томѣ сборника «Земля», можетъ дать тему для моралистовъ. Продолженіе романа о знаменитомъ художникѣ Сергѣѣ Михайловѣ можетъ многое дать для резолюціи: «Вотъ злонравія достойные плоды»!

Можетъ дать продолженіе «У послѣдней черты» тему и для публицистовъ-критиковъ. Давно ли еще міръ былъ сотворенъ г. Арцыбашевымъ по образу и подобію Санина! давно ли этотъ солнечный человѣкъ разсѣвалъ вокругъ себя увѣренность, что жизнь прекрасна, если не подчиняться никакимъ не только запретамъ, но и самозапретамъ! давно ли прокуратура дружественныхъ имперій оказывала медвѣжью услугу литературѣ, выступая на защиту—по принадлежности—русскихъ и нѣмецкихъ читателей отъ соблазнительнаго воздѣйствія г. Арцыбашева, которому талантъ художника не мѣшалъ не видѣть въ мірѣ ничего кромѣ прозрачно-розовыхъ женскихъ тѣлъ!

На страницахъ «Р. Б. уже приходилось говорить о какомъ-то нароставшемъ неблагополучіи міра по поводу первой части романа «У послѣдней черты». Художникъ Михайловъ, который все имѣлъ, что хотѣлъ бы имѣть Санинъ, въ первой части былъ еще свѣтелъ и радостенъ душой. Все ему улыбалось и удавалось, и въ области искусства и въ области прозрачно-розоваго. Тѣмъ не менѣе уже въ первой части сквозила какая-то наростающая катастрофа. Чувствовалось, что этой ясной радости не уцѣлѣть. И на самомъ дѣлѣ, во второй части Михайловъ уже не тотъ, говоря словами Грибоѣдовскаго героя. Онъ по прежнему ѣстъ сердца съ прозрачно-розовымъ въ дополненіе, но онъ не доволенъ. Ему все это надоѣло, опротивѣло: вся разница, по словамъ романа, оказывалась въ томъ, что сегодня «вмѣсто черныхъ, будутъ распущены свѣтлые волосы, да вмѣсто крѣпкаго смугловатаго тѣла раскинется, какъ пышное блюдо (sic), большое, бѣлое, лѣниво сладострастное... *Только и всего*»! Поэтому у художника Михайлова, который въ первой части покорялъ женщинъ ударами хлыста, по совѣту Ницше, теперь срываются съ устъ какія-то странныя слова, обращенныя къ одной изъ побѣжденныхъ имъ—безъ хлыста: «Вамъ нуженъ человѣкъ, который любилъ бы васъ такъ, какъ вы этого заслуживаете... Вы такая милая, нѣжная, красивая... васъ нужно любить здоровой, *настоящей* любовью... А для меня это уже невозможно!..

У меня *нѣтъ ничего*, кромѣ чувственности... Для меня вы только одна изъ многихъ».

Слова о «настоящей» любви въ противность «не настоящей», примѣромъ которой является его собственная,—уже это чудо въ устахъ художника Михайлова; но въ романѣ есть другое чудо: знаменитый, удачливый во всемъ художникъ явно удрученъ и совсѣмъ не чувствуетъ радости отъ своего бытія! Чѣмъ романъ кончится, пока не извѣстно, конецъ романа объявленъ въ слѣдующемъ сборникѣ «Земли».

Въ той же части, которая нынѣ напечатана, Михайловъ является только мимоходомъ, къ послѣднимъ событіямъ; и то не качествѣ главнаго лица. Настоящимъ героемъ является инженеръ Наумовъ; спеціальность его—проповѣдь самоубійства. И всѣ въ романѣ слушаютъ потрясающія рѣчи Наумова о томъ, что лучше всего не родиться, а родившись, лучше всего—кончить самоубійствомъ. При этомъ въ романѣ есть персонажъ—корнетъ Краузе «съ косыми глазами», который на самомъ дѣлѣ стрѣляется, въ полной парадной формѣ.

Во всемъ этомъ есть тема для публициста. Нѣтъ темы только для критики—съ точки зрѣнія чисто художественныхъ интересовъ. Авторъ отозвался на эпидемію самоубійствъ и, повидимому, раскрываетъ—т. е. хочетъ раскрыть—побудительныя причины, толкающія къ яду, пулѣ. Онъ выставилъ инженера спеціалиста по этой части, и тотъ пространно читаетъ цѣлыя лекціи о пользѣ и удовольствіи самоубійства, какъ когда-то Санинъ читалъ лекціи о прочныхъ радостяхъ жизни въ мірѣ, созданномъ для Санина.— Если вы хотите, вы можете полемизировать съ выводами, вложенными въ уста Наумова; нельзя только разглядѣть его, какъ можно было того же Санина. Каждый разъ, когда вы пробуете вслушаться въ рѣчи Наумова, оказывается, что вы слушаете говорильный аппаратъ.

Наумовъ объясняетъ себя, можно сказать, со всѣхъ сторонъ. Онъ разсказываетъ о томъ, какъ у него зародилась ненависть къ жизни. Онъ разсказываетъ—на вопросъ Краузе—почему онъ, Наумовъ, не кончаетъ самъ самоубійствомъ, а только призываетъ къ этому другихъ. По его словамъ, идея, которой онъ служитъ, «сильнѣе его». Поэтому онъ «во власти своей идеи, онъ не можетъ «умереть такъ просто», пока не скажетъ «послѣдняго слова», пока не сдѣлаетъ «всего, что отъ него зависитъ, чтобы провести свою мысль въ міръ». Только ради этого онъ и живетъ; въ противномъ же случаѣ онъ, конечно, «прямо и очень мирно пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ, даже не оставивъ завѣщанія и приличной случаю записочки»,—какъ считаетъ почему-то нужнымъ добавить Наумовъ.

Отсюда задача жизни этого инженера по смертельной части. Онъ ненавидитъ «не жизнь свою, а жизнь человѣческую» въ цѣ-

ломъ. И пока этотъ врагъ живъ, — говоритъ Наумовъ, — «я не могу уйти!.. Я долженъ бороться съ нимъ до послѣдняго издыханія!.. Я буду кричать, головой о стѣну биться, звать и *толкать*»...

Толкать? Да, толкать! Наумовъ рѣшительно подтверждаетъ это на повѣрочный вопросъ Краузе и «вызывающе» прибавляетъ, что у него «не дрогнетъ... рука отправить на тотъ свѣтъ хоть одного изъ тѣхъ идіотовъ, которые, корчась отъ боли, вопіютъ—осанна тебѣ, жизнь прекрасная!..»

Къ несчастью, Санинъ въ романѣ уже не фигурируетъ и потому никто не реагируетъ на такую энергичную квалификацію восторговъ передъ «прекрасною жизнью».—Собесѣдникъ Наумова только спрашиваетъ, откуда у него такая ненависть къ жизни и «идіотамъ». Наумовъ разъясняетъ и это; разъясняетъ, что онъ былъ по какому-то дѣлу присужденъ къ смерти и такъ свыкся съ мыслью о ней, что пересталъ бояться. Но вотъ онъ вышелъ изъ тюрьмы и оказалось, что то огромное потрясеніе, которое пережилъ лично онъ, ничуть не отразилось нигдѣ. «Все было такъ же,—разсказываетъ онъ,—проходили пароходы по рѣкѣ, голубѣло весеннее небо, зеленѣла первая травка на островѣ, шли и ѣхали люди съ самыми обычными лицами, выражающими какой-то идіотскій смыслъ»... Особенно же его поразило «общее выраженіе радости веснѣ, солнцу, теплу и зеленой травѣ», въ то самое время, когда у него еще жило ощущеніе близкой смерти,—смерти, которая вотъ тутъ сейчасъ за плечами.

Это и рѣшило судьбу Наумова. По его словамъ, онъ едва не бросился на людей, едва не сталъ «кусаться, биться о землю и плакать... И тутъ же поклялся посвятить всѣ силы на борьбу съ этой проклятой и наглой жизнью, которая не хотѣла считаться съ человѣкомъ, готовившимся умереть».

— И вы вѣрите въ успѣхъ своей борьбы?—спросилъ Краузе равнодушно.

— Нѣтъ!.. Я самъ—нѣтъ!.. Но я все-таки вѣрю, что разъ въ мозгу хотя бы одного человѣка зародилась какая-нибудь идея, она уже не можетъ исчезнуть, ибо вошла въ міръ и должна дойти до конца!..

Такъ какъ Наумовъ убѣжденъ, что всякая идея должна имѣть свой конецъ, то онъ увѣренъ, что его идея будетъ имѣть побѣдный конецъ: въ концѣ концовъ, люди имѣющіе самыя обычныя лица, выражающія какой-то идіотскій смыслъ, не сумѣютъ противостоять обаянію идеи Наумова, и міръ прекратитъ бытіе. Не будетъ ни лицъ обычныхъ, ни имѣющихъ идіотскій смыслъ. По слову Бога міръ возникъ, а по слову Наумова—рухнетъ.

Мы ничуть не преувеличиваемъ антитезы: Богъ—творецъ міра; инженеръ Наумовъ—разрушитель. Эта антитеза принадлежитъ самому герою второй части романа «У послѣдней черты». Авторъ

отмѣчаетъ у Наумова признаки «изступленной мысли и безграничнаго самолюбія», но тѣмъ не менѣе въ серьезъ продолжаетъ:

«Минутами ясно до болѣзненности была ощущеніе своей громадности, и съ горделивой злобой становилось жутко (sic) отъ нея. Онъ смотрѣлъ во тьму и какъ бы видѣлъ въ ней чье-то благое и величавое лицо, передъ которымъ вставалъ съ вызовомъ и насмѣшкой.

— Подлинно ли Ты сильнѣе меня? — спрашивалъ онъ, безтрепетно и зло, и самъ чувствовалъ странность того, что не вѣра въ Бога говоритъ съ нимъ».

Повидимому, дѣло ясно. Если бы Наумовъ былъ живымъ человѣкомъ, для него потребовалась бы скорая медицинская помощь. Ея не нужно только потому, что Наумовъ, какъ мы уже говорили не что иное, какъ говорильный аппаратъ новой системы М. П. Арцыбашева.

Конечно, авторъ этой системы, въ цѣляхъ иллюзіи, дѣлаетъ видъ, что самъ-то онъ вѣритъ въ страшность Наумова, страшность его рѣчей. Если повѣрить словамъ романа, авторъ рѣчами Наумова удовлетворенъ. Ему онѣ кажутся содержательными и потрясающими. «Точно онъ спрашивалъ на какомъ-то страшномъ судѣ»,—характеризуетъ г. Арцыбашевъ впечатлѣніе отъ рѣчей инженера-проповѣдника добровольной смерти. «На него было жутко смотрѣть... отъ страшныхъ силъ ненависти и злобы, которыхъ онъ не можетъ излить такъ широко, чтобы захлеснуть ими весь міръ».

Есть только одна подробность въ романѣ, которая говоритъ за живую, а не за грамофонную душу инженера Наумова. Это— его крайная признательность автору, г. Арцыбашеву. Если послѣдній призналъ потрясающую убѣдительность въ рѣчахъ Наумова, за то этотъ апостолъ разрушенія міра съ «обычными лицами», выражающими «идіотскій смыслъ», признаетъ такую же убѣдительность за произведеніями г. Арцыбашева.

Мы опять-таки не преувеличиваемъ и не прибѣгаемъ къ творимой легендѣ. Въ романѣ г. Арцыбашева есть на самомъ дѣлѣ ссылка на произведенія г. Арцыбашева, и эту ссылку, въ подтвержденіе своихъ мыслей о пользѣ самоубійства, дѣлаетъ не кто иной, какъ Наумовъ на страницѣ 133. Бесѣдуютъ трое: художникъ Михайловъ, заводчикъ Арбузовъ и Наумовъ. Нужно доказательство полной безнадежности жизни и какихъ бы то ни было мечтаній о красочномъ будущемъ, хотя бы за тридевять вѣковъ. И это доказательство Наумовъ находитъ у «писателя Арцыбашева», какъ скромно выражается г. Арцыбашевъ. Вотъ эта любопытная автоссылка устами Наумова:

«У писателя Арцыбашева есть разсказъ «О великомъ знаніи»... полуфантастическій, ироническій разсказъ... Тамъ у него нѣкій человѣкъ продалъ душу чорту за то, чтобы знать все... И узналъ!.. И на другой же день пошелъ, засунулъ голову въ по-

мойную яму и такъ и сдохъ!.. Арцыбашевъ не говоритъ, почему, что онъ узналъ?.. Но вѣдь это такъ и есть, такъ и должно быть»...

Какъ видите, трудно придти къ какому-нибудь опредѣленному выводу. Какъ будто и на самомъ дѣлѣ не говорильная машина, а живой человѣкъ, да еще какой благодарный автору! Но этого мало. Попробуйте теперь сказать, кто же авторъ идеи о всеобщемъ самоубійствѣ на всеобщую пользу? Кто основоположникъ этой потрясающей идеи? Г. Арцыбашевъ говоритъ о ней, какъ о задачѣ жизни инженера Наумова, а инженеръ Наумовъ ссылается на «писателя Арцыбашева», который еще раньше него думалъ, что человѣчеству ничего не остается, какъ засунуть голову въ помойную яму и сдохнуть!

Не будемъ рѣшать этихъ вопросовъ и подождемъ третьей и послѣдней части «У послѣдней черты». Нужно думать, что тамъ все тайное станетъ явнымъ. Пока же удовлетворимся тѣмъ, что не только міръ остался незахлестнутымъ «страшными силами ненависти и злобы» Наумова, но даже и читатель седьмого сборника «Земля», изданнаго въ Москвѣ въ осень отъ Р. Х. тысяча девятьсотъ одиннадцатую.

А между тѣмъ, нервамъ этого читателя угрожало, повидимому, многое: вѣдь самоубійство Краузе происходитъ не за сценой, а здѣсь, на глазахъ читателя. Читатель могъ бы быть «захлестнутымъ» даже и при меньшемъ талантѣ, чѣмъ у г. Арцыбашева, но именно у него, вставшаго снова на ходули проблемы, читатель остается сверхчувственно спокойнымъ. На цѣлой страницѣ Краузе готовится выстрѣлить въ себя, а читатель все спокоенъ. Спокоенъ даже и тогда, когда г. Арцыбашевъ утверждаетъ, что Краузе уже выстрѣлилъ, уже убилъ себя, уже пришелъ полковой командиръ, посмотрѣлъ на Краузе, пожалѣлъ и... оставилъ лежать, гдѣ лежалъ—въ клубѣ, на полу, около буфета. Читатель совершенно спокоенъ. Мало ли что разсказывается! «Все образуется»,—стоитъ только терпѣливо переждать разсказъ г. Арцыбашева о Наумовѣ и Наумова о г. Арцыбашевѣ.

II.

Заразилъ своими рѣчами Наумовъ только двухъ женщинъ въ остальныхъ произведеніяхъ, напечатанныхъ въ седьмомъ сборникѣ: Лизу въ разсказѣ «Послѣ бури» г. Айзмана и сестру милосердія изъ «общины всѣхъ скорбящихъ»—въ трагикомедіи «Шакалы» г. Чирикова.

Обѣимъ женщинамъ пришлось на самомъ дѣлѣ увидѣть много гнусностей и притомъ самыхъ злободневныхъ. У г. Айзмана братъ написалъ на брата доносъ, и того посадили въ тюрьму, конечно.

Дочь доносчика нашла на столѣ черновикъ доноса и повѣсилась. У г. Чирикова сестра милосердія, молча содѣйствующая отравленію больного докторомъ, ожидаетъ что послѣдній сдержитъ свое «честное слово» и упрочитъ давнія отношенія къ ней—женитьбой. Но факты обнаруживаютъ съ полной убѣдительностью, что «шакалъ» докторъ обманываетъ не только другихъ, но и ее. Тогда сестра милосердія прибѣгаетъ къ рецепту Наумова и кончаетъ съ собой... Приходится въ концѣ концовъ прибѣгнуть къ этому средству и самому доктору-«шакалу». Налаженное—повидимому, удачно—мошенничество, съ отравленіемъ, изъ за пустяка рушится, и докторъ-отравитель стрѣляется: за минуту передъ тѣмъ, какъ по пьесѣ «вдругъ отворились двери изъ коридора и залы: съ обоихъ концовъ полиція и понятые».

P. S. Кромѣ персонажей г.г. Айзмана и Чирикова въ сборникѣ «Земля» есть и еще нѣкто, кто склоненъ наложить на себя руки, по слову Наумова. Это—самый сборникъ. Вѣдь преимуществомъ сборниковъ считалось, что они могутъ дать и будутъ давать полныя произведенія. Между тѣмъ съ нѣкоторыхъ поръ сборники—въ томъ числѣ «Земля»—даютъ лишь части произведеній, какъ происходитъ дѣло въ данномъ случаѣ съ романомъ г. Арцыбашева. Чуть не годъ тому назадъ появилась первая часть; теперь вторая, когда отъ прочитаннаго не осталось никакого свѣжаго воспоминанія. Что же будетъ, когда—снова черезъ годъ?—выйдетъ окончаніе!

А. Е. Рѣдько.

Новыя книги.

Посмертныя художественныя произведенія Л. Н. Толстого. Изданіе А. Л. Толстой. Т. I. Москва. 1912. Ц. 2 р. 50 к. и 60 к.

Откладываешь книгу въ сторону, отходишь на разстояніе и начинаешь сознавать: «Живой трупъ»—не драма, а только набросокъ, съ внутренними противорѣчіями, «Фальшивый купонъ» построенъ искусственно, въ «Дьяволѣ» оба варіанта не удовлетворяютъ, трагическая развязка слишкомъ внезапна и мало убѣдительна,—и такъ далѣе. Но всѣ эти какъ-будто большія вещи—ничтожно мелки предъ величіемъ мелочей, изъ которыхъ сплетена самая ткань разсказа. Непобѣдимо ихъ обаяніе, непобѣдима ихъ правда: какъ будто схватила тебя и несетъ волна новаго жизнеощущенія; какъ-будто долгое время были безнадежно закрыты твои глаза, и пришелъ старый волшебникъ, коснулся ихъ—и въ

новыхъ краскахъ, въ очарованіи новой правды раскрылся знакомый міръ. По истинѣ тайна, по истинѣ волшебство: каждое слово кажется должнымъ; кажется, что такъ, какъ сказано, иначе сказать немыслимо; и главное—кажется, что между разсказомъ и подлинной жизнью не стоитъ ничья выдумка, ничье творчество: это—сама жизнь. Иллюзія, конечно, но какая могучая, какая неустранимая! Несмотря на варіанты, несмотря на явную иногда незаконченность, несмотря на приложенныя факсимиле рукописей, раскрывающихъ процессъ громадной работы,—никакого запаха пота, никакого впечатлѣнія мастерской. Вотъ что такое подлинное wie der Vogel singt: не въ процессѣ, а въ результатѣ. Раскрываешь наугадъ любую страницу любого изъ новыхъ, изъ молодыхъ—и не изъ худшихъ,—читаешь: «земля недвижная, одѣтая серебряными ризами, такая-же великолѣпная и надменная, какъ небо; *таежная ночь съ завороженнымъ щитомъ луны и съ острыми звѣздными мечами*»; или: «на заводѣ выводили стропила надъ двухъ-этажными крыльями, *и желтое горячее дерево рядами прорвало небо, отняло у него угловатые куски лазури и было радо*». Какое несоотвѣтствіе средствъ и результатовъ. Даже въ простомъ какъ крикливо, и даже въ наглядномъ, какъ мало выразительно. И главное: какъ чувствуется натуга; а здѣсь: какъ все естественно, какъ необходимо, какъ полно.

Тургеневъ когда-то могъ не вѣрить, могъ думать, что все это можно иначе, что уши Каренина сочинены, и плохо сочинены. Для насъ эта критика немыслима; мы можемъ осуждать композицію Толстого, критиковать его художественную послѣдовательность, пожалуй, находить несообразность въ его фигурахъ. Но его мазки для насъ законъ правды; такъ, какъ онъ, никто изъ насъ не *видѣлъ*.

«Была самая масляничная погода: былъ туманъ; насыщенный водою снѣгъ таялъ на дорогахъ, и со всѣхъ крышъ капало... Я прошелъ нашъ пустынный переулокъ и вышелъ на большую улицу, гдѣ стали встрѣчаться и пѣшеходы, и ломовые съ дровами на саняхъ, достававшихъ полозьями до мостовой. И лошади, равномѣрно покачивающія подъ глянцовитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепающіе въ огромныхъ сапогахъ подлѣ возовъ, и дома улицы, казавшіеся въ туманѣ очень высокими, все было мнѣ особенно мило и значительно». Какъ просто—и какое охватывающее ощущеніе предъвесенней атмосферы. Начинаетъ казаться, будто реальное изображеніе жизни есть не стиль только, а повелительный законъ новаго искусства.

Или народныя слова. Читаешь у Бунина—даже у Бунина:—«Варокъ, ворота, изба,—все подъ одной крышей, подъ старновкой въ начесъ»—и думаешь: хорошо Бунинъ подбираетъ крупицы народной рѣчи, ловко это сдѣлано. А, у Толстого ничего не сдѣлано, ничего изъ записной книжки, все само собою: естественно и без-

спорно. Даже безразличныя вещи имѣютъ здѣсь какую-то необходимость, твердость, лапидарность. Сказано: «Ему было шесть лѣтъ, ужъ онъ съ дѣвченкой сестрой овецъ и корову стерегъ на выгонѣ, а еще подросъ, сталъ лошадей стеречь, и въ денномъ и въ ночномъ, а съ двѣнадцати лѣтъ ужъ онъ пахалъ и возилъ. Силы не было, а ухватка была»:—и ужъ кончено, никому не кажется, что можно сказать другое,—это не «сказано», а такъ и есть. А фигуры? Кто—какъ отдѣльный образъ, какъ человѣческая индивидуальность--запомнился за послѣдніе годы изъ произведеній русскихъ писателей? Много если можно назвать двѣ-три фигуры. А здѣсь? «Онъ вспоминалъ ее, какою она была, когда ей было восемь-девять лѣтъ: умненькая, все понимающая, живая, быстрая, граціозная дѣвочка, съ черными блестящими глазами и распущенными русыми волосами на костлявой спинкѣ. Вспоминалъ онъ, какъ она вскакивала ему на колѣни, и обнимала за шею и щекотала его, заливаясь хохотомъ, и несмотря на его крикъ, не переставала, и потомъ цѣловала въ ротъ, въ глаза, въ щеки». И, кажется, годы пройдутъ и все будешь,—какъ и старый князь—помнить черные глазки и костлявую спинку живой дѣвочки... Пожалуй, совершенно *новыхъ* нѣтъ образовъ въ новыхъ созданіяхъ Толстого,—всѣ они въ старой атмосферѣ, всѣ вышли изъ него, не только автобіографическій Евгеній Иртеневъ, даже фамилію стараго героя повторяющій. Но это не ослабляетъ громадной радости общенія съ Толстымъ, общенія съ художественнымъ геніемъ.

Нѣтъ, это не гипнозъ имени, не самовнушеніе: равнаго этимъ страницамъ въ самомъ дѣлѣ не создано ничего за послѣднее десятилѣтіе въ русской литературѣ. И когда соприкоснешься съ этой большой, здоровой, стихійной правдой, то становится страшно за литературу, которая такъ легко оторвалась отъ этого могучаго завоеванія русской жизни и стала на путь художественныхъ опытовъ. Конечно, рискуетъ всякій завоеватель, но когда видишь старыя побѣды, то можешь только съ содроганіемъ думать: какъ безконечно далеки мы отъ новыхъ подобныхъ завоеваній...

А. Кипенъ. Разсказы. Томъ I. 1911. Московское книгоиздательство. 293 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Нашимъ постояннымъ читателямъ знакомо дарованіе г. Кипена. Роковая власть жестокихъ силъ надъ жизнью—такова тема большинства его разсказовъ. То стихійно-внѣвременныя, то соціально-политическія, эти силы сходны въ одномъ: въ неуклонномъ господствѣ надъ личнымъ существованіемъ.

Эта тема выступаетъ въ его разсказахъ не какъ тенденція, даже не какъ протестъ: она увлекаетъ автора, какъ художника, она сообщаетъ его перу особенную суровость. Съ чувствомъ

холодной печали, какъ бы ощущая неизбѣжный рокъ надъ своими героями, г-нъ Кипенъ изображаетъ растерявшуюся провинціальную интеллигенцію, устроившую «литературные вечера» въ частномъ домѣ и съ перепугу принявшую учителя за шпіона («Шпіонъ»); земскаго агронома Рахманова, долго и добросовѣстно работавшаго надъ аграрнымъ вопросомъ и на общемъ собраніи членовъ сельско-хозяйственнаго общества совершенно затертаго безсмысленной болтовней нѣкоего графа Юрасова, мечтающаго о насажденіи въ Россіи лозъ изысканныхъ винныхъ сортовъ, увѣряющаго собраніе что съ насажденіемъ этихъ лозъ аграрный вопросъ въ Россіи благополучно разрѣшится; еврея-«ливеранта» Геца, неожиданно выселяемаго изъ мѣстности, гдѣ такъ полезна была жителямъ его находчивость и оборотливость. И такъ далѣе; всюду внезапное вмѣшательство какой-то враждебной силы, чьей-то властной грубости и беззастѣнчивости. Въ основу большинства разсказовъ г. Кипенъ кладетъ какой-нибудь яркій случай – смѣло завязанный и искусно развязанный узелъ событій; въ этомъ смыслѣ г. Кипенъ является призваннымъ «разсказчикомъ». Его слѣдуетъ отнести къ той благородной беллетристической школѣ, во главѣ которой стоятъ Мопассанъ и Чеховъ.

Послѣ торжества шумной лирики и доморощенной философіи въ русской беллетристикѣ нужно привѣтствовать каждую новую книгу, дающую повѣствованіе свободное, не отягченное ежеминутными лирическими отступленіями, столь замѣчательными у Гоголя, но опасными уже для каждаго менѣе даровитаго писателя. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ отмѣтить основную слабость книги г. Кипена. Его стиль, простой, тщательно продуманный и достаточно непринужденный, какъ-то лишенъ свѣжести. Обладая способностью прочно, стройно и серьезно «построить» разсказъ, г. Кипенъ не придаетъ деталямъ своей постройки художественной выразительности; ему не хватаетъ красокъ. Его діалогъ обыченъ, словно подслушанъ въ случайномъ разговорѣ; его пейзажъ вялъ; его мысли текутъ гладко, рѣдко вспыхивая поэтическимъ внезапнымъ блескомъ. Но все же у него есть самое существенное для беллетриста-разсказчика качество,—это власть надъ сюжетомъ, надъ фабулой. Начавъ читать его разсказъ, непремѣнно дочитаешь до конца; не будешь останавливаться на деталяхъ, не захочешь вчитываться и вдумываться въ отдѣльныя фразы, но общее художественное впечатлѣніе останется—не мимолетное впечатлѣніе.

Изъ отдѣльныхъ разсказовъ отмѣтимъ «Бирючій островъ», написанный отчасти подъ вліяніемъ Горькаго, но не всегда выдержанный и оригинальный. Глубоко задуманъ разсказъ «Метеорологическая станція»: наблюдатель на метеорологической станціи, болѣзненно добросовѣстный маленькій человѣкъ, приходитъ въ полнѣйшее смятеніе и запиваетъ, когда узнаетъ, что его случайная небрежность не произвела никакого впечатлѣнія на начальство,

привыкшее ко всякаго рода упущеніямъ. Этихъ маленькихъ наивныхъ людей, глубоко чувствующихъ и съ довѣріемъ принимающихъ жизнь, которая отвѣчаетъ имъ на это съ суровостью непреклоннаго естественнаго процесса,—ихъ любитъ и умѣетъ изображать г. Кипенъ въ тонахъ стараго хорошаго реализма. Намъ кажется, что въ этихъ темахъ и этихъ формахъ онъ долженъ искать примѣненія своей наблюдательности.

Басни И. А. Крылова. Съ 105 рисунками въ текстѣ и съ 48 отдѣльными картинами въ краскахъ по оригиналамъ художника А. К. Жаба. Спб. Изд. А. Ф. Девріена. Цѣна 10 руб.

Въ такихъ случаяхъ, какъ изданіе классическихъ произведеній съ дополненіемъ текста живописными иллюстраціями, основнымъ является, конечно не текстъ, а лишь соотношеніе между этимъ текстомъ и данными иллюстраціями. Что далъ иллюстраторъ для басенъ Крылова? Повидимому, его заботой было не только иллюстрировать текстъ, но и украсить книгу, давая красивыя красочныя пятна, пополняющія остальныя эстетическія впечатлѣнія—отъ текста Крылова. Если это имѣлъ въ виду г. Жаба, свою задачу онъ выполнилъ удачно. Контуры безъ тѣней и полутѣней—поэтому очень простые въ содержаніи своемъ—гармонируютъ съ простотой содержанія, присущей баснямъ. Краски же, заполняющіе контуры звѣрей и окружающей обстановки, подобраны въ гармоническихъ сочетаніяхъ и потому «радуютъ», глазъ, по изысканному выраженію, которое сейчасъ часто употребляется. Нѣкоторыя иллюстраціи даже очень хороши—въ этомъ отношеніи («Ворона»—въ павлиньихъ перьяхъ).

Но какъ бы ни были просты рисунки, иллюстрирующіе текстъ, они должны быть психологичны. Съ этой стороны рисунки г. Жаба менѣе удачны, чѣмъ въ колористическомъ отношеніи. Правда, есть и психологически содержательные рисунки («Парнасъ»), удачно дополняющіе текстъ Крылова. Но большинство рисунковъ невыразительны, въ нихъ недостаточно движенія, и это дѣлаетъ ихъ психологически индифферентными. Съ этой точки зрѣнія, интереснѣе оказываются нерѣдко мелкіе рисунки г. Жаба, помѣщенные въ текстѣ.

Есть еще обстоятельство, съ которымъ не легко справляются художники при иллюстрированіи: это—строгое соотвѣтствіе съ текстомъ. Намъ вспоминается, какъ въ рисункѣ къ стихотворенію Лермонтова Айвазовскій когда-то изобразилъ воздушный корабль летящимъ по воздуху, игнорируя авторское указаніе, что корабль долженъ нестись «по синимъ волнамъ океана».

Подобнаго несоотвѣтствія немало и у г. Жаба. Такова, напр., хотя бы иллюстрація къ «Трудолюбивому медвѣдю». Въ текстѣ говорится: «Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами, ихъ *при-*

бильно сбываетъ съ рукъ»... Очевидно, что медвѣдь подсмотрѣлъ все это *не* въ лѣсу. Между тѣмъ иллюстраторъ по первой строчкѣ, «Увидѣвъ, что мужикъ»... рисуетъ въ глубинѣ мужика, который гнетъ дуги почти такъ же просто, какъ и самъ медвѣдь. И къ удивленію—успѣшно, хотя такое сгибаніе—несообразность сравнительно съ тѣмъ, какъ дуги гнутъ «съ терпѣньемъ и не вдругъ» въ дѣйствительности, разумѣвшейся у Крылова.

Или—относительно басни «Волкъ и Журавль». У Крылова случай съ подавившимся волкомъ обусловленъ тѣмъ, что онъ ѣлъ, «костей не разбирая». Между тѣмъ на картинѣ г. Жаба около подавившагося волка лежатъ грядкою *тщательно* обглоданныя кости. Очень можетъ быть, что зоологи одобрятъ эту подробность—вопреки Крылову. Тѣмъ не менѣе обязательному для иллюстратора тексту она противорѣчитъ:

Что волки жадны, всякій знаетъ;
Волкъ, ѣвши, *никогда*
Костей не разбираетъ.
Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда...

Въ цѣломъ, однако, въ иллюстраціяхъ г. Жаба чувствуется вкусъ; онѣ художественны; онѣ красивы.

Въ типографскомъ отношеніи книга издана безукоризненно или, если имѣть въ виду мелочи,—почти безукоризненно.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ I. Изданіе («Научнаго слова») третье. Москва. 1911.

Своевременно мы подѣлились съ читателями нашимъ мнѣніемъ о литературныхъ характеристикахъ г. Айхенвальда и не имѣли бы необходимости повторять наше сужденіе объ этомъ сборникѣ интересныхъ импрессіонистскихъ портретовъ, если бы новому изданію своей книги авторъ не предпослалъ предисловія, долженствующаго защитить его критическіе пріемы. Трудно представить себѣ болѣе неудачную защиту. Г. Айхенвальдъ могъ отстаивать свои способы изученія литературнаго произведенія, но признать и другіе пріемы; онъ могъ сказать: я субъективенъ, и это мое право; пусть, кто можетъ, стремится къ объективности, Но, оказывается, онъ другихъ пріемовъ и не признаетъ. Научнаго изученія литературы нѣтъ и не можетъ быть. Литература—«беззаконная комета въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ». Историкъ литературы отправляется отъ эстетической оцѣнки и потому неустойчивъ не только его критерій, но и матеріалъ, подлежащій его изученію. Писатель «не продуктъ ничей, какъ ничьимъ продуктомъ не служитъ никакая личность». «Ирраціональная сила талантливой личности—вотъ на что слѣдовало бы обращать преимущественное вниманіе изслѣдователямъ художественной литературы. Самое реальное и

несомнѣнное, съ чѣмъ они могутъ имѣть дѣло, это—писатель Только онъ—фактъ. Все другое—сомнительно. Нѣтъ направленій — есть писатели. Нѣтъ общества: есть личности».

Чтожъ, афоризмы, какъ афоризмы. Скверно только, что они рисуютъ невѣроятную теоретическую кашу въ воззрѣніяхъ талантливаго «изслѣдователя» русской художественной литературы. «Изслѣдователи», оказывается, есть, хотя у нихъ нѣтъ и не должно быть ни матеріала, ни метода. Айхенвальдъ похожъ на того анекдотическаго начальника, который, распекая служащаго, кричалъ: «Если вы хотите говорить со мной, то прежде всего вы должны молчать!» Если вы хотите изслѣдовать литературу, то прежде всего вы должны знать, что нѣтъ литературы, нѣтъ ея исторіи, нѣтъ направленій. Есть личности. До какой степени немыслимо вращаться въ кругѣ этихъ коротенькихъ, непереваренныхъ мыслей, показываетъ—ну, хотя бы предыдущая страница г. Айхенвальда. Здѣсь Толстой названъ «величайшимъ представителемъ своей народности». Его «Анна Каренина» не «соотвѣтствуетъ общественности семидесятыхъ годовъ». Поэзія Кольцова выросла «на прозаической и болотистой почвѣ мѣщанства». И такъ далѣе. Но если есть только личности, то какъ можетъ быть народность? Если «нѣтъ направленій», то что такое «общественность семидесятыхъ годовъ? Если «нѣтъ общества», то что такое мѣщанство? Или раньше: «Писатель, несомнѣнно, чувствуетъ себя авторомъ. Художникъ ни за что не признаетъ самъ, что его рукою водили обстоятельства, условія, какія-нибудь неизбѣжныя особенности мѣста и момента». Но что такое «писатель», «художникъ»? Вѣдь есть только конкретная личность; есть Гомеръ, Шекспиръ, Тургеневъ, Чеховъ, а писателя вообще вѣдь нѣтъ: кто далъ право г. Айхенвальду создавать эту абстракцію? Ибо вѣдь не только къ художественнымъ созданіямъ, но и къ художникамъ въ его пониманіи долженъ быть отнесенъ его афоризмъ: «въ этой единственности только и состоитъ ихъ природа, ихъ зерно, то, что ихъ дѣлаетъ ими, и потому для каждой изъ нихъ должна бы быть своя, особая наука, а это и значитъ, что ни одно изъ нихъ наукѣ не подлежитъ». Однако и предисловіе г. Айхенвальда, и его «схема къ изученію русской художественной литературы» есть наука. Плохая наука, правда, потому что полна противорѣчій слабой теоріи и пошлостей здраваго смысла, но все-таки наука. И даже крупица истины есть въ его разсужденіяхъ, но это очень печально, потому что эта крупица растворена въ потокѣ неправды и потому что такая защита только компрометируетъ истину.

Н. А. Рубакинъ. Среди книгъ. Изд. 2 (Книгоиздательства «Наука») дополн. и переработанное. Т. I. Москва. 1911. Стр. 424. Ц. 3 р.

«Первое изданіе этой книги,—говорится въ предисловіи,—вышло въ августѣ 1905 г., т. е. въ самое неудобное время для всякаго рода библіографическихъ трудовъ. Тѣмъ не менѣе, въ два съ половиной года, несмотря на довольно высокую цѣну, все изданіе было уже распродано». Та же завидная судьба ждетъ, очевидно, новое изданіе, которое и достойно ея: книга г. Рубакина—полезная книга; при изступленной жаждѣ знаній, владѣющей нищей, безпомощной самообразующейся Россіей, надо привѣтствовать всякую пристойную попытку помочь въ этомъ отношеніи ищущимъ свѣта. Книга г. Рубакина представляетъ собой результатъ многолѣтнихъ работъ и обширныхъ свѣдѣній по библіотечному дѣлу. Провинціальный культурный работникъ найдетъ въ ней удобное руководство, хотя, конечно, будетъ очень печально, если онъ удовлетворится работой г. Рубакина.

Итакъ, оставалось бы сказать «побѣдителей не судятъ»,—если бы этотъ иммунитетъ побѣдителей былъ полезенъ и общепринятъ въ дѣлѣ литературы. Но побѣдителей литературныхъ судятъ—и даже такихъ неисправимыхъ побѣдителей, какъ Вербицкая или «Натъ Пинкертонъ». Тѣмъ болѣе подлежитъ суду работа г. Рубакина, который, какъ показываетъ новое изданіе его книги по мѣрѣ силъ, считается съ указаніями критики. Лишь самаго важнаго изъ этихъ указаній онъ никогда не приметъ во вниманіе и въ этомъ отношеніи его книга безнадежна: она составлена диллетантомъ, тогда какъ ненужный размахъ составителя предполагаетъ основательныя спеціальныя знанія; она изъявляетъ притязанія на синтезъ, но едва выходитъ изъ области компиляціи. Нельзя сказать, чтобы составитель совершенно не понималъ этого основного порока своего положенія; но вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ него соотвѣтственные выводы, онъ уходитъ все дальше по ложному пути и пытается дѣлать изъ скромнаго библіографическаго указателя какой-то «Novum Organon». Эта неясность положенія забавно отразилась на двухъ многословныхъ подзаголовкахъ его книги. Это, во-первыхъ, «Справочное пособіе для самообразованія и для систематизаціи и комплектованія обще-образовательныхъ библіотекъ, а также книжныхъ магазиновъ», а во-вторыхъ—«Опытъ обзора русскихъ книжныхъ богатствъ въ связи съ исторіей научно-философскихъ и литературно-общественныхъ идей». О притязаніяхъ, выраженныхъ во второмъ подзаголовкѣ, мы предпочли бы совсѣмъ не говорить. Исторія «научно-философскихъ и литературно-общественныхъ идей» есть предметъ настолько серьезный, что излагать его съ точки зрѣнія «обзора русскихъ книжныхъ богатствъ» значитъ и не подозрѣвать его значительности; одно изъ двухъ: или библіографія или исторіософія. Но составителю мало первой, очень почтенной задачи: онъ хочетъ

сдѣлать свою книгу не только указателемъ, но и руководствомъ, хочетъ дать каталогу не только формальное, но и матеріальное содержаніе. Оттого простѣйшіе вопросы библіотечнаго дѣла онъ подымаетъ въ своемъ предисловіи на недоступныя ему теоретическія высоты, путается въ философскихъ проблемахъ, громоздитъ напыщенныя банальности тамъ, гдѣ достаточно элементарныхъ указаній опыта и здраваго смысла. Надо пожалѣть тѣхъ самоотверженныхъ тружениковъ библіотечнаго дѣла, которые, обратившись къ книгѣ г. Рубакина, какъ высокаго авторитета, будутъ напряженно искать поученія въ его философской «теоріи подбора книгъ» съ ея безпомощными трюизмами и наивнымъ глубокомысліемъ. Безконечно выше теорій г. Рубакина его каталогъ. Правда, и здѣсь роковымъ порокомъ является то же диллетантство. Какъ показалъ опытъ всѣхъ нашихъ самообразовательныхъ программъ, отъ «Книги о книгахъ» Янжула, до работъ петербургской и московской коммиссій, программа чтеній для самообразованія можетъ быть составлена только спеціалистами. Немыслимо быть знакомымъ со всѣми отраслями знанія на столько основательно, чтобы быть въ состояніи оцѣнить всю соотвѣтствениую литературу съ точки зрѣнія ея научности, ея значительности, ея пригодности для самообразованія. Программа по самообразованію требуетъ перспективы, требуетъ послѣдовательности; библіографическая полнота указаній для нея не идеалъ, а тормазъ; здѣсь важно не только указать нужное, но также, и въ такой же степени, устранить ненужное. Укажемъ первый попавшійся примѣръ. Въ новомъ изданіи петербургскихъ «Программъ чтенія для самообразованія» не указаны «Силуэты русскихъ писателей» Ю. И. Айхенвальда. Спеціалисты старались оцѣнить каждую, принимаемую ими книгу съ точки зрѣнія ея цѣлесообразности, они спорили, они находили, что не такъ это легко и просто исключить изъ указаній книгу талантливаго и популярнаго критика за ея опредѣленно анти-историческій характеръ; но они рѣшили, что въ дѣлѣ самообразованія этотъ анти-историзмъ не полезенъ. Правы они были въ своемъ конечномъ выводѣ или нѣтъ,—важно то, что они дѣлали выборъ и принимали на себя отвѣтственность. А у г. Рубакина Айхенвальдъ, конечно, есть: у него и Оскаръ Норвежскій есть. У него не можетъ быть смѣлости исключить кого-нибудь; вся его забота въ томъ, чтобы прислониться къ чему-нибудь или къ кому-нибудь, чтобы изобрѣсти позицію, снимающую съ него отвѣтственность. Между тѣмъ, вѣдь эта сознательность, эта отвѣтственность всего цѣннѣе въ программахъ—и оттого невозможно составить надлежащее «пособіе по самообразованію» по чужимъ программамъ и рецензіямъ, оттого лишь безнадежной попыткой прикрыть этотъ основной грѣхъ можетъ казаться и «историческая точка зрѣнія» г. Рубакина и его величавое заявленіе: «партійная точка зрѣнія совсѣмъ исключена изъ этой книги и замѣнена внѣ-партійной,

или, точнѣе говоря, надъ-партійной». Конечно, надъ партіями могъ бы стать лишь очень большой человѣкъ—и совершенно непонятно, какъ могъ бы проводить «надъ-партійную» точку зрѣнія г. Рубакинъ, который въ этой самой книгѣ причисляетъ себя къ одному изъ *трехъ* оттѣнковъ этико-соціологической школы соціалистовъ, школы настолько опредѣленной, что народники отмежеваны отъ нея. Гдѣ ужъ тамъ «надъ-партійная точка зрѣнія»: знать бы свои силы и соразмѣрять съ ними свои цѣли—отъ составителя библіографическаго указателя, право, никто бы большаго не потребовалъ. Занявъ свое мѣсто, г. Рубакинъ, не имѣлъ бы необходимости подниматься на высоты, съ которыхъ очень больно падать, не брался бы за задачу руководительства другими въ пріобрѣтеніи знаній, которыхъ онъ самъ еще не имѣетъ. И онъ можетъ заявлять сколько ему угодно, что въ основу его труда «положено непосредственное знакомство съ книгами, просмотръ и изученіе книгъ, т. е. работа по сырымъ матеріаламъ», никто ему не повѣритъ, что онъ изучилъ всѣ двадцать тысячъ рекомендуемыхъ имъ книгъ. Достаточно быть знакомымъ съ какой-либо областью знанія, чтобы, при просмотрѣ соотвѣтственнаго отдѣла каталога г. Рубакина было совершенно очевидно, что онъ съ этой областью знакомъ поверхностно, вполнѣ достаточно для благопристойнаго библіотекаря, но слишкомъ мало для руководителя въ важномъ дѣлѣ самообразованія. И просто комичнымъ кажется заявленіе г. Рубакина, что его работа сдѣлана «по возможности независимо отъ разныхъ каталоговъ, рекомендательныхъ указателей, рецензій и т. п. чисто-библіографическихъ источниковъ». Неужто ему кажется, что онъ въ силахъ самостоятельно оцѣнить всѣ труды по всѣмъ областямъ знанія, вошедшіе въ его каталогъ? Тогда почему же его вступительныя замѣчанія составлены изъ цитатъ, почему пестрятъ въ нихъ такія заявленія: «Планъ, положенный Карьеромъ въ основу его труда, служитъ руководящей нитью и намъ, при распредѣленіи книгъ въ отдѣлѣ искусствъ» (стр. 3); «Списки произведеній новѣйшихъ авторовъ... составлены нами главнымъ образомъ по книгамъ Венгерова и Скабичевскаго» (стр. 23); «Слѣдуя В. Келтуялѣ въ исторіи русской публицистики, какъ и въ исторіи русской литературы вообще» (стр. 301); «Въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы пользуемся, главнымъ образомъ, книгой О. Кюльпе» (стр. 304) и т. д. Число такихъ заявленій слѣдовало бы умножить—и тогда отъ притязаній составителя на самостоятельность осталось бы не слишкомъ много.

Въ «предварительныхъ замѣчаніяхъ», предшествующихъ каждому отдѣлу его каталога, г. Рубакинъ предполагаетъ дать: «а) общую характеристику каждаго отдѣла, заимствуемую изъ произведеній, по возможности, наиболѣе выдающихся авторовъ, знатоковъ данной отрасли жизни и знанія; б) болѣе или менѣе подробное *сравнительное описаніе* общихъ руководствъ и обзоровъ

каждой отрасли знанія; в) распредѣленіе авторовъ по главнѣйшимъ основнымъ теченіямъ мысли и школамъ» и т. д. Въ какой степени г. Рубакинъ призванъ къ рѣшенію столь серьезныхъ научно-педагогическихъ задачъ и какими средствами онъ пытается ихъ рѣшить, показываютъ, напримѣръ, его предварительныя замѣчанія по «теоріи художественной литературы». Здѣсь г. Рубакинъ для характеристики заслугъ Потебни и Веселовскаго говоритъ «отъ себя»: «эти ученые основнымъ вопросомъ теоріи словесности сдѣлали не изученіе литературныхъ *формъ*, а изученіе художественно-литературнаго *творчества*», а затѣмъ въ подтвержденіе и развитіе этой мысли идутъ цитаты, въ которыхъ читаемъ: «Потебня... показалъ, что изученіе поэзіи надо начинать съ изслѣдованія ея элементарныхъ формъ... Вопросъ о соотношеніи личнаго и массоваго элемента въ творчествѣ... рѣшается у Веселовскаго на основаніи изученія болѣе сложныхъ поэтическихъ формъ». Что же, формы или не формы? Для спеціалиста это вопросъ, г. Рубакинъ, клюя по зернышку здѣсь и тамъ, противорѣчія не замѣчаетъ. О сборникѣ Лезина онъ говоритъ: «Этотъ сборникъ представляетъ изъ себя систематическій и довольно популярно написанный трактатъ о всѣхъ главнѣйшихъ вопросахъ теоріи художественной литературы. Заглавія статей, вошедшихъ въ него... позволяютъ уже судить о его цѣнности». Какимъ образомъ сборникъ можетъ представлять «изъ себя» трактатъ, и какъ по заглавіямъ статей можно судить объ ихъ цѣнности, остается тайной г. Рубакина. Но что со всѣмъ этимъ сдѣлаетъ бѣдный «самообразующійся»? Съ видомъ знатока перечисляетъ составитель въ этихъ самыхъ «предварительнымъ замѣчаніяхъ» десятки иностранныхъ книгъ, требующихъ, по его мнѣнію, перевода на русскій языкъ. Трудно представить себѣ, до чего пусты эти указанія и трудно выяснить не спеціалисту всю случайность, ничтожность, безпорядочность этихъ перечисленій. Многое, дѣйствительно, не переведено у насъ, многое можно и должно перевести, но надо вѣдь считаться съ составомъ читателей, съ возможностью распространить книгу, съ дѣйствительной потребностью въ переводѣ. Если бы г. Рубакинъ зналъ, что собою представляетъ, напримѣръ, книга «Principien der Sprachgeschichte», Герм. Пауля, которую и въ оригиналѣ, съ извѣстной подготовкой, читаешь съ величайшимъ напряженіемъ, или «Grundriss der Sprachwissenschaft» Фр. Мюллера, который нуженъ только спеціалисту, конечно, знающему нѣмецкій языкъ, то онъ не рѣшился бы рекомендовать ихъ для перевода, умалчивая, напримѣръ, о «Sprachwissenschaft» ф. д. Габеленца, книгѣ популярной, общеизвѣстной и указанной программами... «Русскіе читатели не знаютъ также такихъ авторовъ, какъ Dehmel, W. Gleim, Chr. Grabbe, P. Hille, I. Scheffel, I. Peume, A. Stifter, Th. Storm, A. Arnim и мног. друг.». Да, не знаютъ, но знаетъ ли ихъ г. Рубакинъ? Что вы думаете о познаніяхъ въ русской литературѣ того, кто назвалъ бы

нѣмцу однымъ духомъ для ознакомленія такой рядъ русскихъ писателей: Фофановъ, Дельвигъ, Ремизовъ, Загоскинъ, Даль, Щербина, Озеровъ, Серафимовичъ, Мерзляковъ? Особенно великолѣпенъ этотъ I. Решe, писатель десятаго разряда, умершій въ 1810 году; такихъ забытыхъ писателей, извѣстныхъ нѣмецкимъ читателямъ, пожалуй, не больше, чѣмъ русскимъ,—сотни; неужто ихъ надо переводить? Тотъ самый Куммеръ, о которомъ упоминаетъ г. Рубакинъ, говоритъ, что изъ произведеній Зейме не забыто лишь одно его стихотвореніе... Но г. Рубакину нужна эта мелкота; онъ и изъ русскихъ беллетристовъ, оставаясь «надъпартійнымъ», вноситъ въ свой каталогъ Н. Лѣсника, Кившенко, Длусскаго, Кайзермана, Рубакина, Кампфа, Маньковскаго, Обухова, Шеффера «и мног. друг.». Слышали вы о такихъ русскихъ беллетристахъ? Нужны они въ «пособіи для самообразованія?» Нужны еще примѣры для характеристики «системы» г. Рубакина? Кажется, отвѣты ясны. Пособіе по самообразованію не должно быть ни библіотечнымъ каталогомъ, ни космологіей—и у кого силъ хватаетъ только на хорошій библіотечный каталогъ, не долженъ выдавать его за трудъ педагогическій и исторіософскій. Составители библіотекъ могутъ пользоваться книгой г. Рубакина, но многочисленные искатели путей къ самообразованію имѣютъ въ своемъ распоряженіи пособія, гораздо болѣе самостоятельныя, систематичныя и—это также важно—гораздо болѣе дешевыя.

I. И. Иллюстровъ. Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ. Изд. 2, исправленное и значительно дополненное. Спб. Стр. XCVIII+469. Ц. 3 р. 50 к.

Сборникъ I. И. Иллюстрова выходитъ, собственно, не вторымъ, а ужъ третьимъ изданіемъ. Въ первоначальномъ видѣ это было собраніе юридическихъ пословицъ; изъ брошюрки оно за четверть вѣка превратилось въ увѣсистый томъ, долженствующій изобразить уже не только правовой бытъ, но всю жизнь русскаго народа, поскольку она отразилась въ пословицахъ. Новое изданіе многолѣтняго и полезнаго труда I. И. Иллюстрова носитъ слѣды похвальнаго вниманія составителя къ указаніямъ критики, вызваннымъ его первымъ появленіемъ; мы находимъ здѣсь существенныя дополненія и исправленія. Списокъ великорусскихъ источниковъ, изъ коихъ составитель черпалъ свои матеріалы, съ 114 возросъ до 162. Очень пріятно то, что мы на этотъ разъ не находимъ ненужныхъ узко-филологическихъ варіантовъ, которые были бы полезны лишь въ строго-критическомъ текстѣ, а первое изданіе сборника Иллюстрова загромождали безъ нужды. Составитель вообще плохой теоретикъ: имѣя подъ руками труды, гдѣ о пословицѣ сказано то, что—при современномъ состояніи знаній—надо и такъ какъ надо, онъ относится къ научнымъ опредѣленіямъ съ

обывательскимъ равнодушіемъ. Не всегда у него есть и необходимое чутье, и онъ, гонясь за полнотой, безъ критики вноситъ въ свое собраніе такія «пословицы», которыя едва ли жили когда-либо въ народномъ обиходѣ, носятъ всѣ слѣды индивидуальнаго сочинительства и вообще ближе къ апокрифамъ, чѣмъ къ пословицамъ. Напримѣръ: «Одного—наказаніе, многихъ—страхъ исправленіе чинитъ»; это изреченіе составитель нашелъ въ какомъ-то рукописномъ сборникѣ начала XVIII вѣка; самъ онъ его въ живой рѣчи, конечно, не слыхалъ,—почему же это пословица? Но такихъ примѣровъ мало; гораздо больше, къ сожалѣнію, такихъ случаевъ, когда составитель приписываетъ многозначной пословицѣ узкій смыслъ и потому загоняетъ ее въ такой уголъ своей системы, гдѣ ее очень трудно найти. Причина этого ясна: сборникъ І. И. Иллюстрова въ его нынѣшнемъ видѣ есть разросшееся собраніе юридическихъ пословицъ; естественно, что составитель склоненъ былъ толковать всякую подходящую пословицу въ необходимомъ ему юридическомъ смыслѣ; поэтому, напримѣръ, «сухая ложка ротъ деретъ» у него относится къ раздѣлу о взяточничествѣ, а «шиворотъ на выворотъ» къ раздѣлу о наказаніяхъ. Правда, въ нынѣшнемъ изданіи онъ значительно расширилъ свою схему, ввелъ новыя главы бытоваго содержанія и тѣмъ въ извѣстной степени освободилъ мысль читателя отъ навязанныхъ ему узкихъ толкованій. Но все-таки, по мнѣнію составителя, пословица «завтраками сытъ не будешь» относится къ ѣдѣ; если бы онъ пользовался не только собраніемъ пословицъ, но и словаремъ Даля, онъ узналъ бы то, что всѣмъ извѣстно и безъ Даля: что «завтраки» означаютъ обманчивыя обѣщанія, посулы. Кстати сказать, въ словарѣ Даля І. И. Иллюстровъ нашелъ бы множество пословицъ, почему-то обойденныхъ его сборникомъ, если впрочемъ онѣ не запрятаны у него такъ, что не найдешь. Такъ, пословица «колоколъ въ церковь сзываетъ, а самъ въ церкви не бываетъ», относится у него къ главѣ о Богѣ. А между тѣмъ, вѣдь совершенно ясно, что ничего ни о Богѣ, ни о церкви въ этой пословицѣ не говорится, а говорится о многомъ другомъ. Вотъ, напримѣръ, составитель сборника пословицъ; онъ дѣлаетъ почтенное и необходимое дѣло не только для общежитія, но и для науки; ходитъ вокругъ науки, говоритъ о ней, зоветъ даже къ ней, но научной мысли не проявляетъ, и даже необходимости въ ея благодати не ощущаетъ: совсѣмъ какъ колоколъ, который другихъ въ церковь сзываетъ, а самъ въ ней не бываетъ.

В. Ѳ. Боцяновскій. Богоискатели. 1911. Стр. II+268. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Боцяновскій соединилъ вмѣстѣ рядъ небольшихъ статей, въ разное время и по разнымъ поводамъ напечатанныхъ имъ въ различныхъ журналахъ и газетахъ, и такъ получилась книга, ко-

торой авторъ далъ громкое и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленное заглавіе: «Богоискатели». Двѣ статьи въ этой книгѣ посвящены русскимъ еретикамъ и ихъ противникамъ въ XIV, XV и XVI вв., одна—церковнымъ библіотекамъ г. Великаго Устюга, въ концѣ XVII столѣтія, одна—«еретику» XVIII вѣка, Дмитрію Тверитинову, еще одна—Гоголю и, наконецъ, остальныя восемь—русскимъ общественнымъ настроеніямъ и русской литературѣ послѣднихъ лѣтъ. Само по себѣ это различіе темъ, конечно, еще не исключаетъ возможности извѣстнаго внутренняго единства между отдѣльными частями книги, единства, обусловленнаго наличностью нѣкоторой общей идеи. И, по мнѣнію самого г. Боцяновскаго, его разнообразные «этюды», дѣйствительно, «объединены одной общей идеей». «Всѣ они, начиная съ перваго и кончая послѣднимъ, — говоритъ онъ—представляютъ собой кусочки той красной нити богоискательства, которая, какъ живой нервъ, проходитъ черезъ всю культурную жизнь русскаго народа. Начинаясь съ какого-нибудь давно всѣми забытаго «стригольника», она доводитъ до великаго Толстого и здѣсь еще не кончается. Мои этюды—куски этой нити, куски наиболѣе яркіе, выбившіеся наружу. Они не даютъ законченной картины богоискательства, но по нимъ, какъ по вѣхамъ, какъ по пунктирному контуру, эту картину легко угадать, легко нарисовать въ своемъ воображеніи» (I—II). Къ сожалѣнію, мнѣніе г. Боцяновскаго о своихъ статьяхъ слишкомъ лестно для послѣднихъ. Въ дѣйствительности онѣ не даютъ никакихъ «вѣхъ» и никакихъ «контуровъ», основываясь на которыхъ, можно было бы попытаться возстановить общую картину русскаго богоискательства, не даютъ уже въ силу крайней незначительности своего содержанія. И если есть что общее между всѣми статьями, вошедшими въ книгу г. Боцяновскаго, то это именно ихъ незначительность, соединенная съ большею претенціозностью. Говоритъ ли г. Боцяновскій объ ересяхъ стригольниковъ и жидовствующихъ или о пропагандѣ свободомыслія, какую велъ въ Москвѣ въ началѣ XVIII вѣка Тверитиновъ, обличаетъ ли мертвенность «богоискательства» г. Мережковскаго или разбираетъ произведенія Горькаго, Андреева и Вересаева, всюду онъ скользитъ по поверхности вопроса, не углубляясь въ его существо, всюду, минуя факты и не смущаясь противорѣчіями, спѣшитъ къ выводамъ и, самъ того не замѣчая, подмѣняетъ выводы общими мѣстами, въ потокѣ которыхъ безслѣдно тонутъ и тѣ, временами встрѣчающіяся въ его изложеніи, отдѣльныя мысли, какія могли бы получить извѣстную цѣнность, будь онѣ достаточно разработаны и углублены. Эти роковыя для писаній г. Боцяновскаго свойства, пожалуй, съ одинаковой рельефностью выступаютъ во всѣхъ статьяхъ, вошедшихъ въ его новую книгу, и въ этомъ смыслѣ, если угодно, создаютъ между ними извѣстное единство—единство характера. Но никакой общей идеи, которая могла бы связать ихъ въ

одно цѣлое, въ нихъ нѣтъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что могло бы быть общаго между еретиками XIV—XV вв. и салоннымъ «богоискательствомъ» г. Мережковскаго или хотя бы тѣмъ «Орденомъ всемірнаго геніальнаго ребячества», который устроили въ 1909 г. нѣсколько петербургскихъ шутниковъ и замѣтку о которомъ г. Боцяновскій также счелъ нужнымъ внести въ свою книгу? Не стоило, думается намъ, настаивать на связи такихъ явленій, да не стоило и перепечатывать посвященныя имъ незначительныя статьи. Но съ послѣднимъ г. Боцяновскій, навѣрно, не согласится.

Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Сборникъ статей К. К. Арсеньева, Н. И. Астрова, С. И. Бондарева, М. М. Винавера, В. Н., Н. А. Гредескула, Н. В. Давыдова. Н. А. Каблукова, А. А. Кизеветтера, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, С. А. Котляревскаго, А. Р. Ледницкаго, П. Н. Милюкова, В. Д. Набокова, Н. В. Тесленко, А. А. Цурикова, кн. Д. И. Шаховскаго и Г. Ф. Шершеневича. Съ приложеніемъ 7 портретовъ. 1911. Стр. 419. М. Ц. 2 р.

Крупный ученый, блестящій профессоръ, видный общественный дѣятель, русскій интеллигентъ, долго и упорно мечтавшій о свободѣ русскаго народа, посильно работавшій надъ распространеніемъ мысли объ этой свободѣ и на склонѣ лѣтъ въ моментъ великаго народнаго движенія вынесенный волной общественнаго подъема на высокій постъ предсѣдателя первой Государственной Думы, чтобы съ этого поста сойти въ тюрьму и затѣмъ въ обыденность частнаго существованія,—С. А. Муромцевъ оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ въ нашей общественной жизни. И вполнѣ естественно, что близкіе друзья покойнаго дѣятеля пожелали закрѣпить этотъ слѣдъ въ литературѣ и почтить память Муромцева особымъ, посвященнымъ ему сборникомъ. Нельзя не пожалѣть только, что это чествованіе получило черезчуръ партійный характеръ. Сами авторы вошедшихъ въ сборникъ статей неоднократно указываютъ, что Муромцевъ далеко не былъ только человѣкомъ партіи, а между тѣмъ къ участію въ посвященномъ ему сборникѣ оказались привлеченными почти исключительно болѣе или менѣе видные дѣятели конституціонно-демократической партіи. Это обстоятельство придало сборнику нѣкоторую узость и сообщило извѣстную односторонность освѣщенію, даваемому въ немъ самой фигурѣ Муромцева. Особенно сильно даетъ себя чувствовать такая односторонность въ статьяхъ гг. Кизеветтера и Гредескула, съ одинаковымъ стараніемъ въ цѣляхъ вящаго возвеличенія к.-д. партіи насилующихъ подлинные факты русской общественной жизни и извращающихъ ихъ дѣйствительную перспективу. Но наряду съ этимъ въ сборникѣ имѣется и не мало интереснаго. Интересна біографія Муромцева, составленная П. Н. Милюковымъ, интересны сообщаемыя г. В. Н. свѣдѣнія о семейной и личной жизни Муромцева, блистяще написанная статья М. М. Винавера о Муромцевѣ, какъ адвокатѣ и предсѣдателѣ Думы, разсказъ

А. Р. Ледницкаго о пребываніи Муромцева въ числѣ другихъ «выборжцевъ» въ тюрьмѣ, въ пресловутыхъ московскихъ «Каменщикахъ». Немало любопытныхъ фактовъ, касающихся при томъ не только личности С. А. Муромцева, но и нѣкоторыхъ сторонъ нашего общественнаго движенія за послѣдніе годы, встрѣтитъ читатель и въ другихъ статьяхъ сборника и, если далеко не всегда можно безусловно согласиться съ освѣщеніемъ, даваемымъ въ послѣднемъ этимъ фактамъ, то сами они все же сохраняютъ свой интересъ и значеніе. Въ приложеніяхъ къ сборнику напечатаны проектъ основного и избирательнаго законовъ, составленный Муромцевымъ въ 1905 г. и тогда же опубликованный имъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и списокъ печатныхъ трудовъ Муромцева. Помимо того, къ книгѣ приложены семь портретовъ С. А. Муромцева въ разныя эпохи его жизни, въ томъ числѣ одинъ, на которомъ онъ снятъ вмѣстѣ со всѣмъ президіумомъ первой Государственной Думы.

К. Валишевскій. Первые Романовы. Переводъ съ французскаго В. Ф. Книгоиздательство „Современныя Проблемы". М. 1911. Стр. 476+III. Ц. 3 р.

К. Валишевскій. Петръ Великій. Переводъ съ 7-го французскаго изданія Т. Леонтьевой. Книгоиздательство „Современныя Проблемы". М. 1912. Стр. VIII+620. Ц. 3 р. 50 к.

Книги г. Валишевскаго первоначально предназначались ихъ авторомъ главнымъ образомъ для французскихъ читателей и въ этой средѣ онѣ, несомнѣнно, имѣли извѣстный смыслъ. Французская читающая публика въ массѣ своей и до сихъ поръ такъ мало освѣдомлена о русскомъ народѣ и его историческихъ судьбахъ, что даже популярныя произведенія г. Валишевскаго способны увеличить запасъ ея свѣдѣній и расширить кругъ ея понятій и представленій въ этой области. Вдобавокъ, съ внѣшней стороны эти произведенія написаны бойко и занимательно, и это достаточно объясняетъ ихъ сравнительный успѣхъ во Франціи. Но врядъ-ли было какое-нибудь основаніе переводить эти произведенія на русскій языкъ. При всей своей несомнѣнной начитанности въ нѣкоторыхъ вопросахъ русской исторіи г. Валишевскій все же является въ этой сферѣ не болѣе, какъ компиляторомъ, и притомъ компиляторомъ не особенно высокаго достоинства. Его изложеніе, по внѣшности гладкое и бойкое, съ одной стороны, не свободно порою отъ грубыхъ фактическихъ ошибокъ, съ другой—то и дѣло переходитъ въ напыщенную декламацію, плохо прикрывающую убожество положенныхъ въ его основу общихъ историческихъ взглядовъ. Читатель-французъ, поскольку онъ не былъ спеціалистомъ-историкомъ, могъ, увлеченный новизной предмета, проходить мимо этихъ особенностей г. Валишевскаго, мало замѣчая ихъ. Русскому читателю онѣ неизбѣжно кинутся въ глаза, такъ какъ рѣчь идетъ о пред-

метахъ, хорошо извѣстныхъ ему изъ другихъ источниковъ. И, вѣроятно, рѣдкій изъ русскихъ читателей сумѣетъ удержаться отъ улыбки, встрѣтивъ у г. Валишевскаго хотя бы такого рода замѣчаніе по поводу появленія раскола въ русской церкви: «съ начала своего историческаго существованія славянскій міръ неизмѣнно колебался между двумя противоположными теченіями: между анархіей или силой центробѣжной и между порядкомъ или силой концентраціи» («Первые Романовы», 352). А между тѣмъ книги г. Валишевскаго пестрятъ подобного рода глубокомысленными замѣчаніями и, стоя на высотѣ заключающейся въ нихъ философіи исторіи, авторъ самоувѣренно подчеркиваетъ свои личные взгляды на ходъ русскаго историческаго процесса—къ счастью для его произведеній, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ предвосхищенные другими историками,—и подчасъ развязно, двумя-тремя словами, поправляетъ выводы такихъ ученыхъ, какъ Ключевскій. Во всемъ этомъ такъ мало серьезности, что на русскомъ языкѣ книги г. Валишевскаго могли бы служить развѣ лишь матеріаломъ для такъ называемаго въ публикѣ легкаго историческаго чтенія. Но и эта возможность отнята у нихъ ихъ переводчиками.

Мало было бы сказать, что переводъ разбираемыхъ книгъ г. Валишевскаго плохъ,—онъ совершенно невозможенъ. Оба переводчика этихъ книгъ, и г. В. Ф., и г-жа Леонтьева, повидимому, плохо знакомы съ французскимъ языкомъ и не менѣе плохо справляются съ русскими литературными оборотами. Вмѣстѣ съ тѣмъ оба они, повидимому, одинаково мало освѣдомлены въ вопросахъ, которымъ посвящены переведенныя ими книги, и одинаково не имѣютъ понятія объ элементарныхъ правилахъ перевода историческихъ книгъ. Благодаря этому русскій текстъ книгъ г. Валишевскаго переполненъ невѣроятными курьезами. Вотъ для примѣра нѣкоторые изъ нихъ. Въ Малороссіи XVII вѣка, говорится въ переводѣ «Первыхъ Романовыхъ», Конашевичъ «былъ на сторонѣ того неисправимаго блока, который противупоставляла казацкая дикость цивилизаторскому вліянію Польши» («Первые Романовы», 252). Въ томъ же переводѣ есть такое мѣсто: «въ 1679 году царствованіе Θеодора знаменуетъ собою скорѣе регрессъ, чѣмъ прогрессъ основаніемъ новой типографіи, которая, казалось, представляла изъ себя зародышъ все еще будущей Академіи, въ которомъ снова отражается вліяніе Греціи» (тамъ же, 416). Въ свою очередь переводчица «Петра Великаго» говоритъ, что въ рукописи Крыжанича заключались «недгессы реформъ, вдохновлявшія, вѣроятно, Петра» («Петръ В.», 23), или заставляетъ г. Валишевскаго утверждать, что Россіи «удалось уже создать одинъ изъ громаднѣйшихъ извѣстныхъ міру аккордовъ человѣческаго могущеста» (тамъ же, 511). И это не болѣе, какъ наудачу вырванные примѣры, къ которымъ при желаніи можно было бы прибавить цѣлый рядъ другихъ, совершенно имъ подобныхъ. Г-нъ В. Ф. заставляетъ г. Валишевскаго

говоритъ объ автобіографіи Аввакума «въ двухъ собственноручныхъ изданіяхъ» вмѣсто редакцій («Первые Романовы», 383), г-жа Леонтьева безнадежно спутываетъ день съ ночью, утверждая. что Петръ осматривалъ Дрезденскій музей ночью въ часъ дня («Петръ В.», 129), говоритъ о «восточныхъ» странахъ тамъ. гдѣ рѣчь идетъ о западныхъ (тамъ же, 482). о «государствѣ», гдѣ говорится о гражданской администраціи (тамъ же, 485), и т. д.. и т. д.

Русскія и польскія географическія названія, историческія имена и фамиліи и разнаго рода термины для обоихъ переводчиковъ книгъ г. Валишевскаго явились, очевидно, совершенною новостью. Въ результатѣ читатель встрѣчаетъ въ русскомъ текстѣ этихъ книгъ самыя неожиданныя имена и самые необычайные термины. Переводчикъ «Первыхъ Романовыхъ» говоритъ о «Красноруссіи» (33, 251) и «Краснороссіи» (303). Г-жа Леонтьева говоритъ уже о Червоной Руси и Бѣлой Руси, но. видимо. не увѣрена въ этихъ названіяхъ и прибавляетъ въ скобкахъ французскія: Russie Rouge, Russie Blanche («Петръ В.», 10). Съ открытой г. В. Ф. «Краснороссіей» смѣло могутъ соперничать и другія изобрѣтенныя имъ географическія названія и собственныя имена. Читатель встрѣтитъ у него, вмѣсто Низового войска, «казачье войско Нижа» («Первые Романовы», 124), встрѣтитъ «Запорожье или Нижъ» (225), «Украйну слободъ» вмѣсто Слободской Украйны (213), «Острогодскъ» вмѣсто Острогожска (213), «Цекору» вмѣсто Цецоры (252), «Заможъ» вмѣсто Замостья (252), «Шосимъ» вмѣсто Хотина (327), встрѣтитъ «герцога Острожскаго» вмѣсто князя (246), «Ивана Вишню» вмѣсто Іоанна Вишенскаго (246), «Выховскаго» вмѣсто Выговскаго (284) и т. д. Приблизительно такимъ же образомъ распоряжается собственными именами и г-жа Леонтьева. Аркадія и Гонорія она превращаетъ въ Аркадіуса и Гоноріуса («Петръ В.», 28), Ѳеодосія въ Теодоза (21), Фокеродта въ Вокеродта и Вакеродта (5, 163), Циклера въ Тзилькера (77), Бассевича въ Бассевитца и даже Басевшипа (117, 163), Радзѣевскаго въ Радзѣжовскаго (308), Пасека въ Пазека (332) и т. д. То же самое повторяется и съ терминами. Польскія староства и воеводства фигурируютъ у г. В. Ф. подъ именемъ «старостій» и «палатинатовъ» («Первые Романовы», 237, 260), великій гетманъ подъ именемъ «великаго генерала» (267), польный гетманъ—«малаго генерала« (318). Въ свою очередь г-жа Леонтьева обращаетъ Священную Имперію въ «Святую Имперію», а ревизіонъ-коллегію въ «Ревизіонный Совѣтъ» («Петръ В.», 97, 109). И, наконецъ, оба переводчика одинаково упорно заставляютъ г. Валишевскаго цитировать, вмѣсто Полнаго Собранія Законовъ, Сводъ Законовъ. Но, не довольствуясь столь удачнымъ переводомъ съ французскаго всевозможныхъ именъ и терминовъ, оба переводчика сочли нужнымъ переводить съ французскаго же различныхъ русскихъ авторовъ. И благодаря этому русскій читатель можетъ читать въ книгахъ г. Валишевскаго не только отрывки

изъ Житія Аввакума, изъ лѣтописи Нестора, изъ писемъ и указовъ Петра I, изъ писемъ Ромодановскаго и протоколовъ Преображенскаго приказа, изъ сочиненій Посошкова и Татищева, но даже и русскія народныя пословицы—въ скверномъ переводѣ съ французскаго. Подобный переводъ можетъ любую книгу обратить въ макулатуру,—и именно это и сдѣлали переводчики съ книгами г. Валишевскаго.

В. И. Веретенниковъ. Изъ исторіи Тайной Канцеляріи. 1731—1762 г. Очерки. Харьковъ. 1911. Стр. 120.

Не такъ давно намъ приходилось говорить о трудѣ г. Веретенникова, посвященномъ Тайной Канцеляріи Петровской эпохи. Теперь г. Веретенниковъ выпустилъ новую работу, являющуюся до извѣстной степени продолженіемъ его перваго труда. Созданная Петромъ I въ качествѣ временнаго учрежденія Тайная Канцелярія была, какъ извѣстно, уничтожена при Петрѣ II, но съ воцареніемъ Анны Іоановны вновь возродилась уже въ видѣ постояннаго учрежденія и продолжала существовать вплоть до царствованія Петра III, когда она была опять уничтожена, впрочемъ, для того только, чтобы уступить свое мѣсто Тайной Экспедиціи, непосредственно вслѣдъ затѣмъ возникшей при Сенатѣ. Изученію этой-то Тайной Канцеляріи, дѣйствовавшей на протяженіи 1731—1762 г.г., и посвятилъ свою новую работу г. Веретенниковъ. Опираясь на архивные документы, представляющіе собою часть сохранившагося дѣлопроизводства Тайной Канцеляріи за указанную эпоху, онъ поставилъ своей задачей «дать краткіе очерки по исторіи этого учрежденія въ главнѣйшихъ ея этапахъ, очерки,—оговаривается онъ—документально точные, но отнюдь не претендующіе на полноту даже относительную, какъ въ использованіи матеріала, такъ и въ разрѣшеніи всѣхъ ставимыхъ исторіей Тайной Канцеляріи вопросовъ». Въ своихъ «очеркахъ», поставленныхъ въ такія границы, авторъ послѣдовательно говоритъ о моментѣ учрежденія Тайной Канцеляріи и объ отношеніи къ ней верховной власти при Аннѣ Іоанновнѣ, въ регентство Бирона и Анны Леопольдовны и въ царствованіе Елизаветы, опредѣляетъ сферу компетенціи Тайной Канцеляріи и правовыя нормы, руководившія ея дѣятельностью, наконецъ, сообщаетъ свѣдѣнія о положеніи Тайной Канцеляріи среди современныхъ ей государственныхъ учрежденій и объ ея внутреннемъ строѣ. При этомъ авторъ не касается самаго существа дѣлъ, разбиравшихся въ Тайной Канцеляріи, и не изслѣдуетъ содержанія дѣятельности послѣдней, а все время остается въ предѣлахъ внѣшней исторіи изученнаго имъ учрежденія. Поставленная такимъ образомъ работа, несомнѣнно, имѣетъ свое значеніе, восполняя существовавшій въ нашей исторической литературѣ пробѣлъ: до сихъ поръ мы совершенно не имѣли даже попытки общей исторіи Тайной Канцеляріи за назван-

ный періодъ времени, а г. Веретенниковъ возстановилъ внѣшнюю исторію этого учрежденія въ ясныхъ и отчетливыхъ чертахъ, сообщивъ при этомъ немало любопытнаго. Но во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что тѣ же результаты могли быть достигнуты изслѣдователемъ при условіи значительно меньшей затраты читательскаго труда. Въ настоящемъ своемъ видѣ книга г. Веретенникова, съ одной стороны, черезчуръ нагружена сырымъ матеріаломъ въ видѣ обильныхъ выписокъ изъ всякаго рода указовъ, касающихся лишь формальной стороны дѣла и потому представляющихъ сравнительно малый интересъ, съ другой—страдаетъ большою растянутостью изложенія. Вопросы организаціи Тайной Канцеляріи были вовсе не такъ сложны, чтобы стоило разсматривать ихъ столь подробно, какъ это дѣлаетъ г. Веретенниковъ, не воздерживающійся къ тому же и отъ частаго повторенія одного и того же. Сжатая вдвое, его книга много выиграла бы. И г. Веретенникову слѣдовало бы обратить на это вниманіе при дальнѣйшемъ продолженіи своихъ трудовъ, «предварительнымъ этюдомъ» къ которымъ, по его заявленію, служитъ настоящая его книга.

И. П. Козловскій. Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго. 1641—1717 г.). Спб. 1911. стр. 79.

Въ своемъ небольшомъ очеркѣ г. Козловскій, говоря его собственными словами, попытался «собрать воедино все, что можно найти въ изданныхъ памятникахъ и исторической литературѣ о Виніусѣ, дать общую оцѣнку его дѣятельности и указать на его мѣсто среди дѣятелей Петровскаго времени». Эта задача выполнена авторомъ съ большимъ стараніемъ и добросовѣстностью. Онъ тщательно собралъ всѣ имѣющіяся въ печатныхъ источникахъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности А. А. Виніуса, далъ обстоятельную характеристику его служебныхъ работъ и литературныхъ трудовъ, наконецъ, внимательно прослѣдилъ его переписку съ Петромъ I и такимъ путемъ попытался возсоздать передъ читателемъ любопытную фигуру этого «русскаго нѣмецкаго происхожденія», какъ называлъ его Корбъ, типичнаго дѣльца той переходной эпохи, какую представляли собою годы, непосредственно предшествовавшіе воцаренію Петра, и правленіе самого Петра. Порою можно даже, пожалуй, упрекнуть г. Козловскаго въ чрезмѣрной обстоятельности, побуждающей его съ ненужной подробностью воспроизводить свѣдѣнія, нисколько не характерныя ни для личности самого Виніуса, ни для его эпохи. Съ другой стороны, не вполнѣ свободенъ г. Козловскій и отъ довольно обычнаго у біографовъ стремленія преувеличивать значеніе того лица, которому посвященъ ихъ трудъ, и соотвѣтственно этому взгляды и утвержденія автора требуютъ нѣкоторыхъ ограниченій. Но во всякомъ случаѣ очеркъ г. Козловскаго, дающій первую обстоятельную біографію Виніуса и попутно

исправляющій довольно многочисленныя ошибки историковъ, по тому или иному поводу раньше упоминавшихъ объ этомъ сотрудникѣ Петра, является полезнымъ вкладомъ въ историческую литературу, посвященную Петровской эпохѣ.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. Гранатъ и К°". Выпускъ 35. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 р. 35 к.

Въ свое время намъ не разъ уже приходилось говорить на страницахъ «Русскаго Богатства» о настоящемъ изданіи и отмѣчать достоинства и недостатки отдѣльныхъ его частей. Теперь съ выходомъ въ свѣтъ тридцать пятаго выпуска, заключающаго въ себѣ лишь одну—по обыкновенію, живо и талантливо написанную—статью М. Н. Покровскаго о внѣшней политикѣ Россіи въ концѣ XIX вѣка, это грандіозное изданіе закончено и въ виду этого умѣстно будетъ, пожалуй, попытаться подвести, хотя бы въ самыхъ короткихъ словахъ, нѣкоторые общіе итоги достигнутымъ имъ результатамъ. Несомнѣнно, оно не дало всего, что могло обѣщать его заглавіе,—не дало полной, систематической и, если не равноцѣнной во всѣхъ своихъ частяхъ, то, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ ихъ одинаково стоящей на высотѣ научныхъ требованій исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ. Девять большихъ томовъ, выпущенныхъ издательствомъ бр. Гранатъ, въ концѣ-концовъ представляютъ собою ничто иное, какъ собраніе отдѣльныхъ статей, въ большинствѣ случаевъ очень мало связанныхъ одна съ другою и имѣющихъ весьма различную цѣнность. Отчасти такой результатъ, конечно, можетъ быть объясненъ состояніемъ наличныхъ силъ русской исторіографіи. Но въ гораздо большей степени, думается намъ, онъ зависѣлъ отъ редакціи изданія, слишкомъ часто увлекавшейся черезчуръ узкой и односторонней тенденціей. Особенно ярко сказалось это въ отдѣлахъ изданія, посвященныхъ исторіи литературы, искусства, религіозныхъ и—отчасти—политическихъ теченій въ Россіи XIX вѣка, отдѣлахъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ не удовлетворяющихъ даже минимальнымъ научнымъ требованіямъ. Но наряду съ этимъ въ девяти томахъ «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ» имѣется и длинный рядъ статей, совершенно безупречныхъ въ этомъ отношеніи, статей, содержащихъ въ себѣ вмѣстѣ съ обильнымъ фактическимъ матеріаломъ, прочно обоснованныя и въ высокой степени интересныя обобщенія. Ко многимъ изъ этихъ статей вынужденъ будетъ съ пользой для себя обращаться даже спеціалистъ-историкъ, рядовому же читателю онѣ дадутъ богатый запасъ свѣдѣній, способный сильно расширить его кругозоръ и въ значительной мѣрѣ облегчить пониманіе тѣхъ историческихъ событій и процессовъ, которые совершались въ Россіи въ теченіе минувшаго столѣтія. Это, конечно, не такъ ужъ мало. И, если можно было ждать отъ настоящаго изданія большаго, то во всякомъ случаѣ, и то,

что оно даетъ, заслуживаетъ признанія и благодарности. А къ этому надо еще прибавить, что, помимо текста, «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ» даетъ своему читателю рядъ великолѣпныхъ по выполненію иллюстрацій, которыя, между прочимъ, заключаютъ въ себѣ цѣлую портретную галлерею русскихъ общественныхъ дѣятелей XIX столѣтія, дѣятелей самыхъ различныхъ направленій и самыхъ разнообразныхъ профессій.

Е. Эфруси. Исторія Россіи. Учебникъ и книга для чтенія. Просмотрѣно Исторической Коммиссіей Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Москва. 1911. Стр. 303+IV. Ц. 90 к.

Въ послѣдніе годы наблюдается замѣтное оживленіе въ сферѣ предназначенной для нуждъ начальнаго образованія учебной литературы, посвященной русской исторіи. Старый шаблонъ, съ давнихъ поръ прочно установившійся въ этой сферѣ, понемногу начинаетъ колебаться подъ все возрастающимъ наплывомъ учебниковъ новаго типа, несравненно больше отвѣчающихъ и запросамъ учащихся, и требованіяхъ науки. Однимъ изъ такихъ учебниковъ является и книга г-жи Эфруси. Эта небольшая по объему книга, предназначенная ея авторомъ для городскихъ школъ высшаго типа и для учащихся воскресныхъ и вечернихъ школъ, хорошо задумана и въ общемъ удачно выполнена. Охватывая всю русскую исторію, отъ переселенія славянъ на русскую равнину до реформъ Александра II, она не перегружена излишнимъ и легко ускользающимъ изъ памяти учащихся балластомъ собственныхъ именъ и хронологическихъ датъ и въ то же время содержитъ въ себѣ важнѣйшія свѣдѣнія, необходимыя для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей Россіи и способныя заинтересовать человѣка, приступающаго къ такому ознакомленію. Такъ называемая внѣшняя исторія—исторія войнъ, сраженій и дипломатическихъ трактатовъ—рѣшительно подчинена въ книгѣ г-жи Эфруси исторіи внутренней, и при этомъ ближайшимъ къ намъ временамъ авторъ удѣляетъ гораздо больше вниманія и мѣста, чѣмъ болѣе отдаленнымъ и древнимъ эпохамъ. Самое изложеніе автора просто и ясно и только временами нѣсколько вредитъ ему стремленіе соединить двѣ несоединимыя, на нашъ взглядъ, задачи—дать одновременно учебникъ и книгу для чтенія. Въ концѣ-концовъ книга г-жи Эфруси все же только учебникъ и въ качествѣ книги для чтенія врядъ-ли можетъ служить уже въ силу одной своей краткости, для учебника совершенно неизбѣжной. Между тѣмъ, еслибы авторъ не гнался за тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ своей работы и книгу для чтенія, его изложеніе, навѣрное, выиграло бы въ сжатости и опредѣленности. Мѣстами также встрѣчаются въ этомъ изложеніи и досадныя фактическія ошибки, и приходится пожалѣть, что просматривавшая книгу г-жи Эфруси Московская Историческая Коммиссія не проявила по отношенію къ ней нѣсколько большей строгости и не устранила

всѣхъ такихъ ошибокъ. Правда, количество ихъ не такъ ужъ велико, но было бы все же лучше, еслибы ихъ вовсе не было въ учебникѣ, по своимъ серьезнымъ достоинствамъ, несомнѣнно, заслуживающемъ широкаго распространенія.

В. Е. Макаровъ. Очеркъ исторіи старообрядчества отъ Никона до нашихъ дней. М. 1911. Стр. 75. Ц. 40 к.

«Очеркъ» г. Макарова, по словамъ автора, «написанъ съ цѣлью, главнымъ образомъ, помочь старообрядцамъ, обучающимъ и обучающимся въ разнаго рода учебныхъ заведеніяхъ, дать нѣчто въ видѣ руководства законоучителямъ и учебнаго пособія ученикамъ для класснаго или внѣкласскаго ученія и изученія». Дѣло въ томъ, что преподавать старообрядцамъ исторію русской церкви со временъ Никона по учебникамъ, написаннымъ послѣдователями государственной церкви, по мнѣнію г. Макарова, «прямо преступно передъ старообрядчествомъ и передъ нашимъ подростающимъ поколѣніемъ», такъ какъ «изъ такого рода учебниковъ нѣтъ ни одного сколько-нибудь нейтральнаго, правдиваго и не пропитаннаго тенденціозностью». Послѣднее, конечно, совершенно вѣрно. Бѣда только въ томъ, что учебникъ г. Макарова, въ свою очередь, не отличается ни нейтральностью, ни правдивостью. Онъ такъ же тенденціозенъ, какъ и учебники, составленные въ духѣ господствующей церкви, и все его отличіе отъ послѣднихъ заключается въ томъ, что его тенденціозность направлена въ другую сторону. Въ своемъ «очеркѣ» г. Макаровъ даетъ не исторію, а апологію старообрядчества и, въ частности, поповцевъ, апологію страстную, несдержанную и во многомъ несправедливую. Русскую церковь XVII вѣка до Никона г. Макаровъ изображаетъ, какъ «единственную въ то время сохранившую чистоту православія» и, между прочимъ, видитъ въ ней «братскія отношенія между народомъ, священниками и архіереями», впервые нарушенныя Никономъ, введшимъ принципъ власти и субординаціи (1,3). Всю вообще Никоновскую реформу онъ представляетъ, какъ результатъ хитраго плана олатинившихся, учившихся «въ латинскихъ и протестантскихъ школахъ, подъ руководствомъ іезуитовъ», грековъ, которые рѣшили сперва при содѣйствіи Никона занять видные посты въ русской церкви, а затѣмъ осудить самого Никона, когда онъ возбудитъ всеобщее неудовольствіе, и тѣмъ уже навсегда подчинить ее своей власти и вліянію. Никонъ же, выполняя роль, предназначенную ему въ этомъ планѣ, усердно старался «пересаживать на русскую православную здоровую почву страшные внутренніе недуги и язвы греческой церкви» (4—6). И каково же должно быть недоумѣніе простодушнаго читателя, когда онъ въ дальнѣйшемъ отъ того же г. Макарова узнаетъ, что поповцы, въ изложеніи автора «Очерка» являющіеся единственнымъ толкомъ старо-

обрядчества, вполнѣ сохранившимъ «отеческія преданія», въ концѣ-концовъ получили свою іерархію отъ тѣхъ же самыхъ злохитрыхъ и страдающихъ «страшными внутренними недугами и язвами» грековъ. Самого г. Макарова это противорѣчіе, конечно, смущаетъ такъ же мало, какъ авторовъ учебниковъ въ духѣ господствующей церкви аналогичныя противорѣчія въ ихъ писаніяхъ. Но, глядя со стороны, приходится во всякомъ случаѣ сказать, что апологія старообрядчества въ учебникѣ церковной исторіи такъ же не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительной исторіей, какъ и апологія господствующей церкви. Въ частности поэтому и книга г. Макарова болѣе интересна для ознакомленія съ настоящимъ состояніемъ старообрядчества, чѣмъ для изученія его прошлаго.

І. М. Гольдштейнъ. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. Изданіе 2-ое, исправленное и значительно дополненное. Часть I. Москва 1912. Цѣна 2 руб.

Десять лѣтъ тому назадъ г. Гольдштейнъ, уже имѣвшій за собою рядъ трудовъ на нѣмецкомъ языкѣ, пріѣхалъ въ Россію, чтобы собрать матеріалы, необходимые для начатой имъ работы по стоявшему тогда на очереди вопросу о возобновленіи русско-германскаго торговаго договора. По этому поводу онъ свелъ знакомство съ тогдашнимъ русскимъ министромъ финансовъ Витте и его товарищемъ Ковалевскимъ. Въ своихъ запискахъ и устныхъ сообщеніяхъ названнымъ дѣятелямъ г. Гольдштейнъ обратилъ ихъ вниманіе на крупную роль, какую играютъ въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ германскіе синдикаты, форсирующіе экспортъ при помощи выдаваемыхъ ими вывозныхъ премій. Заинтересовавшись этимъ вопросомъ, С. Ю. Витте поручилъ г. Гольдштейну произвести «спеціальное научное изслѣдованіе», въ результатѣ котораго и получилась вышеназванная книга. Такое происхожденіе и тѣ практическія задачи, ради которыхъ было предпринято научное изслѣдованіе, несомнѣнно, очень сильно повліяли на его содержаніе. Прежде всего, по своему объему оно оказывается значительно болѣе узкимъ, чѣмъ данное ему авторомъ заглавіе; уже оно и подзаголовка, который имѣется на книгѣ: «синдикаты, задачи торговой политики и будущая роль Россіи». Въ дѣйствительности авторомъ подвергнута детальному обслѣдованію лишь одна сторона дѣятельности синдикатовъ и трестовъ (главнымъ образомъ, такъ называемой, «тяжелой» промышленности, производящей матеріалы и полуфабрикаты), а именно—дешевыя продажи ими своихъ продуктовъ за границу. Въ первой части своего труда, вышедшей теперь вторымъ изданіемъ, авторъ излагаетъ факты такого рода продажъ и выясняетъ тѣ послѣдствія, какими они сказываются въ экономической жизни; вторую часть, судя по опубликованному проспекту, онъ всецѣло почти посвящаетъ тѣмъ

мѣрамъ, какія могутъ быть предприняты въ борьбѣ съ форсированіемъ экспорта синдикатами, и тѣмъ странамъ, которыя, по его мнѣнію, наиболѣе заинтересованы въ такой борьбѣ (Англія и Россія). Что касается вообще синдикатовъ и трестовъ, ихъ успѣховъ въ послѣднее время и быстро возрастающей ихъ роли въ соціальной жизни, то объ этомъ авторъ говоритъ лишь во введеніи,—правда, довольно обширномъ (86 страницъ), но при свойственномъ ему темпѣ далеко недостаточномъ, чтобы освѣтить большие и сложные вопросы, связанные съ картельнымъ движеніемъ. Впрочемъ и та сторона дѣятельности синдикатовъ и трестовъ, которая подвергнута г. Гольдштейномъ спеціальному изслѣдованію, освѣщена имъ далеко не вполнѣ. Такъ, подробно говоря о тѣхъ послѣдствіяхъ, какими сказывается экспортъ по пониженнымъ цѣнамъ, онъ совершенно почти не останавливается на причинахъ, вызывающихъ это явленіе. Попутно онъ, конечно, отмѣчаетъ нѣкоторыя изъ нихъ и не разъ, напримѣръ, упоминаетъ о покровительственныхъ пошлинахъ, позволяющихъ держать внутреннія цѣны на очень высокомъ уровнѣ и такимъ путемъ за счетъ внутреннихъ потребителей покрывать недоборы отъ дешевыхъ заграничныхъ продажъ. Но на изученіи этого фактора авторъ не останавливается и дѣйствительная роль его для читателей остается не совсѣмъ ясной. Еще болѣе темнымъ остается вопросъ, что именно заставляетъ синдикаты и тресты форсировать экспортъ. Прибѣгаютъ ли они къ этому лишь въ годы кризисовъ, когда необходимо, во что бы то ни стало, «свалить» заграницу неожиданно оказавшіеся излишки въ производствѣ, или, какъ заставляютъ думать многіе приводимые г. Гольдштейномъ факты, и въ годы промышленнаго подъема, когда нѣтъ не только избытка, но ощущается недостатокъ въ матеріалахъ и фабрикатахъ? Производятъ ли синдикаты продажу за границу только по менѣе прибыльнымъ цѣнамъ, чѣмъ на внутреннемъ рынкѣ, или и по цѣнамъ, прямо убыточнымъ, на что указываютъ нѣкоторыя приводимыя авторомъ данныя? Между прочимъ онъ отмѣчаетъ, напримѣръ, что соляной экспортъ Соед. Штатовъ, благодаря дешевымъ продажамъ за границу, широко практикуемымъ солянымъ трестомъ, за 1906—1909 г.г. почти удвоился сравнительно съ предъидущимъ четырехлѣтіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ «въ новѣйшее время—пишетъ г. Гольдштейнъ—дѣла треста были на столько плохи, что съ 1 дек. 1906 г. онъ не платилъ дивиденда» Есть ли это случайный результатъ плохо разсчитанной конкуренціи, или это означаетъ, что форсированіе экспорта при помощи тѣхъ средствъ, какими пользуются синдикаты и тресты, неизбѣжно приводитъ ихъ къ абсурду?—къ абсурду, который и логически представляется неизбѣжнымъ, такъ какъ экспортъ въ такихъ случаяхъ не только растетъ быстрѣе внутренняго потребленія, но и обгоняетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ростъ производства. Весь рядъ такого рода вопросовъ, встаю-

щихъ передъ читателемъ, оставленъ авторомъ безъ разсмотрѣнія. Недостаточно точно выясненнымъ представляется и вопросъ о томъ значеніи, какое имѣетъ форсируемый синдикатами экспортъ для тѣхъ странъ, въ которыя онъ направленъ, т. е. вопросъ, имѣющій непосредственное отношеніе къ тѣмъ практическимъ задачамъ, съ которыми авторъ связалъ свое изслѣдованіе. Въ книгѣ приводится рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что Англія, Голландія и Швейцарія, пользуясь дешевыми нѣмецкими матеріалами и полуфабрикатами, успѣли развить многія высшія отрасли обрабатывающей промышленности, въ которыхъ совершенно не въ силахъ конкурировать съ ними нѣмецкіе производители, вынужденные покупать тѣ же матеріалы и полуфабрикаты по значительно болѣе высокимъ (иногда по двойнымъ) цѣнамъ. Какія широкія перспективы для развитія народнаго труда открываются при возможности сосредоточить его на дальнѣйшей обработкѣ получаемыхъ задешево матеріаловъ и полуфабрикатовъ, легко видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ, приведенныхъ въ книгѣ г. Гольдштейна. Изъ опредѣленнаго количества руды, цѣной, напримѣръ, въ $1^1/_2$ руб., получается при дальнѣйшей обработкѣ:

	Цѣна.
Желѣзная болванка	10 р.
Лошадиныя подковы	20 »
Столовые ножи	360 »
Стальныя иглы	13.600 »
Пуговицы для рубахъ	58.960 »
Часовыя пружины	400.000 »
Волосныя пружины	800.000 »
Нѣкоторыя части часов. механизма	5.000.000 »

Если такъ, то можно, вѣдь, пожалуй сказать: пусть нѣмцы доставляютъ намъ желѣзныя болванки; переработывая ихъ хотя бы въ подковы только (не говоримъ уже о часовыхъ механизмахъ), мы заработаемъ не меньше ихъ. И задачи, напримѣръ, русской экономической политики заключаются, быть можетъ, вовсе не въ томъ, чтобы бороться съ германскими синдикатами, задешево отдающими намъ свои продукты, а въ томъ, чтобы дать наиболѣе цѣлесообразное при данныхъ условіяхъ направленіе народному труду. Форсированіемъ экспорта синдикаты наносятъ, казалось бы, наибольшій ущербъ своей отечественной промышленности и поэтому задача борьбы съ дешевыми заграничными продажами является, быть можетъ, задачей внутренней, а не международной политики. Но и на этихъ вопросахъ не останавливается авторъ.— Не достаточно широкій захватъ рецензируемаго труда и недостаточно послѣдовательный анализъ собранныхъ въ немъ фактовъ легко объясняются, какъ уже сказано, условіями, вызвавшими его появленіе. Слишкомъ ужъ близко свое «научное изслѣдованіе»,

г. Гольдштейнъ поставилъ къ опредѣленнымъ практическимъ задачамъ, и въ результатѣ—основы современной экономической политики остались внѣ круга его зрѣнія и критики. Напримѣръ, протекціонизмъ, несомнѣнно, являющійся однимъ изъ главныхъ источниковъ наблюдающихся въ экономической жизни аномалій, разсматривается имъ, какъ нѣчто напередъ данное, къ чему изслѣдованіе должно приспособляться и въ критику чего безцѣльно вдаваться. Изыскать средства, которыми можно было бы парализовать обходъ германскими синдикатами русскихъ покровительственныхъ пошлинъ—вотъ, вѣдь, что являлось задачей автора, получившаго порученіе отъ русскаго министра финансовъ.—Что касается самыхъ синдикатовъ и трестовъ, то въ предисловіи ко 2-му изданію г. Гольдштейнъ протестуетъ противъ полемическихъ пріемовъ, систематически примѣняемыхъ прессой нашихъ промышленниковъ, которая изображаетъ его «врагомъ синдикатскаго движенія вообще». Между тѣмъ уже въ первомъ изданіи онъ совершенно опредѣленно указывалъ, что синдикаты и тресты, по его мнѣнію, являются «крупнымъ и при томъ неизбѣжнымъ шагомъ впередъ на пути экономическаго и соціальнаго прогресса». Въ своемъ трудѣ онъ долженъ былъ, однако, констатировать «рѣзкое несоотвѣтствіе между идеальными цѣлями картелей и дѣйствительными проявленіями ихъ дѣятельности». При этомъ многочисленныя злоупотребленія картелей онъ рѣшительно отказывается разсматривать, какъ «дѣтскія» болѣзни, которыя должны сами собой исчезнуть при дальнѣйшемъ развитіи картельныхъ организацій. Какъ справедливо указываетъ г. Гольдштейнъ, «грандіозная» эксплуатація публики американскими трестами (являющимся наиболѣе развитыми изъ всѣхъ картельныхъ организацій) была пока, несомнѣнно, куда опаснѣе злоупотребленій большинства европейскихъ картелей». Авторъ приводитъ рядъ многочисленныхъ и крайне характерныхъ фактовъ, заставляющихъ усомниться въ наличности какихъ либо «идеальныхъ цѣлей» у трестовъ и рисующихъ ихъ прямо разбойничьими бандами, дѣятели которыхъ не останавливаются ни передъ подкупомъ, ни передъ клятвопреступленіемъ, ни передъ мошенничествомъ, ни передъ убійствомъ. Но и европейскія картели менѣе опасны потому лишь, что не успѣли пока сложиться, какъ слѣдуетъ, вырости и окрѣпнуть. Свойственныя же имъ тенденціи не менѣе далеки отъ какихъ бы то ни было идеальныхъ цѣлей. Особенно богатый подборъ фактовъ книга г. Гольдштейна даетъ относительно той стороны дѣятельности картелей, которая послужила главнымъ предметомъ его изслѣдованія. Къ сожалѣнію, эти данныя, заимствованныя изъ крайне разнообразныхъ источниковъ (начиная отъ случайныхъ замѣтокъ въ газетахъ и кончая офиціальными отчетами) даны имъ въ недостаточно обработанномъ видѣ. Нерѣдко проглядываетъ несогласованность, встрѣчаются даже противорѣчія, мелочи перемѣшаны съ болѣе важными вещами. Главное же, нѣтъ

выдержанной и ясной читателю системы; факты группируются по странамъ и производствамъ и одновременно какъ будто по тезисамъ, которые аргументируетъ авторъ. Въ результатѣ многочисленныя повторенія и недостаточная отчетливость въ изложеніи, мѣстами расплывчатомъ, мѣстами калейдоскопичномъ. Вниманіе читателей утомляется и разсѣивается. Этотъ дефектъ книги усугубляется еще вставками, нерѣдко совершенно механическими, сдѣланными авторомъ во второмъ изданіи съ цѣлью пополнить и подновить содержащіяся въ книгѣ данныя. Приходится поэтому вдвойнѣ пожалѣть, что г. Гольдштейнъ, имѣющій теперь кафедру въ московскомъ университетѣ и не стѣсненный рамками «особаго порученія», не переработалъ радикально свою книгу для второго изданія, не охватилъ свою тему болѣе всесторонне и не провелъ дальше своего анализа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не обновилъ всего изложенія. Онъ ссылается на «актуальность» темы, которой посвящена его книга, и въ частности, на то, что вопросъ о русско-германскомъ торговомъ договорѣ опять становится на очередь. Эта актуальность и заставила его поспѣшить со 2-мъ изданіемъ и даже выпустить отдѣльно первую часть. Едва ли, однако, это соображеніе можно признать рѣшающимъ. У науки имѣется, вѣдь, своя актуальность, не зависящая отъ тѣхъ вопросовъ, какіе возникаютъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ и министерствахъ. И общественная задача ея заключается не въ томъ, чтобы оказывать услуги, какія могутъ и хотятъ принять отъ нея современные правители, а въ томъ чтобы давать руководящія указанія общественной мысли,—указанія, достаточно далеко идущія вглубь и вширь.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Кн-во Б. М. Вольфа. Спб. 1912.—Наша библіотека подъ ред. Е. М. Чарнолуской. ***Гюи де-Мопассанъ.*** Избранные разсказы для юношества. Ц. 1 р.—***Бр. Гриммъ.*** Сказки. Бѣлоснѣжка и розочки. Для младшаго возраста. Ц. 3 к.—Мишенька Топтыгинъ. Сборникъ. Сост. Е. М. Чарнолуской. Ц. 15 к.

Изд. «Шиповникъ». Спб. 1912.—***А. Луначарскій.*** Религія и соціализмъ. Т. II. Ц. 3 р.—***Саша Черный.*** Сатиры и лирика. Кн. 2-я. Ц. 1 р. 25 к.—***Ал. Ремизовъ.*** Сочиненія. Т. V. Ц. 1 р. 25 к.—***Джеромъ К. Джеромъ.*** Избранные разсказы. Кн. 2-я. Ц. 1 р. 25 к.—***Гюи Мопассанъ.*** Полное собраніе сочиненій. Т. XXIV. Туанъ и др. разсказы. Ц. 1 р.—***Габріеле д'Аннунціо.*** Собраніе сочиненій. Т. XI. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Т-ва «Общественная Польза». Спб. 1912.—***В. Ладыженскій.*** Разсказы. Т. I. Изд. 2-е дополн. Ц. 1 р.—Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX в. Подъ ред. ***Л. Мартова, П. Маслова*** и ***А. Потресова.*** Кн. VII. Т. IV. Ч. 2-я Ц. 3 р.—***К. П. Ягодовскій.*** Лѣтнія работы по естествознанію. Ц. 1 р. 40 к.—

О. Руновъ. Летящія тѣни. Разсказы. Ц. 1 р.—Народный календарь на 1912 г. Ц. 20 к.—Отрывной календарь.

Кн-во К. П. Тихомирова. М. 1912.—***Жанъ Жакъ Руссо.*** Эмиль или о воспитаніи. Пер. П. Д. Первова. Ц. 3 р. 50 к.—***Тенеромо.*** Живыя слова Л. Н. Толстого за послѣднія 25 лѣтъ его жизни. Ц. 1 р. 50 к.—***К. Н. Вентцель.*** Этика и педагогика творческой личности. 2 тома. Ц. 3 р. 50 к.

Литературно-научное кн-во. Спб. 1911. Записки имп. Екатерины II. Пер. съ фр. Ц. 1 р. 25 к.—Записки кн. Екатерины Дашковой. Пер. съ англ. Ц. 1 р. 25 к.

Кн.-во „Польза"- В. Антикъ и К°. М. 1912.—***В. Г. Бѣлинскій.*** Статьи о Пушкинѣ. Ц. 30 к.—***И. С. Никитинъ.*** Дневникъ семинариста. Ц. 10 к.—***Его же.*** Кулакъ. Ц. 10 к.—***Л. Н. Толстой*** для дѣтей. 2 кн. по 10 к.—***С. Т. Аксаковъ.*** Воспоминанія. Ц. 20 к.—***Өедоръ Сологубъ.*** Отрокъ Линъ. Ц. 10 к.—***Г. Гессе.*** Петеръ Каменциндъ. Ц. 20 к.—***Г. афъ-Гейерстамъ.*** Голова Медузы. Ц. 30 к.—***Оскаръ Уайльдъ.*** Герцогиня Падуанская. Ц. 10 к.

Изд. Д. П. Ефимова. М. 1912.—***А. Заринъ.*** Веселое Рождество. Ц. 30 к.—***Его же.*** Пимпа. Ц. 30 к.—***Его же.*** Секретъ Забуцкаго. Ц. 30 к.—***Кл. Лукашевичъ.*** Русскія народныя сказки. 3 вв. Ц. 50 к.—***Ея же.*** Два разсказа. Ц. 40 к.—***Ея же.*** Наши любимцы. Ц. 20 к.—***Ея же.*** Два горбуна. Ц. 20 к.—***Георгій Радичъ.*** Богданъ Хмельницкій. Ц. 50 к.—***Его же.*** По Абиссиніи. Ц. 50 к.—***Его же.*** Африка. Ц. 40 к.—***М. В. Архангельская.*** На тюленьемъ промыслѣ. Ц. 30 к.—***Н. Кардо-Сысоева.*** Въ новой семьѣ. Ц. 40 к.—***I. А. Любичъ-Кошуровъ.*** Начипоръ Бородай. Ц. 30 к.

Изд. „Освобожденіе". Спб. 1911.—***С. Подъячевъ.*** Разсказы. Кн. 1-я. Ц. 1 р. 25 к.—***Густавъ Френсенъ.*** Полн. собр. сочиненій. Т. I. Обѣтованная земля. Пер. Л. Волина. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. „Матезисъ". Одесса. 1911.—***П. Ловеллъ*** проф. Марсъ и жизнь на немъ. Пер. подъ ред. пр.-доц. А. Р. Орбинскаго. Ц. 2 р. ***А. А. Майкельсонъ.*** Свѣтовыя волны и ихъ примѣненія. Пер. подъ ред. О. Д. Хвольсона. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. I. Кнебель. М. 1911.—***М. Конопницкая.*** Ласточка и др. разсказы. Пер. В. Высоцкаго. Съ рис.—***Евг. Опочининъ.*** Изъ тьмы вѣковъ. Историческіе разсказы.—***Его же.*** Разсказы. Одна въ старомъ домѣ.—***А. Львовъ.*** Въ странѣ Амонъ-Ра.—***Г. Швабъ.*** Миөы классической древности.

Изд. А. С. Панафидиной. Спб. 1912.—***Н. А. Добролюбовъ.*** Первое полное собраніе сочиненія въ 4-хъ томахъ. Съ приложеніемъ 3-хъ портретовъ автора, его факсимиле и именнаго алфавитнаго указателя ко всѣмъ четыремъ томамъ. Ц. 5 р.

Кн.-во „Скорпіонъ". М. 1911. ***К. Д. Бальмонтъ.*** Полное собраніе стиховъ. Т. 8-й. Зеленый Вертоградъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.—***Эдгаръ По.*** Собраніе сочиненій въ пер. К. Д. Бальмонта. Т. I. Поэмы. Сказка. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 20 к.

Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1911.—Сборникъ Т-ва Знаніе за 1911 г. Кн. XXXVII. Ц. 1 р.—***Альбертъ Видаль.*** Наполеонъ и Александръ I. Т. II. Пер. В. Шиловой. Ц. 3 р.

Изд. «Разумъ». Спб. 1911.—***М. А. Каровъ.*** Подъ игомъ. Ц. 15 к.—***М. П. Бойковъ.*** Солдатская доля. Ц. 15 к.—***М. Львовичъ.*** «Ритуальныя убійства». Ц. 25 к.

Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1912.—***Н. В. Гоголь.*** Вечера на хуторѣ близь Диканьки. Миргородъ. Съ портретомъ Гоголя по оригиналу А. А. Иванова Иллюстрировали художники С. М. Дудинъ и Н. И. Ткаченко. Ц. 10 р.—***Одиссея Гомера*** въ переводѣ В. А. Жуковскаго. Съ рис. въ текстѣ и 16 отдѣл. гравюрами Ф. Преллера. Съ пред. проф. Ө. Зѣлинскаго. Ц. 8 р.—***И. А. Крыловъ.*** Басни. Съ 105 рис. въ текстѣ и съ 48 отдѣл. картинами въ краскахъ по оригиналамъ художн. А. К. Жаба. Ц. 10 р.—***Р. Карутцъ.*** Среди киргизовъ и туркменовъ на Мангышлакѣ. Пер. Е. Петри. Ц. 2 р. 75 к.

Кн-во „Жизнь-Знаніе". Спб. 1911.—***Гекторъ Мало.*** Приключенія Романа Кальбри. 2 изд.—***А. Хирьяковъ.*** Въ смертельной опасности.

Кн.-во «Современныя Проблемы». М. 1911.—***Як. Вассерманъ.*** Собр. соч. Т. I Золотое зеркало. Ц. 1 р. 50 к.—***Шоломъ Алейхемъ.*** Собр. соч. Т. VI. Ц. 1 р.—***Герм. Бангъ.*** Собр. соч. Т. VII. Ц. 1 р.—***А. Вигуру*** и ***Жунелье.*** Психика заразы. Ц. 1 р.—***Рих. Гертвигъ.*** Учебникъ зоологіи. В. I. Пер. подъ ред. А. Кожевникова. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. «Грядущій день». Ред. А. Л. Волынскій. 1911.—***Рих. Вагнеръ.***

Моя жизнь. Мемуары. Т. II.—***В. Александрова***. Людовикъ II король Баварскій.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911.—***И. И. Замотинъ***, проф. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ русской литературѣ. Т. I. 2-е просм. и дополн. изд. Ц. 2 р.—***С. Ф. Либровичъ***. Царь или не царь? Истор. хроника. Ц. 1 р. ***Н. Д. Носковъ***. Кто такой Ломоносовъ. Ц. 27 к.

Кн.-кое Т-во «Просвѣщеніе». Спб. 1911.—***О. Н. Ольнемъ***. Цѣпи. Передъ разсвѣтомъ. Ц. 1 р. 25 к.—***В. В. Муйжель***. Собр. соч. Т. IV. Ц. 1 р.—***Вл. П. Кранихфельдъ***. Въ мірѣ идей и образовъ. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.—***Е. А. Колтоновская***. Критическіе этюды. Ц. 1 р. 25 к.—***В. С. Соловьевъ***. Собр. соч. Т. II. 2-е изд. Ц. 2 р.—***Вас. Ив. Немировичъ-Данченко***. Мужицкая обитель. Ц. 1 р. 50 к.—***Его же***. Книга великой любви. Ц. 1 р. 50 к.—***Его же***. Боевая Голгофа. Изд. 6-е. Ц. 2 р. 50 к.—***Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ***. Царскій духовникъ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Клюевъ. Сосенъ перезвонъ. Пред, В. Брюсова. М. 1912. Ц. 60 к.

Ив. Генигинъ. Стихотворенія. Рига. 1912.

Николай Волковъ. Озимь. Стихотв. М. 1912. Ц. 60 к.

Георгій Гурвичъ. Искры мгновенныя. Варшава. 1911. Ц. 60 к.

Н. Афиногеновъ. Сѣрый трудъ. Очерки и разсказы. Оренб. 1912. Ц. 25 к.

Ахметъ-Бей Цаликовъ. Чаша жизни. Миніатюры. М. 1912. Ц. 50 к.

М. Суненниковъ. Пьесы. Кн. 1-я. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Р. фонъ-Лоддигеръ. Гофій. Поэма въ 4-хъ д. съ эпилогомъ. 1911. Ц. 50 к.

В. Винниченко. Твори. Книга четверта. Київ. Ц. 1 р.

Е. Кирова. Картины жизни. Изд. 2-е. 1912. Ц. 60 к.

Викторъ Гофманъ. Любовь къ далекой. Разсказы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Крашенинниковъ. Мечты о жизни. Вазсказы. Т. I.

Борисъ Рославлевъ. Грядки жизни. Повѣсть для юношества. Спб. 1912. Ц. 50 к.

Кн. Серг. Волконскій. Человѣкъ на сценѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Б. Глаголинъ. За кулисами моего театра. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

И. А. Іозефсонъ. Женщина и мать. Съ пред. проф. П. Т. Садовскаго. Спб. 1912. Ц. 1 р.

М. В. Ломоносовъ. Избранныя сочиненія, подъ ред. Ѳ. А. Кудринскаго. Вильна. 1911. Ц. 30 к.

А. М. Обуховъ. Принципъ единой школы. М. Ц. 20 к.

И. Л. Щегловъ. Трухмены и Ногайцы Ставр. губ. 4 тома. Ставрополь. 1911. Изд. Д-та Гос. Зем. Имущ. Ц. 10 р. 50 к.

Генри Чарльзъ Ли. Исторія инквизиціи въ среднія вѣка. Пер. съ фр. подъ ред. С. Г. Лозинскаго. Т. I. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1911.

I. П. Мюллеръ. Моя система для дѣтей. Ч. 1-я. Ц. 1 р. М. 1911.

Викторъ Острогорскій. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Изд. 2-е. Спб. 1911. Ц. 40 к.

С. Фрейдъ проф. Психологія сна. Пер. съ нѣм. М. 1912. Ц. 40 к.

Е. И. Игнатьевъ. Наука о небѣ и землѣ. Общедоступное изложеніе. Спб. 1912. Ц. 5 р.

Германнъ Деккеръ д-ръ. Исторія развитія ребенка. Пер. Е. С. Дедюлиной подъ ред. Н. Е. Румянцевой. Спб. 1911. Ц. 60 к.

Н. П. Покотило. Практич. руководство для начинающаго преподавателя исторіи. Изд. Ил. В. Казначеева, Спб. 1912. Ц. 2 р.

Ричардъ Шарпъ. Чудеса птичьяго міра. Пер. съ англ. М. 1912. Ц. 2 р.

П. П. Митрофановъ. Л. Н. Толстой. Спб. 1911.

I. Дежеринъ и ***Е. Гоклеръ***. Функціональныя проявленія психоневрозовъ, ихъ лѣченіе психотерапіею. Пер. Вл. Сербскаго. Ц. 3 р. 75 к.

Б. С. Грейденбергъ. Психологическія основы нервно-психической терапіи. Харьковъ. 1912. Ц. 30 к.

М. М. Волкова, врачъ. Гигіена брака. Спб. 1912. Ц. 50 к.

I. Д. Лукашевичъ. Неорганическая жизнь земли. Ч. 3-я. Строеніе земли въ связи съ ея исторіей. Съ 124 рис. и 48 картами. Спб. 1911. Ц. 4 р.

M. Pavlovitch. La Brigade russe en Perse. Paris. 1912.

Н. П. Дружининъ. Право и личность крестьянина. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

Ил. Бибиковъ. Вскрытіе живого трупа. Этюдъ. Ц. 1 р.

Н. А. Добролюбовъ. Собраніе сочиненій. Подъ ред. Вл. П. Кранихфельда. 4 т. Кн-во Т-во Просвѣщеніе. Ц. 4 р.

Н. А. Добролюбовъ. Полное со-

браніе сочиненій. Подъ ред. Е. В. Аничкова. Т. IV. Ч. 2-я. Статьи 1859—1860 гг. Изд. Русское книжное т-во Дѣятель. Спб.

А. И. Введенскій, проф. Логика, какъ часть теоріи познанія. 2-е перераб. изд. Ц. 3 р.

Сказанія иностранцевъ о русской арміи въ войну 1904—1905 гг. Изд. кн. Абамелекъ-Лазарева. Спб. 1912. Ц. 1 р. 75 к.

С. Р. Минцловъ. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. В. I. Новгородъ. 1911. Ц. 2 р.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Вв. V и XIV. Изд. Т-ва Міръ. М.

Н. Томилинъ. Курсъ физики. Второй концентръ. Т. I. Съ 158 рис. Спб. 1911. Ц. 2 р.

Г. В. ф.-Стрикъ. Русское сельское хозяйство и промышленный протекціонизмъ. Спб. 1911.

Русская Энциклопедія. Подъ ред. пр.-доц. С. А. Адріанова, проф. Э. Д. Гримма, засл. проф. А. В. Клоссовскаго и проф. Г. В. Хлопина. Т. I. Изд. Русскаго книжн. т-ва «Дѣятель». Спб. 1911.

А. И. Ярошевичъ. Очеркъ хуторскихъ хозяйствъ въ Кіевской губ. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. Очеркъ экономической жизни Юго-Западн. края. Вв. 2, 3 и 4. Ц. 90 к.

С. Г. Б. Общедоступныя бесѣды по сельскому хозяйству. Ц. 20 к.—Этнографическіе этюды. Ц. 25 к.—Область мышленія и предѣлы дѣйствительности. Ц. 25 к.—Воспитаніе, какъ главный факторъ прогресса въ усовершенствованной культурной жизни человѣка. Ц. 20 к.

Дешевая избранная библіотека для семьи и школы. Изд. А. Ф. Суховой. Спб. 1911.—***М. Комменсъ***. Фонарщикъ. Ц. 60 к.—***Л. Кормчій***. На каникулахъ. Ц. 10 к.—***Его же***. Разсказы стараго рыбака. Ц. 10 к.—***С. Смайльсъ***. Неутомимый работникъ. Ц. 20 к.—***Ч. Диккенсъ***. Скупой Скруджа. Ц. 20 к.—***Эдм. де-Амичисъ***. За матерью. Ц. 15 к.—***Д. Б. Рагозинъ***. Смотритель маяка. Ц. 20 к.—***Дж. Рескинъ***. Король золотой рѣки. Ц. 10 к.—***Евг. Шведеръ***. Егорычъ. Ц. 10 к.—***Оск. Уайльдъ***. Молодой король. Ц. 10 к.

Нѣмецко-русскій словарь. Сост. А. Миллеръ. Ч. 1. Изд. А. Копельмана. Одесса. 1912. Ц. 80 к.

А. Шиловъ. Правда о тотализаторѣ. М. 1912. Ц. 30 к.

Торговля и промышленность Евр. Россіи по раіонамъ. 12 выпусковъ, общая часть, прилож. и 9 картъ. Изд. М-ства Торг. и Пром. Спб. 1911.

Первый общеземскій съѣздъ по народному образованію. 1911.—Доклады. 2 т. 4 р.—Анкета учащимъ земскихъ школъ. Составлено при Моск. Г. З. Управѣ. Ц. 75 к. Проектъ народной школы съ 6-ти годичнымъ курсомъ. Ц. 10 к.—Сводка свѣдѣній, доставленныхъ губ. земствами, по программѣ разосланной Бюро Съѣзда. Ц. 1 р. 20 к.

Экономическо-статистическій сборникъ В. II и Ш. Изд. Моск. У. З. Управы. 1911. Ц. 2 р.

Календарь Хуторянинъ. 1912. Полтава. Ц. 25 к.

Къ вопросу о ритуальныхъ убійствахъ.

I.

Къ русскому обществу.

(*По поводу кроваваго навѣта на евреевъ*).

Во имя справедливости, во имя разума и человѣколюбія, мы подымаемъ голосъ противъ новой вспышки фанатизма и темной неправды.

Изстари идетъ вѣковѣчная борьба человѣчности, зовущей къ свободѣ, равноправію и братству людей, съ проповѣдью рабства, вражды и раздѣленія. И въ наше время,—какъ это бывало всегда,—тѣ самые люди, которые стоятъ за безправіе собственнаго народа, всего настойчивѣе будятъ въ немъ духъ вѣроисповѣдной вражды и племенной ненависти. Не уважая ни народнаго мнѣнія, ни народныхъ правъ, готовые подавить ихъ самыми суровыми мѣрами,—они льстятъ народнымъ предразсудкамъ, раздуваютъ суевѣріе и упорно зовутъ къ насиліямъ надъ иноплеменными соотечественниками.

По поводу еще не разслѣдованнаго убійства въ Кіевѣ мальчика Ющинскаго въ народъ опять кинута лживая сказка объ употребленіи евреями христіанской крови. Это—давно извѣстный пріемъ стараго изувѣрства. Въ первые вѣка послѣ Рождества Христова языческіе жрецы обвиняли христіанъ въ томъ, будто они причащаются кровью и тѣломъ нарочно убиваемаго языческаго младенца. Такъ объяснили они таинство евхаристіи. Вотъ когда родилась эта темная и злая легенда. Первая кровь, которая пролилась изъ-за нея, по пристрастнымъ приговорамъ римскихъ судей и подъ ударами темной языческой толпы,—была кровь христіанъ. И первые же опровергали ее отцы и учители христіанской церкви. «Стыдитесь,—писалъ св. мученикъ Іустинъ въ обращеніи своемъ къ римскому сенату:—стыдитесь приписывать такія преступленія людямъ, которые къ нимъ не причастны. Перестаньте! Образумьтесь».

Гдѣ же у васъ доказательства?—спрашивалъ съ негодованіемъ другой учитель церкви Тертулліанъ.—«...Одна молва. Но свойства молвы извѣстны всѣмъ... Она почти всегда ложна... Она и жива только ложью... Кто же вѣритъ молвѣ?»

Теперь лживость молвы, обвинявшей первыхъ христіанъ, ясна, какъ день. Но, изобрѣтенная ненавистью, подхваченная темнымъ невѣжествомъ,—нелѣпая выдумка не умерла. Она стала орудіемъ вражды и раздора даже въ средѣ самихъ христіанъ. Доходило до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ католическое большинство кидало такое же обвиненіе въ лютеранъ, большинство лютеранъ клеймило имъ католиковъ.

Но всего болѣе страдало отъ этой выдумки еврейское племя, разсѣянное среди другихъ народовъ. Вызванные ею погромы проложили кровавый слѣдъ въ темной исторіи среднихъ вѣковъ. Во всѣ времена случались порой убійства, передъ цѣлями которыхъ власти останавливались въ недоумѣніи. Въ мѣстахъ съ еврейскимъ населеніемъ всѣ такія преступленія тотчасъ же объяснялись обрядовымъ употребленіемъ крови. Пробуждалось темное суевѣріе, вліяло на показанія свидѣтелей, лишало судей спокойствія и безпристрастія, вызывало судебныя ошибки и погромы...

Часто истина все-таки раскрывалась, хотя и слишкомъ поздно. Тогда наиболѣе разумныхъ и справедливыхъ людей охватывали негодованіе и стыдъ. Многіе папы, духовные и свѣтскіе правители клеймили злое суевѣріе и разъ навсегда запрещали властямъ придавать разслѣдованію убійствъ вѣроисповѣдное значеніе. У насъ такой указъ былъ изданъ 6-го марта 1817 г. императоромъ Александромъ I и подтвержденъ 18 января 1835 года въ царствованіе императора Николая I *). Въ 1870 г. греческій патріархъ Григорій тоже осудилъ легенду объ употребленіи евреями христіанской крови, назвавъ ее «внушающимъ отвращеніе предразсудкомъ нетвердыхъ въ вѣрѣ людей».

Но указы тлѣютъ въ архивахъ, а суевѣрія живучи. И вотъ, снова, даже съ трибуны Государственной Думы распускаютъ старую ложь, угрожающую насиліемъ и погромами.

Въ этой лжи звучитъ та самая злоба, которая нѣкогда кидала темную языческую толпу на первыхъ послѣдователей христіанскаго ученія. Еще недавно въ Китаѣ та же сказка объ употребленіи дѣтской крови, пущенная китайскими жрецами противъ миссіонеровъ, стоила жизни сотнямъ мѣстныхъ христіанъ и европейцевъ. Всегда за нею слѣдовали темныя и преступныя страсти, всегда она стремилась ослѣпить и затуманить толпу и извратить правосудіе...

И всегда съ нею боролось чувство любви и правды. Не къ одному римскому сенату были обращены слова христіанскаго писателя, мученика Іустина, который въ свое время боролся съ тѣмъ же суевѣріемъ:

«Стыдитесь, стыдитесь приписывать такое преступленіе людямъ, которые къ тому непричастны. Перестаньте, образумьтесь!»

Мы присоединяемъ свои голоса къ голосу христіанскаго писателя, звучащему изъ глубины вѣковъ призывомъ къ любви и разуму.

Бойтесь сѣющихъ ложь. Не вѣрьте мрачной неправдѣ, которая много разъ уже обагрялась кровью, убивала однихъ, другихъ покрывала грѣхомъ и позоромъ!..

---

*) Это послѣднее свѣдѣніе нуждается въ оговоркѣ; Госуд. Совѣтъ единогласно въ общемъ собраніи мнѣніемъ положилъ: подтвердить къ исполненію высочайшее повелѣніе отъ 6 марта 1817 года. Но императоръ Николай I того пункта не утвердилъ.

К. К. Арсеньевъ, В. Г. Короленко, М. Горькій, Леонидъ Андреевъ, чл. Гос. Сов. М. М. Ковалевскій, чл. Гос. Совѣта А. Васильевъ, членъ Гос. Совѣта Н. Загоскинъ, членъ Гос. Совѣта И. Озеровъ, членъ Гос. Д. Гриммъ, членъ Г. Совѣта М. Стаховичъ, гр. И. И. Толстой, Григ. Градовскій, Д. Мережковскій, З. Гиппіусъ, Вяч. Ивановъ, Е. Чириковъ, Д. Философовъ, А. Федоровъ, Ѳедоръ Сологубъ, А. Потресовъ, гр. Алексѣй Толстой, Вален. Сперанскій, С. Сергѣевъ-Ценскій, Александръ Блокъ, Александръ Бенуа, К. Арабажинъ, акад. В. Вернадскій, акад. А. Фаминцынъ, Ив. Петрункевичъ, Н. Анненскій, П. В. Мокіевскій, Н. А. Русановъ, В. Семевскій, А. М. Рѣдько. Ѳ. Д. Крюковъ *), А. Петрищевъ, А. В. Пѣшехоновъ, С. Я. Елпатьевскій А. И. Иванчинъ-Писаревъ, В. А. Плансонъ, Н. Н. Шнитниковъ, В. И. Добровольскій, проф. А. А. Пиленко, Ѳ. Батюшковъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, А. П. Философова, А. М. Калмыкова, А. С. Милюкова, С. Пантелѣева, К. Баранцевичъ, М. Славинскій, И. Жилкинъ, В. Муйжель, М. Арцыбашевъ, В. Ладыженскій, Никол. Олигеръ, Д. Линевъ, Скиталецъ (Петровъ). проф. И. Д. Андреевъ, проф. А. Жижиленко, проф. М. Туганъ-Барановскій, проф. Эрвинъ Гриммъ, проф. Л. Петражицкій, проф. П. Чубинскій, проф. І. А. Покровскій, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртэнэ, проф. С. Салазкинъ, проф. В. В. Святловскій, Д. В. Стасовъ, Ф. И. Родичевъ. проф. М. Ростовцевъ, В. Д. Набоковъ, акад. Д. Овсянико-Куликовскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Петръ Струве, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. Ф. Зѣлинскій, проф. Ив. Гревсъ, В. Водовозовъ, П. Милюковъ, Н. В. Некрасовъ, В. Яковенко, П. Стебницкій, Г. Фальборкъ, Н. И. Фалѣевъ, П. Д. Боборыкинъ, В. Воронцовъ, Н. О. Лосскій, К. В. Аркадакскій, В. Тихоновъ, Н. В. Огневъ, О. К. Нечаева, С. Э. Евдокимова, Е. И. Шевырева, М. Н. Стоюнина, Л. В. Лосская, члены Гос. Думы: Н. Панкѣевъ, С. Дунаевъ, М. Воронковъ, С. Петровскій, Н. Захарьевъ, Н. Скалозубовъ, А. Булатъ, С. Максудовъ, Г. Гутопъ, В. Виноградовъ, Н. Щепкинъ, А. Шингаревъ, гр. А. Уваровъ, Х. Хасъ-Мамедовъ, В. Дзюбинскій, А. Бабянскій, Н. Аджемовъ, С. Востротинъ, И. Гайдаровъ, В. Фальцъ-Фейнъ, Н. Ляхницкій, Н. Волковъ, II. Н. Маньковъ, А. Никольскій, М. Васильевъ, М. Мурзаевъ, Е. Гегечкори, А. Скороходовъ, Ю. Блюменталь, Н. Меѳодіевъ, А. Террасъ, М. Шульценбергъ, Н. Румянцевъ, В. Степановъ, И. Покровскій, І. И. Покровскій, Н. Н. Кутлеръ, Н. Львовъ, П. Кропотовъ, А. Войлошниковъ, А. Шило, А. Мягкій, Н. Мерзляковъ, И. Томиловъ, А. Поповъ Ш, В. Бичъ, К. Черносвитовъ, В. Харламовъ, А. Березовскій, А. Новиковъ, И. Лукашинъ. И. Лучицкій, М. Челноковъ, П. Устиновъ, Т. Бѣлоусовъ, В. Башкировъ, И. Ефремовъ, В. Комсинъ, С. Эльтековъ, К. Петровъ, Ѳ. Н. Чиликинъ, К. Харитоновъ, П. Герасимовъ, К. Бардижъ, К. Тевкелевъ и А. Добровольскій, **); проф. С. Буличъ, проф. А. А. Кадъянъ, акад. Сергѣй Ольденбургъ, Е. Я. Корсакова, врачъ О. Каминская, А. Дементьева, Е. М. Лазаревская, Е. А. Родичева, Е. Н. Чирикова, Н. Пивоварова, Ек. Лѣткова, В. Гриммъ, М. Чебышева, В. Тарновская, П. С. Стасова, А. Ю. Кадъянъ, М. Небольсина, Л. Грамматчикова, Л. Яковлева, С. Гусевъ-Оренбургскій, проф. Н. А. Гредескулъ, А. С. Пругавинъ, В. Тотоміанцъ, В. Чарнолусскій, членъ-сотрудникъ спб. археологическаго института М. Я. Корольковъ, Н. В. Дмитріевъ, преподаватель исторіи религіи и церкви на высшихъ женскихъ курсахъ А. Карташевъ, Ростиславовъ, Г. Галина, М. А. Лихарева, А. Замятинъ, Т. Каменецкая, В. Евдокимовъ, Е. Петрова, А. Васильева, Горяиновъ, М. Каменецкая, К. Марковъ, С. А. Савинкова, М. Маркова, З. Фоссъ, А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова, Е. Н. Водовозова, А. Оссендовскій, С. Сермягинъ, Т. Ганжулевичъ, Н. С. Враская, Сергѣй Яблоновскій (Москва), Марковинъ и Бѣлгородскій (Москва) ***); В. И. Немировичъ-Данченко, Георгій Чулковъ, прис.

---

*) Случайно пропущенъ въ первомъ спискѣ.

**) «Рѣчь», № 330.

***) «Рѣчь», № 332.

повѣр. Б. Г. Ольшамовскій, проф. С. Метальниковъ, членъ Гос. Думы Ф. А. Ереминъ, А. Серафимовичъ, Дмитрій Крачковскій, Мих. Могилянскій, членъ-сотрудникъ археоогическаго института А. А. Буничъ, прив.-доц. В. Строевъ, С. Е. Рынкевичъ, И. А. Аполлонинъ, Модестъ Нагловскій, Александръ Нагловскій, Н. А. Корсаковъ, С. Ц. Дегтерева, Елена Нагловская, Елена Меженинова, М. Вязьмитиновъ, О. Вязьмитнова, В. Брусянинъ [1]), А. И. Купринъ, проф. Ев. Щульцъ, А. Емельянова, А. Умнова, Е. Опель, В. Деменко-Курбатова, Л. Колотова, В. Егорова, К. Дебу, Н. Сакара, Я. Комаровская, А. Сердобинская, В. Половцева, Л. Терентьева, Мартьянова, А. Диксонъ, В. Емельянова, Е. Д. Келина, О. П. Бражникова, Е. А. Мохначева, Е. П. Добровольская, К. Ф. Федорова, Т. Голубева, Ант. Невенгловская, Е. Филиппченко, Ю. Гудякова, Е. Соловьева, Е. Гельштеръ, В. Н. Родендорфъ, В. А. Мусканевъ, В. Засуличъ, З. Самойловъ, проф. И. Лапшинъ, И. М. Булацель, О. Бѣляевская, Редакторъ газеты „Сѣверо-Западный. Телеграфъ“ В. А. Адамовичъ, д-ръ мед. Н. А. Ивановъ (Стрѣльна), Н. Мальстедтъ (Выборгъ), В. А. Лугаковскій (Варшава), членъ Госуд. Думы Е. И. Кединъ [2]), Е. Соломинъ, М. Соломина-Крогіусъ, В. Н. Иванченко, Н. Н. Иванченко-Греде-скулъ, А. Н. Будищевъ, А. С. Давыдовъ, члены Гос. Думы Сергѣй Липяговъ и Ивановъ II, А. К. Сержпутовскій [3]), В. А. Поссе, отставной генералъ-отъ-инфантеріи И. Потоцкій, редакторъ журнала «Сѣверъ» Н. Мертцъ, редакторъ газеты «Старорусская жизнь» В. П. Коніовскій, землемѣръ Балвчунасъ (Оренбургъ), Ев. Олохова, Ел. Олохова, сотрудники «Старорусской Жизни», группа слушателей спб. политехническихъ курсовъ т-ва профессоровъ и преподавателей въ 15 человѣкъ, Татьяна Шидловскаа, Анна Шидловская, В. Лущикъ, Вл. Тетяевъ, Георгій Шидловскій, М. Красноглядовъ, Н. Бакановскій, Н. А. Морозовъ, М. Новорусскій, Николай Левитскій (Одесса) [4]), Ник. Рубакинъ, (Швейцарія) Н. Г. Вучетичъ, Я. Купала, Л. В. Адамовичъ, Л. Строковская, С. Скуридина, Ю. Насальчукъ, Л. Насальчукъ, Я. А. Чухинъ (Омскъ), группа студентовъ Спб. университета въ 184 чел., Анна Герингъ, М. И. Семеновъ, д-ръ мед. А. И. Воскресенскій.

Кромѣ того, изъ Новой деревни поступило слѣдующее заявленіе отъ «простыхъ русскихъ людей» [5]).

«Какъ вѣрующіе въ Бога, церковь Христову, и любящіе святую Русь, мы возмущены до глубины души той враждой и темною ненавистью, которую ведутъ безсовѣстные люди по отношенію къ еврейскому народу. Дай Богъ, чтобы дикіе крики людей, которые нагло попираютъ все святое, заглохли бы и исчезли съ лица земли—съ лица родной многострадальной родины». Подъ письмомъ подписались: Иванъ Нечаевъ, Александра Иванова, Екатерина Нечаева.

Въ Одессѣ, въ «Одесск. Листкѣ» напечатано слѣдующее письмо (отъ 3 декабря) [6]).

«По почину В. Г. Короленко, выдающіеся писатели, ученые и общественные дѣятели Россіи обратились «во имя справедливости

---

1) «Рѣчь», № 335.
2) «Рѣчь», № 338.
3) «Рѣчь», № 339.
4) «Рѣчь» № 341.
5) «Рѣчь» № 342.
6) «Рѣчь», № 335.

во имя разума и человѣколюбія» къ русскому обществу съ призывомъ по поводу кроваваго навѣта на евреевъ. Многотысячное еврейское населеніе г. Одессы въ правѣ ждать отъ своихъ русскихъ христіанскихъ согражданъ присоединенія къ этому почину, исходящему отъ благородныхъ сердецъ и умовъ Россіи. Въ отвѣтъ на лживую сказку про обрядовое употребленіе евреями христіанской крови, мы во имя истины и справедливости, въ силу чисто-христіанской культуры, воспринятой европейскими народами, ради общественнаго мира и дружбы среди согражданъ и человѣчества, считаемъ нашимъ нравственнымъ долгомъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ русской литературы, науки и общественности присоединить свои голоса къ призыву, обнародованному за первыми подписями К. К. Арсеньева, В. Г. Короленко, М. Горькаго, Л. Андреева, М. М. Ковалевскаго и проч. и проч. Мы предлагаемъ нашимъ русскимъ, христіанскимъ согражданамъ г. Одессы, слѣдуя голосу совѣсти, печатнымъ присоединеніемъ своихъ именъ поддержать этотъ призывъ къ любви и разуму: «Бойтесь сѣющихъ ложь! Не вѣрьте мрачной неправдѣ! Стыдитесь приписывать такое преступленіе людямъ, которые къ тому непричастны. Перестаньте, образумьтесь!

Профессора: Н. К. Лысенковъ. Кириллъ Сапѣжко, Б. Ф. Вериго, В. В. Завьяловъ, Евгеній Щепкинъ.

Одесса, 3-го декабря 1911 г.».

Къ глубоко-симпатичному призыву профессоровъ одесскаго университета присоединяются сотрудники «Одесскаго Листка»:

С. М. Навроцкая, И. Александровскій, В. Бучинскій, Н. Кругъ-Лучинскій, Вл. Ткачевъ, Вл. Клопотовскій (Лери), Н. Пересвѣтовъ, В. Овчаренко С. Проскурнинъ, П. Дадвадзе.

Непосредственно въ „Русское Богатсво" прислали свои подписи: А. Н. Анненская, Тат. А. Богдановичъ, Е. С. Короленко, Л. С. Кулакова, Н. Е Кулаковъ; члены редакціи „Современнаго Міра": К. Л. Вейдемюллеръ, М. К Іорданская. Н. І. Іорданскій, В. П. Кранихфельдъ, сотрудники того же журнала: Вл. Бончъ-Бруевичъ, Вѣра Величкина, В. Керженцевъ, Вс. Кожевниковъ, В. Львовъ-Рогачевскій, Евг. Ляцкій, Н. Матвѣевъ, С. Сватиковъ, П. Орловскій, К. Тахтаревъ.

II.

По поводу воззванія къ русскому обществу.

1.

Въ исторіи ритуальной легенды на протяженіи вѣковъ характеристична одна особенность: она возникаетъ стихійно, спорадически, точно своего рода суевѣрная эпидемія. Всего быстрѣе и легче отъ нея воспламеняется темная масса, реагирующая погромами. Порой, при помощи пытокъ и другихъ пріемовъ инквизиціоннаго процесса, добываются подтверждающіе ее судебные приговоры. Но каждый разъ, какъ къ ней подходятъ съ компетент-

нымъ изслѣдованіемъ, въ условіяхъ, обезпечивающихъ безпристрастіе, она разлетается, какъ туманные призраки вальпургіевой ночи при свѣтѣ зари. Истина раскрывается,—порой слишкомъ поздно для жертвъ массоваго легковѣрія... «Тогда наиболѣе разумныхъ и справедливыхъ людей христіанскаго міра охватываетъ негодованіе и стыдъ».

Историческими памятниками такого настроенія осталась цѣлая литература папскихъ буллъ и грамотъ свѣтскихъ властителей, «которые клеймили злое суевѣріе и разъ навсегда запрещали придавать разслѣдованію убійствъ вѣроисповѣдное значеніе».

Это—фактъ несомнѣнный, исторически установленный и очень знаменательный. Исторія сохранила десятки такихъ буллъ, эдиктовъ и указовъ, и почти каждый разъ они вызывались точнымъ разслѣдованіемъ кровавыхъ случаевъ, гдѣ евреи гибли невинными жертвами темнаго предразсудка. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ очень выразительны.

Такъ, папа Иннокентій IV въ буллѣ къ епископу Віенны (Vienne) отъ 18 августа 1247 года излагаетъ подробно жалобы евреевъ на то, что «нѣкоторые духовные и свѣтскіе князья, чтобы не по праву присвоить себѣ ихъ имущество, выдумываютъ противъ нихъ безбожныя обвиненія... Хотя св. Писаніе запрещаетъ имъ въ Пасху дотрогиваться до умершаго, ихъ ложно обвиняютъ, будто именно въ Пасху они дѣлятъ между собой сердце убитаго мальчика... И злонамѣренно имъ приписываютъ убійство, если гдѣ нибудь находятъ трупъ». — «Мы не желаемъ, — гласитъ папскій приговоръ,—чтобы упомянутыхъ евреевъ несправедливо мучили — (injuste vexari) и потому повелѣваемъ вамъ, чтобы вы... не терпѣли, чтобы евреевъ и дальше оскорбляли безъ причинъ по этому или другимъ поводамъ». Папа Григорій X (1271—1276), Николай V (1447 — 1455), Павелъ III, Климентъ XIII (1758 — 1769), Климентъ XIV (1769 — 1774) повторяли буллу «Sicut Judaei», прибавляя еще болѣе категорическія запрещенія. «Чтобы легче возбудить ненависть христіанъ къ евреямъ,—писалъ папа Николай V,—нѣкоторые позволяютъ себѣ ложно утверждать и убѣждать христіанъ, будто евреи не могутъ справлять... нѣкоторыхъ праздниковъ безъ печени и сердца христіанъ... Этимъ неизмѣннымъ нашимъ опредѣленіемъ мы запрещаемъ навсегда и самымъ строгимъ образомъ... всѣмъ вѣрующимъ во Христа, самимъ или черезъ другихъ, открыто или тайно, посредственно или непосредственно, предпринимать что-либо подобное противъ евреевъ вообще или противъ отдѣльнаго еврея».

Во второй половинѣ XVIII вѣка, по просьбѣ польскихъ евреевъ, вопросъ былъ подвергнутъ тщательному и продолжительному разслѣдованію при папскомъ престолѣ, и въ 1760 году кардиналъ Корсини писалъ отъ имени папы Климента XIII папскому нунцію въ Варшавѣ: «Имъ (евреямъ) дѣлаютъ величайшую неспра-

ведливость, если чернь обвиняетъ ихъ въ убійствахъ, основываясь на ложномъ мнѣніи, будто они для своихъ пасхальныхъ опрѣсноковъ имѣютъ надобность въ христіанской крови (Хвольсонъ). При тщательномъ изслѣдованіи этого предмета, папа признаетъ, что обвиненіе «не имѣетъ никакихъ доказательствъ, достаточно ясныхъ и вѣрныхъ».

Кардиналъ Лоренцо Ганганелли, впослѣдствіи папа Климентъ XIV, будучи еще членомъ св. коллегіи въ Римѣ, занимался этимъ вопросомъ и впослѣдствіи (уже въ качествѣ папы) подчеркнулъ особенно, «*что ни одинъ папа не признавалъ справедливымъ обвиненіе въ употребленіи крови*»...

Можно также привести не менѣе краснорѣчивыя заявленія свѣтскихъ правителей. Въ этомъ смыслѣ особенно выразительные результаты дало разслѣдованіе, предпринятое императоромъ Фридрихомъ II (Гогенштауфеномъ) въ 1235 году. Оно было вызвано кровавыми происшествіями въ городѣ Фульдѣ. Здѣсь, во время прохода черезъ городъ отряда крестоносцевъ, найдены убитыми 5 христіанскихъ мальчиковъ. Тотчасъ-же поднялось традиціонное обвиненіе, и еврейская часть населенія подверглась настоящему разгрому, начавшемуся, по обычаямъ того времени, пыткой, вынудившей у подозрѣваемыхъ сознаніе.

Событіе произвело огромное впечатлѣніе, и Фридрихъ, занятый въ то время другими болѣе важными дѣлами, счелъ, однако, необходимымъ выяснить вопросъ основательно и всесторонне.

«Пусть знаютъ, — гласила затѣмъ императорская грамота, — пусть знаютъ всѣ живущіе теперь и будущія поколѣнія. По поводу убійства нѣсколькихъ мальчиковъ въ Фульдѣ противъ живущихъ тамъ евреевъ было высказано тяжкое обвиненіе, и вслѣдствіе того-же печальнаго случая противъ остальныхъ евреевъ повсюду въ Германіи общественное мнѣніе было возбуждено, хотя явныхъ признаковъ того, въ чемъ ихъ обвиняли, и не было обнаружено. Поэтому мы, чтобы выяснить правду о вышеупомянутомъ обвиненіи, рѣшили созвать къ себѣ отовсюду и разспросить многихъ князей, знатныхъ и благородныхъ людей государства, а также аббатовъ и духовныхъ лицъ». Въ это собраніе были приглашены также тѣ, «которые раньше были евреями и затѣмъ обратились въ христіанскую вѣру; они, какъ противники ихъ, ничего не утаятъ изъ того, что знаютъ противъ нихъ... И хотя мы, по совѣсти, на основаніи многихъ писаній, съ которыми ознакомилось наше величество, считали достаточно доказанной невинность вышеупомянутыхъ евреевъ, но все-таки для успокоенія какъ необразованнаго народа, такъ и чувства справедливости, мы, съ единогласнаго одобренія князей, знатныхъ и благородныхъ людей, аббатовъ и духовныхъ лицъ, отправили чрезвычайныхъ посланниковъ ко всѣмъ властителямъ Запада, которые затѣмъ прислали намъ изъ различныхъ государствъ много крещеныхъ евреевъ, свѣдущихъ

въ еврейскомъ законѣ»... Послѣ тщательнаго обсужденія всѣхъ отзывовъ эта авторитетная коммиссія высказала мнѣніе, которое императоръ и излагаетъ въ заключеніи: «Поэтому мы, съ одобренія князей, объявили евреевъ вышеупомянутаго мѣстечка вполнѣ оправданными отъ присываемаго имъ преступленія, а остальныхъ евреевъ Германіи отъ такого тяжелаго обвиненія».

Для жителей мѣстечка Фульда королевская грамота явилась слишкомъ поздно. Легенда обрушилась на нихъ всею своею тяжестью: во время разгрома было убито крестоносцами болѣе 40 человѣкъ. Императорскій указъ только возстановилъ правду и стремился оградить другихъ евреевъ Германіи отъ общаго возбужденія.

Воспоминанія о трагедіи въ Фульдѣ, повидимому, долго сохраняли свою волнующую свѣжесть и вслѣдъ за Фридрихомъ Гогенштауфеномъ, противникомъ и борцомъ противъ свѣтской власти папъ, о ней говорилъ и папа Иннокентій IV (въ 1253 г): «Такъ какъ въ Фульдѣ и многихъ другихъ мѣстахъ многихъ евреевъ убивали изъ-за подобныхъ подозрѣній, то мы запрещаемъ» и т. д. Около этого же времени и, можетъ быть, въ связи съ отголосками фульдской трагедіи король Богемскій Оттокаръ II (въ 1254 году), издалъ распоряженіе, въ которомъ, «согласно опредѣленій папы и именемъ св. отца» настрого воспретилъ обвинять впредь живущихъ въ государствѣ евреевъ въ томъ, что они употребляютъ христіанскую кровь... Если-же—говорится далѣе,—христіанинъ обвиняетъ еврея въ убійствѣ христіанскаго ребенка и еврей будетъ уличенъ, то онъ долженъ быть наказанъ,—но «*только данный еврей и только установленнымъ въ законѣ за это преступленіе наказаніемъ*».

Въ сосѣдней съ нами Польшѣ цѣлый рядъ королей боролся съ насиліями и фанатизмомъ, порождаемыми лживой легендой. Болеславъ герцогъ Калишскій, Гнѣзневскій и Великопольскій первый внесъ въ польское законодательство постановленія относительно евреевъ короля Оттокара богемскаго. За нимъ слѣдовали короли Казиміръ III, Казиміръ IV и еще одиннадцать польскихъ государей *).

---

*) Всѣ эти цитаты, за исключеніемъ одной, отмѣченной именемъ Хвольсона, мы беремъ изъ недавно появившейся въ русскомъ переводѣ книги „Кровь въ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ человѣчества". Авторъ Г. Л. Штракъ, докторъ философіи и богословія, профессоръ богословія въ Берлинскомъ университетѣ. Къ свѣдѣнію антисемитовъ онъ сообщаетъ въ предисловіи къ 4-му изданію своего ученаго труда, что всѣ предки его—чисто „христіанско-германскаго происхожденія, а мужчины были по большей части духовными лицами и учителями".

Штракъ является сильнымъ противникомъ ритуальной легенды—и цѣль своей борьбы объясняетъ тѣмъ, что „Іисусъ хочетъ не лжи, а истины, не ненависти, а любви"... „Пусть моя борьба съ ложью,—прибавляетъ нѣмецкій богословъ,—хоть въ малой мѣрѣ способствуетъ миру и чистому богопознанію на землѣ". Русскій переводъ изданъ подъ редакціей И. Д. Андреева, проф.

Мы далеко не исчерпали этихъ историческихъ актовъ, въ которыхъ такъ ясно сказалась реакція здраваго смысла и христіанской совѣсти противъ злобы и темнаго фанатизма, разсѣиваемыхъ приверженцами лживой легенды. Общее ихъ значеніе совершенно точно характеризовано словами воззванія: духовные и свѣтскіе правители Запада дѣйствительно клеймили злую выдумку и разъ навсегда запрещали придавать разслѣдованіямъ убійствъ вѣроисповѣдное значеніе...

У насъ, въ Россіи, актъ того же характера былъ изданъ въ царствованіе императора Александра I-го. 6 марта 1817 года гродненскому губернатору, а также губернаторамъ другихъ губерній, гдѣ тогда было дозволено пребываніе евреямъ,—былъ разосланъ слѣдующій циркуляръ главноуправляющаго церковными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій, кн. Александра Голицына:

«По неосновательному подозрѣнію на евреевъ, будто они употребляютъ въ опрѣснокахъ христіанскую кровь, неоднократно во время польскаго управленія были дѣланы на нихъ извѣты въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей; но производившіяся слѣдствія доносовъ сихъ не оправдывали. Бывшій король польскій Сигизмундъ Августъ, по таковымъ бездоказательнымъ извѣтамъ на евреевъ, грамотами своими 1564 г., августа 9-го и 1566 г. мая 20 дня, запретилъ обвинять евреевъ, безъ всякаго основанія, въ употребленіи христіанской крови, зная изъ священнаго писанія, что евреи въ оной не нуждаются. Въ послѣднее же время, именно въ 1763 году, марта 21 дня, папскій нунцій по дѣлу евреевъ писалъ: и въ недавнее время римскій престолъ изслѣдовалъ всѣ основанія, на которыхъ утверждается мнѣніе, что евреи имѣютъ надобность въ человѣческой крови для дѣланія своихъ опрѣсноковъ, но не нашелъ довольно ясныхъ доказательствъ, которыя достаточны были бы къ подтвержденію сего предразсудка противъ евреевъ, такъ, чтобы можно было, въ силу оныхъ, объявить ихъ виновными... и потому не призналъ правильнымъ въ подобныхъ объясненіяхъ утверждать на семъ основаніи сужденія.

«По поводу оказывающихся и нынѣ въ нѣкоторыхъ, отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ губерніяхъ извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, якобы для той же надобности, его императорское величество, пріемля во вниманіе, что таковые извѣты и прежде неоднократно опровергаемы были безпристрастными слѣдствіями и королевскими грамотами, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: объявить всѣмъ гг. управляющимъ губерніями монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской

церковнаго права въ петербургскомъ университетѣ. Изданіе этой превосходной книги является особенно кстати въ наше неистово-погромное время.

крови; но если бы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе пало на евреевъ, безъ *предубѣжденія однако жъ, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови*, то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, *наравнѣ съ людьми всѣхъ прочихъ исповѣданій*, которые уличились бы въ преступленіи дѣтоубійства».

Нельзя, конечно, сказать, чтобы изложеніе князя Голицына вполнѣ удовлетворяло требованіямъ точнаго кодификаціоннаго стиля. Бумага его напоминаетъ мозаичный слѣпокъ изъ тѣхъ историческихъ актовъ, на которые онъ ссылается, и это подало поводъ нашимъ современнымъ приверженцамъ и распространителямъ легенды утверждать, что указъ запрещаетъ только обвинять евреевъ въ ритуальныхъ убійствахъ *безъ всякихъ къ тому основаній*.

Объясненіе чрезвычайно характеристичное. Если бы это было такъ, то и это было бы очень выразительно: значитъ, судебныя обвиненія евреевъ „безъ всякихъ къ тому основаній“ и съ нарушеніемъ элементарныхъ требованій правосудія составляли такое широко распространенное и часто повторяющееся явленіе, что для борьбы съ ними приходилось издавать особыя высочайшія повелѣнія, буллы и эдикты, напоминающія, что нельзя казнить людей безъ всякихъ доказательствъ вины.

Фактически это близко къ истинѣ,—но все же достаточно внимательно прочесть циркуляръ кн. Голицына, чтобы понять его основную мысль. Прежде всего излагаемый имъ актъ верховной власти ставится въ прямую связь съ такими же грамотами папъ и польскихъ королей. На протяженіи всего текста мнѣніе объ употребленіи («яко-бы») христіанской крови признается «предубѣжденіемъ» и «предразсудкомъ». Трижды указывается, что безпристрастныя слѣдствія этихъ обвиненій никогда не подтверждали и, наконецъ, совершенно опредѣленно ставится то же требованіе, которое взято польскими королями изъ статута Оттокара II: запрещается обвинять евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Можно обвинять и наказывать только даннаго еврея и только установленнымъ въ законѣ для всѣхъ за данное преступленіе наказаніемъ (Оттокаръ II). Обвиненія евреевъ должны производиться безъ предубѣжденія, что они сдѣлали сіе для употребленія христіанской крови, наравнѣ съ людьми прочихъ исповѣданій (Александръ I).

Дальше я приведу авторитетныя квалификаціи высочайшаго повелѣнія 1817 года именно въ этомъ его значеніи. Здѣсь остановлюсь только на нѣкоторыхъ указаніяхъ, исходящихъ изъ лагеря горячихъ приверженцевъ «легенды», которыя вносятъ въ мрачную ему легкій оттѣнокъ непосредственнаго комизма.

Газета «Земщина» органъ одного изъ самыхъ темныхъ черно-

сотенныхъ толковъ, 26 іюня текущаго года разослала своимъ немногочисленнымъ читателямъ и постаралась распространить широко за ихъ предѣлами длинный списокъ ритуальныхъ убійствъ, яко-бы совершенныхъ евреями въ теченіе вѣковъ. Это собраніе всѣхъ указаній и басенъ этого рода, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, безъ малѣйшей попытки критики и сопоставленія съ другими источниками, кромѣ ученыхъ трудовъ въ родѣ книги пресловутаго и давно разоблаченнаго Лютостанскаго. Нехитрая работа является, по словамъ газеты, результатомъ изысканій молодого ученаго, не пожелавшаго, къ сожалѣнію, обнаружить свое славное имя. Газета громко и многократно взываетъ къ противникамъ, чтобы они опровергли хоть одно (!) изъ этихъ указаній, самымъ забавнымъ образомъ не замѣчая, что такія опроверженія сдѣланы гораздо ранѣе, чѣмъ эти мрачныя исторіи попали въ кругъ научныхъ изысканій ея «ученаго друга».

Одна изъ этихъ исторій, означенная въ спискѣ номеромъ 18-мъ, гласитъ буквально:

«№ 18. Годъ 1236. Мѣсто убійства: *Фульда* (!). Жертвы: 5 мальчиковъ. Мальчики убиты для полученія крови. Императоръ Фридрихъ II, сдѣлавъ дознаніе «не нашелъ никакихъ точныхъ данныхъ» объ употребленіи крови. Получивъ отъ жидовъ крупную сумму, онъ успокоилъ возникшее волненіе. Послѣ дополнительнаго слѣдствія (?) онъ, однако, по сообщенію лѣтописца, убѣдился въ вѣрности взведенныхъ на евреевъ обвиненій. Евреи казнены. Погромъ. Rupert. Павликовскій. Современный лѣтописецъ Альбертъ Страсбургскій».

Читатель узнаетъ то самое дѣло, по поводу котораго блестящій Гогенштауфенъ созывалъ и князей, и прелатовъ, и аббатовъ, и благородныхъ рыцарей, слалъ посольства ко всѣмъ государямъ, прося прислать экспертовъ, и послѣ тщательнаго обсужденія, гласно издалъ свой указъ: «Пусть знаютъ всѣ живущія теперь и будущія поколѣнія»... И вотъ достаточно противопоставить этому гласному широко-государственному акту авторитетъ г-на Павликовскаго, г-на Лютостанскаго и темнаго лѣтописца,—и вопросъ рѣшенъ. Знаменитый императоръ, придавшій такой блескъ императорской коронѣ,—просто подкупленъ жидами, и легенда вновь годна къ употребленію. Подкуплены,—точно какой-нибудь околоточный западнаго края,—и императоръ, и знатные чины, и князья, и прелаты, и папа Климентъ IV, тоже признавшій погромъ въ Фульдѣ неправеднымъ убійствомъ невинныхъ, и послѣдовавшій примѣру папы Оттокаръ II богемскій... Всѣ подкуплены, и фульдскій погромъ обращается изъ опроверженія ритуальныхъ убійствъ, какимъ онъ гласно объявленъ къ свѣдѣнію всѣхъ живущихъ теперь и будущихъ поколѣній,—въ доказательство существованія кроваваго ритуала...

Въ этомъ-же ученомъ трудѣ подъ № 144 излагается эпизодъ, имѣвшій большое значеніе для исторіи вопроса въ Россіи. «Мѣсто

дѣйствія—Гродно. Жертва: дѣвочка Маріанна Адамовичева... Слѣдствіе указало на евреевъ, но до окончанія его евреямъ удалось, выставивъ дѣло, какъ польскую противъ нихъ интригу..., исходатайствовать высочайшій указъ 28 февраля 1817 года (6 марта) «о запрещеніи обвинять евреевъ по предразсудку въ подобныхъ преступленіяхъ».

Такъ просто объяснено происхожденіе указа императора Александра I. А вотъ и случай якобы судебнаго его, истолкованія.

«№ 152. Мѣсто дѣйствія Минская губернія. «Еврей Орко купилъ у матери дѣвочку 12 лѣтъ, нанесъ ей рану въ високъ, изъ которой выпустилъ кровь (замѣчательный пріемъ для обезкровленія тѣла. В. К.). Фактъ былъ констатированъ. Еврей Орко осужденъ судомъ за убійство, но не присужденъ къ наказанію въ виду запрещенія высоч. указомъ 1817 года поднимать подобныя дѣла» (ссылка на высокій авторитетъ Лютостанскаго!)

Итакъ: несмотря на запрещеніе «поднимать» такія дѣла, — дѣло все таки было поднято. Когда же «по доказательствамъ, до самаго происшествія относящимся», убійство установлено, то виновный отпущенъ съ миромъ!

Нужно ли опровергать это наивное бормотаніе нашихъ obscurorum virorum (темныхъ людей). Впрочемъ, «Новое Время» иронически приписываетъ стремленіе къ такому именно истолкованію закона ученымъ и писателямъ лѣваго лагеря, а также депутатамъ, подписавшимъ воззваніе.

Между тѣмъ, смыслъ всѣхъ актовъ этого рода совершенно ясенъ:

Когда возникаетъ обвиненіе въ убійствѣ,—оно касается даннаго отдѣльнаго лица и его прямыхъ сообщниковъ. Оно индивидуально.

Совершенно другое—въ случаяхъ, когда убійству придается ритуальный характеръ. Здѣсь за индивидуальнымъ убійцей всегда предполагаются его моральные сообщники и подстрекатели, *для которыхъ* это дѣлается. Обвиненіе страшно расширяетъ свои предѣлы, захватывая цѣлое племя или значительную часть его, исповѣдующую данное вѣроученіе. Вотъ это второе обвиненіе, коллективное, массовое, племенное, вѣроисповѣдное и объявлялось такъ уже много разъ вреднымъ предразсудкомъ, который будитъ дурныя и темныя страсти и мѣшаетъ настоящему правосудію раскрыть истину. Нельзя, конечно, предвидѣть, какія еще формы въ будущемъ могутъ принимать индивидуальныя извращенія и проявленія злой воли среди евреевъ, какъ и среди другихъ націй. Область такихъ проявленій безконечна; безчисленное множество индивидуальныхъ преступленій дремлютъ еще въ видѣ мрачныхъ возможностей въ нѣдрахъ будущаго, и множество преступниковъ еще не родились на свѣтъ. Но есть одинъ подсудимый, который родился давно, котораго много разъ обвиняли и котораго давно реабилити-

ровала исторія. Этотъ подсудимый—еврейскій народъ, обвиняемый въ употребленіи христіанской крови. Движенія индивидуальной воли предусмотрѣть нельзя; но характеръ вѣрованій цѣлаго народа, соотвѣтствіе этимъ вѣрованіямъ того или другого вѣроисповѣднаго явленія, достовѣрность постоянно возникающей и столько разъ опровергнутой легенды,—все это вопросы широкаго значенія, поддающіеся точному изслѣдованію, не нуждающіеся все въ новой и новой постановкѣ. Исторія сотнями авторитетныхъ голосовъ уже произвела это изслѣдованіе, и еврейскій народъ ею оправданъ.

Вотъ то значеніе, которое имѣли папскія буллы и королевскіе указы. Это и только это имѣлъ въ виду и высочайшій актъ 6 марта 1817 года, повелѣвавшій судить индивидуальныя преступленія евреевъ, не привлекая каждый разъ на скамью подсудимыхъ цѣлое племя.

2.

Этотъ указъ былъ нарушенъ въ царствованіе того же государя въ знаменательномъ Велижскомъ дѣлѣ, которое исторія занесетъ на свои страницы, какъ примѣръ наиболѣе яркаго проявленія мрачнаго предразсудка въ новыя времена и наиболѣе осязательнаго его опроверженія.

Я не стану воспроизводить всѣхъ подробностей этого дѣла, отсылая читателя къ печатнымъ источникамъ *), и ограничусь наиболѣе характерными чертами.

22 апрѣля 1822 года въ первый день христіанской Пасхи, ушелъ изъ дому и не возвратился малолѣтній сынъ солдата Емельянова, Ѳедоръ Емельяновъ. 2 мая тѣло его было найдено за городомъ на кочкѣ, со слѣдами задушенія и мучительныхъ истязаній.

Этому событію предшествовало слѣдующее сверхъ-естественное явленіе: 12-лѣтняя дѣвочка Еремѣева, прослывшая въ простомъ народѣ предсказательницею, за мѣсяцъ до похищенія мальчика-Емельянова разгласила, что въ ночь на Благовѣщеніе она видѣла, во снѣ ли или въ безпамятствѣ, или въ иномъ какомъ-либо представленіи, того не знаетъ, старика въ священнической епитрахили, ведущаго за руку въ стихарѣ архистратига Михаила, который водилъ ее по разнымъ мѣстамъ. Въ семъ путешествіи увидѣла она младенца, на котораго изъ цвѣтовъ шипѣла змѣя; на вопросъ о немъ Еремѣевой старикъ сказалъ, что онъ назначенъ страдальцемъ Господнимъ въ гор. Велижѣ». Въ другой разъ, уже въ ночь

---

*) «Архивъ графовъ Мордвиновыхъ» съ предисловіемъ и примѣчаніями В. А. Бильбасова, т. VIII, стр. 407—497 и брошюра Ю. И. Гессена: «Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма». Спб. 1905 г. Я имѣлъ случай въ самое послѣднее время видѣть также подлинное дѣло въ Архивѣ Государственнаго Совѣта.

на 22 апрѣля, тотъ же старикъ опять явился къ Еремѣевой; вывелъ ее за руку къ воротамъ и, показывая рукою на Велижъ, надъ которымъ, будто отъ пожара, разливалось пламя, повторилъ предсказаніе и указалъ даже домъ, гдѣ должно произойти убійство.

Предсказаніе сбылось: мальчикъ пропалъ безъ вѣсти въ первый день Пасхи. «На другой день послѣ сего происшествія крестьянка Терентьева, женщина, неизвѣстная родителямъ похищеннаго мальчика, явилась къ нимъ въ домъ и, посредствомъ ворожбы, обнаружила мѣсто укрывательства ихъ сына, указавъ прямо на домъ еврейки Мирки, на рыночной площади. На слѣдующіе дни Еремѣева и Терентьева согласно объясняли опасное положеніе мальчика въ мѣстѣ его заключенія и упрекали родителей въ равнодушіи къ судьбѣ ихъ сына».

Впослѣдствіи Департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта посмотрѣлъ на это «чудо» очень прозаически и съ большой трезвостью.

«Таковыя явленія,—говорится въ заключеніи департамента,—(велижская слѣдственная) коммиссія, поставляя въ заглавіе своихъ общихъ доказательствъ, для вящшаго убѣжденія указуетъ на день Благовѣщенія. Но департаментъ усматриваетъ, что обстоятельства сіи ясно обнаруживаютъ *замыселъ обвиненія евреевъ, заблаговременно обдуманный*. Ибо, если бы Терентьева... имѣла чистое намѣреніе обнаружить угрожавшихъ ему (мальчику) убійцъ, то она должна была, не теряя времени въ безполезныхъ разглашеніяхъ, объявить о семъ правительству. Самая дѣвочка Еремѣева, по возрасту своему не долженствовавшая бы участвовать въ семъ замыслѣ, употреблена въ ономъ для вѣрнѣйшаго успѣха, какъ извѣстная въ народѣ предсказательница. Близкія сношенія ея съ Терентьевою, несмотря на взаимныя отрицанія, не подлежатъ сомнѣнію» *).

По мнѣнію департамента, если бы слѣдственныя власти обратили должное вниманіе на этихъ лицъ, знавшихъ заранѣе (почти) за мѣсяцъ (!) о предстоящемъ преступленіи, и производившихъ объ этомъ «разглашенія» въ народѣ, если бы онѣ постарались сразу же обнаружить и ихъ внушителей, то это могло бы повести къ раскрытію важныхъ обстоятельствъ и, вѣроятно, обнаружило бы настоящихъ преступниковъ. Но и слѣдственная комиссія и затѣмъ, особенно, генералъ-губернаторъ Хованскій приняли разглашенія Терентьевой и Еремѣевой за настоящее чудо, и этотъ элементъ чудеснаго Хованскій проводитъ черезъ все дѣло, примѣшивая его къ выступленіямъ уличенныхъ впослѣдствіи лжесвидѣтелей. Терентьева и Еремѣева много разъ мѣняли свои показанія, но и это

*) Архивъ гр. Мордвиновыхъ т. VIII, стр. 479—480.—Подлинное дѣло Архива Госуд. Совѣта, кн. 127, г. 1834, л. д. 252—3—4.

не лишало ихъ довѣрія въ глазахъ властей. Изслѣдованіе сразу же направилось въ одну сторону, поддержанное мрачнымъ предубѣжденіемъ и «сильной рукой» Хованскаго.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ усилія, установить виновность евреевъ «по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся», не удавалось, и дѣло въ первой инстанціи было прекращено.

Г. Замысловскій, одинъ изъ защитниковъ въ Государственной Думѣ запроса по дѣлу Ющинскаго, пытался использовать также и Велижское дѣло въ цѣляхъ оживленія стараго суевѣрія. По его словамъ, конечно, мѣстныя власти были подкуплены, «и настоящее разслѣдованіе началось только тогда, когда, спустя значительное время послѣ преступленія, государь императоръ проѣзжалъ черезъ Велижъ и христіанскія женщины успѣли подать ему челобитную... И вотъ тогда началось разслѣдованіе въ настоящемъ масштабѣ» *).

Фактически это отчасти вѣрно. Дѣйствительно, послѣ проѣзда государя дѣло получило направленіе въ исключительномъ порядкѣ, велось не «наравнѣ съ людьми всѣхъ прочихъ исповѣданій, которые уличались бы въ преступленіи дѣтоубійства», а съ допущеніемъ предубѣжденія,—что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови».

Г. Замысловскій, имѣющій доступъ къ подлиннымъ дѣламъ Архива Государственнаго Совѣта, не пожелалъ только ознакомить членовъ «высокаго собранія» съ двумя очень однако, интересными черточками этого эпизода. Прежде всего—въ качествѣ матери, умоляющей государя о правосудіи, выступила... все та же крестьянка Терентьева, которая, «дабы достигнуть возобновленія дѣла, судебнымъ порядкомъ уже законченнаго, по коему евреи были оправданы,—ложно приняла на себя имя матери убитаго солдатскаго сына» **). Эта «облыжная» мать и стала опять центромъ обвиненія. Это была «женщина, преданная пьянству». Съ нею шли объ руку «Максимова, тоже поведенія нетрезваго, и шляхтянка Козловская, евреямъ мало извѣстная ***). Для Государственнаго Совѣта представлялось несомнѣннымъ, что онѣ дѣйствовали не по собственному почину: «обвиненіе евреевъ въ ужасныхъ преступленіяхъ имѣло источникомъ злобу и предубѣжденіе и было ведено подъ какимъ-то сильнымъ вліяніемъ, во всѣхъ движеніяхъ дѣла обнаруживающимся» ****).

Г. Замысловскій не пожелалъ также подѣлиться съ депутатами

---

*) Стеногр. отчетъ Госуд. Думы, III созыва, Сессія V, засѣд. XVII, стр. 1436.

**) «Архивъ гр. Мордв.», т. VIII, стр. 481, Подлинное дѣло, № 127, стр. 256. (обор.)

***) Л. дѣла 256, об.

****) Архивъ, т. VIII, стр. 494; Листъ подл. дѣла 274.

своими свѣдѣніями о томъ, какіе результаты дало это «настоящее разслѣдованіе», возобновленное въ исключительномъ порядкѣ.

Между тѣмъ, они то и интересны для занимающаго насъ вопроса.

Дѣло велось 8 лѣтъ. Изъ одного обвиненія выросло семь. Сорокъ два человѣка томились въ тюрьмахъ подъ тяжестью ужаснаго извѣта, который распространился на всѣхъ евреевъ, вызвавъ волненіе среди христіанъ и тревогу въ еврейскихъ массахъ всего западнаго края. Весь слѣдственный матеріалъ переданъ затѣмъ для сужденія въ сенатъ, судившій евреевъ *заочно*, безъ выслушанія ихъ возраженій. Тутъ онъ вызвалъ недоумѣніе и колебаніе. Сенатъ уже склонялся къ осужденію, когда гр. В. Н. Панинъ, подвергшій этотъ матеріалъ тщательному анализу,—внесъ докладъ, который опять поколебалъ увѣренность значительнаго числа сенаторовъ въ виновности евреевъ... И, наконецъ, дѣло поступило для окончательнаго рѣшенія въ Государственный Совѣтъ.

Здѣсь оно попало въ руки знаменитаго адмирала Мордвинова.

«Русскій лордъ», истый дворянинъ, даже, пожалуй, крѣпостникъ по убѣжденіямъ, въ то же время приверженецъ идей Бентама, блестяще образованный, смѣлый, умный, независимый, всегда стоявшій на стражѣ закона,—онъ въ свое время вызывалъ удивленіе въ образованномъ русскомъ обществѣ. Современный поэтъ, въ одѣ, посвященной Мордвинову, говорилъ:

Но намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ...

Панинъ въ сенатѣ, Мордвиновъ въ государственномъ совѣтѣ,—это значило, что противъ темнаго суевѣрія встали два государственныхъ человѣка совершенно различнаго, даже противуположнаго типа.

Мордвиновъ явился докладчикомъ, и ему не стоило много труда—вскрыть истинную подкладку инквизиціоннаго процесса. Превосходнымъ языкомъ, точнымъ, яснымъ и сильнымъ онъ излагаетъ ходъ всего дѣла, разбирая всѣ улики съ точки зрѣнія закона и здраваго смысла.

Перечисливъ нѣкоторые историческіе акты, которые мы приводили выше, и указавъ, что «римскій престолъ, изслѣдовавшій уже всѣ основанія, на коихъ утверждается сіе мнѣніе (о ритуальныхъ убійствахъ), въ 1763 году торжественно призналъ обвиненіе евреевъ несправедливымъ слѣдствіемъ одного предубѣжденія»,—протоколъ гражданскаго департамента продолжаетъ: *въ семъ же духѣ дѣйствовало и россійское правительство въ 1817 году* (слѣдуетъ цитата изъ высочайшаго повелѣнія Александра I) Затѣмъ

приводятся нѣкоторыя возникавшія до того времени дѣла и доказывается неосновательность обвиненій. Гражданскій департаментъ единогласно принялъ слѣдующее *мнѣніе:*

1) По внимательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ многосложнаго и запутаннаго велижскаго дѣла, Гражданскій департаментъ находитъ, что показанія доказчицъ Терентьевой, Максимовой и Козловской, наполненныя противорѣчіями, вымыслами и несообразностями съ обстоятельствами дѣла и съ здравымъ смысломъ не могутъ быть приняты судебнымъ доказательствомъ... и что вообще мнѣніе объ употребленіи евреями христіанской крови есть слѣд. одного предубѣжденія, и древними, и новѣйшими фактами опровергнутаго. Въ семъ убѣжденіи Гражданскій департаментъ полагаетъ:

1) Евреевъ подсудимыхъ... какъ ничѣмъ не уличенныхъ немедленно освободить.

2) Запечатанныя еврейскія школы (синагоги) въ Велижѣ открыть, дозволивъ въ оныхъ служеніе.

3) Участь означенныхъ подсудимыхъ, претерпѣвшихъ тюремное заключеніе въ продолженіе 8 лѣтъ... подвергнуть монаршему воззрѣнію съ тѣмъ, что неблагоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству въ вознагражденіе освободить ихъ на 8 лѣтъ отъ платежа казенныхъ повинностей.

4) Крестьянку Терентьеву, солдатку Максимову и шляхтянку Козловскую, хотя и слѣдовало-бы, за недоказанный доносъ и за ложно принятое на себя участіе въ важныхъ преступленіяхъ, наказавъ первыхъ двухъ кнутомъ, а послѣднюю лишеніемъ шляхетства, сослать всѣхъ въ Сибирь, въ каторжную работу, но по уваженію, что они вовлечены въ сіи дѣйствія, какъ по всѣмъ соображеніямъ заключить должно,—постороннимъ вліяніемъ...—сослать всѣхъ въ Сибирь на поселеніе.

5) Крестьянскую дѣвку Еремѣеву, сильно подозрѣваемую въ тайныхъ сношеніяхъ съ Терентьевой и Максимовой и притомъ разглашавшую себя въ простомъ народѣ предсказательницей,—по уваженію, что она въ поступки сіи вовлечена во время малолѣтства,—сослать въ монастырь на исправленіе.

6) Крестьянокъ Меланію Желнову и солдатку Агафью Демидову, какъ ни въ чемъ неповинныхъ, освободить.

И наконецъ:

7) Дабы положить конецъ предубѣжденію объ употребленіи евреями христіанской крови... и отвратить возрожденіе дѣлъ, подобныхъ велижскому производству, — повсемѣстно подтвердить, чтобы высочайшее повелѣніе... отъ 6 марта 1817 года исполняемо было во всей силѣ.

Общее собраніе согласилось въ принципѣ съ Гражданскимъ департаментомъ, что «сіе мрачное и чуждое понятіямъ нашего вѣка предубѣжденіе»... «не доказано достовѣрными событіями, ни подтверждено когда либо судебнымъ слѣдствіемъ въ строгомъ юридиче

скомъ смыслѣ» *) и приняло всѣ заключительные пункты, предложенные департаментомъ (за исключеніемъ освобожденія потерпѣвшихъ отъ податей). Но на высочайшее утвержденіе эти пункты были внесены не въ одинъ пріемъ. 18 января 1836 г. императоръ утвердилъ резолюцію объ освобожденіи оправданныхъ евреевъ, а также Желновой и Демидовой... и о ссылкѣ въ Сибирь лжесвидѣтельницъ. Затѣмъ повелѣнно открыть еврейскія синагоги въ гор. Велижѣ.

Но съ мнѣніемъ о необходимости подтвердить высочайшее повелѣніе отъ 6 марта 1817 г. Николай Павловичъ не согласился, сославшись на отсутствіе у него «внутренняго убѣжденія, чтобы убійство евреями произведено не было" .. Не думая отнюдь, заключаетъ государь свою отмѣтку,—чтобы обычай сей могъ быть общимъ евреямъ, не отвергаю, чтобы среди ихъ не могли быть столь же ужасные суевѣры, какъ и между насъ, христіанъ».

Дѣйствіе указа отъ 6 марта 1817 года фактически прекратилось...

3.

Нужно ли возобновлять его и можно ли такимъ способомъ бороться съ вреднымъ «предубѣжденіемъ»?

Десятки папскихъ буллъ... одиннадцать королевскихъ указовъ... Уже самая необходимость этихъ повтореній показываетъ ясно, что указы этого рода дѣйствовали слабо. Одинъ король издаетъ эдиктъ, другой терпитъ его нарушеніе. А у насъ тотъ самый императоръ, который, послѣ разслѣдованія возмутительнаго дѣла, — издаетъ запретительное повелѣніе,—самъ направляетъ новое дѣло исключительнымъ порядкомъ, подъ впечатлѣніемъ комедіи съ подставной матерью и мистическаго зарева, облекающаго возникновеніе дѣла.

Съ того дня, какъ крестьянская дѣвка Еремѣева предсказала въ гор. Велижѣ предстоящее убійство несчастнаго мальчика Емельянова и какъ онъ затѣмъ былъ дѣйствительно найденъ въ окрестностяхъ города задушеннымъ и исколотымъ,—прошло почти цѣлое столѣтіе.

И вотъ въ Кіевѣ, на окраинѣ города, у какой-то пещеры находятъ опять тѣло мальчика Ющинскаго. И опять коллективный обвиняемый, еврейскій народъ, призывается къ отвѣту вмѣстѣ съ арестованнымъ по этому дѣлу Бейлисомъ.

Нападая на подписавшихъ «воззваніе», «Новое Время», всегда усердно распространявшее старую ритуальную легенду, говоритъ между прочимъ:

«Самое вѣское слово скажетъ судъ, и не надо мѣшать ему ни погромщикамъ, ни еврейскимъ и еврействующимъ публицистамъ лѣвой печати».

*) Листъ дѣла 287.

Такъ ли это?

Газета г-на Суворина хорошо знаетъ, что это не такъ. Отрицательный вердиктъ суда всегда имѣетъ значеніе только ограниченное: такіе-то велижскіе евреи невиновны... Или: Бейлисъ не виновенъ... А легенда продолжаетъ существовать, питаясь нерѣдко даже тѣми дѣлами, по которымъ послѣдовало судебное опроверженіе.

И вообще, — «ждутъ ли спокойно» судебнаго рѣшенія само «Новое Время» и его союзники? Ждалъ ли его г. Меньшиковъ, когда усердно печаталъ въ газетѣ фантастическія измышленія г-на Савенки о мнимыхъ результатахъ кіевскаго слѣдствія?

Нѣтъ, они этого не ждали. Они никогда не ждутъ приговоровъ суда и всегда торопятся поскорѣе использовать темную молву въ цѣляхъ самой низменной агитаціи,—подхватывая въ толпѣ дикіе слухи и швыряя ихъ опять въ ту же толпу, раздутыми, преувеличенными, подкрѣпленными авторитетомъ печатнаго слова... Темные слухи питаютъ газетную агитацію. Газета питаетъ темное волненіе толпы.

Такъ бывало уже много разъ. По поводу памятнаго убійства мальчика въ Дубоссарахъ, Крушевановская газета въ теченіе цѣлыхъ недѣль передъ Пасхой развертывала передъ населеніемъ ужасающія подробности истязаній несчастнаго мальчика цѣлой толпой изувѣровъ-евреевъ.

Все это тоже выдавалось за результаты слѣдствія, и все это была самая гнусная и вполнѣ сознательная ложь отъ начала и до конца. Судъ впослѣдствіи опровергъ эти выдумки.. Да! Но между появленіемъ агитаціонной лжи и судебнымъ рѣшеніемъ легла кровавая кишиневская Пасха, полная ужасовъ, крови и позора.

«Новому Времени» и это должно быть хорошо извѣстно, такъ какъ и оно, не «дожидаясь спокойно» судебнаго приговора, торопливо печатало на своихъ страницахъ телеграммы, корреспонденціи и замѣтки изъ Кишинева, полныя кровавыхъ выдумокъ.

Ждутъ ли и теперь «спокойно» судебнаго рѣшенія по дѣлу Бейлиса приверженцы и распространители легенды?

Черносотенная пресса кипитъ погромной агитаціей. Лѣтомъ, какъ писали въ газетахъ,—изъ разныхъ мѣстъ Петербургской губ. стали приходить сообщенія о появленіи какого-то таинственнаго автомобиля. Огромный, окрашенный въ коричневый цвѣтъ, онъ наводилъ страхъ на сельскихъ обывателей. 3 іюля, задрапированный какой-то матеріей, онъ промчался съ страшною силой по улицамъ Луги, и всюду съ автомобиля разбрасывались листки объ «іудейскихъ звѣрствахъ»... Въ Кіевѣ черносотенное общество «Двуглавый орелъ» распространяло листокъ, призывающій къ погромамъ. Студентъ Голубевъ, видный членъ кіевскаго союза русскаго народа,—издалъ брошюру «Отрокъ-мученикъ Андрей Ющинскій» и, наконецъ, агитаторы попытались объявить сборъ на храмъ, по-

священный памяти «отрока-мученика, евреями убіеннаго»... Если бы это удалось, то даже церковь они превратили бы въ очагъ темной ненависти и погромныхъ страстей. Въ газетахъ было сообщено удивительное извѣстіе, будто губернаторъ Гирсъ созывалъ къ себѣ представителей кіевскихъ монархическихъ организацій и любезно знакомилъ ихъ съ ходомъ предварительнаго слѣдствія, которое должно храниться въ тайнѣ по закону. Извѣстіе это было съ явнымъ удовольствіемъ сообщено «Новымъ Временемъ»... Г. губернаторъ, вѣроятно, упустилъ изъ виду, что послѣ такой любезности,—всѣ заявленія, исходящія отъ его собесѣдниковъ, пріобрѣтаютъ характеръ нѣкоторой официозности.

Наконецъ, агитація вползла на кафедру Государственной Думы. За подписью многихъ правыхъ депутатовъ внесенъ запросъ, въ которомъ доказывается существованіе «обрядоваго употребленія крови». По содержанію это заявленіе сильно напоминаетъ работу «молодого ученаго» изъ «Земщины» и листки, разбросанные таинственнымъ автомобилемъ. Достоинство сообщаемыхъ въ запросѣ историческихъ матеріаловъ и добросовѣстность составителей достаточно характеризуются слѣдующимъ небольшимъ эпизодомъ. Велижское дѣло изображается въ запросѣ признаннымъ ритуальнымъ убійствомъ, «совершеннымъ изъ религіознаго изувѣрства», чего (яко-бы) «не отвергалъ и Государственный Совѣтъ, куда это дѣло восходило для окончательнаго рѣшенія» (!!).

Такъ свободно гг. интерпеллянты обобщили приведенное нами судебное рѣшеніе высшаго въ государствѣ учрежденія... А г. Замысловскій заявляетъ, не обинуясь, что со времени проѣзда черезъ Велижъ государя Александра І-го «разслѣдованіе началось въ настоящемъ масштабѣ», т. е. раскрыло ритуальное убійство. И, наконецъ, г. Марковъ II оглашаетъ залъ россійскаго представительнаго собранія поистинѣ звѣринымъ рыканіемъ. Онъ рисуетъ передъ депутатами лубочную картину «играющихъ въ садикѣ дѣтей», къ которымъ (среди бѣлаго дня!) «подкрадывается жидовскій рѣзникъ съ длиннымъ кривымъ ножомъ и, похитивъ рѣзвящагося на солнышкѣ ребенка,—тащитъ къ себѣ въ подвалъ». Это аляповато и экстренно глупо: лѣвые депутаты хохотали... Тогда ораторъ сталъ грозить погромомъ... «И это будетъ не погромъ еврейскихъ перинъ, а всѣхъ евреевъ начисто перебьютъ!»—восклицаетъ онъ съ тѣмъ же грубымъ паѳосомъ *).

Судъ!

Да, судъ одинъ изъ лучшихъ остатковъ эпохи реформъ и, можетъ быть, дольше, чѣмъ на всѣхъ другихъ учрежденіяхъ, на немъ еще свѣтились отблески этой прогрессивной эпохи... Это были своего рода лучи заката на горныхъ вершинахъ, когда низы жизни

*) См. стеногр. отчеты Госуд. Думы: Сессія IV, засѣд. 29 апр., стр. 3114 и 3146, Сессія V, 7 ноября 1911, стр. 1436.

затягивались уже густыми сумерками реакціи. Но ко времени нашей «конституціи» и эти отблески значительно померкли. Сначала, въ самыхъ низахъ жизни, институтъ земскихъ начальниковъ поглотилъ мировую юстицію. Потомъ рядомъ «новеллъ» ослаблялась независимость судейской совѣсти и, наконецъ, туманы реакціи стали заволакивать верховно судебное учрежденіе—сенатъ.

Нельзя сомнѣваться, что и теперь еще есть много судей, помнящихъ лучшія традиціи, но все же въ правосудіи пробиты значительныя бреши. И средневѣковое суевѣріе, со всѣми пріемами инквизиціоннаго процесса, водворяется все сильнѣе.

Вотъ настоящая атмосфера для дикаго и вреднаго «предубѣжденія», которому, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, высказанному 90 лѣтъ назадъ, «при настоящемъ состояніи просвѣщенія не долженствовало бы входить въ кругъ судебнаго разсмотрѣнія».

Правые депутаты мотивируютъ свой второй запросъ незаконными арестами, которые производила въ связи съ дѣломъ Ющинскаго полиція разныхъ родовъ и ранговъ. Если-бы это не служило только предлогомъ для мрачной агитаціи,—этому можно было бы сочувствовать. Дѣйствительно, надъ тѣломъ несчастнаго загубленнаго мальчика сразу же водворилась какая-то оргія полицейскаго беззаконія. Роль слѣдователя, котораго законъ предполагаетъ независимымъ руководителемъ слѣдствія, совершенно стушевалась: одинъ сыскной приставъ составилъ себѣ одну «теорію»,—и онъ свободно хватаетъ, кого считаетъ нужнымъ. Другой держится другого мнѣнія—и не менѣе свободно арестуетъ родителей убитаго. Полковникъ Кулябко направляетъ свои проницательные взгляды на Бейлиса,—и тотчасъ же арестуютъ Бейлиса...

Недавно въ гор. Таращѣ Кіевской губерніи тоже былъ созданъ своеобразный «ритуальный процессъ». Присяжные, среди которыхъ было 11 мужиковъ, послѣ 2-хъ минутнаго совѣщанія оправдали обвинявшуюся еврейку Хану Спекторъ. Оказалось, по словамъ газетъ, что слѣдователь не видѣлъ никакихъ основаній для возбужденія мрачно шутовского обвиненія, возникшаго изъ-за сплетенъ о двухъ гусяхъ, но долженъ былъ *подчиниться прямому предписанію прокурора*... И когда постановленіе о преданіи суду состоялось, газеты извѣстнаго лагеря трубили о новомъ «доказательствѣ» еврейскаго изувѣрства. Когда же мужики-присяжные дали урокъ прокуратурѣ, тѣ же газеты не обмолвились объ оправдательномъ приговорѣ ни словомъ.

Они использовали только досудебную почву, созданную давленіемъ прокуратуры на совѣсть слѣдователя...

Да, нужны, конечно, не запрещенія «поднимать такія дѣла». Нуженъ только настоящій судъ, равный для всѣхъ, не взирающій ни на лица, ни на національности. Нужно, чтобы разслѣдованіе производилось «по доказательствамъ, къ самому дѣлу относящимся», и равно для людей всѣхъ исповѣданій...

Только тогда разсѣются эти средневѣковые туманы, и правосудіе не будетъ орудіемъ колдовскихъ шабашей и мрачныхъ средневѣковыхъ сказокъ.

Вл. Короленко.

На свѣжую могилу стараго народника

Настоящая книга уже заканчивалась печатаніемъ, когда пришло извѣстіе о смерти Н. Н. Златовратскаго. У насъ нѣтъ возможности, да и не время сейчасъ говорить подробно о литературной дѣятельности покойнаго. Мнѣ хотѣлось бы лишь возложить наскоро сплетенный вѣнокъ,—вѣнокъ нашего почтенія и благодарности,—на свѣжую могилу стараго народника.

Довольно долгіе уже годы,—чуть не четверть вѣка—Н. Н. Златовратскій почти не выступалъ въ литературѣ, а если и выступалъ, то какъ писатель, живущій прошлымъ, только съ воспоминаніями. На сколько извѣстна личная жизнь покойнаго, онъ до самой смерти продолжалъ живо интересоваться литературными и общественными вопросами, поддерживалъ дѣятельное общеніе съ московскою и провинціальною интеллигенціею, являлся своего рода центромъ для людей одного съ нимъ направленія, но свою писательскую роль онъ, видимо, считалъ оконченной. Не малое значеніе имѣли, конечно, въ данномъ случаѣ тѣлесные недуги, которыми давно уже страдалъ покойный. Но, можно думать, было въ этомъ и сознательное воздержаніе *).

Писательская дѣятельность Н. Н. Златовратскаго относится главнымъ образомъ къ 70-мъ годамъ, а внутренне она всецѣло связана съ тою эпохою. Своими «личными» дѣлами, какъ извѣстно, русская интеллигенція тогда почти не интересовалась, и литература, не въ примѣръ позднѣйшимъ годамъ, удѣляла имъ очень мало вниманія. „Въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ—писала по этому поводу Лиза, одна изъ тѣхъ, которые пошли тогда въ народъ,—мои думы, мои чувства, все было направлено на что-то другое... Что-то я жадно и пытливо изучала, къ чему-то прислушивалась; былъ какой-то всепожирающій объектъ, въ которомъ исчезло все мое личное: мое прошлое, настоящее... и даже будущее... А гдѣ была я, сама, какъ цѣльное, живое существо? Вопросъ этотъ ни-

*) Газеты, напримѣръ, сообщаютъ теперь, что послѣ смерти Н. Н. Златовратскаго остался въ рукописи большой романъ, но онъ не желалъ печатать его при жизни и даже никого съ нимъ не знакомилъ.

когда не задавался»... *). Этому «всепожирающему объекту» отдалъ всего себя и Златовратскій.

Этотъ народъ, въ которомъ такъ страстно желала тогда «раствориться» интеллигенція, представлялся, однако, чуждымъ, непонятнымъ. О старой, крѣпостной деревнѣ еще имѣлись понятія. Но что такое была «новая деревня», «деревня свободнаго труда», которая представлялась носительницей идеаловъ? «Всѣ, кому были дороги интересы народа, поспѣшили уйти въ эту новую деревню, чтобы вынести оттуда рядъ честныхъ, искреннихъ и добросовѣстныхъ наблюденій... Внести посильную долю и своего участія въ общее благое дѣло—говоритъ Златовратскій—таковъ мотивъ, руководившій мною въ изслѣдованіяхъ надъ новой деревней» **).

Послѣ того наши знанія о народной жизни значительно углубились, расширились, обогатились. Мы начинаемъ даже забывать, какую долю въ этихъ богатствахъ, которыми теперь мы обладаемъ, составляютъ «честныя, искреннія и добросовѣстныя наблюденія» старыхъ народниковъ и, главное, какую роль эти наблюденія съиграли въ изученіи народной жизни. Когда мы обращаемся къ нимъ, они нерѣдко представляются намъ слишкомъ ужъ элементарными, а знанія, даваемыя ими, и безъ того всѣмъ извѣстными. Но не такими, вѣдь, они были въ моментъ своего появленія и едва ли безъ этихъ элементовъ были бы возможны дальнѣйшія, расширенныя и углубленныя, изслѣдованія.

Позволю себѣ сослаться на свой личный опытъ, въ качествѣ земскаго статистика. Мы собирали свѣдѣнія, «порхая отъ села къ селу», какъ выражается въ одномъ мѣстѣ Златовратскій. Была ли бы эта работа плодотворна, была ли бы она даже возможна, если бы у насъ не было «живыхъ цифръ», данныхъ намъ Успенскимъ, если бы намъ не были уже извѣстны «деревенскіе будни», описанные Златовратскимъ? Благодаря только имъ, народникамъ-беллетристамъ, мы могли съ двухъ словъ схватывать факты и быстро заполнять цифрами вѣдомости. Благодаря имъ только и общественная мысль могла, какъ слѣдуетъ, воспринять эти мертвыя цифры и переработать ихъ въ жизнеспособныя идеи.

По адресу старыхъ народниковъ нерѣдко раздаются упреки, что они въ своихъ произведеніяхъ рисовали народъ не въ надлежащемъ свѣтѣ, идеализировали его, окутывали его розовой дымкой. Особенно часто этотъ упрекъ направляется по адресу Златовратскаго. Словъ нѣтъ, идеализація, хотя и не въ той мѣрѣ, въ какой ее обыкновенно приписываютъ, несомнѣнно, была свойственна покойному. Можно, ли однако, упрекать за нее, въ особенности теперь? Не пора ли уже отнестись къ ней съ совсѣмъ инымъ чувствомъ? Сошлюсь опять на Лизу, которая олицетворяетъ въ «Устояхъ» интеллигенцію.

*) «Устои», эпилогъ.
**) «Деревенскіе будни», вступленіе.

«Мнѣ—писала она—невольно припоминается теперь, когда я въ первый разъ (въ *первый* послѣ того, какъ меня захватили могучіе жернова) пріѣхала въ деревню. Какія это прелестныя, свѣтлыя воспоминанія! Вѣдь, ужъ знаешь теперь, что глупы они, наивны ребячески, а между тѣмъ, какъ глубоко западаютъ въ душу эти ребяческія впечатлѣнія! Отчего вѣетъ отъ нихъ такимъ тепломъ, такимъ нѣжнымъ, оздоровляющимъ дыханіемъ? Ахъ! если бъ теперь блеснулъ передо мной этотъ розово желтый, мягкій, ласкающій свѣтъ зари, которымъ для меня было окрашено тогда все,—всѣ эти поля, эти избы, эти «убогіе» храмы, «мирныя дѣти труда»! Все было, какъ дымкой, подернуто этимъ сплошнымъ колоритомъ, и только спустя долгое время, и то мало-по-малу, въ этомъ сплошномъ колоритѣ стало замѣчаться кое какое разнообразіе: одни лица и предметы были болѣе красивы, другіе—менѣе... А розовый свѣтъ зари все сіялъ!.. И мнѣ казалось, что и меня онъ озарилъ, и я сіяю въ немъ, какъ единое со всѣмъ окружающимъ. Говорятъ, что это—иллюзія, миражъ, вздоръ, дѣтство мысли и чувства... Да. Но отчего же дѣтство мысли и чувства такъ глубоко запечатлѣвается въ душѣ? Отчего воспоминанія о немъ «разглаживаютъ морщины на удрученномъ челѣ»?... Отчего?.. Оттого, что въ немъ живетъ правда и должна жить. . если не вся, не сама правда, то предчувствіе ея... Не такъ ли завязь хранитъ въ себѣ все роскошное, прекрасное, что послѣ распустится, какъ цвѣтокъ, и созрѣетъ, какъ плодъ?»

Мнѣ кажется, что съ такимъ же чувствомъ русская интеллигенція можетъ и должна вспоминать (да и вспоминаетъ уже) «увлеченія» стараго народничества, эти первыя впечатлѣнія отъ встрѣчи своей съ народомъ. «Говорятъ, что это—иллюзія, миражъ, вздоръ, дѣтство мысли и чувства»... Пусть такъ. Но отчего же воспоминанія о нихъ «разглаживаютъ морщины на удрученномъ челѣ»? Не потому ли, что въ нихъ жила правда, если не вся, не сама правда, то предчувствіе ея? Почему мы вспоминаемъ о нихъ съ сожалѣніемъ? Ахъ если бъ и теперь блеснулъ передъ нами этотъ розовато-желтый, мягкій, ласкающій свѣтъ зари! И не должны ли мы вспоминать объ увлеченіяхъ народничества съ глубокою благодарностью?

Да, и съ благодарностью... Идеализація народа съиграла вѣдь далеко не маленькую роль въ той тягѣ къ нему, какой была въ 70-е годы охвачена интеллигенція,—въ той тягѣ, которая не разъ потомъ ослабѣвала и усиливалась, которая отливалась въ разныя формы, видоизмѣняла свое направленіе, но которая и по сей день жива въ ней. Не было ли это стремленіе къ народу той завязью, которая таила въ себѣ все прекрасное, что дало уже множество цвѣтовъ (къ сожалѣнію, безжалостныхъ сорванныхъ) и что, несомнѣнно, дастъ свои плоды?

Въ свое время общественное значеніе розоватой дымки, кото-

рой окутывался народъ, было тѣмъ больше, что послѣдній представлялся не только чѣмъ-то чуждымъ и непонятнымъ для интеллигенціи, но и чѣмъ-то страшнымъ, грознымъ. Ту же Лизу пугали въ дѣтствѣ и она сама боялась, что «мужикъ сапогомъ раздавитъ». Эти страхи и до сихъ вѣдь поръ не совсѣмъ исчезли, по крайней мѣрѣ, и до сихъ поръ господа Гершензоны пытаются пугать интеллигенцію «яростью народной».

Народничество принесло съ собой вѣру, что у народа есть своя правда, и убѣжденіе, что интеллигенція должна сочетать свою правду съ этой правдой народной. «Двѣ правды — писалъ Н. Н, Злотовратскій—не могутъ быть: онѣ должны слиться въ одну, или иначе погибнутъ обѣ». И рядомъ съ этимъ стояла у него вѣра, которая никогда не оставляла семидесятниковъ: «любовь, мысль, самопожертвованіе (т. е. та правда, которой владѣетъ интеллигенція) не могутъ быть затоптаны, не могутъ быть смяты, раздавлены, развѣяны по вѣтру! Безъ нихъ рухнутъ самые прочные устои и самое могучее движеніе превратится въ застой» *).

Можетъ быть, народную правду мы представляемъ себѣ теперь нѣсколько иначе, чѣмъ рисовали ее старые народники, чѣмъ рисовалъ ее, въ частности, Златовратскій. Но въ томъ, что они эту правду видѣли и если не видѣли, то «предчувствовали» и по предчувствіямъ рисовали, — состоитъ, быть можетъ, главная ихъ заслуга.

Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, сказалась идеализація народа, свойственная старымъ народникамъ, въ чемъ она сказалась, напримѣръ, въ «Устояхъ» Златовратскаго. Да въ томъ, что въ нихъ былъ нарисованъ «общій подъемъ духа», «этотъ единодушный протестъ противъ шайки грабителей, засѣвшей въ волости, наконецъ этотъ эпическій характеръ схода, выборъ ходоковъ»... «Всѣ эти перипетіи массоваго, мірского движенія—писала Лиза—такъ глубоко захватывали душу, такъ волновали ее новыми, неизвѣданными ощущеніями, высокими и умилительными, даже самая эта чарующая неожиданность, что въ числѣ явившихся постоять за «міръ» оказались люди, отъ которыхъ менѣе, чѣмъ отъ другихъ, можно было этого ожидать,—все это, говорю вамъ искренно, подѣйствовало на меня сильно, даже трогательно».. Несомнѣнно, все это такъ же дѣйствовало и на тогдашнюю интеллигенцію.

Теперь, послѣ того, какъ мы воочію видѣли общій подъемъ духа въ цѣломъ народѣ, когда мы не только въ литературномъ произведеніи, но и въ дѣйствительности пережили всѣ перипетіи массоваго, мірского движенія, можемъ-ли мы упрекнуть Златовратскаго за эту идеализацію? Не была ли это—повторяю—правда, если не сама правда, то ея предчувствіе?

Больше того. Мы имѣли возможность воочію убѣдиться, что

*) «Устои», «Двѣ правды»

между народной правдой—жизненными интересами трудящихся массъ,—и нашей интеллигентской правдой—высокими идеалами общечеловѣческой мысли,—нѣтъ антагонизма, что онѣ могутъ слиться и, несомнѣнно, сольются въ одну правду. Имѣлъ возможность воочію убѣдиться въ этомъ и старый народникъ.

И мнѣ кажется, что, сходя въ могилу, онъ могъ сказать, подобно одному изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Устояхъ», видѣвшему «общій подъемъ» въ волости:

«Нынѣ отпущаеши... Я видѣлъ... и больше мнѣ ничего не нужно!.. Я умру, полный вѣры, которой у меня никто не отнимегъ!.. Когда вамъ сгрустнется въ жизни, припомните, что мы видѣли съ вами недавно—и вы оживете! И васъ, озаритъ свѣтъ жизни!.. Теперь я спокоенъ и за васъ, и за себя: кто разъ видѣлъ *это*, для того нѣтъ отчаянія, нѣтъ страха смерти!»...

А. Пѣшехоновъ.

Алфавитный указатель авторовъ и статей помѣщенныхъ въ 1911 году.

А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни.

ная трудоспособность интенданта.—3) Офиціальное и дѣйствительное въ интендантствѣ. Денатурированные сапоги.—4) Подсудимые интенданты и ихъ начальство. Закулисныя предпріятія поставщиковъ.—5) О выживаніи приспособленныхъ въ интендантствѣ. «Враги арміи». Изъ эпизодовъ русско-японской войны . . . . (168—175 II).

Августъ. 1) Официальныя сообщенія о слушательницахъ и профессорахъ медицинскаго института.—2) Иронія въ правительственныхъ сообщеніяхъ и циркулярахъ. Черты яркой политики. — 3) Лозунги «націоналистовъ» передъ выборами въ западное земство.—4) «Русскіе Комитеты» и православные пастыри. Какъ подготовляли населеніе западныхъ губерній къ земскимъ выборамъ?—5) «Земская группа». Выборы и ихъ итоги . . . . (105—143 II).

Сентябрь. 1) Казни безъ суда. На грани трагическаго кошмара.—2. Слабость власти. О причинахъ слабости. Народоборчество и его послѣдствія.—3) Конкретныя воплощенія народоборческой идеологіи.—4) Начало неурожайной кампаніи. Мѣры борьбы съ голодомъ.—5) Смерть П. А. Столыпина . (127—166 II).

Октябрь. 1) Борьба за власть. Обновленный кабинетъ. Внѣшнее безпокойство.—2) Охранныя освѣдомленія. Новыя опасности и новыя безпокойства.—3) Изъ полемики охранителей. Черты третьеіюньской психологіи.—4) Что было и что стало. . (58—84 II).

Ноябрь. 1) Предвыборныя мѣропріятія.—2) Безъ платформы и безъ паники.—3) Очередныя сужденія объ основныхъ законахъ. Роль сплоченной реакціи. Въ тенетахъ противорѣчій.—4) Назадъ къ основнымъ вопросамъ.—5) Мысли безъ хозяина и хозяинъ безъ мыслей . . . . (138—171 II).

Декабрь. 1) Общія замѣчанія о неурожайной кампаніи.—2) Двѣ точки зрѣнія на голодъ. — 3) Продовольственныя ссуды и общественная помощь.—4) Народоборческій принципъ и гуманитарныя уступки.—5) Плоды осенней сессіи. . . . . 58 — 96 II).

Н. С. Русановъ. Обозрѣніе иностранной жизни:

Февраль. Смыслъ современнаго момента: Явленія общаго прогресса и частичной реакціи.—Иллюстраціи этого положенія на примѣрѣ отдѣльныхъ странъ: Германія и Франція; Италія и Англія; Сѣверо-Американскіе Штаты; Австро-Венгрія; Испанія и Португалія; ближній и дальный Востокъ: Персія, Турція, Китай и Японія . . . . (25—52 II).

Мартъ. Министерскій кризисъ во Франціи.—Борьба съ клерикализмомъ въ Испаніи.—Шпильгагенъ . . . . (1—24 II).

Іюнь. Португальскіе выборы. — Проектъ избирательной реформы въ Италіи.—Борьба клерикализма и свободной мысли за бельгійскую школу.—Конституція Эльзасъ-Лотарингіи въ Германскомъ парламентѣ . . (56—83)

Іюль. Австрійскіе выборы.—Паденіе кабинета Мониса и замѣна его кабинетомъ Кайльо во Франціи.—Рожденіе новыхъ и пересмотръ старыхъ конституцій; Португалія и Болгарія . . . . (61—86 II).

Августъ. «Подвиги цивилизаторовъ» въ Марокко.—Какъ цивилизуютъ албанцевъ турки. . . . . (60—82 II).

Сентябрь. Персидскія дѣла.—Соціалъ-демократическій конгрессъ въ Іенѣ (41—69 II).

Октябрь. 1) Итало-турецкая война: колоніальная политика; всеобщая забастовка; двойная тактика Джолитти; теорія и практика международнаго права.—2) Китайская революція . . . . (85—115 II).

Ноябрь. 1) Франко-германскій договоръ о «черномъ континентѣ».—II) Революція въ Срединной имперіи.—III) Изъ книги цивилизаторовъ: триполійская трагедія и персидскій фарсъ . . . . (112—133 II).

Декабрь. 1) Хаосъ въ Персіи.—2) Китайская революція. . . . . . 102—117 II).

НОВЫЯ КНИГИ.

Январь. Леонидъ Андреевъ. Собраніа сочиненій. Разсказы, очерки, статьи.—Собраніе сочиненій Маріи Конопницкой. Т. I. На нормандскомъ берегу.—Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина.—П. Е. Щеголевъ. Изъ розысканій въ области біографіи и текста Пушкина.—Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ.—В. Ѳ. Фуманецъ. Александръ и Сперанскій.—Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Подъ редакціей Владиміра Бончъ-Бруевича.—Рауль Рихтеръ. Скептицизмъ въ философіи.—Ф. Ауэрбахъ. Эктропизмъ или физическая теорія жизни.—П. К. Энгельмейеръ. Творческая личность и среда въ области техническихъ изобрѣтеній.—Ю. Делевскій. Соціальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи.—Бемъ-Беверкъ. Капиталъ и прибыль.—Русскіе учителя заграницей. . . . . (160—199. II).

Февраль. Академическая библіотека рус-

скихъ писателей.—Семенъ Юшкевичъ. Комедія брака.—Анатолій Каменскій. Сочиненія.—Первые литературные шаги.—Г. Риккертъ. Науки о природѣ и науки о культурѣ.—Конрадъ. Сельское хозяйство и аграрная политика. . . . . (141—161. II).

Мартъ. А. Мессеръ. Введеніе въ теорію познанія.—Дж. Лёбъ. Динамика живого вещества.—Великая реформа 19 февраля 1861—1911 г.г.—И. И. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія.—Крѣпостное право и крестьянская жизнь въ разсказахъ, стихахъ и пр.—Рабство и воля. Сборникъ И. Розанова и В. Сидорова.—Къ волѣ Л. Н. Бродскаго.—С. Гвоздевъ. Записки фабричнаго инспектора.—Рафаловичъ Алексѣй. Желателенъ-ли подоходный налогъ. А. Д. Алферовъ. Родной языкъ въ средней школѣ. . . . . (112—133. II).

Апрѣль. Х. Н. Бяликъ. Пѣсни и поэмы.—І. М. Бикерманъ. Черта еврейской осѣдлости.—Сочиненія Н. П. Пирогова.—Мемуары графини Головиной, урожденной гр. Голицыной.—Крѣпостное право въ Россіи и реформа 19 февраля.—Освобожденіе крестьянъ.—В. Ѳ. Тотоміанцъ. Сельско хозяйственная кооперація.—Гуго Линдеманъ. Городское хозяйство и рабочій вопросъ въ германскихъ городахъ.—А. М. Рыкачевъ. Деньги и денежная власть.—Де-Ламетри. Человѣкъ—машина.—Новыя идеи въ физикѣ. (77—101 II).

Май. Земля.—В. Лазурскій. Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ.—У Л. Н. Толстого въ послѣдній годъ его жизни. Дневникъ Булгакова.—С. Ашевскій. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ современниковъ.—И. И. Лапшинъ. Вселенское чувство.—Анри Бергсонъ. Время и свобода воли.—Проф. В. Бузескулъ. Историческіе этюды.—Исторія нашего времени. Подъ ред. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева.—А. К. Дживелеговъ. Исторія современной Германіи.—Проф. И. Х. Озеровъ. Оборотная сторона нашего бюджета.—Л. Н. Литошенко. Снабженіе Москвы и другихъ большихъ городовъ молокомъ. . . . . (163—186. II).

Іюнь. Литературно-художественные альманахи издательства Шиповникъ.—Л. Ѳ. Достоевская. Больныя дѣвушки.—Борисъ Садовскій. Узоръ чугунный.—Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго.—В. Герье. Французская революція.—Великая реформа 19 февраля 1861—1911 г.г.—Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы.—Сергѣй Булгаковъ. Два града.—М. Л. Усовъ. Евреи въ арміи.—Хавкина. Л. Б. Библіотека, ихъ организація и техника. . . . . (144—166 II).

Августъ. Семенъ Юшкевичъ. Улица.—Янушъ Корчакъ. Мошки.—Карлъ Пирсонъ. Грамматика науки.—У. Джемсъ. Вселенная съ плюралистической точки зрѣнія.—П. Наторпъ. Соціальная педагогика.—Д-ръ Х. Столь. Что необходимо знать каждому мальчику.—Г. Г. Швиттау. Промышленные конфликты. . . . . (82—104. II).

Сентябрь. К. Леонтьевъ. О романахъ Л. Н. Толстого.—Германъ Бангъ. Собраніе сочиненій.—Проф. Л. М. Лопатинъ. Положительныя задачи философіи.—Сэръ Оливеръ Лоджъ. Міровой эфиръ.—К. Воблый. Третья профессіонально-промысловая перепись въ Германіи.—Землеустройство 1907—1910 г. . . . . (171—191. II).

Октябрь. Сѣверные цвѣты.—А. М. Ѳедоровъ. Мой путь.—А. М. Ѳедоровъ. Сонеты.—Сочиненія Александра Ремизова.—Жоржъ Роденбахъ.—Л. Н. Толстой. Живой трупъ. Г. Лансонъ. Методъ въ исторіи литературы.—А. М. Ѳемелиди. В. Гюго.—А. М. Ѳемелиди. Г. Сенкевичъ. . . . . . . (150—166 II).

Ноябрь. Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого.—Извѣстія общества Толстовскаго музея.—Сборникъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ.—П. Бирюковъ. Л. Н. Толстой. Біографія.—Въ память Л. Н. Толстого.—Вл. Майстрахъ. Разсказы.—В. Винниченко. Разсказы—Жоржъ Рони. Въ сѣтяхъ жизни.—S. Freund. Теорія полового влеченія.—А. Г. Табрумъ. Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ.—Ип. Гливицъ. Желѣзная промышленность Россіи. (189—212. II).

Декабрь. Посмертныя художественныя произведенія Л. Н. Толстого.—А. Кипенъ. Разсказы.—Басни И. А. Крылова.—Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей.—Н. А. Рубакинъ. Среди книгъ.—І. И. Иллюстровъ. Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ.—В. Ѳ. Боцяновскій. Богоискатели.—Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ.—К. Валишевскій. Первые Романовы—К. Валишевскій. Петръ Великій.—В. И. Веретенниковъ. Изъ исторіи Тайной Канцеляріи 1731—1762 г.—И. П. Козловскій. Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго.—Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ.—Е. Эфруси. Исторія Россіи. Учебникъ и книга для чтенія.—В. Е. Макаровъ. Очеркъ исторіи старообрядчества отъ Никона до нашихъ дней.—І. М. Гольдштейнъ. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. (134—164).

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Съ благотворительной цѣлью: отъ Л. Бѣлянкиной—50 р.; отъ С. Евгеньева—1 р.; отъ неизвѣстной—1 р.; отъ М. Г. Кричинской—2 р. 92 к.; черезъ М. П.—35 р.; отъ А. Черемшанской—2 р.; отъ М. С.—200 р.

Итого. . . . 291 р. 92 к.

Въ пользу голодающихъ крестьянъ: отъ М. Лапушкиной—1 р.; отъ Г. Дивильковскаго—75 к.; отъ Л. М.—1 р. 50 к.; отъ И. Ветухова—3 р.; черезъ И. Кудрина—8 р.; отъ служащихъ и рабочихъ фабрики И. П. Абрамова и отъ мѣстнаго учительскаго персонала—30 р. 05 к.; отъ неизлѣч. больного—200 р.; отъ Е. М. С.—5 р.; отъ А. Петровскаго—10 р.; отъ Я. П. Рахвалова—25 р.; отъ Жени и Лели Сосновскихъ—4 р.; отъ М. С.—10 р.; отъ Н. Л.—5 р. 50 к.; собранные учащимися средне-учебныхъ заведеній г. Царицына—90 р.; отъ О. Федоровой—50 к.; отъ группы слушательницъ 4-го курса Харьковскаго Женскаго Медицинскаго Института—31 р; отъ группы политическихъ ссыльныхъ г. Онеги— 24 р. 50 к.; отъ В. Трапезниковой—5 р.; отъ служащихъ Русско-Азіатскаго Банка—55 р. 50 к; отъ Лазаревской—25 р.; процентное отчисленіе сотрудниковъ и служащихъ въ конторѣ „Русскаго Богатства"—61 р. 25 к.; отъ А. Черемшанской—3 р.; отъ учащихъ и служащихъ при земской школѣ—18 р.

Итого. . . . 617 р. 55 к.

Въ пользу дѣтской столовой: отъ дѣтей—5 р.

Для семьи д-ра В. Я. Кокосова: отъ К. Грачева—5 р.

Въ личное распоряженіе В. Г. Короленко: отъ Ѳ. Б. Т.—50 р.

Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко.***

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и Ко". Седьмое, совершенно переработанное и значительно расширенное изданіе. Подъ редакціей професcоровъ

Ю. Ѳ. ГАМБАРОВА, В. Я. ЖЕЛѢЗНОВА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, С. А. МУРОМЦЕВА (†) и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Изъ содержанія первыхъ десяти томовъ.

Абсолютизмъ. А. К. Дживелегова.—Авенаріусъ. Прив-доц. Д. В. Викторова.—Австрія и Австро-Венгрія (137 стб.). С. М. Блеклова, А. И. Смирнова, доц. А. Р. Свирщевскаго, Л. С. Зака и А. К. Дживелегова.—Адвокатура (21 стб.). Проф. М. П. Чубинскаго.—Азокраски. Прив.-доц. Г. Н. Гулинова.—Акклиматизація. Проф. Г. А. Кожевникова.

Акціонерное Общество (36 стб.). Прив.-доц. А. Э. Вормса и Л. Б. Кафенгауза.—Алгебра (15 стб.). Прив.-доц. В. Ф. Кагана.—Ализаринъ. Проф. А. П. Лидова. — Алкалоиды. Проф. И. А. Каблукова.—Алмазъ. Проф. Я. В. Самойлова.—Альбуминъ. Проф. А. П. Лидова.—Амебы. Проф. Г. А. Кожевникова.—Америка (40 стб.). Прив.-доц. А. А. Крубера и проф. Д. Н. Анучина.—Аналитическая химія. Проф. И. А. Каблукова.—Анархизмъ (27 стб.). Доц. М. В. Бернацкаго.—Анатомія (92 стб.). Проф. В. В. Завьялова.

Анафилаксія. Прив.-доц. Л. А. Тарасевича.—Англійская литература (37 стб.). Прив.-доц. В. М. Фриче.—Англо-саксонская литература. Прив.-доц. Ю. Ю Форсмана.—Анилинъ. Прив.-доц. Г. Н. Гулинова.—Антропологія (22 стб.). Л. Крживицкаго.—Арабская литература (15 стб.). Проф. А. Е. Крымскаго.—Аргентинская республика (15 стб.). Проф. А. Н. Краснова.—Аргонъ. Проф. И. А. Каблукова.—Армія (33 стб.). В. П. Обнинскаго.—Артель (14 стб.). Прив.-доц. В. А. Краснокутскаго и С. А. Шумакова.

Ассимиляція азота (11 стб.). Проф. Е. Ф. Вотчала.—Ассиро-Вавилонія (39 стб.). Проф. А. Е. Крымскаго.—Атмосфера (12 стб.). Проф. Э. Г. Лейста.—Атомъ (11 стб.). Прив.-доц. А. І. Бачинскаго.—Ацетиленъ. Проф. А. П. Лидова.—Бабефъ. С. Н. Прокоповича.—Бабочки. Проф. Г. А. Кожевникова.—Бактеріи (26 стб.). Прив.-доц. Л. А. Тарасевича.—Бакунинъ. М. Н. Покровскаго.—Баптисты (10 стб.). В. Д. Бончъ-Бруевича.

Безработица (13 стб.). Прив.-доц. А. А. Борового.—Беккарія. Проф. М. П. Чубинскаго.—Бельгія (76 стб.). С. М. Блеклова, проф. Э. Вандервельде и А. К. Дживелегова.—Бензинъ. Проф. А. П. Лидова.—Бентамъ. Проф. М. А. Рейснера и проф. Чубинскаго.—Береговая фауна. Проф. Г. А. Кожевникова.—Беркли. Прив.-доц. Д. В. Викторова.—Берне. П. С. Когана.—Бетховенъ. Ю. Д. Энгеля.

Биржа (14 стб.). Доц. В. Р. Идельсона и доц. М. В. Бернацкаго.—Биржи труда Прив.-доц. А. А. Борового.—Бисмаркъ (10 стб.). А. К. Дживелегова.—Біологія (69 стб.). Проф. К. А. Тимирязева.

Бланъ Луи. С. Н. Прокоповича.—Болгарія (42 стб.). С. М. Блеклова, проф. П. А. Лаврова и А. К. Дживелегова.—Болгарская литература (22 стб.). Проф. П. А. Лаврова.—Болтъ. Проф. А. П. Гавриленко.—Бразилія (18 стб.). Проф. А. Н. Краснова. — Бракъ (22 стб.). Проф. Ю. С. Гамбарова.—Брахманизмъ. Прив.-доц. П. К. Риттера.—Броженіе (10 стб.). Прив.-доц. Л. А. Тарасевича.—Брюхоногіе. Проф. Г. А. Кожевникова.—Буддизмъ (14 стб.). Прив.-доц. П. Г. Риттера.—Бумага. Проф. Я. Я. Никитинскаго.—Бумажныя деньги (24 стб.). Доц. М. В. Бернацкаго.—Бурбанкъ. Проф. К. А. Тимирязева.—Буссенго. Проф. К. А. Тимирязева.—Бюджетъ (11 стб.). Доц. А. Р. Свирщевскаго.—Бѣлинскій. Прив.-доц. П. Н. Сакулина.—Бѣлки (12 стб.). Проф. В. В. Завьялова. — Бѣлоруссы (10 стб.). Проф. А. Л. Погодина.—Бючли. Проф. М. А. Мензбира.

Вагонъ (13 стб.). Проф. Е. Г. Кестнера.—Валюта (18 стб.). Доц. М. В. Бернацкаго.—Баррантъ. Прив.-доц. А. Е. Вормса.—Вебера-Фехнера законъ. Прив.-доц. Д. В. Викторова.—Ведаизмъ. Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.—Вейсманъ. Проф. М. А. Мензбира.—Вексель (24 стб.). Прив.-доц. А. Э. Вормса.—Векторіальный анализъ. Прив.-доц. В. Ф. Кагана.—Великобританія—геогр. (50 стб.). Н. С. Русанова.—Великобританія—истор. (738 стб.). Проф. М. М. Ковалевскаго.—Великобританія—конституція (55 стб.). Проф. А. Н. Савина.—Великобританія—англійское право (18 стб.). Проф. П. И. Люблинскаго.—Величина. Прив.-доц. В. Ф. Кагана. — Венгрія — географія (12 стб.). Д-ра геогр. Л. С. Берга.—Венгрія—исторія (27 стб.). Н. П. Борецкаго-Бергфельда.—Венгрія—національный вопросъ (18 стб.). И. О. Левина.—Венгрія—парламентъ и партіи. И. О. Левина.—Венгрія—венг. литература. Проф. Ф. Синнiей (Будапештъ).—Венгрія—венг. языкъ. Проф. Г. Вихмана (Гельсингфорсъ).—Венеція—исторія. А. К. Дживелегова—Вересаевъ. И. Н. Игнатова—Верхарнъ. Прив.-доц. В. М. Фриче.—Верхдоная Распор. Комиссія. В. А. Мякотина.—Вето. Проф. М. А. Рейснера.

Вещное право (10 стб.). Проф. Ю. С. Гамбарова.—Взяточничество (10 стб.). Прив.-доц. Н. П. Полянскаго.—Видъ (16 стб.). Проф. Н. В. Цингера.—Винокуреніе и винокур. производство. Я. Я. Никитинскаго.—Винтъ. Проф. А. И. Астрова.—Витализмъ. Проф. К. А. Тимирязева.—Витте, Н. Н. Милюкова.—Вкусъ. Проф. В. В. Завьялова.—Владѣніе. Проф. Ю. С. Гамбарова.—Влажность воздуха. Проф. Э. Г. Лейста.—Вниманіе. Проф. Н. Н. Ланге.—Вода. Проф. А. П. Лидова.—Водка. Проф. Я. Я. Никитинскаго. Водоснабженіе. Проф. К. М. Игнатова.—Водоросли. Проф. Н. В. Цингера.—Военно-уголовные законы. Проф. В. Д. Плетнева.—Воздухоплаваніе. Проф. Д. И. Виноградова.

Въ первыхъ 10 томахъ помѣщено 222 художеств. прил въ цѣлую страницу, въ т. ч. разборныя модели по анатоміи и техникѣ 28 репродукцій въ краскахъ и 38 англійскихъ геліогравюръ—Rembrandt Intagno,

Словарь составитъ около 40 томовъ компактной и четкой печати и будетъ законченъ приблизительно черезъ три съ половиной года.

До 1 февраля 1912 г. цѣна тома по предварительной подпискѣ—2 р. 50 к., въ изящн. полукож. переплетѣ по рисунку акад. живописи Л. О. Пастернака—3 р., за пересылку—по дѣйствительной стоимости. Съ 1 февраля 1912 г. цѣна будетъ значительно повышена.

Подробные проспекты высылаются по требованію безплатно. По желанію, тома словаря доставляются для ознакомленія.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и Ко". Москва, Тверской бульваръ, 15. С.-Петербургъ, Моховая, 37. Одесса, Софійская, 28. Саратовъ, Московская, 34/44.

СТОЛОВАЯ
ВОДА
СТОЛОВАЯ ВОДА
КАЛИНКИНЪ
МОСКВА
Идеальный
МИНЕРАЛЬНЫЙ
ОСВѢЖАЮЩІЙ
ПРЕКРАСНАГО ВКУСА
НАПИТОКЪ
„КАЛИНКИНЪ"

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 322 280 239

